

БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

БОМ БИБЛИОТЕКА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

УИЛЬЯМ П. БЛЭТТИ

Изнающий
дьявола

ДЭВИД ЗЕЛЬЦЕР

Знамение

ЖОЗЕФ ХОВАРД

Дэвмен

0

УИЛЬЯМ П. БЛЭТТИ
Изнаняющий
дьябола
ДЭВИД ЗЕЛЬЦЕР
Знамение
ЖОЗЕФ ХОВАРД
Дэмьен

Москва
Компания «Ключ-С»
1991

84. 7 США

Б 71

Переводы с английского

Составление

Т. Чичиной

Иллюстрации

О. Мочаловой

Б $\frac{4703040100 - \text{без объявл.}}{080(02) - 91}$ без объявл.

© Составление.
Т. Чичина. 1991.
© Иллюстрации.
О. Мочалова. 1991.

УИЛЪЯМ П. БЛЭТТИ

Изгоняющий
дьявола

Когда же вышел он (Иисус) на берег, встретил Его один человек... одержимый бесами с давнего времени... Он (нечистый дух) долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, но он разрывал узы... Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: «легион».

Евангелие от Луки

Джеймс Торелло: Джексона повесили на мясной крюк. Под такой тяжестью тот даже разогнулся немного. И на этом крюке он провисел трое суток, пока не издох.

Фрэнк Бучери (*посмеиваясь*): Джекки, ты бы видел этого парня. Этакая туша, а когда Джимми подсоединил к нему электрический провод...

Торелло (*возбужденно*): Он так дергался на этом крюке, Джекки! Мы побрызгали его водичкой, чтобы он лучше почувствовал электрические разряды, и он так заорал...

Отрывок из подслушанного
телефонного разговора членов Коза Ностры
об убийстве Уильяма Джексона
(запись ФБР)

...Некоторые вещи вообще нельзя объяснить. Например, одному священнику вбили в череп восемь гвоздей... Еще вспоминаю семерых маленьких мальчиков и их учителя. Когда к ним подошли солдаты, они читали молитву «Отче наш». Один из солдат штыком отрубил язык учителю. Другой достал шампуры и вогнал их в уши мальчикам. Как вы это назовете?

Д-р Том Дулей
Дахау, Аусшвиц, Бухенвальд

ПРОЛОГ

Северный Ирак

Палящее солнце крупными каплями выжимало пот из упрямого старика, которого мучило дурное предчувствие. Оно было похоже на холодные мокрые листья, прилипающие к спине.

Раскопки закончены. Курган полностью и тщательно исследован, все находки изучены, внесены в список и отправлены по назначению. Бусы и кулоны, резные драгоценные камни, фигурки, изображающие фаллос, каменные ступки с едва заметными остатками охры, глиняные горшки. Ничего выда-

ющегося. Ассирийская шкатулка слоновой кости. И человек. Точнее, кости человека. Бренные останки великого мученика, которые когда-то заставляли старика задумываться о сущности материи, Бога и дьявола. Теперь он узнал все. Он почувствовал запах тамариска и перевел взгляд на холмы, поросшие тростником, и на каменистую дорогу, которая, извиваясь, вела в места, повергающие всех смертных в благоговеющий страх. Поехав на север, можно было попасть в Мосул, на восток — в Эрбил. На юге лежали Багдад, Керкук и великий Небухаднезар.

Старик сидел за столом в придорожной чайхане и, медленно потягивая чай, смотрел на свои истоптанные ботинки и брюки цвета хаки. Мысли одна за другой приходили ему в голову, но он не мог соединить их в единое целое.

Рядом кто-то засопел. Хозяин чайханы, морщинистый, сухощавый старик, подошел к нему, шаркая пыльными ботинками со смятыми задниками.

— Kaman chay, chawaga?*

Человек в хаки отрицательно покачал головой, продолжая смотреть вниз, на грязные ботинки, пропыленные суетой жизни. «Частички Вселенной, — медленно размышлял он, — материя, и тем не менее в основе этого — дух». Для него дух и ботинки были только двумя сторонами вечной и бесконечной материи.

Курд все еще ждал. Человек в хаки посмотрел на его лицо. Глаза у чайханщика были тусклые, словно на них натянута мутную пленку. Глаукома.

Старик вынул бумажник и стал медленно перебирать содержимое. Вот несколько динаров, потрепанные водительские права, выданные в Ираке, поблекший календарь из пластика двенадцатилетней давности. На обратной стороне виднелась надпись: «Все, что мы отдаем неимущим, возвратится к нам после нашей смерти». Такие календари изготавливались иезуитской миссией. Он заплатил за чай, оставив 50 филсов на расколоте столе, направился к своему джипу, сунул ключ в замок зажигания. Нежное позвякивание ключей в этой тишине показалось ему оглушительным.

На мгновение старик замер, прислушиваясь к окружающей тишине. Впереди, на вершине далекого холма, возвышались крыши домов. Весь Эрбил, казалось, висел в воздухе,

* Еще чаю? (араб.).

сливаясь с черными тучами. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Что ждало его?

— Allah ma'ak, chawaga*.

Какие гнилые зубы. Курд, улыбаясь, махал ему на прощание рукой. Человек в хаки собрал все то доброе, что у него было внутри, и улыбнулся. Но, как только он отвернулся, улыбка исчезла. Он включил мотор, резко повернул руль и направился в Мосул. Курд, в то время как джип набирал скорость, наблюдал за ним с непонятным чувством потери. Что уходило от него? Что он чувствовал, пока этот незнакомец был рядом? Курду показалось, что рядом с посетителем он был в полной безопасности. Теперь это чувство таяло вместе с исчезающим из вида джипом. Ему стало неуютно и одиноко.

Доскональная перепись находок была закончена в шесть часов десять минут. Хранителем древних экспонатов в Мосуле был пожилой араб с отвислыми щеками. Записывая в большую книгу последнюю находку, он вдруг остановился на секунду и, обмакнув перо в чернильницу, посмотрел на своего визави. Человек в хаки о чем-то сосредоточенно думал. Он стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел вниз, будто прислушиваясь к шепоту прошлого. Хранитель музея с любопытством наблюдал за ним некоторое время, а затем вновь вернулся к книге и мелким аккуратным почерком дописал последнее слово. Затем, с облегчением вздохнув, положил ручку и посмотрел на часы. Поезд в Багдад отправлялся в восемь часов. Он промокнул страницу и предложил выпить чаю.

Человек в хаки отрицательно покачал головой, пристально разглядывая что-то на столе. Араб наблюдал за ним с чуть заметным чувством беспокойства. Какая-то тревога витала в воздухе. Он встал, подошел поближе и почувствовал легкое покалывание в затылке. Его друг наконец шевельнулся и взял со стола амулет. Он задумчиво повертел его в руке. Это была зеленая каменная головка демона Пазузу, олицетворяющего юго-западный ветер. Демон повелевал хворами и недугами. В голове виднелось отверстие. Его владелец когда-то использовал амулет как защиту от болезней.

* Аллах с вами, парень (араб.).

— Зло против зла,— сказал хранитель музея, лениво обмахиваясь французским научным журналом, на обложке которого расплылось жирное пятно.

Старик не двигался и не отвечал.

— Что-нибудь случилось, святой отец?

Человек в хаки, казалось, не слышал его, весь поглощенный мыслями об амулете. Это была самая последняя находка. Потом он положил фигурку назад и вопросительно посмотрел на араба.

Хранитель музея взял старика за руки и крепко сжал их.

— Святой отец, я чувствую, что вам не надо уходить.

Его друг спокойно ответил, что уже пора, уже поздно и надо идти.

— Нет-нет-нет, я имел в виду, чтобы вы не уезжали домой.

Человек в хаки устался на крошечное зернышко, которое прилипло к губе старого араба. «Домой»,— повторил он. В звучании этого слова ему слышался какой-то безысходный конец.

— В Америку,— добавил хранитель музея и сам удивился, зачем он это сказал.

Человек в хаки посмотрел на араба. Им всегда было легко вдвоем.

— Прощай,— прошептал он. Потом быстро повернулся и шагнул в сумерки навстречу длинной дороге к дому.

— Увидимся через год! — крикнул ему вслед араб. Но человек в хаки не оглянулся. Араб наблюдал, как старик уходил все дальше и дальше. Скоро он вышел на окраину города, перешел через Тигр. По дороге к развалинам он замедлил шаг, потому что с каждым шагом зародившееся дурное предчувствие угнетало его все сильнее и сильнее. Ему нужно было быть готовым, и он знал это.

Маленький деревянный мостик через мутный ручей Хоср заскрипел под его тяжестью. Через минуту старик стоял на том холме, где когда-то сверкала под солнцем Ниневия, открывая все свои пятнадцать ворот ассирийским племенам. Теперь город простирался внизу, покрытый кровавой пылью судьбы. Он стоял и ощущал тревогу, чувствовал, что кто-то разрушает его мечты.

Сторож курд вышел из-за угла, снял с плеча винтовку

и побежал к нему. Затем, узнав его, резко остановился, улыбнулся и пошел дальше.

Человек в хаки осмотрел развалины. Храм Набу. Храм Иштар. Он медленно шел вперед. Во дворце Ашшурбанипада он остановился и посмотрел на массивную статую из извести: острые крылья, когтистые лапы, выпуклый, похожий на обрубок пенис. Рот застыл в дикой усмешке. Демон Пазузу.

И вдруг он поник.

Он все понял.

Неминуемое приближалось.

Он смотрел на пропыленные камни. Сумерки сгущались. Он слышал лай бездомных псов, рыскающих стаями по окраинам города. Солнечный диск медленно опускался к краю земли. Старик опустил закатанные рукава рубашки, застегнул пуговицы. Подул с юго-запада прохладный ветерок.

Человек в хаки заспешил в Мосул. Сердце его сжималось в предчувствии скорой встречи со старым врагом...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало

Глава первая

Дом сдавался внаем. Очень ухоженный дом. Аккуратный. В колониальном стиле. Обвитый плющом. Находился он в Вашингтоне, в районе Джорджтауна. Через дорогу располагалась территория университета. Сзади — крутой спуск на шумную М-стрит, а внизу — мутный Потомак.

Ранним утром первого апреля в доме было тихо. Крис Макнейл лежала в кровати и просматривала текст сценария для завтрашней съемки. Регана, ее дочь, спала внизу. В комнате у кладовой спали немолодые экономка и мажордом, Уилли и Карл. Примерно в половине первого Крис оторвалась от текста. Она услышала какое-то постукивание. Очень странные звуки. То приглушенные, то громкие и четкие. Очень ритмичные. Похожие на какую-то недобрую морзянку.

З а б а в н о.

Минуту она прислушивалась, затем отвлеклась, но постукивание не прекращалось, и она не могла сосредоточиться. Крис в сердцах швырнула сценарий на кровать.

Боже, я сойду с ума!

Она встала с твердым намерением разобраться, в чем дело.

Крис вышла в коридор и огляделась. Ей показалось, что звуки идут из комнаты Реганы.

Что это она там делает?

Она спустилась в холл, постукивание стало слышно громче. Когда же она распахнула дверь и вошла в комнату, звуки резко затихли.

Что за чертовщина?

Ее симпатичная одиннадцатилетняя дочка спала, прижавшись к большому плюшевому круглоглазому медведю.

Крис подошла к кровати, нагнулась и шепнула:

— Рэгс, ты не спишь?

Дыхание ровное. И глубокое.

Крис оглядела комнату. Бледные лучи света из зала легли на картины, нарисованные Реганой, на ее игрушки.

Ну, ладно, Рэгс. Твоя глупая мамочка попалась. На удочку. Скажи теперь: «Первый апрель, никому не верь!»

И все же Крис знала, что на нее это не похоже. Ее дочка была скромной и очень робкой девочкой. Тогда где же шутник? Какой-нибудь дурак спросонок решил проверить отопительные трубы или канализацию? Однажды в горах Бутана она несколько часов подряд смотрела на буддийского монаха, который сидел на корточках и занимался созерцанием. В конце концов ей показалось, что он воспарил. Скорее всего показалось. Рассказывая об этом случае, она всегда добавляла «скорее всего». Возможно, и теперь ее воображение (довольно богатое само по себе) и выдумало этот стук.

Ерунда — я же слышала!

Неожиданно она посмотрела на потолок. Ага! Слабое царапанье!

Крысы на чердаке! Господи! Крысы!

Она вздохнула. Ну вот. Огромные толстые хвосты. Шлеп, шлеп. Как ни странно, ей полегчало. И тут она впервые обратила внимание на холод. Комната была совершенно выстужена.

Мать подошла к окну. Проверила его. Закрыто. Потрогала батареи. Горячие.

В чем дело?

Крис посмотрела на дочь, на ее курносый нос и веснушчатое лицо, потом быстро наклонилась и поцеловала теплую щеку. «Я так люблю тебя», — прошептала она. Затем Крис вернулась в свою спальню и вновь принялась за чтение сценария.

Ей хотелось спать. Она перевернула страницу. Бумага была измята, края оборваны. Это работа режиссера-англичанина. Когда он нервничает, то дрожащими руками отрывает полосу бумаги от первой попавшейся страницы и жует ее, пока во рту у него не вырастет большой бумажный ком.

Милый Бэрк!

Крис зевнула и вновь взглянула на сценарий. Многие страницы были объедены. Она вспомнила про крыс. У этих маленьких сволочей, безусловно, есть чувство ритма. Она решила утром отправить Карла за крысоловками.

Пальцы Крис разжались. Сценарий выпал из рук.

Крис уснула. Ей снилась ее смерть. Она задыхалась и растворялась, терялась в пустоте и все время думала: меня не будет, я умру, меня не будет никогда, о, папа не допустит этого, я не хочу превратиться в ничто, навсегда — и опять таяла, растворялась, и этот звон, звон, звон...

Телефон!

С тяжело бьющимся сердцем Крис вскочила и сняла трубку.

Звонил помощник режиссера.

— В примерной в шесть часов, дорогая.

— Ладно.

— Как дела?

— Если сейчас пойду под душ и приду в себя, значит, все в порядке.

Он засмеялся.

— Увидимся.

— Хорошо.

Она повесила трубку. Немного посидела, раздумывая над своим сном. Сон? Это скорее напоминало раздумья в полусне. Такая удивительная ясность! Конец существования. Невозвратимость. Она раньше не могла себе представить. О Боже, этого не может быть!

Но это, к сожалению, правда.

Крис надела халат и быстро спустилась вниз, к реальному и шкворчащему жареному бекону.

— Доброе утро, миссис Макнейл!

Седая Уилли склонилась над столом. Она выжимала сок из апельсинов. Под глазами синие мешки. Чуть заметный акцент. Она, как и Карл, была родом из Швейцарии. Экономка вытерла руки салфеткой и направилась к плите.

— Я сама достану, Уилли, — Крис, всегда наблюдательная, заметила ее усталый взгляд. Уилли вернулась к столу, ворча что-то себе под нос. Крис налила кофе и принялась за завтрак. Посмотрев на свою тарелку, она тепло улыбнулась. Алая роза. Регана. Мой ангел. Каждое утро, когда Крис снималась, Регана тихонько вставала с кровати, шла на кухню и клала ей цветок на тарелку, а потом, сонная, опять шла спать. Крис покачала головой, вспомнив, что она когда-то хотела назвать ее Гонерильей. Да. Все верно. Надо быть готовой к худшему. Ее большие зеленые глаза стали вдруг похожи на глаза бездомного или осиротевшего человека. Она вспомнила о другом цветке. О сыне. Джэми.

Он умер давно, когда ему было всего три года. Крис в то время была молоденькой неизвестной девочкой из хора на Бродвее. Она поклялась, что никогда не будет любить так сильно, как Джэми и его отца, Говарда Макнейла. Уилли подала сок, и тут Крис вспомнила о крысах.

— Где Карл? — спросила она экономку.

— Я здесь, мадам.

Мажордом выглянул из-за двери кладовой. Властный. Почтительный. Энергичный. Вежливый. Живые, блестящие глаза. Орлиный нос. Абсолютно лысый.

— Послушай, Карл. На чердаке завелись крысы. Неплохо бы купить капканы.

— Крысы?

— Я же сказала.

— На чердаке чисто.

— Ну, значит, у нас чисто плотные крысы.

— Никаких крыс.

— Карл, я их слышала ночью. — Крис едва сдерживалась.

— Может, канализация, — попробовал возразить Карл, — или отопительные трубы?

— Крысы! Ты купишь в конце концов эти проклятые ловушки? И перестань спорить!

— Да, мадам. Я пойду прямо сейчас!

— Не сейчас, Карл! Все магазины закрыты!

— Они и правда закрыты, — проворчала Уилли.

— Посмотрим.

Он ушел.

Крис и Уилли обменялись взглядами, потом Уилли покачала головой и вернулась к бекону. Крис вспомнила про свой кофе. Станный. Станный человек. Так же, как и Уилли, трудолюбивый, очень преданный. И все же было в нем что-то такое, от чего Крис становилось не по себе. Что именно? Может, его чуть заметная заносчивость? Или его вызывающее поведение? Нет. Что-то другое. Супруги жили у нее уже почти шесть лет, но Карла она никак не могла понять до конца.

Крис поднялась в свою комнату и надела свитер и юбку. Посмотрела в зеркало и с удовольствием начала расчесывать свои короткие рыжие волосы, вечно казавшиеся растрепанными. Потом состроила рожицу и глупо усмехнулась. Эй, милая соседка! Можно поговорить с твоим мужем? С твоим любимым? С твоим негодяем? А, твой негодяй в богадельне? Это он

звонит! Она показала язык своему отражению. Поникла. О Боже, что за жизнь! Взяла коробку с гримом и париками, спустилась вниз и вышла на тенистую чистую улицу.

На мгновение Крис остановилась, вдохнула полной грудью свежий утренний воздух и посмотрела направо. Пошла дальше. К своей работе, к этой веселой путанице, к бутафорской, шутовской старине.

Как только Крис вошла через главные ворота, ее настроение немного улучшилось, а потом, увидев знакомые ряды фургонов вдоль южной стены, где размещались костюмерные и гримерные, она и вовсе повеселела. В восемь утра первого дня съемок она уже почти пришла в себя, потому что начала спорить по поводу сценария.

— Эй! Бэрк! Будь так добр, посмотри, что это здесь за ерунда, а?

— Ага, у тебя все-таки есть сценарий! Прекрасно! — Режиссер Бэрк Дэннингс, подтянутый и стройный, как принц из волшебной сказки, озорно и лукаво подмигнул ей и аккуратно оторвал дрожащими пальцами полоску бумаги от сценария.

— Сейчас я начну чавкать, — засмеялся он.

Они стояли на площадке перед административным зданием университета среди актеров, статистов, технического персонала и рабочих ателье. Кое-где на лужайке уже разместились любопытные зрители. Собралось множество детей. Оператор, уставший от шумихи, поднял газету, которую жевал Дэннингс. От режиссера уже с утра слегка отдавало джином.

— Да, я ж у т к о доволен, что тебе дали сценарий.

Это был изящный, хрупкий, уже немолодой человек. Он говорил с таким изысканным британским акцентом, что в его устах даже самые страшные ругательства звучали красиво. Когда он пил, то постоянно хохотал, казалось, что ему трудно сдерживать себя и оставаться хладнокровным.

Пока шли съемки, солнце то ярко светило, то пряталось за тучи, и к четырем часам небо окончательно нахмурилось. Помощник режиссера распустил труппу до следующего дня.

Крис пошла домой. Она чувствовала усталость. На углу ее выследил из дверей своего бакалейного магазина пожилой итальянец и попросил дать автограф. Крис расписалась на бумажном пакете и добавила «с наилучшими пожеланиями». Пока она стояла у светофора, взгляд ее упал на католическую

церковь. Кто-то ей говорил, что здесь женился Джон Ф. Кеннеди. Здесь он и молился. Крис попыталась представить его среди набожных морщинистых старушек и жертвенных свечей.

Мимо промчался развозящий пиво грузовик, громыхая запотевшими банками.

Крис перешла на другую сторону. Пошла вдоль улицы, и когда проходила мимо школы, ее обогнал какой-то священник в нейлоновой куртке. Подтянутый. Небритый. Он свернул налево и направился в сторону церкви.

Крис, остановившись, с интересом наблюдала за ним. Священник торопился к небольшому коттеджу. Заскрипела старая дверь, и появился еще один священник. Этот был очень мрачный и, по всей вероятности, нервничал. Он кивнул молодому человеку и, опустив голову, заспешил в церковь. Опять скрипнула дверь коттеджа, и Крис увидела еще одного священника. Он поздоровался со своим гостем и обнял его за плечи. В этом движении было что-то покровительственное. Он вовлек молодого человека внутрь, и дверь хлопнулась с противным скрипом.

Крис в недоумении уставилась на свои туфли. Что за ерунда? Ей стало интересно, ходят ли иезуиты исповедоваться.

Послышался отдаленный раскат грома. Крис взглянула на небо. Интересно, будет дождь или нет... воскресенье...

Да, да, конечно. В следующий вторник. Сверкнула молния. Можешь не волноваться, малышка, мы сами тебе позвоним.

Подняв воротник пальто, Крис заторопилась домой. Ей очень хотелось, чтобы пошел дождь.

Через минуту Крис была уже на месте. Сначала она зашла в ванную, оттуда — на кухню.

— Салют, Крис, успешно поработали?

Это Шарон Спенсер. Симпатичная блондинка двадцати с небольшим лет. Вечно юная. Родом из Орегона. Уже три года она работала секретарем у Крис и одновременно была домашней учительницей Реганы.

— Да как всегда, ерунда, — Крис подошла к столу и лениво начала перебирать почту. — Что-нибудь стоящее внимания?

— Не желаете ли отобедать на следующей неделе в Белом доме?

— Не знаю, Марти, а что я там буду делать?

— Объедаться пирожными до отвала.

Крис засмеялась.

— А где Рэгс?

— Внизу, в детской.

— Чем занимается?

— Лепит. По-моему, птицу. Для тебя.

— Да, птица мне нужна, — улыбнулась Крис. Она подошла к плите и налила в чашку горячего кофе.

— Ты пошутила насчет обеда?

— Конечно, нет, — удивилась Шарон. — В четверг.

— Народу много будет?

— Да нет. По-моему, человек пять или шесть.

— Кроме шуток?

Крис было приятно. Она даже не особенно удивилась. Ее общество любили многие: кучера и поэты, профессора и короли. Что им нравилось в ней? Ее жизнь? Крис села за стол.

— Как прошли занятия?

Шарон зажгла сигарету и нахмурилась:

— Опять плохо с математикой.

— В самом деле? Интересно.

— Вот именно. Это же ее любимый предмет, — поддержала Шарон.

— Ну, это, наверное, из-за современных методов обучения. Я бы даже не сумела различить номера автобусов, если бы...

— Привет, ма!

Регана выскочила из-за двери, широко расставив в стороны руки. Рыжие хвостики. Светящееся от радости лицо. И миллион веснушек.

— Привет, маленькая негодяйка. — Крис поймала ее в объятия и крепко прижала к себе, смачно чмокая в щечку и не пытаясь сдерживать свою нежность. Потом с любопытством спросила: — Что же ты делала сегодня? Что-нибудь очень интересное?

— Да, ерунда.

— Какая именно ерунда?

— Дай вспомнить. — Регана уперлась коленями в ноги матери и медленно раскачивалась взад-вперед. — Ну, как всегда, я занималась.

— Так.

— И рисовала.

— Что ты рисовала?

— Цветы, такие, знаешь... как маргаритки, только розовые. А потом, ну да, потом была лошадь! — Регана широко раскрыла глаза и начала с восхищением рассказывать: — У этого дяди была лошадь, ну, у того, который живет там, у реки. Ма, мы гуляли, и вдруг эта лошадь, такая красивая! Ма, ты бы ее видела! И этот дядя сам разрешил мне посидеть на ней. Правда-правда! Ну, конечно, только на минуточку!

Крис многозначительно подмигнула Шарон.

— Неужели сам? — спросила она, удивленно поднимая брови. Когда Крис приехала на съемки в Вашингтон, Шарон (она была уже членом семьи) жила вместе с ними в отдельной комнате на втором этаже. Потом она познакомилась с каким-то конюхом, который работал на конюшне, расположенной неподалеку. Теперь Шарон нужна была отдельная квартира. Крис сняла для нее номер-люкс в дорогой гостинице и при этом настояла на том, чтобы за номер платила именно она, а не Шарон.

— Сам, — улыбнулась Шарон.

— Лошадь была серая! — добавила Регана. — Ма, а неужели мы не можем купить лошадь? То есть ведь мы могли бы, да?

— Посмотрим, малышка.

— Когда у меня будет лошадь?

— Посмотрим. Ну, а где твоя птица?

На секунду Регана замерла, а потом, недовольно взглянув на Шарон, сжала губы и укоризненно покачала головой.

— Это был сюрприз. — Она засмеялась.

— Ты хочешь сказать...

— Ну да. С длинным смешным носом, как ты и хотела!

— Рэгс, ты прелесть. Можно посмотреть?

— Нет, мне еще нужно ее раскрасить. Когда будем обедать, ма?

— Ты голодная?

— Умираю от голода.

— Так ведь еще и пяти нет. Когда же мы ели? — спросила Крис у Шарон.

— Где-то в двенадцать, — попыталась припомнить Шарон.

— А когда вернутся Уилли и Карл?

Крис отпустила их до вечера.

— Часов в семь, — ответила Шарон.

— Ма, пошли в кафе, а? — попросила Регана. — Можно?

Крис взяла дочь за руку, притянула ее к себе и поцеловала.

— Беги наверх, одевайся, сейчас пойдем.

— Как я тебя люблю!

Регана выбежала из комнаты.

— Малыш, надень новое платье! — крикнула ей вдогонку Крис.

— Тебе хотелось бы опять стать одиннадцатилетней девочкой? — задумчиво спросила Шарон.

— Это — предложение?

Крис глянула на письма и начала безразлично раскладывать исписанные листки.

— Ты его принимаешь? — настаивала Шарон.

— Со всеми заботами, которые у меня сейчас? И со всеми воспоминаниями?

— Да.

— Ну уж нет.

— Подумай хорошенько.

— Я думаю. — Крис подняла письмо с прикрепленным впереди конвертом. Джаррис. Ее агент. — Кажется, я просила его пока ни о чем мне не писать.

— Прочитай, — предложила Шарон.

— А что такое?

— Я читала его сегодня утром.

— Что-нибудь хорошее?

— Великолепное. Они хотят взять тебя режиссером, — ответила Шарон и сделала очередную затяжку.

— Что?!

— Прочитай письмо.

— О Боже, Шар, ты не шутишь?

Крис вцепилась в письмо и начала жадно пробегать его глазами:

— «... Новый сценарий... триптих... студия просит сэра Стефана Мора... При наличии согласия на...» Я буду режиссером!

Размахивая руками, она заверещала от радости:

— О Стив, ты ангел, ты не забыл!

Они снимали какой-то фильм в Африке. Он здорово напился. Сидя в шезлонге, на закате дня, Стив как-то сказал ей, что ему нравится работа актера. «Ерунда, — ответила Крис. — Ты знаешь, что такое настоящая работа? Самому ставить фильмы!» — «Согласен». — «Надо сделать что-то свое собственное, я имею в виду что-то такое, что будет жить потом». — «Ну и займись этим сама». — «Я пыталась, но меня не берут». — «Почему?» — «Им кажется, что я не справлюсь»

с монтажом». Дорогие воспоминания. Теплая улыбка. Милый Стив!

— Ма, я не могу найти платье! — крикнула Регана.

— В стенном шкафу! — ответила Крис.

— Уже смотрела!

— Сейчас иду! — На секунду Крис задумалась, взглянула на письмо и поникла. — А вдруг ерунда какая-нибудь и не в моем стиле?

— Да вряд ли. Мне кажется, фильм стоящий.

— Ну да, ты всегда считала, что в фильмы ужасов надо вставлять комедийные эпизоды.

Шарон засмеялась.

— Мама!

— Иду!

Крис медленно встала.

— У тебя сегодня свидание, Шар?

— Да.

Крис покосилась на корреспонденцию.

— Тогда иди, а с остальной ерундой разберемся завтра.

Шарон встала.

— Хотя подожди-ка. — Крис что-то вспомнила. — Одно срочное письмо надо отправить сегодня же.

— Хорошо. — Шарон взяла блокнот и приготовилась записывать.

— Ма-а-а-м! — Регана уже подвывала от нетерпения.

— Подожди, я сейчас, — попросила Крис Шарон.

Шарон глянула на часы.

— Крис, мне уже пора заниматься созерцанием.

Крис пристально и с чуть заметным раздражением посмотрела на нее. За полгода ее секретарша вдруг превратилась в «искательницу спокойствия». Началось это с самогипноза еще в Лос-Анджелесе, а потом закончилось буддийским песнопением. Последнее время, пока Шарон жила под одной крышей с Крис, в доме поселилась апатия, сопровождаемая безжизненными, унылыми напевами «*Nam myōhō renge kyō*» («Крис, ты просто повторяй эти слова, ничего больше, и твои желания исполнятся, и все будет так, как ты хочешь...»). Эти завывания доносились до Крис и днем, и ночью, и чаще всего именно тогда, когда она разучивала роль.

— Можешь включить телевизор, — великодушно разрешила Шарон своей хозяйке. — Все нормально. От песнопения меня никакой шум не отвлекает.

На этот раз она собралась заниматься трансцендентальным созерцанием.

— Шар, неужели ты действительно веришь, что вся эта чепуха может хоть каким-то образом помочь тебе? — равнодушно спросила Крис.

— Это меня успокаивает, — ответила Шарон.

— Понятно, — сухо отчеканила Крис и пожелала Шарон спокойной ночи. Она не напомнила про письмо и, выходя из кухни, пробормотала: — «*Nam myōho genge kyō*».

— Повторяй эти слова минут пятнадцать или двадцать! — крикнула ей вдогонку Шарон. — Может, это и тебе поможет!

Крис остановилась и хотела возразить, но передумала. Она поднялась в спальню Реганы и сразу же подошла к стенному шкафу. Регана застыла посередине комнаты и внимательно вглядывалась в потолок.

— Что такое? — беспокоилась мать.

Крис пыталась найти платье. Бледно-голубое, ситцевое. Она купила его неделю назад и хорошо помнила, что повесила платье в стенной шкаф.

— Странный шум, — заметила Регана.

— Я знаю. У нас завелись друзья.

— Разве? Какие? — Регана перевела взгляд на мать.

— Белки, крошка моя, белки на чердаке.

Ее дочь была брезглива и терпеть не могла крыс. Даже мыши приводили ее в ужас.

Поиски платья не увенчались успехом.

— Мам, посмотри, его тут нет.

— Вижу, вижу. Может, Уилли случайно бросила его в стирку?

— Как будто исчезло.

— Ну ладно. Надень тогда синее, оно тебе тоже идет.

Они пошли в кафе. Крис довольствовалась салатом, а Регана после супа с четырьмя булочками и жареного цыпленка уплетала шоколадный коктейль, полторы порции пирога с голубикой и кофейное мороженое. И куда это все уместается? В кости идет, что ли? Девочка была очень худенькая.

Крис докурила и, медленно допивая кофе, посмотрела в окно.

Темная вода Потомака застыла в каком-то ожидании.

— Какой хороший был обед, мам.

Крис повернулась к ней и, как это часто с ней случалось, увидела в своей дочке Говарда. Она тут же перевела взгляд на тарелку.

— А пирог не будешь доедать? — спросила Крис.

Регана опустила глаза.

— Я наелась конфет.

Крис потушила сигарету и улыбнулась.

— Тогда пошли.

Около семи они были дома. Уилли и Карл уже вернулись. Регана сразу побежала в детскую, чтобы побыстрее закончить птицу для матери. Крис пошла на кухню за письмом. Уилли варила кофе в старой кастрюльке без крышки. Она была раздражена и недовольна.

— Привет, Уилли, как кино? Хорошо провели время?

— Не спрашивайте. — Она бросила щепотку соли и немного яичной скорлупы в булькающее содержимое кастрюльки. Да, они сходили в кино, объяснила Уилли. Она хотела посмотреть кино с участием «Битлз», но Карл настоял на своем: ему приспичило пойти на фильм про Моцарта.

— Ужас! — кипела она, уменьшая огонь на плите. — Такой дурак!

— Ну извини. — Крис сунула письмо под мышку. — Кстати, Уилли, ты не видела платье, которое я купила Регане на прошлой неделе? Такое голубое, из ситца?

— Да, сегодня утром оно было в стенном шкафу.

— И куда ты его положила?

— Оно там.

— Может, ты случайно прихватила его, собирая грязное белье?

— Оно там.

— С грязным бельем?

— В стенном шкафу.

— Там его нет. Я смотрела.

Уилли хотела что-то ответить, но только сжала губы и бросила сердитый взгляд на кастрюльку с кофе. Вошел Карл.

— Добрый вечер, мадам. — Он направился к умывальнику и налил стакан воды.

— Ты расставил капканы? — спросила Крис.

— Никаких крыс.

— Ты их расставил?

— Конечно, я их расставил, но на чердаке чисто.

— А теперь скажи: тебе кино понравилось?

— Очень. — По его поведению, так же как и по непроницаемому выражению лица, ничего нельзя было понять.

Крис пошла к себе в комнату, про себя напевая известную песенку «Битлз». Но внезапно остановилась.

Сейчас я тебе покажу!

— Карл, а тебя не затруднило достать мышеловки?

— Ничуть.

— В шесть часов утра?

— В ночном универмаге, мадам.

— О Боже!

Крис долго купалась, наслаждаясь теплой водой, а когда вошла в свою спальню за халатом, то в стенном шкафу обнаружила пропавшее платье Реганы. Оно лежало смятое на куче белья.

Крис подняла его. Как оно здесь очутилось?

Этикетки не были сорваны. Крис задумалась. Потом вспомнила, что в тот же день, когда покупала платье, купила и кое-что для себя. Наверное, я все сюда и бросила.

Крис отнесла платье в спальню Реганы и, повесив его на вешалку, убрала в шкаф. Она мельком взглянула на туалеты дочери. Прекрасные платья. Да, Рэгс, смотри лучше на них и не думай о папе, который да же писем не пишет.

Крис закрыла шкаф и, резко повернувшись, ударилась ногой о письменный стол. О Боже, этого еще не хватало!

Она приподняла ногу и потеряла ушибленный палец. И тут только заметила, что стол сдвинут с прежнего места приблизительно на метр. Неудивительно, что я ударилась. Наверное, Уилли пылесосила и отодвинула его.

Крис с письмом от своего агента спустилась в кабинет и присела на мягкий низкий диван у огня.

Она еще раз просмотрела письмо. Вера, Надежда, Любовь. Три независимые части, в каждой свой режиссер и актерский состав. Ей предлагали Надежду. Замысел ей нравился. Немного скучновато, подумала она, но зато изысканно. Наверняка название изменят на что-нибудь типа «Суматоха вокруг добродетели».

В прихожей послышался звонок. Пришел Бэрк Дэннингс. У него не было своей семьи, и он часто заходил к Крис. Будущий режиссер задумчиво улыбнулась и покачала головой, услышав, как Бэрк что-то съязвил в отношении Карла, которого ненавидел и постоянно поддразнивал.

— Ну, привет. Дай выпить! — первым делом потребовал Бэрк, войдя в комнату и устремившись к бару.

Бэрк был немного раздражен и чем-то расстроен.

— Опять в поисках? — спросила Крис.

— Что ты имеешь в виду, черт возьми? — огрызнулся он.

— У тебя озабоченный вид. — В таком состоянии она его уже видела, когда снимали фильм в Лозанне. Они остановились в приличной гостинице с видом на Женевское озеро. В первую ночь после приезда Крис никак не могла заснуть. В пять часов утра она вскочила с кровати, оделась и спустилась вниз, чтобы выпить чашечку кофе или просто поболтать с кем-нибудь. Ожидая в коридоре лифта, она выглянула в окно и увидела Дэннингса. Он вышагивал вдоль берега озера, засунув руки в карманы пальто, и не обращал никакого внимания на жуткий холод. Когда Крис спустилась в вестибюль, Бэрк как раз входил в гостиницу.

— Ни одной шлюхи на горизонте! — разочарованно выпалил он, проходя мимо нее с опущенными глазами. Затем Дэннингс вошел в лифт и поднялся к себе в номер спать. Позже, когда Крис со смехом вспомнила этот случай, Дэннингс пришел в ярость, объявил публично, что она страдает «избытком галлюцинаций», и добавил, что верят ей «только потому, что она кинозвезда». Тогда Бэрк назвал ее ненормальной, а несколько позже спокойно объяснил (чтобы не обижать ее), что, возможно, она кого-то и видела, но по ошибке приняла за Дэннингса. «Кстати, — заметил он, — моя прапрабабушка, кажется, была родом из Швейцарии».

Крис подошла к бару и напомнила ему об этом случае.

— Не будь душой! — закричал Дэннингс. — Я провел целый вечер на чае, я был на факультетском чаепитии!

Крис облокотилась о стойку бара:

— Так ты пил только чай?

— Да, не ухмыляйся так глупо.

— И налился чаем, — сухо отрезала она. — Вместе с иезуитами.

— Нет, иезуиты были трезвые.

— Они не пьют?

— Ты что, рехнулась? — продолжал кричать Бэрк. — Они нажрались! Никогда в жизни не встречал таких алкашей!

— Потихше, Бэрк, не забывай: здесь Регана.

— Да, Регана, — зашептал Дэннингс. — Дай же скорее выпить, черт тебя дерит!

— Что же ты делал на факультетском чаепитии?

— Идиотская общественная деятельность, всегда надо заниматься какой-нибудь ерундой.

Крис протянула ему стакан джина со льдом.

— Мы обсуждали, как сильно испоганили их территорию, — пробурчал режиссер. Он поднес стакан к губам и сделал набожный вид. — Ну да, смейся. Все, что ты умеешь, — это смеяться и вертеть задом.

— Я только улыбнулась.

— Ну, все равно. Лучше скажи, как у тебя дела.

Крис неопределенно пожала плечами.

— У тебя плохое настроение? В чем дело?

— Не знаю.

— Не рассказывай сказки.

— Чертовщина какая-то, я, пожалуй, тоже выпью, — сказала она, протягивая руку за стаканом.

— Правильно, это полезно для желудка. Ну, так в чем же дело?

Крис медленно налила себе водки.

— Ты когда-нибудь думал о смерти?

— Извини, но...

— Да, о смерти, — перебила она его. — Думал когда-нибудь, Бэрк? Что это такое? Я хочу сказать, на самом деле что это такое?

— Не знаю, — ответил Дэннингс слегка раздраженно. — Нет, не знаю. Я вообще об этом не думаю. Я воспринимаю смерть, как она есть, и все. Какого черта ты вздумала говорить об этом?

Крис пожала плечами.

— Не знаю, — медленно произнесла она. Бросила кусочек льда себе в стакан и задумчиво наблюдала за ним. — Да... да... я думаю, это что-то вроде... как сон в момент пробуждения. Я хочу сказать, что именно так мне показалось... что смерть... именно такая. Я имею в виду конец, конец, я раньше никогда об этом не думала. — Крис потрясла головой. — О Боже, меня даже в дрожь бросило! Мне показалось, что я падаю с нашей проклятой планеты со скоростью сто миллионов в час.

— Чушь! Смерть — это покой, — вздохнул Дэннингс.
— Но только не для меня, дорогой мой.
— Твоя жизнь будет продолжаться в твоих детях.
— Перестань! Мои дети — это не я.
— Да, и слава Богу! Одной такой вполне достаточно.
— Нет, Бэрк, ты только вдумайся! Никогда больше не существовать! Это...

— О Господи, помилуй! Приходи на факультетское чаепитие на следующей неделе, и, может, священники тебя успокоят.

Бэрк поставил стакан.

— Давай лучше выпьем.

— Знаешь, а я и не догадывалась, что они пьют.

— Ты просто глупая.

В его глазах сверкнула злоба. Бэрк приближался к агрессивной стадии опьянения. Крис задумалась. Ей показалось, что она задела его за живое.

— Они ходят исповедоваться? — спросила она.

— Откуда я знаю? — неожиданно взревел Бэрк.

— А ты разве не учился на...

— Где этот проклятый джин?

— Хочешь кофе?

— Не будь душой. Я хочу выпить.

— Выпей кофе.

— Ну перестань. Давай налей на дорожку.

— Что-нибудь полегче?

— Нет, никакой дряни. Терпеть не могу пить всякую дрянь. Ну, давай же наливай в конце концов!

Бэрк протянул стакан, и Крис плеснула ему немного джина.

— Может, мне пригласить двух или трех священников к себе?

— Кого?

— Я не знаю. — Она снова пожала плечами. — Ну, кого-нибудь поважней.

— От них потом не отвяжешься. Все они ворюги и зануды, — выпалил Бэрк и залпом осушил стакан.

Да, он начисто забывается. Крис быстро переменяла тему. Она рассказала о новом сценарии и о том, что ее приглашают на съемки в качестве режиссера.

— Неплохо, — пробормотал Дэннингс.

— Но я боюсь.

— Ерунда. Самое главное — это заставить всех поверить в то, что поставить фильм было очень сложно. В первый раз я не понимал этого, зато теперь я, как видишь, на высоте. Это элементарно.

— Бэрк, если говорить честно, то именно сейчас, когда мне сделали такое предложение, я чувствую себя очень неуверенно. И особенно в отношении технической стороны дела.

— Послушай, предоставь это другим. У тебя будут операторы, редакторы, сценаристы. Подыщи хороших специалистов, и они обо всем позаботятся. Самое важное — это работа с актерами, а здесь ты справишься превосходно. Ты ведь можешь не только словами сказать им, как двигаться и произносить реплики, милая, но и показать. Вспоминай других режиссеров и будь сдержанней.

Крис еще не верила ему.

— И все-таки что делать с техникой? — обеспокоенно спросила она. Пьяный или трезвый, Дэннингс был как-никак одним из лучших режиссеров, и Крис очень нужны были его советы.

Битый час она вникала в таинство режиссерского искусства.

— Дорогая моя, единственное, что тебе нужно, — это найти хорошего редактора, — усмехнулся Дэннингс, закругляя разговор. — Человека, действительно разбирающегося в этом деле.

Опасный момент агрессивности миновал, и теперь Бэрк являл собой очаровательного собеседника.

— Извините, мадам. Вы что-то хотели?

У дверей в кабинет стоял Карл.

— А, привет, Торндайк, — засмеялся Бэрк. — Или это Генрих? Никак не могу запомнить.

— Это Карл.

— Ах да, конечно. Как же я мог забыть, черт меня побери! Скажи-ка, Карл, ты был внештатным осведомителем при гестапо или официальным? Мне кажется, здесь есть разница.

Карл вежливо ответил:

— Ни тем, ни другим, сэр, я швейцарец.

— Да-да, конечно, — захохотал Дэннингс. — И ты, конечно же, никогда не играл с Геббельсом?

Непроницаемый Карл повернулся к Крис.

— И никогда не летал вместе с Рудольфом Гессом?

— Мадам чего-нибудь желает?

— Я не знаю. Бэрк, ты хочешь кофе?

— А пошел твой кофе...

Бэрк резко встал и, выйдя с воинственным видом из комнаты, покинул дом.

Крис покачала головой и повернулась к Карлу.

— Отключи телефон, — произнесла она равнодушно.

— Хорошо, мадам. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Где Рэгс?

— Внизу, в детской. Позвать ее?

— Да, уже пора спать. Нет, погоди, не надо. Я пойду к ней, взгляну на птицу.

— Хорошо, мадам.

— И в сотый раз прошу прощения за Бэрка.

— Я не обращаю внимания.

— Знаю. Вот это его и бесит.

Крис вышла в коридор, открыла дверь на первый этаж и крикнула сверху:

— Эй, разбойница! Ты что там делаешь? Птица готова?

— Да, иди посмотри. Спускайся сюда, я ее уже закончила.

— Ну, ты молодчина! — воскликнула Крис, когда дочка протянула ей фигурку птицы. Та еще не совсем высохла, и краски немного растеклись. Птица была выкрашена в оранжевый цвет, а клюв — в зеленую и белую полосочку. К голове был приклеен хохолок из перьев.

— Тебе нравится? — спросила Регана.

— Да, крошка, очень нравится. Как ее зовут?

— М-м-м...

— Так как мы ее назовем?

— Не знаю. — Регана пожала плечами.

— Давай подумаем. — Крис задумалась и прижала палец к губам. — Может быть, Птичка-Глупышка? А? Просто — Птичка-Глупышка.

Регана прыснула и прикрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться. Она радостно закивала.

— Итак, Птичка-Глупышка большинством голосов! Пусть останется здесь и подсохнет, а потом я отнесу ее в свою комнату.

Крис поставила птицу на место и вдруг заметила планшетку для спиритических сеансов. Она лежала рядом на столе. Крис была любопытна и в свое время купила эту планшетку, чтобы исследовать собственное подсознание. Но у нее ничего не получилось. Пару раз она пробовала с Шарон

и один раз с Дэннингсом. Но Бэрк очень ловко научился управлять планшеткой («Так это ты ее все время двигаешь, голубчик?»), и все «послания» были начинены ругательствами. Впоследствии Дэннингс сваливал все на «этих дефективных духов».

— Ты играешь с планшеткой?

— Ага.

— Ты умеешь?

— Ну конечно. Давай я тебе покажу.— Она с готовностью подошла к столу.

— Я думала, что для игры нужно два человека.

— Совсем необязательно, я все время играю одна.

Крис пододвинула стул.

— Давай играть вдвоем, хорошо?

Секунду девочка раздумывала:

— Хорошо.

Регана пододвинула пальцы к белой планшетке, и, как только Крис захотела до нее дотронуться, планшетка резко повернулась и остановилась у отметки «нет».

Крис лукаво улыбнулась:

— Это значит: «Мамочка, я хочу поиграть одна»? Ты не хочешь, чтобы я с тобой играла?

— Нет, я хочу. Это капитан Гауди сказал: «Нет».

— Какой капитан?

— Капитан Гауди.

— Малышка, а кто такой этот капитан Гауди?

— Ты знаешь... Ну, я задаю ему вопросы, а он отвечает.

— Да?

— Да, он очень хороший.

Крис чуть заметно нахмурилась. Она вдруг встревожилась. Регана любила своего отца, но внешне никак не отреагировала на развод родителей. А вдруг она плакала в своей комнате, но Крис даже не знала этого? Она боялась, как бы депрессия и другие отрицательные эмоции не отразились на здоровье Реганы. Фантазии, выдуманный друг. Это было уже явное отклонение. И почему «Гауди»? Очень похоже на «Гауард», так звали отца Реганы. Очень похоже.

— Как же так, то ты не можешь придумать имени для своей птички, то вдруг у тебя появляется капитан Гауди? Почему ты называешь его «капитан Гауди»?

— Потому что его так зовут,— улыбнулась Регана.

— Кто это сказал?

— Ну он, конечно.

- А что он тебе еще говорит?
- Ерунду.
- Какую ерунду?
- Просто ерунду.
- Например.
- Сейчас увидишь. Я у него кое-что спрошу.
- Пожалуйста.

Регана прикоснулась пальцами к планшетке, уставилась на дощечку и сосредоточилась.

- Капитан Гауди, моя мама красивая?
- Секунда... пять секунд... десять... двадцать...
- Капитан Гауди?

Прошло еще несколько секунд. Крис была удивлена. Она была уверена, что ее дочь сама сдвинет планшетку на отметку «да».

Боже мой, что же это такое? Бессознательная неприязнь? Нет, этого не может быть.

— Капитан Гауди, это уже невежливо, — обиделась Регана.

- Малышка, а может, он уже спит?
- Ты думаешь?
- Я думаю, что и тебе пора спать.

— Уже? Он дурачина, — пробурчала Регана и пошла за матерью наверх.

Крис уложила ее в постель и села рядом.

— Кроха, в воскресенье я не работаю. Хочешь куда-нибудь пойти?

— Куда?

Несколько раз Крис пыталась найти для Реганы подруг. Ей удалось познакомиться с одной двенадцатилетней девочкой по имени Джуди. Но сейчас Джуди уехала на пасхальные каникулы, и Крис показалось, что Регана чувствует себя одинокой.

— Ну, я не знаю, — ответила Крис. — Куда-нибудь. Давай посмотрим город? А может, пойдем к цветущим вишням? Вот это мысль, они наверняка уже цветут. Ты хочешь?

— Конечно, хочу, ма.

— А завтра вечером пойдем в кино. Ладно?

— Как я тебя люблю!

Регана обняла ее, и Крис в ответ крепко прижала девочку к себе, прошептав:

— Рэгс, милая, я тебя тоже очень люблю!

— Можешь пригласить и мистера Дэннингса, если хочешь.

Крис удивилась:

— Мистера Дэннингса?

— Да, все нормально. Я не против.

Крис засмеялась:

— Нет, не нормально. Почему я должна приглашать мистера Дэннингса?

— Он же тебе нравится.

— А тебе он разве не нравится?

Она не ответила.

— Крошка моя, что с тобой происходит? — Крис решила у нее все выпытать.

— Ведь ты же собираешься выйти за него замуж. — Это был уже не вопрос, а утверждение.

Крис рассмеялась.

— Малышка моя, конечно, нет! О чем ты говоришь? И как это пришло тебе в голову?

— Но он же тебе нравится.

— Мне нравятся пироги, но я не собираюсь выходить за них замуж. Малышка, он мой друг, просто старый хороший друг.

— Тебе он нравится не так, как папа?

— Я люблю твоего папу и всегда буду любить твоего папу, а мистер Дэннингс часто ко мне приходит, потому что ему скучно, он совсем один, вот и все. Он мой друг.

— А я слышала...

— Ты слышала? От кого ты слышала?

В глазах дочери еще проглядывало сомнение, но вскоре оно рассеялось.

— Не знаю. Я просто подумала.

— Ну это совсем глупо. Забудь.

— Хорошо.

— А теперь спи.

— Можно, я почитаю? Я не хочу спать.

— Конечно, можно. Почитай немного и ложись спать.

— Спасибо, мамочка.

— Спокойной ночи, кроха.

— Спокойной ночи.

Крис послала ей воздушный поцелуй и вышла. Она спустилась вниз. Ох уж эти дети! Откуда они столько выдумывают?

Крис стало любопытно, не считает ли Регана причиной развода Дэннингса. Ну нет, это уж совсем глупо. Регана знала только, что Крис подала на развод. Этого хотел Говард. Причиной, как он считал, являлись длительные разлуки и подавление его личности, поскольку никто не воспринимал его иначе как «мужа кинозвезды». Регана ничего этого не знала. Ну, хватит. Прекрати заниматься дилетантским психоанализом и займись лучше своей дочерью.

Крис вернулась в кабинет. Она заметила сценарий и решила еще раз перечитать его. На середине Крис вдруг подняла глаза и увидела перед собой Регану.

— Привет, что случилось?

— Mam, там какие-то странные звуки.

— В твоей комнате?

— Как будто кто-то стучится. Я не могу заснуть.

Где, черт возьми, эти мышеловки?!

— Кроха, ложись в моей спальне, а я пойду посмотрю.

Крис проводила ее до спальни и уложила.

— Можно, я немножко посмотрю телевизор?

— А где книга?

— Не могу найти. Можно?

— Конечно. — Крис включила маленький переносной телевизор. — Так не громко?

— Нормально.

— И постарайся заснуть.

Крис выключила свет и направилась в коридор. Оттуда по узкой лесенке, покрытой коврами, она поднялась на чердак, открыла дверь, на ощупь включила свет и, пригнувшись, прошла вперед.

На основном полу валялись картонные коробки из-под посылок. И ничего больше, не считая шести мышеловок. Все шесть были начинены приманкой. На всем чердаке ни одной пылинки. В воздухе пахло свежестью и чистотой. Чердак не обогревался. Тут не было никаких труб и батарей. Не было и дыр в крыше.

— Ничего нет.

Крис похолодела от ужаса. Боже мой! Она прижала руку к тяжело бьющемуся сердцу и оглянулась.

— Господи, Карл!

Он стоял у входа на чердак.

— Извините, но вы видите сами. Здесь чисто.

— Да, все чисто. Большое спасибо.

— Может, лучше кошку?

— Что?

— Ловить крыс.

Не дожидаясь ответа, он кивнул головой и вышел.

Крис посмотрела ему вслед. Либо у Карла чувство юмора отсутствовало полностью, либо было настолько глубоко за-
прятано, что ускользало от ее внимания.

Крис вспомнила о звуках. Поглядела на крышу. Улица была густо засажена деревьями, стволы которых обвивали плющ и другие ползущие растения. Ветви лип скрывали добрую треть особняка. Может быть, и в самом деле белки? Наверняка. Или ветви. Да, скорее всего ветви. Ночью дул сильный ветер.

«Может, лучше кошку?» Крис вспомнила Карла. Кто он: идиот или притворяется? Она лукаво улыбнулась, как девчонка, придумавшая очередную шалость, спустилась в спальню Реганы, подняла что-то с пола, опять прошла на чердак и через минуту вернулась в свою спальню. Регана спала. Крис перенесла дочку в ее комнату и вернулась к себе. Затем выключила телевизор и заснула.

До утра в доме все затихло.

Во время завтрака Крис как бы между прочим заметила Карлу, что ночью слышала звук захлопнувшейся мышеловки.

— Ты посмотришь? — спросила она, потягивая кофе и делая вид, будто полностью поглощена чтением газет.

Не сказав ни слова, Карл поднялся на чердак.

Крис направилась к лестнице и по дороге встретила Карла, спускавшегося с чердака. В руках он держал большую плюшевую мышь. Он нашел ее в мышеловке.

Крис, удивленно подняв брови, уставилась на мышь.

— Кто-то шутит, — пробормотал Карл, проходя мимо нее и относя игрушку в спальню Реганы.

— Сколько интересного происходит в доме, — заметила про себя Крис, входя в спальню. Она сняла халат и стала готовиться к съемкам. Да, может быть, лучше кошку, старый осел. Гораздо лучше. Она усмехнулась, и лицо ее сразу сморщилось.

Съемки шли успешно. К 12 часам дня пришла Шарон, и в коротких перерывах они занимались делами в гримерной Крис. Написали письмо агенту с обещаниями обдумать предложение, дали согласие на приглашение в Белый дом, сочинили телеграмму Говарду, напомнив ему, чтобы он позвонил Регане в день ее рождения, настроили просьбу менеджеру

Крис о годовом отпуске и составили план проведения вечеринки, которую решено было устроить двадцать третьего апреля.

Вечером Крис повела Регану в кино, а на следующий день на «ягуаре», принадлежащем Крис, они поехали осматривать достопримечательности Вашингтона. Они посетили Мемориал Линкольна, Капитолий, лагуну цветущих вишен. Потом поехали на Арлингтонское кладбище к могиле Неизвестного солдата. Регана вдруг посерьезнела, а у могилы Джона Ф. Кеннеди даже слегка взгрустнула. Она долго глядела на Вечный огонь, потом вдруг взяла мать за руку.

— Ма, а почему люди должны умирать?

Эти слова ранили Крис. О, Рэгс, и ты тоже? Неужели и ты? Нет, нет! Что она могла ответить ей? Соврать она не могла. Крис всмотрелась в личико дочери, повернутое к ней, в ее блестящие слезами глаза. Неужели Регана читала ее собственные мысли? У нее это всегда получалось. Всегда получалось раньше...

— Малышка, люди очень устают, — ответила Крис.

— Почему же Бог разрешает им уставать?

Крис удивилась и забеспокоилась. Сама она была атеисткой и никогда не говорила с Реганой о религии, считая, что это было бы нечестно.

— Кто рассказал тебе про Бога?

— Шарон.

— Понятно.

Надо будет с ней поговорить.

— Ма, ну почему Бог разрешает нам уставать?

Крис посмотрела в эти глаза, ждущие ответа, увидела в них боль и сдалась — она не могла рассказать ей того, что сама считала правдой.

— Понимаешь, Бог скучает по нас, Рэгс, и хочет, чтобы мы к нему вернулись.

Регана ничего не ответила. Молчала она и по дороге домой. В таком настроении Регана оставалась в течение двух дней.

Во вторник был день рождения Реганы, и ее настроение, казалось, улучшилось. Крис прихватила ее с собой на съемки, и когда рабочий день закончился, все участники фильма спели Регане песню «С днем рождения», а потом подарили торт. Дэннингс, будучи всегда добрым по трезвости, зажег юпите-ры и заснял момент, когда Регана разрезала торт. Он назвал

это «пробной съемкой» и пообещал впоследствии сделать ее кинозвездой. Регана веселилась от души.

Но после обеда, получив подарки, девочка опять заскучала. Говард так и не позвонил. Крис сама набрала его номер в Риме, и портье ответил, что Говард отсутствует уже несколько дней. Наверное, катается где-нибудь на яхте.

Крис извинилась и повесила трубку.

Регана понимающе кивнула головой. Но настроение у нее было окончательно испорчено. Девочка отказалась даже выпить шоколадный коктейль. Ничего не сказав, она пошла в детскую и оставалась там до вечера.

На следующий день Крис проснулась и увидела рядом с собой полусонную дочь.

— Что такое, какого... Что ты здесь делаешь? — улыбнулась она.

— Моя кровать трясется.

— Ты с ума сошла. — Крис поцеловала ее и накрыла одеялом. — Иди спи, еще рано.

То, что казалось утром, было на самом деле началом бесконечной ночи.

Глава вторая

Священник стоял в метро на краю пустынной платформы и прислушивался к грохоту поездов, который заглушал его боль. Эта боль уже долгое время никак не утихала в нем. Но так же, как и сердцебиение, особенно отчетливо она слышалась в тишине. Священник переложил портфель из одной руки в другую и пристально взгляделся в нутро тоннеля. Цветные огоньки убегали вдаль, и казалось, что они освещают дорогу к отчаянию и безнадежности.

Послышался кашель. Священник обернулся. Какой-то седой бродяга сидел на полу в луже собственной мочи и не шевелился. У него было сморщенное, измученное лицо, и в желтых глазах светилась тоска.

Священник отвернулся. Сейчас этот бродяга подойдет к нему и начнет скулить. Помогите старому дьячку, отца! Позалейте! Рука, испачканная в блевотине, судорожно нащупывала на груди медаль. Воздух был полон отблесками тысяч исповедей, смешанных с запахом вина, чес-

нока и сотен других исконно человеческих грехов, выплеснувшихся наружу... Они обволакивают... душат... душат...

Священник почувствовал, что бродяга медленно поднимается.

Не подходи!

Шаги.

Боже, спаси и сохрани.

— Эй, отца!

Священник вздрогнул. И поник. Он не мог обернуться. Не мог видеть Христа, стонущего в этих пустых глазах, Христа, страдающего от гнойных ран и кровавого поноса, того Христа, который не мог дольше жить. Невольно он потрогал свой рукав, будто проверял, на месте ли траурная повязка. Смутно он припомнил и другого Христа.

— Эй, отца!

Послышался шум приближающегося поезда. Сзади кто-то споткнулся. Священник оглянулся на бродягу. Тот зашатался. Затем оступился и упал. Не размышляя ни секунды, священник рванулся к нему, подхватил и подтащил к скамейке у стены.

— Я католик, — пробормотал несчастный.

Священник попытался успокоить его. Он осторожно положил нищего на скамейку. В этот момент подошел поезд. Священник быстро достал из бумажника доллар и сунул его бродяге в жилет. Потом ему показалось, что так доллар может потеряться. Он вытащил банкноту и запихнул ее поглубже в карман мокрых брюк. Потом поднял свой портфель и вошел в двери поезда.

Священник сел в углу и притворился спящим. На конечной остановке он сошел и пешком побрел в Фордгэмский университет. Доллар, доставшийся бродяге, предназначался для поездки в такси.

Войдя в зал для приезжих, священник вписал свое имя в специальный журнал. Дэмьен Каррас. Потом проверил запись. Ему показалось, что чего-то не хватает. Вспомнив, он приписал к своему имени еще три слова: «член ордена иезуитов».

Каррас снял комнату в Уэйджель-Холле и уже через час крепко спал.

На следующий день ему надо было идти на собрание Американской ассоциации психиатров. Священник должен

был выступить с основным докладом на тему «Психологические аспекты духовного развития». После собрания вместе с другими психиатрами он пошел на вечеринку, но ушел от туда рано. Ему еще надо было зайти к матери.

Каррас подошел к полуобвалившемуся и построенному из песчаника дому, расположенному в восточной части Манхэттена на Двадцать первой улице. Остановившись у лестницы, ведущей наверх, он заметил играющих неподалеку детей. Неужоженные, плохо одетые, бездомные дети. Ему вспомнились унижения, которые приходилось терпеть, лишь бы не быть выселенными из дома.

Каррас поднялся по лестнице и с болью толкнул дверь, будто вскрывал незажившую рану. Приторно пахло гнилью. Он вспомнил, как ходил в гости к миссис Корелли в ее крошечную каморку с восемнадцатью кошками, и ухватился за поручни. Неожиданно резкая слабость овладела им. Он почувствовал свою вину. Нельзя было оставлять ее одну. Никогда.

Мать очень обрадовалась, увидев его. Даже вскрикнула от радости. Расцеловала и бросилась на кухню варить кофе. Темные волосы, узловатые, разбухшие вены на ногах, Дэмьен сидел на кухне и слушал ее бесконечное щебетание. Он разглядывал выцветшие обои и грязный пол, которые так часто всплывали в его памяти. Жалкая лачуга! Помощь от конторы социального обеспечения и несколько долларов в месяц от брата — вот и все доходы матери.

Мать села за стол. Заговорила о своих знакомых. В ее разговоре до сих пор слышался акцент. Дэмьен пытался не смотреть в ее полные грусти глаза.

Он не должен был оставлять ее одну.

Дэмьен, правда, написал ей несколько писем. Но мать не умела ни читать, ни писать по-английски. Тогда он починил ей старый треснувший радиоприемник. У нее появился свой мирок, полный новостей и сообщений о майоре Линдсее.

Дэмьен прошел в ванную. Пожелтевшие газеты, наклеенные на треснувшие кафельные плитки. Проржавевшая раковина и ванна. Да, в этом доме он впервые ощутил свое призвание. Здесь он понял суть любви. Теперь любовь остыла. По ночам он чувствовал, как она, остывшая, еще воет в его сердце, подобно осеннему заблудившемуся ветру.

Без четверти одиннадцать Каррас поцеловал мать и, прощавшись, обещал при первой же возможности вернуться. Он ушел, а старый приемник все сообщал и сообщал ей о происходящих в мире событиях...

Вернувшись в свою комнату в Уэйджель-Холле, Каррас еще раз обдумал текст письма к архиепископу штата Мэриленд. Когда-то он хорошо знал его. Священник просил перевести его в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к матери. Просил о должности учителя и об освобождении от прежних обязанностей. При этом Каррас ссылаясь на свою «непригодность» быть священником.

Мэрилендский архиепископ познакомился с ним во время ежегодной инспекции в Джорджтаунском университете. Эта процедура напоминала проверку в армии, когда генерал лично выслушивает жалобы и просьбы подчиненных. Услышав просьбу быть поближе к матери, архиепископ согласился и понимающе кивнул, но когда дело дошло до «непригодности» в работе, он возразил. Каррас настаивал на своем:

— Видишь ли, Том, дело здесь даже не в психиатрии. Ты же сам знаешь. Некоторые людские проблемы переиначивают всю их жизнь и смысл жизни. Это просто ад, и не только секс играет здесь роль, а прежде всего их вера. Я больше так не могу. Это слишком. Я выхожу из игры. У меня появились свои проблемы, вернее, сомнения.

— А у кого их нет, Дэмьен?

Архиепископ был всегда очень занят, и у него не было времени выпытывать у Карраса настоящие причины. Дэмьен был благодарен ему за это. Он знал, что ответы его все равно покажутся безумными: необходимость пожирать пищу, а затем ею же и гадить. Вонючие носки. Юродивые дети. Он не мог упомянуть и о газетной статье, в которой говорилось о молодом священнике, стоявшем на автобусной остановке. О том, как незнакомые люди облили его керосином и подожгли. Нет. Это слишком. Все это так непонятно. И в то же время так реально! Молчание Бога тоже корнями уходило в туман. В мире так много зла. И большая часть его родилась из сомнений добрых и честных людей. Разумный Бог должен покончить с этим. Он должен показаться людям. Должен заговорить.

Боже, дай нам знамение.

Воскрешение Лазаря ушло в далекое прошлое. Никто из живых не слышал его смеха.

Почему нет знамения?

Очень часто Дэмьену хотелось жить в одно время с Христом, видеть его, дотрагиваться до него, смотреть ему в глаза. О, мой Бог, дай мне увидеть тебя! Дай мне узнать тебя! Приди ко мне хотя бы во сне!

Сильная тоска охватила его.

Каррас сидел за письменным столом и держал ручку. Возможно, не время заставило архиепископа молчать. Видимо, он понял, что вера и любовь нераздельны.

Архиепископ обещал рассмотреть просьбу Дэмьена, но до сих пор пока ничего не сделал. Каррас написал письмо и пошел спать.

Он с трудом проснулся в пять часов утра и пошел в часовню Уэйджель-Холла. Там Каррас достал гостию*, вернулся в свою комнату и стал молиться.

«Et clamor meus ad te veniat», — с болью шептал он. — «Да приблизится к тебе вопль мой...»

Сосредоточившись, Дэмьен поднял гостию со смутным воспоминанием прежней радости. В этот момент он неожиданно почувствовал на себе пристальный взгляд, светящийся издали и несущий в себе давно потерянную любовь.

Священник разломил гостию над потиром.

— В мире я оставляю тебя. Мое смирение я отдаю тебе. — Дэмьен сунул гостию в рот и проглотил вместе с комком отчаяния, застрявшим в горле.

Когда месса была окончена, Каррас тщательно вытер потир и осторожно положил его в портфель. Затем быстро встал и пошел на вокзал. Священник торопился на утренний поезд в Вашингтон и уносил в своем черном чемоданчике боль и страдание.

Глава третья

Ранним утром одиннадцатого апреля Крис вызвала по телефону своего врача в Лос-Анджелесе и попросила его проконсультироваться у известного психиатра относительно Реганы.

* Ритуальный хлеб у католиков (*примеч. пер.*).

— Что случилось?

Крис объяснила. На другой день после дня рождения она вдруг заметила резкую перемену в поведении и настроении дочери. Бессонница. Раздражительность. Приступы злости. Она разбрасывала вещи. Кричала без причины. Не ела. Вдобавок ко всему у нее появился избыток энергии. Она постоянно двигалась, бегала, топала ногами, прыгала и ломала вещи. Совсем не занималась уроками. Выдумала себе несуществующего друга. И совершенно ненормальными способами привлекала к себе внимание.

— Например? — спросил врач.

Во-первых, этот стук. С тех пор, как Крис обследовала чердак, она слышала стук еще пару раз. При этом Регана находилась в своей комнате. Когда же Крис входила к ней, стук прекращался. Во-вторых, Регана постоянно «теряла» вещи в комнате: то платье, то зубную щетку, то книги, то туфли. Она жаловалась, что кто-то «двигает» ее мебель. В довершение всего утром после вечеринки в Белом доме Крис увидела, что Карл с середины комнаты передвигает письменный стол в спальне Реганы на прежнее место. Когда Крис спросила его, что он делает, он повторил свои слова «кто-то шутит» и отказался от дальнейшего обсуждения этого вопроса. Вскоре Регана пожаловалась матери, что ночью, пока она спала, кто-то опять переставил всю ее мебель.

После этого все подозрения Крис слились воедино. Стало ясно, что все это делает сама Регана.

— Ты имеешь в виду лунатизм? Она делает все это во сне?

— Нет, Марк. Она делает это вполне сознательно. Чтобы привлечь к себе внимание.

Крис рассказала и о трясущейся кровати. Это повторилось еще дважды, и каждый раз Регана просилась спать вместе с матерью.

— Ну уж у этого может быть вполне реальная основа, — предположил врач.

— Нет, Марк, я не говорю, что кровать тряслась. Я сказала, что она говорит, будто кровать трясется.

— А ты уверена, что кровать не трясется?

— Нет.

— Возможно, это клонические судороги,— пробормотал врач.

— Что-что?

— Температура есть?

— Нет. Ну и что ты думаешь по этому поводу? — спросила Крис. — Вести ее к психиатру?

— Крис, ты говорила про уроки. Как у нее с математикой?

— А почему ты спрашиваешь?

— Ты мне не ответила,— настаивал Марк.

— Ужасно. То есть вдруг неожиданно стало очень плохо. Марк замычал.

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Это один из признаков синдрома.

— Какого синдрома?

— Ничего серьезного. Но по телефону я не хочу строить никаких догадок. У тебя ручка рядом?

Марк хотел посоветовать ей хорошего терапевта в Вашингтоне.

— Марк, а ты не мог бы приехать и осмотреть ее сам? — Крис вспомнила про Джэми. Затянувшаяся инфекция. Врач прописал новый универсальный антибиотик. Выдавая лекарство в аптеке, фармацевт недоверчиво посмотрел на нее: «Не хочу тревожить вас, мэм, но это... Видите ли, это совсем новое лекарство, и некоторые врачи из штата Джорджия считают, что оно вызывает апластическую анемию в...» Джэми. Джэми умер. И с тех пор Крис больше не доверяла врачам. Только Марку. Да и то не сразу, а по истечении многих лет.

— Марк, ну я прошу тебя,— взмолилась она.

— Нет, я не могу. Да ты не волнуйся. Это очень хороший врач. Возьми ручку.

Молчание. Потом:

— Ну ладно.

Крис записала фамилию.

— Пусть осматрит ее и позвонит мне,— сказал врач.—

И забудь о психиатре.

— Ты уверен в этом?

Марк объяснил ей, что обычно все торопятся с выводами и забывают простую вещь: болезнь тела очень часто начинается с болезни мозга.

— Что бы ты сказала,— продолжал он,— если была бы моим врачом, да простит мне Бог, а я бы поведал тебе, что меня мучают головные боли, ночные кошмары, тошнота, бессонница и искры перед глазами. К тому же я постоянно ощущаю беспокойство и неуверенность в работе. Ты бы, конечно, сказала, что я нервнобольной!

— Нашел кого спрашивать, Марк! Я-то уж знаю, что ты сумасшедший!

— А ведь это симптом опухоли в мозге, Крис. Проверь тело. Это во-первых. А там будет видно.

Крис сразу же позвонила терапевту и договорилась о приеме. Времени у нее было достаточно. Съемки закончились, по крайней мере у нее. Бэрк Дэннингс продолжал работать со «вторым составом», снимая второстепенные сцены.

Больница находилась в Арлингтоне. Доктора звали Самюэль Кляйн. Пока Регана раздраженно ожидала в смотровой, Кляйн усадил мать в своем кабинете и выслушал историю болезни Реганы. Крис рассказала все. Врач кивал, изредка что-то записывая в блокнот. Когда Крис упомянула трясущую кровать, доктор нахмурился. Крис продолжала:

— Марк насторожился, когда узнал, что у Реганы стало плохо с математикой. Почему?

— В смысле с уроками?

— Да, но в особенности с математикой. Почему?

— Давайте не торопиться, миссис Макнейл. Я должен сначала осмотреть ее.

Врач извинился и вышел. Он полностью осмотрел Регану, взял у нее анализы мочи и крови.

После этого Кляйн усадил Регану перед собой и беседовал с ней, наблюдая за ее поведением. Затем он вернулся к Крис и сразу принялся выписывать рецепт.

— Похоже, у нее гиперкинетическое расстройство нервов.

— Что?

— Нервное расстройство. Так по крайней мере думаем мы. Сейчас мы точно не знаем, что при этом происходит в организме, но в таком возрасте это часто случается. Все симптомы налицо: ее чрезвычайная активность, темперамент, плохие дела с математикой.

— Да-да, с математикой. Но при чем тут математика?

— Она требует наибольшего сосредоточения.—Кляйн вырвал листок с рецептом из крошечного голубого блокнота и протянул его Крис.

— Вот вам рецепт на риталин.

— На что?

— Метилфенидат.

— Понятно.

— Будете давать по десять миллиграммов два раза в день. Я советую принимать одну порцию в восемь часов утра, а вторую — в два часа дня.

— А что это? Транквилизатор?

— Стимулятор.

— Стимулятор? Да она сейчас и без этого...

— Состояние девочки не совсем соответствует ее поведению,— объяснил Кляйн.—Это форма перераспределения энергии. Реакция организма на депрессию.

— На депрессию?

Кляйн кивнул.

— Депрессия...—тихо повторила Крис.

— Вы здесь упомянули ее отца,— продолжал Кляйн.

Крис посмотрела на него:

— Так вы думаете, ее не надо показывать психиатру?

— Нет-нет. Давайте подождем и понаблюдаем за действием риталина. Мне кажется, в этом и будет отгадка. Подождем недели две или три.

— Вы считаете, что это нервы?

— Похоже, что так.

— А ее вранье? Оно прекратится?

Его ответ удивил Крис. Кляйн спросил, слышала ли Крис, чтобы Регана ругалась или употребляла неприличные слова.

— Никогда,— ответила Крис.

— Понимаете, это в какой-то степени похоже на ее вранье: так же нетипично для нее, как вы утверждаете. Но при некоторых нервных расстройствах может...

— Подождите-ка,— перебила Крис, пораженная его словами,— откуда вы знаете, что Регана употребляет неприличные слова. Или, может, я что-нибудь не так поняла?

Секунду Кляйн удивленно смотрел на нее, а потом осторожно сказал:

— Да, я хотел сказать, что она знает такие слова. А вы об этом не подозревали?

— Я и до сих пор об этом не подозреваю! О чем вы говорите?

— Ну, в общем, она нецензурно ругалась, пока я осматривал ее, миссис Макнейл.

— Да вы шутите! В это трудно поверить.

— Мне кажется, она сама не понимает того, что говорит,— успокоил ее врач.

— Я тоже так думаю,— пробормотала Крис.— Может, и не понимает.

— Давайте ей риталин,— посоветовал он.— Посмотрим, что будет дальше. А через две недели я снова ее осмотрю.

Кляйн взглянул на календарь, лежавший на письменном столе.

— Значит, так. Давайте встретимся двадцать седьмого, в среду. Вам удобно?— спросил он, глядя на Крис.

— Да, разумеется,— ответила она, встав со стула, и смяла рецепт в кармане пальто.— До двадцать седьмого, доктор.

— Я поклонник вашего таланта,— улыбаясь, заметил Кляйн, и открыл перед ней дверь.

В дверях Крис остановилась и, погруженная в свои мысли, прижала палец к губам. Потом взглянула на доктора:

— Так вы считаете, не надо к психиатру?

— Не знаю. Но самое простое объяснение всегда кажется самым лучшим. Давайте подождем. Увидим, что из этого получится.— Врач обнадеживающе улыбнулся.— А пока что постарайтесь не волноваться.

— Как?

Крис вышла.

По дороге домой Регана пыталась у матери, что сказал ей доктор.

— Что ты нервничаешь.

Крис решила ничего не выяснять у Реганы относительно нецензурных выражений.

Но немного позже с Шарон Крис завела такой разговор. Ей необходимо было узнать, слышала ли Шарон, чтобы Регана ругалась.

— Конечно, нет,— удивилась Шарон.— Даже в последнее время ничего подобного не слышала. Но мне помнится, как однажды учительница рисования в ее присутствии выруга-

лась. (Крис специально нанимала человека, который учил Регану рисованию и лепке на дому.)

— Давно это было? — спросила Крис.

— Нет, на прошлой неделе. Но ее-то ты знаешь. Может, она чертыхнулась или сказала что-нибудь вроде «чушь собачья».

— Да, кстати, ты что-нибудь говорила Регане о религии? Шарон вспыхнула.

— Нет, совсем немного. Ты понимаешь, этот вопрос было трудно обойти. Она ведь задает так много вопросов и... ну... — Она беспомощно пожала плечами. — Мне было трудно. Подумай сама, как бы я ей все объяснила, не рассказав о том, что я сама считаю величайшим враньем?

— Расскажи ей все, а что есть правда — пусть сама выбирает.

В последующие дни, вплоть до вечеринки, которую давно запланировала Крис, Регана аккуратно принимала риталин. Крис сама следила за этим. Однако она не заметила никаких перемен к лучшему. Напротив, появились некоторые признаки ухудшения. Провалы памяти, забывчивость, нечистоплотность, жалобы на тошноту. Появился еще один способ привлекать к себе внимание (хотя прежние больше не повторялись): Регана уверяла мать, что в ее комнате чем-то отвратительно пахнет. Крис принюхивалась, но ничего не чувствовала.

— Ты не чувствуешь?

— Ты хочешь сказать, что и сейчас пахнет? — спросила Крис.

— Ну, конечно!

— И на что это похоже?

Регана сморщилась:

— Как будто что-то горит.

— Да? — Крис опять принюхалась.

— Неужели не чувствуешь?

— Ну, конечно, кроха, — солгала Крис. — Совсем немножко. Давай откроем окно и проветрим комнату.

На самом деле Крис не ощутила никакого запаха, но решила не спорить с Реганой, по крайней мере до следующего визита к врачу. Кроме того, у нее было полно дел. Во-первых, надо было готовиться к приему гостей. Во-вторых, тре-

бывалось дать окончательный ответ относительно сценария. Перспектива ставить фильм ей нравилась, но давать согласие второпях она не хотела. Между тем агент звонил ей ежедневно. Крис объяснила, что хочет знать мнение Дэннингса, поэтому отдала сценарий ему, и Дэннингс его читает.

В-третьих (и это было самое главное), у Крис провалились сразу две финансовые сделки: покупка обратимых облигаций с предварительным выплачиванием доходов и вклад капитала в ливийскую нефтедобывающую компанию. Таким образом Крис намеревалась избавить свои капиталы от уплаты налогов. Но дело обернулось против нее: нефти в Ливии не оказалось, а из-за подскочивших вверх доходов была объявлена срочная распродажа облигаций.

Для обсуждения этих и других проблем приехал менеджер Крис по вопросам бизнеса. Он прибыл в четверг. Переговоры длились всю пятницу. В конце концов Крис во всем согласилась со своим менеджером, который пришел от этого в веселое расположение духа. Лишь один момент вызвал его недовольство: Крис заявила, что хочет купить «феррари».

— Что? Новую машину?

— А почему бы и нет? Помнишь, я в одном фильме ездила на «феррари». Если написать на завод и напомнить им об этом, может быть, удастся устроить сделку? Как ты думаешь?

Менеджер так не думал. Он считал, что покупка новой машины была бы расточительством.

— Бен, в прошлом году я заработала восемьсот тысяч, а ты говоришь, что я не могу купить какую-то дурацкую машину! Тебе это не кажется нелепым? Куда же девались деньги?

Бен напомнил ей, что большая часть денег лежит в банке. Потом представил ей полный список, куда утекают ее деньги. Федеральный подоходный налог, предстоящий федеральный подоходный налог, налог штата, налог на поместье, десять процентов комиссионных агенту, пять процентов ему, пять процентов агенту по рекламе, один процент с четвертью жертвуется фонду процветания кинематографа, затем шли расходы на туалеты самой последней моды, зарплата Уилли, Карлу и Шарон, управляющему в доме в Лос-Анджелесе, расходы, связанные с поездками в разные города, и, наконец, ежемесячные карманные расходы.

— Ты в этом году будешь еще сниматься? — спросил Бен.

— Не знаю. Ты считаешь, что это необходимо?

— Думаю, да.

Крис подперла руками подбородок и уныло посмотрела на него.

— Может, тогда купим «хонду»?

Бен ничего ей не ответил.

Немного позже Крис решила отложить в сторону все дела и занялась приготовлением к завтрашней вечеринке.

— Давайте не будем устраивать застолье. Сделаем ужин «а-ля фуршет». Приготовим рагу с мясным соусом, — предложила она Уилли и Карлу. — Стол поставим в углу гостиной. Ладно?

— Очень хорошо, мадам, — быстро согласился Карл.

— Как ты думаешь, Уилли, может быть, сделать на десерт салат из свежих фруктов?

— Это будет великолепно, — одобрил Карл.

— Спасибо, Уилли.

Крис пригласила на вечер интересную и разношерстную компанию. Кроме Бэрка («Только не напивайся, черт бы тебя побрал!») и молодого ассистента режиссера, она ожидала сенатора (с супругой), астронавта (с супругой), двух иезуитов из Джорджтауна, своих соседей, Мэри Джо Пэррин и Эллен Клиари.

Мэри Джо Пэррин была седой толстушкой, прославившей вашингтонской пророчицей. Крис познакомилась с ней на приеме в Белом доме, и та ей очень понравилась. Крис казалось, что эта женщина должна быть строгой, чопорной, но Мэри Джо Пэррин оказалась простой и добродушной женщиной.

Эллен Клиари, женщина средних лет, работала в госдепартаменте. В свое время, когда Крис увлекалась туризмом и путешествовала по России, Эллен Клиари работала в посольстве США в Москве. В последующие годы Крис с благодарностью вспоминала Эллен и, как только приехала в Вашингтон, тут же решила встретиться с ней.

— Послушай, Шар, а кто придет из священников? — спросила Крис.

— Точно не знаю. Я пригласила президента и декана, но мне кажется, что президент пришлет кого-нибудь вместо се-

бя. Я разговаривала с его секретарем, и он сказал, что президенту обязательно нужно вечером быть в городе.

— Кого же он пришлет? — с интересом спросила Крис.

— Сейчас посмотрю, — Шарон порылась в своих записках. — Вот. Его помощник — отец Джозеф Дайер.

— Он из университета?

— Не уверена.

— Ну ладно, не все ли равно.

Крис была немного разочарована.

— Следи завтра за Бэрком, — попросила она.

— Обязательно.

— Где Рэгс?

— Внизу.

— Знаешь, может быть, тебе лучше туда перенести машинку? Ты бы смогла печатать и заодно присматривать за девочкой. Ладно? Я не хочу, чтобы она подолгу оставалась одна.

— Неплохая мысль.

— Но это потом. А теперь иди домой. Занимайся созерцанием или поиграй с лошадками.

Приготовления подходили к концу. Крис вдруг опять почувствовала тревогу. Она попробовала смотреть телевизор. Но сосредоточиться никак не удавалось. Ей было не по себе. Что-то необычное чувствовалось во всем доме. Какое-то странное спокойствие. Как пыль, застывшая в бликах света.

К полночи все в доме спали. Это была последняя спокойная ночь.

Глава четвертая

Первой приехала Мэри Джо Пэррин вместе со своим сыном — подростком Робертом. Последним прибыл розовощекий отец Дайер. Это был молодой человек маленького роста и очень хрупкого телосложения, робко глядевший на присутствующих сквозь очки в стальной оправе. Еще в дверях он извинился за опоздание:

— Никак не мог подобрать подходящий галстук.

Крис, опешив, посмотрела на него, а потом рассмеялась. Депрессия, длившаяся целый день, понемногу отступала.

Вино сделало свое дело. Уже без четверти десять гости разделились на небольшие группы и вели оживленную беседу.

Крис положила себе на тарелку дымящееся рагу и пошла искать Мэри Джо Пэррин. Она сидела на диване рядом с деканом иезуитов, отцом Вагнером. Крис при знакомстве коротко переговорила с ним и уже успела составить о нем свое мнение. Отец Вагнер был лысый, весь осыпанный веснушками, очень добродушный и внимательный человек. Крис подошла к ним и уселась по-турецки на полу перед столиком с кофе. Пророчица о чем-то весело щебетала.

— Продолжайте, Мэри Джо! — улыбнулся декан и насадил на вилку кусок рагу.

— Да-да, продолжайте, Мэри Джо! — поддержала его Крис.

— Ого! Превосходное рагу! — похвалил декан.

— Не очень горячее?

— Нет, в самый раз. Мэри Джо сейчас рассказывала, что когда-то жил на свете иезуит, который одновременно был и медиумом.

— А он мне не верит! — засмеялась пророчица.

— Это не совсем так, — поправил ее декан. — Я сказал, что в это трудно поверить.

— Он, наверно, был медиумом постольку-поскольку? — засомневалась Крис.

— Да, конечно, — согласилась Мэри Джо. — Но ему удалось освоить даже левитацию.

— Я занимаюсь этим каждое утро, — спокойно заметил иезуит.

— А он проводил сеансы спиритизма? — спросила Крис у Мэри Джо.

— Разумеется, — ответила та. — Он был очень известен в девятнадцатом столетии. Его, пожалуй, единственного из всех медиумов не считали мошенником.

— А я утверждаю, что он не был иезуитом, — опять вмешался декан.

— О Господи, да был же, я вам говорю! — Мэри Джо засмеялась. — Когда ему стукнуло двадцать два, он присоединился к иезуитам и поклялся больше никогда не заниматься спиритизмом. Но его вскоре выгнали из Франции после одного спиритического сеанса, который он проводил прямо в королевском дворце. Вы представляете себе, что он сделал? В середине сеанса он предсказал императрице, что сейчас ее коснется рука ребенка, дух которого вот-вот материализуется

и станет осязаемым. Вдруг кто-то включил свет, и все увидели, что иезуит положил свою голую ногу на руку августейшей особы!

Иезуит улыбнулся и поставил тарелку на столик.

— Ну все, больше не ждите от меня снисхождения, когда я буду отпускать вам грехи.

— Но вы же должны согласиться, что в каждом стаде должна быть одна паршивая овца.

— Наши паршивые овцы вымерли вместе с папами из семейства Медичей.

— А со мной один раз вот что произошло,— начала Крис.

Но декан перебил ее:

— Что, уже начинается исповедь?

Крис улыбнулась и заметила:

— Ну уж нет, я не католичка.

— Иезуиты тоже не католики,— усмехнулась Мэри Джо.

— Это сплетни монахов-доминиканцев,— возразил декан и обратился к Крис: — Извините, так о чем вы начали говорить?

— Мне кажется, я видела, как один человек возносился вверх. В горах Бутана.

Она рассказала об этом случае.

— Как вы считаете, это возможно? — спросила она, завершая рассказ. — Я вполне серьезно.

— А кто его знает? — Декан пожал плечами. — И вообще, что такое гравитация? Или, если уж на то пошло, что такое материя?

— Хотите знать мое мнение? — вмешалась Мэри Джо.

Декан ответил ей:

— Нет, Мэри Джо, я принял обет нищеты.

— И я тоже, — пробормотала Крис.

— Что такое? — заинтересовался декан, наклоняясь к ней.

— Ничего особенного. Я о чем-то хотела спросить вас. Да, вы знаете маленький коттедж, который стоит за церковью? — Крис махнула рукой в неопределенном направлении.

— Святая Троица?

— Да, говорят, там проводится черная месса, — зловеще прошептала миссис Пэррин.

— Черная ч т о?

— Черная месса.

— А что это такое?
— Мэри Джо пошутила, — ответил декан.
— Я знаю, — продолжала Крис. — Но я не разбираюсь в этих вещах.

— В общем, это пародия на католическую святую мессу, — объяснил декан. — Она связана с черной магией и колдовством. Поклонение дьяволу.

— В самом деле? Неужели такое возможно?

— Я не могу сказать точно. Хотя как-то слышал, что статистика утверждает, будто в Париже ежегодно черная месса проходит не менее пятидесяти тысяч раз.

— Как, в наше время? — удивилась Крис.

— Это только то, что я слышал.

— Да, а источник информации, наверное, секретная служба иезуитов? — поддразнила его миссис Пэррин.

— Совсем нет, — возразил декан, — я слышу внутренние голоса.

— Вы знаете, у себя дома в Лос-Анджелесе, — подхватила Крис, — я часто слышала жуткие рассказы о культах ведьм и колдунов. Но мне как-то не верилось, что это правда.

— Я уже сказал, что не могу ответить вам наверняка, — начал декан. — Но я знаю человека, который в этом разбирается. Это отец Джо Дайер. Где Джо?

Декан оглядел комнату.

— А, да вот же он! — воскликнул декан и указал на священника. Тот стоял около буфета спиной к ним. И уже второй раз накладывал себе в тарелку добавку.

— Эй, Джо!

Молодой священник обернулся. Лицо его решительно ничего не выражало.

— Вы звали меня, святой отец?

Иезуит поманил его пальцем.

— Ладно, подождите минуточку, — пробурчал Дайер, продолжая наступление на рагу и салат.

— Это наш единственный гномик среди всех служителей церкви, — с нежностью в голосе сказал декан. — У них в Святой Троице на прошлой неделе произошли осквернения. Джо говорит, что это, похоже, дело рук поклонников дьявола. Мне кажется, что он кое-что знает об этом.

— А что случилось в церкви? — заинтересовалась Мэри Джо Пэррин.

— Это так омерзительно.— Декана передернуло.

— Расскажите, мы все равно уже не едим.

— Нет уж, увольте,— запротестовал он.

— Расскажите!

— А вы разве не можете прочесть мои мысли, Мэри Джо? — съехидничал декан.

— Я могла бы,— засмеялась она,— но считаю себя недостойной вторгаться в эту святая святых!

— Это противно,— предупредил декан.

Он рассказал об осквернениях. В первом случае старый ризничий нашел в церкви кучу человеческих испражнений на алтаре прямо перед молельней.

— Да, это мерзко,— сморщилась миссис Пэррин.

— А второе еще хуже того,— заметил декан. Избегая фривольных мест и заменяя грубые слова на более приличные выражения, он рассказал, что к статуе Христа, стоящей недалеко от алтаря, кто-то прилепил огромный фаллос, вылепленный из глины.

— Ну что, вам еще не противно? — закончил он.

Крис заметила, что Мэри Джо действительно стало не по себе, потому что она сказала:

— Да, пожалуй, хватит. Я уж и не рада, что попросила вас рассказать об этом. Давайте переменяем тему.

— Нет, я зачарована,— возразила Крис.

— Еще бы, я ведь очаровательный человек.— Эти слова произнес отец Дайер. Он застыл над ней, держа в руках тарелку.— Погодите минуточку, мне надо кое о чем переговорить с астронавтом.

— О чем же? — спросил декан.

С серьезным видом отец Дайер сказал:

— Что вы думаете о первом миссионере на Луне?

Все рассмеялись.

— Вы им как раз подойдете по размерам,— захихикала миссис Пэррин.— Они вас без труда засунут в носовое отделение.

— Нет, я не про себя,— поправил ее отец Дайер. Потом повернулся к декану и объяснил: — Я хотел договориться насчет Эмори.

— Это наш приверженец пресвитерианства,— пояснил Дайер женщинам.— На Луне ведь никого нет, а это как раз

то, что ему нужно. Понимаете, он очень любит тишину и спокойствие.

— А каких грешников он будет там обращаться? — спросила миссис Пэррин.

— Конечно же, астронавтов. Это ему подходит. Один или два человека, никаких толп. Парочка грешников, и довольно.

Он с серьезным видом посмотрел на астронавта.

— Извините, — сказал Дайер и устремился к нему.

— Мне он нравится, — улыбнулась миссис Пэррин.

— И мне тоже, — согласилась Крис. Затем повернулась к декану. — Что же все-таки у вас в том коттедже? — напомнила она о прерванном разговоре. — Или это страшная тайна? Что там за священник? Такой смуглый. Вы понимаете, о ком я говорю?

— Отец Каррас, — тихо сказал декан. На лице его появился оттенок грусти.

— Чем он занимается?

— Он наш советник. — Декан поставил рюмку на стол и повертел ее за ножку. — Прошлой ночью у него произошло большое несчастье. Бедняга!

— Что такое? — с участием спросила Крис.

— У него умерла мать.

Крис почувствовала, как ее охватывает жалость.

— Я не знала, — прошептала она.

— Он очень сильно переживает, — продолжал иезуит. — Она жила совсем одна и, наверное, пролежала мертвая несколько дней, прежде чем ее нашли.

— Как это ужасно, — пробормотала миссис Пэррин.

— Кто же нашел ее? — печально спросила Крис.

— Управляющий. Они, наверное, и до сих пор об этом не знали бы, если б... Просто ее соседи пожаловались, что у нее днем и ночью играет радио.

— Как это грустно, — тихо промолвила Крис.

— Извините меня, мадам.

Перед ней стоял Карл. Он держал поднос с рюмками и стаканами.

— Поставь сюда, Карл, пожалуйста.

Крис сама любила разносить вино гостям. Ей казалось, что это прибавляет вечеру особую интимность и очарование.

— Ну ладно. Начнем с вас.— Она предложила вино декану и миссис Пэррин, потом обошла всю комнату, угощая гостей.

Дайер и астронавт, не обращая ни на кого внимания, продолжали свою беседу.

— На самом деле я не священник,— услышала Крис голос Дайера. Он положил руку на плечо астронавту, который смеялся и все никак не мог успокоиться.— Я скорее передовой раввин.

Через некоторое время Крис услышала, как Дайер спросил у астронавта:

— Что такое космос?

Астронавт пожал плечами и ничего не ответил. Дайер нахмурился и недовольно произнес:

— А ведь вы должны знать.

Крис стояла рядом с Эллен Клиари. Они вспоминали поездку в Москву. Вдруг Крис услышала знакомый резкий и злобный голос, доносившийся с кухни.

О Боже! Это Бэрк!

Он уже кого-то ругал.

Крис извинилась и быстро направилась в кухню. Дэннингс отчаянно орал на Карла, а Шарон безуспешно пыталась успокоить его.

— Бэрк! — закричала Крис. — Прекрати сейчас же!

Дэннингс не обратил на нее никакого внимания и продолжал орать. От злости на губах у него выступила пена. Карл с безучастным выражением лица стоял около раковины и, сложив руки, смотрел прямо в лицо Дэннингсу.

— Карл! — воскликнула Крис. — Может быть, ты уйдешь отсюда? Убирайся! Ты что, не видишь, в каком он состоянии?

Но Карл так и не сдвинулся с места, пока Крис буквально не вытолкнула его за дверь.

— Нацистская свинья! — орал ему вслед Дэннингс, потом добродушно посмотрел на Крис и потер руки в предвкушении вкусного.

— А что у нас на десерт? — как ни в чем не бывало спросил он.

— На десерт! — Крис в ужасе схватила за голову.

— Но я же голоден! — пожаловался Бэрк.

Крис повернулась к Шарон:

— Накорми его! Мне надо укладывать Регану. И, пожалуйста, Бэрк, ради всего святого, води себя прилично! Там священники! — Она указала на гостиную.

Бэрк в изумлении поднял брови, и в его глазах блеснул неподдельный интерес.

— И ты тоже заметила? — искренне изумился он.

Крис вышла из кухни и спустилась вниз к Регане. Дочь весь день играла одна. Сейчас она занималась планшеткой. Регана была сосредоточена и, казалось, ничего не замечала вокруг. Ну ладно, по крайней мере она не настроена агрессивно. В надежде как-то развлечь Регану Крис повела ее в гостиную и представила своим гостям.

— Какое прелестное дитя! — восхитилась жена сенатора.

Регана вела себя подозрительно хорошо, кроме, пожалуй, одного момента, когда при знакомстве с миссис Пэррин она замолчала и не ответила на рукопожатие. Но пророчица отшутилась:

— Знает, что я мошенница, — и весело подмигнула хозяйке дома. Немного позже она сама с любопытством взяла руку Реганы и слегка сжала ее, будто хотела нащупать пульс. Регана отдернула руку, и глаза ее злобно заблестели.

— Ой-ой-ой, наверное, она очень устала, — сказала миссис Пэррин, с беспокойством продолжая следить за Реганой.

— Она немного больна, — извинилась Крис и посмотрела на Регану: — Правда, крошка?

Регана ничего не ответила. Она смотрела в одну точку и не шевелилась.

Крис повела Регану в спальню и уложила в кровать.

— Ты хочешь спать?

— Не знаю, — сонным голосом ответила Регана, повернулась на бок и уставилась в стену невидящим взглядом.

— Хочешь, я тебе немного почитаю?

Дочь отрицательно покачала головой.

— Ну, хорошо. Постарайся заснуть.

Крис наклонилась, поцеловала ее, потом подошла к двери и выключила свет.

— Спокойной ночи, кроха.

Она уже выходила из комнаты, когда услышала тихий голос Реганы:

— Мама, что со мной?

На секунду Крис растерялась. Но быстро справилась с собой и ответила:

— Я же тебе говорила, крошка, это нервы. Ты еще две недели будешь принимать таблетки, и все пройдет. Ну, а теперь постарайся заснуть. Ладно?

Молчание. Крис ждала ответа.

— Ладно? — переспросила она.

— Ладно, — шепотом ответила Регана.

Крис почувствовала, как по ее коже пробежали мурашки. Она потеряла руку. О Боже, в этой комнате становится холодно. Откуда здесь может сквозить?

Она подошла к окну и проверила, не дует ли из щелей. Но все было в порядке.

— Тебе не холодно, малышка?

Молчание.

Крис подошла к кровати.

— Регана, ты спишь?

Глаза закрыты. Дыхание глубокое и ровное.

Крис на цыпочках вышла из комнаты.

Из зала доносились музыка и пение. Спускаясь вниз, Крис не без удовольствия заметила, что отец Дайер играет на фортепиано и поет, а гости ему охотно подпевают. Когда Крис входила в гостиную, они как раз заканчивали песню «До нашей следующей встречи».

Крис решила присоединиться к поющим, но на полпути ее остановил сенатор с супругой. Они собирались уходить. Вид у них был весьма раздраженный.

— Вы так быстро меня покидаете? — спросила Крис.

— О, извините нас, дорогая, вечер был просто великолепный! — приступил к извинениям сенатор. — Но у бедняжки Марты начались головные боли.

— Мне так неловко, но я на самом деле ужасно себя чувствую, — простонала жена сенатора. — Крис, вы ведь извините нас, правда? Нам так понравилась ваша вечеринка.

— Мне не хочется вас отпускать! — огорчилась Крис и проводила их до двери, пожелав им спокойной ночи. Проходя в комнату, она столкнулась с Шарон, которая как раз выходила из кабинета.

— Где Бэрк? — забеспокоилась Крис.

— Здесь,— успокоила ее Шарон и кивком указала на кабинет.— Отсыпается. Что тебе сказал сенатор? Что-нибудь этакое? Я представляю...

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Крис.— Они просто ушли.

— Я догадываюсь.

— Шарон, объясни немедленно, в чем дело.

— Да все из-за Бэрка,— вздохнула Шарон.

Убедившись, что их никто не подслушивает, она рассказала о встрече сенатора с режиссером. Дэннингс, проходя мимо сенатора, заметил, что, дескать, в его джине бултыхается какой-то вонючий волос, упавший, по всей вероятности, с чего-то... Затем он повернулся к сенатору и тоном обвинителя продолжал:

— Никогда в жизни не видел такого волоса. А вы видели?

Крис засмеялась. Шарон продолжала описывать, как сенатор растерялся и не знал, что ответить, а в это время Дэннингс впал в донкихотство и выразил свою «безграничную благодарность» за само существование политиков, ибо без них, как он выразился, «мы бы вообще не знали и не подозревали, кто такие государственные деятели».

Когда оскорбленный сенатор удалился, Дэннингс повернулся к Шарон и заявил с гордостью:

— По-моему, я довольно деликатно с ним объяснился, правда?

Крис опять расхохоталась:

— Ну ладно, пусть спит. Но ты все-таки останься с ним, а то вдруг он проснется? Хорошо?

— Хорошо,— согласилась Шарон и направилась в кабинет.

Дайер, улыбнувшись Крис, прервал игру на рояле.

— Ну, молодая леди, чем мы вас сегодня порадуем? Для вас можно придумать что-нибудь поинтересней.

Крис улынулась в ответ.

— Я бы предпочла узнать побольше о черной мессе,— сказала она.— Отец Вагнер проговорился, что вы большой знаток в этой области.

Гости, стоявшие у рояля, притихли и с интересом посмотрели на Дайера.

— Да нет же,— запротестовал Дайер, наигрывая какую-то несложную мелодию.— А почему вы вспомнили о черной мессе?

— Мы разговаривали о... ну... о том, что случилось в Святой Троице, и...

— А, об осквернениях! — опередил Крис священник.

— Послушайте, о чем вы здесь говорите? — вмешался в разговор астронавт.— Введите-ка меня в курс дела.

— И меня тоже,— добавила Эллен Клиари,— а то я запуталась.

— В церкви, которая находится на этой улице, были обнаружены следы осквернений,— объяснил Дайер.

— А именно? — заинтересовался астронавт.

— Не стоит уточнять,— посоветовал отец Дайер.— Скажем просто, что там произошли омерзительные события. Ладно?

— Отец Вагнер нам говорил, будто вы считаете, что это черная месса,— подсказала Крис.— Мне хотелось бы побольше узнать об этом.

— Да я почти ничего не знаю,— запротестовал священник.— Обо всем, что я знаю, мне рассказал другой джеб.

— Кто такой «джеб»? — спросила Крис.

— Сокращенно «иезуит». Отец Каррас — большой специалист в этой области.

Крис сразу насторожилась.

— Это тот смуглый священник из Святой Троицы?

— Вы его знаете? — удивился Дайер.

— Нет, но я слышала это имя.

— Мне помнится, он даже написал статью. Хотя, конечно, Каррас интересовался всем этим с точки зрения психиатрии.

— Что вы хотите сказать? — не поняла Крис.

— А что вы хотите сказать своим «что вы хотите сказать»?

— Вы хотите сказать, что он психиатр?

— Конечно. То есть я считал, что вы сами это знаете.

— Послушайте, может, мне кто-нибудь в конце концов объяснит, о чем здесь разговор? — нетерпеливо перебил астронавт.— Что происходит во время черной мессы?

— Давайте назовем это извращением,— Дайер пожал плечами.— Надругательство. Богохульство. Сатанинская пар-

дия на святую мессу, здесь вместо Бога поклоняются дьяволу и иногда приносят ему человеческие жертвы.

Эллен Клиари покачала головой и отошла в сторону.

— Для меня это слишком страшно.— Она попыталась улыбнуться.

— А вы откуда это знаете? — пытала Крис молодого иезуита.— Если черная месса существует на самом деле, кто же будет о ней рассказывать другим?

— Мне кажется,— ответил Дайер,— подробности узнают от разоблаченных сатанистов: они сами признаются во всем.

— Перестань,— перебил его декан.— Эти признания ничего не стоят, Джо. Их же пытаются.

— Нет, только слабых,— возразил Дайер.

Гости нервно рассмеялись. Декан взглянул на часы.

— Ну, мне пора,— обратился он к Крис.— В шесть часов у меня месса в часовне Дальгрена.

— А вот у меня музыкальная месса.— Дайер улыбнулся. Затем уставился в пространство за спиной Крис и тихо добавил: — Мне кажется, у нас гостя, миссис Макнейл.

Крис оглянулась и в ужасе замерла. Регана, стоя в одной ночной рубашке, обильно мочилась на ковер. Она уставилась пустым взглядом на астронавта и произнесла безжизненным голосом:

— Там, наверху, ты и умрешь.

— О Господи! — в страхе воскликнула Крис и бросилась к дочери.— О Боже, о моя крошка, пошли, пошли скорей со мной!

Она схватила Регану за руку и увела ее, на ходу бросая робкие извинения мертвенно-бледному астронавту:

— О, извините ее! Она больна, она, наверное, и сейчас спит на ходу! Она не понимает того, что говорит!

— Да, нам, пожалуй, пора идти,— обратился к кому-то Дайер.

— Нет-нет, оставайтесь,— запротестовала Крис, оглянувшись на гостей.— Пожалуйста, оставайтесь! Все в порядке, я через минуту вернусь!

Около кухни Крис остановилась и попросила Уилли смыть пятно на ковре. Потом она проводила Регану в ванную, подмыла девочку и сменила ей ночную рубашку.

— Кроха, зачем ты сказала это? — Крис пыталась добиться ответа у Реганы, но та ничего не понимала и бормотала ка-

кую-то несуразицу. Глаза ее были затуманены и, казалось, ничего не видели.

Крис уложила девочку в кровать, и Регана тут же заснула. Крис немного подождала, прислушиваясь к ее дыханию, и вышла из комнаты.

На лестнице она заметила, как Шарон и ассистент режиссера помогали Дэннингсу выйти из кабинета. Они заказали такси и собирались проводить его до гостиницы.

— Не переживайте особенно! — крикнула им вслед Крис.

Неожиданно, на какую-то секунду придя в себя, Бэрк пробубнил:

— К чертовой матери! — И растворился в тумане у поджидающего такси.

Крис вернулась в гостиную. Миссис Пэррин сидела молча, отрешенно наблюдая за огнем в камине. В таком же подавленном настроении находился и астронавт. Крис знала, что в этом году он должен лететь на Луну. Астронавт смотрел на свой стакан и время от времени хмыкал, выказывая тем самым свое участие в разговоре. Никто из присутствующих не заикнулся о жутких словах Реганы.

— Ну уж теперь мне и в самом деле пора на мессу, — заявил, вставая, декан.

За ним потянулись и остальные. Гости поблагодарили Крис за вечер и угощения.

В дверях отец Дайер взял Крис за руку и заглянул ей в глаза:

— Как вы думаете, не найдется ли в одном из ваших фильмов роль для священника, который умеет играть на рояле?

— Если даже и нет, — засмеялась Крис, — мы напишем такую роль специально для вас, святой отец.

— Я хлопочу за своего брата, — уточнил Дайер с серьезным видом.

— Вы неисправимы! — Крис опять рассмеялась и пожелала ему спокойной ночи.

Последней уходила Мэри Джо Пэррин с сыном. Крис немного поболтала с ними у дверей. Ей показалось, что Мэри Джо хочет что-то сказать, но сомневалась, стоит ли. Чтобы немного задержать ее, Крис спросила, что Мэри думает о возне Реганы с планшеткой и о ее безумном увлечении вымышленным капитаном Гауди.

— Вы считаете, что это плохо? — обратилась Крис к Мэри Джо.

Она была уверена, что после двух-трех фраз миссис Пэррин распрощается с ней, и поэтому удивилась, когда Мэри Джо, нахмурившись, уставилась вниз на ступеньки. Миссис Пэррин задумалась, спустилась к ожидающему ее на крыльце сыну и тихо проговорила:

— Я бы отобрала у нее эту планшетку.

Она протянула сыну ключи от машины:

— Бобби, заведи мотор и подожди в машине, а то уже холодно.

Взяв ключи, Роберт признался Крис, что всегда был поклонником ее таланта, и направился к старому, разбитому «мустангу», стоявшему неподалеку, на той же улице.

В голосе миссис Пэррин звучало сомнение.

— Я не знаю, что вы думаете обо мне, — медленно говорила она. — Многие считают, что я занимаюсь спиритизмом. Но это не так. Да, у меня есть дар, но в этом нет ничего таинственного. Я сама католичка и считаю, что мы живем в двух мирах одновременно. Первый, который мы осознаем, — это время. Но иногда какой-нибудь «каприз природы», вроде меня, начинает чувствовать и д р у г о й мир, который, мне кажется, лежит... в вечности. В вечности нет времени. Там будущее всегда существует в настоящем. И когда я чувствую тот мир, я вижу будущее. Кто знает, может быть, на самом деле все не так. Может, это всего-навсего совпадение. А если это правда, то все настолько естественно! Теперь о тайнах... — Тут она замолчала, будто подбирала слова. — Тайна — это совсем другое. Играть в эти игры я считаю крайне опасным. Это относится и к планшетке.

До сих пор Крис считала миссис Пэррин бесстрашной женщиной с потрясающей силой духа. Теперь же она разглядела в Мэри Джо и беспокойство, и озабоченность. Крис овладело дурное предчувствие, которое она попыталась отогнать прочь.

— Пожалуйста, продолжайте, Мэри Джо, — улыбнулась Крис. — А вы не знаете, как действует эта планшетка? Она рассчитана на подсознание человека?

— Да, скорее всего, — согласилась миссис Пэррин. — Но мы можем только предполагать. Рассказывают, что во время спиритических сеансов с планшеткой удавалось иногда при-

открывать завесу тайны. Конечно, не ту, что отделяет нас от мира духов, в это вы не поверите. Нет, именно ту завесу, что вы называете подсознанием. Однако, моя дорогая, во всем мире немало сумасшедших домов, где держат людей, шутивших с этим.

— Вы это серьезно?

Мэри Джо замолчала. Затем из темноты донесся ее монотонный голос:

— Крис, в Баварии жила одна семья. Это случилось в 1921 году. Я не помню фамилии. Их было одиннадцать человек. Вы можете проверить это по старым газетам. После одного спиритического сеанса они все сошли с ума. Все сразу. Одиннадцать человек. В буйном веселье они подожгли свой дом. Когда была сожжена вся мебель, они хотели сжечь трехмесячного ребенка одной из младших дочерей, но соседи успели вмешаться и остановили их. Вся семья, — закончила миссис Пэррин, — была помещена в сумасшедший дом.

— О Боже! — воскликнула Крис, вспомнив про капитана Гауди. Теперь увлечение дочери приобретало жуткий смысл. Безумие. Неужели правда? Что-то в этом было. Я же говорила, что нужно показать ее психиатру!

— О, ради Бога, — воскликнула миссис Пэррин, выходя на свет, — вы не меня слушайте, а своего доктора!

В ее голосе чувствовалась уверенность. Она пыталась успокоить Крис.

— Я предсказываю будущее, но насчет настоящего я абсолютно беспомощна.

Миссис Пэррин порылась в своей сумочке.

— Где же мои очки? Я их опять положила не на место. А, вот и они. — Мэри Джо нашла их в кармане пальто.

— Очаровательный домик, — заметила она, надев очки и взглянув на фасад дома. — От него веет теплом.

— Вы меня успокоили. Я думала, вы сейчас скажете, что в нем водятся привидения!

— Почему я должна вам это говорить?

Крис вспомнила о своей подруге, известной актрисе, которая жила в Беверли Хиллз и продала дом только потому, что считала, будто в нем обитает привидение.

— Не знаю. — Крис попыталась улыбнуться. — Наверное, из-за того, что вы предсказываете будущее. Я пошутила.

— Это очень красивый дом. Я раньше часто бывала здесь.

— Правда?

— Да, его снимал один мой друг, адмирал. Он мне и сейчас изредка пишет. Его, беднягу, опять отправили в море. Я даже не знаю, по ком я больше скучаю: по нему или по этому дому.— Мэри Джо улыбнулась.— Но, может быть, вы меня сюда еще как-нибудь пригласите.

— Мэри Джо, конечно, с большой радостью. Вы очаровательнейшая женщина.

— Ну уж если не очаровательнейшая, то по крайней мере чувствительнейшая из всех ваших друзей!

— Я серьезно. Позвоните мне. Пожалуйста. Позвоните на той неделе.

— Да, конечно, мне наверняка захочется узнать, как здоровье вашей дочери.

— У вас есть мой номер?

— Да. Дома в записной книжке.

Что-то было не совсем так. Крис удивилась. В голосе Мэри Джо звучала какая-то странная нотка.

— Спокойной ночи,— попрощалась миссис Пэррин.— И еще раз спасибо за прекрасный вечер.

Крис закрыла дверь и почувствовала, что смертельно устала. Тихая ночь. Что за ночь... Что за ночь.

Она вошла в гостиную и увидела, как Уилли, нагнувшись, расчесывала ворс на ковре в том месте, где было мокрое пятно.

— Я пробовала сводить уксусом,— пробормотала Уилли.— Два раза.

— Сходит?

— Может, в этот раз,— засомневалась Уилли.— Не знаю. Сейчас посмотрим.

— Нет, сейчас ничего не увидишь, надо, чтобы ковер высох.

Да уж, действительно очень ценное замечание. Толстуха несчастная! Иуда, иди лучше спать!

— Оставь, Уилли. Иди спать.

— Нет, я закончу.

— Ну ладно. Спасибо тебе за все. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мадам.

Крис медленно поднялась по лестнице.

— Великолепное рагу, Уилли. Всем очень понравилось.

— Да, мадам. Спасибо.

Крис заглянула к Регане. Дочь еще спала. Потом Крис вспомнила про планшетку. Может быть, спрятать ее? Или выкинуть? Боже, Пэррин ведь не очень разбирается в этих делах! Крис и сама понимала, что вымышленный друг — это не совсем нормально. Да, пожалуй, я ее лучше выкину.

Крис колебалась, стоя у кровати и глядя на Регану. Она вспомнила один случай. Дочери было тогда три года. Говард решил, что Регане пора уже спать без бутылочки, и Регана кричала всю ночь до четырех утра, а потом на протяжении еще нескольких дней у нее были приступы истерии. Крис боялась, что такая реакция может повториться и сейчас. Лучше подожду немного, пока не проконсультируюсь у психиатра. К тому же и риталин пока что не произвел желаемого эффекта.

Она решила подождать. Вернувшись в свою комнату, Крис забралась в кровать и сразу же заснула. Проснулась она от отчаянного, истеричного крика.

— Мама, иди скорей, иди сюда! Я боюсь!

Крис бросилась через холл в спальню Реганы. Девочка визжала. Из спальни доносился скрип пружин.

— Крошка, что случилось? — воскликнула Крис и включила свет. — О Боже!

Напрягая все тело, Регана распласталась на спине. Лицо ее было заплаканное и искаженное от ужаса. Руками девочка судорожно вцепилась в кровать.

— Мамочка, почему она трясется? — закричала она. — Останови ее!

Матрац на кровати резко дергался взад и вперед.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На краю пропасти

Пока мы спим, неуемная боль редкими толчками будет биться в сердце, покуда в отчаянии и помимо воли нашей не снизойдет к нам мудрость, посланная богом

Эскиз 1

Глава первая

Ее снесли в дальний угол маленького кладбища, где земля, скованная надгробными плитами, задыхалась от тесноты.

Месса была такой же печальной и унылой, как и вся жизнь этой женщины. Приехали ее братья из Бруклина, пришел бакалейщик из углового магазина, отпускавший ей продукты в кредит. Дэмьен Каррас наблюдал, как ее опускают в темноту. Горе и слезы душили его.

— Ах, Димми, Димми...

Дядя обнял его за плечи.

— Ничего, она сейчас в раю, Димми, она сейчас счастлива.

О Боже, пусть будет так! О мой Бог! Я прошу тебя! Молю тебя, пусть будет так!

Его уже ждали в машине, но Дэмьен никак не мог отойти от могилы. Воспоминания давили его. Ведь мать всегда была одна... Все это время она терпеливо и покорно ждала, пока Дэмьен вернется. Почему же все теплые человеческие чувства ограничились в нем хранением в бумажнике той самой церковной карточки: «Помни...»?

Каррас вернулся в Джорджтаун к обеду, но есть ему совершенно не хотелось. Дэмьен слонялся взад-вперед по комнате. Приходили с соболезнованиями знакомые иезуиты, обменивались с ним парой фраз, обещали молиться за нее и уходили.

В начале одиннадцатого явился Джо Дайер. Он с гордостью вытащил бутылку шотландского виски и прокомментировал:

— Отличная марка!
— Откуда ты взял деньги? Позаимствовал из фонда для бедных?

— Не будь идиотом, это было бы нарушением обета нищеты.

— А откуда же они у тебя?

— Я украл бутылку.

Каррас улыбнулся и покачал головой. Затем достал стакан, кофейную кружку и, ополоснув их в крошечном умывальнике, промолвил:

— Я верю тебе.

— Такую безоглядную веру я первый раз встречаю.

Каррас вдруг почувствовал знакомую боль. Он отогнал ее прочь и вернулся к Дайеру. Тот уже сидел на его койке и открывал бутылку. Дэмьен устроился рядом.

— Ты когда предпочитаешь отпустить мне грехи: сейчас или попозже?

— Лей давай, — отрезал Каррас, — и отпустим грехи друг другу.

Дайер наполнил стакан и кружку.

— Президент колледжа не должен пить, — проговорил он. — Это было бы дурным примером. Пожалуй, я избавил его от большого искушения.

Каррас выпил. Он не поверил Дайеру. Слишком хорошо он знал президента. Это был очень тактичный и добрый человек. Дайер пришел, конечно, не только как друг, его наверняка просил об этом президент.

Дайер старался изо всех сил: смешил Дэмьена, рассказывал о вечеринке и об актрисе миссис Макнейл, выдавал свежие анекдоты о префекте. Дайер пил немного, но стакан Карраса наполнял регулярно, и Дэмьен быстро опьянел. Дайер встал, уложил друга в постель и снял с него ботинки.

— Собираешься украсть... и мои ботинки? — заплетаясь языком проворчал Каррас.

— Нет, я гадаю по ноге. А теперь замолчи и спи.

— Ты не иезуит, а вор-домушник.

Дайер усмехнулся и, достав из шкафа пальто, накрыл им Дэмьена.

— Да, конечно, но кому-то ведь надо оплачивать счета. Все, что вы умеете делать, — это греметь четками и молиться за хиппи на М-стрит.

Каррас ничего не ответил. Дыхание его было ровным и глубоким. Дайер тихо подошел к двери и выключил свет.

— Красть грешно,— вдруг пробормотал в темноте Каррас.

— Виноват,— тихо согласился Дайер.

Он немного подождал, пока Каррас окончательно заснет, и вышел из коттеджа.

Проснулся Дэмьен вялым и разбитым. Шатаясь, он прошел в ванную, принял душ, побрился и надел сутану. Было 5.35 утра. Он отпер дверь в Святую Троицу и начал молиться...

— *Memento etiam...*— шептал он в отчаянии.— Помни рабу твою, Мэри Каррас...

В дверях молельни ему вдруг привиделось лицо сиделки из госпиталя Беллеву. Он услышал плач и причитания.

«Вы ее сын?»

«Да, я Дэмьен Каррас».

«Не заходите к ней сейчас. У нее приступ».

Через приоткрытую дверь он видел комнату без окон, с потолка свисала ничем не прикрытая электрическая лампочка. Обитые стены. Холодно. И никакой мебели, кроме больничной койки.

— ... Прими ее к себе, молю тебя, помоги ей обрести мир и покой...

Их глаза встретились, мать вдруг замерла и, подойдя к двери, спросила его недоумевающе:

«Зачем это, Димми?»

Ее взгляд был кротким, как у ягненка.

— *Agnus Dei*,— прошептал Дэмьен и, наклонившись, ударил себя в грудь.— Агнец Божий, уносящий с собой грехи наши, помоги ей обрести покой...

Он закрыл глаза, взял гостию и увидел свою мать в приемной больницы. Руки сложены на коленях, лицо покорное и растерянное. Судья разъяснил ей заключение психиатра из Беллеву.

«Ты все поняла, Мэри?»

Она кивнула, но ничего не сказала. У нее вынули зубные протезы.

«И что ты об этом думаешь, Мэри?»

Она ответила с гордостью:

«Вот мой мальчик, и он будет говорить за меня».

Каррас склонил голову над гостией, и тихий стон сорвался с его губ. Он опять ударил себя в грудь, будто что-то хотел этим изменить, и прошептал:

— Domine, no sum diynus... Я недостойн. Скажи лишь слово и исцели мою душу.

После мессы он вернулся к себе и попытался заснуть, но безуспешно.

Через некоторое время в дверь постучали. В комнату заглянул молодой священник, которого Дэмьен никогда прежде не встречал.

— Вы не заняты? К вам можно ненадолго?

В глазах священника застыла тоска.

Какое-то мгновение Каррас не мог заставить себя взглянуть на священника. В душе он ненавидел этого молодого иезуита.

— Войдите, — тихо предложил Дэмьен.

Молодой священник смущенно топтался на месте, не зная, с чего начать. Каррас заботливо усадил его. Предложил кофе и сигареты. Затем попытался изобразить на своем лице интерес. Проблема, приведшая к нему этого визитера, была известна: одиночество священника.

Из всех трудностей, с которыми Каррасу приходилось здесь встречаться, эта проблема наиболее волновала священников. Иезуиты были отрезаны от семейной жизни и вообще от женщин, поэтому они часто боялись проявлять чувство привязанности по отношению к своим товарищам или завязывать крепкую дружбу.

— Иногда мне хочется положить на плечо друга руку, но в этот момент я начинаю опасаться, как бы он не подумал, будто я гомосексуалист. Сейчас много говорят о том, что среди священников немало скрытых гомосексов. Поэтому я ничего подобного не делаю. Я даже не хожу к друзьям послушать музыку, или поболтать, или просто покурить. Дело не в том, что я боюсь Бога, мне страшно подумать, что Он начнет опасаться за меня.

Каррас чувствовал, как тяжесть наболевшего постепенно покидает молодого священника и ложится на его, Карраса, плечи. Он не противился и терпеливо слушал своего гостя. Каррас знал, что теперь этот иезуит будет часто заходить к нему, ибо здесь он найдет спасение от одиночества. Потом они сделаются друзьями, и когда молодой человек обнаружит, что это произошло естественно и непринужденно, тогда, возможно, он начнет дружить и с другими священниками.

Дэмыен почувствовал слабость, и горе опять завладело всем его существом. Он взглянул на карточку, которую ему подарили на прошлое рождество. На ней было написано: «Когда мой брат в печали, я разделяю его боль и в нем встречаю Бога».

В действительности у Дэмыена это не получалось, и в душе он винил себя. Мысленно Каррас всегда пытался разделить беду кого-либо из братьев, но только мысленно. Дэмыену всегда казалось, что его боль принадлежит только ему одному.

Наконец гость взглянул на часы. Пора было идти в трапезную обедать. Иезуит поднялся и собрался уходить, но в этот момент заметил на столе у Карраса недавно вышедший роман.

— Не читал еще? — полюбопытствовал Каррас.

Молодой священник отрицательно покачал головой.

— Нет. Хорошая книга?

— Не знаю, я только что прочел ее, но не уверен, что все правильно понял, — солгал Каррас. Он поднял книгу и протянул ее гостю: — Хочешь взять? Мне очень хотелось услышать чье-нибудь мнение.

— Конечно, — согласился иезуит, запихивая книгу в карман куртки, — я постараюсь вернуть ее дня через два.

Настроение его явно улучшилось.

Когда дверь за гостем захлопнулась, Каррас на какое-то мгновение почувствовал умиротворение. Он достал требник и направился во двор, читая молитву.

После обеда к нему заглянул еще один гость, пожилой пастор из Святой Троицы. Он пододвинул стул поближе к столу и выразил свои соболезнования по поводу кончины матери Карраса.

— Я молился за нее, Дэмыен. И за вас тоже, — закончил он хриплым голосом с чуть заметным провинциальным акцентом.

— Вы так добры ко мне, святой отец. Большое спасибо.

— Сколько ей было лет?

— Семьдесят.

— Прекрасный возраст.

Каррас смотрел на молитвенную карточку, которую захватил с собой пастор. Во время мессы использовались три такие карточки. Они изготовлялись из пластика, и на них пе-

чатался текст молитвы, произносимой священником. Психиатру стало интересно, для чего пастор принес эту карточку.

— Послушайте, Дэмьен, сегодня у нас в церкви опять кое-что произошло. Еще одно осквернение.

Пастор рассказал ему о том, что статуя Девы Марии в углу церкви была размалевана под проститутку.

— А вот еще. Это было уже утром, в тот день, когда вы уехали в этот... в Нью-Йорк. В субботу, кажется. Ну да, в субботу. Ну, в общем, посмотрите. Я только что разговаривал с сержантом полиции и... ну... это самое... ну посмотрите сюда, пожалуйста, Дэмьен.

Каррас взял в руки карточку. Пастор объяснил ему, что кто-то вставил отпечатанный на машинке листок между настоящим текстом и пластиковой пленкой. Фальшивка, в которой встречались опечатки и другие типографские ошибки, была тем не менее составлена на хорошем латинском языке. Текст представлял собой яркое и подробное описание вымышленной лесбийской любви между Девой Марией и Марией Магдалиной.

— Ну достаточно, это не обязательно читать до конца,— прервал пастор, забирая назад карточку, как будто боялся, что чтение может содействовать греху.— Это великолепная латынь, здесь выдержан стиль, это настоящая церковная латынь! Сержант заявил, что разговаривал с одним психиатром, и тот поведал, что все это мог сделать... ну, это, в общем... это мог сделать священник... это очень больной священник. Как вы считаете?

Психиатр на секунду задумался. Потом кивнул.

— Да. Да. Возможно. Возможно, протестуя против чего-то, он делает это в состоянии лунатизма. Я, конечно, не уверен, но такое может быть.

— Вы кого-нибудь подозреваете, Дэмьен?

— Я вас не понимаю.

— Рано или поздно они ведь все приходят к вам, верно? Я имею в виду больных на территории колледжа, если такие есть. Есть ли среди них что-нибудь подобное? Я хотел сказать, среди их болезней.

— Нет, таких нет.

— Я знал, что вы мне все равно не скажете.

— Святой отец, я ничего не смог бы узнать в любом случае. При лунатизме человек способен разрешить многие свои проблемы, в основном такие решения бывают чисто символическими. Поэтому я все равно ничего не узнал бы.

Глава вторая

Регана лежала на столе в смотровой Кляйна с раскинутыми в стороны руками и ногами. Врач обеими руками прижал ее стопу к лодыжке. Несколько секунд он крепко удерживал стопу в таком положении, затем неожиданно отпустил. Стопа вернулась в нормальное положение.

Кляйн несколько раз проделал это, и каждый раз стопа неизменно возвращалась в первоначальное положение. Однако врач был явно недоволен таким результатом. Он попросил присмотреть за девочкой и вернулся в свой кабинет, где его ждала Крис.

Было двадцать шестое апреля. Кляйн не был в городе в воскресенье и понедельник, так что Крис смогла застать его только сегодня. Она сразу же рассказала ему о происшествии на вечеринке и о том, что произошло после этого.

— Кровать действительно двигалась?

— Да, она двигалась.

— Долго?

— Не знаю. Может, десять секунд, а может, пятнадцать. То есть это то, что я сама видела. Потом Регана замерла, и я заметила, что кровать мокрая. Может быть, она намочила ее раньше, я не знаю. Но после этого она сразу же крепко заснула и не просыпалась до следующего дня.

Доктор Кляйн задумался.

— Что это может быть? — заволновалась Крис.

Когда она приезжала в первый раз, Кляйн сказал, что кровать может двигаться вследствие клонических судорог, когда мышцы то напрягаются, то расслабляются. В хронической форме эта болезнь называется клонус и является показателем каких-либо изменений в мозгу.

— Да, но результат проверки этого не подтвердил, — недоумевал Кляйн и описал Крис процедуру. Он объяснил, что при клонусе прижатие стопы вызвало бы судороги. Врач сел за стол. Вид у него был крайне обеспокоенный.

— Она никогда не падала?

— В смысле на голову? — удивилась Крис.

— Ну да.

— Нет, такого я не припомню.

— Чем она болела в детстве?

— Да ничем особенным. Корью, свинкой, ветрянкой.

— Она ходила во сне?

— Только теперь.

— То есть вы хотите сказать, что на вечеринке она все делала во сне?

— Конечно. Она до сих пор ничего не может вспомнить. Даже того, что с ней происходило недавно.

— А что такое?

— В воскресенье, когда она спала, позвонил Говард из Рима.

«Что с Рэгс?»

«Спасибо тебе за телефонный звонок в день ее рождения».

«Я не мог выбраться с яхты. Так что, Бога ради, отстань от меня. Как только я вернулся в отель, я сразу же ей позвонил».

«В самом деле?»

«Разве она тебе не говорила?»

«Ты с ней разговаривал?»

«Да. Поэтому я и решил, что лучше поговорить с тобой. Что там за чертовщина у вас происходит?»

Рассказывая об этом доктору Кляйну, Крис объяснила, что, когда Регана окончательно проснулась, она ничего не помнила ни о телефонном разговоре, ни о том, что произошло на вечеринке.

— Тогда, вероятно, она говорит правду и насчет мебели, которую якобы кто-то двигает, — предположил Кляйн.

— Я не понимаю вас.

— Несомненно, она двигает ее сама, но делает это в состоянии прострации. Это называется автоматизмом. Состояние вроде транса. Пациент либо не понимает того, что делает, либо ничего не помнит.

— Да, но мне вот что пришло в голову, доктор. В ее комнате есть стол из тикового дерева. Он весит, наверное, полтонны. Как же она могла сдвинуть его с места?

— Патология часто связана с огромной физической силой.

— Да? А как это объяснить?

Доктор только пожал плечами:

— Этого никто не знает. Ну, а кроме того, что вы мне уже рассказали, больше вы не заметили ничего необычного в поведении дочери?

— Она стала очень неряшливой.

— Особенно необычного, — настаивал врач.

— Для нее это как раз особенно необычно. Подожди-

те-ка, я вспомнила. Вы помните ту планшетку, с которой она играла в капитана Гауди?

— В вымышленного друга?

— Теперь она его слышит.

Кляйн весь подался вперед и грудью лег на стол. По мере того как Крис рассказывала ему о дочери, в его глазах росло недоумение. Врач задумался.

— Вчера утром, — продолжала Крис, — я слышала, как Регана разговаривала с Гауди в спальне. То есть она бормотала какие-то слова, потом чего-то ждала, как будто играла с планшеткой. Когда я тихонько заглянула в комнату, планшетки у нее не оказалось. Рэгс сидела одна. Она кивала головой, как будто соглашалась с ним.

— Она его видела?

— Не думаю. Рэгс склонила голову немного набок. Она всегда так делает, когда слушает пластинки.

Врач в задумчивости кивнул головой.

— Да-да, понимаю. А еще что-нибудь в этом роде? Может быть, она видит что-нибудь? Или чувствует запахи?

— Запахи, — вспомнила Крис. — Да, верно. Ей постоянно кажется, что у нее в спальне плохо пахнет.

— Пахнет горелым?

— Точно! — воскликнула Крис. — Как вы догадались?

— Иногда это случается при нарушении химико-электрической деятельности мозга. У вашей дочери эти нарушения должны быть в височной доле головного мозга.

Кляйн указал ей на переднюю часть черепа.

— Вот здесь, в передней части мозга. Теперь подобное встречается редко, но в таких случаях у пациента, в основном перед приступом, возникают необычные галлюцинации. Эту болезнь часто путают с шизофренией, но это не шизофрения. Возникает она вследствие поражения височной доли головного мозга. Мы не ограничимся проверкой на клонус, миссис Макнейл. Я считаю, что теперь ей надо сделать ЭЭГ.

— А что это такое?

— Электроэнцефалограмма. Она покажет нам работу мозга в виде волнообразной кривой. Обычно, исходя из этой кривой, сразу выявляют все отклонения.

— Но вы действительно считаете, что у нее поражена височная часть мозга?

— Симптомы похожи, миссис Макнейл. Например, ее нечистоплотность, драчливость, неприличное поведение, а также автоматизм. И, конечно, эти припадки, из-за которых

дергалась кровать. Обычно после таких приступов больной мочится, или его рвет, или и то, и другое одновременно, а потом крепко засыпает.

— Вы хотите проверить Регану прямо сейчас? — забеспокоилась Крис.

— Да, я думаю, это надо сделать немедленно, но ей надо ввести успокоительное. Если девочка шевельнется или дернется, это скажется на результатах. Вы разрешите ввести ей, скажем, двадцать пять миллиграммов либриума?

— О Боже, конечно, делайте все, что необходимо, — говорила Крис, потрясенная всем услышанным.

Она прошла с ним в смотровую. Увидев в руках врача шприц, Регана завизжала, и кабинет огласился потоком ругательств.

— Крошка, это поможет тебе, — произнесла Крис умоляющим голосом. Она крепко держала Регану, и доктор Кляйн сделал укол.

— Я сейчас вернусь, — пообещал врач. Пока сиделка подготавливала в смотровой аппаратуру, он успел принять еще одного пациента. Вернувшись через некоторое время, Кляйн обнаружил, что либриум еще не подействовал на Регану.

Врач очень удивился.

— Это была приличная доза, — в недоумении заявил он Крис.

Кляйн ввел девочке еще двадцать пять миллиграммов либриума и вышел, а когда вернулся, Регана была уже кроткой и послушной.

— А что вы сейчас делаете? — испугалась Крис, наблюдая, как Кляйн присоединяет трубки с физиологическим раствором к голове Реганы.

— С каждой стороны по четыре провода, — начал объяснять врач. — Мы можем сравнить работу правого и левого полушарий мозга.

— А зачем их сравнивать?

— Так можно обнаружить значительные расхождения в работе обоих полушарий. Например, был у меня один пациент, которого мучили галлюцинации, — продолжал объяснять Кляйн, — как зрительные, так и слуховые. Я обнаружил отклонения, только сравнивая «волны» левого и правого полушарий, и оказалось, что галлюцинации возникали только в одной половине мозга.

— Это дико.

— Левое ухо и левый глаз функционировали нормально, лишь правая половина видела и слышала то, чего на самом деле не было. Ну, ладно, давайте теперь посмотрим.— Он включил машину. На флюоресцентном экране вспыхнули волны.— Сейчас мы наблюдаем работу обоих полушарий,— пояснил Кляйн.— Здесь мы будем искать остrokонечные волны, имеющие форму шпилья.— Он пальцами нарисовал в воздухе острый угол.— Надо искать волны очень высокой амплитуды. Они проходят со скоростью от четырех до восьми за секунду. Наличие этих «шпилей» и будет признаком поражения височной доли мозга,— закончил врач.

Он тщательно рассматривал на экране кривую линию, но никакой аритмии не обнаружил. Острых углов не было. Сравнивая работу правого и левого полушарий, Кляйн и здесь не выявил отрицательных результатов.

Врач нахмурился. Он ничего не мог понять. Повторил процедуру сначала. Никакой патологии не было.

Кляйн позвал сиделку и, оставив ее с Реганой, прошел с Крис в кабинет.

— Так что же с ней такое? — осведомилась Крис.

Врач задумчиво сидел на краю стола.

— Видите ли, ЭЭГ могла подтвердить мое предположение. Но отсутствие аритмии не опровергает его окончательно. Возможно, это истерия, но уж очень сильно отличаются кривые работы мозга до и после приступа.

Крис наморщила лоб:

— Доктор, вот вы постоянно повторяете «приступ». А как называется эта болезнь?

— Это не болезнь,— спокойно парировал врач.

— Ну все равно, ведь как-то вы это называете? Есть же какой-нибудь термин?

— «Это» называется эпилепсией, миссис Макнейл.

— О Боже!

Крис упала в кресло.

— Не переживайте так сильно,— успокоил ее Кляйн.— Я по опыту знаю, что многие люди часто преувеличивают опасность эпилепсии, и рассказы о ней большей частью обыкновенная выдумка.

— А это не наследственная болезнь?

— Предрассудки,— продолжал объяснять Кляйн.— Хотя так думают многие врачи. Практически каждый человек склонен к припадкам. Большинство людей рождается с сопротивляемостью к ним, только у некоторых эта сопротивля-

емость невелика. Так что разница между вами и эпилептиками не качественная, а количественная. Вот и все. И это не болезнь.

— Тогда что же это, просто галлюцинации?

— Расстройство. Расстройство, которое можно вылечить. Оно имеет огромное количество разновидностей, миссис Макнейл. Например, вот вы сейчас сидите передо мной и на секунду отключаетесь, в результате чего, скажем, упускаете несколько слов из моей речи. Это один из видов эпилепсии, миссис Макнейл. Вот так. Это настоящий эпилептический припадок.

— Да, но с Реганой происходит совсем другое, — возразила Крис, — и возможно ли, чтобы это проявлялось так неожиданно?

— Послушайте, мы же еще точно не знаем, что с вашей дочерью. Может быть, вы были правы, когда хотели отвести ее к психиатру. Мы не исключаем, что это психическое расстройство, хотя я лично в этом сомневаюсь. Лет двести или триста назад таких больных считали одержимыми дьяволом.

— Что-что?

— Считали, что мозгом таких людей управляет бес. Одно из обывательских объяснений расщепления личности.

— Послушайте, ну скажите мне хоть что-нибудь хорошее, — еле слышно проговорила Крис.

— Вы особенно не переживайте. Если это поражение мозга, то в каком-то смысле вам повезло. Надо только удалить этот шрам.

— Я уже ничего не понимаю.

— Может оказаться, что это всего лишь внутричерепное давление. Надо сделать несколько рентгеновских снимков черепа. У нас в этом здании есть специалист. Может быть, мне удастся направить вас к нему прямо сейчас. Хорошо?

— Да, конечно, договоритесь с ним.

Кляйн позвонил по телефону, и ему ответили, что Регану примут сразу же.

Он повесил трубку и написал на клочке бумаги: «Комната 21-я на 3-м этаже».

— Я позвоню вам завтра или в четверг. Надо пригласить еще невропатолога. А пока что назначаю ей либриум.

Он вырвал из блокнота рецепт и протянул его Крис.

— Будьте всегда рядом с дочерью, миссис Макнейл. В состоянии транса, если это транс, она может удариться или упасть. Ваша спальня находится рядом с ее комнатой?

— Да.
— Это хорошо. На первом этаже?
— Нет, на третьем.
— В ее спальне большие окна?
— Одно окно. А почему вас это интересует?
— Закрывайте получше окно, а еще лучше, сделайте так, чтобы оно запиралось на замок. В состоянии транса она может выпасть из окна.

Крис подперла лицо руками и задумчиво проговорила:

— Вы знаете, я сейчас подумала кое о чем.

— О чем же?

— Вы говорили, что после припадка она должна сразу же крепко засыпать. Как в субботу вечером. Ведь вы так говорили?

— Да, — согласился Кляйн. — Все правильно.

— Но как же тогда объяснить, что, жалуясь на дергающуюся кровать, моя дочь всегда бодрствовала?

— Вы мне про это не рассказывали.

— Но это так. И выглядела Регана очень хорошо. Она просто приходила в мою комнату и просилась ко мне на кровать.

— Она мочилась в кровати? Или ее рвало?

Крис отрицательно покачала головой:

— Регана прекрасно себя чувствовала.

Кляйн задумался на мгновение и закусил губу.

— Давайте подождем результата рентгеновских снимков.

Крис отвела Регану в рентгеновский кабинет и подождала, пока будут сделаны все снимки. Потом она отвезла дочь домой. После второго укола Регана вела себя необычайно спокойно и все время молчала. Теперь Крис решила как-нибудь занять девочку:

— Хочешь, поиграем в «Монополи» * или еще что-нибудь придумаем?

Регана отрицательно покачала головой и взглянула на мать невидящими глазами. Казалось, что девочка смотрит куда-то вдаль.

— Я хочу спать, — выговорила она голосом, таким же

* «Монополи» (монополия) — настольная игра, рассчитанная на широкий круг участников. Основана на постижении экономических законов. Аналогом в нашей стране является игра «кооператив».
(Примеч. пер.).

сонным, как ее глаза. Потом Регана повернулась и направилась в спальню.

Наверное, действует либриум. Крис посмотрела вслед дочери, вздохнула и пошла на кухню. Здесь Крис налила в чашку кофе и села за стол рядом с Шарон.

— Ну, как дела?

— Не спрашивай.

Крис вытащила рецепт.

— Лучше позвони в аптеку, пусть принесут вот это, — произнесла она и рассказала Шарон все, что говорил врач. — Если я буду занята или уйду куда-нибудь, смотри за ней хорошенько, ладно, Шар? Он...

Вдруг она что-то вспомнила.

— Да, кстати.

Крис встала из-за стола и поднялась в спальню Реганы. Дочка лежала в кровати и, похоже, уже спала.

Крис подошла к окну и закрыла его на щеколду. Она взглянула вниз. Окно выходило на крутую городскую лестницу, ведущую на М-стрит.

Да, лучше всего вызвать столяра, и немедленно.

Крис вернулась на кухню и добавила для Шарон в список домашних работ еще один пункт. Потом перечислила Уилли, что приготовить на обед, и позвонила своему агенту.

— А как насчет сценария? — поинтересовался он.

— Сценарий прекрасный, Эд. Давай согласие. Когда начало?

— Твоя часть будет сниматься в июле, так что подготовку надо уже начинать.

— Как?! Уже?!!

— Да, надо начинать. Это тебе не роль играть, Крис. Надо провести большую подготовительную работу. Заняться с декоратором, костюмером, гримером, продюсером. Нужно выбрать оператора, редактора и обговорить все сцены. Ну, я надеюсь, ты все это и сама знаешь.

— Черт!

— У тебя что-нибудь случилось?

— Да, у меня проблема.

— Что случилось?

— Регана серьезно заболела.

— Да? Что с ней?

— Еще не знаю. Ждем результата анализов. Послушай, Эд, я не могу ее бросить.

— А кто говорит, что ты должна ее бросить?

— Нет-нет, ты меня не понял, Эд. Я должна быть с ней. Ей нужен мой уход. Я не могу объяснить тебе всего, Эд, это так запутано. Но неужели нельзя немного подождать?

— Нельзя. Они хотят пустить фильм под Рождество. Поэтому и спешат так.

— Ради Бога, Эд, ну две-то недели они могут повременить. Поговори с ними!

— Я ничего не понимаю. Сначала ты мне все уши прожужжала, что хочешь поставить фильм, а теперь неужи...

— Все правильно, Эд,— перебила Крис.— Я очень хочу, просто ужас как хочу поставить фильм, но тебе все равно придется сказать им, что мне нужно немного времени.

— Если я так скажу, мы только все испортим. Это мое личное мнение. Они ведь не особенно держатся за тебя, и тебе это известно. Если Мору передадут, что ты не очень горюешь желанием, он переиграет. Так что будь разумней, Крис. Делай, конечно, то, что сочтешь нужным. Мне все равно. Пока этот фильм не станет популярным, мы не получим за него много денег. Но если ты хочешь, я попрошу у них отсрочки, хотя этим мы только все испортим. Так что я должен им сказать?

— О Боже! — вздохнула Крис.

— Я знаю, это нелегко.

— Да уж. Ну послушай...

Она задумалась. Потом покачала головой:

— Нет, Эд, они просто должны подождать.

— Это твое окончательное решение?

— Да, Эд. И позвони мне потом.

— Ладно, позвоню. До свидания.

Крис повесила трубку и закурила сигарету.

— Между прочим, я разговаривала с Говардом. Я тебе не рассказывала? — спросила она Шарон.

— Да? Когда? Ты сказала ему про Рэгс?

— Да, я попросила, чтобы он к ней приехал.

— Приедет?

— Не знаю. Вряд ли,— засомневалась Крис.

— Может, попытается вырваться?

— Да, наверное,— вздохнула Крис.— Но его тоже можно понять, Шар. Я-то знаю, в чем тут дело.

— В чем же?

— Опять эта проблема «муж кинозвезды». А Рэгс была частью этого. Она везде была со мной. Нас вместе снимали

на обложки журналов, в любой рекламе мы также выступали вдвоем. Неразлучные мать и дочь — на всех фотографиях. — Крис стряхнула пепел. — А может, это чепуха, кто его знает? У меня все смешалось. Но с ним трудно наладить отношения, Шар. Лично я просто не в состоянии.

Она заметила у Шарон книгу.

— Что ты читаешь?

— Не поняла. А, это! Я совсем забыла. Миссис Пэррин просила тебе передать.

— Она заходила?

— Да, утром. Жалела, что не застала тебя дома. Она уезжает из города, но как только вернется, сразу же позвонит.

Крис кивнула и посмотрела на книгу. «Изучение дьяволопоклонничества и явлений, связанных с ним». Она открыла книгу и внутри нашла записку от Мэри Джо:

«Дорогая Крис, я случайно зашла в библиотеку Джорджтаунского университета и взяла для вас эту книгу. Здесь есть главы о черной мессе. Но вы прочитайте все, мне кажется, вы найдете здесь много интересного. До скорой встречи.

Мэри Джо».

— Очаровательная женщина, — восхитилась Крис.

— Да, — согласилась Шарон.

Крис провела пальцем по обрезу книги:

— Ну и что там насчет черной мессы? Что-нибудь очень противное?

Шарон потянулась и зевнула:

— Вся эта чушь меня не интересует.

— А как же твои религиозные увлечения?

— Да брось ты.

Крис оттолкнула книжку, и та по столу заскользила к Шарон.

— Прочитай и расскажи мне.

— И потом мучайся ночью в кошмарах, да?

— А за что я тебе деньги плачу?

— За упрёки.

— Могу и без тебя обойтись, — проворчала Крис и раскрыла вечернюю газету. — Все, что от тебя требуется, — это молча выслушивать мои наставления, а ты уже целую неделю огрызаешься. — В порыве раздражения она отбросила газету. — Включи радио, Шар. И поймай новости.

Шарон пообедала с Крис, а потом ушла на свидание. Книгу она забыла. Крис увидела, что книга по-прежнему лежит на столе, и решила заглянуть в нее, но почувствовала вдруг, что сильно устала. Она оставила книгу и поднялась наверх.

Крис заглянула к Регане. Дочка еще спала, и спала, видимо, крепко. Крис еще раз проверила окно. Уходя из комнаты, она оставила дверь открытой и, прежде чем лечь спать, убедилась, что дверь в ее спальню тоже открыта. Крис немного посмотрела телевизор и вскоре заснула.

На следующее утро книга о дьяволопоклонничестве исчезла со стола.

Но никто этого не заметил.

Глава третья

Невропатолог принялся рассматривать рентгеновские снимки. Он искал в черепе маленькие углубления, похожие на следы от крошечных гвоздиков. За его спиной, сложив руки, стоял доктор Кляйн. Врачам не удалось обнаружить по снимкам ни поражения мозга, ни скопления жидкости, ни изменения в шишковидной железе. Теперь они искали характерные патологические изменения формы черепа, указывающие на хроническое внутричерепное давление.

Но им так и не удалось ничего найти. Было двадцать восьмое апреля, четверг.

Невропатолог снял очки и аккуратно засунул их в левый нагрудный карман куртки.

— Сэм, я ничего не нахожу. Абсолютно ничего.

Кляйн, нахмурившись, уставился в пол и качал головой:

— Этого не может быть.

— Хочешь, сделаем дополнительные снимки?

— Не стоит. Надо взять пункцию спинного мозга.

— Да, пожалуй.

— А пока что тебе надо ее осмотреть.

— Сегодня?

— Я...— Тут зазвонил телефон.— Извини.— Он поднял трубку.— Я слушаю.

— Вас просит миссис Макнейл. Говорит, что дело очень срочное.

— По какому коду?

— Номер двенадцать.

Кляйн сразу же соединился с Крис.

— Миссис Макнейл, это доктор Кляйн. Что у вас случилось?

Срывающимся от истерики голосом Крис закричала:

— О Боже, доктор, с Реганой плохо! Вы можете прийти прямо сейчас?

— Что с ней?

— Не знаю, доктор, я просто не могу этого описать! Ради Бога, приходите! Как можно скорее!

— Иду.

Он повесил трубку и соединился со своим секретарем:

— Сюзанна, попроси Дрезнера принять моих пациентов. Переодевшись, Кляйн обратился к невропатологу:

— Это она. Хочешь, пойдём вместе со мной, это совсем рядом, через мост.

— У меня есть час свободного времени.

— Тогда пошли.

Через несколько минут врачи были на месте. Дверь открыла испуганная Шарон, и они сразу же услышали из спальни Реганы крики ужаса и стоны.

— Меня зовут Шарон Спенсер, — представилась девушка. — Проходите, пожалуйста. Она наверху.

Шарон открыла дверь в спальню.

Крис рванулась к двери. Лицо ее было искажено ужасом.

— О Господи, проходите! — дрожащим голосом выдавила она. — Вы посмотрите, что с ней делается!

— Это доктор...

Кляйн запнулся. Он увидел Регану. Истерично крича и заламывая руки, она поднялась над кроватью, на секунду зависла в горизонтальном положении и тяжело рухнула на матрац. Затем ее тело опять приподнялось и вновь упало.

— Мапочка, останови его! — визжала девочка. — Останови его! Он хочет меня убить! Останови его! Остано-о-о-о-в-и-и-и-и-и его-о-о-о-о, ма-а-а-а, ма-а-а-а!

— Крошка моя! — зарыдала Крис и закусила кулак. Она умоляюще посмотрела на Кляйна. — Доктор, что это? Что с ней происходит?

Врач растерянно покачал головой и, не веря своим глазам, продолжал наблюдать за Реганой. Она то поднималась над постелью, то, задышавшись, падала на кровать, будто невидимые руки хватали ее и подбрасывали снова и снова.

Крис дрожащей рукой прикрыла свои глаза.

— О Боже, Боже,— прохрипела она,— доктор, что это? Неожиданно движение прекратилось, и Регана закрутилась на кровати. Глаза ее закатились, и теперь были видны одни белки.

— Он сжигает меня... с ж и г а е т меня! — стонала девочка.— Я г о р ю! Г о р ю!

Она начала быстро сучить ногами. Врачи подошли поближе и встали по обе стороны кровати. Дергаясь и извиваясь, Регана выгнула шею и запрокинула назад голову. В глаза врачам бросилось ее распухшее горло. Она начала бормотать что-то странным грубым голосом, исходящим, казалось, из груди.

— ...откньай... откньай...

Кляйн нащупал ее пульс.

— Ну, маленькая, давай посмотрим, что с тобой случилось,— тихо предложил он.

Вдруг врач пошатнулся и отпрянул, чуть не упав на пол. Регана неожиданно села и оттолкнула его с такой силой, что он отлетел в другой конец комнаты. Лицо ее было искажено злобой.

— Этот поросенок м о й! — взревела она.— Она м о я! Не прикасайтесь к ней! Она моя!

Регана визгливо рассмеялась и упала на спину, как будто ее кто-то толкнул.

Крис, задыхаясь от слез, выбежала из комнаты.

Кляйн подошел к постели. Регана нежно поглаживала свои руки.

— Да-да, ты моя жемчужина,— тихо напевала она тем же странным грубым голосом. Глаза девочки были закрыты, и, казалось, она входит в экстаз:

— Мой ребенок... мой цветочек... моя жемчужина...

Потом Регана вдруг опять начала извиваться, выкрикивая лишь отдельные невнятные слова. Внезапно она резко села с беспомощным и испуганным выражением лица. Глаза девочки были широко раскрыты.

Она замаякала.

Потом залаяла.

Потом заржала.

Потом, согнувшись пополам, начала стремительно вращать свое туловище. При этом Регана тяжело и прерывисто дышала.

— О, остановите его! — рыдала она.— Пожалуйста,

остановите его! Мне так больно! Заставьте его остановиться! Мне трудно дышать!

Кляйн не смог вынести это зрелище. Он взял свой чемоданчик, поставил его на подоконник и начал приготавливать все для укола.

Невропатолог оставался у кровати. Регана упала на спину, как будто ее снова кто-то толкнул. Глаза ее закатились, и, бешено вращая белками, она забормотала что-то низким, грудным голосом. Невропатолог склонился над ней, пытаясь разобрать слова. Потом он заметил, что Кляйн подзывает его к себе. Врач направился к окну.

— Я введу ей либриум,— зашептал ему Кляйн, поднося шприц к свету,— но тебе придется подержать ее.

Невропатолог кивнул. Он внимательно вслушивался в бред девочки, склонив голову в сторону кровати.

— Что она говорит?— еле слышно поинтересовался Кляйн.

— Не знаю. Какую-то чепуху. Бессмысленный набор звуков.

Такое объяснение ему самому не очень-то понравилось.

— Она произносит эти слова так, будто они что-то обозначают. Я ясно слышу ритм.

Кляйн кивнул ему, и они тихо подошли к кровати с обеих сторон. Когда они приблизились, Регана напряглась и застыла. Врачи понимающе переглянулись. Тело девочки начало изгибаться назад, как лук, в немыслимую дугу, пока голова не дотронулась до пола. При этом Регана оглушительно визжала от боли.

Врачи вопросительно взглянули друг на друга. Кляйн подал сигнал невропатологу. Внезапно Регана потеряла сознание, упала и помочилась на кровать.

Кляйн нагнулся и приподнял ей веко. Потом нащупал пульс.

— Она скоро придет в себя,— прошептал он.— Помогите, у нее обморок. Как вы считаете?

— Кажется, да.

— Давайте все же застрахуемся,— предложил Кляйн.

Он сделал ей укол.

— Что вы думаете?— поинтересовался у невропатолога Кляйн, прижав ватку к месту укола.

— Поражение височной доли мозга. Возможно, Сэм, что это шизофрения, но началось все слишком неожиданно. Раньше ничего этого не было?

Кляйн отрицательно покачал головой.

— Может быть, истерия?

— Я уже думал об этом.

— Естественно. Но ведь тогда получается, что она проделывает все это с о з н а т е л ь н о. — Невропатолог недоверчиво покачал головой. — Нет, здесь явная патология, Сэм. Ее сила, бред преследования, галлюцинации. Да, при шизофрении все эти симптомы наблюдаются. Но такие приступы бывают и при поражении височной доли мозга. Здесь есть еще кое-что, что меня беспокоит... — Он не договорил и, задумавшись, поднял брови.

— Что такое?

— Я точно не уверен, но мне кажется, здесь налицо признаки раздвоения личности: «моя жемчужина... мой ребенок... мой цветочек», «поросенок». Мне показалось, что она говорила это про себя. А ты как думаешь?.. Или я уже сам начинаю сходить с ума?

Кляйн пальцами поглаживал себя по губам, обдумывая ответ.

— Ну, если говорить честно, тогда я об этом не подумал, но теперь... — Кляйн замычал. — Возможно. Да-да, это возможно. Сейчас, пока она еще не пришла в себя, можно взять у нее пункцию спинного мозга, и, может быть, кое-что прояснится.

Невропатолог кивнул.

Кляйн порылся в своем чемоданчике, нашел таблетку и положил себе в карман.

— Ты можешь остаться?

Невропатолог взглянул на часы.

— У меня есть еще полчаса.

— Давай поговорим с ее матерью.

Они вышли из комнаты и направились в зал.

Крис и Шарон, опустив головы, стояли у балюстрады. Когда врачи подошли, Крис утерла нос влажным скомканным платком. Глаза ее покраснели от слез.

— Девочка спит, — сказал Кляйн.

— Слава Богу, — вздохнула Крис.

— Я ввел ей большую дозу успокоительного. Теперь, возможно, она проспит до завтрашнего утра.

— Хорошо, — прошептала Крис. — Доктор, вы уж меня простите, что я веду себя как ребенок.

— Вы себя прекрасно ведете, — попытался убедить ее

Кляйн.— Это очень трудное испытание. Да, кстати, позвольте вам представить доктора Дэвида.

— Очень приятно,— выдавила из себя Крис. На ее лице появилось подобие улыбки.

— Доктор Дэвид — невропатолог.

— И что вы об этом думаете? — обратилась к обоим врачам Крис.

— Мы все-таки считаем, что это поражение височной доли мозга,— настаивал Кляйн,— и...

— Боже, да о чем, черт возьми, вы здесь говорите! — взорвалась Крис.— Она ведет себя, как психопатка, у нее раздвоение личности! Что вы...

Вдруг она запнулась и опустила голову.

— Наверное, я перенервничала. Извините.— Затравленными глазами Крис посмотрела на Кляйна.— Что вы говорили?

Ответил ей Дэвид:

— Миссис Макнейл, настоящих, признанных наукой случаев раздвоения личности не наберется и сотни. Это очень редкая болезнь. Я знаю, что проще всего сейчас обратиться к психиатру, но любой опытный психиатр сначала убедится в том, что исключены все возможные болезни тела. Так надо действовать и нам.

— Ладно. Так что же дальше? — вздохнула Крис

— Надо взять пункцию спинного мозга,— заявил Дэвид.

— Спинного мозга?

Дэвид кивнул.

— То, что мы не увидели на рентгеновских снимках и на кривой ЭЭГ, может быть, проявится здесь. По крайней мере это исключит некоторые другие предположения. Лучше заняться этим прямо сейчас, пока девочка спит. Я, разумеется, сделаю ей местное обезболивание, но боюсь, как бы она не пошевелилась.

— Как же Регана могла прыгать на кровати таким странным образом? — прищурилась от волнения Крис.

— Думаю, что мы это уже обсудили,— отрезал Кляйн.— При патологическом состоянии может наблюдаться огромная физическая сила и ускоренная реакция организма. Как насчет анализа? Вы согласны?

Крис вздохнула и поникла, уставившись в пол.

— Давайте,— пробормотала она.— Делайте все, что необходимо, только бы она выздоровела.

— Постараемся,— заверил ее Кляйн.— Можно, я воспользуюсь вашим телефоном?

— Конечно. Пройдемте в кабинет.

— Да, кстати,— вставил Кляйн,— ей надо поменять постельное белье.

— Я все сделаю,— вызвалась Шарон и прошла в спальню Реганы.

— Не хотите выпить кофе? — предложила Крис по дороге в кабинет.— Сегодня слуг нет дома, но я могу приготовить растворимый.

Врачи отказались.

— Я смотрю, вы еще ничего не сделали с окном,— заметил Кляйн.

— Нет, мы уже сделали заявку,— возразила ему Крис.— Завтра придут мастера и вставят замки, запирающиеся на ключ.

Врач одобрительно кивнул.

Они вошли в кабинет, Кляйн позвонил в больницу и инструктировал своего помощника, какие медикаменты и инструменты принести.

— И подготовьте лабораторию для исследования анализа,— добавил он.— Сразу после процедуры я сам займусь этим.

Положив трубку, Кляйн повернулся к Крис и попросил рассказать, что произошло с тех пор, как он видел Регану последний раз.

— Так. Во вторник,— раздумывала Крис,— ничего не было. Регана сразу пошла в спальню и проспала до следующего утра, потом... Нет-нет, подождите. Нет, она не спала. Все правильно. Уилли мне говорила, что рано утром в кухне слышала ее. Помню, я еще обрадовалась, решив, что к ней вернулся аппетит. Но Регана опять возвратилась в спальню и оставалась там весь день.

— Она спала? — заинтересовался Кляйн.

— Нет, по-моему, она читала,— задумалась на секунду Крис.— И я немножко успокоилась. Подумала, что дело пошло на лад. Прошлой ночью опять ничего не случилось. Все началось этим утром.— Она шумно вздохнула.— Боже, неужели все это было!

Крис рассказала врачам, что с утра сидела на кухне. Вдруг туда вбежала визжа Регана и спряталась за стулом. Она вцепилась в руки матери и испуганным голосом сообщила, что за ней гонится капитан Гауди. Он ее щиплет, толкает, ругает—

ся, грозитя убить ее. «Вот он!» — пронзительно закричала девочка, указывая на дверь в кухню. Потом она упала на пол. Тело ее задергалось в судорогах, она задышалась и плакала. Регана кричала и жаловалась, что капитан Гауди бьет ее ногами. Потом неожиданно встала посреди кухни, выставила руки в стороны и начала вертеться, «как волчок». Это длилось несколько минут, пока она в изнеможении не свалилась на пол.

— А потом вдруг, — дрожащим голосом продолжала Крис, — я заметила в ее глазах ненависть, такую ненависть... и она сказала мне...

Ей не хватило воздуха.

— Она назвала меня... О Боже!

Крис, закрыв лицо руками, расплакалась.

Кляйн спокойно подошел к бару, достал стакан и налил воды из-под крана. Потом повернулся к Крис.

— Проклятие, где сигареты? — Она робко вздохнула.

Кляйн протянул ей стакан с водой, а также маленькую зеленую таблетку.

— Лучше проглотите вот это, — посоветовал он.

— Это транквилизатор?

— Да.

— Дайте мне еще одну.

— Одной вполне хватит.

— Вы не слишком щедры, — попыталась улыбнуться Крис.

Она проглотила таблетку и вернула доктору пустой стакан.

— Спасибо. Потом все началось. Вся эта ерунда. Регана вела себя так, как будто это была не она, а кто-то другой.

— Например, капитан Гауди? — вмешался Дэвид.

Крис удивленно посмотрела на него. Дэвид ждал ответа.

— Что вы имеете в виду? — не поняла Крис.

— Не знаю, — пожал плечами Дэвид. — Я просто спросил.

Крис повернулась к камину и уперлась в него отсутствующим взглядом. Она была чем-то напугана.

— Я не знаю, — грустно закончила Крис. — Просто кто-то другой.

На мгновение все замолчали. Потом Дэвид встал и сообщил, что ему пора идти. Бросив на прощание несколько ободряющих слов, он откланялся и вышел.

Кляйн проводил его до двери.

— Ты проверишь на сахар? — напомнил ему Дэвид.

— Нет, я же провинциальный идиот.

Дэвид чуть заметно улыбнулся.

— Я сам немного перенервничал,— задумчиво проговорил он и отвернулся.— Странный случай.

Невропатолог, размышляя о чем-то, рассеянно поглаживал свой подбородок. Потом он взглянул на Кляйна:

— Если что-нибудь обнаружишь, дай мне знать.

— Ты будешь дома?

— Да. Позвони мне.— Дэвид махнул на прощание рукой и вышел.

Через некоторое время привезли необходимые инструменты. Кляйн сделал Регане обезболивающий укол новокаина в спину, и Крис с Шарон наблюдали, как он, поглядывая время от времени на манометр, выкачивал спинномозговую жидкость.

— Давление нормальное,— тихо констатировал врач.

Когда все было кончено, он подошел к окну и проверил, не помутнела ли жидкость.

Она была прозрачной.

Кляйн осторожно сложил пробирки с жидкостью в свой чемоданчик.

— Вряд ли она проснется до утра,— заверил он женщин,— но если вдруг это произойдет ночью, могут возникнуть кое-какие проблемы. Вам понадобится медсестра, которая сможет делать ей уколы.

— Можно, я сама буду их делать?— беспокоилась Крис.

— А почему не медсестра?

Крис не хотела признаваться в том, что не доверяет ни врачам, ни медсестрам.

— Я лучше буду делать сама,— попросила она.— Можно?

— Эти уколы делать непросто,— засомневался врач.— Крошечный пузырек воздуха может стать крайне опасным.

— Я знаю, как это делается,— вмешалась Шарон.— Моя мать была директором орегонской школы медсестер.

— Шар, а может быть, ты сама смогла бы делать эти уколы? Ты не можешь остаться сегодня на ночь?— попросила Крис.

— Только на сегодня,— вмешался Кляйн.— Ей, может быть, придется достаточно долго лежать под капельницей. Это будет зависеть от течения болезни.

— А вы не можете научить меня делать уколы? — заволновалась Крис.

Врач кивнул.

— Думаю, что смогу.

Он выписал рецепт на торазин и на шприцы. Потом отдал его Крис.

— Вот это пусть принесут прямо сейчас.

Крис передала рецепт Шарон.

— Пожалуйста, сделай это для меня, хорошо? Позвони в аптеку, и пусть все это доставят сюда. А я пойду с доктором и дождусь результата анализа... Вы не возражаете? — спросила она врача.

Кляйн заметил, как застыло в ожидании ответа ее лицо. Поймав беспомощный и смущенный взгляд Крис, он кивнул.

— Представляю себе, что вы сейчас чувствуете, — Кляйн улыбнулся. — Я себя примерно так же чувствую, когда разговариваю о своей машине с механиком.

Они вышли из дома вчетвером в шесть часов восемнадцать минут.

В своей Росслинской лаборатории Кляйн проводил исследование спинномозговой жидкости. Сначала он определил количество белка. Норма.

Потом перешел к подсчету кровяных телец и, наконец, исследовал жидкость на сахар. Патологии не обнаружил.

Крис в отчаянии заломила руки.

— Вот и все. Приехали, — промолвила она безжизненным голосом.

— У вас в доме есть наркотики? — поинтересовался врач.

— Что?

— Фенамин? ЛСД?

— Да нет. Ничего подобного я у себя не держу.

Кляйн устался на свои ботинки, потом снова посмотрел на Крис и произнес:

— Ну вот теперь, миссис Макнейл, пора проконсультроваться у психиатра.

Крис вернулась домой вечером в семь часов двадцать одну минуту и у двери окликнула Шарон.

Шарон в доме не было.

Крис поднялась в спальню Реганы. Девочка все еще спала. На постельном белье ни единой морщинки. Крис заметила, что окно распахнуто настежь. Пахло мочой. Наверное, Шарон хотела проветрить комнату. Куда она ушла?

Крис спустилась по лестнице и встретила Уилли.

— Привет, Уилли. Как сегодня развлекались?

— Ходили по магазинам. Потом в кино.

— А где Карл?

Уилли неопределенно махнула рукой.

— Сегодня он отпустил меня послушать «Битлз».

— Неплохо.

Уилли победно взмахнула рукой.

Было семь часов тридцать минут.

В восемь часов одну минуту, пока Крис в кабинете разговаривала по телефону со своим агентом, вернулась Шарон с парой свертков, плюхнулась на стул и вопросительно уставилась на свою хозяйку.

— Где ты была? — поинтересовалась Крис, повесив трубку.

— А он тебе ничего не передал?

— Кто?

— Бэрк. Его здесь нет? Где он?

— Он был здесь?

— А разве, когда ты вернулась, его уже не было?

— Ну-ка, расскажи все по порядку, — попросила Крис.

— Да тут такая ерунда получилась, — раздраженно начала Шарон и тряхнула головой. — Я не смогла дозвониться аптекарю, и, когда пришел Бэрк, я подумала, что оно к лучшему; он посидит с Реганой, пока я схожу за торазином. — Она пожала плечами. — Я должна была это предвидеть.

— Вот именно. Ну, и что же ты купила?

— Я подумала: раз у меня есть время, куплю-ка я резиновую простыню для Реганы. — Шарон достала попку.

— Ты ела?

— Нет еще. Думаю, можно проглотить бутерброд. Ты не хочешь?

— Пожалуй. Пойдем перекусим.

— Ну как анализы? — спросила по дороге на кухню Шарон.

— Никак. Все результаты отрицательные. И теперь к психиатру, — с отчаянием в голосе вымолвила Крис.

После бутербродов и кофе Шарон научила Крис делать уколы.

Некоторое время Крис терзала шприцем грейпфрут и добилась определенных успехов. В девять часов двадцать восемь минут в прихожей раздался звонок. Уилли открыла дверь. Пришел Карл. По дороге в свою комнату он со всеми поздоровался и объявил, что забыл дома ключи.

— Не могу в это поверить,— засомневалась Крис.— Первый раз за все время он что-то забыл.

Весь вечер они проторчали в кабинете, уставившись в телевизор.

В одиннадцать часов сорок шесть минут зазвонил телефон. Крис сняла трубку. Звонил молодой ассистент режиссера. Голос у него был расстроенный.

— Ты еще ничего не слышала, Крис?

— Нет, а что такое?

— Очень плохие дела.

— В чем дело? — заволновалась Крис.

— Бэрк умер. Он где-то напился. Оступился на лестнице и скатился по ней. Пешеход на М-стрит видел, как он падал. Бэрк сломал себе шею. Жуткое зрелище. Такой страшный конец!

Трубка выпала из рук Крис. Она беззвучно рыдала, едва удерживаясь на ногах. Шарон подхватила ее, опустила трубку и проводила Крис до дивана.

— Бэрк умер! — всхлипнула Крис.

— Боже мой! — выдохнула Шарон.— Что с ним случилось?

Крис не могла ничего толком рассказать. Она плакала.

Немного позже они разговорились и проболтали всю ночь. Крис пила. Она вспоминала Дэннингса.

— Ах, Боже мой! — вздыхала Крис.— Бедный Бэрк!.. Бедный Бэрк!

К ней снова вернулись мысли о смерти.

В пять часов утра Крис стояла, облокотившись на стойку бара и уныло свесив голову. Она ждала, когда из кухни вернется Шарон со льдом.

Наконец Крис услышала шаги.

— Я до сих пор не могу в это поверить,— промолвила Шарон, входя в кабинет.

Крис взглянула на нее и замерла.

Прижимаясь к полу, в какой-то паучьей позе, позади Шарон стояла Регана. Тело ее было выгнуто, голова почти касалась

лась ног, язык, как жало змеи, то и дело высовывался изо рта со страшным присвистом.

— Шарон! — выдохнула Крис, холодея от ужаса и не спуская глаз с Реганы.

Шарон остановилась. Регана тоже замерла. Шарон повернулась... и ничего не увидела. И вдруг завизжала, почувствовав, как язык Реганы коснулся ее лодыжки.

Крис побелела.

— Звони доктору и поднимай его с кровати! Пусть не медленно приходит!

Куда бы ни направилась Шарон, Регана по пятам следовала за ней.

Глава четвертая

Пятница, двадцать девятое апреля. Пока Крис ждала в холле, доктор Кляйн и известный психиатр осматривали Регану.

Врачи уже полчаса наблюдали за ней. Девочка время от времени корчила гримасы и прижимала к ушам руки, как будто ее мучили оглушительные звуки. Она изрыгала ругательства. Орала от боли. Потом упала лицом в подушку и, подтолкнув на живот ноги, замычала что-то нечленораздельное.

Психиатр отозвал Кляйна от кровати.

— Давайте введем ей транквилизатор, — прошептал он. — Может быть, мне удастся с ней поговорить.

Терапевт кивнул и приготовил шприц с пятьюдесятью миллиграммами торазина. Почувствовав приближение врачей, Регана быстро повернулась, а когда психиатр попытался ее удержать, закричала от ярости. Она ударила его, а потом, укусив, отпихнула прочь. Позвали на помощь Карла, и только тогда Кляйну удалось сделать укол. Однако одной дозы оказалось недостаточно. Сделали второй укол и стали дожидаться результатов.

Регана успокоилась. Она изумленно уставилась на врачей и заплакала:

— Где мама? Я хочу маму!

Психиатр кивнул Кляйну, и тот пошел за Крис.

— Твоя мама сейчас придет, крошка, — успокаивал Регану психиатр. Он присел на кровать и погладил девочку по голове.

— Успокойся, маленькая. Все хорошо. Я доктор.

— Я хочу маму! — не унималась Регана.

— Она уже идет. Тебе больно, малышка?

Регана кивнула. Слезы ручьями лились по ее щекам.

— Где?

— Везде! — всхлипнула Регана. — Все болит!

— О моя малышка!

— Мамочка!

Крис подбежала к кровати и крепко обняла дочь. Потом расцеловала ее и попыталась успокоить. После этого расплакалась сама.

— Рэгс! Ты опять с нами! Теперь это действительно ты!

— Мама, он мне делает больно! — сквозь слезы проговорила Регана. — Пусть он перестанет бить меня. Ладно? Ну, пожалуйста!

Крис непонимающе взглянула на дочь, потом на врачей. В глазах ее была мольба.

— Ей ввели большую дозу успокоительного, — спокойно объяснил психиатр.

— Вы хотите сказать...

Он перебил ее:

— Посмотрим.

Затем повернулся к Регане.

— Ты можешь сказать, что с тобой случилось, малютка?

— Я не знаю, — ответила девочка. — Я не знаю, почему он так со мной обращается. — Слезы покатались из ее глаз. — Ведь мы с ним всегда дружили!

— С кем?

— С капитаном Гауди! И еще мне кажется, будто во мне кто-то сидит! И заставляет меня безобразничать!

— Капитан Гауди?

— Я не знаю!

— Человек?

Регана кивнула.

— Кто?

— Я не знаю!

— Ну ладно, не волнуйся. Давай сыграем в одну игру.

Психиатр достал из кармана блестящий маленький диск на серебряной цепочке.

— Ты видела когда-нибудь в кино, как людей гипнотизируют?

Девочка кивнула.

— Ну вот, я и есть гипнотизер. Да, я все время гипнотизирую людей. Конечно, если они мне сами разрешают делать это. Если я тебя сейчас загипнотизирую, то человек, который внутри тебя, выйдет наружу. Ты хочешь, чтобы я тебя загипнотизировал? Посмотри, твоя мама здесь, она рядом с тобой.

Регана вопросительно взглянула на мать.

— Давай попробуем, крошка,— подбодрила ее Крис.— Не бойся.

Регана повернулась к психиатру и кивнула.

— Ладно,— прошептала она.— Только не очень долго.

Психиатр улыбнулся и вдруг услышал звук бьющегося стекла. Хрупкая фарфоровая ваза упала на пол с письменного стола, о который опирался локтями доктор Кляйн. Врач изумленно взглянул на свой локоть, а потом на разбитую вазу. Он нагнулся и начал подбирать осколки.

— Ничего-ничего, Уилли все уберет,— запротестовала Крис.

— Сэм, закрой, пожалуйста, ставни,— попросил психиатр.— И задерни занавески.

Когда в комнате стало темно, психиатр взял в руку цепочку и начал легонько раскачивать блестящий диск. Он поймал светящийся блик и приступил к гипнозу.

— Смотри сюда, Регана, смотри сюда, и ты скоро почувствуешь, как твои веки становятся все тяжелей и тяжелей...

Скоро девочка вошла в состояние транса.

— Очень похоже,— прошептал психиатр. Затем он обратился к девочке: — Тебе удобно, Регана?

— Да.— Голос был тихий и спокойный.

— Регана, сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Внутри тебя кто-нибудь есть?

— Иногда.

— Когда?

— Когда как.

— Этот «кто-то» живой?

— Да.

— Кто это?

— Я не знаю.

— Капитан Гауди?

— Я не знаю.

— Человек?

— Я не знаю.

- Но он находится в тебе?
- Да, иногда.
- А сейчас?
- Не знаю.
- Если я попрошу его поговорить со мной, ты согласишься ему отвечать?
- Нет!
- Почему нет?
- Я боюсь.
- Чего?
- Не знаю!
- Если он поговорит со мной, Регана, я думаю, он выйдет из тебя. Ведь ты хочешь, чтобы он вышел из тебя?
- Да.
- Тогда разреши ему поговорить. Ты разрешаешь ему говорить?
- Да.
- Сейчас я говорю с тем, кто находится внутри Реганы, — уверенно начал психиатр. — Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы.
- На секунду он замер, чтобы дать возможность словам дойти до ее сознания. Потом повторил еще раз:
- Если ты здесь, то ты тоже загипнотизирован и должен отвечать на все мои вопросы. Теперь отвечай: ты здесь?
- Молчание. И тут произошло что-то невероятное: дыхание Реганы вдруг стало смрадным. Его можно было почувствовать на расстоянии нескольких шагов. Блик от диска застыл на лице девочки.
- Крис в ужасе затаила дыхание. Черты девичьего лица исказились, превращаясь в отвратительную маску: губы растянулись в разные стороны, распухший язык вывалился изо рта.
- Боже мой! — выдохнула Крис.
- Ты и есть существо, живущее в Регане? — продолжал спрашивать психиатр.
- Девочка кивнула.
- Кто ты?
- Откинься, — пробасила она грудным голосом.
- Это твоё имя?
- Регана кивнула.
- Ты человек?
- Она прорычала:
- Ад!
- Это твой ответ?

- Ад!
- Если это «да», то кивни головой.
- Она кивнула.
- Ты говоришь на иностранном языке?
- Ад.
- Откуда ты? Кто тебя прислал?
- Гоб.
- Ты из пустыни Гоби?
- Агобтаайтэнь, — возразила Регана.

Психиатр на секунду задумался, а потом решил сделать еще одну попытку:

— Когда я буду задавать тебе вопросы, отвечай движением головы: кивок, если «да», и покачивание в стороны, если «нет». Ты понимаешь меня?

Регана кивнула.

- Твои ответы имеют смысл? — спросил он. — Да.
- Тебя Регана знала раньше? — Нет.
- Ты ее собственное изобретение? — Нет.
- Ты существуешь на самом деле? — Да.
- Как часть Реганы? — Нет.
- Ты ее любишь? — Нет.
- Не любишь? — Да.
- Ты ее ненавидишь? — Да.
- За какой-то ее проступок? — Да.
- Ты винишь ее за развод родителей? — Нет.
- Это имеет отношение к ее родителям? — Нет.
- К ее друзьям? — Нет.
- Но ты ненавидишь ее? — Да.
- Ты наказываешь ее? — Да.
- Ты хочешь причинить ей боль? — Да.
- Убить ее? — Да.
- Если она умрет, ты тоже умрешь? — Нет.

Этот ответ обеспокоил психиатра, и он в раздумье опустил глаза. Врач поудобнее устроился на кровати, и пружины противно заскрипели. В тишине слышалось только тяжелое дыхание Реганы, от которого за версту несло зловонием.

Психиатр снова глянул на искаженное злобой лицо. Он лихорадочно пытался что-нибудь придумать.

— Может ли девочка сделать так, чтоб ты из нее вышел? — Да.

— Ты можешь мне сказать, что для этого надо сделать? — Да.

— Ты мне скажешь? — Нет.

— Но...

Вдруг он вскочил с кровати, задохнувшись от нечеловеческой боли. Психиатр с ужасом почувствовал, как Регана стальной хваткой вцепилась в него. Выпучив глаза, он попытался высвободиться из этих страшных когтей, но безуспешно.

— Сэм! Сэм, помоги мне! — в ужасе закричал он.

Крис бросилась к выключателю. Кляйн рванулся вперед.

Регана, запрокинув голову назад, дьявольски расхохоталась, а потом по-волчьи завывала.

Крис щелкнула выключателем. Она повернулась и увидела жуткую картину, похожую на замедленное кино: Регана и оба доктора возились на кровати. Мелькали ноги и руки, гримасы сменяли одна другую, слышались неровное дыхание и отдельные выкрики, хохот, переходящий в вой, и потом снова — дикий смех. Регана хрюкала, ржала, и это странное кино крутилось все быстрее и быстрее, кровать двигалась взад-вперед со скоростью, которую трудно было себе представить. Мать беспомощно наблюдала, как Регана снова закатила глаза и испустила такой отчаянный вопль, что у Крис кровь застыла в жилах.

Регана рухнула на постель и потеряла сознание. Наваждение исчезло.

Все затаили дыхание и замерли на месте. Потом, постепенно приходя в себя, врачи осторожно встали. Оба не спускали глаз с девочки. Кляйн подошел к постели и, не обращая ни на кого внимания, нащупал пульс. Пульс был нормальный, и Кляйн, накрыв Регану одеялом, кивком указал на дверь. Все тотчас покинули комнату и спустились в кабинет.

Некоторое время врачи и Крис молчали. Женщина сидела на диване. Кляйн и психиатр устроились на стульях друг против друга. Психиатр о чем-то думал: он вперился взглядом в журнальный столик и пощипывал себя за губу. Потом, вздохнув, взглянул на Крис. Она уставилась на него невидящим взглядом.

— Что же это такое, черт возьми! — воскликнула Крис с болью в голосе.

— Вы не поняли, на каком языке она говорила? — заинтересовался психиатр.

Крис отрицательно покачала головой

— Вы верите в Бога?

— Нет.

— А ваша дочь?

— Нет.

Потом психиатр расспросил ее о подробностях течения болезни. Рассказ Крис обеспокоил его.

— Что это? — пытала его Крис, нервно сжимая побелевшими пальцами скомканный платок. — Что это за болезнь?

— Это что-то не совсем понятное, — уклончиво объяснил психиатр. — И если говорить начистоту, то ставить диагноз после такого кратковременного осмотра было бы с моей стороны крайне неразумно.

— Но какие-нибудь мысли у вас должны быть, — настаивала Крис.

— Я понимаю, вам не терпится узнать хоть что-нибудь, поэтому я выскажу кое-какие предположения.

Крис напряженно кивнула и подалась вперед. Пальцы судорожно цеплялись за платок.

Она перебирала пальцами кружевную кайму, как будто у нее в руках были тряпичные четки.

— Прежде всего могу сказать, — начал врач, — весьма похоже, что она симулирует.

Кляйн одобрительно закивал головой.

— Для этого у нас есть несколько признаков, — продолжал психиатр. — Например, ее болезненные и ненормальные движения, а главным признаком я считаю изменение черт лица при разговоре с так называемым человеком внутри нее. Видите ли, подобные действия могут происходить лишь тогда, когда она сама верит, что это существо находится у нее внутри. Вы меня понимаете?

— По-моему, да. — От удивления Крис прищурила глаза. — Но я только никак не пойму, откуда это существо взялось! Я, конечно, часто слышала о раздвоении личности, но никаких объяснений мне при этом не давали.

— И никто не даст, миссис Макнейл. Мы используем разные термины: «сознание», «разум», «личность», но на самом деле мы не очень четко представляем себе, что каждое из них означает. — Врач покачал головой. — Не знаем. Совсем ничего не знаем. Поэтому когда я начинаю говорить о раздвоении личности, то прекрасно понимаю, что все объяснения вызывают только еще большее количество вопросов. Фрейд считал, что некоторые мысли и чувства каким-то образом подавляются сознанием, но могут проявиться в бессознательном состоянии. Они активно проявляются в различных психических отклонениях. Эти подавленные чувства и эмоции давайте назовем «диссоциирующими», так как слово «диссо-

циация» означает отклонение от основного потока сознания. Так вот, когда «диссоциирующее» становится самостоятельным или когда личность больного слабеет и дезорганизуется, может возникнуть психоз шизофрении. Он отличается от раздвоения личности,—предупредил психиатр.—Шизофрения означает расщепление личности. Если же «диссоциирующее» может как-то выделиться и организовать подсознание больного, вот тогда эта часть начинает действовать вполне независимо; она становится самостоятельной личностью и может принять на себя также функции тела.

Врач вдохнул в себя воздух. Крис внимательно слушала его. Потом психиатр продолжил:

— Это одна из теорий. Есть еще несколько. Но, возвращаясь к Регане, хочу сказать, что у нее и намек нет на шизофрению, и ЭЭГ показала, что кривая работы ее мозга совершенно нормальная. Поэтому я склонен отвергнуть все подозрения на шизофрению. Остается истерия.

— В которой я и находилась всю прошлую неделю,—пробормотала Крис.

Психиатр чуть заметно улыбнулся.

— Истерия,—продолжал он,—это форма невроза, при которой эмоциональное расстройство превращается в телесное. При психоастении, например, человек теряет способность осознавать свои поступки и, делая что-то сам, приписывает это «что-то» другому лицу. Хотя в этом случае другая личность осознается им не до конца. У Реганы несколько иной случай. Мы подошли к тому, что Фрейд называл «трансформированной» истерией. Она вырастает из бессознательного чувства вины и необходимости понести наказание. Диссоциация здесь играет первостепенную роль, я бы даже сказал, не только диссоциация, но и само раздвоение личности. При этом могут наблюдаться и судороги, как при эпилепсии, галлюцинации, чрезмерное возбуждение.

— Да, все это похоже на ее состояние,—уныло подтвердила Крис.—А вы как считаете? То есть все, кроме чувства вины. Какую вину она может за собой чувствовать?

— Ну, первое, что приходит в голову,—продолжал психиатр,—это развод. Дети часто считают, что родители расстаются именно из-за них, и поэтому принимают всю вину на себя. Но в данном случае такое можно только предположить. Я вот еще о чем думаю: у девочки могла развиваться депрессия на почве размышления о смерти—танатофобия. У детей она часто сопровождается чувством вины и возникает на почве

страха потерять кого-нибудь из близких. В результате развиваются нервное расстройство и возбудимость. Вдобавок вина здесь может быть просто неизвестна. Ее трудно выявить конкретно, — закончил врач.

Крис замотала головой.

— Я запуталась, — пробормотала она. — Никак не пойму, откуда берется эта новая личность.

— Крайне необычно то, что ребенок в таком возрасте смог воедино собрать и систематизировать все части новой личности. Конечно, удивительно и многое другое. Например, игра девочки с планшеткой указывает на то, что она легко поддается внушению. Однако на самом деле мне не удалось загипнотизировать ее. — Психиатр пожал плечами. — Возможно, она сопротивлялась. Но что удивительнее всего: уровень развития новой личности довольно высок. Это не двенадцатилетний ребенок. Здесь человек гораздо старше. И еще тот язык, на котором она разговаривала... — Врач устался на лежавший перед камином коврик и задумчиво подергал себя за нижнюю губу. — Есть, конечно, похожее состояние, но мы знаем о нем совсем мало: это форма лунатизма, при которой у больного неожиданно проявляются способности и знания, которых никогда не было раньше. При этой форме вторая личность стремится разрушить первую. Однако... — Психиатр не закончил фразу и неожиданно взглянул на Крис.

— Это очень запутанно, — пробормотал он. — И я все значительно упрощаю. Ей следует обследоваться у нескольких специалистов в течение двух или трех недель. Проводить обследование нужно тщательно, скажем, в дэйтонской клинике Бэрринджер.

Крис опустила глаза.

— У вас есть затруднения?

— Нет. Все в порядке. — Она вздохнула. — Просто я потеряла «Надежду». Вот и все.

— Я не понял вас.

— Это моя личная трагедия.

Психиатр позвонил из кабинета в клинику Бэрринджер. Регану согласились сразу же принять и советовали привезти ее на следующий день.

Врачи ушли.

Крис вспомнила о Дэннингсе, и ей стало грустно. С размышлением о смерти нахлынули мысли о пустоте, о невыносимом одиночестве и спокойствии под землей, где нет никакого движения, н и к а к о г о движения... Она заплакала. Э т о

слишком. Я не могу... Потом Крис успокоилась и начала собирать вещи.

Крис стояла в своей спальне и выбирала парик для поездки в Дэйтон. Неожиданно в дверях появился Карл. Он сообщил, что к ней кто-то пришел.

— Кто там?

— Детектив.

— И он пришел ко мне?

Карл кивнул. Потом передал ей визитную карточку. Крис бегло пробежала ее. УИЛЬЯМ Ф. КИНДЕРМАН, — стояло на визитке, — ЛЕЙТЕНАНТ, а в нижнем левом углу, как забытая всеми сирота, приткнулась еще одна надпись: «Отделение по расследованию убийств». Отпечатана она была замысловатым готическим шрифтом, отдать предпочтение такой изощренной форме букв мог, очевидно, только какой-нибудь любитель древности.

Крис оторвала взгляд от карточки. В душе у нее зародилось смутное подозрение.

— Карл, а нет ли у него в руках чего-нибудь такого, что может оказаться рукописью сценария? Какого-нибудь большого конверта, или свертка, или чего-нибудь в этом роде?

Карл отрицательно покачал головой. Крис стало любопытно, и она поспешила вниз. Бэрк? Может быть, это имеет какое-то отношение к Бэрку?

Детектив тоскливо слонялся по залу, зажав свою бесформенную шляпу в толстых, коротких, только что наманикюренных пальцах. Это был пухлый человек лет пятидесяти. Толстые щеки лоснились от частого и тщательного употребления хорошего мыла. На нем болтались мятые брюки, потертые и мешковатые, никак не соответствующие его прилежному уходу за собственным телом. Старомодное твидовое пальто бесформенно висело. Его карие, влажные, немного раскосые глаза были, казалось, постоянно обращены в прошлое, в них отражалась тоска по ушедшему времени. Крис заметила, что дыхание детектива было напряженное, с подкашливанием, как у астматика.

Она подошла ближе. Детектив протянул ей руку и заговорил каким-то болезненно хриплым шепотом.

— Ваше лицо я бы узнал в любом гриме, миссис Макнейл.

— Разве на мне сейчас грим? — искренне удивилась Крис, пожимая его руку.

— О Боже мой, конечно, нет,— поспешно поправился он и замахал рукой, как будто отгонял муху.— Это формальность. Вы сейчас заняты, давайте завтра. Я приду завтра еще раз.

Он повернулся и собрался было уходить, но Крис взволнованно спросила:

— А что случилось? Бэрк? Бэрк Дэннингс?

Беспечность детектива еще сильнее взбудоражила ее интерес и беспокойство.

— Мне даже неудобно. Неловко как-то,— вздохнул тот, опустив глаза.

— Его убили? Вы из-за этого пришли ко мне? Его убили? Да?

— Нет-нет. Это простая формальность,— повторил детектив.— Ничего особенного. Ведь вы понимаете, он был знаменитым человеком, поэтому мы не могли оставить все просто так. Мы не могли,— чуть ли не извиняясь, продолжал он.— Только один или два вопроса. Он упал? Или, может быть, его кто-то подтолкнул?— Детектив ритмично покачивал рукой и головой. Потом пожал плечами и хриплым голосом добавил:— Кто знает?

— Его не ограбили?

— Нет, его не ограбили, миссис Макнейл, его никто не грабил. Но в наше время ограбление — это не единственная причина для убийства. Сегодня, миссис Макнейл, искать повод для убийства очень хлопотно, это только лишняя обуза. Наркотики, проклятые наркотики.— Детектив недовольно замолчал.— Эти наркотики, ЛСД...— Он посмотрел на Крис и забарабанил пальцами по груди.— Поверьте мне, я сам отец и, когда вижу, что происходит вокруг, у меня сердце разывается. У вас есть дети?

— Да, один ребенок.

— Сын?

— Дочка.

— Так-так...

— Пойдемте в кабинет,— нетерпеливо перебила Крис и повернулась, чтобы проводить его.

— Миссис Макнейл, можно попросить вас об одном одолжении?

— Да, пожалуйста.

— Мой желудок.— На лице его появилось выражение нестерпимого мучения.— У вас не найдется стаканчика мине-

ральной воды? Если это трудно, то не надо. Я ничем не хочу вас беспокоить.

— Нет-нет, это меня совсем не затруднит. Присядьте пока в кабинете. — Она показала, где находится кабинет, и пошла на кухню. — По-моему, у меня в холодильнике стоит одна бутылка.

— Нет-нет, я тоже пойду на кухню, — возразил детектив, следуя за ней. — Я так не люблю причинять лишние хлопоты.

— Ничего страшного.

— Да нет, я же вижу, что вы заняты. У вас есть дети? — спросил он по дороге на кухню. — Ах да, все правильно, у вас есть дочка, вы же мне говорили, все правильно. Одна дочка.

— Одна дочка.

— Сколько ей лет?

— Только что исполнилось двенадцать.

— Тогда вам еще рано волноваться. — Детектив вздохнул. — Еще рано. Вот немного попозже вам придется смотреть в оба. — Он покачал головой. Крис заметила, что походка у него была вразвалку. — Когда вы наблюдаете за происходящими в мире событиями, вы перестаете во что-либо верить. Это немыслимо. Все сошли с ума. Вы знаете, я как-то глянул на свою жену и сказал: «Мэри, весь мир находится в каком-то постоянном нервном напряжении. Все сошли с ума. Весь белый свет».

Они вошли на кухню. Карл чистил плиту. Он не заметил их и не оглянулся.

— Мне и правда так неловко, — хрипло пробормотал детектив и уставился на Карла. Взгляд его с любопытством скользил по его спине, рукам и шее. Так, наверное, маленькая птичка скользит по поверхности озера.

— Я встретился с известной кинозвездой, — продолжал он, — и прошу ее дать мне стакан минеральной воды. О Боже!

Крис нашла бутылку и теперь искала открывалку.

— Вам со льдом? — поинтересовалась она.

— Нет, просто так. Я люблю просто так.

Крис открыла бутылку.

— Вы помните фильм с вашим участием, который называется «Ангел»? — напомнил детектив. — Я смотрел его шесть раз.

— Если вы ищете убийцу, — съязвила Крис, наливая пузы-

рящуюся шипящую жидкость,— то арестуйте продюсера и редактора.

— Нет-нет, фильм был превосходный, и мне очень понравился.

— Садитесь.— Она кивком указала на стул.

— Спасибо.— Детектив сел.— Нет, фильм был чудесный. Такой трогательный. Только одно упущение. Одна крошечная незначительная помарка. Спасибо вам большое.

Крис поставила стакан с водой и села напротив него, сложив руки перед собой на столе.

— Так вот, что касается небольшой погрешности,— как бы извиняясь, продолжал детектив.— Совсем маленькой. И уж, пожалуйста, поверьте, что я — дилетант. Вы же понимаете, я всего-навсего простой зритель. Но все же мне показалось, что музыкальное оформление в некоторых сценах действовало на нервы. Оно было слишком навязчивым.— Теперь детектив говорил начистоту и был увлечен разговором.— Из-за этой музыки я постоянно чувствовал, что нахожусь в кинозале. Вы меня понимаете? И что все действующие лица — это только симпатичные актеры. Это меня расстроило. А кстати, о музыкальном оформлении — композитор ничего не позаимствовал у Мендельсона?

Крис тихо барабанила пальцами по столу. Станный детектив. И почему это он постоянно поглядывает в сторону Карла?

— Вот этого я не знаю,— отрезала Крис.— Но я рада, что фильм вам понравился. Лучше выпейте вот это.— Она указала на стакан с водой.— А то весь газ выйдет.

— Да-да, конечно, я заболтался. Вы заняты. Простите меня.— Детектив поднял стакан, как будто хотел произнести тост, и осушил его.— Вода хорошая, очень хорошая.— Отставляя стакан, детектив заметил фигурку птицы, слепленную Реганой. Птица стояла на столе, и ее клюв забавно свисал над солонкой и перочницей.— Необычная фигурка.— Детектив улыбнулся.— Симпатичная. Профессиональный скульптор?

— Моя дочь,— возразила Крис.

— Очень симпатичная птица.

— Видите ли, я не люблю, когда...

— Да-да, я понимаю, я причиняю много хлопот. Только один-два вопроса — и все. Даже один вопрос.— Он взглянул на часы, будто торопился на свидание.— Так как несчастный мистер Дэннингс закончил съемки в нашем городе, то мы подумали, может быть, в день катастрофы он ходил к ко-

му-нибудь в гости. Кроме вас, у него были знакомые где-нибудь поблизости от этого места?

— Он был у меня в тот вечер, — уточнила Крис.

— Да? — Детектив удивленно поднял брови. — Как раз перед тем, как случилось несчастье?

— А когда это случилось? — заволновалась Крис.

— В семь часов пять минут, — ответил детектив.

— Да, примерно в это время.

— Тогда все становится понятно. — Киндерман кивнул и заерзал на стуле, как будто собирался подняться и уйти. — Он был пьян, а когда уходил домой, свалился с лестницы. Да, все становится понятно. Тогда для протокола скажите мне, во сколько приблизительно он ушел из дома?

— Я не знаю, — ответила Крис. — Я его не видела.

— Я не понял вас.

— Видите ли, он приходил сюда, когда меня не было дома. Я ходила в Росслинскую лабораторию.

— А, понимаю. Конечно. Но тогда откуда вы знаете, что он был здесь?

— Мне сказала Шарон.

— Шарон? — перебил детектив.

— Шарон Спенсер. Это мой секретарь. Она была здесь, когда заходил Бэрк, она...

— Он приходил к ней?

— Нет, ко мне.

— Да-да, конечно. Простите, что я вас перебил.

— У меня заболела дочка, и Шарон, оставив его с ней, пошла за лекарством. Когда я вернулась домой, Бэрк уже ушел.

— Когда это было?

— Семь пятнадцать или семь тридцать.

— А когда вы ушли из дома?

— Где-нибудь около четверти седьмого.

— Когда ушла мисс Спенсер?

— Я не знаю.

— Между уходом мисс Спенсер и вашим возвращением кто еще находился в доме с мистером Дэннингсом? Кроме вашей дочери?

— Никого.

— Никого? И он оставил ее одну?

Крис кивнула.

— Слуг не было?

— Нет. Уилли и Карл в это время...

— Кто они такие?

Крис почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Она вдруг поняла, что эта невинная беседа оказалась на деле самым настоящим допросом.

— Карл, вот он. — Она кивком указала на слугу. Тот все еще чистил плитку...

— А Уилли — его жена, — продолжала Крис. — Они ведут хозяйство. Я их отпустила вчера после обеда, а когда вернулась, их еще не было дома. Уилли...

Крис запнулась.

— Что Уилли?

— Да нет, ничего. — Она пожала плечами и отвела взгляд от мускулистой спины Карла. Крис заметила, что плита была абсолютно чистой. Почему же Карл так усердно скреб ее?

Крис достала сигарету. Киндерман дал ей прикурить.

— Итак, только ваша дочь знает, когда Дэннингс ушел из дома?

— Это был несчастный случай?

— Конечно. Это формальность, миссис Макнейл, простая формальность. Мистера Дэннингса не ограбили, и у него не было врагов. По крайней мере мы не знаем, чтобы такие были в нашем городе.

Крис на секунду взглянула на Карла и быстро перевела взгляд снова на Киндермана. Заметил ли он? Кажется, не заметил. Он ощупывал фигурку птицы.

— Эта птица ведь как-то называется, но я никак не могу вспомнить, как именно. Нет, не могу. — Детектив заметил во взгляде Крис легкое смущение. — Извините меня, вы так заняты. Еще минутку — и все. Так вы говорите, ваша дочь не знает, когда ушел мистер Дэннингс?

— Нет, вряд ли. Ей ввели большую дозу снотворного.

— О, извините, мне так неловко, так неловко. — В его раскосых глазах появилось участие. — С ней что-нибудь серьезное?

— Боюсь, что да.

— Могу я узнать?.. — осторожно полюбопытствовал детектив.

— Мы еще сами толком не знаем.

— Опасайтесь сквозняков, — предупредил он.

Крис, казалось, ничего не слышала.

— Сквозняк зимой — прекрасное поле деятельности для микробов. Так говорила моя мать. Может быть. Но все эти приметы и народные мудрости для меня все равно что меню

в шикарном французском ресторане: великолепный камуфляж всяких гадостей, вроде лягушек, есть которых просто так никогда не придет вам в голову,— честно признался он.— Ее комната на втором этаже?

Крис кивнула.

— Не открывайте окно, и она скоро поправится.

— Вы знаете, там окно всегда закрыто,— заверила детектива Крис, пока он искал что-то во внутреннем кармане пиджака.

— Она выздоровеет,— повторил детектив нравоучительно.— И помните: немного предосторожности...

Крис снова забарабанила пальцами по столу.

— Вы заняты. Все, я уже ухожу. Только запишу кое-что для формальности, и все.

Он извлек из кармана отснятую на ротапринте смятую программку школьной постановки «Сирано де Бержерака». Потом порылся в кармане пальто и достал замусоленный огрызок карандаша, заточенный, как показалось Крис, с помощью ножниц.

Детектив развернул программку на столе и попытался ее разглядеть.

— Только пару фамилий,— вздохнул он.— Спенсер пишется через два «е»?

— Да, через два «е».

— Через два «е»,— бормотал детектив, записывая фамилию на полях программки.— А ваши слуги? Джон и Уилли...?

— Карл и Уилли Энгстром.

— Карл. Ну да, правильно, Карл. Карл Энгстром.— Он записывал имена крупным шрифтом.— Я вспоминаю времена,— отвлекся детектив, поворачивая программку в поисках чистого места,— я вспоминаю... Нет, подождите. Я совсем забыл. Да, так насчет ваших слуг, когда, вы говорили, они пришли домой?

— Я еще ничего об этом не говорила. Карл, вчера вечером ты когда вернулся домой?— обратилась Крис к слуге.

Швейцарец обернулся с невозмутимым лицом.

— Ровно в девять часов тридцать минут, мадам.

— Да, верно, ты забыл дома ключи. Я вспомнила, что посмотрела на часы, когда ты позвонил в дверь.

— Интересную картину смотрели?— поинтересовался у Карла детектив.— Я никогда не хожу на фильмы после ре-

кламы,— объяснил он, обращаясь к Крис.— Мне важно, что о фильме думают живые люди, зрители.

— «Король Лир» с участием Скофилда,— отчетливо произнес Карл.

— А, этот фильм я уже видел. Прекрасный фильм. Отличнейший фильм.

— Да. В кинотеатре «Крэст»,— продолжал Карл.— Шестичасовой сеанс, вечерний. Сразу после фильма я сел в автобус.

— Это не так важно,— попытался убедить его детектив.— Помилуйте.

— Мне нетрудно.

— Ну, если вы настаиваете...

— Я вышел на пересечении Висконсин-авеню и М-стрит. Было где-то около двадцати минут десятого. Потом я шел пешком до дома.

— Что вы, помилуйте, это уж совсем не важно,— заверил его детектив.— Но тем не менее большое спасибо. Вы мне очень помогли. Вам понравилось кино?

— Великолепный фильм.

— Да, я с вами вполне согласен. Ну, а теперь...— Киндерман повернулся к Крис, продолжая что-то записывать на программке.— Я потратил столько вашего времени, но это ведь моя работа. Еще минуточку, и я уйду. Трагично. Как трагично. Такой талант. И такой человек. Он умел обращаться с людьми. С такими людьми, от которых зависело, будет фильм хорошим или нет: с оператором, со звукооператором, с композитором, ну, и с другими... Пожалуйста, поправьте меня, если я заблуждаюсь, но мне кажется, что такой знаменитый человек должен стоять в одном ряду с Дэйлом Карнеги, например. Может быть, я не прав?

— Иногда Бэрка удавалось вывести из себя,— вздохнула Крис.

Детектив положил программку на место.

— Ну, возможно, такое бывает у всех великих людей, у всех знаменитостей, а он ею был.— Киндерман опять что-то записал.— Многое зависит и от маленьких людей, так сказать, от серой массы. Эти люди отвечают за всякие мелочи, а эти мелочи вместе составляют немаловажные детали. Как вы считаете?

Крис бросила взгляд на свои ноги и решительно покачала головой.

— Если Бэрк и сердился, он никогда никого не унижал,— заявила она, и на ее лице появилась чуть заметная горькая улыбка.— Сэр, когда он напивался, такое, может быть, и случалось.

— Ну вот и все. Теперь мы закончили.— Киндерман поставил последнюю точку.— О нет, подождите.— Он вдруг спохватился.— А миссис Энгстром? Они ушли и пришли вместе?— Детектив махнул рукой в сторону Карла.

— Нет, она ходила смотреть фильм с участием «Битлз» и пришла через несколько минут после меня.

— Зачем я это спросил? Это не имеет никакого значения.— Киндерман пожал плечами, сложил программку и засунул ее в карман пиджака с карандашным огрызком.— Ну вот и все. Когда я вернусь в контору, безусловно, вспомню, о чем забыл вас спросить. У меня всегда так бывает. Тогда я вам позвоню.

Детектив шумно выдохнул воздух и встал.

Крис поднялась вместе с ним.

— Вы знаете, я уезжаю из города недели на две,— сказала она.

— Это не срочно,— успокоил ее детектив, посмотрел на фигурку птицы и улыбнулся.— Симпатичная. Очень симпатичная птичка.

Потом взял ее в руки и потер клюв большим пальцем.

Крис нагнулась и подняла с пола какую-то нитку.

— У вас хороший врач?— вдруг спросил детектив.— Я имею в виду врача, который лечит вашу дочь.

Он поставил фигурку на место и собрался уходить. Крис пошла за ним, наматывая по дороге нитку на большой палец.

— У меня их очень много,— тихо проговорила она.— Но сейчас я хочу, чтобы ее обследовали в клинике. Там занимаются примерно тем же, что и вы, только объектом внимания врачей являются бактерии и вирусы.

— Будем надеяться, что со своей работой они справляются лучше меня. Эта клиника находится не в городе?

— Нет, не в городе.

— Хорошая?

— Посмотрим.

— Держите девочку подальше от сквозняков.

Они дошли до парадной двери. Киндерман взялся за ручку.

— Я мог бы сказать, что мне было очень приятно, но

в связи с такими обстоятельствами... Извините, ради Бога. Мне так неловко.

Крис, скрестив руки, рассматривала коврик. Не глядя на детектива, она кивнула в ответ

Киндерман открыл дверь и вышел на крыльцо. Он еще раз повернулся к Крис, и, уже надевая шляпу, откланялся:

— Желаю вашей дочери быстреешего выздоровления.

— Спасибо.— Крис тускло улыбнулась.— А вам — удачи в ваших делах.

Детектив кивнул, его взгляд был теплым и слегка грустным. Крис наблюдала, как Киндерман подошел к дежурной полицейской машине, ожидавшей его на углу перед пожарным гидрантом. Он рукой прижимал к голове шляпу, спасая ее от порывов южного ветра. Полы его пальто трепетали. Крис закрыла дверь.

Киндерман сел в полицейскую машину, потом обернулся и еще раз взглянул на дом. Ему почудилось, что в комнате Реганы произошло какое-то движение: гибкая, едва различимая тень мелькнула и тут же скрылась. Киндерман не мог точно сказать, было ли это на самом деле или ему показалось. Но он заметил, что ставни раскрыты. Странно. Он немного подождал. Но никто не появлялся. Детектив нахмурился, потом открыл бардачок и вынул оттуда маленький коричневый конверт и перочинный ножик. Он раскрыл конверт и с помощью крошечного лезвия выскреб из-под ногтя большого пальца краску, содранную с фигурки птицы. После этого он заклеил конверт и кивнул шоферу-сержанту. Машина поехала.

Конверт Киндерман положил в карман.

— Не спеши, — предупредил он шофера, увидев, что впереди образовался затор, и устало потер глаза руками. — Это работа, а не удовольствие. Что за жизнь. Что за жизнь!

Вечером, в тот момент, когда по дороге в дэйтонскую клинику доктор Кляйн делал Регане успокаивающий укол, лейтенант Киндерман задумчиво стоял в своем кабинете, опершись ладонями о стол. Он сосредоточенно пытался увязать воедино имевшиеся факты. Изучал заключение патологоанатома о смерти Дэннингса.

«... повреждение спинного мозга, перелом костей черепа и шеи. Многочисленные ушибы, разрывы и ссадины: кожа шеи растянута. На ней кровоподтеки. Сдвиги грудинно-со-

сковой, пластырной, трапецевидной и различных мелких мышц шеи. Перелом позвоночника. Сдвиг передних и задних связок спины...»

Киндерман выглянул из окна. Светилась ротонда Капитолия. Конгресс засиживался допоздна. Он опять закрыл глаза и припомнил разговор с патологоанатомом, состоявшийся в ту ночь, когда умер Дэннингс.

«Это могло произойти в результате падения?»

«Нет, вряд ли. Видите ли, он был пьян, и мышцы, безусловно, были расслаблены. Если толчок оказался сильным и...»

«И если предположить, что он падал с высоты двадцати или тридцати футов...»

«Да, конечно. Кроме того, сразу после удара его голова должна была стукнуться обо что-то. Другими словами, при стечении этих условий оно, конечно, и могло привести к летальному исходу. Может быть. Я повторяю: м о ж е т б ы т ь».

«А мог ли это сделать другой человек?»

«Да, но он должен обладать большой силой».

Киндерман проверил алиби Карла Энгстрема на момент смерти Дэннингса. Время сеанса в кинотеатре совпадало, совпадал и график движения транзитного автобуса. Кроме того, шофер автобуса, на котором Карл, по его собственному утверждению, возвращался домой, закончил работу и сменился на остановке, где Висконсин-авеню пересекает М-стрит, именно там, где, по словам Карла, он и сошел приблизительно в 9.20. Автобус немного запаздывал, но шофер успел нагнать время в дороге и приехал на остановку в 9.18.

На столе у Киндермана лежал еще один документ: обвинение Энгстрема в уголовном преступлении от 27 августа 1963 года. Он обвинялся в неоднократном хищении наркотиков на протяжении нескольких месяцев. Брал он их из дома врача в Беверли Хиллз, где служил вместе с Уилли.

«... родился 20 апреля 1921 года в Цюрихе (Швейцария), женился на Уилли Браун 7 сентября 1941 года. Дочь Эльвира родилась в Нью-Йорке 11 января 1943 года, адрес неизвестен. Подсудимый...»

А дальше шло совсем непонятное.

Врач, который, без всякого сомнения, должен был выиграть дело, неожиданно, не дав никаких объяснений, отказался от обвинения.

Через два месяца Энгстромы нанялись на работу к Крис Макнейл. Это означало, что врач дал им положительную рекомендацию.

Энгстром, безусловно, воровал наркотики, но медицинская экспертиза показала, что у него не было ни малейших признаков, избличавших его как наркомана.

П о ч е м у?

Детектив все еще не открывал глаз. Он начал тихо декламировать «Бармаглота» Льюиса Кэрролла:

«Варкалось. Хливкие шорьки...»

Это тоже помогало ему прояснить сознание.

Дочитав стихотворение, он открыл глаза и уставился на ротонду Капитолия. Попытался ни о чем не думать. Но, как и прежде, ему это не удавалось. Детектив вздохнул, и взгляд его упал на отчет полицейского психолога — об осквернении в Святой Троице.

«... статуя... фаллос... экскременты... Дэмьен Каррас...» Некоторые слова были подчеркнуты красным карандашом. Киндерман посидел немного в тишине, потом, достав пособие по колдовству и черной магии, открыл его...

«Черная месса... форма поклонения дьяволу. Ритуалы включают в себя: 1. Проповедь зла среди членов общины. 2. Совокупление с бесом (по общему мнению, болезненное, так как пенис беса обычно описывается как «ледяной»). 3. Различные осквернения, чаще всего сексуальные».

Киндерман нашел абзац, в котором описывались ритуалы, связанные с человеческими жертвами. Он медленно прочитал его, покусывая себя за подушечку указательного пальца. Закончив чтение, он нахмурился и покачал головой. В задумчивости детектив взглянул на лампу и выключил ее. Потом вышел из здания и поехал в морг.

Дежурный, сидевший за письменным столом, жевал бутерброд с ветчиной и сыром. Когда Киндерман подошел к нему, он быстро стряхнул крошки с кроссворда.

— Дэннингс, — хрипло прошептал детектив.

Дежурный кивнул, записал в кроссворде какое-то пятибуквенное слово, потом поднялся и, прихватив с собой бутерброд, пошел по холлу. Киндерман последовал за ним, зажав в руке шляпу. Ему казалось, что вокруг пахнет тмином и еще чем-то, напоминающим горчицу. Они подходили к морозильным установкам, которые хранят тех, кто спит вечным сном без сноведений.

Они остановились у номера 32. Дежурный с безразличным выражением на лице выдвинул ящик с трупом. Потом откусил кусок бутерброда, и маленькая крошка ржаного хлеба, облитая майонезом, упала на саван. Некоторое время Киндерман смотрел вниз. Потом медленно и очень аккуратно отодвинул край простыни и увидел то, во что никак не хотел верить.

Голова Дэннингса была повернута на 180° и лежала затылком вверх.

Глава пятая

По глинистой овальной дорожке зеленой университетской низины в полном одиночестве бегал разминочным темпом Дэмьен Каррас. На нем были шорты цвета хаки и хлопчатобумажная рубашка с короткими рукавами, насквозь пропитанная потом. Впереди на холме белел известковый купол астрономической обсерватории. Сзади находилась медицинская школа, которую со всех сторон обступали холмы развороченной земли.

С тех пор как Дэмьена освободили от обязанностей советника, он приходил сюда каждый день. И накручивал круги, гоняясь за здоровым, спокойным сном. Он уже почти выздоровел, вырвав из сердца цепкие когти горя. Теперь оно почти отпустило его.

Двадцать кругов...

Почти отпустило.

Еще! Еще парочку!

Почти отпустило...

Кровь гудела в его сильных мышцах. Длинными пружинистыми шагами Каррас огибал поворот и тут заметил человека, сидящего на той самой скамейке, где он оставил свитер, полотенце и брюки. Дэмьену показалось, что человек наблюдает за ним. Может быть, он ошибся? Нет... Человек повернул голову в том направлении, куда побежал Каррас.

Священник увеличил скорость и пошел на последний круг. Ему казалось, что от его шагов дрожит земля. Потом Дэмьен замедлил бег; тяжело и шумно вдыхая воздух, он перешел к ходьбе. Дэмьен прошел мимо скамейки, прижимая руки к бокам и не обращая на незнакомца никакого внимания. Мускулистая грудь и плечи сильно растянули рубашку и деформировали надпись «философы», нанесенную на ткань

с помощью трафарета. Когда-то эти буквы были черными. Но в результате частой стирки они потускнели и теперь едва прочитывались.

— Отец Каррас? — хрипло позвал лейтенант Киндерман.

Священник оглянулся и, прищурив глаза от солнечного света, кивнул. Он подождал, пока Киндерман подошел к нему, а потом жестом пригласил его пройти.

— Вы не возражаете? А то я упаду, — задыхаясь, пошутил он.

— Конечно, конечно, пожалуйста, — без особого энтузиазма согласился детектив и засунул руки в карманы.

— Мы не встречались раньше? — начал иезуит.

— Нет, святой отец. Нет, но мне кто-то говорил, что вы похожи на боксера. По-моему, какой-то священник, я уже не помню. — Детектив вытащил свой бумажник. — У меня совершенно нет памяти на имена.

— А свое собственное имя вы помните?

— Уильям Киндерман, святой отец. — Сыщик показал свое удостоверение. — Отдел по расследованию убийств.

— Правда? — Каррас рассматривал значок и удостоверение с нескрываемым мальчишеским любопытством. Его взмокнувшее, покрасневшее лицо выражало наивность. — А что случилось?

— Вы знаете, святой отец, — задумался на секунду Киндерман, вглядываясь в грубые черты лица священника, — вы действительно похожи на боксера. Извините меня, но этот шрам, вот этот, около глаза, делает вас похожим на Брандо из кинофильма «Портовый район». Вы настоящий Брандо. Вам, наверное, все об этом говорят, святой отец?

— Нет, не говорят.

— А вы когда-нибудь занимались боксом?

— Совсем немного.

— Вы из Вашингтона?

— Из Нью-Йорка.

— Клуб «Золотые перчатки»? Я угадал?

— Вы дослужитесь до капитана. — Каррас улыбнулся. — Чем я могу быть полезен?

— Замедлите немного шаг, пожалуйста. Эмфизема. — Детектив указал на свое горло.

— Извините. — Каррас пошел медленнее.

— Ничего. Вы курите?

— Да.

— Вам не следует курить.

— Да, конечно. А теперь объясните мне, в чем все-таки дело.

— Разумеется. Я заболтался. Между прочим, вы сейчас не заняты? — поинтересовался детектив. — Я не отрываю вас от чего-нибудь?

— От чего именно? — удивился Каррас.

— Может быть, от молитвы.

— Да, вы непременно будете капитаном. — Каррас загадочно улыбнулся.

— Извините, я что-нибудь упустил?

Каррас покачал головой, но улыбка не сходила с его губ.

— Я сомневаюсь, что вы вообще когда-либо что-либо выпускаете, — возразил он.

Киндерман остановился и попытался придать своему лицу сконфуженное выражение, но, встретив взгляд священника, опустил голову и рассмеялся.

— Ну да. Конечно... конечно... вы же психиатр. Кого я хочу провести? — Он пожал плечами. — Вы знаете, святой отец, у меня такая привычка. Вы уж меня простите. У меня свои методы. Ну, хорошо, давайте остановимся, и я вам расскажу, о чем, собственно говоря, идет речь.

— Осквернения, — угадал Каррас, кивнув головой.

— Да, мой метод не удался, — спокойно заметил детектив.

— Извините.

— Ничего, святой отец, я заслужил это. Да, эти происшествия в церкви, — подтвердил он. — Верно. Но, помимо этого, и еще кое-что более серьезное.

— Убийство?

— Да. Отгадайте еще что-нибудь. Мне это нравится.

— Но вы же из отдела по расследованию убийств. — Иезуит пожал плечами.

— Это ничего не значит, Марлон Брандо. Ничего не значит. Вам не говорили раньше, что вы очень умный священник?

— Моя вина, — пробормотал Каррас. Он продолжал улыбаться, хотя начал понимать, что помимо воли задел своего собеседника. — Я все же не понимаю, какая здесь связь?

— Послушайте, святой отец, можно мне надеяться, что этот разговор останется между нами? Конфиденциально? Так сказать, небольшая исповедь?

— Конечно. — Дэмьен открыто смотрел на детектива. — Так в чем дело?

— Вы знаете режиссера, который снимал здесь фильм, святой отец? Бэрка Дэннингса?

— Да, я видел его.

— Вы его видели.— Детектив кивнул головой.— Вы знаете, как он умер?

— Ну, из газет...— Каррас снова пожал плечами.

— Это только часть правды.

— Да?

— Только часть. Послушайте, а что вы знаете о поклонении дьяволу?

— Что?

— Терпение. Я вас подвожу к главному. Поклонение дьяволу — вам это знакомо?

— Немного.

— А все, что касается самих ведьм, не охоты за ними, а самих ведьм?

— Да, я когда-то писал статью по этому вопросу.— Каррас улыбнулся.— С точки зрения психиатрии.

— В самом деле? Отлично! Это большой плюс. Вы можете мне очень помочь, даже в большей степени, чем я ожидал. Послушайте, святой отец. Итак, о поклонении дьяволу... Осквернения. Они у вас никак не ассоциируются с поклонением дьяволу?

— Возможно. Такие ритуалы есть в черной мессе.

— Это уже хорошо. А теперь насчет Дэннингса. Вы читали, что он умер?

— Он упал.

— Ну что ж, я скажу вам. Пожалуйста, между нами.

— Конечно.

— Бэрка Дэннингса, святой отец, нашли у огромной лестницы. Ровно в семь часов пять минут его голова была свернута на спину, как у цыпленка.

Отчаянные крики раздались с бейсбольного поля, где тренировалась университетская команда. Каррас замер и посмотрел лейтенанту в глаза.

— Так это произошло не в результате падения? — наконец произнес священник.

— В принципе это возможно.— Киндерман пожал плечами.— Но...

— Маловероятно,— задумчиво продолжил Каррас.

— И что вам приходит в голову относительно поклонения дьяволу?

— Ну, — вымолвил наконец иезуит, — предположим что бесы таким образом ломают шею ведьмам. По крайней мере так утверждает легенда.

— Легенда?

— В основном да. Хотя, по-моему, некоторые люди умирали подобным образом. Наиболее вероятно, что это были члены сборища, которые либо отреклись от черной мессы, либо выдали ее секреты. Но это только догадка.

Киндерман кивнул.

— Точно. Я вспомнил о подобном убийстве в Лондоне. Это было уже в наше время. Вернее не так давно, четыре или пять лет тому назад, святой отец. Я читал об этом в газетах.

— Да, я тоже читал, но все это оказалось газетной уткой. Я ошибаюсь?

— Нет, все верно, святой отец, абсолютно верно. Но в данном случае вы можете проследить некоторую связь между убийством и осквернением в церкви. Может быть, это какой-то сумасшедший священник или некто, настроенный против церкви! А может быть, подсознательный протест...

— Больной священник, — пробормотал Каррас. — Вы об этом?

— Вы психиатр, святой отец, вот вы и скажите мне.

— Безусловно, в осквернениях есть психическое отклонение, какая-то патология, — задумался Каррас. — И если Дэннингса убили, то я считаю, что убийца страдает расстройством психики.

— И, возможно, что-то знает о поклонении дьяволу?

— Возможно.

— Возможно, — хмыкнул детектив. — Тот, кто подходит под эту статью, очевидно, живет где-то поблизости и имеет по ночам доступ в церковь.

— Больной священник, — тихо повторил Каррас и протянул руку к выгоревшим брюкам цвета хаки.

— Послушайте, святой отец, вам это, конечно, тяжело. Я все понимаю. Но ведь для священников на территории университета вы — психиатр, святой отец.

— Нет, у меня теперь другие обязанности.

— В самом деле? В середине года?

— Таков приказ ордена. — Каррас пожал плечами и стал надевать брюки.

— И все-таки вы должны знать, кто болен, а кто здоров.

То есть вы понимаете, какую болезнь я имею в виду. Это вы должны знать.

— Совсем не обязательно, лейтенант. Совсем не обязательно. Если бы я и знал, это было бы чистой случайностью. Я не занимаюсь психоанализом. Мои обязанности — давать советы. Я действительно не знаю, кто бы это мог быть.

— Ах, ну да. Врачебная этика. Если бы вы и знали, то все равно не сказали бы.

— Скорее всего нет.

— Между прочим, это я вспомнил так, к слову. Такая этика очень часто идет вразрез с законом. Я не хочу утомлять вас мелочами, но не так давно одного калифорнийского психиатра посадили в тюрьму за то, что он не дал полиции определенных сведений о своем пациенте.

— Это угроза?

— Не говорите ерунду. Я сказал к слову.

— Я всегда смогу объяснить судье, что это была исповедь, — усмехнулся иезуит.

Детектив мрачно взглянул на Карраса.

— Хотите заняться делом, святой отец?

— Послушайте, я действительно ничего не скрываю, — объяснил он. — На самом деле. Но если бы я и знал этого больного священника, я не назвал бы его имени. Скорее всего я доложил бы об этом архиепископу. Но я даже приблизительно не могу себе представить, кто бы это мог быть.

— Ну ладно, — вздохнул детектив. — Если говорить честно, я не думаю, что это мог быть священник. Если бы я объяснил, какие у меня подозрения, вы бы назвали меня ненормальным. Не знаю. Все эти общества и культы, где жизнь человеческая и гроша ломаного не стоит. Начнешь задумываться. Чтобы идти в ногу со временем, надо быть чуточку сумасшедшим.

Каррас кивнул.

— Что написано на вашей рубашке? — спросил вдруг Киндерман.

— Что именно?

— На вашей футболке, — уточнил детектив. — Надпись «философы».

— А-а, я читал лекции в одно время, — объяснил Каррас, — в Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Я играл в низшей бейсбольной команде. Она называлась «Философы».

— А высшая?

— «Богословы».

— Странно все это, очень странно,— печально произнес детектив.— Послушайте, святой отец. Или я сошел с ума, или в Вашингтоне существует община Вейдм. Возможно ли это в наше время?

— Ну-ну, продолжайте,— подстегнул его Каррас.

— Значит, возможно.

— Я вас не понимаю.

— Вы мне точно не ответили и опять поступили очень умно. Вы играете роль защитника дьявола, святой отец, да-да, защитника. Может быть, вы не хотите показаться доверчивым. Суеверный священник и рациональный умница Киндерман.— Он постучал пальцем у виска.— Но гений находится рядом, это наш Век разума. Правильно. Ну скажите, я прав?

Иезуит посмотрел на детектива с уважением.

— Ну что ж, это довольно проникательное замечание.

— Тогда ладно,— понизил до хрипа голос Киндерман.— Я вас еще раз спрашиваю: может ли сейчас в Вашингтоне существовать община Вейдм?

— Но я действительно не знаю,— задумался Каррас, сложив руки на груди.— Говорят, что где-то в Европе есть почитатели черной мессы.

— В наши дни?

— В наши дни.

— Такие, как в средние века, святой отец? Вы знаете, я многое читал об этом, между прочим, и о сексе, и о статуях, и еще Бог знает о чем. Я не хочу вызывать у вас отвращения, но неужели они действительно этим занимались?

— Я не знаю.

— Но выскажите хотя бы свое мнение по этому поводу.

Иезуит рассмеялся.

— Ну хорошо. Тогда я считаю, что все это правдоподобно. По крайней мере я так думаю. Но здесь я исхожу только из патологии. Ну да, об этой самой черной мессе. Все, кто этим занимался, были, видимо, психически больными. В медицине даже есть специальный термин для подобного расстройства: сатанизм. Эти люди не могут получать сексуального наслаждения, если оно не связано с богохульством и осквернением святых. Это встречается не так уж редко даже в наше время, а черная месса только подтверждает правильность моих слов. В отчетах парижской полиции можно и сейчас найти описание интересного случая, который произошел с двумя монахами. Сейчас вспомню. По-моему, это было в Крэпи. Эти два монаха пришли в гостиницу и начали

ругаться, требуя трехместную кровать. Третьего они тащили с собой: это была статуя божьей матери в человеческий рост.

— О Боже, это потрясающе,— выдохнул детектив.— Потрясающе.

— Но это самая настоящая правда. И она подтверждает, что все, прочитанное вами, основано на фактах.

— Да, секс... Может быть, может быть. Я теперь понимаю. Но это немного другое. Не важно. А ритуалы, связанные с убийствами, святой отец? Это тоже правда? Расскажите! Они берут кровь грудных младенцев?

— Я ничего не знаю о ритуальных убийствах,— проговорил Каррас.— Нет, не знаю. Но в Швейцарии одна акушерка на исповеди призналась, что убила около 30 или 40 младенцев во время черной мессы. Возможно, у нее вывели это под пытками,— поспешил добавить он.— Кто знает? Но говорила она убедительно. Акушерка рассказывала, что прятала в рукав длинную тонкую иглу, и, когда надо было принимать ребенка, она незаметно высовывала иглу и втыкала ее в родимчик на голове ребенка, а потом опять прятала иглу в рукав. После этого не оставалось никаких следов,— пояснил Каррас и взглянул на Киндермана.— Все считали, что ребенок родился мертвым. Вы слышали, что европейцы-католики весьма предосудительно относятся к акушеркам? Так вот, эта предосудительность вытекает именно отсюда.

— Это страшно.

— И в нашем веке встречается безумие. Во всяком случае...

— Подождите. Все эти истории... ведь их рассказывали под пытками, верно? Так что на них нельзя полностью полагаться. Сначала они подписывали свои признания, а уж потом кто-то другой мог их дополнить. Я хочу сказать, что в этих случаях не было ни клятв, ни, так сказать, предписания о представлении виновных перед судом для рассмотрения законности их ареста. Я прав?

— Да, вы правы, но тем не менее многие признания были сделаны добровольно.

— Кто же будет добровольно рассказывать о таких вещах?

— Ну, хотя бы те, у кого болела душа.

— Ага. Еще один достоверный источник!

— Конечно же, вы правы, лейтенант. Я выступаю в роли адвоката дьявола. Но есть одна вещь, часто нами забываемая:

люди, у которых хватает духу сознаться в подобных делах, возможно, способны и совершить их. Ну, например, вспомним легенду об оборотнях. Конечно, это звучит смешно, ведь никто не может превратиться в дикого зверя. Но если человек поверит в то, что он оборотень, он и будет вести себя как оборотень.

— Ужасно. Только теория или факт?

— Ну, существовал же, например, Уильям Стампер. Или Питер. Я точно не помню. Он жил в Германии в XVI веке, был уверен в том, что он оборотень, и убил больше 20 человек.

— Вы хотите сказать, что он сам признался в этом?

— Да, но думаю, что это признание было обосновано.

— Чем?

— Когда его поймали, он пожирал мозги двух своих молодых невесток.

Детектив и иезуит подошли к стоянке. Поравнявшись с полицейской машиной, Киндерман посмотрел на Карраса.

— Так кого же мне искать, святой отец? — спросил он.

— Сумасшедшего, — тихо ответил Дэмьен Каррас. — Возможно, наркомана.

Детектив задумался и, ни слова не говоря, кивнул головой. Потом повернулся к священнику.

— Хотите, подброшу? — предложил он, открывая дверцу машины.

— Спасибо, мне здесь близко.

— Не важно, садитесь! — Киндерман нетерпеливым жестом пригласил священника в машину. — Потом расскажете своим друзьям, что катались в полицейской машине.

Иезуит улыбнулся и опустил на заднее сиденье.

— Ну вот и хорошо. — Детектив шумно выдохнул воздух, откинулся назад и захлопнул дверцу.

Каррас показал дорогу. Они поехали на Проспект-стрит, к современному зданию, куда недавно перевели иезуитов. Каррас не мог больше оставаться в коттедже, понимая, что священники, привыкшие к его помощи, будут продолжать свои посещения.

— Вы любите кино, отец Каррас?

— Очень.

— Вы видели «Короля Лира»?

— У меня нет возможности.

— А я видел. У меня есть пропуск.

— Это хорошо.

— У меня есть пропуск на самые лучшие фильмы. Моя жена очень устает и поэтому никогда со мной не ходит.

— Это плохо.

— Да, это плохо, я не люблю ходить в кино один. Понимаете, мне нравится поговорить о фильме, поспорить, покритиковать его.

Каррас молча кивнул, глядя вниз на большие и сильные руки, зажатые между колен. Так прошло несколько секунд. Потом Киндерман неуверенно повернулся и, с хитринкой в глазах, предложил:

— Может быть, вы когда-нибудь согласитесь сходить со мной в кино, отец Каррас? Это бесплатно... У меня пропуск,— быстро добавил он.

Священник взглянул на него и улыбнулся.

— Как говорил Эльвуд Дауд в кинофильме «Гарвей»: когда?

— О! Я позвоню вам, позвоню! — Лицо детектива засветилось.

Они подъехали к дому и остановились.

Каррас взялся за ручку и открыл дверцу.

— Пожалуйста, позвоните. Извините, что я не смог вам помочь.

— Ничего, вы мне все-таки помогли. — Киндерман неуклюже помахал рукой. Каррас уже выходил из машины.

— Послушайте, святой отец, я совсем забыл,— вдруг остановил его Киндерман. — Совсем вылетело из головы. Вы помните ту карточку с осквернительным текстом? Ту самую, что нашли в церкви?

— Карточка с молитвами?

— Ну да. Она еще у вас?

— Да, она у меня. Я проверял латинский язык. Она вам нужна?

— Да, она, может быть, мне чем-нибудь поможет.

— Одну секундочку, сейчас принесу.

Пока Киндерман ждал около полицейской машины, иезуит прошел в свою комнату на первом этаже, выходящую окнами на Проспект-стрит, и взял карточку. Потом вышел на улицу и отдал ее Киндерману.

— Может быть, остались отпечатки пальцев,— предположил Киндерман, осматривая карточку, а потом добавил: — Хотя нет, вы же держали ее в руках. Хорошо, что я вовремя сообразил. — Он вглядывался в пластиковую обертку карточки. — Ага, подождите-ка, что-то есть, что-то есть! — Потом

с нескрываемым ужасом детектив посмотрел на Карраса. — Вы ее вынимали отсюда?

Каррас усмехнулся и кивнул.

— Ну, это не важно, может быть, мы что-нибудь все-таки найдем. Кстати, вы ее изучали?

— Да.

— Ваше заключение?

Каррас пожал плечами.

— На шутника не похоже. Сначала я подумал, что текст сочинил какой-то студент. Но теперь я в этом сомневаюсь. У того, кто писал эти строки, несомненно, сильное психическое расстройство.

— Как вы и говорили.

— И латынь... — Каррас нахмурился. — Текст не безликий, лейтенант, здесь чувствуется определенный стиль, вполне индивидуальный стиль. Человек, который это писал, должен думать на латинском языке.

— А священники думают на латыни?

— Ну-ну, продолжайте!

— Ответьте на вопрос, мистер Вечно-Подозревающий.

— Да, на определенной стадии освоения языка это бывает. По крайней мере у иезуитов и некоторых других священников. В Вудстокской семинарии некоторые философские дисциплины читались на латыни.

— Почему?

— Для четкости мышления. Это стройная система.

— Ага, понимаю.

Каррас посерьезнел:

— Послушайте, лейтенант, можно, я скажу вам, кто, по-моему, действительно сделал это?

Детектив придвинулся к нему:

— Кто же?

— Доминиканцы. Поищите среди них. — Каррас улыбнулся, помахал на прощание рукой и пошел.

— Я вам сказал неправду! — вдруг крикнул ему вслед лейтенант. — Вы похожи на Саль Минео!

Киндерман следил взглядом за священником. Тот еще раз махнул рукой и вошел в здание. Детектив повернулся, уселся в машину, вздохнул и пробормотал:

— Он колеблется, колеблется. Совсем как камертон под водой.

Новая комната Карраса была обставлена скромно: односпальная кровать, удобный стул, письменный стол и книжные полки, встроенные в стену. На письменном столе стояла старая фотография его матери, а в изголовье кровати молчаливым упреком висело металлическое распятие.

Эта узкая комната вполне устраивала Карраса и являла собой его мир. Дэмьен не заботился о вещах, главное, чтобы они всегда были чистыми. Каррас принял душ, быстро побрился. Надев брюки цвета хаки и рубашку с короткими рукавами, он легкой походкой направился в столовую для священников. Здесь он заметил розовощекого Дайера, одиноко сидящего в углу.

— Привет, Дэмьен! — поздоровался Дайер.

Каррас кивнул и, встав рядом со стулом, скороговоркой пробубнил молитву. Потом благословил себя, сел и поздоровался с другом.

— Ну, как дела у бездельника? — пошутил Дайер, пока Каррас развертывал на коленях салфетку.

— Кто это бездельник? Я работаю.

— Читаю одну лекцию в неделю?

— Здесь важно качество, — возразил Каррас. — Что на обед?

— А по запаху не определишь?

— Кошмар! Кислая капуста да конская колбаса.

— Здесь важно количество, — с напускнуой серьезностью парировал Дайер.

— Каррас покачал головой и протянул руку к алюминиевому кувшину с молоком.

— Я бы не стал рисковать, — пробормотал Дайер, не меняясь в лице и намазывая масло на добрую половину пшеничного батона. — Видите там пузыри? Селитра.

— Мне полезно, — отрезал Каррас, пододвинул к кувшину свой стакан и услышал, как кто-то подошел к столу.

— Я наконец-то прочитал книгу, — весело сообщил подошедший.

Каррас поднял глаза и почувствовал болезненную тревогу, а потом свинцовую тяжесть в суставах. Он узнал священника, приходившего к нему недавно за советом. Того самого, который не мог ни с кем подружиться.

— Да? И что же вы о ней думаете? — полюбопытствовал Каррас и поставил кувшин на место.

Молодой священник заговорил, а уже через полчаса вся столовая сотрясалась от смеха Дайера.

Каррас взглянул на часы.

— Не хочешь одеться? — спросил он молодого священника. — Можно пойти полюбоваться закатом.

Через некоторое время они уже стояли, облокотившись о перила лестницы, ведущей на М-стрит.

Рыжие лучи заходящего солнца освещали западную часть неба и мелкими красноватыми зайчиками разбегались по темной речной глади.

Однажды в это же время Каррас встретил Бога. Это было давно. Но, как покинутый любовник, он помнил об этом свидании.

— Красивое зрелище, — восхищался Дайер.

— Да, — согласился Каррас. — Я стараюсь приходить сюда каждый вечер.

Университетские часы начали отбивать время. Было семь часов вечера.

В 7 часов 23 минуты лейтенант Киндерман изучал спектрографические данные, подтверждавшие, что краска, откопленная с птицы Реганы, была идентична краске с оскверненной статуи деви Марии.

А в 8 часов 47 минут в трущобах северной части города бесстрастный Карл Энгстром вышел из запущенного, полуразвалившегося жилого дома, прошел три квартала к автобусной остановке, минуту подождал, не меняя выражения лица, а потом вдруг согнулся и зарыдал, опершись о фонарный столб.

В это время лейтенант Киндерман был в кино.

Глава шестая

В среду, 11 мая, они вернулись домой. Регану положили в кровать, установили замки на ставнях и убрали все зеркала из ее спальни и ванны.

«... все меньше и меньше работает ее сознание, а во время припадков она полностью отключается. Это новый симптом, и, пожалуй, он исключает истерию. В то же время проявились другие симптомы в области, которую мы называем парapsихологическим феноменом...»

Пришел доктор Кляйн. Крис вместе с Шарон наблюдали, как он демонстрировал им необходимые действия по подключению Регане питания во время комы. Он показывал им носожелудочную трубку:

— Сначала...

Крис заставляла себя смотреть и в то же время не видеть лица дочери, слушать врача и забыть о словах, произнесенных врачом в клинике...

Но они пробивались в ее сознание, как туман сквозь ветви деревьев.

Кляйн направил трубку в желудок Реганы.

— Сначала вы должны проверить, не попала ли жидкость в легкое, — инструктировал он, зажимая трубку, чтобы прекратить доступ сустава. — Если...

«... синдром разновидности такого расстройства, которое вряд ли встретишь еще где-нибудь, может быть только у примитивных народов. Мы называем это «сомнамбулическая одержимость». Честно говоря, мы мало об этом знаем, разве только то, что она начинается с конфликта или чувства вины, приводящего больного к впечатлению, будто в его теле находится посторонний разум, душа, если хотите.

Раньше, когда люди верили в дьявола, это вторгающееся существо считалось бесом. В современных случаях это чаще душа какого-либо умершего человека, знакомого больному прежде, которому он подсознательно может подражать мимикой, голосом, манерами и иногда даже воспроизводить черты лица этого знакомого. Говорят...»

После того, как мрачный доктор ушел, Крис связалась со своим агентом в Беверли Хиллз и безжизненным голосом сообщила, что не будет принимать участия в съемках. Потом она позвонила миссис Пэррин. Но последней не оказалось дома. Крис повесила трубку и почувствовала отчаяние.

Хоть бы кто-нибудь был рядом. Кто-нибудь, кто мог бы ей помочь...

«...есть более простые случаи, относящиеся к душам умерших, здесь редко встречается ярость, сверхактивность или мышечное возбуждение. Однако в большинстве случаев сомнамбулическая одержимость новой, вселившейся личности всегда злобно настроена и враждебно относится к первой. Ее основная цель — разрушить, замучить, а иногда даже уничтожить первую личность...»

В дом доставили несколько смиренных ремней. Крис, усталая и опустошенная, стояла и наблюдала, как Карл привязывал их к кровати и к рукам Реганы. Когда Крис поправляла Регане подушку, швейцарец выпрямился и с жалостью глянул в искаженное лицо девочки.

— Она выздоровеет? — спросил он. Крис уловила участие в его голосе, но не смогла ответить... В тот момент, когда Карл обратился к ней, Крис нащупала под подушкой какой-то предмет.

— Кто положил сюда распятие? — возмутилась она.

«...Этот синдром — только проявление конфликта или какой-то вины, поэтому мы и пытаемся выяснить причину. Самый лучший способ в этом случае — гипнотерапия, однако здесь мы не могли успешно ее применить. Поэтому выбрали наркосинтез — это вид лечения наркотиками, но, честно говоря, опять зашли в тупик.

— Так что же дальше?

— Время покажет. Боюсь, что теперь только время может все выявить. Мы попытаемся что-нибудь сделать и будем надеяться на перемены. Пока что придется положить ее в больницу...»

Крис отыскала Шарон на кухне в тот момент, когда та ставила на стол пишущую машинку. Шарон только что принесла ее из детской. Уилли около раковины резала морковь для рагу.

— Шар, это ты сунула распятие ей под подушку? — выпытывала Крис с напряжением в голосе.

— Что ты имеешь в виду? — опешила Шарон.

— Ты не клала?

— Крис, я не пойму, о чем ты говоришь. Послушай, я же тебе говорила еще в самолете: я рассказала Регане, что «Бог создал мир», и еще, возможно, о...

— Хорошо, Шарон, я тебе верю, но...

— Я тоже ничего не клала,— проворчала Уилли.

— Но ведь кто-то положил его туда, черт возьми! — взорвалась Крис и тут же накинулась на Карла, открывавшего холодильник.

— Я тебя еще раз спрашиваю: это ты положил распятие ей под подушку? — Голос ее почти срывался.

— Нет, мадам,— спокойно возразил Карл, заворачивая кусочки льда в полотенце.— Нет. Не знаю никакого креста.

— Но этот идиотский крест не мог сам попасть туда! Кто-то из вас врет! Отвечайте все: кто сунул его туда?! Кто? — Она вдруг тяжело опустилась на стул и зарыдала, закрыв лицо руками.— Простите меня, ради Бога, простите, я не соображаю, что делаю,— всхлипывала Крис.— О Боже, я ничего не понимаю!

Уилли и Карл молча смотрели на нее. Шарон успокаивающе дотронулась до ее шеи.

— Ну перестань. Все хорошо, все хорошо.

Крис вытерла лицо рукавом.

— Да, я понимаю, что тот, кто это сделал, хотел как лучше.

«— ... Послушайте, я вам снова и снова повторяю, вы лучше поверьте мне: я не отдам ее ни в какой сумасшедший дом!

— Это...

— Мне не важно, как вы это называете! Но я должна видеть ее все время!

— Тогда извините.

— Конечно! «Извините»! О Боже! Сотня докторов, и все, что вы мне можете сказать, это ваше идиотское...»

Крис затаилась сигаретным дымом, потом нервно затушила бычок и поднялась в спальню Реганы. В сумерках Крис разглядела прямую фигуру, сидящую на стуле у кровати Реганы. «Что он тут делает? — удивилась она.— Карл?»

Крис подошла ближе, но швейцарец даже не взглянул на нее, продолжая пристально смотреть на девочку.

Рука Карла была протянута вперед, касаясь лица Реганы. Что у него в руке?

Крис приблизилась к кровати и различила самодельный компресс со льдом, который Карл наспех соорудил на кухне. Швейцарец пытался охладить девочке лоб.

Крис была тронута и с удивлением наблюдала за этой картиной. Заметив, что Карл не обращает на нее внимания и не двигается, она повернулась и тихо вышла из комнаты...

«... внешняя случайность, ведь одержимость редко связывают с истерией, поскольку корни синдрома почти всегда ведут к самовнушению. Должно быть, ваша дочь слышала об одержимости, верила в нее, знала симптомы, поэтому сейчас ее подсознание и воспроизводит синдром. Если это возможно установить, тогда и лечение надо проводить на основе самовнушения. В таких случаях, мне думается, сыграло бы на руку потрясение. Хотя, вероятно, большинство терапевтов с этим не согласятся.

Ну, и как я уже говорил, повлиять может любая внешняя случайность. Поскольку вы возражаете против госпитализации своей дочери, я...

— Говорите же, ради Бога, что «я»?

— Вы когда-нибудь слышали о ритуале изгнания дьявола, миссис Макнейл?..»

Книги в кабинете были для Крис лишь частью обстановки, она не читала ни одной из них.

Теперь же Крис жадно всматривалась в названия, упорно искала...

«... специфический ритуал, во время которого раввины или священники пытаются изгнать духа. В настоящее время сохранился только у католиков. Для тех, кто считает себя одержимым, этот ритуал вполне действенное средство. Обычно этот метод срабатывает, здесь играет роль сила внушения. Вера больного в одержимость вызывает синдром, и в той же мере вера в изгнание беса может заставить исчезнуть все признаки одержимости. Этот... ну вот, вы уже нахмурились. Ну, может быть, здесь будет к месту рассказать

вам об австралийских аборигенах. Они считают, что если какой-нибудь колдун мысленно на расстоянии пошлет им «луч смерти», то они обязательно должны умереть. И ведь в самом деле у м и р а ю т! Ложатся и постепенно у м и р а ю т! Единственное, что иногда спасает их, это то же самое внушение: аннулирующий луч, посланный другим колдуном!

— И вы хотите, чтобы я отвела ее к колдуну?

— Да. То есть я хочу сказать, что ее надо показать священнику. Я понимаю, что это немного странный совет, возможно, даже опасный, ведь мы не уверены в том, что Регана хоть что-нибудь знала раньше об одержимости, и в частности об изгнании бесов. Как вы думаете, она могла об этом прочитать?

— Не думаю.

— Может быть, она видела это в кино? Или по телевизору?

— Нет.

— Может быть, читала Евангелие, Новый Завет?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Там есть упоминание об одержимых и о том, как Христос изгонял бесов. Описание признаков одержимости.

— Нет. Забудьте об этом. Слышал бы сейчас все это ее отец...»

Указательный палец Крис скользнул по корешкам книг. Ничего нет. Ни Библии, ни Нового Завета, ни...

С п о к о й с т в и е!

Ее взгляд вернулся к заглавию книги, стоящей в самом низу. Это был один из томов о колдовстве, который ей прислала Мэри Джо Пэррин. Крис достала книгу и отыскивала оглавление. Палец заскользил вниз по странице.

В о т!

Название главы пульсом отдалось в висках: «Состояние одержимости».

Крис захлопнула книгу и прикрыла глаза. Она растерялась...

Может быть... Может быть...

Крис открыла глаза и медленно побрела на кухню. Шарон печатала на машинке. Крис показала ей книгу.

— Шар, ты прочитала это?

Шарон продолжила печатать, не отрывая глаз от листа.

- Что именно прочитала? — переспросила она.
- Книгу о колдовстве.
- Нет.
- Это ты ее отнесла в кабинет?
- Нет. Я вообще ее не трогала.
- А где Уилли?
- Ушла на рынок.

Крис кивнула, что-то обдумывая. Затем поднялась в спальню Реганы и показала книгу Карлу.

- Карл, ты не ставил эту книгу в кабинет? На стеллаж?
- Нет, мадам.

— Может быть, Уилли, — пробормотала Крис, уставившись на книгу. Смутные ужасные догадки начали мучить ее. Неужели врачи в клинике Бэрринджер были правы? Неужели это правда, и Регана сама внушила себе психическое расстройство после прочитанного? Можно ли найти здесь описание подобного состояния? Что-то специфическое, что присутствует и в поведении Реганы?

Крис села за стол, открыла главу об одержимости и начала искать:

«Непосредственное явление, вытекающее как следствие веры в бесов, так называемая одержимость, — состояние, при котором люди считают, что их физическим и моральным поведением руководит либо бес (наиболее часто в описываемый период), либо дух умершего человека. Это явление встречалось в истории во все времена и по всей территории земного шара. Его еще предстоит объяснить. После тщательного исследования Траготта Ойстраха, впервые опубликованного в 1921 году, этот вопрос практически не изучался. Достигновения психиатрии почти ничего не добавляют по существу этого явления».

Крис нахмурилась. После разговора с врачом у нее сложилось другое впечатление.

«Известно следующее: некоторые люди подвергались таким изменениям, что для окружающих они становились совсем другими личностями. Менялись не только голос, манеры, выражение лица и характерные телодвижения, но и сам человек начинал чувствовать, что он отличается от своего прошлого «я», и осознавал, что у него теперь иное имя (человеческое или дьявольское) и другая судьба...»

Симптомы... Где же симптомы? — нервничала Крис.

«... В малайском архипелаге, где одержимость до сих пор — обычное явление, вселившийся дух умершего часто заставляет одержимого повторять жесты усопшего, подражать его голосу и манерам до такой степени, что родственники усопшего часто впадают в истерику. Здесь можно столкнуться и с так называемой квазиодержимостью — это может быть либо простое надувательство, либо параноя или истерия. Проблема всегда состояла лишь в том, как объяснить явление, и самое древнее толкование этому — вселение духа. Такое толкование подтверждали еще тем, что вселившаяся личность вела себя совсем по-иному. В бесовской форме одержимости «бес», например, мог разговаривать на иностранном языке, неизвестном первой личности или...»

Вот! Это уже кое-что! Ее бред! Попытка воспроизвести какой-то язык. Крис торопливо продолжала читать:

«... или проявление парапсихологических способностей, например, телекинеза: перемещение предметов без использования материальной силы...»

Стук? Подпрыгивание кровати?

«В случаях вселения духа умершего происходят и такие явления, как описанный Ойстрахом эпизод с монахом, становившимся во время приступов одержимости способным и одаренным танцором, хотя до заболевания никогда и нигде не танцевал. Такие явления могут быть весьма впечатляющими. Психиатр Юнг после изучения сеансов одержимости мог дать лишь частичное объяснение тем явлениям, которые бесспорно нельзя симулировать...»

Это уже звучало тревожно.

«... И Уильям Джеймс, величайший психолог Америки, указывал на «правдоподобность» духовного объяснения этого явления, после того как тщательно изучил так называемое «Чудо Вацека», девочку-подростка из Вацека в штате Иллинойс, которую нельзя было отличить от девочки по имени Мэри Рофф, умершей в сумасшедшем доме двенадцать лет назад...»

Крис, нахмурившись, читала и не слышала, как в прихожей раздался звонок. Она не слышала, как Шарон перестала печатать и пошла открывать.

«Обычно считают, что демоническая форма одержимости восходит к истокам Христианства... На самом деле и одержи-

мость, и изгнание бесов появились задолго до времени Христа. Древние египтяне, а также жители древнейших цивилизаций Тигра и Евфрата считали, что физические и духовные расстройства вызываются вторжением в организм бесов. Приводим в качестве примера заклинание против детских болезней в Древнем Египте: «Уйди прочь, исчадь тьмы, нос твой как крючок, а лицо наизнанку... Ты пришел лобзать мое дитя... Ты не смеешь...»

— Крис?

Увлечшись она продолжала читать дальше:

— Шар, я занята.

— К тебе явился детектив по делу об убийстве.

— О Боже, Шар, скажи ему... — Крис задумалась. — Хотя не надо. — Она нахмурилась, все еще глядя в книгу. — Не надо. Пусть войдет. Пригласи его.

Послышались шаги.

Крис замерла в ожидании.

Чего я жду?

Детектив вошел вместе с Шарон. Комкая в руках шляпу, он сопел, почтительно склонившись немного вперед.

— Мне так неловко. Вы заняты, я вижу, вы заняты. Я вас побеспокоил.

— Ну, как ваши дела с миром?

— Очень плохо, очень плохо. А как ваша дочь?

— Никаких перемен.

— О, извините, мне ужасно неловко. — Детектив неуклюже топтался у стола. В глазах его проскальзывало участие. — Вы знаете, я бы вас никогда не стал беспокоить, у вас больна дочь, это так неприятно. Боже мой, когда моя Руфь болела, или нет, нет, это была Шейла, моя младшая...

— Пожалуйста, присаживайтесь, — перебила Крис.

— Да-да, спасибо. — Киндерман шумно выдохнул и с благодарностью уселся на стул напротив Шарон. Та опять принялась печатать письма.

— Извините, так на чем вы остановились? — возобновила разговор Крис.

— Ах, да, моя дочь, у нее... ах, ну, это не важно. — Детектив сменил тему. — Вы ведь заняты. А я тут лезу со своей жизнью, хотя о ней можно было снять целый фильм. В самом деле! Это просто невероятно! Если бы вы знали хоть полови-

ну из того, что происходило в моей сумасшедшей семье! Я расскажу вам всего один случай. Моя мама каждую пятницу готовила нам рыбный фарш. Так всю неделю, понимаете, всю неделю никто не мог помыться, потому что моя мамуля запускала в ванну карпа, вот он там и плавал себе целую неделю, потому что моя мама, видите ли, считала, что это очищает его организм от ядов! Вы приготовились? Потому что... Ах, ну ладно... Этого достаточно.—Киндерман вздохнул и махнул рукой.—Иногда полезно посмеяться хотя бы для того, чтобы не расплакаться.

Крис безразлично смотрела на детектива и ждала...

— Вы читаете?—Киндерман взглянул на книгу о колдовстве.—Это нужно вам для фильма?—поинтересовался он.

— Просто читаю.

— Нравится?

— Я только начала.

— Колдовство,—пробормотал детектив. Вытянув голову, он попытался прочесть название книги.

— В чем дело?—рассердилась Крис.

— Да-да, извините. Вы заняты, я сейчас уйду. Как я уже говорил, я бы никогда не стал вас беспокоить, но тут...

— Что?

Детектив стал серьезным и положил руки на стол.

— Понимаете, миссис Макнейл, мистер Дэннингс...

— Ну?

— Черт побери!—яростно воскликнула Шарон и вынула испорченное письмо из машинки. Она скомкала его и швырнула в корзину для бумаг, стоящую около Киндермана.

— О, извините,—осеклась Шарон, заметив, что ее внезапная вспышка гнева перебила их разговор.

Крис и Киндерман смотрели на нее.

— Вы—мисс Фенстер?—обратился к Шарон Киндерман.

— Спенсер,—поправила Шарон и отодвинула стул, собираясь встать и поднять листок.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь,—затараторил Киндерман, нагибаясь и поднимая скомканный листок.

— Спасибо,—поблагодарила Шарон.

— Ничего. Извините, вы—секретарь?

— Шарон, это...

— Киндерман, — напомнил детектив. — Уильям Киндерман.

— Ну да. А это Шарон Спенсер.

— Рад познакомиться, — кивнул Киндерман блондинке. Она положила руки на машинку и с любопытством рассматривала его. — Возможно, вы нам поможете, — добавил детектив. — В ночь гибели мистера Дэннингса вы ушли в аптеку и оставили его одного в доме, верно?

— Не совсем. Оставалась еще Регана.

— Это моя дочь, — пояснила Крис.

Киндерман продолжал задавать вопросы Шарон.

— Он пришел повидать миссис Макнейл?

— Да.

— Он считал, что она скоро придет?

— Я ему сказала, что она должна вернуться очень скоро.

— Очень хорошо. А когда вы ушли? Вы этого не помните?

— Надо подумать. Я смотрела новости, поэтому. Ну да, верно. Я помню, еще разозлилась, когда аптекарь заявил, что рассыльный мальчик уже ушел домой. Я тогда еще сказала: «Ну-ну, а всего-то шесть тридцать». Значит, Бэрк пришел через десять или двадцать минут после моего разговора.

— Значит, — подытожил детектив, — он пришел сюда где-то в 6.45?

— А что все это значит? — заволновалась Крис, чувствуя в душе растущее напряжение.

— Понимаете, тут возникает вопрос, миссис Макнейл, — с хрипотцой в голосе произнес Киндерман, поворачиваясь к ней. — Приехать в дом, скажем, без четверти семь и уйти всего через двадцать минут...

— Ну и что? Это же Бэрк, — возразила Крис. — На него похоже.

— А похоже ли на мистера Дэннингса, — поинтересовался Киндерман, — посещать бары на М-стрит?

— Нет.

— Я так и думал. Я просто проверил. А имел ли он привычку ездить в такси? Обычно он вызывал машину из дома, когда собирался уходить?

— Да.

— Тогда приходится задуматься, зачем же он разгуливал по лестнице. Удивительно и то, что в таксопарках нет записи

о заказе в тот вечер из этого дома,—добавил Киндерман.—Кроме той, где зафиксировано, что таксист заехал за мисс Спенсер ровно в шесть сорок семь...

— Я ничего не знаю,—пробормотала Крис. Голос ее был бесцветным... Она ждала...

— Вы же знали об этом! — крикнула детективу Шарон, потрясенная его словами.

— Да, простите меня,—извинился детектив.—Однако дело теперь приняло серьезный оборот.

Крис часто задышала, не сводя с Киндермана глаз.

— В каком смысле? — пролепетала она неестественно писклявым голосом.

Детектив уперся подбородком в кулаки, все еще сжимающие скомканный листок.

— Судя по отчету патологоанатома, миссис Макнейл, вероятность случайной гибели исключена... Однако.

— Вы хотите сказать, что его убили? — Крис напряглась.

— Положение... Я понимаю, это очень неприятно.

— Продолжайте.

— Положение его головы и определенные травмы мышц шеи...

— О Боже! — вскрикнула Крис.

— Да. Это неприятно. Извините. Мне ужасно неловко. Но, понимаете, в таком состоянии — детали можно упустить — в таком состоянии тело мистера Дэннингса могло оказаться, только пролетев определенное расстояние, ну, скажем, двадцать или тридцать футов. И только потом оно должно было скатиться по лестнице. Так что вполне вероятно, что... Но, позвольте, я сначала спрошу вас...

Детектив повернулся к нахмурившейся Шарон.

— Когда вы ушли, мистер Дэннингс был здесь? С девочкой?

— Нет, он был внизу... В кабинете.

— Может ли ваша дочь вспомнить... — Киндерман повернулся к Крис, — был ли в тот вечер мистер Дэннингс в ее комнате?

Была ли она когда-нибудь вообще с ним наедине?

— А почему вы об этом спрашиваете? Нет, я же говорила раньше: ей дали сильное успокоительное и...

— Да-да, вы мне говорили, это верно, я вспомнил. Но, может быть, она проснулась. Ведь это возможно?⁸

— Нет. И потом...

— Когда мы с вами разговаривали в прошлый раз, она тоже спала после успокоительного?

— Да, она действительно спала, — вспомнила Крис. — Ну так что?

— Мне показалось, что в тот день я видел ее у окна.

— Вы ошиблись.

Киндерман пожал плечами:

— Может быть, может быть, я не уверен.

— Послушайте, почему вы все это спрашиваете? — вымолвила наконец Крис.

— Видите ли, есть вероятность, как я уже говорил, что покойный напился до такой степени, что споткнулся и выпал из окна спальни вашей дочери.

Крис отрицательно покачала головой:

— Этого никак не могло случиться. Во-первых, окно всегда закрыто, а во-вторых, Бэрк был всегда пьяный, но при этом всегда аккуратный и осторожный. Ведь так, Шар?

— Так.

— Бэрк даже работал «под мухой». Как же он мог споткнуться и выпасть из окна?

— Может быть, вы еще кого-нибудь ждали в тот вечер? — спросил Киндерман.

— Нет.

— Может быть, у вас есть друзья, которые заходят без звонка?

— Только Бэрк, — уверила его Крис. — А что?

Детектив опустил голову и, нахмурившись, начал разглядывать смятый листок в руках.

— Странно... это так загадочно. Покойный приходит навестить вас, остается только на двадцать минут, уходит, не встретив вас, и при этом оставляет тяжело больную девочку. Говоря точнее, миссис Макнейл, вы исключаете, что он мог упасть из окна. Кроме того, после падения он не мог получить такие травмы шеи. Такое происходит в одном случае из тысячи...

Детектив указал на книгу о колдовстве.

— Вы читали в этой книге про ритуальные убийства?

Крис отрицательно покачала головой. Предчувствие сковало ее.

— Может быть, не в этой книге, — засомневался Киндерман. — Однако простите меня, я упомянул об этом просто так, чтобы вы лучше подумали. Ведь бедного Дэннингса нашли со свернутой шеей. Именно подобным образом совершаются ритуальные убийства так называемыми бесами, миссис Макнейл.

Крис побледнела.

— Какой-то сумасшедший убил мистера Дэннингса, — продолжал детектив, пристально глядя на Крис. — Сначала я не говорил этого, чтобы не расстраивать вас. И, кроме того, теоретически это мог быть и несчастный случай. Но лично я так не думаю. Это мое мнение. Моя догадка. Я считаю, что его убил очень сильный человек. Это раз. Трещины на черепе — это два. И еще разные мелочи, о которых я говорил, допускают возможность того факта, что покойного убили, а потом столкнули из окна комнаты вашей дочери. Это могло произойти, если кто-то зашел к вам в промежутке между уходом мисс Спенсер и вашим приходом. Поэтому я и спрашиваю еще раз: кто мог зайти?

— О Боже, подождите секунду! — потрясенно прошептала Крис срывающимся голосом.

— Да-да, извините... Это так неприятно. Возможно, я вовсе не прав, признаю... Но вы подумайте. Кто? Кто мог зайти?

Крис опустила голову и, нахмурившись, задумалась. Потом взглянула на Киндермана.

— Нет. Не могу никого вспомнить.

— Может быть, тогда вы, мисс Спенсер? — обратился детектив к Шарон. — Кто-нибудь к вам сюда приходит?

— О нет, никто, — удивилась Шарон, широко раскрыв глаза.

Крис повернулась к ней:

— А твой жокей знает, где ты работаешь?

— Жокей? — переспросил Киндерман.

— Это ее друг, — пояснила Крис.

Шарон отрицательно покачала головой.

— Он никогда не приходил сюда. Кроме того, в тот вечер он был в Бостоне. У них там какой-то съезд.

— Он торговец?

— Нет, адвокат.

Детектив опять повернулся к Крис.

— А ваши слуги? У них бывают посетители?

— Нет. Никогда.

— Может быть, вы ждали в тот день посылку? Или какой-нибудь пакет?

— Я об этом ничего не знаю. А что?

— Мистер Дэннингс был — о мертвых плохо не говорят, царство ему небесное, — но, как вы выразились, «под мухой». В этом состоянии он был, ну, скажем, вспыльчив, возможно, мог к чему-нибудь придраться и разозлить человека, в данном случае посыльного, который зашел для того, чтобы передать вам что-нибудь из магазинов? Какой-нибудь сверток?

— Я действительно не знаю, — недоумевала Крис. — Все приносит Карл.

— Да, я понимаю.

— Хотите спросить его?

Детектив вздохнул и откинулся на спинку стула, засовывая руки в карманы пальто. Он хмуро уставился на книгу о колдовстве.

— Не важно, не важно. Это было давно. У вас ведь очень больна дочь, и, пожалуйста, не волнуйтесь. Очень рад был с вами познакомиться, мисс Спенсер.

— Я тоже. — Шарон слегка кивнула.

— Загадочно, — покачал головой Киндерман. — Странно. Извините меня, я потревожил вас впустую.

— Ничего, я провожу вас до двери, — предложила Крис, думая о чем-то своем.

— Не беспокойтесь.

— Мне нетрудно.

— Ну, если вы настаиваете. Кстати, один шанс на миллион, я понимаю, но ваша дочь, — может быть, вы спросите ее, видела ли она мистера Дэннингса в своей комнате в тот вечер?

Крис шла, сложив руки.

— Послушайте, прежде всего у него не было причин подниматься к ней.

— Я понимаю, я все понимаю, это верно. Но ведь если бы в свое время английские ученые не задали вопрос: «А что это за грибок?» — у нас сегодня не было бы пенициллина. Не так ли? Пожалуйста, спросите ее. Вы спросите?

— Когда она достаточно поправится. Да, я спрошу.

— Я не хотел огорчать вас... — Они уже подошли к входной двери, когда Киндерман вдруг замялся и в нерешительности приложил пальцы к губам: — Вы знаете, мне очень неловко просить вас, однако...

Крис напряглась в ожидании очередного удара. Предчувствие опять неприятно защекотало где-то внутри.

— Что такое?

— Для моей дочери... не могли бы вы дать автограф? — Детектив покраснел, и Крис чуть не рассмеялась от облегчения.

— О, конечно. Где карандаш? — засуетилась она.

— Вот он! — Киндерман одной рукой вынул из кармана пальто замусоленный карандашный огрызок, а другой — из пиджака — визитную карточку. — Она будет так благодарна.

— Как ее зовут? — спросила Крис, прижимая визитку к двери и приготовившись надписать ее.

Последовало какое-то непонятное замешательство. Крис слышала за спиной только тяжелое дыхание. Она обернулась на детектива и заметила в его глазах смущение.

— Я солгал, — выдавил он наконец. — Это для меня.

Киндерман устался на визитку и покраснел.

— Напишите: «Уильяму».

Крис уставилась на него с неожиданной и чуть заметной нежностью, потом, взглянув на обратную сторону карточки, написала «Уильям Ф. Киндерман, я люблю вас!» — и расписалась.

— Вы очень милая женщина, — заметил детектив, не глядя на Крис, и засунул карточку в карман.

— А вы очень милый мужчина.

Киндерман покраснел еще сильнее.

— Нет, я не милый. Я надоедаю. Не обращайтесь внимания на то, что я здесь наговорил. Это так неприятно. Забудьте об этом. Думайте только о вашей дочери. Только о дочери.

Крис кивнула, и подавленное настроение опять захватило ее, как только Киндерман вышел на крыльцо.

— Но вы спросите ее? — напомнил детектив, повернувшись к Крис.

— Да, — прошептала Крис. — Я обещаю. Я спрошу.

— До свидания. Будьте осторожны.

Крис еще раз кивнула и добавила:

— И вы тоже.

Она закрыла дверь. И тут же опять открыла ее, услышав стук.

— Как неприятно. Я так вам надоел. Я забыл у вас карандаш.— Его лицо выражало смущение.

Крис обнаружила у себя в руках огрызок, слабо улыбнулась и отдала его Киндерману.

— И еще...— Он колебался.— Это бесполезно, я понимаю, я уже надоел, но все же я не усну спокойно, если буду знать, что где-то сумасшедший или наркоман гуляет на свободе. Как вы думаете, мог бы я поговорить с мистером Энгстромом? Насчет доставок... По поводу доставок на дом. Мне, пожалуй, следовало бы это сделать.

— Конечно, входите,— чуть слышно проговорила Крис.

— Нет, вы заняты. Этого достаточно. Я могу поговорить с ним здесь. Здесь хорошо.

Он прислонился к перилам.

— Если вы так настаиваете...— Крис едва заметно улыбнулась.— Он с Реганой. Я его сейчас пришлю.

Крис поспешно закрыла дверь. Через минуту на крыльцо шагнул Карл. Высокий и статный, он смотрел на Киндермана прямым холодным взглядом.

— Да.

— Вы имеете право не отвечать мне,— начал Киндерман, так же прямо глядя ему в глаза.— Если вы не воспользуетесь этим правом, то все, что вы скажете, может быть использовано против вас на суде. У вас есть право переговорить с адвокатом или пригласить адвоката на допрос. Если вы желаете иметь адвоката, но не имеете средств, вам будет назначен адвокат бесплатно перед допросом. Вы поняли?

Птицы щебетали в густой листве деревьев, и гудки автомобилей с М-стрит доносились сюда приглушенно, как жужжание пчел на дальнем лугу. Взгляд Карла не изменился. Он коротко бросил:

— Да.

— Вы отказываетесь от права молчать?

— Да.

— Вы хотите отказаться и от права переговорить с адвокатом или пригласить его на допрос?

— Да.

— Вы утверждали ранее, что 28 апреля, в день смерти мистера Дэннингса, вы посетили кинотеатр «Крэст»?

— Да.

— В котором часу вы вошли в кинотеатр?

— Я не помню.

— Вы утверждали, что ходили на шестичасовой сеанс.

Это поможет вам вспомнить?

— Да. На шестичасовой сеанс. Я вспомнил.

— Вы смотрели эту картину с самого начала?

— Да.

— И ушли после окончания фильма?

— Да.

— Не раньше?

— Нет, я досмотрел до конца.

— После этого вы сели в транзитный автобус перед кинотеатром и сошли на пересечении М-стрит и Висконсин-авеню приблизительно в 9.20 вечера?

— Да.

— И пошли домой пешком?

— И пошел домой пешком.

— И были дома примерно в 9.30?

— Я был дома ровно в 9.30.

— Вы в этом уверены?

— Да, я посмотрел на часы. Абсолютно уверен.

— Так вы досмотрели фильм до самого конца?

— Да, я уже сказал.

— Ваши ответы записываются на магнитофон, мистер Энгстром, и я хочу, чтобы вы были уверены в том, что говорите.

— Я уверен.

— Вы помните ссору между служащим кинотеатра и пьяным зрителем, происшедшую за пять минут до окончания фильма?

— Да.

— Вы мне не можете назвать причину этого недоразумения?

— Этот мужчина напился и мешал другим.

— И чем все кончилось?

— Выставили. Его выставили из кинотеатра.

— А ведь никакой ссоры не было. А помните ли вы вы-

нужденную паузу по техническим причинам, она продолжалась примерно 15 минут, и фильм был прерван.

— Нет.

— Вы помните, как возмущались зрители?

— Нет. Никакой паузы не было.

— Вы уверены?

— Ничего не было.

— Было, и это записано в журнале киномеханика, поэтому фильм кончился в тот вечер не в 8.40, а примерно в 8.55, а значит, самый первый автобус, который смог вас довезти до пересечения М-стрит и Висконсин-авеню, подошел не в 9.20, а в 9.45. Дома вы могли быть не ранее чем без пяти десять, а не в 9.30, что подтвердила и миссис Макнейл. Теперь не смогли бы вы объяснить это загадочное несоответствие?

— Нет.

Несколько секунд детектив молча разглядывал его, потом вздохнул и, опустив голову, выключил магнитофон, спрятанный под подкладку пальто.

— Мистер Энгстром,— проникновенно начал Киндерман.— Возможно, совершено серьезное преступление. Вы под подозрением. Мистер Дэннингс оскорблял вас, я узнал об этом из других источников. Очевидно и то, что вы говорили неправду относительно места вашего пребывания в момент его смерти. Иногда случается— все мы люди, почему бы и нет?— что женатый человек оказывается в таком месте, о котором ему не хотелось бы упоминать. Вы заметили, я устроил все так, чтобы мы разговаривали с вами наедине? Теперь я не записываю. Магнитофон выключен. Вы можете доверять мне. Если уж получилось, что в тот вечер вы были не с женой, а с другой женщиной, вы можете сказать мне об этом, я проверю ваше алиби, и вы не будете больше на подозрении, а ваша жена... она ничего не узнает. Скажите, где вы были в тот момент, когда умер Дэннингс?

На секунду в глубине глаз швейцарца что-то блеснуло, но тут же пропало.

— В кино!— упорно настаивал на своем Карл.

Детектив пристально смотрел на него. В тишине было слышно только его сиплое дыхание. Шли секунды...

— Вы меня арестуете?— разорвал наконец тишину Карл. Голос его слегка дрожал.

Детектив не ответил и продолжал, не мигая, разглядывать швейцарца. Карл собрался что-то сказать, но детектив неожиданно спустился с крыльца и направился к полицейской машине, засунув руки в карманы.

Карл бесстрастно и спокойно наблюдал за ним с крыльца. Киндерман открыл дверцу машины, достал пачку салфеток, вынул одну и высморкался, безразлично уставившись на реку. Потом сел в машину и даже не оглянулся.

Карл взглянул на свою руку и заметил, что она дрожит.

Когда захлопнулась входная дверь, Крис стояла у стойки бара в кабинете и наливала водку в стакан со льдом. Она услышала шаги. Карл поднимался по лестнице. Крис взяла стакан и медленно направилась в кухню, помешивая напиток указательным пальцем. Она шла и ничего вокруг не замечала. Что-то вокруг пугающе изменилось. Ужас просачивался в ее сознание. Что там, за дверью? Что это?

Не смотри!

Крис вошла на кухню, села за стол и отхлебнула из стакана. «Я считаю, что его убил очень сильный человек...»

Взгляд ее упал на книгу о колдовстве.

Что-то...

Шаги. Это Шарон. Вернулась из спальни Реганы. Вот она вошла. Села за машинку. Вставила чистый лист бумаги в картку.

Что-то...

— Довольно-таки неприятно,— пробормотала Шарон, опустив пальцы на клавиатуру и рассматривая стенограмму, лежащую рядом.

Тишина. Что-то тяжелое зависло в воздухе. Крис отсутствующе продолжала пить.

Шарон нарушила тишину. С напряжением в голосе она произнесла:

— Сейчас развелось много хиппи в районе М-стрит и Висконсин. Разные оккультисты. Полиция называет их «адовы собаки». Я подумала, может быть, Бэрк...

— О Боже, Шар! Забудь об этом, прошу тебя! — взорвалась Крис. — Я должна думать сейчас только о Рэгс! Ты понимаешь?

Шарон повернулась к машинке и застучала с бешеной скоростью. Потом резко поднялась и вышла из кухни.

— Я пойду погуляю,— холодно бросила она.

— Ради Бога, держись подальше от М-стрит! — напутствовала Крис и опять уставилась на книгу.

— Ладно!

— И от Н-стрит тоже!

Крис слышала, как открылась и закрылась входная дверь. Она вздохнула и почувствовала, что жалеет о том, что произошло. Но вспышка сняла напряжение, не полностью, конечно.

Крис попыталась сосредоточиться на книге. Она нашла место, где остановилась, с нетерпением принялась пробегать страницу за страницей, отыскивая описание симптомов Реганы: «... бесовская одержимость... синдром... случай с 8-летней девочкой... ненормально... четыре взрослых человека едва могли удержать...»

Перевернув очередную страницу, Крис уставилась на нее и застыла.

Она услышала шум. Это Уилли вернулась с продуктами.

— Уилли?.. Уилли?.. — срывающимся голосом позвала Крис.

— Да, мадам, — отозвалась Уилли, ставя на пол сумки. Не глядя на нее, Крис подняла книгу.

— Это ты положила книгу в кабинет, Уилли?

Уилли взглянула на книгу и кивнула, потом повернулась и принялась разгружать сумки.

— Уилли, где ты ее нашла?

— Наверху, в спальне, — ответила Уилли.

Она засовывала в холодильник бекон.

— Когда ты ее там нашла? — продолжала допытываться Крис, не отрывая взгляда от страниц.

— После того как все уехали в больницу, мадам, когда я пылесосила в спальне Реганы.

— Ты уверена?

— Уверена, мадам.

Крис застыла. Взгляд ее замер, дыхание остановилось. В ее памяти болезненно четко вспыхнула картина того вечера, когда умер Дэннингс. Она ясно вспомнила открытое окно в спальне Реганы. Что-то совсем знакомое шевельнулось в ее мозгу, когда она взглянула на первую страницу книги.

По всей длине страницы была аккуратно оторвана тоненькая полоска бумаги.

Крис дернулась, услышав наверху в спальне Реганы звуки возни.

Стук, очень частый, с мощнейшим резонансом, будто кто-то кувалдой молотил в комнатах!

Истощенный крик Реганы, ее испуганный, умоляющий голос!

Карл! Это Карл что-то со злостью кричит Регане.

Крис выскочила из кухни.

О Бог мой, что там происходит?

Обезумев, она бросилась к лестнице в спальню. Крис услышала удар. Кто-то споткнулся, кто-то рухнул на пол, как тяжелый мешок.

Раздался крик Реганы:

— Нет! Нет! Прошу тебя, нет! — и потом жуткий голос Карла.

Нет-нет, это не Карл! Там кто-то еще!

Крис пролетела через холл, задыхаясь, ворвалась в спальню и замерла в ужасе. Невероятные удары сотрясали стены. Карл без сознания лежал около письменного стола. Девочка волчком вертелась на кровати, а кровать подпрыгивала и тряслась. В руках Регана сжимала белое костяное распятие и направляла его во влагалище, с ужасом уставившись на крест. Ее глаза почти вылезли из орбит от страха, все лицо было перепачкано кровью, сочащейся из носа, трубка для питания валялась рядом.

— Я прошу тебя! Нет! Ну, пожалуйста! — кричала девочка, а руки все ближе придвигали крест. Казалось, она изо всех сил пытается оттолкнуть распятие, но не может.

— Ты сделаешь то, что я говорю, мерзавка! Ты сделаешь это!

Ужасный бас, эти жуткие слова шли от Реганы, голос ее вдруг стал низким и грубым, свирепым и яростным, и в одно мгновение выражение ее лица изменилось, превратившись в дикую бесовскую маску, виденную Крис на сеансе гипноза. И теперь лицо и голос менялись с невероятной скоростью. Оглушенная, Крис продолжала смотреть.

— Нет!

— Ты сделаешь это!

— Прошу тебя!

— Ты сделаешь это, или я убью тебя!

— Прошу тебя!

Глаза Реганы раскрылись еще шире, она невидяще уставилась перед собой, отступив перед какой-то страшной неизбежностью, открыла рот и закричала с неистовым отчаянием. Потом черты беса опять появились на лице Реганы, комната наполнилась зловонием, и стало очень холодно, казалось, что этот холод шел от стен. Удары прекратились, и пронзительный крик девочки перешел в грудной, захлебывающийся злобный крик ликующего победителя. Регана ткнула распятие во влагище и яростно начала глубже и глубже вонзать его, при этом она свирепо приговаривала все тем же низким, оглушительным басом:

— Теперь ты моя, ты моя, вонючая скотина!

Крис не могла пошевелиться, а Регана яростно бросилась на мать. Лицо ее изменилось до неузнаваемости, она вытянула руку, схватила Крис за волосы и дернула вниз.

— А-а-а! Мамаша маленькой хрюшки! — пророкотал тот же низкий голос. — А-а-а-а! — Затем рука, вцепившись в голову Крис, дернулась вверх, а другая сильно ударила ее в грудь. Крис отлетела от кровати и стукнулась головой о стену, а Регана продолжала злобно хохотать.

Крис в полуобморочном состоянии лежала на полу, перед ней мелькали какие-то лица, раздавались непонятные звуки. Перед глазами вертелось что-то бесформенное, расплывчатое, в ушах шумело и свистело. Крис пыталась встать, но это ей никак не удавалось. Она посмотрела на заляпанную кровью кровать, на дочь, лежащую к ней спиной, и поползла мимо Карла к кровати. Вдруг Крис съезжилась и подалась назад. Она разглядела, как голова дочери начала медленно поворачиваться вокруг неподвижного туловища, все круче и круче, пока Крис не показалось, что голова повернулась на 180°.

— Ты знаешь, что она сделала, твоя трахнутая девка? — захихикал знакомый голос.

Крис взглянула на это безумное ухмыляющееся лицо, на пересохшие растрескавшиеся губы, на лисьи глаза и потеряла сознание.

Бездна

Глава первая

Крис ожидала его, стоя на набережной около Кей-Бридж. На дороге то и дело скапливались машины, водители, спешившие домой, сигналили в образовавшихся заторах с будничным безразличием.

Она нервно стряхнула пепел с сигареты и взглянула на дорогу, ведущую к мосту из города. Кто-то торопливо шел по тротуару. Крис разглядела брюки цвета хаки и синий свитер. Нет, это не священник.

Краем глаза она увидела, как человек в свитере положил руку на парапет, и резко обернулась.

— Двигай дальше, развалина, — жестко сказала Крис, бросающая сигарету в воду, — или, клянусь Богом, я сейчас позову полицию.

— Мисс Макнейл? Я отец Каррас.

Она вздрогнула, покраснела и повернулась к нему. Широкохотое, морщинистое лицо.

— О Боже мой! Я... Боже!

Нервничая, она сняла темные очки и тут же снова надела их, встретив взгляд ясных и грустных глаз.

— Мне надо было предупредить вас, что я буду в обычной одежде. Извините.

Голос звучал успокаивающе, он словно снимал все волнения и тревоги. Отец Каррас аккуратно сложил свои огромные и вместе с тем такие чувствительные руки на груди. Крис поймала себя на том, что не может оторвать глаз от этих рук.

— Я думал, что так будет менее заметно, — продолжал священник. — Ведь вы, кажется, хотели, чтобы все осталось в тайне?

— Мне нужно было лучше позаботиться о том, чтобы не выглядеть такой душой, — ответила Крис, роаясь в сумочке. — Я думала, что вы...

— Простой человек? — вставил он с улыбкой.

— Я поняла это сразу, когда увидела вас в университете.— Теперь она начала обыскивать карманы своего костюма.— Поэтому и позвонила вам. Да, вы производите впечатление простого человека.— Крис взглянула на него и увидела, что священник пристально смотрит на ее руки.— У вас не найдется сигареты, святой отец?

— Ничего, что без фильтра?

— Сейчас я выкурю любую солому.

— Мои доходы таковы, что я часто так и поступаю.

— Обет нищеты,— пробормотала она, вынимая сигарету и улыбаясь через силу.

— Обет нищеты иногда приносит пользу,— возразил отец Каррас, отыскивая спички.

— Как, например?

— Делает солому вкуснее.— Слегка улыбаясь, он смотрел, как в руке у Крис дергалась сигарета, затем решительно взял ее и прикурил, пряча спичку в ладонях. Потом вернул сигарету Крис и сказал: — Машины поднимают такой ветер, что прикурить просто невозможно.

— Спасибо, святой отец.— Крис посмотрела на него с благодарностью.— Откуда вы родом, отец Каррас?

— Из Нью-Йорка.

— Я тоже. Но тем не менее никогда бы туда не вернулась. А вы?

— И я.— Каррас проглотил комок, подкативший к горлу, и попытался улыбнуться.— Но не мне принимать подобные решения.

— Ну да, какая же я глупая. Вы же священник. Вы едете туда, куда вас направят.

— Да.

— А как случилось, что вы из психиатра сделали священником? — спросила Крис.

Отцу Каррасу не терпелось побыстрее вникнуть в суть дела, но в то же время он понимал, что нельзя торопиться с расспросами. Крис сама должна выйти на нужный разговор.

— Тут как раз наоборот,— поправил он.— Общество...

— Какое общество?

— Общество Христа. Или, по-другому, иезуиты...

— А, понимаю.

— Общество направило меня в университет учиться на психиатра.

— Куда?

— В Гарвард, к Джону Хопкинсу.

Каррас вдруг поймал себя на мысли, что хочет произвести впечатление на Крис. «Почему?» — удивленно подумал он, но тут же нашел ответ, вспомнив дешевые галерки в восточной части города и трущобы, где пролетело его детство. Маленький Джимми и кинозвезда.

— Неплохо, — кивнула она.

Маленький Джимми достиг цели.

— Мы не даем обета м о р а л ь н о й нищеты.

Крис почувствовала легкое раздражение и, пожав плечами, перевела взгляд на реку.

— Видите ли, я вас не знаю, и... — Глубоко затянувшись, она выдохнула дым и потушила окурочек о парпет. — Вы ведь друг отца Дайера?

— Да, я его друг.

— И довольно близкий?

— Достаточно близкий.

— Он рассказывал вам о вечеринке?

— В вашем доме?

— Да. Он вам говорил что-нибудь о моей дочери?

— Нет, я и не знал, что у вас есть дочь.

— Ей двенадцать лет. Он вам не рассказывал про нее?

— Нет.

— И не рассказывал, что она сделала?

— Он вообще не упоминал о ней.

— Похоже, священники умеют молчать.

— Когда как, — ответил Каррас.

— А от чего это зависит?

— От священника.

В глубине его сознания вдруг мелькнула мысль об извращенности некоторых женщин, страстно желающих под любым предлогом завлечь и совратить именно священника.

— Я хотела сказать, что наш разговор смахивает на исповедь. Вам ведь запрещено разглашать тайну исповеди, верно?

— Да, это так.

— А то, что не относится к исповеди? — спросила Крис. — Я хочу сказать, что если... — Ее руки дрожали. — Мне интересно... Я... Мне, правда, очень хочется узнать. Что, если какой-то человек, скажем, убийца, или что-то в этом роде, понимаете? Если он обратится к вам за помощью, вы его выдадите?

Пыталась ли она что-то выведать у него или же ей просто хотелось рассеять свои сомнения?

— Если он придет ко мне за духовной помощью, то нет,— ответил Каррас.

— Вы бы его не выдали?

— Нет, но я бы попытался убедить его в том, что он должен сознаться сам.

— А как вы изгоняете бесов?

— Не понял.

— Если человек одержим, то как вы изгоняете из него бесов?

— Для начала, думаю, надо посадить этого человека в машину времени и доставить в XVI век.

— Что вы хотите этим сказать? Я вас не понимаю.

— Видите ли, мисс Макнейл, это явление больше не встречается.

— С каких пор?

— С тех пор, как мир узнал о таких психических заболеваниях, как паранойя, или раздвоение личности, и других патологических отклонениях, которые я изучал в Гарвардском университете.

— Вы шутите?

Крис смутилась. Голос ее дрожал, и Каррас в душе проклинал себя за болтливость. «Что это на меня нашло?» — удивился он про себя, а вслух продолжил:

— Многие образованные католики, мисс Макнейл, не верят больше в дьявола, а что касается одержимости, то с того дня, как я стал иезуитом, я не встречал ни одного священника, который бы изгонял бесов. Ни одного.

— Я начинаю сомневаться в том, что вы священник,— промолвила Крис с ноткой горького разочарования в голосе.— А как же библейские рассказы о Христе, изгоняющем всех этих бесов?

— Видите ли, если бы Христос назвал одержимых просто шизофрениками, что, как я полагаю, было истиной, его распяли бы на три года раньше.

— В самом деле? — Крис взялась за очки, пытаясь сдержаться.— Дело в том, отец Каррас, что один очень близкий мне человек, возможно, одержим, и ему нужна помощь. Вы сможете провести изгнание бесов?

Все вокруг показалось вдруг Каррасу нереальным: и мост, и кафе, и автомобили, и кинозвезда Крис Макнейл. Он уставился на нее, размышляя, как лучше ответить, и уловил мучительный страх и отчаяние в покрасневших от слез глазах.

— Отец Каррас, это моя дочь, — прошептала Крис. — Моя дочь!

— Тогда тем более нужно забыть об изгнании...

— Но почему? О Боже, я не понимаю! — надрывно вскрикнула Крис.

Каррас взял ее за руку.

— Прежде всего это может только ухудшить дело.

— Как?

— Ритуал изгнания бесов целиком основан на внушении.

Он может вызвать одержимость там, где ее не было, или укрепить ее там, где она уже зародилась. Кроме того, мисс Макнейл, прежде чем церковь даст разрешение на такой ритуал, ей нужно провести расследование, чтобы убедиться в правомерности вашей просьбы. На это нужно время. Между тем ваша...

— А вы не можете провести изгнание? — взмолилась Крис. Ее нижняя губа дрожала, в глазах стояли слезы.

— Послушайте меня. Право изгонять бесов имеет каждый священник, но ему необходимо разрешение церкви, и, честно говоря, это разрешение дается очень редко, поэтому...

— Но вы хотя бы гляньте на нее!

— Конечно, как психиатр, я мог бы, но...

— Ей нужен священник! — яростно вскричала Крис. — Я ее показывала всем эти идиотским психиатрам, и они послали меня к вам. Теперь вы посылаете опять к ним!

— Но ваша...

— Господи Иисусе, неужели мне никто не поможет? — Этот отчаянный вопль переполошил птиц, которые откликнулись с берегов взбудораженным криком. — О Боже, помогите мне, хоть кто-нибудь! — разрыдалась Крис и прижалась к Каррасу. — Пожалуйста, помогите мне! Помогите! Прошу вас! Пожалуйста! Помогите...

Священник заглянул ей в глаза и положил свои крупные руки на голову Крис. Пассажиры, попавшие в затор, равнодушно наблюдали за ними из окон автомобилей.

— Конечно, конечно, — прошептал Каррас, похлопывая Крис по плечу. Он пытался успокоить и взбодрить ее, превратить женскую истерику.

Дочь? Да ей самой нужна помощь психиатра.

— Хорошо, я осмотрю ее, — сказал священник. — Осмотрю.

Они молча подошли к дому. Карраса угнетало ощущение нереальности происходящего, к тому же в голове вертелись мысли о завтрашней лекции в университете. Надо было подготовить кое-какие заметки. Каррас понял, что не успеет к обеду. Было без десяти шесть. Крис открыла дверь и повернулась к нему.

— Святой отец... может быть, вам лучше надеть сутану?

— Слишком опасно,— ответил он и почувствовал какую-то ледящую, гнетущую тревогу. Острыми осколками льда она вошла в его тело, сконцентрировалась и поползла вверх, замерев в горле.

— Отец Каррас?

Он поднял глаза. Крис вошла в дом и придерживала дверь.

Какую-то долю секунды священник стоял не шевелясь, а потом решительно вошел в прихожую, испытывая при этом странное чувство обреченности.

Он услышал звуки возни, доносившиеся сверху. Хриплый бас кому-то угрожал, посылая всевозможные проклятья с яростной ненавистью.

Крис стала подниматься на верхний этаж. Священник последовал за ней в спальню Реганы. Карл стоял напротив двери, прислонившись к стене. Руки его были сложены, голова опущена. Он медленно поднял голову и посмотрел на Крис. Каррас уловил в его взгляде страх и смятение. Бас громыхал где-то совсем рядом. Он был таким громким, что казалось, в комнате установлен электронный усилитель.

— Оно пытается вырваться из смиренных ремней,— вымолвил Карл слабым от ужаса голосом.

— Я сейчас вернусь, святой отец,— пробормотала Крис.

Каррас наблюдал, как она шла через зал к своей спальне. Потом взглянул на Карла.

— Вы священник? — спросил Карл.

Каррас кивнул. В этот момент из комнаты послышался рев какого-то животного, похожий на мычание вола.

Кто-то тронул его за руку.

— Это она,— выдохнула Крис.— Регана.— И дала ему фотографию.— Эта фотография была сделана четыре месяца назад.— Она взяла карточку и кивнула в сторону спальни.— А теперь идите и посмотрите, что с ней стало. А я подожду здесь.

— Кто с ней? — спросил Каррас.

— Никого.

Он выдержал ее пристальный взгляд и, нахмурившись, повернулся к спальне. Как только он взялся за ручку двери, звуки, доносившиеся оттуда, резко оборвались. В напряженной тишине Каррас медленно вошел в комнату и чуть не вылетел обратно, ощутив резкое зловоние.

Быстро придя в себя, он закрыл за собой дверь. И тут взгляд священника упал на существо, которое прежде было Реганой. Оно полулежало на кровати, подпертое подушкой. Широко открытые пронизательные глаза сверкали безумным лукавством. С интересом и злобой они уставились на Карраса. Лицо напоминало страшную маску. Каррас перевел взгляд на спутанные, свалывшиеся волосы, на исхудалые руки и ноги, на раздутый живот и потом снова на глаза: они наблюдали за ним, буравили его насквозь.

— Привет, Регана, — как ни в чем не бывало поздоровался священник. — Я друг твоей матери. Она мне сказала, что ты неважно себя чувствуешь. Сможешь рассказать, что произошло? Я хочу помочь тебе.

Немигающие глаза яростно блеснули, и на подбородок из уголков рта поползла желтоватая слюна. Потом губы напряглись и вытянулись в злобную насмешливую улыбку.

— Ну-ну, — злорадно прохрипела Регана, и у Карраса побежали мурашки по всему телу от этого невероятно низкого баса, полного угрозы и силы. — Итак, это ты... они прислали тебя! Ну тебя-то нам нечего бояться.

— Да, это верно. Я твой друг. Я бы хотел помочь тебе.

— Тогда ослабь ремни, — загремел голос Реганы. Она попыталась поднять руки, и только теперь Каррас заметил, что они были стянуты двойными смиренными ремнями.

— Они тебе мешают?

— Чрезвычайно. Они создают крайнее неудобство. А д - с к о е неудобство. — В ее глазах блеснул тайный азарт.

Каррас заметил следы царапин на лице и раны на губах девочки. Наверное, она кусала их.

— Боюсь, что ты можешь сделать себе больно, Регана.

— Я не Регана, — басом откликнулся голос. На лице оставалась все та же злобная усмешка, и Каррасу вдруг показалось, что таким оно было всегда. Как нелепо это выглядит со стороны.

— Да, я понимаю. Тогда, наверное, нам надо познакомиться. Я — Дэмьен Каррас. А ты кто?

— А я — дьявол.

— Ага, хорошо, очень хорошо,— одобрительно кивнул Каррас.— Теперь мы можем поговорить.

— Поболтаем немного?

— Если хочешь.

— Это так приятно для души. Однако ты скоро поймешь, что я не могу свободно разговаривать, пока на мне эти ремни. Я привык жестикулировать. Как тебе известно, я провел много времени в Риме, дорогой Каррас. Будь так добр, развяжи ремни!

Какая точность мыслей и выражений!

— Так ты говоришь, что ты дьявол? — спросил Каррас.

— Уверяю тебя.

— Тогда почему ты не можешь сделать так, чтобы ремни исчезли?

— Это слишком примитивное проявление моей силы, Каррас. Слишком грубое. В конце концов, я же король! — Смех. — Для меня предпочтительней убеждение. Я люблю, чтобы в мои дела кто-нибудь вмешивался и помогал мне. Если я сам расслаблю ремни, мой друг, я лишу тебя возможности совершить благодеяние.

— Но ведь благодеяние,— возразил Каррас,— это добродетель, и именно то, что дьявол должен предотвращать, так что я помогу тебе, если не буду снимать ремни. При условии, конечно,— он пожал плечами,— что ты на самом деле дьявол. Если же нет, то я, пожалуй, сниму их.

— Ну ты лиса, Каррас. Если бы любезный Ирод был с нами, он гордился бы тобой.

— Какой Ирод? — прищурившись, спросил Каррас.— Их было двое. Ты говоришь о короле Иудеи?

— Об Ироде из Галилеи! — с ненавистью и презрением выкрикнула она и улыбнулась, продолжая тем же зловещим голосом: — Ну вот, видишь, как меня расстроили эти проклятые ремни. Развяжи их. Развяжи, и я сообщу тебе твоё будущее.

— Очень соблазнительно.

— Это я умею.

— А как я узнаю, что ты действительно видишь будущее?

— Я же дьявол.

— Да, ты так говоришь, а вот доказательств не даешь.

— В тебе нет веры.

Каррас застыл:

— Веры в кого?

— В меня, дорогой Каррас, в меня! — Маленькое пламя заплесало в злобных и насмешливых глазах. — Доказательства — это так распылочно!

— Мне подошло бы что-нибудь очень простое, — продолжал Каррас. — Ну, например... дьявол ведь знает все, верно?

— Не совсем: почти все, Каррас, почти. Ты меня понимаешь? Люди говорят, что я зазнаюсь. Это не так. К чему же ты клонишь, лиса?

— Я думаю, что мы сможем проверить твои знания.

— Ах, да, конечно! Самое большое южноамериканское озеро, — насмешливо произнесла Регана, — озеро Титикака в Перу! Это подойдет?

— Нет, мне нужно от тебя только то, что известно одному дьяволу. Например, где Регана? Ты знаешь это?

— Она здесь.

— Где «здесь»?

— В свинье.

— Дай мне взглянуть на нее.

— Зачем?

— Я должен быть убежден, что ты говоришь правду.

— Ты хочешь поразвлекаться с ней? Ослабь ремни, и я разрешу тебе это сделать.

— Я хочу видеть ее.

— Она ничего из себя не представляет как собеседница, мой друг. Я бы посоветовал тебе остановить свой выбор на мне.

— Ну вот, теперь мне ясно, что ты не знаешь, где она. — Каррас пожал плечами. — Очевидно, ты не дьявол.

— Я — дьявол! — неожиданно взревела Регана и дернулась вперед. Лицо ее исказилось от злобы. Каррас вздрогнул от этого низкого громохочущего голоса, сотрясшего стены в комнате. — Я — дьявол!

— Ладно, ладно, так дай же мне взглянуть на Регану, — попросил Каррас. — Это и будет доказательством.

— Я докажу тебе! Я отгадаю твои мысли! — вскипело существо. — Задумай число от одного до десяти!

— Но это мне ничего не докажет. Мне нужно видеть девочку.

Неожиданно Регана засмеялась и откинулась на подушку.

— Нет, тебе никто ничего не сможет доказать, Каррас. И это прекрасно. В самом деле, это прекрасно! А мы тем временем постараемся развлечь тебя на славу. В конце концов нам бы сейчас очень не хотелось потерять тебя.

— Кому это «нам»? — заинтересовался Каррас.

— Мы — маленькая симпатичная компания внутри поросенка, — кивнула Регана. — Да-да, великолепное маленькое общество. Позднее, возможно, я тебя кое с кем из нас познакомлю. А пока у меня мучительно чешется в одном месте, до которого я не могу достать. Ты не мог бы на минуточку ослабить ремень, Каррас?

— Нет. Скажи мне, где у тебя чешется, и я почешу.

— Ах, как хитро! Как хитро!

— Покажи мне Регану, тогда я, возможно, и развяжу один ремень, — предложил Каррас. — Если...

И вдруг он замер. Дэмьен понял, что смотрит в глаза, переполненные ужасом; на губах девочки застыл беззвучный вопль.

В ту же секунду облик Реганы исчез, и черты лица быстро изменились, превратившись опять в жуткую маску.

— Ну, так снимешь эти ремни? — спросил бас с сильным британским акцентом.

— Помогите старому дьячку, отца! Позалейте! — Существо вдруг перешло на гаденький скрипучий голос, а потом с хохотом откинулось назад.

Каррас сидел неподвижно. Внезапно он почувствовал, как будто с его шеи прикоснулись чьи-то холодные руки. Регана перестала смеяться и сверлила его взглядом.

— Кстати, твоя мать здесь, с нами, Каррас. Ты ничего не хочешь ей передать? Я бы мог это сделать.

Поблуднев, Каррас уставился на кровать. Регана торжествующе засмеялась.

— Если это правда, — ровным голосом проговорил священник, — тогда ты должен знать имя моей матери. Назови его.

Регана зашипела на него, глаза ее безумно заблестели, шея по-змеиному изогнулась.

— Так назови его.

Регана взревела, и этот вопль, прорвавшись через ставни, заставил задрожать стекла огромного окна. Глаза ее закатились.

Некоторое время Каррас наблюдал за Реганой, потом вышел из комнаты.

Крис быстро отошла от стены, вопросительно глядя на иезуита.

— Вы держите ее на транквилизаторах? — спросил Каррас.

- Да. На либриуме.
- Какая дозировка?
- Сегодня ей ввели 400 миллиграммов, святой отец.
- Четыреста?
- Да, иначе нам не удалось бы надеть на нее эти ремни.

Мы с трудом все вместе...

- Вы дали ей 400 миллиграммов за один раз?
- Ну да. Регана такая сильная, вы не поверите.
- Она получает питание?
- Нет, святой отец. Только сустаген во время сна. Но

она выдернула трубку.

- Выдернула?
- Сегодня.

Каррас забеспокоился и серьезно произнес:

- Она должна быть в больнице.

— Я не могу этого сделать, — безжизненным голосом ответила Крис.

- Почему?

— Просто не могу! — повторила она. — Нельзя допустить, чтобы еще кто-то был в этом замешан. Она... — Крис глубоко вздохнула. Потом медленно выдохнула воздух. — Она кое-что сделала, святой отец. Я не могу рисковать. Никто не должен об этом знать. Ни врач... ни сиделка. — Крис взглянула на Карраса. — Ни одна душа.

Нахмурившись, священник выключил воду. Что, если человек, скажем, преступник... Он опустил голову.

- Кто дает ей сустаген? Либриум? Другие лекарства?

- Мы сами. Доктор показал нам, как это делается.

- Но вам будут необходимы рецепты.

— Кое-чем вы смогли бы нам помочь, святой отец, ведь верно?

Каррас повернулся к Крис, встретил ее запуганный взгляд и прочел в нем какой-то необъяснимый, тайный ужас.

— Святой отец, на что это похоже? — спросила Крис. — Вы думаете, что она одержима?

- А вы?

- Я не знаю. Я считала вас специалистом.

- Что вы знаете об одержимости?

— Только то, что прочитала. И еще то, что мне рассказали врачи.

- Какие врачи?

- В больнице Бэрринджер.

- Вы католичка?

— Нет.
— А ваша дочь?
— Нет.
— А какой религии вы придерживаетесь?
— Никакой, но я...
— Зачем же вы тогда пришли ко мне? Кто вам посоветовал?

— Я пришла, потому что мне некуда больше идти! — крикнула Крис взволнованно. — Никто мне не советовал!

— Вы говорили, что вам посоветовали обратиться ко мне психиатры.

— Я уже не знаю, что говорила. Я почти потеряла рассудок!

— Послушайте, для меня важно только одно: помочь вашей дочери. Но я должен предупредить вас: если вы рассчитываете на ритуал изгнания, как на какое-нибудь лечение потрясением или внушением, то церковь не даст своего разрешения, и вы упустите драгоценное время, мисс Макнейл.

Каррас вцепился в вешалку, чтобы успокоить дрожь в руках. В чем дело? Что случилось?

— Между прочим, я миссис Макнейл, — сухо отрезала Крис.

Каррас опустил голову и попытался говорить мягче.

— Видите ли, для меня не важно, что это — бес или психическое расстройство. Я сделаю все, чтобы помочь девочке. Но мне нужно знать правду. Пока что я только пробираюсь в темноте. Почему бы нам не спуститься вниз, где мы смогли бы поговорить? — Он повернулся к Крис и ободряюще улыбнулся ей. — Я бы выпил чашку кофе.

— А я бы выпила что-нибудь покрепче.

Они устроились в кабинете. Каррас сел в кресло у камина, а Крис — на диван. Она рассказала священнику историю болезни Реганы, аккуратно опуская все, что касалось Дэннингса.

Каррас слушал, лишь изредка перебивая ее, чтобы задать вопрос. Он кивал головой и время от времени хмурился.

Крис призналась, что вначале действительно считала, будто изгнание может подействовать как потрясение.

— А теперь я и сама не знаю, — засомневалась она. Ее веснушчатые руки нервно вцепились в колени. — Я просто не знаю. — Крис взглянула на задумавшегося священника. — А что вы думаете, святой отец?

— Вынужденное поведение, вызванное чувством какой-то вины и, возможно, основанное на раздвоении личности.

— Святой отец, мне уже говорили о подобной чепухе! Как же вы можете предполагать это после виденного?!

— Если бы вы наблюдали столько пациентов в психиатрических больницах, сколько я, вы утверждали бы это так же легко, — убедительно возразил Каррас. — Пойдем дальше. Одержимость бесами — ладно. Давайте представим, что это возможно и иногда случается. Но ведь ваша дочь не говорит, что она бес, а уверяет, что она — с а м д я в о л, а это равносильно тому, как если бы она утверждала, что она Наполеон! Понимаете?

— Тогда объясните стук и все прочее.

— Но я не слышал стука.

— Его слышали в больнице, святой отец, это было не только здесь, в доме.

— Возможно, но, чтобы объяснить его, вовсе не обязательно привлекать сюда чертей.

— А что же? — потребовала Крис.

— Психокинез.

— Что?

— Вы слышали о том, что происходит на сеансах спиритизма, не правда ли?

— Когда призраки и души швыряются вещами и двигают блюдечко?

Каррас кивнул.

— Это встречается не так уж редко и обычно получается у эмоционально неуравновешенных подростков. Очевидно, невероятное внутреннее напряжение будит невидимую энергию, которая и передвигает предметы на расстоянии. В этом нет ничего сверхъестественного. То же можно сказать и о чрезвычайной силе Реганы. Назовите это «разум, преобладающий над материей», если хотите.

— Лучше я назову это кошмаром.

— Ну, в любом случае подобное встречается за пределами одержимости.

— Черт возьми, это прекрасно, — тихо пробормотала Крис. — Вот мы сидим здесь: я атеистка, а вы священник и...

— Лучшее объяснение любому явлению, — перебил ее Каррас, — всегда то, что проще других и включает в себя все факты.

— Может быть, я глупа, — парировала Крис, — но объяснение, будто «что-то непонятное в чьей-то голове подбрасывает блюдо к потолку», мне тоже ничего не дает! Так что же это? Можете вы объяснить, ради всех святых?

Каррас задумался и откинулся на спинку кресла.

— У Реганы низкий голос? — поинтересовался он.

— Нет, я бы даже сказала — очень высокий.

— У нее не раннее развитие?

— Нет. Среднее.

— А что она читает?

— В основном Нэнси Дру и комиксы.

— А сама манера разговаривать сильно отличается сейчас от ее обычной речи?

— Полностью. Она не употребляет и половины слов, которыми пользуется теперь.

— Нет, я имею в виду не содержание речи, а стиль.

— Стиль?

— Ну, как она соединяет слова в предложении.

— Я не уверена, что поняла вас правильно.

— У вас нет ее писем? Сочинений? А запись ее голоса была бы...

— Да, у меня есть пленка, которую она наговаривала для отца, — перебила Крис. — Она хотела отослать ее вместо письма, но так и не закончила. Возьмете ее?

— Да, и еще мне нужна история болезни, записанная в Бэрринджере.

— Послушайте, святой отец, я уже прошла через все это, и...

— Да-да, я понимаю, но мне их нужно просмотреть для себя.

— Значит, вы все еще против изгнания?

— Я только против того, что принесет вашей дочери больше вреда, чем пользы.

— Но вы сейчас говорите как психиатр?

— Нет, я говорю и как священник. Если я пойду в церковь за разрешением на изгнание беса, то первым делом я должен буду дать существенные доказательства того, что у вашей дочери не обычное психическое расстройство. Потом мне нужны будут данные, исходя из которых церковь признает, что она одержима.

— Например?

— Еще не знаю, надо почитать книги.

— Вы шутите? Мне казалось, что вы в этом разбираетесь.

— Возможно, вы сейчас знаете об одержимости больше, чем большинство священников. А пока что скажите, когда вам смогут прислать записи из больницы?

— Если будет нужно, я найму самолет.

— А пленка?

Крис встала.

— Пойду поищу.

— И еще кое-что, — добавил Каррас. — Та книга, о которой вы говорили, с главой об одержимости, вы не вспомните, когда Регана ее читала: до начала болезни?

Крис сосредоточилась, постукивая по зубам ногтями.

— Мне помнится, она что-то читала, перед тем как это дерьмо... как эта ужасная штука началась, — быстро поправились она. — Но я не могу сказать точно. Думаю, что она ее читала. То есть я в этом уверена. Абсолютно уверена.

— Я бы хотел просмотреть эту книгу. Вы мне ее дадите?

— Она ваша. Ее взяли в вашей библиотеке. Я сейчас принесу. А пленка, по-моему, внизу. Я скоро вернусь. — Крис вышла из кабинета.

Каррас отсутствующе кивнул, рассматривая узор на ковре. Прождав Крис несколько минут, он встал, прошел через кабинет и остановился в темном холле. Дэмьен словно застыл в другом измерении; засунув руки в карманы, он уставился в никуда и слушал доносившиеся сверху звуки: то хрюканье свиньи, то вой шакала, то шипение и икание.

— А, вы здесь! А я искала вас в кабинете.

Каррас обернулся и заметил, что Крис включает свет.

— Вы уходите? — Она подошла к нему, держа книгу и пленку.

— Боюсь, что да. Мне нужно подготовиться к завтрашней лекции.

— Вы читаете лекции? Где?

— В медицинской школе. — Дэмьен взял у нее книгу и пленку. — Я приду к вам завтра, днем или вечером. Но если случится что-нибудь непредвиденное, звоните мне в любое время. Я попрошу телефонистку на коммутаторе, чтобы вас со мной соединили.

Крис кивнула. Иезуит открыл дверь.

— Как у вас обстоит дело с медикаментами?

— Пока хорошо, — успокоила она священника. — Нам написали рецепт на бланке, который каждый раз возвращают.

— Вы больше не будете вызывать врача?

Крис прикрыла глаза и чуть заметно покачала головой.

— Вы же знаете, я не терапевт,— предупредил Каррас.

— Я не могу,— прошептала Крис.— Не могу.

Священник чувствовал, как в ней поднимается тревога.

— Вы понимаете, что рано или поздно мне придется рассказать обо всем высшему духовенству, особенно если я буду бывать здесь по ночам?

— Это так необходимо? — Крис нахмурилась.

— Иначе это будет выглядеть несколько странно, вы не считаете?

Крис опустила глаза.

— Да, я понимаю, что вы хотите сказать,— пробормотала она.

— Вы не против? Я расскажу только самое необходимое. Не волнуйтесь.— Иезуит попытался успокоить ее.— Больше никто не узнает.

Крис подняла свои измученные глаза и, встретившись с его грустным взглядом, прочитала в нем боль и сочувствие.

— Хорошо,— согласилась Крис.

Она поверила этому взгляду.

Каррас кивнул:

— Мы еще поговорим.

Он уже собирался выйти, но замешкался на секунду в дверях, приложил к губам пальцы, о чем-то раздумывая:

— Ваша дочь не знала, что я священник?

— Нет. Никто не знал, кроме меня.

— Вы знали, что у меня недавно умерла мать?

— Да. Мне очень жаль.

— А Регана знала об этом?

— Нет.

Каррас кивнул.

— А почему вы об этом спрашиваете? — не унималась Крис, удивленно приподнимая брови.

— Это не важно.— Иезуит пожал плечами.— Мне просто хотелось узнать.

Он посмотрел на актрису, в его глазах мелькнула тревога.

— Вы ночью спите?

— Да, немного.

— Принимайте таблетки. Вы пьете либриум?

— Да.

— Сколько? — поинтересовался Каррас.

— По десять миллиграммов, два раза в день.

— Принимайте по двадцать. Попробуйте пока не заходить к дочери. Чем чаще вы ее видите в таком состоянии, тем скорее начнете неправильно судить о ней. Лучше оставайтесь в неведении. И успокойтесь. В состоянии нервного расстройства вы ей ничем не поможете. Да вы и сами это знаете.

Опустив глаза, Крис грустно кивнула.

— А теперь, пожалуйста, ложитесь спать, — тихо попросил священник. — Прямо сейчас идите и ложитесь.

— Да, хорошо, — послушно согласилась Крис. — Хорошо. Я вам обещаю. — Она попыталась улыбнуться. — Спокойной ночи, святой отец. Спасибо. Спасибо вам большое.

Секунду он молча смотрел на нее, потом повернулся и быстро вышел.

Крис, стоя в дверях, наблюдала за священником. Когда он перешел через улицу, она вдруг поняла, что сегодня Каррас остался без обеда.

Заметив, что он опускает закатанные рукава, Крис забеспокоилась, не холодно ли ему.

На углу Проспект-стрит и П-стрит иезуит уронил книгу и резко остановился, чтобы поднять ее, потом обогнул угол и скрылся из виду. Глядя ему вслед, Крис почувствовала облегчение. Она не заметила, что в легковой машине, стоящей рядом с ее домом, сидит Киндерман.

Крис закрыла дверь.

Каррас принял душ, сел за письменный стол и обнаружил блок сигарет «Кэмел» без фильтра, а рядом с ним два ключа: один — с отметкой «Лингафонная лаборатория», а другой — «Холодильник столовой». Ко второму ключу была приложена записка: «Лучше это сделаешь ты, чем крысы». Каррас прочитал надпись и улыбнулся: «Леденцовый мальчик». Он отложил записку, снял часы и положил их перед собой на стол. Было 12 часов 28 минут ночи. Каррас начал читать. Фрейд. Маккасланд. «Сатана». Тщательные исследования Ойстраха. Чтение он закончил уже под утро. Глаза нестерпимо болели. Каррас взглянул на пепельницу, переполненную пеплом и смятыми окурками. Дым густой пеленой повис в воздухе. Он встал, медленно побрел к окну, открыл его, вдохнул полной грудью свежий утренний воздух и задумался. У Реганы выявились физические признаки одержимости. Он не сомневался в этом. Во всех приведенных случаях, незави-

симо от эпохи и места нахождения больного, симптомы одержимости всегда были одни и те же. Некоторые из них, правда, у Реганы еще не проявились: пятна на теле, желание есть непригодную к употреблению пищу, нечувствительность к боли, громкая и продолжительная икота. Но остальные выявились в достаточной степени: непроизвольное мышечное возбуждение, зловонное дыхание, обложенный язык, раздутый живот, раздражение на коже и слизистых оболочках. Но, что более важно, налицо были основные симптомы, наличие которых Ойстрах относил к «истинной» одержимости: поразительные перемены в голосе и чертах лица в сочетании с появлением новой личности.

Каррас поднял глаза и уставился в темноту. Через ветви деревьев ему помережились дом и большое окно в спальне Реганы. Когда одержимость добровольная, как у медиумов, новая личность часто бывает доброй. «Как Ция», — отметил про себя Каррас. Дух женщины, который вселился в мужчину-скульптора. Приступы были непродолжительными, длились не более часа. Но в Регане находится не Ция. Эта вторая личность была злой. Типичный случай бесовской одержимости, когда новая личность пытается разрушить тело своего хозяина. И это ей часто удается.

В задумчивости иезуит подошел к столу, взял пачку сигарет, закурил. Ну, хорошо. У нее синдром бесовской одержимости. А как это лечить? Все зависит от того, что вызвало одержимость.

Священник присел на край стола. Задумался. Например, монахини в монастыре Лилль. Это случилось во Франции в начале семнадцатого века. Монахини признались на исповеди, что во время одержимости они часто посещали дьявольские оргии и занимались развратом с женщинами, с мужчинами, с домашними животными и с драконами. И с драконами! Иезуит покачал головой. Во многих случаях одержимости встречается смесь фантазии и мифомании. Одержимость может быть вызвана и психическими расстройствами: паранойей, шизофренией, неврастенией, психоастенией, — в этом крылась основная причина того, что уже в течение многих лет церковь советовала священникам работать вместе с психиатрами и невропатологами. Однако не все случаи одержимости объяснялись так просто. Некоторые из них Ойстрах характеризовал как «отдельные случаи расстройства», не прибегая к психиатрическому термину «раздвоение лично-

сти», а заменяя его примерно такими же по смыслу оккультными понятиями «бес» или «дух усопшего».

Записи, сделанные в Бэрринджере, свидетельствовали, по словам Крис, о том, что расстройство Реганы могло быть связано с внушением или с чем-то, вызвавшим истерию. Каррас тоже придерживался этого вывода. Он считал, что большинство изученных им случаев имели в своей основе эти причины. Во-первых, подобное почти всегда случается с женщинами. Во-вторых, вспомнить хотя бы вспышки эпидемий одержимости. И еще священников, занимавшихся изгнанием бесов... Каррас нахмурился. Они сами часто становились одержимыми. Он подумал о Лодане. Франция. Урсулинский женский монастырь. Из четырех священников, посланных туда во время эпидемии одержимости, трое — отец Лукас, Лактанц, Транкуилл — не только сами стали одержимы, но и вскоре умерли, вероятно, от нервного потрясения. Четвертый, Пьер Сурин, ставший одержимым в 33 года, сошел с ума и провел остальные 25 лет своей жизни в безумии.

Если расстройство Реганы было истерического характера, если внушение есть причина одержимости, тогда на это могла повлиять прочитанная глава из книги о колдовстве. Глава об одержимости. Читала ли она ее?

Иезуит пролистал несколько страниц. Может быть, здесь он найдет какое-то сходство описания припадков одержимости с поведением Реганы? Это было бы доказательством. Это могло бы помочь.

Кое-где он нашел совпадения:

«...случай с 8-летней девочкой, который описывали так: «Она ревела, как бык, тяжелым, низким басом». (И Регана так же ревела.)

...Случай с Элен Смит, которую лечил известный психолог Флауэрни. Психолог описывал, как с поразительной скоростью менялись черты ее лица и голос. (С Реганой было то же. Личность, которая разговаривала с британским акцентом. Быстрая перемена. Почти моментальная.)

...Случай в Южной Африке. Сведения получены от известного этнолога Юнода. Он рассказал о женщине, которая однажды ночью исчезла из дома. Ее нашли на следующее утро. Женщина была привязана к верхушке высокого дерева «широкими прочными лианами», а потом «сползла с дерева вниз головой, шипя и высовывая язык, как змея. Некоторое время она висела на дереве и говорила на языке, которого до

сих пор никто из местных жителей не слышал». (Регана тоже ползала за Шарон, как змея. А ее бессмысленная речь? Что это — попытка говорить на «неизвестном языке»?)

...Случай с Джозефом и Тибатом Бернерами. Им было соответственно 10 и 8 лет. Говорили, что они «вдруг начинали волчками вертеться с огромной скоростью». (Очень похоже на то, как дергается и крутится Регана.)

Да, причины, чтобы подозревать внушение, имелись: в этой главе упоминалось об огромной силе, о сквернословии. Более того, в ней подробно описывалось течение одержимости по стадиям: «Первая — з а р а ж е н и е — сюда входят нападение жертвы на предметы окружающей обстановки, шумы, запахи, перемещение предметов, вторая — о д е р - ж и м о с т ь — нападение на субъект с целью запугивания, нанесения увечий посредством ударов руками и ногами».

Может быть, она все это и читала. Но Каррас не был убежден. И Крис тоже. Она сильно в этом сомневалась.

Священник снова подошел к окну. Так где же ответ? настоящая одержимость? бес? Он опустил глаза и покачал головой. Нет. Это невероятно. Парapsихологические проявления? Конечно. Почему бы и нет? Сколько опытных наблюдателей описывало их. И терапевты, и психиатры. Например, Юнод. Но все дело в том, как ты преподнесешь эти проявления. Каррас опять вспомнил Ойстраха, его рассказ про шамана в горах Алтая. Шамана исследовали в больнице во время левитации. Незадолго до начала левитации его пульс участился сначала до ста, а потом и до двухсот ударов в минуту. Заметно изменилась частота дыхания, поднялась температура. Его ненормальное состояние было тесно связано с физиологией. Оно было вызвано какой-то материальной силой или энергией.

Но в качестве доказательства настоящей одержимости церковь требовала иные внешние проявления, которые...

Каррас забыл формулировку и заглянул в книгу. Провел пальцем по странице и отыскал нужное место: «...достоверные внешние проявления, свидетельствующие о высшем вторжении в интеллект человека». «Есть ли это у Реганы?» — спросил себя Каррас.

Он прочитал строчки, которые отчеркнул для себя карандашом: «Изгоняющий бесов должен убедиться в том, что ни одно из проявлений не осталось незамеченным...»

Священник зашагал по комнате, перечисляя в уме признаки расстройства Реганы и пытаясь по возможности объяснить их. Он перебирал один признак за другим:

Невероятная перемена черт лица Реганы.

Частично вследствие болезни. Частично в результате плохого питания и ухода. Но скорее всего, решил он, из-за того, что лицо должно отражать психическую конституцию.

Невероятная перемена голоса.

Иезуит ни разу не слышал ее нормального голоса. Но даже если он и был высоким, как утверждает мать, постоянный крик мог огрубить голосовые связки, и, следовательно, голос стал более низким. Дело было даже не в этом, а в удивительной громкости голоса, которая физиологически невозможна. И все же, подумал Каррас, в состоянии возбуждения и в патологии огромная сила и напряжение мышц считаются нормальным явлением. Не может ли это относиться и к голосовым связкам?

Резкое увеличение словарного запаса и объема знаний.

Криптомнезия: сохранившаяся и отложившаяся в глубине мозга информация, полученная с первого дня жизни. У сомнамбул, а иногда и у людей, находящихся при смерти, эта подсознательная информация пробивается наружу с поразительными подробностями.

Она узнала, что я священник.

Регана могла догадаться. Если она читала главу про одержимость, то могла ожидать, что к ней пришлют священника. Юнг утверждал, что подсознательная интуиция и чувствительность у истерических больных в десятки раз выше той, которую проявляют медиумы во время «чтения мыслей» и на сеансах спиритизма. Ведь «чтение мыслей» — это не что иное, как вибрации, незаметное сотрясение воздуха, идущее от человеческих рук. Эти вибрации создают определенный рисунок, он-то и является условным кодом для разных букв или чисел. Регана, угадав его профессию, могла «прочитать» и мысли священника. Она ведь наблюдала за его манерами, руками, могла почувствовать запах церковного вина.

Регана узнала, что у него умерла мать.

Всего лишь логический домысел. Ему уже сорок шесть лет.

«Помогите старому дьячку...»

Католичество признает телепатию как реальное и естественное явление.

Раннее развитие интеллекта у Реганы.

Психиатр Юнг, наблюдая однажды случай раздвоения личности, обладающей якобы оккультными способностями, сделал заключение, что истерический лунатизм не только обостряет чувственное восприятие, но и повышает интеллектуальные способности, так как новые, вторгающиеся личности оказываются намного умнее первой. «Но все же, — удивился Каррас, — может ли констатация факта объяснить его?»

Внезапно священник застыл над столом. Его осенило, что намек Реганы на Ирода был гораздо тоньше, чем ему сначала показалось: когда фарисеи рассказали Христу об угрозах Ирода, Христос ответил им: «Идите и скажите этой лисе, что я изгоняю бесов...»

Каррас взглянул на пленку с записью голоса и устало опустился на стул. Он прикурил еще одну сигарету... выпустил дым... и опять вспомнил братьев Бернеров и восьмилетнюю девочку со всеми признаками настоящей одержимости. Какую же книгу могла прочитать девочка, чтобы подсознательно так правдоподобно симулировать симптомы? И, может быть, одержимые в Китае каким-то образом связывались с одержимыми в Сибири, в Германии, в Африке, ведь симптомы всегда были одинаковы?

«Кстати, твоя мать с нами здесь, Каррас...»

Сигаретный дым поднимался вверх и возвращал Дэмьена в прошлое. Он откинулся назад, уставившись на нижний левый ящик стола, затем выдвинул ящик и вытащил из него старую школьную тетрадь, тетрадь своей матери. «Обучение взрослого населения». Дэмьен положил ее на стол и с трепетом пролистал. Алфавит, опять и опять алфавит. Потом простые упражнения:

Урок 4.

Мой полный адрес.

Между страницами она пыталась написать ему письмо:

«Дорогой Димми,

Я долго ждала тебя...»

Еще одно письмо. Незаконченное. Дэмьен отвернулся. В окне привиделись ее глаза. В них застыла тоска.

«Отец наш, я недостойн...»

Глаза матери вдруг превратились в глаза Реганы. Они молили... Они ждали...

«Скажи хоть слово...»

Священник взглянул на пленку с записью голоса Реганы.

Он вышел из комнаты, прихватив с собой пленку, и направился в лабораторию. Отыскал свободный магнитофон. Сел. Заправил пленку. Надел наушники. Щелкнул выключателем. Подался поближе и приготовился слушать.

Некоторое время было слышно только шипение пленки. Потом раздался щелчок включаемого аппарата, и сразу же какой-то шум, звуки возни. «Привет...» Потом, видимо, пленку остановили. Откуда-то издали донесся приглушенный голос Крис Макнейл: «Не так близко к микрофону, малыш. Держи его вот так. Ну, давай. Говори дальше». Смех. Микрофон стучит по столу. Потом веселый голос Реганы Макнейл.

«Привет, папа! Это я. М-м-м-м». Опять смех и шепот в сторону: «Я не знаю, что говорить!» «Ну, расскажи ему, как у тебя дела. Расскажи, чем ты занимаешься». Снова смех. «М-м-м-м... папа... ну, я... Ты меня хорошо слышишь? Я... м-м... ну вот... в Вашингтоне, знаешь? Это где президент и этот дом... ты знаешь, папа, он такой... нет, подожди, я лучше начну сначала. Ну вот. В общем, здесь...»

Остальное Каррас слышал неясно, звуки доносились издали, в ушах шумело, в груди, где-то внутри, всколыхнулось предчувствие: существо, которое я видел в той комнате, — не Регана!

Он вернулся к себе. Произнес молитву, а когда поднимал гостию, пальцы его задрожали. Дэмьен вдруг ощутил надежду, о которой не смел даже думать; против этой надежды восставала вся его воля, каждая клеточка, каждый нерв.

«Это мое тело...» — прошептал он с трепетом.

Нет, это хлеб! Это только хлеб!

Дэмьен не осмеливался полюбить вновь и опять потерять свою любовь. Прежняя утрата была для него слишком тяжелой. Священник опустил голову и проглотил гостию. Надежда растаяла, а хлеб больно оцарапал его пересохшее горло.

После мессы Дэмьен позавтракал, набросал кое-какие заметки и отправился читать лекцию в медицинскую школу Джорджтаунского университета. С трудом давалась плохо подготовленная речь: «...и рассматривая симптомы маниакальных состояний, вы...» «Папа, это я... это я...»

Но кто «Я»?

Каррас отпустил студентов пораньше и вернулся домой. Он сразу же сел за стол и еще раз просмотрел главу о признаках одержимости: «...телепатия... естественное явление... движение предметов... теперь предполагается... тело может

излучать некий флюид... наши предки... наука... в настоящее время надо быть более осторожным. Однако сверхнормальные явления не выдерживают критики...» Дэмьен начал читать медленней: «...нужно тщательнее анализировать все разговоры, которые ведутся с пациентом. Если в них сохраняется логико-грамматическая структура и та же система ассоциаций, что и в нормальном состоянии, то одержимость следует поставить под сомнение».

Каррас тяжело задышал. Он сильно устал за это время. Неужели единственная надежда для Реганы — это обряд изгнания? Неужели ему придется приподнять завесу прошлого?

Нет, нужно еще раз проверить. Он должен знать правду. Но как ее узнать? «...разговоры с больными надо тщательно...» Ну да. Почему бы не попробовать? Если обнаружится, что структура речи Реганы и «беса» совпадает, то даже со сверхнормальными проявлениями, конечно же... Верно. Только резкое отличие докажет, что одержимость возможна!

Священник нервно зашагал по комнате. Надо еще что-то срочно придумать. Она... Он остановился, уставившись в пол и сложив за спиной руки. Эта глава... Эта глава в книге по колдовству... Бесы всегда реагируют на священную гостью, она вводит их в ярость, как и другие реликвии. Святая вода! Вот то, что мне надо! Я приду к девочке и окроплю ее простой водопроводной водой, но скажу, что это святая вода! Если Регана среагирует на нее так, как должны реагировать на святую воду бесы, то будет ясно, что она не одержима... что причина во внушении... А если нет, то...

Настоящая одержимость?

Может быть...

Дрожа, как в лихорадке, Дэмьен пошел искать пузырек для святой воды.

Уилли открыла священнику дверь. Еще из прихожей он взглянул на дверь спальни Реганы, откуда доносились крики. Кто-то ругался. Но это был уже не тот низкий громкоголосый бас. Голос отличался резкостью, в нем явственно чувствовался британский акцент... Когда Каррас видел Регану в последний раз, именно эта личность на секунду возникла перед ним.

Каррас посмотрел на Уилли, с удивлением рассматривающую его рясу.

— Скажите, пожалуйста, где миссис Макнейл? — обратился к служанке священник.

Уилли указала вверх.

— Спасибо.

Дэмен поднялся по лестнице и увидел Крис. Она сидела рядом со спальней Реганы. Голова ее была опущена, руки сложены на груди. Когда иезуит подошел поближе, Крис услышала шорох его одежды и встала.

— Здравствуйте, святой отец.

Под глазами мешки. Каррас нахмурился:

— Вы спали?

— Немного.

Он с упреком покачал головой.

— Я просто не могла, — вздохнула Крис, кивком указывая на спальню. — Это продолжается всю ночь. — Она взяла священника за рукав, будто пыталась увести его в сторону. — Пойдемте вниз, там мы сможем...

— Нет. Я хотел бы посмотреть на нее, — перебил Каррас, не трогаясь с места.

— Прямо сейчас?

Что-то неладно. Она напряжена. Чем-то напугана.

— А почему бы нет? — поинтересовался он.

Крис с опаской взглянула на дверь, ведущую в спальню. Оттуда доносился пронзительный мужской голос:

— Проклятый нацист! Нацистская свинья!

Крис отвернулась, потом в отчаянии кивнула:

— Идите. Идите к ней.

— У вас есть магнитофон?

Она метнула на него удивленный взгляд.

— Принесите его, пожалуйста, сюда, и еще чистую ленту.

Крис подозрительно нахмурилась.

— Зачем? Вы хотите записать?..

— Да. Невоз...

— Святой отец, я не могу...

— Мне нужно сравнить структуру ее речи, — резко перебил ее Каррас. — И, пожалуйста, запомните: вы должны мне доверять!

Из спальни выскочил Карл, вслед ему неся поток отборной ругани. Мрачное лицо швейцарца было землистого оттенка.

— Ты их сменил, Карл? — спросила Крис, как только слуга закрыл за собой дверь.

— Да, сменил, — сухо отчеканил Карл и заспешил через холл к лестнице.

Крис посмотрела ему вслед и повернулась к Каррасу.

— Хорошо. Хорошо. Его принесут сюда. — Она неожиданно отвернулась и вышла из холла.

Каррас следил за ней, ничего не понимая. Что произошло? Потом прислушался. В спальне было тихо. Но тишина взорвалась вдруг дьявольским смехом. Каррас нащупал в кармане пузырек с водой, открыл дверь и шагнул в спальню.

Зловоние было еще сильнее, чем в прошлый раз. Священник прикрыл за собой дверь и устался на кровать.

Бес наблюдал за ним насмешливым взглядом. Глаза его были полны лукавства, ненависти и силы.

— Здравствуй, Каррас.

— Здравствуй, Дьявол. Как ты себя чувствуешь?

— В настоящий момент счастлив видеть тебя. Очень рад. — Язык вывалился наружу, глаза нахально рассматривали Карраса. — Теперь ты в своем обычном одеянии. Очень хорошо. Кстати, кто тебе сказал, что я — Дьявол?

— Разве не так?

— Нет. Просто бедный разбуянившийся демонишка. Черт. Однако я не совсем забыт нашим папочкой, который сейчас обитает в аду. Кстати, ты ведь ему не расскажешь о моей непростительной оговорке, Каррас? Не расскажешь, когда его увидишь?

— Я увижу его? Он здесь? — вздрогнул священник.

— В поросенке? Конечно, нет. Здесь только маленькая несчастная компания скитающихся душ, мой друг. Ты ведь не винишь нас за то, что мы здесь, правда? Дело в том, что нам деться-то некуда. Мы бездомные бродяги.

— И как долго ты собираешься здесь находиться?

Голова дернулась, Регану перекосило от ярости, и она зарычала:

— Пока не подохнет поросенок! — Неожиданно она откинулась назад и, пуская слюни, улыбнулась: — Между прочим, какой сегодня прекрасный день! Как раз для изгнания, Каррас.

Книга! Она прочитала это в книге!

— Ну начинай же. побыстрее, пожалуйста.

— Разве тебе этого хочется?

— Безумно.

— Но это выгонит тебя из Реганы.

Закинув голову, бес дико расхохотался. Потом смех резко оборвался.

— Это нас сплотит.

— Тебя и Регану?

— Тебя и нас, мой милый друг,— заскрипел бас.— Тебя и нас.

Каррас замер. Он ясно почувствовал прикосновение к шее чьих-то рук. Будто кто-то дотронулся до него ледяными пальцами. Мгновением позже ощущение пропало. «Это от страха»,— успокоил себя иезуит. От страха.

Страх перед чем?

— Ну да, ты присоединишься к нашей маленькой семейке, Каррас. Беда в том, моя крошка, что, хоть раз распознав знамение Бога и поверив в него, человек уже не имеет оправданий. Ты, наверное, заметил, как мало чудес происходит в последнее время? Не наша вина, Каррас, не обвиняй в этом нас. Мы стараемся.

Каррас дернулся и повернул голову, услышав резкий и громкий скрип. Ящик шкафа был выдвинут на всю длину. Священник увидел, как ящик сам собой задвинулся с тем же противным скрипом. Что это? Он тут же успокоился, и душа его освободилась от мелькнувших на мгновение сомнений, подобно дереву, сбросившему оковы состарившейся коры. Психики нет. Каррас услышал хохот.

— Как приятно поболтать с тобой, Каррас,— оскалился бес.— Я чувствую себя свободным. Как развратник. Я расправляю свои огромные крылья. Ведь даже то, что я просто рассказываю тебе об этом, должно удесятерить твои проклятия, мой доктор, мой бездарный лекарь.

— Это ты сделал? Ты двигал сейчас ящик?

Но бес уже не слушал его. Он уставился на дверь. Кто-то приближался к спальне.

Черты его лица опять изменились, и перед Каррасом явилось новое существо.

— Проклятый мерзавец!— закричало оно с британским акцентом.— Поганный лгун!

Вошел Карл. Он быстро приблизился к кровати, держа в руках магнитофон, поставил его, отвернулся от Реганы и так же быстро вышел из комнаты.

— Прочь, Гиммлер! Прочь с моих глаз! Вали к своей косолапой дочке! Поднеси ей к в а ш е н о й к а п у с т к и и г е р о и н ч и к у! Ей это придется по нраву, ей...

Неожиданно существо успокоилось и мирно наблюдало, как Каррас заправляет в магнитофон пленку.

— О, что у нас там новенького в программе? — радостно заверещало оно. — Мы что-то собираемся увековечить, падре? Как здорово! Я люблю новые роли, ты же понимаешь! Просто обожаю!

— Я — Дэмьен Каррас, — начал священник, когда магнитофон заработал. — А кто ты?

— Ты что же, меня не узнаешь? Ерунда какая-то. — Существо захохотало. — Кстати, где здесь дают выпить? А то у меня в горле пересохло.

Священник аккуратно поставил микрофон на ночной столик.

— Если ты назовешь мне свое имя, то я, пожалуй, поищу что-нибудь.

— Ну да, конечно. — хихикнуло существо. — А потом, я полагаю, сам все и вылакаешь.

Каррас нажал на кнопку «запись» и продолжал:

— Как тебя зовут?

— Задрюченный ворюга! — заорало существо. И в тот же момент исчезло. Вместо него появился бес. — А что мы сейчас делаем, Каррас? Записываем нашу милую трепотню?

Каррас напрягся. Он посмотрел на беса, переставил стул поближе к кровати и сел.

— Ты не возражаешь?

— Вовсе нет, — заскрипел бес. — Мне всегда нравились эти адские механизмы.

И вдруг новый сильный запах ударил в нос священнику, запах, похожий на...

— Квашеная капуста, Каррас. Ты заметил?

Действительно, пахнет квашеной капустой. Потом запах исчез, и его сменило обычное зловоние. Каррас нахмурился. Неужели показалось? Самовнушение? Он решил, что пора доставать пузырек. Хотя нет, еще рано. Надо записать побольше.

— С кем я говорил перед этим? — спросил Каррас.

— С одним из нашей компании, Каррас.

— С демоном?

— Ты ему льстишь.

— Каким образом?

— Слово «демон» означает «мудрый», а он придурок.

Иезуит встрепенулся.

— А на каком языке «демон» означает «мудрый»?

- На греческом.
- Ты говоришь по-гречески?
- Совершенно свободно.

Один из признаков! Она говорит на незнакомом языке. На подобное священник даже не рассчитывал.

— *Pos egnokas hoti presbyteros eimi?* — быстро задал он вопрос на классическом греческом языке.

- Я не в духе, Каррас.
- А-а-а. Тогда не умеешь...
- Я не в духе!

Каррас почувствовал разочарование.

— Это ты выдвигал ящик стола? — поинтересовался он.

— Да, уверяю тебя.

— Очень эффектно. — Каррас кивнул. — Ты действительно очень сильный демон. Интересно, а можешь повторить?

— В свое время повторю.

— Почему не сейчас?

— Надо же оставить тебе сомнения, — прорычал бес. — Некоторые сомнения. Чтобы таким образом обеспечить правильный исход событий. — Он откинул голову и злобно рассмеялся. — Как нехарактерно для меня брать в союзы и истину и выигрывать с ее помощью! Как это заводит!

Ледяные пальцы вновь дотронулись до шеи. Каррас окаменел. Опять страх? Страх? Но страх ли это?

— Нет, не страх, — возразил бес, ухмыльнувшись. — Это я сделал.

Ощущение прикосновения пропало. Каррас нахмурился. Еще одно проявление. Телепатия? Проверить. Немедленно проверить.

- Ты можешь сказать, о чем я сейчас думаю?
- Твои мысли слишком скучно читать.
- Значит, ты не умеешь читать мысли.
- Думай, как хочешь...

Попробовать святую воду? Сейчас? Каррас слышал, как поскрипывает мотор магнитофона. Нет. Еще не время. Надо еще немного записать.

— Ты очаровательное создание, — начал Каррас.

Регана ухмыльнулась.

— Нет-нет, в самом деле, — продолжал Каррас. — Я бы с удовольствием послушал подробности о твоём прошлом. Ну, например, ты никогда не говорил мне, кто ты такой.

— Я — черт, — представился бес.
 — Да, знаю, но какой и именно черт? Как тебя зовут?
 — Какая разница, Каррас? Зови меня Гауди.
 — Да-да, капитан Гауди. — Каррас кивнул. — Друг Реганы.
 — Очень близкий друг.
 — Правда?
 — В самом деле.
 — Тогда почему ты мучаешь ее?
 — Потому что я ее друг. Поросятку это нравится.
 — Нравится?
 — Она без ума от этого.
 — Но почему?
 — Спроси ее!
 — И ты разрешишь ей ответить?
 — Нет.
 — Тогда какой смысл спрашивать?
 — Никакого! — В глазах беса заблестела ярость.
 — С кем я говорил раньше? — выпытывал Каррас.
 — Ты уже спрашивал об этом.
 — Я знаю, но ты мне так и не ответил.
 — Еще один хороший приятель нашего сладкого поросятка, дорогой Каррас.
 — Можно мне поговорить с ним?
 — Нет. Им сейчас занимается твоя мамаша. — Бес тихо загоготал и добавил: — Прекрасный язычок у твоей мамаша. И ротик замечательный.

Он хитро и выжидающе уставился на Карраса. Священник почувствовал резкий прилив ярости, но понял, что она относится не к Регане, а к бесу. Бес! Что случилось с тобой, Каррас? Он попробовал успокоиться, глубоко вздохнул, достал из кармана рубашки пузырек и откупорил пробку.

Демон насторожился:

— Что это?

— А ты разве не знаешь? — удивился Каррас, слегка приоткрывая большим пальцем горлышко пузырька и разбрызгивая содержимое на Регану. — Это святая вода, черт.

В то же мгновение бес съежился и начал корчиться, в ужасе выкрикивая:

— Она жжет! Она меня жжет! А-а-а! Прекрати это! Остановись, мерзкий святоша! Прекрати!

Каррас хладнокровно закрыл пузырек. И с т е р и я. В н у -

шение. Она все же читала эту книгу. Он посмотрел на магнитофон. Зачем тогда записывать?

Заметив, что Регана затихла, Каррас взглянул на нее и нахмурился. В чем дело? Что происходит? Черты лица изменились, они лишь отдаленно напоминали только что виденную Каррасом страшную маску. Регана что-то бормотала. Очень медленно. Какой-то бред. Каррас подошел к кровати, нагнулся и стал вслушиваться. Что это? Набор звуков. И все же... Здесь прослеживается определенный ритм... Похоже на непонятный язык. Возможно ли это? Не будь дураком! И все-таки...

Каррас проверил уровень записи на магнитофоне. Слишком тихо. Он добавил громкость и стал прислушиваться, пригнув свою голову к губам девочки. Бред тем временем прекратился, слышно было только глубокое хриплое дыхание.

Каррас выпрямился.

— Кто ты? — обратился он к Регане.

— Откыньай, — выдохнула она. Стон. Потом шепот. Девочка говорила с надрывом, казалось, каждое слово вызывало у нее сильную боль. Веки задрожали.

— Откыньай.

— Это твое имя? — нахмурился Каррас.

Губы зашевелились. Девочка лихорадочно произносила непонятные слоги. Что-то совсем неразборчивое. Внезапно прекратился и этот шепот.

— Ты понимаешь меня?

Тишина. Приглушенное глубокое дыхание. «Станный звук, — подумал Каррас. — Так дышат больные люди, когда спят в кислородной камере».

Иезуит ждал, надеясь услышать еще что-нибудь.

Тишина.

Каррас перемотал пленку и, прихватив кассету, поднял магнитофон.

Последний раз взглянул на Регану. В нерешительности задержался, уставившись на ослабшие ремни, потом вышел из комнаты и спустился вниз.

Крис и Шарон пили на кухне кофе. Заметив священника, они впились в него напряженными взглядами. Крис обратилась к Шарон:

— Иди проверь Регану. Хорошо?

Шарон отпила маленький глоток кофе, кивнула Каррасу и вышла. Священник устало опустил на стул.

— Ну как там? — спросила Крис, ловя его взгляд.

Каррас собрался было ответить, но в этот момент вошел Карл, вознамерившийся вычистить над раковиной кастрюлю.

Крис проследила за взглядом священника.

— Все нормально, — тихо успокоила она его. — Говорите. Как там дела?

— Появились две новые личности. Вернее, одна появлялась в прошлый раз, она говорит с британским акцентом. Это ваш знакомый?

— А это так важно? — переспросила Крис.

— Да, важно.

Крис опустила глаза и кивнула:

— Я его знаю.

— Кто это?

— Бэрк Дэннингс.

— Режиссер?

— Да.

— Режиссер, который...

— Да, — быстро встала Крис.

Некоторое время иезуит молчал, обдумывая услышанное. Он заметил, как нервно подергиваются его пальцы.

— Вы не хотите выпить кофе? — предложила Крис.

Каррас покачал головой:

— Нет, спасибо. — Он облокотился на стол. — Регана была с ним знакома?

— Да.

— И...

Раздался звон падающей посуды. Крис вздрогнула, резко повернулась и увидела, что Карл уронил на пол сковороду.

— В чем дело, Карл?

— Извините, мадам.

— Выйди отсюда. Сходи в кино или еще куда-нибудь. Нельзя же нам всем сидеть в этом доме, как в тюрьме. — Крис повернулась к Каррасу, взяла пачку сигарет и, услышав, как он запротестовал, хлопнула ею по столу.

— Нет, я лучше посмотрю за...

— Карл, я не шучу! — не оборачиваясь, нервно вскрикнула Крис. — Убирайся! Уйди из дома, ну хоть ненадолго! Нам всем надо выходить отсюда. Иди!

— Да-да, иди! — поддержала вошедшая на кухню Уилли и отобрала у Карла сковородку.

Карл взглянул на Крис и Карраса и вышел.

— Извините, святой отец,— смущенно пробормотала Крис.— Ему так много пришлось пережить в последнее время.

— Вы правы,— мягко начал Каррас.— Все должны стараться понемногу выходить из дома. И вы в том числе.

— Так что говорит Бэрк? — поинтересовалась Крис.

— Он ругался,— пожал плечами Каррас.

— И это все?

Священник заметил, как голос ее дрогнул.

— Разве этого недостаточно? — Он заговорил тише.— Кстати, у Карла есть дочь?

— Дочь? Нет, я ничего не знаю. Если и есть, то он о ней никогда не говорил.

Уилли чистила кастрюли у раковины, и Крис обернулась к ней.

— Разве у вас есть дочь, Уилли?

— Она умерла, мадам. Очень давно.

— Извини меня.

Крис повернулась к Каррасу.

— Я сама об этом первый раз слышу,— прошептала она.— А почему вы спросили? Откуда вы узнали?

— Регана говорила о ней,— ответил Каррас.

Крис молча уставилась на него.

— А вы никогда не замечали у нее сверхчувствительного восприятия? — спросил священник.— Я имею в виду, до болезни.

— Ну...— Крис запнулась.— Даже не знаю. Я не уверена. То есть, бывало, что наши мысли совпадали, но мне кажется, это часто происходит с близкими людьми.

Каррас кивнул и задумался.

— А вторая личность, о которой я говорил,— начал он,— это она появлялась во время гипнотического сеанса?

— Та, которая бредит?

— Да. Кто это?

— Я не знаю.

— Она вам совсем незнакома?

— Нет.

— А вы посылали за медицинскими отчетами?

— Да, их привезут сегодня и сразу же передадут вам.— Крис отпила глоток кофе.— Мне это стоило большого труда.

— Я знал, что вы столкнетесь с трудностями.

— Трудности были, но тем не менее документы вам при-
несут. Так как же насчет изгнания беса, святой отец?

Каррас опустил глаза и вздохнул:

— Я не совсем уверен, что епископ одобрит это изгна-
ние.

— Что значит «не совсем уверен»? — Крис поставила чаш-
ку на стол и нетерпеливо взглянула на священника.

Иезуит сунул руку в карман и вынул оттуда пузырек.

— Вы видите это?

Крис кивнула.

— Я сказал девочке, что это святая вода, — объяснил Кар-
рас. — И когда начал разбрызгивать ее, Регана реагировала
очень бурно.

— Ну и что?

— Это не святая вода. Это обыкновенная водопроводная
вода.

— Может быть, некоторые бесы просто не знают раз-
ницы?

— Вы действительно верите, что в ней сидит бес?

— Я верю, что Реганой завладел тот, кто хочет ее убить,
отец Каррас. А может ли он отличить мочу от воды, по-мо-
ему, не так уж и важно. Разве я не права? Извините, конечно,
но вы хотели знать мое мнение! Какая разница между святой
водой и водопроводной?

— Святую воду освящают.

— Великолепно, отец Каррас, я так счастлива, что узнала
об этом! Значит, вы говорите, об изгнании не может быть
и речи?

— Нет, я только начал разбираться в этом деле, — горячо
возразил Каррас. — Но у церкви свои критерии, и с ними
надо считаться. Нельзя без разбора верить во все предрассуд-
ки и рассказы о левитирующих священниках или плачущих
статуях святой девы Марии. Я не хочу стоять в одном ряду
с такими рассказчиками.

— Вы не хотите принять либриум, святой отец?

— Извините, но вы хотели знать мое мнение.

— И я узнала его.

Каррас полез за сигаретами.

— Дайте и мне тоже, — попросила Крис.

Иезуит протянул ей пачку, поднес спичку и прикурил
сам. Они шумно выдохнули дым и тяжело откинулись на
спинки стульев.

— Извините, — мягко проговорил священник.

— Такие крепкие сигареты вас погубят.

Он повертел в руках пачку, шелестя целлофаном.

— У нас есть все необходимые церкви признаки. Ваша дочь говорит на языке, который никогда прежде не знала и не изучала. Я все записал на пленку. Потом ее ясновидение. Правда, современные взгляды на телепатию и сверхчувствительное восприятие несколько иные, чем в средние века, и церковь может не принять их как доказательство одержимости.

— А вы сами-то верите в эту чепуху? — Крис нахмурилась.

Каррас посмотрел на нее и продолжил:

— И последнее — ее сила. Она не соответствует ни ее возрасту, ни ее состоянию. Это уже ближе к мистике.

— А стук в стенах?

— Сам по себе он ничего не значит.

— А то, как она подпрыгивала на кровати?

— И этого недостаточно.

— А чертовщина на коже?

— Что такое?

— Разве я вам не рассказывала?

— О чем?

— О, это было в больнице, — объяснила Крис. — Там были... — Она провела пальцем по груди. — Ну, как надпись. Просто буквы. Они появились у нее на груди, а потом исчезли.

Каррас нахмурился.

— Вы сказали «буквы», а не целые слова?

— Нет, не слова. Сначала один или два раза появлялась буква «М», потом «П».

— Вы это видели? — спросил Каррас.

— Нет, мне рассказывали.

— Кто?

— Врачи из больницы. Все записано в истории болезни.

— Я вам верю. Но опять же повторяю: это естественное явление. Оно встречается довольно часто.

— Где? В Трансильвании? — недоверчиво поинтересовалась Крис.

Каррас покачал головой.

— Нет, я читал об этом в журнале. Мне запомнился один случай. Тюремный психиатр сообщил, будто один из заключенных мог по своему желанию впадать в транс, и в этом состоянии у него на груди появлялись знаки зодиака. — Иису-

ит провел рукой по груди. — Он заставлял кожу на груди подниматься в определенных местах.

— Пожалуй, вы не очень-то верите в чудеса.

— Однажды был проведен такой эксперимент, — спокойно объяснил Каррас. — Пациента загипнотизировали, ввели в транс и на каждой руке сделали надрезы. Ему сказали, что левая рука будет кровоточить, а правая — нет. И действительно, кровь пошла только из левой руки. Сила мозга удерживала ток крови. Мы не знаем, как это происходит, но факты налицо. То же самое и со знаками у заключенного, то же самое и у Реганы: подсознание контролирует скорость течения крови и посылает ее увеличенное количество туда, где кожа должна вздуться. Таким образом появляются рисунки, буквы или что угодно. Это, конечно, таинственно, но вряд ли сверхъестественно.

— С вами очень трудно, святой отец.

Каррас прикусил ноготь большого пальца.

— Я попробую вам объяснить, — начал он. — Церковь — заметьте, не я, а церковь, — издала однажды предупреждение для священников, занимающихся изгнанием бесов. Я читал его вчера вечером. Там было сказано, что большинство людей, считающих себя одержимыми, — я цитирую, — «гораздо больше нуждаются в помощи врача, нежели священника». Как вы думаете, в каком году было издано это предупреждение?

— В каком же?

— В тысяча пятьсот восемьдесят третьем.

Крис удивленно взглянула на него и задумалась. Потом она услышала, что священник встает со стула.

— Разрешите, я подожду, когда принесут больничные записи, и просмотрю их?

Крис кивнула.

— А пока что, — продолжал иезуит, — я выберу из пленок нужные места и отвезу их в институт лингвистики. Может быть, это бессмысленное бормотание все-таки имеет отношение к какому-нибудь языку. Хотя я и сомневаюсь в этом, но все может быть. Там выявят еще и структуру речи. Если она окажется постоянной, вы можете быть уверены, что девочка не одержима.

— И что тогда? — заволновалась Крис.

Священник пристально посмотрел на нее. Крис была обеспокоена. Беспокоится, что ее дочь не одер-

ж и м а! Он вспомнил Дэннингса. Что-то здесь не то. Совсем не то.

— Мне очень неудобно просить вас, но не могли бы вы одолжить мне на некоторое время свою машину?

— На некоторое время я могу одолжить вам хоть собственную жизнь,— пробормотала Крис.— Только верните машину к четвергу, вдруг она мне понадобится.

С болью смотрел Каррас на эту беззащитную, поникшую женщину. Ему так хотелось взять ее за руку и успокоить, сказав, что все уладится. Но как это сделать?

— Подождите, я дам вам ключи,— заговорила она.

Получив ключи, Каррас прошел в комнату, взял пленку с записью голоса Реганы и возвратился на стоянку, где была припаркована машина Крис.

Садясь в машину, он услышал с крыльца окрик Карла:

— Отец Каррас!

Каррас обернулся. Карл бежал к нему, натягивая на ходу куртку, и махал рукой.

— Отец Каррас! Подождите минутку!

Каррас опустил стекло, и Карл просунул в окно голову.

— Вы в какую сторону едете?

— На круг Дюпон.

— Это здорово. Вы меня туда не подбросите, святой отец? Можно?

— Рад буду помочь. Садитесь.— Каррас завел мотор.— Сделаю доброе дело, если вывезу вас отсюда на некоторое время.

— Да, я пойду в кино. Идет хороший фильм.

Каррас включил скорость, и машина тронулась.

Некоторое время они ехали молча.

Каррас был занят своими мыслями. Одержимость? Невозможно. Святая вода. И все-таки...

— Карл, вы ведь хорошо знали мистера Дэннингса?

Карл уставился на ветровое стекло, потом кивнул:

— Да, я его знал.

— Когда Регана... когда она пытается изобразить Дэннингса, вам не кажется, что она действительно на него похожа? Молчание. Потом короткий сухой ответ:

— Да.

Больше они не разговаривали. Выехав на круг Дюпон, машина затормозила перед светофором.

— Я сойду, отец Каррас,— сказал Карл, открывая

дверь. — Здесь можно пересесть на автобус. Большое спасибо, вы меня очень выручили.

Швейцарец стоял посреди улицы и ждал, когда загорится зеленый свет. Он улыбнулся, помахал священнику рукой и следил за машиной, пока она не скрылась за поворотом на Массачусетс-авеню. Потом побежал к автобусу и сел в него. Проехав несколько остановок, Карл сделал пересадку, доехал до северо-западного жилого района и зашагал к полуразрушившемуся старому зданию.

Он остановился около мрачной лестницы и задумался. Из кухни несло кислятиной. Где-то в квартире надрывался ребенок. Швейцарец опустил голову. Из-под плинтуса выполз таракан и заспешил к лестнице. Карл вцепился в перила и хотел было вернуться, но потом покачал головой и пошел наверх. На третьем этаже он свернул в темный закуток и остановился перед дверью. Постоял так некоторое время, положив руку на дверную ручку, и нажал кнопку звонка. Из глубины квартиры донесся скрип пружин. Кто-то раздраженно выругался. Послышались неровные шаги, как будто человек шел в ортопедической обуви. Дверь неожиданно приоткрылась, гремя, натянулась дверная цепочка, и в образовавшейся щели показалась женщина в одной комбинации. Из уголка рта торчала сигарета.

— А, это ты, — мрачно произнесла она и сняла цепочку.

Карл наткнулся на ее жесткий взгляд. Эти глаза, похожие на два переполненных болью колодца, обвиняли его. Он разглядел печальный изгиб рта на опустошенном лице молодой девушки, похоронившей свою юность и красоту в дешевых гостиничных номерах, ночами тоскующей по несостоявшейся жизни.

— Скажи там, чтобы побыстрее проваливали! — донесся из глубины квартиры мужской голос.

Девушка грубо отрезала:

— Не трепыхайся, это мой папаша!

Потом повернулась к Карлу:

— Пап, он пьяный. Ты лучше туда не ходи.

Карл кивнул.

Равнодушные глаза молча следили за его руками. Карл достал из заднего кармана брюк бумажник.

— Как мама? — поинтересовалась девушка, затягиваясь сигаретным дымом и не сводя глаз с бумажника. Карл вынул деньги и отсчитывал десятидолларовые купюры.

— Она чувствует себя хорошо. — Он кивнул. — Мама чувствует себя хорошо.

Девушка судорожно закашлялась и прикрыла рот рукой.

— Проклятые сигареты, — прохрипела она.

Карл заметил у нее на руке следы от укулов.

— Спасибо, пап.

Он почувствовал, как она вытягивает у него из пальцев деньги.

— О Боже, нельзя там побыстрее? — заорал мужчина из комнаты.

— Слушай, пап, давай поскорей, а? Ты же его знаешь!

— Эльвира!.. — Карл неожиданно сделал шаг вперед и схватил ее за руку. — Сейчас в Нью-Йорке открылась больница! — почти умоляя, прошептал он.

Дочь скорчилась и попыталась вырвать руку.

— Ну хватит!

— Я пошлю тебя туда! Они помогут! Тебя не посадят в тюрьму! Это...

— О Боже мой, ну хватит, па! — хрипло воскликнула девушка, высвободив, наконец, руку.

— Нет, прошу тебя! Это...

Она захлопнула перед ним дверь.

Карл горестно опустил голову — последняя его надежда рухнула.

Из квартиры раздалась приглушенные голоса, слышался циничный женский смех, перешедший в кашель.

Карл повернулся и застыл на месте. Перед ним стоял лейтенант Киндерман.

— Может быть, мы поговорим, мистер Энгстром? — засопел детектив. Он стоял, засунув руки в карманы, и грустно смотрел на Карла. — Я думаю, теперь мы можем поговорить.

Глава вторая

В кабинете директора Института лингвистики Каррас вставил в магнитофон кассету.

Он выбрал на пленке нужные места и переписал их на отдельную кассету. Сейчас Каррас собирался прослушать первую запись. Он включил магнитофон и отошел от стола. Каррас и директор молча слушали лихорадочное и невнятное бормотание Реганы. Потом Каррас повернулся к директору.

— Что это, Фрэнк? Это язык?

Директор, полный седеющий мужчина, сидел на краю письменного стола. Пленка кончилась. Лицо Фрэнка выражало крайнее удивление.

— Какая-то дикость. Где вы это взяли?

Каррас остановил магнитофон.

— Эта запись хранится уже несколько лет. У меня был пациент, страдающий раздвоением личности. А сейчас я пишу статью по этому вопросу.

— Понятно.

— Ну, и что вы думаете?

Директор снял очки и начал покусывать черепаховую оправу.

— Нет, лично я такого языка никогда не слышал. Однако...— Он нахмурился. И опять взглянул на Карраса.— Можно еще раз прокрутить?

Каррас быстро перемотал пленку и запустил еще раз.

— Ну, теперь ваше мнение не изменилось?

— Ритм, характерный для языков вообще, здесь присутствует.

— Да, мне тоже так показалось,— согласился Каррас.

— Но язык мне незнаком, святой отец. Он древний или современный? Или вы сами этого не знаете?

— Не знаю.

— Оставьте пленку у меня. Я попрошу ребят, и они проверят.

— Фрэнк, а вы не могли бы переписать ее? Я должен оставить оригинал у себя.

— Да-да, конечно.

— Но это еще не все. У вас есть время?

— Да, что там у вас?

— Если я дам вам пленку с записью речи двух разных людей, не могли бы вы, сделав семантический анализ, сказать, принадлежит ли речь в первом и во втором случаях одному и тому же лицу?

— Думаю, что смогу.

— Каким образом?

— Здесь можно применить метод подсчета частоты употребления тех или иных знаков. Если у вас есть запись из тысячи или более слов, можно подсчитать количество разных частей речи.

— А можно ли положиться на такой вывод?

— Безусловно. Почти на сто процентов. Такая проверка выявляет разницу и в основном словарном запасе. Здесь име-

ют значение не столько сами слова, сколько стиль. Мы это называем «индексом разнообразия». Дилеганту здесь разобратся трудно, что, впрочем, нас устраивает.— Директор чуть заметно улыбнулся. Потом кивком указал на пленки, которые Каррас держал в руках.— Если я правильно понял, здесь записана речь двух разных людей.

— Нет. И голос, и слова принадлежат одной и той же личности, Фрэнк. Я уже говорил вам, это случай раздвоения личности. И слова, и голоса кажутся совершенно разными, но все это принадлежит одному и тому же лицу. Я буду вам очень обязан.

— Вы хотите, чтобы я проверил записи? С радостью. Я передам их специалисту.

— Нет, Фрэнк, я прошу вас о большем — чтобы это сделали именно вы и как можно скорее. Это очень важно.

Директор заглянул ему в глаза и поспешно кивнул.

— Хорошо-хорошо, я займусь этим.

Фрэнк сделал копию записи с пленки священника, и Каррас вернулся в свою комнату. На полу за дверью он нашел записку. В ней сообщалось, что история болезни уже доставлена.

Каррас расписался за пакет. Вернувшись в комнату, он немедленно принялся за чтение и вскоре убедился, что напрасно ездил в институт.

«...предполагается навязчивая идея вины с последующим истерико-сомнамбулическим...»

Но сомнения все-таки остались. Все зависит от того, как объяснять эти явления. А пятна на коже у Реганы? Каррас закрыл лицо руками. То, о чем рассказывала Крис, действительно упоминалось в бумагах. Но там также указывалось, что у Реганы сверхактивная кожа, и она сама могла это делать, проводя по груди пальцем незадолго до появления букв. Обычная дерматография.

Она сама это делала. Каррас был убежден в этом. Как только Регане стянули ремнями руки, таинственные буквы больше ни разу не появлялись.

Обман. Сознательный или подсознательный, но все равно обман.

Священник поднял глаза и взглянул на телефон. Может, позвонить Фрэнку? Он снял трубку. Абонент не отвечал, и Каррас продиктовал автоответчику, чтобы Фрэнк ему перезвонил. Измученный и уставший, он медленно поднялся и побрел в ванну. «...Изгоняющий дьявола должен убедиться в том, что не осталось призраков...» Дэмьен глянул на свое отражение в зеркале. Может, он что-то упустил? Что? Запах квашеной капусты. Каррас повернулся, снял с вешалки полотенце и вытер лицо. Самовнушение, вспомнил он. К тому же люди с психическими заболеваниями так умеют переделывать свой организм, что от тела начинают исходить самые различные запахи.

Удары... Ящик, открывающийся и закрывающийся сам по себе. Телекинез? Но может ли это быть? «Неужели вы верите в эту чепуху?» Мысли путались и разбегались. Слишком устал. Тем не менее Каррас продолжал думать о Регане.

Он вышел из здания и направился в университетскую библиотеку, нашел нужный журнал и прочитал статью немецкого психиатра Ганса Бендера об исследовании явлений парапсихологии.

Сомнений нет, решил Каррас, закончив чтение: телекинез существует, в его пользу говорят авторитетные документы, случаи, которые удалось заснять на пленку, и случаи в психиатрических клиниках. Но ни в одном из них даже не упоминалось об одержимости бесами. Предполагалось, что телекинез достигается за счет энергии мозга, высвобожденной подсознательно и (что особенно произвело на Карраса впечатление) встречающейся у подростков в моменты «чрезвычайно высокого внутреннего напряжения, расстройства или озлобленности».

Каррас протер усталые глаза, еще раз просмотрел выдержки с описанием симптомов, тщательно обдумывая каждый из них. «Что же пропущено? — удивлялся он. — Что?»

И тут же с отчаянием осознал, что ответом было жестокое слово: «НИЧЕГО».

Каррас вернул журнал и направился к дому миссис Макнейл. Уилли открыла ему дверь и провела в кабинет.

Крис, облокотившись на стойку бара и подперев руками голову, стояла спиной к священнику.

— Здравствуйте, святой отец.

В ее голосе сквозило отчаяние. Обеспокоенный священник подошел к актрисе.

— Вам плохо? — тихо спросил он.

— Нет, мне хорошо.

Эту фразу она почти выдавила из себя. Каррас нахмурился. Крис закрыла лицо руками. Руки дрожали.

— Что вы делали? — спросила Крис.

— Я читал больничные записи. — Каррас подождал. Она не отвечала. Тогда он заговорил снова: — Я считаю... Поймите, лично мое мнение таково, что Регане сейчас помогут психиатры и соответствующее лечение.

Крис медленно покачивала головой.

— Где ее отец? — спросил священник.

— В Европе, — чуть слышно прошептала Крис.

— Вы сообщили ему, что случилось?

Крис несколько раз порывалась рассказать ему обо всем. Может быть, это несчастье снова их сблизило бы. Но Говард и священники... Это невозможно. Ради Реганы Крис решила ничего ему не говорить.

— Нет, — тихо ответила она.

— Мне кажется, будет лучше, если он приедет сюда.

— Послушайте, нет ничего лучше, чем то, что далеко от нас! — неожиданно взорвалась Крис. — И нет никого лучше, чем тот, кто убирается от вас ко всем чертям!

— Я думаю, стоит послать за ним.

— Зачем?

— Это может...

— Я просила вас выгнать дьявола, а не тащить сюда еще одного! — истерично закричала Крис. Лицо ее исказилось от страданий. — Что же вдруг случилось со всеми священниками?

— Послушайте...

— На кой черт мне здесь Говард?

— Мы можем поговорить об этом...

— Так поговорите об этом сейчас! На кой черт здесь нужен Говард? Какой от него толк?

— Есть сильные подозрения, что расстройство Реганы как раз началось с ее чувства вины по поводу...

— По поводу чего?

— Это может быть...

— Развод? Этот бред я уже слышала от психиатров!

— Видите ли...

— Регана виновата, потому что она убила Бэрка Дэннингса! — завизжала Крис, со всей силой сдавив руками виски. — Она убила его! Регана убила его, и теперь ее пытаются убить! Ее посадят в тюрьму! О Боже мой, Боже мой...

Крис зарыдала и пошатнулась. Каррас подхватил ее и проводил до дивана.

— Успокойтесь, — тихо повторил он, — успокойтесь.

— Нет, они все равно ее убьют! — всхлипывала женщина. — Все равно... они... ее... О-о-о! Боже мой!.. Боже мой!

— Ну, успокойтесь.

Каррас усадил Крис на диван, помог лечь, а сам присел на край дивана и взял ее ладони в свои руки.

Он думал о Киндермане. О Дэннингсе. Об этих слезах. Нет, все это нереально.

— Успокойтесь, все в порядке... не переживайте так... успокойтесь...

Вскоре всхлипывания прекратились, и Крис, приподнявшись, села. Каррас принес ей воды и пачку бумажных салфеток, найденных им на полке в баре. Потом снова присел рядом с Крис.

— Я рада, — проговорила она, сморкаясь. — Боже, как я рада, что наконец-то рассказала об этом.

Каррас одолело смятение. Чем спокойней становилась Крис, тем сильнее он сам начинал волноваться. Необъяснимая и гнетущая тяжесть навалилась на священника. Он весь напрягся изнутри! Нет! Молчи! Не говори больше ничего!

— Может быть, вы хотите мне еще что-то сказать? — тихо вымолвил Каррас.

Крис кивнула, глубоко вздохнула и вытерла глаза. Очень сбивчиво и отрывочно она рассказала о Киндермане, о книге, о своей уверенности в том, что Дэннингс заходил к Регане в спальню, о невероятной силе Реганы и о том, как она увидела повернувшееся к ней на 180° лицо Дэннингса.

Крис замолчала. Теперь она ждала, что скажет священник. Некоторое время Каррас обдумывал услышанное. Наконец тихо проговорил:

— Вы же не знаете, что это сделала она.

— Но голова повернулась и уставилась на меня, — воскликнула Крис.

— Вы сами довольно сильно ударились головой о стену,— возразил Каррас.— К тому же находились в шоковом состоянии. Вам это показалось.

— Она сама сказала об этом,— настаивала Крис безжизненным голосом.

Молчание.

— А Регана не рассказала вам, как именно она это проделала? — поинтересовался Каррас.

Крис отрицательно покачала головой.

— Нет, не говорила.

— Тогда ее слова ничего не значат,— заверил Каррас.— Это все ерунда, раз Регана не рассказала вам все подробности, знать которые может только убийца.

Крис с сомнением пожала плечами.

— Я не знаю,— промолвила она.— Не знаю, правильно ли я поступила. Я считаю, что это сделала Регана и что она может убить еще кого-нибудь. Я не знаю...— Крис замолчала.— Святой отец, что же мне делать?

Ощущение тяжести, обрушившейся на него, становилось все отчетливей и острее, и Каррас внезапно осознал, что эта тяжесть никогда больше его не оставит.

Он уперся локтями в колени и прикрыл глаза.

— Вы правильно поступили, что рассказали мне обо всем,— спокойно начал Каррас.— А сейчас перестаньте думать об этом и положитесь на меня.

Священник почувствовал ее взгляд и обернулся.

— Вам лучше?

Крис кивнула.

— Вы не сделаете мне одолжения?

— Что такое?

— Сходите в кино.

Она вытерла ладонью глаза и улыбнулась:

— Я терпеть не могу кино.

— Тогда сходите в гости к друзьям.

Крис положила руки на колени и тепло взглянула на Карраса.

— Мой друг сидит передо мной,— произнесла она.

Иезуит улыбнулся.

— Отдохните-ка лучше,— посоветовал он.

— Ладно.

Каррас снова задумался.

— Вы считаете, что это Дэннингс отнес книгу наверх?
Или она уже была там?

— Я думаю, что она уже была там,— ответила Крис.

Священник обдумал ее ответ. Встал.

— Ну, хорошо. Вам нужна сейчас машина?

— Нет, можете пока оставить ее у себя.

— Отлично. Я к вам зайду попозже.

— До свидания, святой отец.

— До свидания.

Дэмьен в полном смятении вышел на улицу. В голове все перемешалось. Регана. Дэннингс. Невозможно! Нет! И все же... Крис, впад в истерику, почти убедила его. Вот в том-то и дело: истеричное воображение. И все же... он перебирал все варианты и искал, искал ответ.

Вернувшись к себе, иезуит позвонил в институт. Но Фрэнка там не оказалось. Дэмьен положил трубку. Святая вода. И водопроводная вода. Что-то здесь не так. Он открыл «Инструкцию для изгоняющих дьявола»: «злые духи... неверные ответы... таким образом может показаться, что данная личность не одержима...» Каррас задумался. Черт возьми! Какие еще «злые духи»?

Он с треском захлопнул книгу, взгляд его упал на медицинские записи. Дэмьен перечитал их, отыскивая места, которые можно было упомянуть в разговоре с епископом.

Вот. Нет подозрения на истерику. Это уже кое-что. Но мало. Нужно еще. Смутно припоминалось какое-то несоответствие. Но какое? Дэмьен отчаянно пытался вспомнить. И вдруг его осенило.

Он поднял трубку, набрал номер и услышал сонный голос Крис:

— Это вы, святой отец?

— Вы спали? Извините.

— Ничего.

— Крис, где этот доктор...— Каррас заглянул в свои записи.— Доктор Кляйн?

— В Росслине.

— В больнице?

— Да.

— Позвоните ему и передайте, что к нему зайдет доктор Каррас, который желает посмотреть ЭЭГ Реганы. Скажите, доктор Каррас. Вы меня поняли?

— Поняла.

— А с вами я поговорю попозже.

Повесив трубку, Каррас быстро переоделся в свитер и брюки цвета хаки. Сверху он надел черный плащ и застегнул его на все пуговицы. Посмотрев на себя в зеркало, он нахмурился. Так выглядят только священники и полицейские. В их одежде всегда найдется какая-нибудь деталь, сразу указывающая на профессию. Каррас расстегнул плащ, снял черные ботинки и надел белые теннисные тапочки.

Он сел в машину Крис и поехал в Росслин. Остановившись у светофора перед мостом, Дэмьен выглянул из окна и обомлел. Из черной полицейской машины на 35-й улице перед винным магазином Дикси выходил Карл. За рулем машины сидел Киндерман.

Загорелся зеленый свет. Каррас дал полный ход и вырвался вперед. Он въехал на мост и глянул в зеркальце заднего вида. Видели они его или нет? Вряд ли. Но почему они были вместе? Что это: чистая случайность? Или тоже связано с Реганой?

Забудь об этом! Нельзя все время думать об одном и том же.

Каррас припарковал машину у больницы и принялся разыскивать кабинет Кляйна. Доктор был занят, но медсестра передала Каррасу электроэнцефалограмму. В отдельном кабинете Дэмьен, пропуская между пальцев длинную узкую полоску бумаги, изучал результат ЭЭГ.

Вскоре к нему присоединился Кляйн.

— Доктор Каррас?

— Да. Рад с вами познакомиться.

— Я — доктор Кляйн. Как дела у девочки?

— Ей лучше.

— Рад слышать.

Каррас вернулся к изучению рисунка. Кляйн водил пальцем по зигзагообразной линии.

— Видите? Волны очень ритмичные. Никаких отклонений.

— Да, вижу, — Каррас нахмурился. — Очень любопытно.

— Любопытно? Если учитывать, что мы имеем дело с истерией...

— Я полагаю, что это пока малоизвестно, — пробормотал Каррас, продолжая рассматривать ленту. — Бельгиец Айтека обнаружил, что при истерии наблюдаются довольно странные колебания волн на рисунке. Очень незначительные, но постоянные изменения. Я искал их здесь, но пока не смог найти.

Кляйн ухмыльнулся:

— Ну и что?

Каррас посмотрел в его сторону:

— Но все-таки, когда вы делали ЭЭГ, у нее было расстройство?

— Да, было. Я бы сказал, что было. То есть, конечно же, было.

— Неужели вас не поразило то, что результаты получились идеальные? Даже в нормальном состоянии субъекты способны менять рисунок волн в пределах допустимого, а у Реганы было расстройство. Можно было логически предположить, что на ЭЭГ появятся колебания. Если...

— Доктор, миссис Симмонс нервничает, — перебила его медсестра, открывая дверь.

— Да-да, иду, — вздохнул Кляйн.

Медсестра поспешно удалилась. Кляйн шагнул к выходу и обернулся.

— Кстати, об истерии, — сухо вставил он. — Извините, мне надо бежать.

Кляйн закрыл за собой дверь. Каррас услышал его торопливые шаги. Потом стало слышно, как в приемной открылась дверь, и оттуда донесся голос:

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем, миссис?..

Дверь закрылась. Каррас вернулся к бумажной ленте, рассмотрел ее, свернул, перевязал и вернул медсестре в приемной. Что-то есть. Об этом он мог упомянуть в разговоре с епископом. Каррас мог утверждать, что у Реганы не истерия, а значит, она, возможно, одержима. С другой стороны, ЭЭГ порождала еще одну загадку: почему на ней не было отклонений? Совсем никаких?!

Священник возвращался к дому Крис, но у дорожного знака на углу 35-й улицы и Проспект-стрит сердце его екнуло: между знаком и домом иезуитов стояла машина Киндермана. Детектив сидел в машине один, высунув из окна локоть и уставившись прямо перед собой.

Каррас нашел свободное место, припарковал машину и запер ее. Неужели он наблюдает за домом? Призрак Дэннингса вновь отчетливо встал перед его глазами. Неужели Киндерман думает, что Регана...

Спокойно. Не спеши. Спокойно.

Священник подошел к машине и нагнулся к окошку:

— Здравствуйте, лейтенант.

Детектив быстро обернулся, удивленно посмотрел на него, а потом расплылся в улыбке:

— А, отец Каррас.

Успокойся! Каррас почувствовал, что ладони у него увлажнились и похолодели.

Спокойней. Не показывай ему, что ты волнуешься! Спокойней!

— С вас сейчас штраф возьмут, вы это знаете? По будням с 4 до 6 здесь запрещена остановка.

— Не важно,— засопел Киндерман.— Я ведь разговариваю со священником. А здесь все полицейские набожные.

— Как у вас дела?

— Говоря откровенно, отец Каррас, так себе. А у вас?

— Не могу пожаловаться. Вы так и не раскрыли то дело?

— Какое дело?

— Смерть режиссера.

— А, это...— Детектив махнул рукой.— Лучше не спрашивайте. Послушайте, а что вы делаете сегодня вечером? Вы не заняты? У меня есть пропуск в «Крэст». Там сейчас идет «Отелло».

— А кто играет?

— Дездемону—Молли Пайкон, а Отелло—Лео Фукс. Вы довольны? Это же Шекспир! Какая разница, кто играет! Так вы идете?

— Боюсь, что нет. У меня очень много работы.

— Вижу. Извините, но выглядите вы отвратительно. Засиживаетесь допозна?

— Я всегда выгляжу отвратительно.

— А сейчас хуже обычного. Бросьте свои дела! Один вечер можно и отдохнуть. Пойдемте!

Каррас решил проверить Киндермана:

— А вы уверены, что именно эти актеры в главных ролях? Мне помнится, что сейчас на экранах идет картина с участием Крис Макнейл.

Детектив не отреагировал:

— Нет, я уверен. Там идет «Отелло».

— Кстати, что вас привело в наши места?

— Я приезжал специально из-за вас, хотел пригласить в кино.

— Да, конечно, гораздо проще приехать, чем позвонить по телефону, — съязвил Каррас.

Детектив невинно поднял брови и развел руками.

— Ваш номер был занят.

Иезуит молча уставился на него.

— Что случилось? — спустя мгновение поинтересовался Киндерман.

Каррас с мрачным видом просунул внутрь машины руку и приподнял Киндерману веко. Осмотрел глаз.

— Не знаю. Вы ужасно выглядите. У вас может развиться мифомания.

— Я не знаю, что это такое, — проговорил Киндерман, когда Каррас убрал руку. — Это серьезно?

— Не смертельно.

— Но что это? Я умираю от любопытства.

— Загляните в справочник, — посоветовал Каррас.

— Не будьте злокой. Я некоторым образом на страже закона и могу вас задержать. Вы это понимаете?

— А за что?

— Психиатр не должен заставлять людей волноваться. Вы эпатируете публику, святой отец. Нет, я серьезно, эта публика не прочь от вас отделаться. Что же это за экстравагантный священник, расхаживающий в свитере и тапочках?

Чуть заметно улыбнувшись, Каррас кивнул.

— Мне пора. Будьте осторожны. — Прощаясь, Дэмьен дважды постучал по окошку, потом повернулся и медленно побрел к дому.

— Сходите к психоаналитику! — хрипло крикнул вслед детектив. Проезжая мимо Карраса, он посигналил и махнул ему рукой.

Каррас помахал в ответ, остановился на тротуаре и дрожащей рукой осторожно провел по лбу. Неужели она могла это сделать?

Неужели Регана так чудовищно разделалась с Бэрком Дэннингсом? Дэмьен поднял голову и взглянул на окно Реганы. Что же там, в этом доме? И сколько уже времени

Киндерман идет по следу Реганы? Может быть, он видел кого-то, похожего на Дэннингса? Или слышал голос этого человека? Сколько времени будет мучиться Регана?

Или она умрет?

Он должен переговорить с высшим духовенством.

Священник торопливо перешел улицу и направился к дому Крис. Надавил на кнопку звонка.

Дверь открыла Уилли.

— Миссис прилегла отдохнуть, — заявила она.

Каррас кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо. — Он прошел мимо служанки и поднялся вверх. Ему срочно понадобились неопровержимые доказательства.

Священник вошел в спальню Реганы и увидел Карла. Тот сидел у окна, сложив руки и уставившись на девочку. Своей солидностью и спокойствием швейцарец гармонировал с добротной темной мебелью комнаты.

Каррас подошел к кровати и посмотрел на Регану. Глаза ее закатились, слышалось невнятное бормотание, похожее на какое-то неземное заклинание. Каррас перевел взгляд на Карла. Потом не спеша нагнулся и начал развязывать ремни, стягивающие руки Реганы.

— Святой отец, не надо!

Карл подскочил к кровати и резко оттолкнул руку священника.

— Не надо, святой отец! Она сильная! Очень сильная! Оставьте эти ремни!

В глазах его без труда читался неподдельный страх, и Каррас понял, что разговоры о силе Реганы не были пустой болтовней. Она могла это сделать, могла свернуть шею Дэннингсу. О Боже, Каррас! Спеши! Отыщи доказательства! Думай! Спеш или...

— Ich möchte sie etwas fragen, Engstrom!*

Горячей волной в крови нахлынула надежда. Каррас вздрогнул и посмотрел на кровать. Бес издевательски ухмылялся, обращаясь к Карлу:

— Tanzt Ihre Tochter gern? **

Немецкий! Бес спрашивает, любит ли дочь Карла танцевать! Сердце Карраса забилося, он повернулся и увидел, что

* Я хочу вас кое о чем спросить, Энгстром! (Нем.)

** Ваша дочь любит танцевать? (Нем.)

у слуги щеки стали пунцовыми. Карл весь затрясся, в глазах сверкнула ярость.

— Карл, вам лучше выйти,— посоветовал Каррас.

Швейцарец отрицательно замотал головой и только крепче сжал кулаки.

— Нет, я останусь.

— Вы уйдете отсюда. Я прошу вас,— твердым голосом произнес иезуит, глядя прямо в глаза Карлу.

После некоторого замешательства Карл уступил и вышел из комнаты.

Смех прекратился. Каррас оглянулся. Бес с довольным видом наблюдал за священником.

— Итак, ты вернулся,— пробасил он.— Я удивлен. Я считал, что неудача со святой водой навсегда отобьет у тебя охоту появляться здесь. Но я совсем забыл, что у священников нет совести.

Каррас изо всех сил пытался сдержаться и ждал, что будет дальше. Ему необходимо было сосредоточиться и оценить все трезво. Он знал, что языковая проверка требует разговора, ведь отдельно произнесенные фразы могли оказаться подсознательно запомнившимися. Спокойно! Ты помнишь ту девочку? Служанку-подростка? Она была одержима и в бреду разговаривала на каком-то языке, который в конце концов оказался древнесирийским. Каррас представил себе, как это поразило всех, когда выяснилось, что девочка одно время работала в доме, где одним из квартирантов был студент, изучающий теологию. Накануне экзаменов он шагал по комнате, поднимался по лестнице и на ходу читал вслух древнесирийские тексты. Девочка все это слышала. Спокойно! Не торопись!

— Sprechen Sie deutsch? — тихо спросил Каррас.

— Если хочешь поразвлекаться?

— Sprechen Sie deutsch? — повторил он и почувствовал, как сердце в надежде застучало еще быстрее.

— Natürlich, ** — злобно усмехнулся бес. — Mirabile dictu ***, не правда ли?

Сердце иезуита замерло. Не только немецкий, но и латынь! Да еще разговорная!

* Говорите ли вы по-немецки? (Нем.)

** Конечно (нем.).

*** Отличное произношение (лат.).

— Quod nomen mihi est? — быстро спросил Каррас. (Как меня зовут?)

— Каррас.

Священник возбужденно продолжал:

— Ubi sum? (Где я?)

— In cubiculo. (В комнате.)

— Et ubi est cubiculum? (А где комната?)

— In domo. (В доме.)

— Ibi est Burke Dennings? (где Бэрк Дэннингс?)

— Mortuus. (Он умер.)

— Quomodo mortuus est? (Как он умер?)

— Inventus est capite reverso. (Его нашли со свернутой головой.)

— Quis occidit eum? (Кто его убил?)

— Регана.

— Quomodo ea occidit illum? Duc mihi exacte! (Как она убила его? Расскажи мне подробно!)

— Ну ладно, пока и этого вполне достаточно, — сказал бес, оскалившись. — Достаточно. И вообще хватит. Хотя, конечно, тебе и в голову не пришло, как я полагаю, что, пока ты задавал свои вопросы по-латыни, ты в уме сам же проговаривал и ответы на латыни. — Он рассмеялся. — Разумеется, подсознательно. И что бы мы вообще делали без этого подсознания? Ты понимаешь, на что я намекаю, Каррас? Я совсем не умею говорить по-латыни. Я читаю твои мысли. Я просто нашел ответы в твоей голове.

Каррасу стало страшно. Уверенность его была поколеблена, постоянно мучили сомнения, глубоко засевшие в его мозгу.

Демон усмехнулся и продолжал:

— Да, я знал, что до тебя это дойдет, Каррас. За это ты мне и нравишься. За это я уважаю всех разумных людей. — Голова его откинулась, и он захохотал.

Мозг священника лихорадочно работал. Он пытался найти такой вопрос, на который можно было бы дать несколько ответов. Но, может быть, я буду думать обо всех ответах? Ладно. Тогда можно задать вопрос, на который сам не знаешь ответа! А правильность его можно будет определить позже.

Он подождал, пока смех прекратился, и спросил:

— *Uam profundus est imus Oceanus Indicus?* (Какова глубина Индийского океана в самом глубоком месте?)

Глаза беса засветились.

— *La plume de ma tante**, — злобно произнес он.

— *Responde Latine***.

— *Bon jour! Bonne nuit!****

— *Quam...*

Каррас не договорил. Глаза беса закатились, и появилось существо, бормочущее на неизвестном языке.

Каррас с нетерпением потребовал:

— Я хочу говорить с бесом!

Ответа не было. Только дыхание.

— *Quis es tu?* (Кто ты?) — резко спросил он. Голос его звучал раздраженно.

Молчание.

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!

Существо начало икать.

— Дай мне поговорить с Бэрком Дэннингсом!!!

Икота продолжалась с равномерными промежутками. Каррас покачал головой. Затем подошел к стулу и сел на самый край. Сгорбившись, он принялся ждать...

Время шло. Каррас начал дремать. Вдруг он резко вскинул голову и посмотрел на Регану. Тишина, икота прекратилась.

С п и т?

Он подошел к кровати и посмотрел на девочку. Глаза закрыты. Дыхание глубокое. Он нагнулся и нащупал пульс, потом тщательно осмотрел ее губы. Они были сухими и растрескавшимися. Каррас выпрямился, подождал еще немного, затем вышел из комнаты.

Он спустился в кухню в надежде найти Шарон. Шарон сидела за столом и ела суп. В руке у нее был бутерброд.

— Вам что-нибудь приготовить поесть, отец Каррас? — спросила она. — Вы, наверное, голодны.

— Спасибо, не надо. Я не хочу, — ответил Дэмьен и взял со стола блокнот Шарон. Достал ручку.

— Ее мучила икота. У вас есть компазин?

— Да, осталось еще немного.

* Ручка моей тетушки (*фр.*).

** Отвечай на латыни (*лат.*).

*** Добрый день! Доброй ночи! (*фр.*).

Каррас писал что-то на листке и, не поднимая головы, сказал:

— Сегодня вечером поставьте половину 25-миллиграммовой свечи.

— Хорошо.

— У нее началось обезвоживание организма,— продолжал он.— Поэтому я перевожу ее на внутривенное питание. Первым делом позвоните в магазин медицинского оборудования и скажите, чтобы сюда доставили вот это.

Он протянул ей исписанный листок.

— Она спит, поэтому сейчас можно установить сустакенное питание.

— Хорошо,— кивнула Шарон.— Я все сделаю.

Выгребая ложкой остатки супа, она придвинула к себе листок и проглядела список.

Каррас молча наблюдал за ней.

— Вы ее учительница?

— Да.

— Не учили ли вы ее латыни?

Она удивилась:

— Нет.

— А немецкому?

— Только французскому. И довольно серьезно.

— Но ни немецкому, ни латыни?

— Да нет же!

— А Энгстромы, они между собой иногда говорят по-немецки?

— Конечно.

— Регана могла это слышать?

Шарон пожала плечами.

— Наверное.— Она встала и понесла тарелки в раковину.— Да, я даже уверена в этом.

— А вы сами никогда не изучали латынь?

— Никогда.

— Но могли бы отличить ее на слух?

— Да, конечно.

— Она никогда не разговаривала по-латыни в вашем присутствии?

— Регана?

— С тех пор, как заболела.

— Нет, никогда.

— А на каком-нибудь другом языке? — пытался дознаться Каррас.

Шарон закрутила кран и задумалась.

— Может быть, мне это показалось, но...

— Что?

— Ну, мне показалось... — Она нахмурилась. — Я готова поклясться, что она разговаривала по-русски.

Каррас внимательно посмотрел на нее.

— А вы сами говорите по-русски? — спросил священник. В горле у него пересохло.

Шарон пожала плечами.

— Чуть-чуть. — Она сложила кухонное полотенце. — Я изучала его в колледже, вот и все.

Каррас обмяк. Она выбирала латинские слова из своей головы. Он сидел, опустив голову на руки и ничего не видя вокруг. Его терзали сомнения, факты. Телесная часто встречается в состоянии сильного напряжения. Человек начинает говорить на языке, знакомом кому-нибудь из присутствующих... Что же делать? Надо немного отдохнуть. А потом еще раз попробовать... еще раз... еще раз... еще раз... Он встал. Шарон, прислонившись к раковине и сложив руки, задумчиво наблюдала за ним.

— Я пойду к себе, — сказал Дэмьен. — Как только Регана проснется, позвоните мне.

— Хорошо, я позвоню.

— И насчет компазина, — напомнил он. — Не забудьте.

Она кивнула:

— Конечно, не забуду. Я все сейчас сделаю.

Каррас пытался припомнить, не забыл ли он что-то еще сказать Шарон. Так всегда: когда надо сделать очень многое, обязательно о чем-то забываешь.

— Святой отец, что происходит? — спросила Шарон. — Что же это? Что случилось с Реганой?

Он поднял свои поблекшие от горя и слез глаза.

— Я не знаю.

Затем повернулся и вышел из кухни.

Проходя через зал, Каррас услышал шаги. Кто-то торопливо догонял его.

— Отец Каррас!

Он оглянулся. Карл нес его свитер.

— Извините, — сказал слуга, протягивая свитер священнику. — Я хотел сделать это раньше, но совсем забыл.

Пятна были выведены, и от свитера приятно пахло.

— Большое спасибо, Карл, — ласково сказал священник. — Вы очень заботливы.

— Спасибо вам, отец Каррас. Спасибо за помощь мисс Регане. — Карл повернулся и с достоинством удалился.

Каррас смотрел ему вслед и вспоминал о том, как встретил его в машине Киндермана. Еще одна тайна...

Он с трудом открыл дверь. Было уже темно. С чувством отчаяния Дэмьен шагнул вперед — из одного мрака в другой.

Он перешел улицу и заспешил навстречу близкому отдыху, но, войдя в комнату, увидел на полу у двери записку. Записка была от Фрэнка. Насчет пленок. Домашний телефон и «пожалуйста, позвоните...».

Дэмьен набрал номер и замер в ожидании. Руки его подрагивали.

— Алло? — зазвучал в трубке писклявый мальчишеский голос.

— Можно мне поговорить с твоим папой?

— Да. Подождите, пожалуйста. — Трубку положили и тут же снова подняли. Опять мальчик: — А кто это?

— Отец Каррас.

— Отец Каритц?

Сердце Дэмьена бешено стучало, но он спокойно поправил мальчика:

— Каррас. Отец Каррас.

Трубку опять положили, и через несколько секунд раздался голос:

— Отец Каррас?

— Да. Здравствуйте, Фрэнк. Я тщетно пытался дозвониться вам.

— О, извините. Я занимался дома нашими пленками.

— Уже закончили?

— Да. Это какая-то чертовщина.

— Я и сам знаю. — Каррас пытался говорить ровным голосом. — Так что же там, Фрэнк? Что вы обнаружили?

— Начнем с частности...

— Ну?..

— Здесь недостаточно примеров, чтобы сказать наверня-

ка, вы понимаете, но выводы сделать можно. Эти два голоса на пленках, возможно, принадлежат разным людям.

— Возможно?

— Под присягой я не стал бы на этом настаивать, но ошибка почти исключена.

— Почти исключена...— автоматически повторил Каррас. О п я т ь сомнения...— А что насчет бреда?— спросил он безнадёжно.— Это какой-нибудь язык?

Фрэнк рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Это что, психологический тест, святой отец?

— Я вас не понимаю, Фрэнк.

— Или вы перепутали пленки, или я уж не знаю...

— Фрэнк, это язык или нет?— перебил Каррас.

— Я бы сказал, что это язык. Да, именно язык.

Каррас напрягся:

— Вы шутите?

— Вовсе нет.

— И что это за язык?

— Английский.

Несколько секунд Каррас молчал, а потом изо всех сил закричал:

— Фрэнк, или я вас не расслышал, или вы решили надо мной подшутить?

— У вас есть магнитофон?— спросил Фрэнк.

Магнитофон стоял на письменном столе.

— Да, есть.

— Там есть кнопка реверса?

— А в чем дело?

— Есть или нет?

— Подождите.— Каррас раздраженно положил трубку на стол и снял с магнитофона крышку.— Такая кнопка есть. Но что все это значит?

— Поставьте пленку и проиграйте ее в обратную сторону.

— Что?!

— Там какие-то злые гномы.— Фрэнк рассмеялся.— В общем, вы прослушайте, а завтра побеседуем. Спокойной ночи, святой отец.

— Спокойной ночи, Фрэнк.

— Желаю вам хорошенько развлечься.

Каррас повесил трубку, разыскал нужную ленту и вставил ее в магнитофон. Сначала он просто прослушал ее. Покачал головой.

Ошибки быть не могло: бред — и все.

Дэмьен промотал пленку до конца и включил ее в обратную сторону. Он услышал свой голос, произносящий слова наоборот. А потом голос Реганы — или еще кого-то — говорящий... по-английски!

— Marin, Marin, Karras, beus letus...*

Английский. Какая-то чепуха, но на английском! Как она это делает, черт возьми!

Он прослушал пленку, перемотал ее и поставил снова. Потом еще раз. И только после этого осознал, что слова тоже шли в обратном порядке!

Взяв бумагу и карандаш, Дэмьен сел за стол и начал записывать транскрипцию слов. Он работал увлеченно, то и дело щелкая выключателем магнитофона. Когда с этим было покончено, на другом листке бумаги он записал те же слова, только меняя их порядок в предложениях.

Наконец, откинувшись на спинку стула и прочитав все, что у него получилось.

...опасность. Но не совсем (неразборчиво) умрет. Мало времени. Теперь (неразборчиво). Пусть она умрет. Нет, нет, так хорошо! Так хорошо в этом теле! Я чувствую! Здесь (неразборчиво). Лучше (неразборчиво), чем пустота. Я боюсь священника. Дай нам время. Бойся священника! Он (неразборчиво). Нет, не этот, а тот, который (неразборчиво). Он болен. Ах, эта кровь, почувствуй кровь, как она (поет?).

На этом месте Каррас спросил: «Кто ты?», и ответом было: «Я никто, я никто».

Тогда Каррас спросил: «Это твое имя?» — «У меня нет имени. Я никто. Нас много. Дай нам жить. Дай нам согреться в теле. Не (неразборчиво) из тела в пустоту, в (неразборчиво). Оставь нас, оставь нас. Дай нам жить. Каррас. (Мэррин? Мэррин?...)...»

Он вновь и вновь перечитывал написанное. Его пугали эти слова, казалось, что здесь говорят несколько людей сразу. В конце концов от многократного перечитывания текст превратился в бессмысленный набор слов. Каррас отложил листок и закрыл лицо руками. Это не неизвестный язык. Писать слова наоборот не считалось сумасшествием, и такое явление

* ...Мэррин, Мэррин, Каррас, жить нам дай... (англ.)

часто встречалось, но г о в о р и т ь! Переделывать произношение так, чтобы при проигрывании назад слова звучали фонетично верно. Это было не под силу даже чрезмерно возбужденному интеллекту. Может, это и есть ускоренное развитие подсознания, на которое ссылается Юнг? Нет. Здесь что-то другое.

Каррас подошел к полкам, отыскивая книгу Юнга «Психология и патология так называемых оккультных явлений», и нашел нужную страницу: «Отчет об эксперименте относительно автоматического написания слов». Субъект подсознательно отвечал на все вопросы анаграммами.

А н а г р а м м ы!

Он положил открытую книгу на стол, склонился над ней и прочитал часть отчета:

«3-й день.

— Что такое человек? — ...

— Это анаграмма? — Да.

— Сколько в ней слов? — Пять.

— Какое первое слово? — Смотри.

— Какое второе слово? — И-и-и-и.

— Смотри? Я должен разгадать его сам? — Попробуй.

Решение анаграммы субъектом было найдено:

(Жизнь в меньшей степени может.) Он сам был удивлен. Это доказывало, что в его мозгу существует интеллект, совершенно от него не зависимый. Поэтому он продолжал задавать вопросы:

— Кто ты? — Клелия.

— Ты женщина? — Да.

— Ты жила на земле? — Нет.

— Ты будешь жить? — Да.

— Когда? — Через шесть лет.

— Почему ты разговариваешь со мной?

Субъект расшифровал и эту анаграмму: (Я Клелию чувствую.)

4-й день.

— Это я отвечаю на вопросы? — Да.

— Клелия здесь? — Нет.

— Тогда кто здесь? — Никого.

— Клелия существует? — Нет.

— Тогда с кем я разговаривал вчера? — Ни с кем».

Каррас перестал читать. Покачал головой. Ничего сверх-нормального здесь не было: просто неограниченные возможности интеллекта.

Он достал сигарету, потом снова сел и закурил. «Я ни кто. Нас много». Жутко. Откуда она могла это взять? «Ни с кем».

Может быть, и Клелия появилась так же? Неожиданно возникающие личности?

«Мэррин... Мэррин...» «Ах, эта кровь...» «Он болен»...

Утомленный взгляд Дэмьена упал на книгу «Сатана». Он вспомнил первые строки: «Не дай дьяволу увести меня...».

Каррас выпустил дым, закрыл глаза и закашлялся. Горло саднило. Глаза слезились от дыма. Он встал, повесил на дверь табличку «Прошу не беспокоить», выключил свет, задернул занавески, сбросил ботинки и рухнул на кровать. В голове мелькали обрывки мыслей. Регана, Дэннингс, Киндерман. Что делать? Он должен помочь, но как? Поговорить с епископом, имея лишь то немного, что у него есть? Нет, рано. Пока еще он не может отстаивать свою правоту до конца.

Каррас подумал о том, что неплохо было бы раздеться и забраться под одеяло. Но он слишком устал. Тяжесть событий давила на него, а он хотел быть свободным.

«...Дай нам жить!»

«Дай мне жить!» — ответил он на это. Тяжелый глубокий тон постепенно окутал его.

Дэмьен проснулся от телефонного звонка. Слабой рукой он потянулся к выключателю. Интересно, сколько сейчас времени? Он снял трубку. Звонила Шарон и просила его прийти прямо сейчас. Каррас снова почувствовал себя затравленным и измученным.

Он прошел в ванную, умылся холодной водой, натянул свитер и вышел из дому.

Было еще темно. Несколько кошек в испуге шарахнулись в разные стороны.

Шарон встретила его внизу. Она была в кофте и куталась в одеяло. Вид у нее был перепуганный.

— Извините, святой отец, — прошептала Шарон, — но я подумала, что вы должны это видеть.

— Что?

— Сейчас увидите. Только тише. Я не хочу будить Крис.— Она кивком пригласила Карраса следовать за ней.

Войдя в спальню Реганы, священник ощутил ледяной холод. Он нахмурился и недоуменно посмотрел на Шарон.

— Отопление включено на полную мощность,— прошептала она и взглянула на Регану, на страшные белки ее глаз, сверкающие при свете ночника. Казалось, Регана находится в бессознательном состоянии. Дыхание тяжелое, полная неподвижность. Трубка — на месте, суштаген медленно вливается через нос в горло ребенка.

Шарон осторожно подошла к кровати, наклонилась и медленно расстегнула Регане воротник пижамы. Каррас с болью наблюдал за тем, как обнажается исхудалое тело девочки. По выступившим ребрам, казалось, можно сосчитать остаток ее дней на этой земле.

Он почувствовал, что Шарон смотрит на него.

— Я не знаю, святой отец, может быть, это уже прекратилось,— прошептала она.— Но вы посмотрите на грудь.

Брови Карраса поползли вверх. Он заметил, что кожа Реганы начала краснеть, но не на всей груди, а только местами.

— Вот, начинается,— шепнула Шарон.

По телу Карраса поползли мурашки, но не от холода, а от того, что он увидел на груди у Реганы. Ярко-красными рельефными буквами на коже четко проступили два слова:

ПОМОГИТЕ МНЕ

— Это ее почерк,— прошептала Шарон.

В 9 часов утра священник Дэмьен Каррас явился к президенту Джорджтаунского университета и попросил предварительного разрешения на проведение ритуала изгнания дьявола. Получив его, он отправился к епископу спархии. Тот серьезно выслушал рассказ Карраса.

— Вы уверены, что это настоящая одержимость? — спросил епископ.

— Я могу утверждать, что все признаки, описанные в «Ритуале», сходятся,— уклончиво ответил Каррас. Он все еще не осмеливался поверить в случившееся. Не разум, а сердце заставило его прийти сюда. Жалость и надежда, что внушение поможет излечить девочку.

— Вы хотели бы провести изгнание сами? — спросил епископ.

Дэмьен почувствовал в себе прилив сил. Ему захотелось сбросить с себя тяжкий груз и избавиться от надоедливого призрака собственного неверия.

— Да, конечно, — ответил он.

— Как ваше здоровье?

— В порядке.

— Вам когда-нибудь приходилось делать что-нибудь подобное?

— Никогда.

— Хорошо, мы примем решение. Конечно, в таких делах лучше всего иметь человека с опытом. Их немного, но, возможно, кто-нибудь вернулся из заграничной миссии. Дайте мне время подумать. Когда что-нибудь прояснится, я сразу же поставлю вас в известность.

После того как Каррас ушел, епископ связался с президентом Джорджтаунского университета, и они поговорили о Дэмьене, уже второй раз за этот день.

— Да, он знает всю историю болезни, — заметил в разговоре президент. — Я думаю, не будет вреда, если взять его в качестве помощника. В любом случае необходимо присутствие психиатра.

— А кого пригласить для изгнания? У вас есть какие-нибудь предложения? Я ума не приложу.

— Здесь сейчас Ланкэстер Мэррин.

— Мэррин? Мне казалось, что он в Ираке. По-моему, я читал, что он работает на раскопках где-то в Ниневии.

— Да, рядом с Мосулом. Все правильно, только он уже закончил работу и три или четыре месяца назад вернулся. Он в Вудстоке.

— Преподает?

— Нет, работает над очередной книгой.

— Бог да поможет нам! Вам, однако, не кажется, что он слишком стар? Как его здоровье?

— Наверное, неплохо, иначе он не стал бы заниматься раскопками, не так ли?

— Думаю, вы правы.

— Кроме того, у него есть опыт, Майкл.

— Я этого не знал.

— По крайней мере, так говорят.

— Когда это было?

— Мне кажется, 10 или 12 лет назад, по-моему, в Африке. Изгнание длилось несколько месяцев, он сам чуть не погиб.

— В таком случае я сомневаюсь, чтобы он захотел это повторить.

— Мы делаем то, что нам говорят, Майкл. Среди нас, священнослужителей, мятежников нет.

— Спасибо за напоминание.

— Ну и что же вы думаете?

— Я полагаюсь на вас и на архиепископа.

Этим же вечером молодой человек, готовящийся стать священником, бродил по Вудстокской семинарии штата Мэриленд. Он искал худого седовласого иезуита и нашел его, когда тот в раздумье прогуливался по аллеям семинарии. Юноша вручил ему телеграмму. Пожилой человек поблагодарил его, тепло посмотрел на юношу, затем повернулся и продолжал свои размышления. Он шел и любовался природой; иногда останавливался, прислушиваясь к пению малиновки и наблюдая за поздними бабочками. Он не вскрыл телеграмму и не прочитал ее, так как уже знал, что в ней написано. Он прочитал ее в пыльных храмах Ниневии.

Он был готов, поэтому и продолжал свою прощальную прогулку.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Да приидет вопль мой пред лице твое...»

«Тот, кто остается верным любви, остается
верным Богу, а Бог — ему...»

Святой Павел

Глава первая

Киндерман сидел за столом в полумраке своего тихого кабинета. Свет от настольной лампы падал на ворох документов. Рапорты полицейских и отчеты из лабораторий, вещественные доказательства и служебные записки. В задумчивости, он медленно разложил их в виде лепестков цветка, чтобы сгладить то мерзкое заключение, к которому они его привели и которое он никак не мог принять.

Энгстром был невиновен. Во время гибели Дэннингса он был у своей дочери — снабжал ее деньгами для покупки наркотиков. Он солгал в первый раз, чтобы не выдать ее и чтобы мать, считавшая дочь умершей, ничего не узнала. Когда Киндерман рассказал Эльвире, что ее отец подозревается в соучастии убийства Дэннингса, она согласилась все рассказать. Нашлись и свидетели, которые подтвердили рассказ. Энгстром был невиновен. Невиновен и молчалив. От него нельзя было узнать, что происходит в доме у Крис.

Киндерман нахмурился, рассматривая свой «цветок»: что-то ему не понравилось.

Он передвинул один «лепесток» немного ниже и правее и еще раз проанализировал все факты.

Киндерман устался в самую середину своей бумажной розы, где лежала старая выцветшая обложка популярного журнала. С фотографии на него смотрели Крис и Регана. Он пригляделся к девочке: симпатичное, веснушчатое лицо, волосы завязаны в «хвостики», не хватает переднего зуба. Киндерман посмотрел в окно. На улице было темно. Моросил надоедливый дождик.

Он пошел в гараж, сел в черный автомобиль и поехал по блестящим, мокрым от дождя улицам в сторону Джорджтауна. Припарковавшись на восточной стороне Проспект-стрит, он просидел в машине около четверти часа, глядя на окно

комнаты Реганы. Может быть, нужно постучаться и потребовать, чтобы ему ее показали? Он опустил голову и потер лоб рукой.

Уильям В. Киндерман! Вы больны! Идите домой! Примите лекарство и ложитесь спать!

Он опять посмотрел на окно и задумчиво покачал головой. Нет. Неумолимая логика руководила его поступками.

К дому подкатил автомобиль.

Детектив насторожился, повернул ключ зажигания и включил дворники.

Из такси вышел высокий пожилой человек. На нем были черный плащ и шляпа, в руках он держал выдавший виды чемоданчик. Старик заплатил шоферу и остановился, осматривая дом с улицы. Такси тронулось и повернуло на 36-ю улицу. Киндерман поехал за ним. Поворачивая за угол, он заметил, что пожилой человек так и не двинулся с места; он стоял в туманном свете уличного фонаря, как памятник путнику: полный спокойствия и застывший на века.

Детектив посигналил фарами таксисту.

В это время Шарон делала Регане укол либриума, а Каррас и Карл держали девочку за руки. За последние два часа доза была увеличена до четырехсот миллиграммов. Это было очень много, но после временного затишья, длившегося много часов, бес неожиданно проснулся в таком приступе ярости, что ослабевший организм Реганы не смог бы долго продержаться.

Каррас измотался. После визита к представителю высшего духовенства он вернулся к Крис, чтобы рассказать ей о результатах. Потом помог наладить для Реганы внутреннее питание, вернулся домой и сразу же рухнул в кровать. Однако уже через полтора часа его разбудил телефонный звонок. Звонила Шарон. Регана все еще была без сознания, и ее пульс постепенно замедлялся. Каррас сразу же бросился на помощь, захватив чемоданчик с медикаментами. Он уколол Регану в ахиллесово сухожилие, чтобы посмотреть на ее реакцию. Реакции не было. Он с силой надавил на ногу. То же самое. Священник забеспокоился. Хотя он знал, что при истерии и в состоянии транса иногда наблюдается невосприимчивость к боли, в данном случае он опасался наступления комы, которая легко могла закончиться смертью. Каррас измерил давление: девяносто на шестьдесят, пульс — шестьде-

сят. Он оставался в комнате и делал повторные измерения каждые пятнадцать минут в течение полутора часов, пока не убедился в том, что Регана была не в состоянии шока, а в оцепенении. Шарон получила инструкцию продолжать измерять пульс каждый час. После этого Дэмьен вернулся к себе, чтобы поспать. Но его снова разбудил телефон. Ему сообщили, что «изгоняющим дьявола» назначен Ланкэстер Мэррин, а помощником — он, Каррас.

Новость потрясла его. Мэррин! Философ-палеонтолог, человек, обладающий удивительным, тонким умом! Его книги всякий раз приводили в волнение церковь, потому что в них вера объяснялась с точки зрения науки, постоянно развивающейся материи, судьба которой — стать субстанцией духовной и присоединиться к Богу.

Каррас тут же позвонил Крис, чтобы передать новость, и узнал, что епископ уже сообщил ей об этом лично.

— Я ответила епископу, что Мэррин может остановиться у нас, — сказала Крис. — Это займет день или два, верно?

— Я не знаю, — ответил Каррас.

Подождав еще немного, он продолжал:

— Вы не должны слишком многого ждать от него.

— Я хотела сказать, если это поможет. — Голос Крис звучал подавленно.

— Я и не думал убеждать вас в том, что это не подействует, — подбодрил ее Каррас. — Просто на это, возможно, понадобится время.

— Сколько времени?

— Бывает по-разному.

Он знал, что изгнание дьявола часто затягивалось на недели, а то и на месяцы. Знал, что часто вообще не помогало. Предчувствовал, что бремя лечения свалится на него очередным и на сей раз последним грузом.

— Это занимает несколько дней или недель, — сказал он Крис.

После разговора Каррас почувствовал себя до предела усталым и измученным. Вытянувшись на кровати, он думал о Мэррине. Волнение и сомнения овладели им. Дэмьен считал себя вполне подходящим кандидатом для проведения ритуала, однако епископ выбрал не его. Почему? Из-за того, что Мэррину раньше уже приходилось делать это?

Он закрыл глаза и вспомнил, что для изгнания бесов выбирают тех, «кто набожен» и обладает «высокими душевными качествами». Ему припомнился отрывок из Евангелия, ко-

гда ученики спросили Христа, почему они не могут изгонять бесов, и он ответил им: «Потому, что вера ваша слаба».

Архиепископ знал о его проблеме, знал об этом и президент. Может быть, один из них и рассказал епископу? Каррас повернулся на кровати и почувствовал себя недостойным, неумеющим, отвергнутым. Эта мысль больно ужалила его. В таком подавленном настроении он все же заснул, и сон постепенно заполнил все трещины и пустоты в его сердце.

Но и на этот раз он проснулся от телефонного звонка. Рыдающая Крис сообщила, что у Реганы опять приступ. Дэмиен поспешил к ним и проверил у девочки пульс. Сердце бешено колотилось. Он ввел ей либриум, потом еще раз. И еще раз. После этого Каррас отправился на кухню и сел рядом с Крис за стол, чтобы выпить чашечку кофе. Крис просматривала одну из книг Мэррина, которые по ее просьбе были доставлены на дом.

— Мне это недоступно, — тихо сказала она. Однако по ее виду можно было догадаться, что книга ей очень понравилась.

Она перелистала назад несколько страниц, нашла отмеченное место и передала книгу Каррасу. Он прочитал:

«...У нас есть установившееся мнение относительно порядка, постоянства и обновления материального мира, окружающего нас. Хотя каждая часть его преходяща и все элементы его движутся, все же он связан законом постоянства, и хотя он постепенно умирает, он так же постоянно и возрождается. Исчезновение одного только лишь дает рождение другим, и смерть — это появление тысячи новых жизней. Каждый час бытия свидетельствует о том, как преходяще и как одновременно с этим твердо и велико сие грандиозное существование единства. Оно подобно отражению в воде: всегда одно и то же, хотя вода течет. Солнце заходит, чтобы снова взойти, ночь поглощает день, чтобы он снова родился из нее, такой же ясный, словно никогда и не угасал. Весна становится летом, а потом, пройдя лето и осень, — зимою, но тем яснее и ближе становится ее возвращение, которое все равно восторжествует над холодом, хотя к холоду весна стремится уже с самого первого своего мгновения. Мы горюем о майских цветах, потому что они непременно завянут, но мы знаем, что однажды май непременно возьмет вверх над ноябрем, и этот круговорот никогда не остановится. Это учит нас надеяться и никогда ни в чем не отчаиваться...»

— Да, это красиво,— тихо сказал Каррас, не отрывая взгляда от книги.

Сверху послышался крик беса:

— Негодяй! Подонок! Набожный лицемер!..

— Она всегда клала мне розу на тарелку... утром... перед тем, как мне уходить на работу.

Каррас вопросительно посмотрел на Крис.

— Регана,— пояснила она и опустила глаза.— Я совсем забыла, что вы ее раньше никогда не видели.— Крис высморкалась и коснулась пальцами век.

— Вам налить немного бренди в кофе, отец Каррас?— спросила она, силясь придать голосу бодрость.

— Спасибо, не нужно.

— А для меня просто кофе не подходит,— прошептала она.— Я налью себе бренди, если вы не возражаете.

Крис вышла из кухни.

Оставшись один, Каррас мелкими глотками допил свой кофе. Ему было тепло в свитере, надетом под рясу. То, что он не смог успокоить Крис, слегка расстроило его. Он вдруг вспомнил свое детство, и ему стало грустно. У него жила собачонка Джинджер, простая дворняга, которая однажды заболела и лежала в ящике прямо в его комнате. Ее все время лихорадило и рвало, и Каррас укрывал ее полотенцами, заставлял пить теплое молоко. Потом пришел сосед и сказал, что собака больна чумкой. Он покачал головой и добавил: «Надо было сразу же делать уколы». Однажды он вышел из школы... на улицу... они шли парами... И на углу его ждала мать... она была очень грустная... потом она взяла его за руку и вложила в нее монетку в полдоллара... он тогда еще обрадовался: так много денег!.. и тут же раздался ее голос, мягкий и нежный: «Джинджер больше нет...»

Он посмотрел на горькую черноту в чашке и ощутил холод утраты.

— Проклятый святоша!!!

Бес все еще был в бешенстве.

«Надо было сразу же делать уколы».

Каррас вернулся в спальню Реганы и удерживал ее, пока Шарон делала укол либриума. Доза на этот раз составляла пятьсот миллиграммов.

Шарон прижала тампон к месту укола, и тут Каррас изумленно взглянул на Регану. Ругательства на этот раз относились не к ним, а к кому-то другому, кто был невидим и находился далеко отсюда.

— Я сейчас вернусь,— сказал он Шарон и спустился на кухню, где в одиночестве за столом сидела Крис, подливая себе в кофе бренди.

— Вы не передумали, святой отец? — спросила она.

Он отрицательно покачал головой и устало опустился на стул.

— Вы разговаривали с ее отцом?

— Да, он звонил.— Молчание.— Он хотел поговорить с Рэгс.

— И что же вы ему сказали?

— Я сказала, что она ушла в гости.

Снова тишина. Каррас взглянул на Крис и увидел, что она смотрит на потолок. Он заметил, что крики наверху наконец смолкли.

— Мне кажется, либриум подействовал,— с удовлетворением произнес Каррас.

В дверь позвонили. Он посмотрел на Крис, и она уловила догадку в его глазах.

К и н д е р м а н?

Потянулись долгие секунды. Они ждали. Уилли отдыхала, Шарон и Карл были еще наверху. Крис резко поднялась и пошла в комнату. Она приподняла занавеску и посмотрела в окно на незваного гостя. Слава Богу! Это не Киндерман. Вместо детектива она увидела высокого пожилого мужчину в поношенном плаще. Склонив голову, он терпеливо ждал под дождем, держа в руках старомодный, потертый чемоданчик.

Звонок прозвенел еще раз.

К т о о н?

Удивленная Крис пошла к выходу, приоткрыла дверь и высунулась в темноту.

— Я вас слушаю.

Поля шляпы скрывали глаза незнакомца.

— Миссис Макнейл? — раздался его голос. Он был чистым, мягким и вместе с тем достаточно уверенным.

Старик снял шляпу, и Крис увидела глаза, которые ошеломили ее. Умные и добрые, они словно сияли и были наполнены пониманием и состраданием. Они излучали тепло, и источник этой целительной энергии был одновременно в них самих и вовне, и поток этот не имел границ.

— Я — отец Мэррин.

Секунду она непонимающе смотрела на него, на его ху-

дое лицо аскета, на рельефные, тщательно выбритые скулы, а потом поспешно распахнула дверь:

— О Боже! Пожалуйста, входите! О, входите! Видите ли, я... В самом деле! Я не знаю, где мои...

Он вошел в дом, и она закрыла дверь.

— То есть я хочу сказать, что я ждала вас только завтра утром!

— Да, я знаю,— услышала она в ответ. Крис обернулась и увидела, что отец Мэррин стоит, склонив голову набок, и смотрит вверх, как будто слышит что-то, нет, чувствует чье-то невидимое присутствие... Какие-то отдаленные вибрации, которые ему давно знакомы. Она с удивлением наблюдала за пришельцем.

— Можно я помогу вам, святой отец? Мне кажется, ваш багаж слишком тяжел.

— Спасибо,— мягко ответил он.— Этот чемодан — как часть меня самого: такой же старый... и потрепанный.— Отец Мэррин опустил глаза, и в них мелькнуло что-то совсем доброе и ласковое.— Я привык к грузу... Отец Каррас здесь?

— Да, он на кухне. Кстати, вы сегодня обедали, святой отец?

Послышался скрип открываемой двери.

— Да, я поел в поезде.

— Вы не хотите еще перекусить?

Через секунду дверь закрыли.

— Нет, спасибо.

— Этот противный дождь,— сокрушалась Крис.— Если бы я только знала, что вы приедете, я бы вас встретила на вокзале.

— Это не важно.

— Вы долго искали такси?

— Всего несколько минут.

— Все равно я перед вами виновата, святой отец!

С лестницы быстро спустился Карл, взял из рук священника чемодан и понес его через зал.

— Вам приготовлена постель в кабинете, святой отец,— засуетилась Крис.— Там очень удобно, я подумала, что вы любите, когда вас не беспокоят. Я провожу.— Она шагнула вперед и остановилась.— Или, может быть, вы хотите повидать отца Карраса?

— Прежде всего я хотел бы повидать вашу дочь,— сказал Мэррин.

Она удивилась.

- Ну, если...

И тут Крис вздрогнула, услышав, как сверху раздался приглушенный яростный крик беса. Он был похож на вопль заживо похороненного человека.

— Мэр-р-р-ри-и-и-и-и-н-н-н!!!

За этим последовал глухой удар, потрясший стены спальни.

— О, Боже всемогущий! — Крис прижала руки к груди и онемела от ужаса. Священник не шевелился. Он смотрел вверх, напряженно и сосредоточенно, и в глазах его не было и намека на удивление. Даже больше, отметила про себя Крис, он, похоже, узнавал этот голос.

Еще один удар потряс стены.

— Мэр-р-р-и-и-и-н-н-н-н-н-н!!!

Иезуит медленно двинулся вперед, не обращая внимания ни на Крис, ни на Карраса, внезапно появившегося в дверях кухни. Жуткие удары о стены не прекращались. Отец Мэрин хладнокровно подошел к лестнице, и рука его, тонкая и изящная, будто вылепленная из гипса, легко заскользила вверх по перилам.

Каррас подошел к Крис и вместе с ней наблюдал, как Мэррин вошел в спальню Реганы и закрыл за собой дверь. Несколько секунд было тихо. Внезапно раздался резкий хохот дьявола, и Мэррин вышел из комнаты. Он закрыл за собой дверь и пошел в зал. Дверь в спальню снова открылась, оттуда выглянула удивленная Шарон.

Иезуит быстро спустился по лестнице и протянул руку Каррасу, ждавшему его внизу.

— Отец Каррас...

— Здравствуйте, святой отец.

Мэррин стиснул руку Карраса и серьезно посмотрел ему в глаза.

Сверху доносились дикий хохот и ругательства в адрес Мэррина.

— Вы очень плохо выглядите, — сказал Мэррин. — Вы устали?

— Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

— У вас есть с собой плащ?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Тогда возьмите мой,— сказал седовласый иезуит, растегивая плащ.— Я попросил бы вас принести мне рясу, два стихаря, орарь, немного святой воды и два экземпляра «Ритуала».— Он протянул плащ изумленному Каррасу.— Мне кажется, надо начинать.

Каррас нахмурился:

— Что вы имеете в виду? Прямо сейчас?

— Да, именно так.

— Может быть, вы сначала хотите послушать ее историю, святой отец?

— Зачем?

Мэррин непонимающе поднял брови.

Каррас понял, что ему нечего на это ответить, и отвел взгляд от чистых бесхитростных глаз.

— Хорошо,— ответил он.— Я сейчас все принесу.

Мэррин посмотрел на Крис.

— Вы не возражаете, если мы начнем сразу же? — тихо спросил он.

Она смотрела на него и чувствовала, как все ее существо наполняется облегчением, решимостью и уверенностью. Эти чувства обрушились внезапно, как гром среди ясного неба.

— Вы, наверное, устали, святой отец? Не хотите ли чашечку кофе? Его только что заварили.— Голос ее звучал настойчиво, и в то же время в нем прослушивались нотки мольбы.— Он горячий. Не хотите, святой отец?

Мэррин заметил ее усталые глаза и то, как она нервно сжимала и разжимала кулаки.

— Да, с удовольствием,— тепло сказал он.— Спасибо. Если только вас это не затруднит.

Крис провела его на кухню, и через минуту он уже держал в руке чашку с черным кофе.

— Хотите, я налью в кофе немного бренди, святой отец?

Мэррин склонил голову и ровным голосом произнес:

— Врачи не разрешают.— И добавил, протягивая ей чашку: — Но, слава Богу, воля у меня слабая.

Крис увидела веселую искорку в его глазах и налила ему бренди.

— Какое у вас чудесное имя,— сказал он.— Крис Макнейл. Это не псевдоним?

Она налила себе немного бренди и покачала головой.

— Нет, мое настоящее имя не Эсмеральда Глюттц.

— Ну и слава Богу,— пробормотал Мэррин.

Крис улыбнулась.

— А что такое Ланкэстер, святой отец? Такое необычное имя. Вас называли в чью-нибудь честь?

— В честь грузового судна. Или в честь моста. Да, помнится, это был мост.— Он задумался, потом продолжил: — Дэмьен! Как бы мне хотелось, чтобы меня звали Дэмьен! Это имя священника, который посвятил свою жизнь прокаженным острова Молокай. В конце концов он сам заболел. Прекрасное имя. Я считаю, что если бы меня звали Дэмьен, я даже согласился бы на фамилию Глютц.

Крис засмеялась, и ей стало легче. Некоторое время они разговаривали с Мэррином о домашних делах и разных мелочах. В дверях появилась Шарон. Мэррин встал, как будто только и ждал ее появления, отнес кружку в мойку, ополоснул ее и аккуратно поставил в сушилку.

— Спасибо, кофе был очень вкусный, как раз то, что надо.

— Я провожу вас в вашу комнату.

Он поблагодарил и пошел за ней к кабинету.

— Если вам что-нибудь понадобится, святой отец, скажите мне.

Он положил ей руку на плечо и ободряюще сжал его. Крис почувствовала, как в нее вливаются сила и тепло. И покой. Она явно ощутила покой! И еще одно странное чувство... безопасности.

— Вы очень добры.— Ее глаза улыбались.— Благодарю вас.

Он опустил руку и посмотрел ей вслед. Но как только Крис скрылась, лицо его исказилось от боли. Мэррин вошел в кабинет и тщательно закрыл дверь. Из кармана брюк он достал коробочку с надписью «аспирин», открыл ее, вынул оттуда таблетку нитроглицерина и осторожно положил ее под язык...

Крис прошла на кухню. Прислонившись к двери, она смотрела на Шарон, которая стояла у плиты и, положив руки на кофейник, ждала, когда подогреется кофе.

— Послушай, дружок, почему ты не хочешь отдохнуть? — озабоченно спросила Крис.

Молчание. Казалось, Шарон была погружена в размышления. Потом она повернулась и уставилась на Крис.

— Извини. Ты что-то сказала?

Крис заметила какое-то напряжение в ее лице.

— Что произошло наверху, Шарон?

— Где произошло?

— В комнате. Когда туда вошел отец Мэррин.

— Ах, да...— Шарон нахмурилась.— Да. Это было забавно.

— Забавно?

— Странно. Они только...— Она запнулась.— Ну, в общем, они молча посмотрели друг на друга, а потом Регана, то есть это существо, сказала...

— Что сказала?

— Оно сказала: «На этот раз ты проиграешь».

— А потом?

— Это все,— ответила Шарон.— Отец Мэррин повернулся и вышел из комнаты.

— А как он при этом выглядел? — спросила Крис.

— Забавно.

— О Боже, Шарон, оставь в покое это слово! — вспыхнула Крис и хотела добавить еще что-то, но вдруг заметила, как Шарон склонила голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

Бес внезапно прекратил бушевать, и еще... что-то тревожное и тягостное разливалось в воздухе вокруг них.

Женщины уставились друг на друга.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила Шарон.

Крис кивнула. Дом. Что-то было в самом доме. Напряжение. Воздух постепенно сгущался, в нем явно угадывалась пульсация, вибрация какой-то посторонней энергии.

Звонок у входной двери вывел их из оцепенения.

— Я открою.

Шарон пошла в холл и открыла дверь. Вернулся Каррас и принес с собой картонную коробку из-под белья.

— Спасибо, Шарон.

— Отец Мэррин в кабинете,— сообщила она Дэмьену.

Каррас осторожно постучал и вошел, неся коробку на вытянутых руках.

— Извините, святой отец,— сказал он.— Я немного...

Каррас неожиданно остановился. Мэррин, одетый в брюки и рубашку с короткими рукавами, стоял на коленях у кровати и молился, опустив голову на сложенные руки. Каррас секунду стоял неподвижно, как будто вдруг очутился в детстве и увидел себя, бегущего куда-то вперед с перекинутой через руку рясой дьячка.

Он перевел взгляд на коробку из-под белья, на еще не просохшие капельки дождя. Потом медленно подошел к дивану и молча выложил на него содержимое коробки. Закон-

чив эту процедуру, он снял плащ и аккуратно повесил его на стул, взял стихарь из белой материи и стал надевать поверх рясы. Он услышал, как Мэррин встал и сказал:

— Спасибо, Дэмьен.

Каррас повернулся к нему, поправляя одежду. Мэррин подошел к дивану и оглядел принесенные вещи.

Каррас взял в руки свитер.

— Я подумал, может быть, вы наденете под рясу вот это, святой отец? — сказал он, протягивая его Мэррину. — В комнате иногда становится очень холодно.

Мэррин дотронулся до свитера.

— Вы очень внимательны, Дэмьен.

Каррас взял с дивана рясу Мэррина и молча наблюдал, как тот надевает свитер. Только теперь он ощутил величие, силу этого человека, этой минуты, тишины дома, которая сейчас давила и душила его.

Он опомнился, когда почувствовал, что Мэррин тянет у него из рук рясу.

— Вы знакомы с правилами ритуала, Дэмьен?

— Да, — коротко ответил Каррас.

Мэррин начал застегиваться.

— Особенно важно не вступать с бесом в разговоры...

Бес с. «Он произнес слово как бы между прочим», — подумал Каррас. Именно это и поразило его.

— Мы можем спрашивать только очень немного, — сказал Мэррин, застегивая пуговицу на воротнике. — И помните, что все излишнее — чрезвычайно опасно. — Он взял стихарь и надел его поверх рясы. — Ни в коем случае не прислушайтесь к тому, что он говорит. Бес — лжец. Он будет лгать, чтобы смутить нас, но при этом будет подмешивать к своей лжи долю правды. Это психологическая атака, Дэмьен. И очень серьезная. Не слушайте его. Помните об этом и не слушайте.

Каррас передал ему епитрахиль*, и Мэррин спросил:

— Вы еще что-то хотите узнать, Дэмьен?

Каррас отрицательно покачал головой.

— Нет, но я думаю, что вам стоит познакомиться с разными личностями, которыми одержима Регана. Пока что их три.

— Всего одна, — мягко ответил Мэррин, поправляя одежду. На секунду он крепко сжал епитрахиль, и на лице его

* Элемент облачения священника (примеч. пер.).

появилось мучительное выражение страдания и боли. Потом он взял «Ритуал» и дал один экземпляр Каррасу.

— Литании святым мы пропускаем. У вас есть святая вода?

Каррас вынул из кармана маленький пузырек, заткнутый пробкой. Мэррин взял его и кивнул в сторону двери:

— Идите, пожалуйста, первым, Дэмьен.

Наверху в напряженном ожидании стояли Крис и Шарон. На них были надеты теплые кофты и свитеры. При звуке открываемой двери они повернулись и, глядя вниз, увидели, что к лестнице идут Каррас и Мэррин.

«Высокие,— подумала Крис,— какие они высокие и величественные!»

Наблюдая за тем, как Каррас подходит все ближе и ближе, Крис возликовала. Ко мне на помощь пришел мой старший брат, и берегись теперь, проклятый й! Она ощутила сильное сердцебиение.

Около двери в комнату иезуиты остановились. Увидев теплую одежду Крис, Каррас нахмурился.

— Вы тоже собираетесь пойти туда?

— Мне показалось, что так будет лучше.

— Не надо, прошу вас,— принялся убеждать ее Каррас.— Не надо. Вы совершите большую ошибку.

Крис вопросительно посмотрела на Мэррина.

— Отцу Каррасу виднее,— спокойно ответил тот.

— Хорошо,— в отчаянии произнесла она и прислонилась к стене.— Я буду ждать здесь.

— Какое второе имя у вашей дочери? — спросил Мэррин.

— Тереза.

— Прекрасное имя.— Мэррин ободряюще посмотрел ей прямо в глаза, потом перевел взгляд на дверь. Крис вновь почувствовала какое-то напряжение, будто темнота сгущалась и давила на нее. Изнутри. Оттуда, из спальни.

— Все в порядке,— тихо произнес Мэррин.

Каррас открыл дверь и сразу же отшатнулся от волны зловония и ледяного холода. В углу комнаты, сгорбившись на стуле, сидел Карл. На нем был старый зеленый охотничий костюм. Карл вопросительно посмотрел на Карраса. Иезуит перевел взгляд на беса, чей яростный взгляд сверлил фигуру Мэррина.

Каррас подошел к кровати и встал в ногах у беса, а Мэррин, высокий и стройный, подошел сбоку. Он остановился и склонился над кроватью.

Гнетущая тишина воцарилась в комнате. Регана облизнулась распухшим, почерневшим языком. Раздался звук, похожий на шорох пергамента.

— Ну что, чирей проклятый, — проскрипел бес. — Наконец-то! Наконец-то ты явился собственной персоной!

Старый священник поднял руку и перекрестил кровать, а потом и всю комнату. Повернувшись, он открыл пузырек со святой водой.

— Ах, ну да! Вот и святая моча! — зарычал бес. — Семя святых!

Мэррин поднял пузырек, и лицо беса исказилось от злости.

— Давай же.

Мэррин начал разбрызгивать воду. Бес вскинул голову и затрясся от ярости.

— Давай, продолжай! Валяй, Мэррин! Вымочи нас! Потопи нас в своем поту! Ведь твой пот священный, святой Мэррин! А теперь нагнись и испусти немного благовония!

— Молчи!

Слово вылетело, как стрела. Каррас резко повернул голову и с удивлением посмотрел на Мэррина, который повелевающе глядел на Регану. Бес замолчал. Он тоже смотрел на Мэррина, и в глазах его мелькнуло сомнение. Бес насторожился.

Мэррин закрыл пузырек, встал на колени у кровати, закрыл глаза и начал читать «Отче наш».

Регана плюнула, желтоватый комок слюны попал в лицо Мэррина и начал медленно сползать по щеке.

— ...Да придет царствие Твое. — Мэррин достал из кармана платок и не спеша вытер с лица плевки. — И не введи нас во искушение.

— Но избави нас от лукавого, — подхватил Каррас и коротко взглянул на Регану.

Ее глаза закатились так, что были видны одни белки. Каррас встревожился, почувствовав усилившийся в комнате холод. Он вернулся к тексту и стал следить за молитвой.

— Бог и Отче наш, я взываю к святому имени Твоему, молю о милосердии Твоем, сжался и помоги мне одолеть врага Твоего, который измывается над созданием Твоим, помоги мне, Боже, — продолжал молиться Мэррин.

— Аминь, — произнес Каррас.

— Боже, создатель и защитник рода человеческого, сжался, смилуйся над рабой Твоей, Реганой-Терезой Мак-

нейл, чьи душа и тело находятся в лапах врага нашего, искушителя, который...

Каррас услышал, что Регана зашипела, и взглянул на нее. Она выпрямилась, закатила глаза и быстро задвигала языком. При этом голова ее тоже двигалась, как у кобры.

Каррас снова ощутил беспокойство и снова заглянул в текст.

— Спаси рабу Твою, — молился Мэррин, читая «Ритуал».

— Которая верует в Тебя, Господи, — отзывался Каррас.

— Пусть же она найдет защиту в Тебе...

— И избавь ее от врага...

Мэррин продолжал читать молитву.

Вдруг Каррас услышал испуганный крик Шарон. Он быстро повернулся и увидел, что та в оцепенении уставилась на кровать. Каррас обернулся назад и обомлел. Передняя часть кровати медленно отрывалась от пола!

Он не верил своим глазам. Четыре дюйма. Полфута. Фут. Потом начали подниматься и задние ножки.

— Gott in Himmel!* — в ужасе прошептал Карл.

Кровать поднялась еще на фут и зависла в воздухе, медленно покачиваясь и кренясь, будто плавала по поверхности тихого озера.

— Отец Каррас! — послышался сзади шепот.

Регана извивалась и шипела.

— Отец Каррас!

Дэмыен обернулся. Мэррин смотрел на него в упор, кивком указывая на «Ритуал», который Каррас держал в руках.

— Ответьте, пожалуйста, Дэмыен.

Каррас недоуменно посмотрел на него.

— Не позволяйте же бесу возыметь власть над нею, — тихо и уверенно повторил Мэррин.

Каррас торопливо заглянул в книгу и с гулко бьющимся сердцем прочитал ответ:

— И пусть порожденный несправедливостью не сможет причинить ей зла.

— Господи, услышь мою молитву, — продолжал Мэррин.

— Да придет вопль мой пред лице Твое.

— Господь с нами!

— И с душами нашими!

Мэррин начал читать следующую молитву, и Каррас опять посмотрел на кровать. Дрожь пробежала по всему те-

* Боже праведный! (Нем.)

лу. Она там! Она там! Прямо передо мной! Вот она! Он услышал, как открылась дверь, и оглянулся. Шарон и Крис, вбежав в комнату, остановились как вкопанные, все еще не веря своим глазам.

— Боже мой!

— ...Всемогущий Боже, Господи...

Мэррин поднял руку и будничным жестом три раза перекрестил лоб Реганы, продолжая читать молитву из «Ритуала»:

— ...Который послал своего сына единокровного сражаться против врага нашего...

Шипение прекратилось, и из перекошенного рта Реганы исторгся душераздирающий бычий рев.

— ...вырви из когтей торжествующего дьявола рабу Твою, созданную по образу и подобию Твоему...

Мычание становилось все сильнее, заставляло тело содрогаться, проникало в каждую клеточку, в каждый нерв.

— Господи, создатель наш, отец наш... — Мэррин спокойно вытянул руку и прижал ораль * к шее Реганы: — И сатана был низвергнут с небес и упал на землю, повергая в ужас...

Рев прекратился. Комната заполнилась тишиной. Потом обильная и зловонная рвота ровными толчками поползла из рта Реганы, покрывая ее лицо толстым слоем и стекая, как лава, на руки Мэррина.

— Протяни руку свою, изгони злого беса из Терезы-Реганы Макнейл, которая...

Каррас смутно слышал, как дверь снова открылась, и Крис вылетела из комнаты.

— Выгони его, преследующего невинных...

Кровать начала медленно раскачиваться, накренилась и стала двигаться вверх-вниз, а потом вправо-влево, но Мэррину удалось приспособиться и к этим движениям. Он плотно прижимал ораль к шее Реганы, которую все еще рвало.

— Пополни дух наш отвагой, чтобы мы смогли смело сражаться с нечистым...

Неожиданно кровать замерла. Каррас увидел, как она спокойно, подобно перышку, заскользила вниз и с приглушенным стуком опустилась на коврик.

— ...Господи, дай нам силу... Услышь мою молитву, — тихо произнес Мэррин.

Он сделал шаг назад, и комната затряслась от его приказа:

* Длинная лента, элемент дьяконского облачения.

— Я изгоняю тебя, нечистый дух, и всякую сатанинскую силу! Все порождение ада!

Мэррин, встряхнув рукой, сбросил комки рвоты на коврик:

— Это Христос приказывает тебе, чье слово умирляет ветер и море! Тот, кто...

Регану перестало рвать. Она сидела молча и смотрела на Мэррина. Стоя в ногах кровати, Каррас с напряжением наблюдал за всем происходящим, его потрясение понемногу стало проходить, но в мозгу с новой силой вспыхнули сомнения. Он вспомнил сеансы спиритизма, психокинез, силу мысли и напряжения у подростков и нахмурился. Потом подошел к кровати и взял Регану за запястье. И тут же понял, что опасения его были не напрасны. Пульс у Реганы возрос до невероятной частоты. Каррас считал удары, глядя на свои часы, и не мог поверить, что сердце способно выдержать такой ритм.

— Это Он приказывает тебе, Тот, Кто сверг тебя с небес!

Властные заклинания Мэррина отдавались эхом в сознании Карраса, а в это время пульс Реганы неумолимо продолжал учащаться. Все быстрее и быстрее билось ее сердце. Тонкие струйки пара поднимались от рвоты вверх. Каррас приглядывался и почувствовал, как волосы у него на голове становятся дыбом. Очень медленно, как в кошмарном сне, сантиметр за сантиметром, голова Реганы начала поворачиваться, вращаться, как у куклы, шея при этом хрустела, как старый, несмазанный механизм, и ее страшные, сверкающие глаза уставились прямо на него.

— ...и посеми трепещи в страхе, Сатана...

Голова медленно повернулась назад, в сторону Мэррина.

— ...ты, попирающий справедливость! Породитель смерти! Предатель рода человеческого! Ты, отбирающий жизнь, ты...

Каррас устало огляделся по сторонам. Накал в лампах неожиданно ослаб, и они очутились в страшном, мигающем полумраке. Дэмьена передернуло. Становилось все холоднее и холоднее.

— ...ты, повелевающий убийцами, ты, враг...

Приглушенный удар потряс комнату. Потом еще один. Затем стал слышен ритмичный стук, сотрясающий стены и пол и раскалывающий потолок. Стук этот словно пытался войти в ритм с биением бесовского сердца.

— Уходи прочь, чудовище! Твоя доля — быть в изгнании! Твое жилище — в гнезде гадюк! Ползай же, подобно им! Сам Бог повелевает тебе! Кровь и...

Стук усилился, удары раздавались все чаще и чаще.

— ...Приказываю тебе...

И еще чаще.

— ...именем судьи всех живых и мертвых, именем создателя...

Шарон вскрикнула, зажимая уши руками. Удары стали оглушительными и раздавались с бешеной скоростью.

Пульс у Реганы стал таким частым, что его невозможно было подсчитать. С другой стороны кровати подошел Мэррин и медленно перекрестил грудь Реганы, покрытую слоем рвоты. Его молитва была полностью заглушена грохотом.

Неожиданно Каррас почувствовал, что сердцебиение стало уменьшаться. Когда Мэррин перекрестил Регане лоб, грохот прекратился, словно по мановению безумного дирижера.

— Господи, повелитель на земле и в небесах, Господи, властелин над всеми ангелами и архангелами... — Каррас прислушивался к молитве, а пульс становился все реже и реже...

— Гордец, скотина Мэррин! Подонок! Ты все равно проигрываешь! Она умрет! Поросяенок сдохнет!

Мерцающий туман поредел. Бес вновь с ненавистью накинулся на Мэррина:

— Развратная гадина! Еретик! Заклинаю тебя: повернись, посмотри на меня! П о с м о т р и н а м е н я , д р я н ь ! — Бес дернулся и плюнул в лицо Мэррину, зашипев: — Вот так твой хозяин исцеляет слепых!

— Господи, создатель всего живого... — молился Мэррин, доставая в то же время платок и вытирая лицо.

— Последуй теперь его примеру, Мэррин! Давай же! Соверши чудо... Исцели поросенка, святой Мэррин!

— ...Освободи рабу свою...

— Лицемер! Тебе же плевать на свинью! Тебе на всех плевать! Ты отдал ее нам на растерзание!

— ...Я смиренно...

— Врешь! Ты врешь! Расскажи нам, где ты растерял свою смиренность? В пустыне? На развалинах? В могилах, куда ты позорно сбежал от своих друзей? Куда ты нагло смылся? Как ты смеешь разговаривать после этого с людьми, ты, вшивая блевотина!..

— ...отпусти...

— Твое место в гнезде у павлина, Мэррин! Твоя участь — остаться наедине с самим собой! Уединись где-нибудь подальше и поговори сам с собой, ведь тебе больше нет равных!

Мэррин продолжал молиться, не обращая внимания на поток оскорблений.

Каррас попытался сосредоточиться на тексте. Мэррин читал отрывок из Библии:

— «...он сказал «легион», потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелевал им идти в бездну. Тут же на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней, и брошилось стадо из крутизны в озеро, и потянуло, и...»

— Уилли, у меня для тебя хорошие вести! — заскрипел бес. Каррас поднял глаза и увидел в дверях Уилли, которая тут же замерла, держа в руках ворох простыней и полотенца. — Я облегчу твои страдания, — загремел голос беса. — Эльвира жива! Она ж и в а! Она а...

Уилли уставилась на него, а Карл закричал:

— Нет, Уилли, нет!

— Она наркоманка, Уилли, совершенно безнадежная...

— Уилли, не слушай! — кричал Карл.

— Сказать тебе, где она живет?

— Не слушай! Не слушай! — Карл попытался вытолкнуть Уилли из комнаты.

— Сходи, навести ее в праздник, Уилли, удиви ее! Сходи...

Неожиданно бес замолчал и внимательно посмотрел на Карраса, который, подсчитав пульс Реганы и найдя его нормальным, решил, что можно ввести немного либриума. Он попросил Шарон приготовить все для инъекции.

Шарон кивнула и быстро отошла к кровати, Регана с воплем «Потаскуха!» обдала ей лицо рвотой.

Шарон остановилась как вкопанная, и тут появилась личность Дэннинга и заорала:

— Проклятая шлюха!

Шарон вылетела из комнаты.

Новая личность скорчила недовольную физиономию, огляделась и спросила:

— Может быть, кто-нибудь откроет окно? Пожалуйста! Здесь такая жуткая вонища! Это просто...

— О нет-нет, не надо,— вдруг передумав, продолжал тот же голос.— Ради Бога, не делайте этого, а то еще кого-нибудь к черту угробят!— Потом Дэннингс засмеялся, подмигнул Каррасу и исчез.

— ...это он изгоняет тебя...

— Неужели, Мэррин? Да неужели?— Снова появился бес, и Мэррин молился, время от времени перекладывая ораль и крестя Регану. Бес снова принялся ругать его.

«Слишком долго длится этот приступ,— подумал Каррас.— Слишком уж он затянулся».

— А, вот и свиноматка появилась!— засмеялся бес.

Каррас повернулся и увидел, что к нему приближается Крис со шприцем и тампоном. Она пыталась не смотреть на него.

— Шарон переодевается, а Карл...

Каррас перебил ее коротким: «Хорошо», и она подошла с ним к кровати.

— Да-да, посмотри на свое произведение, мама-свинья! Подойди сюда!— захихикал бес.

Крис изо всех сил пыталась не смотреть на Регану, не слушать ее, пока Каррас потуже привязывал руки девочки.

— Посмотри на эту блевотину!— взревел бес.— Ты довольна? Это все из-за тебя! Да! Это все из-за того, что карьера тебе важнее всего на свете, важнее мужа, важнее дочери, важнее...

Каррас оглянулся. Крис не шевелилась.

— Давайте же!— приказал он.— Не слушайте! Давайте!

— ...твой развод! Иди к священникам! Но они тебе не помогут!— У Крис затряслись руки.— Она сошла с ума! Она сошла с ума! Поросенок спятил! Это ты довела ее до сумасшествия и до убийства, и...

— Я не могу.— Лицо у Крис изменилось. Посмотрев на трясущийся шприц, она покачала головой.— Я не могу делать укол!

Каррас выхватил у нее шприц:

— Ладно, протрите руку! Протирайте! Вот здесь,— твердо приказал он.

Бес дернулся и, сверкая глазами от ярости, повернулся к нему.

— Кстати, и о тебе, Каррас!

Крис прижала тампон к руке и протерла нужное место.

— А теперь уходите!— решительно приказал Каррас, вонзая иглу в тело.

Крис вышла.

— Да, уж мы-то знаем, как ты заботишься о матерях, дорогой Каррас! — закричал бес. Иезуит отступил и некоторое время не мог шевельнуться. Потом вынул иглу и посмотрел на закатившиеся глаза. Из горла Реганы доносилось тихое, медленное пение, похожее на голос мальчика из церковного хора:

— *Tantum ergo sacramentum veneremur cernui...*

Это был католический гимн. Каррас стоял как вкопанный, пока продолжалось жуткое, леденящее кровь пение. Он поднял глаза и увидел Мэррина с полотенцем в руках. Аккуратно и очень осторожно он вытер рвоту с шеи и лица Реганы.

— *...et antiquum documentum..*

Пение продолжалось.

Чей же это голос? И эти обрывки: Дэннингс, окно...

Каррас не заметил, как вернулась Шарон и взяла полотенце из рук Мэррина.

— Я закончу, святой отец, — сказала она. — Уже все прошло. Перед компазином я бы хотела переодеть ее и немного привести в порядок. Можно? Вы не могли бы на минуточку выйти?

Священники вышли в теплый полутемный зал и устало прислонились к стене.

Каррас все еще прислушивался к страшному приглушенному пению, раздававшемуся из комнаты. Через несколько секунд он обратился к Мэррину:

— Вы говорили... вы говорили мне, что в ней только одна... новая личность.

— Да.

Они разговаривали, опустив головы, будто на исповеди.

— А все остальное — только формы приступов. Да, здесь всего... всего один бес. Я знаю, что вы сомневаетесь. Видите ли, этот бес... В общем, я один раз уже встречался с ним. Он очень могучий, очень.

Они снова помолчали, потом заговорил Каррас:

— Говорят, что бес... появляется помимо желания жертвы.

— Да, это так... это так. Он может появиться и там, где нет греха.

— Тогда какова цель одержимости? — спросил Каррас, хмурясь. — Отчего это происходит?

— Кто знает, — ответил Мэррин, задумался на секунду, потом продолжил: — Мне, однако, кажется, что цель беса — не сама жертва, а другие люди, мы... те, кто видит все это, кто живет здесь. И я думаю, я уверен — он хочет, чтобы мы отчаялись, потеряли человеческий облик и сами стали зверьми, подлыми, разложившимися личностями, забывшими о человеческом достоинстве. В этом, видимо, и весь секрет — дьяволу нужно, чтобы мы сами считали себя недостойными. Я думаю, что вера в Бога зависит не от разума, а от нашей любви, от того, считаем ли мы, что Бог любит нас...

Мэррин помолчал, а потом заговорил медленней, как бы вспоминая о чем-то:

— Он знает... бес знает, куда бить. Тогда, давно, я даже отчаялся любить ближнего своего. Некоторые люди... отталкивали меня. Это меня мучило, Дэмьен, и привело к тому, что я разочаровался в себе, после чего мог легко разочароваться и в своем Боге. Моя вера была расшатана.

Каррас с интересом посмотрел на Мэррина.

— И что же произошло потом? — спросил он.

— ...В конце концов я понял: Бог никогда не потребует от меня того, что невозможно с точки зрения психологии, что любовь, которая нужна ему, находится во мне, она в моих силах и совсем непохожа на обычные эмоциональные чувства. Совсем непохожа! Ему нужно было только, чтобы я делал все с любовью, делал даже для тех, кто отталкивает меня, — а ведь это требует от нас большой любви. — Он покачал головой. — Конечно, все ясно и так, сейчас я понимаю, Дэмьен. Но тогда не понимал. Странная слепота. Как много мужей и жен считают, что их любовь прошла, потому что сердца их не бьются в восторге при виде возлюбленного! Боже! — Он снова покачал головой. — Вот здесь-то и лежит ответ, Дэмьен... Одержимость. Не в войнах суть, как считают многие, и даже не в таких случаях, как этот... Эта девочка... бедный ребенок. Нет, главное в мелочах, Дэмьен... в бесчувственном, мелочном непонимании. Ну, ладно. Ведь и Сатана не нужен, чтобы началась война. Для этого достаточно нас самих... нас самих.

Из спальни все еще доносилось ритмичное пение. Мэррин взглянул на дверь и прислушался:

— А ведь даже от зла может исходить добро. Конечно, в каком-то смысле, который мы не можем ни понять, ни увидеть. — Мэррин помолчал. — Возможно, что зло — это суровое

испытание добра, — задумчиво продолжал он. — И, возможно даже Сатана, сам Сатана, не желая этого, делает что-то такое, что потом служит во благо добру.

— А если бес будет изгнан, — спросил Каррас, — какая гарантия, что он больше не вернется назад?

— Я не знаю, — ответил Мэррин, — не знаю. Но такого не случилось никогда. — Он приложил руку к лицу. — Дэмьен. Какое красивое имя.

Каррас почувствовал смертельную усталость в его голосе. И что-то еще. Какое-то усилие, которым он пытался подавить боль.

Неожиданно Мэррин шагнул вперед, извинился и, закрыв лицо руками, поспешил вниз, в ванную. Каррас же почувствовал откровенную зависть к сильной и искренней вере иезуита. Пение прекратилось. Чем же кончится эта ночь? Он глубоко вздохнул и вернулся в спальню. Регана заснула. «Наконец-то! — подумал Каррас. — И наконец-то можно отдохнуть».

Он нагнулся, взял ее худую руку и начал следить за секундной стрелкой часов.

— Почему так со мной поступили, Димми?

Дэмьен застыл от ужаса.

— Почему?

Каррас не мог сдвинуться с места, у него перехватило дыхание. Существо смотрело на него таким одиноким и обвиняющим взглядом. Глаза его матери! Его матери!

— Ты бросил меня, чтобы стать священником, Димми, ты думал, мне будет легче...

Не смотри!

— А теперь ты меня выгоняешь?

Это не она!

— Зачем ты это делаешь?

В висках застучало, к горлу подкатил комок. Он крепко зажмурился, а голос становился все более умоляющим и страшным.

— Ты же у меня хороший мальчик, Димми! Прошу тебя! Мне страшно! Не гони меня отсюда, Димми! Ну, пожалуйста!

Это не моя мать!

— Там, снаружи, нет ничего! Только темнота, Димми! Мне будет так одиноко! — Голос ее дрожал от слез.

— Ты не моя мать, — прошептал Каррас.

— Димми, прошу тебя!

— Ты не моя мать...

— О, ради Бога, Каррас!

Это уже был Дэннингс.

— Послушай, нехорошо гнать нас отсюда! В самом деле! То есть, что касается меня, я здесь нахожусь по справедливости. Сучка! Она отняла у меня тело, и мне кажется, что я по праву остался здесь, как ты думаешь? О, ради Христа, Каррас, посмотри на меня, а? Посмотри же! Мне не очень-то часто удастся поговорить. Ну, оглянись на меня!

Дэмьен заворуженно поднял глаза.

— Ну вот, так-то лучше. Послушай, она же меня убила! Не наш хозяин, Каррас, а она! Это точно! — Существо усердно затрясло головой. — Она! Я занимался своими делами возле бара, и мне вдруг послышалось, что кто-то стонет. Наверху. Я должен был посмотреть, что там ее беспокоило. Ну, я пошел к ней наверх, и эта стерва, представь себе, схватила меня за горло! Боже, никогда в своей жизни я не видел такой силы! Она начала орать, что я как-то надул ее мамашу, и что она развелась из-за меня, и еще что-то в этом роде. Я уж точно не помню. Но уверяю тебя, милый мой, что это она выкинула меня из проклятого окна. — Голос осекся и продолжал уже фальцетом: — Она убила меня! И теперь ты считаешь, что это честно — выгонять меня отсюда? Послушай, Каррас, ну-ка ответь! Ты считаешь, это честно? А?

Каррас сглотнул.

— Да или нет? — настаивал голос. — Честно?

— Каким образом... шея оказалась свернутой? — через силу выдавил из себя Каррас.

Дэннингс осторожно огляделся.

— Ну, это чистая случайность... Я ведь ударился о ступени, понимаешь... так что это случайность.

У Карраса пересохло в горле. Сердце бешено стучало. Он поднял руку Реганы и растерянно посмотрел на часы.

Снова появилась его мать:

— Димми, прошу тебя! Не оставляй меня одну! Если бы ты стал не священником, а доктором, мы жили бы в красивом доме, таком хорошем, Димми, без тараканов, я не осталась бы одна-одинешенька в квартире... И тогда...

В отчаянии он пытался не слушать, но голос молил:

— Димми, пожалуйста!

— Ты не моя мать...

— Боишься посмотреть правде в глаза, тварь вонючая? — Теперь появился бес. — Веришь тому, что говорит Мэрин? Веришь, что он святой и хороший? Нет, он не такой!

Он гордец и недостойн уважения! Я докажу тебе, Каррас! Я докажу это, убив поросенка!

Каррас открыл глаза, но все еще не осмеливался повернуть голову.

— Да, она умрет, и ваш Бог не спасет ее, Каррас! И ты не спасешь ее! Она умрет из-за его высокомерия и твоего невежества! Сапожник! Не надо было давать ей либриум!

Каррас обернулся и посмотрел в эти сверкающие победой глаза.

— Пощупай пульс! — усмехнулся бес. — Ну, Каррас! Пощупай пульс!

Каррас все еще держал Регану за руку и озабоченно хмурился. Пульс был частый и...

— Слабый? — засмеялся бес. — Ах, да! Но это ерунда. Пока что ерунда.

Каррас взял свой чемоданчик и достал стетоскоп. Бес закричал:

— Послушай ее, Каррас! Хорошенько!

Каррас услышал ее далекое и слабое биение сердца.

— Я не дам ей спать!

Каррас быстро взглянул на беса и похолодел.

— Да, Каррас! — хохотал он. — Она не будет спать. Ты слышишь? Я не дам поросенку заснуть!

Каррас онемел. Бес откинул голову и злорадно ухмыльнулся. Никто не заметил, как в комнату вернулся Мэррин, встал у кровати рядом с Каррасом и взглянул ему в глаза.

— Что такое? — спросил он.

Каррас глухо ответил:

— Бес сказал, что не даст ей спать. — И измученно посмотрел на Мэррина. — Сердце начало сбиваться в ритме, святой отец. Если она в скором времени не получит хоть немного отдыха, она умрет от сердечной недостаточности.

Мэррин встревожился.

— Вы можете ей дать какое-нибудь лекарство, чтобы она заснула?

Каррас покачал головой.

— Нет, это опасно. Может наступить кома.

Он повернулся к Регане, которая в это время начала кудахтать, как курица.

— Если давление упадет еще ниже... — Он не закончил фразу.

— Что можно сделать? — спросил Мэррин.

— Ничего... ничего, — ответил Каррас. — Я не знаю, может быть, есть какие-то новые средства. — И вдруг он добавил: — Я хочу пригласить специалиста-кардиолога, святой отец.

Мэррин кивнул.

Каррас спустился вниз. Из кладовой раздавались всхлипывания Уилли и голос Карла, пытающегося успокоить ее. Крис не спала и сидела на кухне, Каррас объяснил ей необходимость консультации, умолчав, однако, о той опасности, которая угрожала Регане. Крис согласилась, и Каррас позвонил приятелю, известному специалисту медицинского факультета Джорджтаунского университета, разбудил его и кратко изложил суть дела.

— Сейчас приеду, — ответил кардиолог.

Он прибыл примерно через полчаса и был очень удивлен обстановкой в комнате. С ужасом и состраданием смотрел он на Регану. Она бредила, то напевая, то издавая животные звуки. Потом появился Дэннингс.

— О, это невыносимо! — пожаловался он врачу. — Просто ужасно! Я надеюсь на вас, вы должны что-то сделать! Вы что-нибудь предпримете? Иначе нам некуда будет пойти, и все из-за... О, этот проклятый, упрямый дьявол!

Доктор удивленно поднял брови. Пока он измерял Регане давление, Дэннингс обратился к Каррасу:

— Какого черта вы здесь торчите? Вы что, не видите, что эту сучку нужно немедленно отправить в больницу? Ее место в сумасшедшем доме, Каррас! Теперь ты понимаешь, да? Давайте оставим в стороне все суеверия! Если она умрет, виноваты будете вы! Только вы! Если Он такой упрямый, это еще не значит, что и вы должны так же вести себя! Вы же врач! Вы должны понимать это, Каррас! И войдите в наше положение: сейчас с жильем очень трудно, и если мы...

Вернулся бес и завыл по-волчьи. Кардиолог хладнокровно упаковал свои инструменты и кивнул Каррасу. Обследование было закончено.

Они вышли в зал. Кардиолог на секунду оглянулся на дверь в спальню и повернулся к Каррасу.

— Что за чертовщина здесь происходит, святой отец?

— Я не могу объяснить вам, — честно признался Каррас.

— Ладно.

— Что вы нашли?

Доктор был мрачен:

— Она уже на пределе. Ей нужно выспаться... прежде чем упадет давление.

— Можем ли мы ей помочь, Билл?

— Молитесь,— ответил врач.

Он попрощался и ушел. Каррас смотрел ему вслед и каждой клеткой, каждым нервом молил об отдыхе, о надежде, о чуде, хотя знал, что чудес не бывает.

«...не надо было давать ей либриум!»

Он вернулся в спальню.

Мэррин стоял у кровати и смотрел на Регану, ржавшую по-лошадиному. Лицо у него было грустным, потом на нем отразились смирение и, наконец, твердая решимость. Мэррин встал на колени:

— Отче наш...— начал он.

Регана отрыгнула на него темную вонючую желчь и засмеялась:

— Ты проиграешь! Она умрет! Она умрет!

Каррас взял свою книгу и раскрыл ее. Потом стал наблюдать за Реганой.

— Спаси рабу Твою,— молился Мэррин.— Перед лицом опасности.

Сердце Карраса терзалось в отчаянии. Засни! Засни! — неустанно повторял он.

Но Регана не засыпала.

Ни на рассвете.

Ни днем.

Ни вечером.

Не заснула она и в воскресенье, когда пульс был уже сто сорок ударов в минуту и заметно ослаб. Приступы не прекращались. Каррас и Мэррин не переставая читали молитвы. Каррас пытался сделать все возможное: он использовал смирительную рубашку, чтобы свести движения Реганы до минимума, выгнал всех из комнаты, чтобы проверить: вдруг отсутствие посторонних лиц приостановит приступ. Но ничего не помогало. Крик Реганы становился все более слабым, как и она сама, давление, однако, не падало. Сколько это еще может длиться? Нервы у Карраса были на пределе.

Господи, не дай ей умереть! Не дай ей умереть! Ниспошли ей сон! Ниспошли ей сон!

В воскресенье, в семь часов вечера, Каррас, совершенно изможденный, сидел в спальне рядом с Мэррином. Он думал

о том, что ему не хватает веры, знаний, о том, что он ушел от матери, надеясь обрести положение в обществе. И о Регане. О своей ошибке. «...Не надо было давать ей либриум...»

Священники закончили очередной этап ритуала и теперь отдыхали, прислушиваясь к Регане. Она пела «Ранис Анжеликус».

Они редко покидали комнату. Каррас вышел только один раз, чтобы принять душ и переодеться. Однако при таком холоде бодрствовать было легко. Запах в комнате с утра изменился: теперь было похоже, что где-то поблизости находится гнилая, разложившаяся плоть. От спертости воздуха сильно тошнило. Лихорадочно следя за Реганой красными, утомленными глазами, Каррас вдруг услышал какой-то звук. Будто что-то скрипнуло. Потом еще раз. Как раз в тот момент, когда он моргнул. Потом до его сознания дошло, что звук доносится из-под его затвердевших век. Он повернулся к Мэррину. Слишком уж большой дефицит сна накопился в старом организме. Это в его-то возрасте! Мэррин сидел с закрытыми глазами, опустив подбородок на грудь. Каррас с трудом поднялся, подошел к кровати, проверил пульс Реганы и приготовился измерять давление. Оборачивая черную материю вокруг руки, он несколько раз подряд моргнул, чтобы прийти в себя: комната уже начала расплываться у него перед глазами.

— Сегодня мой праздник, Димми.

Сердце рванулось из груди. Потом он заглянул в глаза, которые принадлежали уже не Регане. Это были глаза его матери.

— Разве я не была к тебе добра? Почему ты бросил меня одну умирать, Димми? Почему? Почему? Почему ты...

— Д э м ь е н!

Мэррин крепко сжал его руку.

— Пожалуйста, идите отдохните немного!

У Карраса подкатил комок к горлу, и он молча вышел из спальни. Кофе? Да, он хотел бы выпить чашечку кофе. Но еще больше ему хотелось принять душ, побриться и переодеться.

Он вышел из дома, пересек улицу, вошел в подъезд и открыл дверь в свою комнату... Но как только он увидел свою постель...

Забудь о душе. Поспи. Хотя бы полчаса.

Едва он протянул руку к телефону, собираясь попросить,

чтобы его разбудили через тридцать минут, как телефон зазвонил сам.

— Да, я слушаю,— хрипло сказал он.

— Вас ожидают, отец Каррас. Некий мистер Киндерман. Задумавшись на секунду, Каррас ответил:

— Пожалуйста, скажите ему, что я сейчас выйду.

Повесив трубку, Каррас заметил на столе пачку сигарет «Кэмел». В ней торчала записка Дайера:

«В часовне нашли ключ от клуба Плейбой. Не твой ли, слушаем? Можешь взять его в приемной».

Каррас равнодушно отложил записку, переоделся в чистое белье и вышел из комнаты, забыв захватить сигареты.

В приемной он увидел Киндермана, увлеченного перестановкой цветов в большой вазе. Детектив, держа в руке розовую камелию, повернулся к Каррасу.

— А, святой отец! Отец Каррас! — Лицо детектива приняло выражение озабоченности. Он быстро воткнул цветок на прежнее место и подошел к Каррасу.

— Вы ужасно выглядите! В чем дело? Вот к чему приводит бег по стадиону! Бросьте вы это! Послушайте меня! Он взял Карраса за локоть и потянул его на улицу.

— У вас есть время? — спросил Киндерман, когда они вышли из приемной.

— Очень мало,— пробормотал Каррас.— А что случилось?

— У меня к вам небольшой разговор. Мне нужен ваш совет. Простой совет, ничего более.

— Какой совет.

— Одну минуточку.— Киндерман махнул рукой.— Давайте прогуляемся, подышим воздухом. Это так полезно.— Он повел иезуита через Проспект-стрит.— Посмотрите-ка вон туда. Как красиво! Просто великолепно! Нет, ей-Богу, вы плохо выглядите,— повторил он.— Что случилось? Вы не больны?

«Когда же он поймет, что происходит?» — подумал про себя Каррас, а вслух произнес:

— У меня много дел.

— Тогда отложите их,— засопел детектив.— Притормозите немного. Отдохните. Кстати, вы видели балет Большого театра? Они выступают в Уотергейте.

— Нет.

— И я не видел. Но мне очень хочется. Балерины так изящны... Это очень красиво!

Они прошли еще немного. Каррас взглянул в лицо Киндерману, который в задумчивости смотрел на реку.

— Что вы задумали, лейтенант? — спросил Каррас.

— Видите ли, святой отец, — вздохнул Киндерман. — У меня появилась проблема.

Каррас мимолетом взглянул на закрытое ставнями окно Реганы.

— Профессиональная проблема?

— Частично... только частично.

— Что случилось?

— Ну, в общем... — Киндерман замялся. — В основном это проблема этики. Можно сказать так... Отец Каррас... вопрос... — Детектив повернулся и, нахмурившись, прислонился к стене здания. — Я ни с кем не мог поговорить об этом, даже со своим капитаном, понимаете... Я не мог рассказать ему. Поэтому я подумал... — Его лицо неожиданно оживилось. — У меня была тетка... Это очень смешно. В течение многих лет она была просто в ужасе от моего дяди. Никогда не осмеливалась сказать ему слово; даже боялась взглянуть на него. Н и к о г д а! Поэтому когда она сердилась на него из-за чего-то, то пряталась в шкаф в своей спальне, и там, в темноте, — вы мне не поверите! — в темноте, среди одежды и моли, она ругалась. Ругалась! — на дядю! — в течение двадцати минут! И говорила все, что она о нем думает! Когда ей становилось легче, она выходила из своего шкафа, шла к дяде и целовала его в щечку. Как вы считаете, отец Каррас, это хорошо или плохо?

— Очень хорошо, — ответил, улыбаясь, Каррас. — Так что же, сейчас я ваш шкаф? Это вы имели в виду?

— В какой-то степени. — Киндерман в задумчивости посмотрел вниз. — В какой-то степени. Только здесь дело более серьезное, отец Каррас. — Он немного помолчал, затем добавил: — И шкаф должен говорить.

— У вас есть сигареты? — спросил Каррас. У него дрожали пальцы.

— В моем состоянии еще и курить?

— Ах, да... Конечно, нет... — пробормотал Каррас, прижимая ладони к стене. Перестаньте дрожать!

— Ну и доктор! Вы все еще сводите бородавки лягушками, доктор Каррас?

— Жабами, — мрачно ответил Каррас.

— Вы что-то сегодня совсем не в духе, — обеспокоился Киндерман. — Что-нибудь случилось?

Каррас молча покачал головой и тихо произнес:

— Продолжайте.

Детектив вздохнул и посмотрел на реку.

— Я говорил... — Он засопел, потом почесал лоб большим пальцем. — Я говорил, что... Ну, давайте предположим, что я работаю над одним делом, отец Каррас. Речь идет об убийстве.

— Дэннингс?

— Нет, я говорю чисто гипотетически. Считайте, что вы об этом ничего не знаете. Ничего.

Каррас согласно кивнул.

— Убийство похоже на ритуальное жертвоприношение, — хмуро продолжал детектив, медленно подбирая слова. — Давайте предположим, что в доме живут пять человек, и один из них — убийца. И я знаю об этом совершенно точно. — Он медленно повернул голову. — Но вот проблема... Все улики — понимаете? — указывают на ребенка, на маленькую девочку лет десяти, может быть, двенадцати... Далее... В этот дом приходит священник, очень известный, и, так как это дело чисто теоретическое, я, святой отец, чисто теоретически предположил, что священник вылечил однажды очень специфическую болезнь. Болезнь, кстати сказать, психическую.

Каррас почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— И еще здесь замешан сатанизм... плюс сила. Да, невероятная сила. И эта выдуманная девочка могла, например, свернуть взрослому человеку шею. Да, это ей было вполне под силу. — Он кивнул головой. — Да, да... Теперь вопрос. — Киндерман в задумчивости наморщил лоб. — Видите ли... Девочка здесь ни при чем. Она сумасшедшая. И всего лишь ребенок. Р е б е н о к! И все же ее болезнь... девочка может быть опасна. Она может убить кого-нибудь еще. Вот в чем проблема. Что делать? Я имею в виду, теоретически. Забыть об этом? Забыть и надеяться... — Киндерман замаялся, — на то, что она поправится? Или... Святой отец, я не знаю... Это ужасное решение, просто ужасное. И мне не хотелось бы принимать его. Как правильно поступить в таком случае? Я имею в виду теорию. Как вы считаете?

Некоторое время иезуит боролся со своими противоречивыми чувствами, злился на себя за то, что снова ощутил страшный груз. Потом, встретив прямой взгляд Киндермана, тихо ответил:

— Я бы оставил решение вопроса тем, кто более компетентен.

— Я полагаю, что они это сейчас и решают. Я знал, что вы мне именно так ответите. Ну, мне пора, а то миссис Киндерман начнет нервничать и твердить, что вот опять обед стынет! Спасибо вам, святой отец. Мне сейчас легче... гораздо легче. Да, кстати, вы мне не откажете в любезности? Если встретите человека по имени Энгстром, скажите ему: «Эльвира в больнице, у нее все в порядке». Он поймет. Передадите? Если, конечно, вы его встретите.

Каррас удивленно посмотрел на него.

— Обязательно, — сказал он. — Обязательно.

— Послушайте, а когда же мы с вами ходим в кино, святой отец?

Иезуит опустил глаза и пробормотал:

— Скоро.

— «Скоро». Вы, как тот раввин, который говорит о мессе всегда только «скоро». Послушайте, сделайте мне еще одолжение. Прекратите этот бег по стадиону, хотя бы ненадолго. Ходите, просто ходите. Сбавьте темп! Вы мне обещаете?

— Обещаю.

Детектив сунул руки в карманы и смиренно устался в землю.

— Понятно, — вздохнул он. — Скоро. Всегда только «скоро».

Перед тем, как уйти, Киндерман положил руку на плечо иезуиту и крепко сжал его.

— Элия Казан шлет вам поклон.

Некоторое время Каррас наблюдал, как он шел по улице. Наблюдал с удивлением. С любовью. И поражался тем изменениям, которые могут происходить в сердце человека. Он прижал кулак к губам и почувствовал, как печаль исторгается из груди и затуманивает глаза. Взглянув на окно Реганы, он решил вернуться в дом.

Дверь открыла Шарон, держа в руках испачканное белье. Она извинилась:

— Я несла это вниз постирать.

Глядя на нее, он подумал было о кофе, но тут же услышал, как наверху бес орет на Мэррина. Он двинулся к лестнице, но вдруг вспомнил о Карле. Где он сейчас? Дэмьен пошел на кухню, но Карла там не было. Только Крис сидела за столом и разглядывала... альбом?

Приклеенные фотографии, вырезки из газет. Она закрывала голову руками, и Каррас не мог разглядеть выражения ее лица.

— Извините, — тихо спросил Каррас. — Карл у себя?

Крис покачала головой:

— Он вышел.— Каррас услышал, что она всхлипнула.— Там есть кофе, святой отец. Вот-вот закипит.— Крис встала из-за стола и вышла из кухни.

Каррас перевел взгляд на альбом, подошел к столу и пролистал его. Он увидел фотографии маленькой девочки и с болью осознал, что смотрит на Регану: вот здесь она в день рождения, задувает свечки на торте, здесь сидит в шортах и маечке, весело помахивая рукой фотографу. Спреди на майке виднелась какая-то надпись, сделанная по трафарету: «Лагерь...» Дальше он не смог разобрать.

На следующей странице детским почерком на листке бумаги было написано:

«Если бы вместо обычной глины
Я могла бы взять самые красивые вещи,
Например, радугу,
Или облака, или песенку птицы,
Может быть, тогда, милая мамочка,
Если бы я все это перемешала,
Я бы по-настоящему вылепила тебя».

Ниже: «Я люблю тебя! Поздравляю с праздником!» и подпись карандашом: «Рэгс».

Каррас закрыл глаза. На сердце стало тяжело от случайной встречи с чужим прошлым. Он отвернулся и стал ждать, когда закипит кофе. Выкинь все из головы! Немедленно! Прислушиваясь к бульканью закипающего кофе, он почувствовал, как у него задрожали руки, жалость вдруг переросла в слепую ярость, в злость на эту болезнь, на эту боль, на страдания детей и на хрупкость тела, на чудовищную и непреодолимую разрушительную силу смерти.

«...Если бы вместо обычной глины...»

Злоба снова медленно превращалась в сострадание, в беспомощную жалость.

«...самые красивые вещи...»

Больше он не мог ждать. Он должен идти... Должен что-то сделать... помочь... попытаться...

Каррас вышел из кухни. Проходя мимо гостиной, он заглянул в дверь и увидел, что Крис лежит на диване и рыдает, а Шарон сидит рядом и пытается ее успокоить. Он отвернулся и пошел наверх, в спальню.

Бес отчаянно ругал Мэррина:

— ...все равно ты бы проиграл! И ты знал это! Ты подо-

нок, Мэррин! Скотина! В е р н и с ь! Вернись и...— Каррас перестал слушать.

«...или песенку птицы...»

Он посмотрел на Регану. Ее голова была повернута в сторону. Приступ бесовской ярости продолжался.

«...самые прекрасные вещи...»

Он медленно подошел к своему стулу, и только тогда заметил, что Мэррина в комнате нет. Когда же Дэмьен направился к Регане, чтобы измерить давление, то споткнулся о распростертое тело на полу. Мэррин лежал возле самой кровати, безвольно раскинув руки, лицом вниз. В ужасе Каррас опустился на колени, перевернул тело и увидел страшное, посиневшее лицо. Он взял его за руку в надежде нащупать пульс. Жгучая, невыносимая боль пронзила его сердце: Мэррин был мертв!

— ...священная напыщенность! У м е р, да? У м е р? Каррас, в ы л е ч и его! — заорал бес.— В е р н и его, дай нам закончить, дай нам...

«Сердечная недостаточность. Коронарная артерия не держала...»

— О Боже всевышний! — чуть слышно простонал Каррас, закрыл глаза и затряс головой. Он не хотел, не мог верить. В безумном порыве горя он изо всей силы сжал бледное запястье Мэррина, будто хотел выжать из мертвых сухожилий пропавшее биение жизни.

— ...набожный...

Каррас заметил крошечные таблетки, раскатившиеся по всему полу. Н и т р о г л и ц е р и н. Глазами, красными от слез, он посмотрел на мертвое тело Мэррина. «...и д и т е и отдохните немного, Дэмьен...»

— Даже черви не будут жрать твои останки, ты...

Каррас услышал слова беса, и его заколотило от злобы. Н е с л у ш а й!

— ...гомосек...

Н е с л у ш а й! Н е с л у ш а й!

На лбу у Карраса вздулись пульсирующие жилы. Он поднял руки Мэррина и стал осторожно складывать их на груди.

Плевков вонючей слюны угодил прямо в глаз Мэррину.

— Последний обряд! — обрадовался бес, запрокинул голову и дико захохотал.

Некоторое время Каррас молча смотрел на плевков и не шевелился. Он ничего не слышал, кроме шума гриливающей к голове крови. Потом очень медленно, весь дрожа, поднял

голову. На его багровом лице застыла маска ненависти и злобы.

— Ты, сукин сын,— прошептал он, и эти слова рассекли воздух, как сталь.— Ты, подонок!— Хотя он не шевелился, каждый мускул его был напряжен, и жилы на шее натянулись, как веревки.

Бес перестал смеяться и зло уставился на него.

— Ты проиграешь! Ты всегда проигрывал!

— Да, ты прекрасно расправляешься с детьми! — Дэмьен дрожал, как в лихорадке.— С маленькими девочками! А ну-ка, давай посмотрю, способен ли ты на что-нибудь большее! Давай же, попробуй! — Он выставил свои огромные руки и медленно поманил к себе.— Давай, ну, давай же! Попробуй, возьми меня! Оставь девочку, возьми МЕНЯ! МЕНЯ!..

Крис и Шарон услышали, что в спальне Реганы происходит нечто странное. Крис сидела возле бара, Шарон смешивала напитки. Она поставила водку и тоник на стойку бара, и тут обе женщины одновременно поглядели наверх. Послышался звук падающего тела. Потом удары по мебели, по стенам. И голос... беса? Да, беса. Были слышны его ругательства. Но голос был уже немножко другим. Он менялся. Каррас? Пожалуй, Каррас мог говорить таким голосом. Но ЭТОТ голос был громче. И глубже.

— Нет, я не позволю тебе обижать их! Ты не посмеешь причинить им зло! Ты...

Крис уронила стакан и вздрогнула от звука разбившегося стекла. В ту же секунду они вместе с Шарон выбежали из кабинета, помчались вверх к спальне Реганы и ворвались в комнату.

Они увидели, что ставни, снятые с петель, валяются на полу, а окно!.. Стекло было полностью высажено!

Встревоженные женщины кинулись к окну, и в эту секунду Крис увидела Мэррина, лежавшего на полу возле кровати. Она замерла. Потом подбежала к нему, нагнулась, и у нее тут же перехватило дыхание.

— О Боже! — закричала она.— Шарон! Шар, подойди! Скорее, сюда!

Шарон выглянула в окно, тоже вскрикнула и рванулась к двери.

— Шар, что случилось?

— Отец Каррас! Отец Каррас!

Рыдая, она вылетела из комнаты, а Крис встала и подошла к окну. Она смотрела вниз, и сердце ее в эту минуту готово было вырваться из груди. В самом конце лестницы, на

М-стрит, окруженный собравшейся толпой, беспомощно лежал Каррас.

От ужаса она не могла шевельнуться и стояла, как парализованная.

— Мама?

Слабенький, тоненький голосок, дрожащий от слез, позвал ее откуда-то сзади. Крис окаменела. Она боялась поведать.

— Что случилось, мама? Пожалуйста, подойди ко мне! Мамочка, пожалуйста! Я боюсь! Я...

Крис обернулась. Она увидела детские слезы, умоляющее родное лицо и бросилась к кровати.

— Рэгс, моя маленькая, моя крошка! О, Рэгс...

...Шарон неслась к дому иезуитов. Она вызвала Дайера, — тот сразу же вышел в приемную, — и все ему рассказала. Дайер побледнел.

— Вы вызвали «Скорую помощь»?

— О Боже, я об этом как-то не подумала!

Дайер быстро проинструктировал дежурного у телефона и кинулся вперед. Шарон едва успевала за ним. Они перебежали улицу и спустились по ступенькам вниз.

— Дайте мне пройти! Расступитесь! — Проталкиваясь через зевак, Дайер слышал обрывки реплик: «Что произошло?» — «Какой-то тип упал с лестницы». — «Вы видели?» — «Наверное, напился. Видите, его рвало». — «Ну, пошли, а то опоздаем в...»

Наконец Дайеру удалось протиснуться внутрь кольца, и он застыл на миг от чувства неутешного горя и скорби. Каррас лежал на спине, около головы его растекалась лужа крови. Он безразлично смотрел в небо, рот был слегка приоткрыт. Но вот он заметил Дайера и слегка шевельнулся. Как будто хотел сказать ему что-то очень важное и срочное.

— Ну-ка, разойдись! А ну, отойдите! — К толпе подошел полицейский.

Дайер опустился на колени и положил ладонь на разбитое лицо. Как много порезов! Из уголка рта струйкой стекала кровь.

— Дэмьен... — Дайер запнулся и постарался справиться с комком, подкатившим неожиданно к горлу. Он увидел слабую улыбку, озарившую лицо Карраса, и придвинулся поближе.

Каррас медленно дотянулся до руки Дайера и, глядя ему прямо в глаза, сжал ее слабеющими пальцами.

Дайер еле сдерживал слезы. Он придвинулся еще ближе и прошептал ему прямо на ухо:

— Ты хочешь исповедаться, Дэмень?

Каррас снова сжал ему руку.

Дайер немного отодвинулся и медленно перекрестил его, произнеся слова отпущения грехов:

— Ego te absolvo... *

Слеза выкатилась из глаза Карраса, и Дайер почувствовал, что он еще сильнее сжимает его руку.

— ...in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen **.

Дайер склонился над Каррасом, подождал немного и прошептал ему на ухо:

— Ты...— И тут же осекся, почувствовав, что рука Карраса разжалась. Он посмотрел на него и увидел, что глаза Дэмена наполнились покоем и чем-то еще: какой-то таинственной радостью от того, что сердце наконец-то перестало страдать. Глаза устремились в небо, но они уже ничего не видели в этом мире.

Медленно и очень нежно Дайер опустил Каррасу веки. Вдали послышалась сирена «Скорой помощи». Он хотел сказать: «Прощай», но не смог, а только опустил голову и заплакал.

Подъехала «Скорая». Санитары положили тело Карраса на носилки, задвинули их в машину. Дайер тоже залез внутрь и сел рядом с врачом. Он нагнулся и взял Карраса за руку.

— Вы ему больше ничем не поможете, святой отец.— Врач пытался говорить как можно мягче.— Не расстраивайте себя. Вам не надо ехать.

Дайер не сводил глаз с разбитого лица и отрицательно качал головой.

Врач посмотрел на дверцу, около которой терпеливо ждал шофер, и кивнул ему. Дверца захлопнулась.

Шарон стояла на тротуаре и молча наблюдала, как «Скорая» медленно скрывается за углом.

Вой сирены будоражил ночь и неся над рекой, но потом шофер, видимо, вспомнив, что спешить уже некуда, отключил сигнал. Стало совсем тихо, и река вновь обрела покой.

* Я прощаю тебе грехи... (лат.).

** Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь (лат.).

Стоял конец июня. В спальне Крис собирала вещи, и яркие солнечные лучи пробивались через стекло. Она положила цветастую кофточку в чемодан и закрыла крышку.

— Ну вот и все,— сказала она Карлу.

Тот закрыл чемодан на ключ, и Крис пошла к Регане.

— Эй, Рэгс, ты готова?

Прошло уже шесть недель после смерти священника и после того, как Киндерман закрыл дело, хотя не все было выяснено до конца. Крис могла только догадываться о случившемся, и частые размышления доводили ее до того, что она нередко просыпалась среди ночи в слезах.

Киндерман тоже не мог успокоиться. Смерть Мэррина наступила от острой сердечной недостаточности. Но Каррас...

— Интересно,— сопел Киндерман в попытках добраться до истины.— Это не девочка. В тот момент она была крепко связана смирительными ремнями. Очевидно, сам Каррас убрал ставни и выбросился из окна. Но зачем? От страха? Или в попытке избежать чего-то ужасного? Нет! — Киндерман сразу же отбросил эту версию. Если бы Дэмьен хотел уйти, то вышел бы спокойно через дверь, тем более что Каррас был не из тех, кто бежит в минуту опасности.

Тогда чем объяснить этот прыжок?

Киндерман решил поискать ответ в показаниях Дайера, который говорил, что у Карраса были большие эмоциональные перегрузки: чувство вины перед матерью, ее смерть, проблема его собственной вины. Когда Киндерман добавил к этому несколько бессонных ночей, вину перед неизбежной смертью Реганы, издевки беса, принимавшего облик его матери, и удар, нанесенный смертью Мэррина, он с грустью заключил, что у Карраса помутился разум. Кроме того, расследуя смерть Дэннингса, детектив вычитал в книгах, что во время изгнания бесов священники часто и сами становились одержимыми, когда этому благоприятствовали обстоятельства: сильное чувство вины, желание быть наказанным плюс сильная самовнушаемость. Каррас был к этому предрасположен. Звуки борьбы, меняющийся голос священника, который

слышали Шарон и Крис, — все это также подтверждало гипотезу Киндермана.

Однако Дайер не согласился с таким предположением. Он снова и снова приходил поговорить с Крис, пока девочка выздоравливала и набиралась сил. Он всякий раз спрашивал, в состоянии ли Регана вспомнить, что же все-таки случилось в комнате в тот вечер. Но ответ был всегда один: «Нет».

Дело было закрыто.

...Крис заглянула в спальню Реганы и увидела, что девочка сидит, обняв двух плюшевых зверей, и недовольно смотрит на упакованный чемодан на кровати.

— Ну как, ты уже уложила вещи, крошка? — спросила Крис.

Регана, такая худенькая и слабая, с черными кругами под глазами, посмотрела на нее:

— Не хватает места вот для них!

— Ну, ты же все равно не сможешь взять сейчас всех, дорогая. Оставь их, а Уилли все привезет. Пойдем, кроха, а то опоздаем на самолет.

В полдень они улетали в Лос-Анджелес, оставляя Шарон и Энгстромов собирать вещи. Потом Карл на «ягуаре» должен был привезти домой все оставшееся.

— Ну, ладно, — нехотя согласилась Регана.

— Вот и хорошо. — Крис, услышав звонок, быстро спустилась по лестнице и открыла дверь. На пороге стоял отец Дайер.

— Привет, Крис! Я зашел попрощаться.

— О, я очень рада! Я как раз сама собиралась к вам. — Она сделала шаг назад. — Заходите.

— Да нет, не стоит, Крис. Я знаю, что вам некогда.

Крис молча взяла его за руку и втащила в зал:

— Прошу вас. Я как раз собиралась выпить кофе.

— Ну, если вы уверены, что...

Она была уверена. Они пошли на кухню, сели за стол, выпили по чашечке кофе, поговорили о мелочах, а в это время Шарон и Энгстромы продолжали заниматься багажом, бегая по всему дому.

Крис заговорила о Мэррине: она была очень удивлена, увидев так много известных людей — и американцев, и иностранцев — на его похоронах. Потом они помолчали, и Дайер

принялся грустно разглядывать свою чашку. Крис без труда отгадала его мысли.

— Регана ничего не помнит,— произнесла она.— Простите.

Иезуит молча кивнул. Крис взглянула на свой нетронутый завтрак. На тарелке все еще лежала роза. Она взяла ее и в задумчивости повертела в руках стебелек.

— А он так и не увидел ее,— прошептала Крис, ни к кому не обращаясь. Потом посмотрела на Дайера и встретила его взгляд.

— А как вы думаете, что же произошло на самом деле? Как неверующая,— тихо спросил он,— вы считаете, что она и в самом деле была одержима?

Крис опустила глаза и задумалась, продолжая поигрывать цветком.

— Что касается Бога, то я действительно в него не верю. До сих пор. Но когда речь идет о дьяволе, тут совсем другое дело. В это я поверить могу. И я верю. В самом деле! И не только после того, что случилось с Рэги, а вообще.— Она положила цветок.— Вот вы обращаетесь к Богу. Представьте, сколько он должен отдыхать от наших просьб и молитв, чтобы они ему не надоели, если он, конечно, существует. Вы понимаете, о чем я говорю? А дьявол постоянно сам создает себе рекламу. Он везде, он всюду совершает сделки.

— Но если все зло мира заставило вас поверить в существование дьявола, то что вы скажете насчет всего добра, которое есть в мире?

Она задумалась и отвела глаза в сторону. Потом посмотрела на тарелку.

— Да... да,— тихо согласилась Крис.— Об этом стоит подумать...

Со дня смерти Карраса печаль настолько глубоко вошла в ее сознание, что оставалась в нем и по сей день. Хотя впереди она предвидела светлые дни и все время вспоминала слова Дайера, которые он произнес, провожая ее до машины после похорон Карраса.

— Вы не могли бы зайти ко мне? — спросила она тогда.

— Я бы с удовольствием, но боюсь опоздать на праздник,— ответил он.

Крис была поражена.

— Когда умирает иезуит, — пояснил Дайер, — у нас всегда праздник. Для него это только начало, и мы должны отметить это событие.

У Крис мелькнула еще одна мысль.

— Вы говорили, что у отца Карраса была проблема с верой?

Дайер кивнул.

— Я не могу в это поверить, — сказала она. — Я никогда в жизни не встречала такой набожности.

— Такси уже здесь, мадам, — доложил появившийся Карл.

Крис вышла из задумчивости:

— Спасибо, Карл. Все в порядке. — Она встала, и Дайер вслед за ней поднялся из-за стола.

— Нет, нет, вы оставайтесь, святой отец. Я сейчас вернусь. Я только поднимусь за Рэгс.

Крис ушла, а Дайер вновь принялся размышлять над последними непонятными словами Карраса, над криками, которые слышали перед самой его смертью. Здесь что-то скрывалось. Но что? Этого-то он и не понимал. И Крис, и Шарон вспоминали только какие-то смутные обрывки фраз. Дайеру отчетливо вспомнилась затаенная радость в глазах умирающего священника. Этот странный блеск не давал ему покоя, было в них что-то похожее на... триумф? Дайер не был уверен в этом, но от такой мысли ему почему-то стало легче.

Он встал, вышел в зал, прислонился к двери и, засунув руки в карманы, молча стал наблюдать, как Карл помогает укладывать багаж в такси. Воздух был горячим и влажным. Дайер вытер взмокший лоб и услышал, что Крис спускается вниз. Она вышла, держа Регану за руку. Мать и дочь подошли к Дайеру, и Крис поцеловала его в щеку, а потом, коснувшись его рукой, заглянула прямо в глаза.

— Все в порядке, — сказал он и улыбнулся. — Мне почему-то кажется, что все будет хорошо.

Крис кивнула:

— Я позвоню вам из Лос-Анджелеса. Ждите.

Дайер посмотрел на Регану. Она нахмурилась, взглянув на него, будто вспоминая что-то, потом протянула руки. Дайер нагнулся, и она его поцеловала.

Крис отвернулась.

— Ну, пошли,— сказала она, взяв Регану за руку.— Мы опоздаем, кроха. Пошли.

Дайер, не отрываясь, смотрел, как они шли к машине, и махал им на прощание. Крис послала ему воздушный поцелуй и быстро села в такси вслед за Реганой. Карл уселся рядом с шофером, и такси тронулось. Дайер дошел до поворота и все смотрел им вслед. Вскоре машина повернула за угол и скрылась.

Сзади раздался скрип тормозов. Священник оглянулся и увидел полицейскую машину, из которой выходил Киндерман. Детектив не спеша обошел автомобиль и проковылял к Дайеру, приветливо махнув ему рукой.

— Я пришел попрощаться.

— Вы опоздали.

Киндерман остановился и поник.

— Уже уехали?

Дайер кивнул.

Киндерман посмотрел на улицу и горестно покачал головой. Потом обратился к Дайеру:

— Как девочка?

— Все в порядке.

— Это хорошо. Очень хорошо. А остальное меня не интересует. Ну, ладно. Надо возвращаться на работу. До свидания, святой отец.— Он повернулся и шагнул к машине, потом остановился и, раздумывая о чем-то, уставился на Дайера.

— Вы ходите в кино, отец Дайер?

— Конечно.

— У меня есть контрамарка.— Он поколебался секунду и добавил: — На завтрашний вечер в «Крест». Вы не хотите составить мне компанию?

Дайер стоял, засунув руки в карманы.

— А что там идет?

— «Высоты Вутеринга».

— А кто играет?

— Хатклиффа — Джэки Глизон, а Катерину Эрншоу — Люси Болл.

— Я уже смотрел,— ответил Дайер.

Киндерман молча посмотрел на него и отвернулся.

— Еще один,— пробормотал он. Потом вдруг подошел к Дайеру, взял его под руку и повел по улице.

— Мне вспомнились слова из фильма «Касабланка», — сказал он весело. — В самом конце Хэмфи Богарт говорит Клоду Рэйнс: «Луи, мне кажется, что это — начало красивой дружбы».

— Знаете, а вы немного похожи на Богарта.

— И вы заметили?

Наступило время забвения. Но они старались запомнить все до последней детали...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Я взял на себя смелость изменить местонахождение Джорджтаунского университета, а также перевести в другое место Институт Языков и Лингвистики. Проспект-стрит в действительности не существует, она выдумана мной так же, как и приемная в доме иезуита.

Отрывок прозы, приписанный Ланкэстеру Мэррину, взят из проповеди Джона Генри Ньюмана «Вторая весна».

ДЭВИД ЗЕЛЬЦЕР

Знамение

Здесь мудрость. Кто имеет
Ум, тот сочти число зверя;
Ибо это число человеческое.
Число его шестьсот шестьдесят шесть.

Книга Откровений

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все произошло в тысячную долю секунды. Движение в галактиках, которое должно было бы занять века, свершилось в мгновение ока.

Молодой астроном в обсерватории Кейн Хэтти сидел ошеломленный. Он спохватился слишком поздно, и фотокамера была бессильна запечатлеть случившееся: расщепление трех созвездий, в результате чего появилась сияющая звезда. Частицы вещества из Козерога, Рака и Льва неожиданно стали слетаться навстречу друг другу с поразительной точностью и слились в пульсирующее галактическое тело. Оно становилось все ярче, и созвездия задрожали, а может быть, просто задрожал окуляр — у астронома от обиды затряслись руки.

Он боялся, что видел это один. Но это было не так. Глубоко из-под земли послышался гул. Это были голоса, человеческие, но не совсем, усиливающиеся в религиозном экстазе, пока звезда набирала силу. В пещерах, подвалах, открытых полях собирались они: повивальные бабки, ожидающие рождения, и было их двадцать тысяч. Они соединили руки и уронили головы, и голос их возрастал и стал слышен повсюду. Это был звук ОХМ!, и он звоном взлетал в небеса и падал в самое сердце земли.

Был шестой месяц, шестой день и шестой час. Именно этот момент предсказан в Ветхом Завете. Именно в этот миг должна измениться судьба Земли. Все войны и перевороты были только лишь репетицией, проверкой для того момента, когда человечество будет подготовлено к Великим событиям, знаменующим переворот. Книга Откровений давно его предсказывала...

Высоко и далеко в небе разгоралась звезда, и пение людей становилось все громче, и земное ядро задрожало от этой силы.

В древнем городе Меггидо это почувствовал старик Бугенгаген и заплакал, ибо теперь все его записи и свитки стали ненужными. А наверху, в Израиле, группа студентов-археологов на минуту прекратила свою работу. Они опустили лопаты, прислушались: земля под ними начала шевелиться.

В салоне первого класса самолета, выполняющего рейс Вашингтон — Рим, сидел Джереми Торн. Он тоже почувствовал нечто странное и механически застегнул ремни, занятый своими мыслями и делами, ждущими его там, внизу. Но даже если бы он и знал истинную причину этого волнения, то ничего уже не смог бы изменить. Потому что в этот момент в подвале госпиталя Женераль камень разможил голову его собственного ребенка.

Глава первая

Ежесекундно в самолетах, находящихся в воздухе, летят тысячи людей. Эта статистика, которую Торн вычитал в журнале «Скайлайнер», заинтересовала его, и он тут же разложил людей на тех, кто пребывает в воздухе, и тех, кто остался на земле. Обычно Торн не занимался подобной ерундой, но именно сейчас он цеплялся за все, лишь бы не думать о том, что может ожидать его на земле. По статистике выходило, что если вдруг земное население по какой-то причине внезапно погибнет, то в живых останется всего сотня тысяч людей, спокойно посасывающих в полете коктейли и смотрящих кино, — они даже не узнают, что стряслось на земле.

Самолет летел над Римом, и Торн задумался: сколько же тогда останется женщин и мужчин? И как же они, при условии, что смогут благополучно приземлиться, будут восстанавливать здоровое общество? Ведь очевидно, что большинством будут мужчины, причем занимающие в экономике солидные посты, а значит, их деятельность на земле будет бесполезна, поскольку все рабочие погибли. Менеджеры останутся, но руководить-то будет некем! Неплохо было бы нанять несколько самолетов, которые бы постоянно возили рабочих, чтобы после катаклизма была необходимая рабочая сила, чтобы было с чего начинать.

Самолет заложил крутой вираж, и Торн затушил сигарету, рассматривая тусклые огни внизу. Он так часто летал на самолетах в последнее время, что привык к этому зрелищу. Но сегодня оно возбудило его. Торн получил телеграмму в Вашингтоне двенадцать часов назад, и если что-то за это время случилось, то все уже было позади. Катерина наконец-то родила и нянчит их ребенка в госпитале или же находится в состоянии безнадежного отчаяния. Она уже была два раза беременна, но оба раза случались выкидыши, теперь же беременность продлилась целых восемь месяцев. Он знал, если и сейчас что-то случится, он навсегда потеряет Катерину.

Они были знакомы с детства, и он все время замечал какое-то беспокойство в ее поведении. Испуганные глаза, ищущие покровителя, преследовали его, но роль покровителя вполне удовлетворяла. Именно это и лежало в основе их отношений. Только в последнее время, когда Торн значительно продвинулся по службе, у него стало столько неотложных дел, что Катерина осталась одна, совсем одна, и никак не могла свыкнуться с ролью жены видного политического деятеля.

Первый сигнал о душевном смятении жены прошел незаметно: Торн только рассердился, вместо того чтобы проявить внимание и заботу, когда Катерина ни с того ни сего взяла ножницы и состригла свои роскошные волосы. Она носила парик с прической «Сессун», пока не отросли, а через год зачем-то забралась в ванну и начала бритвой разрезать себе кончики пальцев, а потом с ужасом вспомнила, зачем она все это делала. Вот тогда-то они и пригласили психиатра, который сидел, тупо уставившись в стену, и ничего не понимал. Через месяц Катерина перестала его посещать и решила, что ей нужен ребенок.

Она забеременела сразу же, и эти три месяца беременности были лучшими в их супружеской жизни. Катерина чувствовала себя прекрасно и выглядела настоящей красавицей. В довершение всего она даже отправилась с мужем в путешествие по Ближнему Востоку. Но беременность прервалась в самолете, прямо в туалете, и все ее надежды, заглушаемые рыданием, унеслись в никуда.

Вторая беременность наступила только через два года, но она расстроила всю сексуальную жизнь, которая была вершиной их отношений. Явился специалист по системе зачатий и назначил им день и час, исходя из менструального цикла жены, но это время было чертовски неудобно для Торна, он чувствовал себя дураком, сбегая со службы раз в месяц, что-

бы проделать свою чисто механическую работу. Ему даже предложили заняться мастурбацией, чтобы потом его семя можно было ввести, когда понадобится, но здесь его терпению пришел конец. Если ей так нужен ребенок, пускай усыновит чужого. Но теперь уже не соглашалась она. Катерине был нужен только **СОБСТВЕННЫЙ** ребенок.

В конце концов одна-единственная клеточка разыскала ту, которая была ей нужна, и в течение пяти с половиной месяцев надежда снова стала хозяйкой в их доме. Ранние схватки застали Катерину в супермаркете, но она продолжала делать покупки и игнорировать боль, пока та не стала невыносимой. Врачи говорили, что ей сильно повезло, поскольку зародыш был очень слабым, но депрессия ее продолжалась целых полгода. Теперь Катерина была беременна в третий раз, и Торн знал, что это их последняя надежда. Если и на этот раз что-нибудь произойдет, рассудок жены не выдержит.

Самолет коснулся взлетной дорожки. «Зачем мы вообще летаем? — подумал Торн. — Неужели жизнь такая дешевая штука?» Он оставался на месте, пока другие пассажиры, толкаясь, пробирались к выходу. Его обслуживают быстро в отделе для особо важных персон, и машина уже ждет. Торн был советником президента по вопросам экономики и председателем Всемирной Конференции по экономике, которая недавно перенесла свою штаб-квартиру из Цюриха в Рим. Четырехнедельная программа растянулась на шесть месяцев, и в это время его начали замечать видные люди. Скоро пошел слухок, что через несколько лет он станет главной надеждой и опорой президента США.

В свои сорок два года Торн уже возвращался в верхах, и карьера сама шла ему в руки. Избрание Председателем и Президентом Всемирной Конференции повысило его в глазах общественности и стало вехой на пути к посту посла, затем к кабинету министра, а там, возможно, он смог бы баллотироваться и на высший пост в стране.

Семейные заводы Торнов процветали во время войны, и Джереми смог получить самое лучшее и самое дорогое образование, не думая о том, как заработаны эти деньги. Но когда умер отец, Джереми Торн закрыл все заводы и объявил, что никогда не будет поощрять разрушения. Каждая война — это братоубийство. Но и в интересах мира состояние Торна продолжало приумножаться. Он начал развивать строительство в своих поместьях, улучшал районы гетто, давал займы нуждающимся и перспективным дельцам. В нем со-

единились дар накапливания денег и чувство ответственности перед теми, у кого их не было. По подсчетам, выходило, что личное состояние Торна исчисляется сотней миллионов долларов, хотя проверить это было трудно, даже сам Торн не знал точных данных. Подсчитывать — значит делать пусть короткую, но остановку, а Торн находился в постоянном движении...

Такси остановилось у темного здания госпиталя Жене-раль. Отец Спиллетто выглянул из своего кабинета на третьем этаже и сразу же понял, что человек, идущий к ним, — не кто иной, как Джереми Торн. Волевой подбородок и сидящие виски были знакомы из газетных фотографий, походка и манера держаться тоже были знакомы. Торн выглядел именно так, как подобает выглядеть человеку в его положении. Выбор сделан правильно, отметил про себя отец Спиллетто. Священник встал, подбирая полы одежды. Стол оказался совсем крошечным по сравнению с его могучей фигурой. Безо всякого выражения на лице он двинулся к двери. Шаги Торна уже слышались в коридоре, они гулко звучали в темном здании.

— Мистер Торн?

Торн, уже поднявшийся на первую ступень лестницы, повернулся и поднял глаза кверху, пытаясь разглядеть человека в темноте.

— Да, это я.

— Меня зовут отец Спиллетто. Я послал вам...

— Да. Я получил вашу телеграмму. Я выехал сразу, как только стало возможным.

Священник передвинулся в круг света и навис над лестничной клеткой. Что-то в его движениях, в зловещей тишине, окружающей его, подсказывало, что здесь не все в порядке.

— Ребенок... родился? — спросил Торн.

— Да.

— А моя жена?..

— Отдыхает.

Священник спустился вниз, и глаза его встретились с глазами Торна, как бы пытаясь подготовить его, смягчить удар.

— Что-нибудь произошло? — спросил Торн.

— Ребенок умер.

Наступила страшная тишина, казалось, что пустые кафельные коридоры зазвенели от нее. Торн стоял как громом пораженный.

— Он дышал только одно мгновение, — прошептал священник, — а потом дыхание оборвалось.

Священник наблюдал, как Торн, ничего не видя перед собой, подошел к скамейке и сел на нее, а потом склонил голову и заплакал. Рыдание эхом пронеслось по коридорам, священник же заговорил снова:

— Ваша жена в безопасности, но она больше не сможет рожать.

— Это конец, — прошептал Торн.

— Вы можете усыновить ребенка.

— Она хотела иметь собственного...

На мгновение установилась тишина, и священник шагнул вперед. У него были грубые, но совершенно правильные черты лица, в глазах светилось сочувствие. Только выступивший пот выдавал его волнение.

— Вы очень сильно любите ее, — сказал он.

Торн кивнул. Он был не в силах отвечать.

— Тогда вы должны согласиться с Божьей волей.

Из темноты коридора возникла пожилая монахиня, глазами она отозвала священника в сторону. Они отошли и начали о чем-то шептаться по-итальянски, потом женщина ушла, и священник снова повернулся к Торну. Что-то необычное было в его взгляде, Торн напрягся.

— Пути господа неисповедимы, мистер Торн. — Священник протянул вперед руку, Торн невольно поднялся и двинулся за ним.

Палаты для рожениц находились тремя этажами выше, и они пошли туда по запасной лестнице, потом по узкому коридору, освещенному редкими электрическими лампочками. Больничные запахи усилили чувство потери, которое билось во всем теле Торна. Они остановились у стеклянной перегородки, и священник проследил взглядом, как Торн, колеблясь, подошел поближе и взглянул на то, что находилось с другой стороны. Там был ребенок. Новорожденный, похожий на маленького ангелочка. У него были взъерошенные черные волосы и глубоко посаженные голубые глаза, которые инстинктивно тут же отыскивали Торна.

— У него никого нет, — сказал священник. — Его мать умерла. Так же как и ваш ребенок... в один и тот же час. — Торн резко повернулся к нему. — Вашей жене нужен

ребенок, — продолжал священник, — а этому ребенку нужна мать.

Торн медленно покачал головой.

— Мы хотели иметь собственного, — сказал он.

— Осмелюсь сказать... он очень сильно похож...

Торн снова взглянул на ребенка и не мог не согласиться с этим. Волосы младенца были такого же цвета, как у Катерины, а черты лица походили на его собственные. Тот же левой подбородок и даже маленькая ямочка на нем.

— Синьора никогда об этом не узнает, — сказал священник.

Торн внезапно закрыл глаза. Руки у него задрожали, и священник взял их в свои.

— А ребенок... здоровый?

— Абсолютно здоров.

— Остались родственники?

— Никого.

Торна и священника обволакивала полная тишина. Это было до того необычно, что безмолвие словно давило на барабанные перепонки.

— Я здесь главный, — сказал священник. — Никаких записей не останется. Никто об этом не узнает.

Торн отвел взгляд, все еще сомневаясь.

— Можно мне... посмотреть на МОЕГО ребенка? — спросил он.

— Что это изменит? — ответил священник. — Отдайте любовь живым.

За стеклянной перегородкой ребенок поднял обе ручки и вытянул их в сторону Торна, как бы желая обнять его.

— Ради вашей жены, синьор, Бог простит вам этот обман. И ради этого ребенка, у которого иначе никогда не будет дома...

Он замолчал, потому что добавить было уже нечего.

— В эту ночь, мистер Торн... Бог подарил вам сына.

Высоко в небе пульсирующая звезда достигла зенита и задрожала, как от неожиданного удара молнией. А в больничной кровати очнулась Катерина, думая, что просыпается сама. Она ничего не знала об уколе, который ей сделали несколько минут назад. Она рожала в течение десяти часов и помнила все до последних схваток, но потом потеряла сознание и не видела ребенка. Придя в себя, она начала волноваться и попыталась успокоиться, услышав приближающиеся шаги в ко-

ридоре. Дверь распахнулась, и Катерина увидела своего мужа. В руках Джереми держал ребенка.

— Наш ребенок, — сказал Торн, и голос его задрожал от радости. — У нас есть сын!

Она протянула руки, взяла ребенка и зарыдала от нахлынувшего счастья. Слезы застилали глаза Торну, и он благодарил Бога за то, что ему подсказали верный путь.

Глава вторая

Торны были из семей католиков, но сами никогда в Бога не верили. Катерина редко произносила молитвы и посещала церковь только на Рождество и Пасху, но больше по традиции, нежели из-за веры в католические догмы. Сам же Торн относился весьма спокойно, в отличие от Катерины, к тому факту, что их сына Дэмьена так и не крестили. Правда, они пробовали сделать это. Сразу же после рождения супруги принесли младенца в церковь, но его страх, как только они вошли в собор, был таким очевидным, что им пришлось остановить церемонию. Священник вышел за ними на улицу, держа святую воду в руках, и предупредил их, что если ребенок не будет окрещен, то никогда не сможет войти в Царство Божие, но Торн наотрез отказался продолжать крещение, видя, что ребенок сильно испуган. Чтобы успокоить Катерину, было устроено импровизированное крещение на дому, но она так и не поверила в него до конца, собираясь как-нибудь потом вернуться с Дэмьеном в церковь и сделать все как следует.

Но этот день так и не наступил. Скоро они окунулись в водоворот неотложных дел, и о крещении было забыто. Конференция по вопросам экономики закончилась, и Торны снова вернулись в Вашингтон. Торн приступил к обязанностям советника президента и стал видной политической фигурой. В его поместье в Маслине, штат Вирджиния, начали происходить совещания, о которых писали газеты от Нью-Йорка до Калифорнии, и семья Торнов стала известной всем читателям национальных журналов. Они были богатыми, фотогеничными и быстро поднимались вверх. Что не менее важно, в их обществе часто можно было видеть и президента. Поэтому ни для кого не было неожиданностью назначение Торна послом США в Великобритании. В этой дол-

жности он мог развернуть все свои потенциальные возможности.

Переехав в Лондон, Торны обосновались в Пирфорде, в поместье семнадцатого века. Жизнь их стала походить на прекрасный сон, особенно для Катерины: она была так чудесна и совершенна, что это даже пугало. В своем загородном доме она жила в уединении — счастливая мать с любимым чадом. При желании могла выполнять обязанности жены дипломата и была при этом замечательной хозяйкой. Теперь у нее было все: и ребенок, и любовь мужа. Катерина расцвела, как очаровательный цветок — хрупкий и нежный, удивляющий всех подруг своей свежестью и красотой.

Поместье Пирфорд было очень respectable, его существование уходило глубоко в историю Англии. Здесь были погреба, где долгое время скрывался сосланный герцог, пока его не отыскали и не казнили; вокруг простирался лес, в котором король Генрих Пятый охотился на диких кабанов. В доме были подземные переходы и таинственные секретные лазы, но в основном там царила радость, потому что дом был полон смеха и гостей в любое время суток.

Для выполнения домашних дел были наняты слуги, а кроме того, в доме жила постоянная пара слуг, Гортоны, выполняющие обязанности кухарки и шофера — настоящие англичане с неповторимым чувством собственного достоинства. Когда Катерина была занята своими делами, с Дэмьеном занималась няня — юная пухленькая англичанка по имени Чесса. Она была умницей, знала много игр и обожала Дэмьена, как будто это был ее собственный сын. Они часами были вместе, Дэмьен ходил за ней по большой лужайке или тихо сидел у пруда, пока Чесса ловила ему головастика и стрекоз, которых они потом в баночках приносили домой.

Ребенок подрастал, и, с точки зрения художника, был просто совершенством. Ему исполнилось три года, предсказание о превосходном здоровье сбывалось. Кроме того, он поражал своей изумительной силой. Дэмьен обладал таким спокойствием и наблюдательностью, которые редко можно встретить у детей его возраста, и гости часто чувствовали себя неудобно под его взглядом. Если ум измерять способностью к внимательному созерцанию, то его можно было считать гением, потому что мальчик мог часами сидеть на маленькой кованной лавочке под яблоней и наблюдать за людьми, проходящими мимо, не упуская из виду ни одной детали. Гортон, шофер семьи, часто брал Дэмьена с собой, когда ему прихо-

дилось выполнять различные поручения. Ему нравилось молчаливое присутствие малыша, и он удивлялся способности ребенка с таким вниманием и удовольствием познавать окружающий мир.

— Он похож на маленького марсианина, — сказал как-то Гортон своей жене, — как будто его прислали сюда изучать человечество.

— Мать в нем души не чает, — ответила она. — Не вздумай сказать ей что-нибудь подобное.

— Я не имел в виду ничего плохого. Просто он немного странный.

И еще одно было необычно: Дэмьен редко пользовался голосом. Радость он показывал широкой улыбкой, отчего на щеках проступали ямочки. Когда он грустил, то молча плакал. Однажды Катерина сказала об этом врачу, но тот успокоил ее, рассказав об одном ребенке, который не говорил до восьми лет, а однажды произнес за обедом: «Я не люблю картофельного пюре». Мать в изумлении спросила, почему же он молчал все это время? На что мальчуган ответил, что говорить не было необходимости, поскольку раньше пюре никогда не подавали.

Катерина рассмеялась и успокоилась насчет Дэмьена. В конце концов Альберт Эйнштейн не говорил до четырех, а Дэмьену было только три с половиной. Кроме его поразительной наблюдательности и молчаливости, в остальном он был совершенным ребенком, достойным плодом идеального союза Катерины и Джереми.

Глава третья

Человек по имени Габер Дженнингс родился под созвездием Водолея. По гороскопам выходило, что во время его рождения произошло сближение двух небесных тел — Урана и прибывающей Луны. Он всегда отличался отвратительной прической и настойчивостью, доходящей до умопомрачения. Дженнингс был фанатиком в своей работе — работе фоторепортера. Как кошка, выслеживающая мышь, он мог днями лежать в засаде и ждать момента ради одной-единственной фотографии. Его и держали на работе как мастера «оригинального жанра». Он знал, где и когда надо быть, чтобы получить такие фото, какие никто из его коллег не добудет. Репортер жил в однокомнатной квартире в Челси и редко по-

зволюя себе роскошь носить дома носки. Но относительно своих фотографий он был так же щепетилен, как Солк в поисках лекарства от полиомиелита.

В последнее время его внимание привлек американский посол в Лондоне. Это была достойная цель, хотя бы из-за его идеального лица. Занимается ли он сексом со своей женой, и если да, то как именно! Дженнингс заявил, что хочет показать их, как он говорил, «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА», хотя на самом деле ему мечталось нарисовать всех в наихудшем свете. Чем же они лучше его? Может быть, посол покупает неприличные журналы, а может, у него есть девочка на стороне? Вот эти-то вопросы и интересовали Дженнингса. Хотя ответов на них пока что не было, оставалась надежда, и был смысл ждать и наблюдать.

Сегодня он должен был идти в Пирфорд. Возможно, фотографий не будет, потому что там и без него будет хватать фотографов и гостей, но он сможет пронюхать все ходы и определить, кого из слуг можно купить за пару фунтов.

Дженнингс встал рано утром, проверил фотоаппараты, протер линзы салфеткой, а потом ею же выдавил прыщ на лице. Ему было уже тридцать восемь, но прыщи на коже до сих пор преследовали его. Видимо, это было следствием работы — репортер постоянно прижимает камеру к лицу. Он вытащил одежду из-под кровати и облачил в нее свое худое тело.

Перед самым отъездом он порылся в бумагах, отыскивая листок с приглашением. В Пирфорде должно было состояться празднество в честь дня рождения: сыну Торна исполнилось четыре года, из всех районов гетто в сторону Пирфорда уже направились автобусы, переполненные сиротами и детьми-калеками.

Вести машину по пригороду было легко, и Дженнингс решил покурить опиума, чтобы немного расслабиться. Через некоторое время ему показалось, что дорога сама катится под колеса, а машина стоит на месте, и он позабыл о действительности, полностью отдав себя закоулкам своего подсознания. Его воображение походило на картинки в красочном комиксе, где главным действующим лицом был он сам.

За милую до поместья Торнов стояли полицейские, наблюдавшие за машинами и проверявшие приглашительные карточки. Дженнингс тупо глядел вперед, пока они изучали его приглашение. Он уже привык к этому и знал, что не надо

придавать себе чересчур уж достойный вид, будто его карточка не может быть поддельной.

В конце концов он оказался перед большими коваными воротами и постарался стряхнуть с себя опиумный дурман. Во всем поместье бушевал великолепный карнавал: лужайки были разукрашены и кипели жизнью, детишки шныряли между цирковыми палатками и каруселями, а мимо вышагивали лоточники, предлагая всем сладости и фрукты. Их голоса заглушала органная музыка, под которую дети поднимались и опускались на качелях, оседлав розовых лошадок и лебедей. Здесь же была палатка предсказательницы будущего, и многие известные в Лондоне люди уже заняли к ней очередь. Маленькие шотландские пони бегали без привязи по поместью, и был здесь даже маленький слоненок, разрисованный красными яблоками и охотно принимающий орехи из рук веселых ребятишек. Повсюду шныряли, обезумев от удачной вечеринки, фотографы, но Дженнингсу здесь фотографировать было нечего. Разве что фасад здания. Кирпичную стену, которая для всех остальных казалась настоящей.

— Что с тобой, коллега? Кончилась пленка?

Это был Гоби, неизменно представляющий «Геральд Ньюс». Он судорожно заправлял новую пленку, опершись о столбик с горячими сосисками, когда Дженнингс подошел к нему и небрежно загреб изрядное количество еды.

— Жду канонизации, — ответил Дженнингс, набив полный рот.

— Как тебя понимать?

— Не знаю, кого здесь приветствуют: наследника миллионеров Торна или же самого Иисуса Христа.

— Дурак, ты же все пропустишь! Не так уж часто приходится нам бывать в подобных местах.

— Ну и что? В случае чего я куплю эти фотографии у тебя.

— А, опять ждешь чего-нибудь необычного?

— А мне другого и не надо.

— Ну ладно, желаю удачи. Хотя вряд ли она тебе улыбнется: Торны — самая лучшая семья по эту сторону Монако.

Исключительное фото. Вот что нужно было Дженнингсу. Вторгнуться во что-то интимное и недоступное. Он выслеживал свои жертвы, но каждый раз не мог быть уверен, что из этого что-нибудь выйдет. Если бы только можно было пробраться **ВОВНУТРЬ...**

— Эй! Нянюшка! Нянюшка! — закричал вдруг Гоби. — Посмотрите-ка сюда! — И все устремили взгляды на огромный торт, который вывезли из дома.

Няня ребенка была наряжена клоуном, лицо ее было покрыто белой пудрой, а на губах толстым слоем лежала красная помада, изображающая широкую улыбку. Фотографы заплясали и забегали вокруг нее, а она, довольная, кривлялась, обнимала Дэмьена и размазывала по ребенку свой грим.

Дженнингс obeжал взглядом толпу и заметил Катерину Торн, стоящую далеко от всех. По ее выражению репортер понял, что она не одобряет происходящего. Через секунду Катерина сняла свою полумаску, и Дженнингс инстинктивно поднял камеру и щелкнул затвором. При виде праздничного торта послышались радостные аплодисменты, Катерина шагнула вперед.

— Пусть ему предскажут судьбу! — выкрикнул один из репортеров. — Давайте сводим его к предсказательнице! — И как единое целое, толпа понеслась вперед, к палатке предсказательницы, увлекая за собой нянюшку вместе с ее любимым чадом.

— Я понесу его, — сказала Катерина, подходя к Чессе.

— Я могу все сделать сама, мэ, — ответила няня.

— Нет, я сама это сделаю, — холодно улыбнулась Катерина.

Через секунду их глаза встретились, и няня молча передала ребенка матери. Никто не обратил на это внимания, толпа понесла их дальше, и только Дженнингс видел все через видоискатель своей камеры. Толпа прошла мимо, няня осталась одна, позади нее высилась башня поместья, и костюм клоуна еще сильнее подчеркивал ее одиночество. Дженнингс успел сделать два снимка, прежде чем Чесса повернулась и медленно пошла в дом.

Возле палатки предсказательницы Катерина попросила всех репортеров оставаться снаружи, вошла внутрь и вздохнула с облегчением, окунувшись в покой и полумрак.

— Здравствуй, малышка.

Голос доносился из-под капюшона, предсказательница сидела за маленьким зеленым столиком и старалась, чтобы голос казался таинственным. Лицо ее было вымазано зеленым гримом. Дэмьен посмотрел на нее, напрягся и вцепился в плечо матери.

— Не бойся, Дэмьен, — засмеялась Катерина. — Это добрая фея. Правда же, вы добрая фея?

— Конечно,— ответила предсказательница,— я не сделаю тебе больно.

— Она расскажет, что ждет тебя впереди,— пыталась уговорить сына Катерина.

— Иди ко мне,— подозвала его предсказательница,— и дай мне свою ручку.

Но Дэмьен только сильнее прижался к матери. Тогда предсказательница сняла резиновую маску, под которой скрывалось милое девичье лицо.

— Посмотри на меня. Я такая же, как все. Это совсем не больно.

Дэмьен успокоился и протянул руку. Катерина оперлась о карточный столик.

— О, какая мягкая, премиленькая ручка! У тебя будет хорошее, очень хорошее будущее.

Но вдруг она запнулась, вглядываясь с недоумением в ладонь.

— Ну-ка, дай мне вторую ручку.

Дэмьен протянул вторую, и гадалка поразилась еще больше.

— Я никогда такого не видела,— сказала девушка.— Вот уже три года, как я гадаю на детских праздниках, но такое вижу впервые.

— Что вы видите?

— Посмотрите сами. У него нет линий на руках! Одни только складки.

— Что?

Катерина посмотрела на ладони сына.

— Он не обжигался?

— Разумеется, нет.

— Тогда посмотрите на свою руку. Посмотрите на эти мелкие черточки. Они делают каждого из нас неповторимым. Это — линии вашей судьбы.

Наступила напряженная тишина, ребенок с удивлением смотрел на свои руки, не понимая, что в них было плохого.

— Посмотрите, какие гладкие у него кончики пальцев,— сказала девушка.— По-моему, у него даже не будет отпечатков!

Катерина присмотрелась и поняла, что это действительно так.

— Ну и хорошо,— рассмеялась девушка.— Если он ограбит банк, то его никогда не найдут.

— Не могли бы вы предсказать его будущее? За этим мы и пришли к вам, — голос Катерины дрожал, беспокойство никак не покидало ее.

— Конечно.

Когда девушка взяла ребенка за руку, снаружи раздался громкий крик. Няня Чесса звала мальчика:

— Дэмьен! Дэмьен! Выходи! У меня есть для тебя сюрприз!

Предсказательница замолчала. В голосе Чессы чувствовалось отчаяние.

— Дэмьен, иди сюда и посмотри, что я сейчас сделаю ради тебя!

Катерина вышла из палатки, держа Дэмьена на руках, и посмотрела на крышу дома. Там, наверху, стояла Чесса, держа в руках прочный канат. Она подняла его, показав, что один конец надет на шею. Толпа внизу начала оглядываться, а маленький клоун наверху встал на край крыши и сложил руки, будто собираясь прыгнуть в бассейн.

— Смотри, Дэмьен! — закричала Чесса. — Это все для тебя! — И шагнула вперед с крыши.

Ее тело тяжело полетело вниз, остановилось, удерживаемое канатом, а потом безвольно повисло. Чесса была мертва.

Люди на лужайке ошеломленно глядели, как маленькое тело раскачивается в такт карусельной музыке. И тут раздался крик ужаса. Кричала Катерина, и четыре человека рванулись к ней, успокаивая и помогая войти в дом.

Дэмьен остался один в своей комнате. Он глядел на пустую лужайку, где стояли только рабочие и продавцы, уставившись наверх, куда поднялся по лестнице мрачный полицейский, чтобы перерезать веревку. Тело упало вниз, задев головой кирпичную кладку. Разбитое, оно лежало на траве, глаза Чессы глядели в небо, а на лице продолжала сиять нарисованная клоунская улыбка.

* * *

Дни перед похоронами Чессы были мрачными. Небо над Пирфордом стало серым и постоянно содрогалось от далекого грома. Катерина проводила все время в одиночестве в темной гостиной, уставившись в никуда. Из письменного сообщения следователя выходило, что у Чессы в крови перед сме-

ртью был высокий уровень бенадрила, лекарства против аллергии, но это только добавило неясности. Все вокруг только и говорили о самоубийстве няни. Чтобы не давать репортажам пищи для всяческих домыслов по поводу происшедшего, Торн оставался дома, посвящая все время жене. Он очень боялся, что она впадет в то состояние, которое мучило Катерину несколько лет назад.

— Ты вся извелась, дорогая,— сказал он однажды, войдя в гостиную.— Она же не была членом нашей семьи.

— Была,— тихо ответила Катерина.— Она говорила мне, что хотела бы всегда жить с нами.

Торн покачал головой.

— Видимо, она передумала,— он не хотел, чтобы его слова прозвучали бездушно, и боялся встретиться с Катериной взглядом в темноте.

— Извини,— добавил он.— Но мне не нравится, что ты в таком состоянии.

— Я во всем виновата, Джереми.

— Ты?

— На дне рождения был один момент...

Торн пересек комнату и сел рядом.

— На нее все обращали внимание,— продолжала Катерина,— и я начала ревновать. Я забрала у нее Дэмьена, потому что сама хотела быть центральной фигурой.

— По-моему, ты к себе слишком строга. У девушки была расстроенная психика.

— И у меня тоже,— проговорила Катерина.— Если для меня так важно быть в центре внимания.

Она замолчала. Все уже было сказано. Торн обнял ее и подождал, пока она не заснула. Сон ее был похож на тот, который он наблюдал во времена, когда она принимала либриум, и Торн подумал, что, может быть, смерть Чессы ее так потрясла, что она опять стала его принимать. Он просидел так около часа, а потом аккуратно взял жену на руки и отнес в спальню.

На следующий день Катерина пошла на похороны Чессы и взяла с собой Дэмьена. Народу было очень мало, только семья девушки и Катерина с Дэмьеном. Все происходило на маленьком кладбище в пригороде. При обряде присутствовал лысеющий священник, который читал отрывки из Священного писания и держал при этом над головой сложенную газету, спасаясь от моросящего дождя. Торн отказался присутствовать на похоронах, опасаясь общественного мнения,

и предупредил Катерину, чтобы та тоже не ходила. Но она не послушалась, так как любила девушку и хотела проводить ее в последний раз.

За оградой кладбища толклись репортеры, сдерживаемые двумя морскими пехотинцами-американцами, которых в последнюю минуту прислал из посольства Торн. Среди газетчиков был и Дженнингс. Закутанный в черный непромокаемый плащ, обутый в высокие сапоги, он основательно устроился в дальних деревьях, наблюдая оттуда за церемонией с помощью длиннофокусного объектива. Это был даже не объектив, а некое чудовищное сооружение, установленное на штативе. С такой штукой можно было запросто сфотографировать спаривающихся мух на Луне. Репортер аккуратно переводил объектив с одного лица на другое: семья в слезах, Катерина в состоянии протрации, рядом с ней ребенок, беспокойный, возбужденный, с горящими, воспаленными глазами.

Именно ребенок заинтересовал Дженнингса, и он стал терпеливо поджидать момента, когда можно будет щелкнуть затвором. Такой случай представился. Блеск в глазах и выражение лица Дэмьена изменилось, как будто что-то испугало мальчика, но через минуту он опять был спокоен, как будто что-то согревало его под холодным морозящим дождем. Глаза Дэмьена были обращены в сторону дальнего угла кладбища. Дженнингс перевел в ту же сторону свой телескопический объектив, но ничего, кроме надгробных плит, не увидел. Затем вдали что-то шевельнулось. Темный, расплывчатый предмет возник в объективе, и Дженнингс навел резкость. Это был зверь. Собака. Огромная и черная, с глубоко посаженными на узкой морде глазами. Нижняя челюсть пса выступала вперед, обнажая зубы. Никто больше не заметил ее. Собака замерла, как статуя, и уставилась перед собой. Дженнингс проклинал себя за то, что зарядил черно-белую пленку: желтые собачьи глаза делали всю сцену страшной и таинственной. Он поставил диафрагму так, чтобы на фотографии они казались совсем белыми, затем перевел объектив на мальчика и щелкнул затвором.

Для подобной сцены стоило потратить утро, и, упаковывая аппарат, Дженнингс почувствовал себя вполне удовлетворенным, но не совсем спокойным. Он поглядел на вершину холма — гроб уже опускали в могилу. Собака и ребенок казались издали крохотными, но их бессловесная связь была очевидной.

На следующий день произошли два события: дождь пошел сильнее, и появилась миссис Бэйлок, энергичная ирландка, которая подошла к воротам и объявила, что она — новая няня. Охранник хотел было задержать ее, но миссис Бэйлок протаранила себе путь, вызвав таким бурным натиском и уважение, и страх.

— Я знаю, вам сейчас нелегко, — сказала она Торнам, снимая пальто в вестибюле, — поэтому я не буду напоминать о вашем горе. Но, между нами говоря, каждый, кто нанимает няней такую молоденькую девочку, сам напрашивается на неприятности.

Она передвигалась быстро, и, казалось, даже воздух зашевелился от движений ее грузного тела. Торн и Катерина молчали, пораженные ее уверенностью.

— А знаете, как определить хорошую няню? — Она рассмеялась. — По размеру груди. Эти маленькие девочки с пупырышками могут сменяться каждую неделю. А с таким размером, как у меня, остаются надолго. Сходите в Гайд-парк и увидите, что я права.

Она на секунду замолчала и подняла чемодан.

— Ну, хорошо. А где же мальчик?

— Я покажу, — сказала Катерина, поднимаясь по лестнице.

— Оставьте нас пока вдвоем, ладно? Мы сами познакомимся, — предложила миссис Бейлок.

— Дэмьен стесняется незнакомых людей.

— Ну, уж только не меня, поверьте.

— Нет, право же...

— Чепуха. Я попробую.

В ту же секунду она двинулась, и ее массивное тело скрылось из виду. В тишине, наступившей после ее ухода, Торны переглянулись, потом Джереми неопределенно кивнул.

— Мне она нравится, — сказал он.

— И мне тоже.

— Где ты ее нашла?

— Где я ее нашла? — переспросила Катерина.

— Ну да.

— Я ее не находила. Я подумала, что это ты ее нашел.

В ту же секунду Торн позвал новую няню:

— Миссис Бэйлок!

Она вышла на площадку второго этажа и взглянула на Торнов сверху:

— Да?

— Извините... мы не совсем понимаем.
— В чем дело?
— Нам непонятно, как вы сюда попали.
— На такси. Но я его уже отпустила.
— Нет, я имею в виду... кто вас прислал?
— Контора.
— Контора?
— Из газет они узнали, что вы потеряли няню, и прислали другую. Меня.

Торн знал, как трудно сейчас в Лондоне найти работу, и объяснение показалось правдоподобным.

— Они весьма предприимчивы, — сказал он.

— Может быть, я позвоню, чтобы они все это подтвердили? — предложила Катерина.

— Конечно, — холодно ответила женщина. — А мне пока подождать на улице?

— Нет-нет... — постарался сгладить неловкость положения Торн.

— Я похожа на иностранного шпиона? — довольно грозно спросила миссис Бэйлок.

— Да нет, не очень, — натянуто улыбнулся Торн.

— Не будьте так самоуверенны, — ответила большегрудая няня. — Может быть, у меня за корсажем полно магнитофонов. Можно вызвать молоденького солдата — пусть меня обыщет.

Все облегченно рассмеялись, и громче всех сама миссис Бэйлок.

— Ладно, идите, — сказал Торн. — Мы потом проверим.

Торны прошли в кабинет, но Катерина все же позвонила в контору. Ей сказали, что у миссис Бэйлок большая практика и хорошие рекомендации. Единственная загвоздка в том, что она числится работающей в Риме. Но, видимо, у нее изменились обстоятельства, и это просто не успели занести в бумаги. Они все выяснят, как только вернется из четырехнедельного отпуска менеджер конторы, направивший ее к Торнам.

Катерина повесила трубку и посмотрела на мужа. Он пожал плечами, но был доволен, что все прояснилось. Миссис Бэйлок казалась несколько эксцентричной, но зато полной жизни, что сейчас было самым необходимым в их доме...

Наверху миссис Бэйлок без улыбки глядела на мальчика, дремавшего в кровати. Он, наверное, смотрел на дождь, опершись подбородком о карниз, да так и заснул, рука его

еще держалась за оконную раму. Женщина смотрела на него, и губы у нее затряслись, будто она созерцала произведение неповторимой красоты. Ребенок услышал неровное дыхание, открыл глаза и встретился с ней взглядом. Он напрягся и сел в кровати, прижавшись к спинке.

— Не бойся, крошка,— прошептала новая няня срывающимся голосом.— Я пришла, чтобы защитить тебя.

С небес раздался неожиданный раскат грома. Дождь усиливался.

Глава четвертая

К июлю в сельской местности Англии все расцвело. Необычно долгий дождливый сезон привел к тому, что все приоткрытые Темзы разлились и вызвали к жизни даже засохшие семена. Откликнулись на это и земли Пирфорда: они густо зазеленели и ожили; леса, начинавшиеся сразу за садами, стали непроходимыми от трав и скрывали множество животных. Гортон, боясь, что дикие кролики скоро начнут выходить из леса и грызть тюльпаны, поставил на них ловушки: пронзительные крики попавших в капканы зверьков можно было слышать по ночам. Но скоро все кончилось, и не только потому, что Катерина настояла на этом, но также из-за того, что Гортону самому было неприятно ходить в лес и собирать останки несчастных кроликов. Кроме того, он чувствовал на себе чей-то взгляд, будто следящий за ним из зарослей. Когда он признался в этом своей жене, та рассмеялась и сказала, что то скорее всего призрак короля Генриха Пятого. Но Гортону было не до шуток, он отказался ходить в лес, будучи очень озабочен тем, что новая няня, миссис Бэйлок, часто брала туда Дэмьена и находила там Бог знает какие вещи, которые развлекали его часами. Гортон также заметил, помогая жене стирать, что на одежде мальчика было много черных волос, будто он возился с каким-то животным. Но он не смог обнаружить связи между волосками и путешествиями в Пирфордский лес и решил считать это еще одной неприятной загадкой дома Пирфорд, которых становилось все больше.

Катерина стала уделять все меньше и меньше времени ребенку, ее заменила новая няня. Миссис Бэйлок и в самом деле была прекрасной гувернанткой, и ребенок полюбил ее. Одно только тревожило и казалось даже неестественным: мальчик предпочитал ее обществу обществу своей собствен-

ной матери. Все слуги замечали и обсуждали это, им было обидно за хозяйку, которую новая няня вытеснила из сердца сына. Им хотелось, чтобы миссис Бэйлок уехала. Но вместо этого ее положение укреплялось с каждым днем, а влияние на хозяев дома усиливалось.

Катерина чувствовала то же самое, но не могла что-либо изменить. Она не хотела показывать ревность к человеку, которого любил ее ребенок. Она чувствовала себя виноватой в том, что однажды лишила Дэмьена любимого друга, и не хотела, чтобы это повторилось. Когда в конце второй недели миссис Бэйлок попросила перевести ее в комнату напротив спальни Дэмьена, Катерина согласилась. Наверное, у богатых так бывает всегда. Сама Катерина воспитывалась в более скромной семье, и только мать была ее единственным другом и защитником. Но здесь жизнь иная. Она была хозяйкой огромного дома, и, возможно, пришло время для подобных поступков.

Вновь обретенная свобода использовалась Катериной в полной мере: по утрам она занималась благотворительностью, днем посещала чаепития, на которых велись беседы о политике. Муж одобрял ее занятия. Катерина перестала быть хрупким цветком — она стала львицей, обладающей такими энергией и уверенностью, которых он раньше никогда в ней не замечал. Именно такую жену он мечтал иметь, и, хотя подобная резкая перемена ее характера слегка обеспокоила его, он никоим образом не мешал ей. Даже в постели она стала другой — более возбужденной и страстной. Торн не понимал, что это было скорее выражение отчаяния, чем желания.

Работа Торна занимала все его время, с назначением в Лондон он стал центральной фигурой по вопросам нефтяного импорта. Президент США очень рассчитывал на результаты его встречи с нефтяными шейхами. Через несколько недель Торн должен был лететь в Саудовскую Аравию, но один, потому что арабы считали присутствие женщин в деловой поездке проявлением мужской слабости.

— Я не могу понять этого, — сказала Катерина, когда он ей все объяснил.

— Это часть их культуры, — ответил Торн. — Я еду в их страну и должен считаться с национальными обычаями.

— А они не должны считаться с тобой?

— Конечно, должны.

— Но я ведь тоже часть культуры!

— Катерина!

— Я видела этих шейхов. Я видела женщин, которых они покупают. Куда бы они ни шли, вокруг них всегда вертятся проститутки. Может быть, они и от тебя ждут того же?

— Честно говоря, я не знаю.

Они разговаривали в спальне, было уже поздно — не самое лучшее время для споров.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросила Катерина.

— Это очень важная поездка, Кэти.

— И если они захотят, чтобы ты спал с проституткой...

— Если они захотят, чтобы я спал с их евнухом, я буду спать с их евнухом! Ты знаешь, ЧТО поставлено на карту?

Катерина с трудом нашла в себе силы ответить.

— А какова моя роль в этом? — тихо спросила она.

— Ты будешь здесь. То, что делаешь ты, не менее важно.

— Мне не нужен твой покровительственный тон!

— Я просто хочу, чтобы ты поняла...

— Что ты спасешь мир, если будешь делать то, что они захотят?

— Можно сказать, что и так.

Она взглянула на него так, как никогда раньше не смотрела. Пристально. С неприязнью. Ему стало неприятно.

— Наверное, все мы проститутки, Джереми, — сказала она. — Ты — для них, а я — для тебя. Поэтому пошли в постель.

Он нарочно пробыл в ванне долгое время, надеясь, что, когда вернется, жена уже будет спать. Но она не спала. Она ждала его, и Торн ощутил в воздухе запах духов. Он сел на кровать и долго смотрел на нее. Наконец она улыбнулась и сказала:

— Извини меня. Я все понимаю.

Она взяла его за голову и притянула к себе. Потом они стали заниматься любовью, но совершенно по-новому. Катерина отказалась двигаться, но не отпускала мужа, прося, заставляя его довести все до конца. Когда все было закончено, она расслабила руки, и он посмотрел на нее с болью и смятением.

— Иди и спасай мир, — прошептала Катерина. — И делай все, что они тебе прикажут.

В эту ночь Торн не мог заснуть, он сидел у застекленной балконной двери и любовался лунной ночью. Он видел лес, онемевший и застывший, словно некое сонное существо.

Но лес не спал, и Торну вдруг почудилось, будто кто-то смотрит на него. Торн подошел к порогу, взял бинокль и приставил его к глазам. Сначала он не видел ничего, кроме темноты. И вдруг заметил глаза! Два темных светящихся уголька, отражающих свет луны, близко поставленные, темно-желтые. Они были направлены в сторону дома. Торн содрогнулся, опустил бинокль и отступил назад. Он оставался некоторое время в комнате, потрясенный увиденным, а потом заставил себя выйти, босиком спустился по лестнице к входной двери и медленно вышел на улицу. Было совсем тихо, даже сверчки замолчали. Торн снова двинулся вперед, как будто его что-то влекло к лесу. В чаще он остановился. Никого не было. Два светящихся уголька исчезли. Он повернулся и угодил ногой во что-то теплое и мокрое. У Торна перехватило дыхание, он отступил в сторону и склонился над землей. Это был мертвый кролик, только что убитый. Головы у зверька не было...

На следующее утро Торн встал пораньше и спросил Гортон, продолжает ли тот ставить ловушки на кроликов. Гортон ответил отрицательно, и тогда Торн привел его в лес, к тому месту, где лежали останки животного. Над тельцем кружились мухи, Гортон веткой отогнал их, а потом нагнулся и исследовал трупик.

— Что вы думаете? — спросил Торн. — У нас завелся хищник?

— Не могу понять, сэр. Но сомневаюсь.

Он поднял окоченевшую тушку и с отвращением показал ее Торну.

— Хищники обычно оставляют голову, а не съедают. Тот, кто убил его, сделал это для развлечения.

Торн велел Гортону убрать труп и никому не говорить об этом. Они двинулись вперед, но Гортон вдруг остановился.

— Мне очень не нравится этот лес, сэр. И не нравится, что миссис Бэйлок водит сюда вашего мальчика.

— Скажите ей, чтобы она больше этого не делала, — ответил Торн. — На лужайке тоже много интересного.

Гортон исполнил приказание, и Торн впервые заметил, что в доме не все ладно. Миссис Бэйлок отыскала его вечером в кабинете и выразила свое негодование по поводу того, что приказания ей передают через слуг.

— Конечно, я все сделаю, — сказала она презрительно, — но считаю, что приказания мне должен давать непосредственно хозяин.

— Не вижу никакой разницы, — ответил Торн. Его удивила ярость, сверкнувшая в глазах женщины.

— Это разница между большим домом и маленьким домишком, мистер Торн. У меня появляется чувство, что здесь нет главного человека.

Она повернулась на каблуках и вышла, а Торн так и не понял, что она имела в виду. Если она намекала на слуг, то ими командовала Катерина. Кроме того, он часто отсутствовал. Возможно, миссис Бэйлок хотела сказать, что в доме не все так хорошо, как кажется. Что поведение Катерины, возможно, вышло из-под контроля...

* * *

В Челси на третьем этаже своего убогого жилища не спал репортер Габер Дженнингс. Он смотрел на растущую галерею фотографий Торнов, украшавшую стену в темной комнате. Фотографии похорон, темные и унылые: крупным планом собака среди надгробий, крупным планом мальчик. Здесь же фотографии, сделанные на дне рождения: Катерина смотрит на няню, няня в клоунском костюме совершенно одна. Последняя фотография особенно заинтересовала его, потому что над головой няни темнело пятно. Обычный фотодефект, но сейчас он смотрелся как некое знамение несчастья. Видимо, была повреждена эмульсия, и над головой няни в виде легкого тумана образовался обруч, заходящий на шею. При других обстоятельствах такая испорченная фотография была бы выкинута, но эту стоило оставить. Конечно, при условии, что были известны дальнейшие события, это пятнышко носило символический характер — будто бы над несчастной Чессой нависла тень судьбы. На последней фотографии было запечатлено ее тело, висевшее на веревке, — страшная реальность, которой заканчивалась подборка. Вся эта галерея создавала некую фотозапись кошмара. И это нравилось Дженнингсу. Он изучал Торнов по всем доступным источникам и нашел в их семье нечто необычное, что никто до него еще не находил. Он принялся копаться в истории семьи, для чего завел контакты с американцами.

Выяснилось, что Катерина происходила из семьи русских эмигрантов и ее родной отец покончил жизнь самоубийством: статья в «Миннеаполис Таймс» рассказывала, что он бросился с крыши своей конторы в Миннеаполисе. Катерина родилась через месяц после самоубийства, а ее мать вторично

вышла змуж и переехала с мужем в Нью-Гэмпшир. Катерина носила его фамилию, и в скудных интервью, данных ею за все эти годы, она никогда не упоминала об отчине. У репортера росла уверенность в том, что он попал в нужную струю.

Ему не хватало только фотографии самого посла, и Дженнингс надеялся получить ее на следующий день. В церкви Всех Святых должно было состояться венчание знатных особ, и семья Торнов скорее всего будет на нем присутствовать. Конечно, такое событие было не в стиле Дженнингса, но пока что ему везло и, может быть, повезет снова.

...За день до венчания Торн оставил свои обычные субботние дела в посольстве и поехал с Катериной за город. Его очень беспокоили их спор и странная близость, которая последовала за ним, поэтому он хотел побыть с ней наедине и выяснить, что с ней происходит. Впервые за последние несколько месяцев Катерина повеселела, наслаждалась поездкой и держала его за руку, пока они бродили на лоне природы. В полдень они очутились в Стрэтфорде-на-Эвон и пошли на любительский спектакль «Король Лир». Катерина была поглощена пьесой и даже прослезилась. Монолог короля Лира «Зачем собака, крыса дышит... коль у тебя дыханья нет...» растрогал ее до глубины души, она заплакала уже открыто, и Торн долго успокаивал ее в пустом театре, когда пьеса уже закончилась и зрители разошлись.

Они вернулись в машину и поехали дальше, Катерина продолжала легонько сжимать руку мужа, и всплеск эмоций вернул близость, которая давно исчезла в их отношениях. Теперь она была чувствительна ко всему, и когда они остановились у реки, Катерина снова расплакалась. Она рассказала о своих страхах, о боязни потерять Дэмьена, она не переживет, если с ним что-нибудь случится.

— Ты не потеряешь его, Кэти,— нежно успокаивал ее Торн.— Жизнь не может быть настолько жестокой.

Он давно уже не называл ее Кэти, и это слово как бы напомнило о расстоянии, увеличивающемся между ними в последние месяцы. Они сели на траву под огромным дубом, и голос Катерины упал до шепота.

— Я так боюсь,— сказала она.

— Бояться совершенно нечего.

Огромный майский жук полз мимо нее, и она смотрела, как он пробирается между травинок.

— Что ты боишься, Катерина?

— А чего мне не бояться?

Он смотрел на нее, ожидая продолжения.

— Я боюсь хорошего, потому что оно уйдет... Я боюсь плохого, потому что я очень слабая... Я боюсь твоих успехов и неудач. И я боюсь, что не имею никакого отношения к ним. Я боюсь, что ты станешь Президентом Соединенных Штатов, Джереми... и тебе придется терпеть жену, которая тебя недостойна.

— Ты все делаешь прекрасно,— попытался успокоить ее Торн.

— Но мне это не нравится!

Признание было таким простым и как-то успокоило их, кое-что прояснив.

— Тебя это шокирует? — спросила Катерина.

— Немного,— ответил Джереми.

— Ты знаешь, чего я хочу больше всего?

Он покачал головой.

— Я хочу, чтобы мы вернулись домой.

Он лег на траву, уставившись на зеленые листья дуба.

— Больше всего, Джереми. Уехать туда, где мы будем в безопасности. Туда, где мы родились.

Последовала долгая пауза. Она легла рядом, и Торн обнял ее.

— Здесь тоже безопасно. В твоих объятиях.

— Да.

Катерина закрыла глаза, и на ее лице появилась мечтательная улыбка.

— Это Нью-Джерси, правда? — прошептала она. — А там, на том холме, не наша ли маленькая ферма? Та самая, на которой мы работаем?

— Это очень большой холм, Кэти.

— Я знаю. Знаю. Нам никогда через него не перейти.

Поднялся легкий ветерок и зашевелил листву под ними. Торн и Катерина молча наблюдали, как солнечные зайчики бегают по их лицам.

— Может, Дэмьен сумеет,— прошептал Джереми. — Может быть, он станет процветающим фермером.

— Вряд ли. Он весь в тебя.

Торн не ответил.

— Это правда,— продолжала Катерина. — Как будто я вообще не имею с ним ничего общего.

Торн приподнялся и посмотрел на ее погрузневшее лицо.

— Почему ты так говоришь?

Она пожала плечами, не зная, как это объяснить.

— Он очень самостоятельный. Похоже, ему вообще никто не нужен.

— Так только кажется.

— Он не привязан ко мне, как обычно ребенок привязывается к матери. А ты любил свою мать?

— Да.

— А свою жену?

Их глаза встретились, и он погладил ее по лицу. Катерина поцеловала его руку.

— Я не хочу отсюда уходить, — прошептала она. — Я хочу лежать так всю жизнь.

— Знаешь, Кэти, — произнес Торн после долгого молчания, — когда я увидел тебя в первый раз, я подумал, что ты самая красивая женщина на свете.

Она благодарно улыбнулась.

— Я до сих пор так думаю, Кэти, — прошептал он. — До сих пор.

— Я люблю тебя, — сказала Катерина.

— Я очень люблю тебя, — ответил Джереми.

Она сжала губы, в глазах заблестели слезы.

— Я даже хочу, чтобы мы с тобой больше ни о чем не говорили. Я хочу запомнить сказанное только что.

Когда она снова открыла глаза, было уже темно.

Они вернулись в Пирфорд поздно, в доме все уже спали. Супруги разожгли огонь в камине, налили себе вина и сели рядом на мягкую, обитую кожей кушетку.

— А чем мы будем заниматься в Белом доме? — спросила Катерина.

— Он очень далеко.

— А любовью там можно заниматься?

— Почему бы и нет?

— А не будет ли это противно в спальне Линкольна?

— Противно?

— Что мы такие низменные.

— В спальне Линкольна?

— Прямо на его кровати!

— Ну, он, наверное, подвинется.

— О, он может к нам присоединиться.

Торн засмеялся и прижал ее к себе.

— Придется еще как-то привыкать к туристам, — добавила Катерина. — Они проходят через спальню Линкольна три раза в день.

— А мы запрем дверь.

— Нет, так не пойдет. Вот что: будем брать с них дополнительную плату!

Он опять засмеялся, довольный ее хорошим настроением.

— Взгляните сюда,— продолжала дурачиться Катерина.— Посмотрите, как президент трахает свою жену.

— Кэти!

— Кэти и Джерри вместе. Старик Линкольн переворачивается в гробу.

— Что это на тебя нашло? — попытался урезонить жену Торн.

— Ты.

Она засмеялась, и Торн присоединился к ней. И этот день, и эта ночь были именно такими, о которых она мечтала всегда.

Следующий день начался прекрасно. К девяти часам утра Торн был уже одет для посещения венчания и весело спустился в гостиную.

— Кэти! — позвал он.

— Еще не готова,— раздался из ванной ее голос.

— Мы опоздаем.

— Наверняка.

— Они будут ждать нас, поэтому поторопись.

— Я стараюсь.

— Дэмьен уже одет?

— Надеюсь, что да.

— Я не могу опаздывать.

— Попроси миссис Гортон приготовить тосты.

— Я не хочу завтракать.

— Я хочу.

— Лучше поторопись.

Гортон уже подал лимузин к подъезду. Торн вышел на улицу и жестом попросил его подождать еще немного, потом быстро вернулся на кухню.

Катерина вышла из комнаты, на ходу завязывая пояс на белом платье, и направилась в комнату Дэмьена, громко говоря:

— Пошли, Дэмьен! Все уже готовы!

В комнате мальчика не было. Она услышала плеск воды в ванной, быстро прошла туда и вскрикнула от негодования:

Дэмыен все еще сидел в ванной, а миссис Бэйлок продолжала его мыть.

— Миссис Бэйлок, — грозно сказала Катерина, — я просила вас, чтобы мальчик был одет не позднее...

— Если вы не против, мэм, я думаю, что ему лучше пойти погулять в парк.

— Я сказала, что мы собираемся взять его с собой в церковь!

— Церковь — неподходящее место для маленького мальчика в такой солнечный день.

Женщина улыбалась. Очевидно, она не понимала всей серьезности положения.

— Уж вы простите, — Катерина старалась говорить спокойно, — но нам очень важно быть в церкви.

— Он еще очень мал для церкви. Он там будет шалить, — настаивала на своем миссис Бэйлок.

— Вы, кажется, не понимаете меня? — твердо сказала Катерина. — Я хочу, чтобы он поехал с нами в церковь.

Миссис Бэйлок напряглась, оскорбленная тоном Катерины. Ребенок тоже почувствовал неладное и придвинулся поближе к няне, а та, сидя на полу, смотрела снизу вверх на его мать.

— Он раньше бывал в церкви? — спросила миссис Бэйлок.

— Я не понимаю, какое это имеет значение...

— Кэтти!! — закричал Торн.

— Иду! — отозвалась она и строго посмотрела на женщину, но та ответила точно таким же взглядом:

— Извините, что я высказываю свое мнение, но неужели вы думаете, что четырехлетний ребенок поймет церковный обряд церемонии католического венчания?

У Катерины перехватило дыхание.

— Я католичка, миссис Бэйлок, и мой муж — тоже!

— Кому-то надо быть католиками, — отпарировала женщина.

Катерина стояла, окаменев от внезапного нападения.

— Вам придется одеть моего сына, — произнесла она как можно спокойней, — и привести к машине в течение пяти минут. Или же подыскивайте себе работу в другом месте.

— Возможно, я так и поступлю.

— Это ваше дело.

— Я подумую об этом.

— Надеюсь.

Наступила напряженная тишина, потом Катерина повернулась и собралась уходить.

— Кстати, насчет церкви... — сказала миссис Бэйлок.

— Да?

— Вы пожалеете, что взяли его.

Катерина вышла. Не прошло и пяти минут, как Дэмьен, чистый и одетый, стоял у машины.

Они поехали через Шеппертон, где строилось новое шоссе, и попали в большую пробку. От этого напряжение, и без того царившее в машине, усилилось.

— Что-нибудь случилось? — спросил Торн, посмотрев на жену.

— Ничего особенного.

— Ты очень сердита.

— Ерунда.

— Что случилось.

— Да так.

— Ну, ладно. Рассказывай.

— Миссис Бэйлок, — сказала со вздохом Катерина.

— Что там у нее?

— Мы поговорили.

— О чем?

— Она хотела погулять с Дэмьеном в парке.

— Разве это плохо?

— Вместо церкви.

— Не могу сказать, что я был бы против этого.

— Она делала все, чтобы он с нами не поехал.

— Наверное, ей без него скучно.

— Я не знаю, хорошо ли это.

Торн пожал плечами и невидящим взглядом уставился вперед, в то время как они продвигались в рычащей веренице автомобилей.

— Объехать никак нельзя, Гортон? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил Гортон, — но если вы не против, я хотел бы сказать кое-что о миссис Бэйлок.

Торн и Катерина переглянулись, удивившись такому заявлению.

— Говорите, — сказал Торн.

— Я не хочу говорить в присутствии малыша.

Катерина посмотрела на Дэмьена. Он играл шнурками новых ботинок и, очевидно, не прислушивался к разговору.

— Все в порядке, — сказала Катерина.

— Мне кажется, она плохо на него влияет,— продолжал Гортон.— Она не уважает правила, заведенные в доме.

— Какие правила? — спросил Торн.

— Я не хотел бы вдаваться в подробности, сэр.

— Пожалуйста.

— Ну, вот хотя бы: у нас принято, чтобы слуги ели вместе, а посуду мыли по очереди.

Торн посмотрел на Катерину. Очевидно, ничего страшного в этом не было.

— Она с нами никогда не ест,— продолжал Гортон.— Наверное, она спускается после того, как все поедят, и берет еду для себя.

— Понимаю,— сказал Торн с напускной озабоченностью

— И потом оставляет свои тарелки.

— Я думаю, можно попросить ее больше так не делать.

— Также у нас принято не выходить на улицу после того, как в доме погасили свет,— продолжал Гортон,— а я не раз видел, как она среди ночи шла в лес. И шла очень тихо, явно надеясь, что ее никто не услышит.

Торны задумались, сказанное очень удивило их.

— Это как-то странно... — пробормотал Джереми.

— И еще одно деликатное дело. Вы уж меня извините,— сказал Гортон,— но мы заметили, что она не пользуется туалетной бумагой. Мы не меняли рулон в ее кабинке с тех пор, как она появилась.

На заднем сиденье Торны переглянулись. История становилась непонятной.

— Я думаю, что она делает это в лесу, что совсем не похоже на поведение цивилизованного человека.

Наступило молчание. Торны были ошеломлены.

— И еще одно, сэр. Еще одно плохо.

— Что еще, Гортон? — со страхом спросил Торн.

— Она заказывает по телефону международные разговоры с Римом.

Закончив свою речь, Гортон отыскал свободное место между машинами и быстро выехал из пробки. Пейзаж замелькал перед глазами, Катерина и Торн тихо переговаривались, изредка поглядывая друг на друга.

— Сегодня она вела себя вызывающе,— сказала Катерина.

— Ты хочешь ее уволить?

— Не знаю. А ты?

Торн пожал плечами.

- Похоже, что Дэмьен к ней привык.
- Я знаю.
- С этим надо считаться.
- Да, — вздохнула Катерина. — Конечно.
- Но ты можешь ее уволить, если хочешь.

Катерина помолчала немного.

- Я думаю, она сама уйдет.

Дэмьен сидел между ними, уставившись в пол. Машина въезжала в город.

Церковь Всех Святых была гигантским строением. Здесь слились воедино элементы архитектуры XVII, XVIII, XIX и XX веков. Огромные входные двери были всегда открыты, внутри днем и ночью горел свет. Сегодня лестница, ведущая к дверям, была покрыта ковром цветов, и по обе ее стороны стояли торжественно одетые шафера. На торжество собралось множество людей, и охранники с трудом сдерживали толпу. Это отнимало много времени, и лимузинам пришлось выстроиться в цепочку в ожидании своей очереди. Они подъезжали к дверям церкви и высаживали пассажиров.

Лимузин Торнов из-за опоздания оказался позади остальных машин. Здесь охраны не было, и люди окружили машину, бесцеремонно заглядывая внутрь. Автомобиль медленно продвигался вперед, а толпа все сгущалась. Задремавший Дэмьен очнулся, и его испугали люди, заглядывающие в окна. Катерина прижала мальчика к себе и посмотрела вперед. Людей становилось все больше, они уже начали толкать машину. Уродливая голова гидроцефала приблизилась к окошку, и он начал стучать по стеклу, как будто просился в машину.

Катерина отвернулась, ей стало нехорошо, а урод расхохотался и понес какую-то чушь.

— Боже мой, — сказала Катерина поборов тошноту. — Что здесь происходит?

- Затор на целый квартал, — ответил Гортон.

- Объехать никак нельзя?

- Машины стоят бампер к бамперу и сзади, и спереди.

Стук по стеклу продолжался, и Катерина закрыла глаза, пытаясь не слышать все усиливающийся неприятный звук.

— Неужели никак нельзя отсюда выбраться? — взмолилась она.

Дэмьен тоже разделял тревогу матери, в его глазах появилось беспокойство.

— Все хорошо... все в порядке,— успокаивал малыша Торн, заметив его тревогу.— Эти люди нас не обидят, они только хотят посмотреть, кто сидит в машине.

Но глаза ребенка начали расширяться от ужаса, только смотрели они не на толпу, а выше,— на поднимающийся совсем рядом шпиль церкви.

— Не надо бояться, Дэмьен,— сказал Торн.— Мы едем смотреть свадьбу.

Страх ребенка усиливался, лицо его напряглось. Машина неумолимо приближалась к церкви.

— Дэмьен...

Торн взглянул на Катерину, не спускавшую глаз с ребенка. Лицо Дэмьена стало совсем каменным, он весь сжался, хотя толпа давно отступила и перед ними предстал величественный собор.

— Все в порядке, Дэмьен,— шепнула Катерина.— Люди уже ушли...

Но взгляд ребенка был по-прежнему устремлен на церковь, а в глазах застыл страх.

— Что с ним случилось? — резко спросил Торн.

— Не знаю.

— Что с тобой, Дэмьен?

— Он перепуган до смерти.

Катерина протянула мальчику руку, и он вцепился в нее, с отчаянием заглядывая в глаза то ей, то Торну.

— Это всего лишь церковь, дорогой,— напряженно выговорила Катерина.

Мальчик резко отвернулся. Губы у него пересохли, он начал впадать в панику: дыхание стало прерывистым, кровь отхлынула от лица.

— Боже мой! — ахнула Катерина.

— Ему нехорошо?

— Он весь, как лед. Холодный, как лед!

Лимузин резко затормозил у церкви, дверца распахнулась: один из шаферов протянул руку Дэмьену, и тот забился в ужасе, вцепившись в платье Катерины.

— Дэмьен! — закричала Катерина.— Дэмьен!

Она пыталась разжать его пальцы, но он держался за платье со все большим отчаянием.

— Джереми! — Катерина теряла самообладание.

— Дэмьен! — крикнул на него Торн.

— Он рвет мое платье!

Торн наклонился к ребенку, но мальчик еще сильнее вцепился в мать, царапая ее по лицу, хватаясь за волосы, отчаянно пытаясь удержаться.

— Помогите! Боже! — взвизгнула Катерина.

— Дэмьен! — заорал Торн, тщетно пытаясь оторвать ребенка. — Дэмьен! Отпусти!

Дэмьен от ужаса пронзительно закричал. Собралась толпа, с любопытством наблюдающая за схваткой. Гортон, пытаясь как-то помочь, повернулся с переднего сиденья и попытался подтолкнуть его, чтобы вытащить на улицу. Но ребенок превратился в настоящего зверя, он орал, а его пальцы с острыми ногтями вонзились в лицо и голову Катерины. Ему удалось даже вырвать изрядный клочок ее волос.

— Уберите его! — закричала Катерина.

В ужасе она начала бить Дэмьена, пытаясь вывернуть руку, вцепившуюся ей в лицо. Резким движением Торн оторвал ребенка, схватил его в охапку и прижал к себе.

— Поехали! — крикнул он, задыхаясь, Гортону. — Поехали отсюда!

Ребенок продолжал биться. Гортон захлопнул двери, лимузин рванулся вперед.

— Боже мой, — всхлипывала Катерина, обхватив голову руками. — Боже... мой...

Лимузин двигался вперед, и судороги ребенка постепенно стихали, его голова запрокинулась в полном изнеможении. Гортон выехал на шоссе, и через несколько минут в машине наступила тишина. Глаза у Дэмьена горели, на лице проступили капельки пота. Торн все еще не отпускал его руки. Рядом сидела потрясенная Катерина, с растрепанными волосами, один ее глаз совсем закрылся. Ехали молча, никто не осмеливался заговорить.

Приехав в Пирфорд, они отвели Дэмьена в его комнату и немного посидели с ним. Лоб ребенка был холодный, и врача вызывать не пришлось. Дэмьен старался не смотреть на них: он, похоже, и сам испугался того, что натворил.

— Я позабочусь о нем, — спокойно сказала миссис Бэйлок, войдя в комнату.

Увидев ее, Дэмьен немного успокоился.

— Он очень перепуган, — сказала Катерина.

— Он не любит церковь, — ответила служанка. — Я же хотела повести его в парк.

— Он стал... совсем диким, — произнес Торн.

— Он просто рассердился. — Миссис Бэйлок прошла вперед и взяла Дэмьена на руки. Он прижался к ней, а Торны молча наблюдали. Затем медленно вышли из комнаты...

— Здесь что-то не так, — сказал ночью Гортон своей жене.

Она молча выслушала его рассказ о том, что произошло днем.

— Что-то не так с этой миссис Бэйлок, — продолжал он, — и что-то не то с этим мальчиком, и что-то не то во всем этом доме.

— Ты слишком серьезно все воспринимаешь, — ответила она.

— Если бы ты это видела, то поняла бы меня.

— Детская вспышка раздражительности.

— Звериная вспышка.

— Он очень горяч, вот и все.

— С каких это пор?

Она покачала головой и не ответила.

— Ты заглядывала когда-нибудь ему в глаза? — спросил Гортон. — Все равно как на зверя смотришь. Эти глаза наблюдают. Они ждут. Они ведают то, чего не знаешь ты. Они помнят места, в которых мы никогда не бывали.

— Опять ты со своими суеверными страхами.

— Подожди, и увидишь сама, — убеждал ее Гортон. — Здесь происходит что-то дурное.

— Что-то дурное происходит везде.

— Мне все это не нравится, — мрачно сказал он. — Я думаю, нам надо отсюда уехать.

В это время Торны сидели во внутреннем дворике. Было уже поздно. Дэмьен спал. Они молчали и смотрели в ночь. Лицо у Катерины припухло, виднелись кровоподтеки, и она ритмично прижимала к больному месту салфетку, смачивая ее время от времени теплой водой из кувшина, который стоял рядом.

— Ну, — сказала она, наконец, — самое лучшее, что можно сделать с плохим днем, это покончить с ним. Я иду спать.

— Я еще немного посижу и приду.

Шаги жены затихли, и Джереми остался наедине со своими мыслями.

Он смотрел на лес, но вместо него видел госпиталь в Риме, себя, стоящим у стеклянной перегородки и давшим согла-

сие на усыновление ребенка. Почему он не расспросил о матери Дэмьена? Кто она? Откуда? Кто отец ребенка, и почему он не пришел? За эти годы он делал некоторые предположения, которые умирляли его страхи. Возможно, настоящая мать Дэмьена была простой крестьянской девушкой, религиозной, и поэтому пришла рожать в католический госпиталь. Это был дорогой госпиталь, и она, не имея связей, не смогла бы туда попасть. Возможно, она была сиротой, потому не осталось родственников, а ребенок родился вне брака, — этим объяснялось и отсутствие отца. Что еще надо было знать? Что еще могло иметь значение? Ребенок родился подвижный, красивый и «совершенно здоровый».

Торн не привык сомневаться в своих поступках и обвинять себя, его мозг упорно настаивал на том, что он все сделал правильно. Тогда он был в отчаянии. Будучи чересчур ранимым и чувствительным, он мог легко поддаться внушению. Возможно, он поступил неправильно. Может быть, следовало узнать побольше?

Ответа на эти вопросы Торн так и не получил.

Только маленькая горстка людей знала их, но теперь они были разбросаны по всему земному шару. Сестра Тереза, отец Спиллетто, отец Тассоне. Только они знали. Лишь на их совести лежала эта тайна. Во мраке той далекой ночи они занимались своим делом, гордые тем, что избрали именно их. За всю историю Земли проделать подобное пытались лишь дважды, но лишь сейчас все должно было получиться. Их было трое, дело продвигалось безукоризненно, и ни одна живая душа не ведала о происходящем здесь. После рождения Дэмьена сестра Тереза подготовила его: вывела депилятором шерсть с рук и лба, припудрила его, чтобы дитя выглядело хорошо к тому моменту, когда появился Торн. Волосы на голове у новорожденного были очень густые, как они и рассчитывали, при помощи фена она распушила их, проверив сначала, есть ли на скальпе родинка. Торн никогда не увидит ни сестру Терезу, ни более мелкую фигуру — отца Тассоне, который тем временем в подвале укладывал в корзины два тела, чтобы увезти их. Первое тело принадлежало ребенку Торна — он замолчал прежде, чем успел закричать, второе — матери того, кто выжил. Снаружи ждал грузовик, готовый увезти трупы в Черветери, где в тишине кладбища Сент-Андже-ло у гробниц уже ждали могильщики.

План разрабатывался обществом дьяволопоклонников, и Спиллетто был главным. Он выбрал соучастников с боль-

шой осторожностью. Сестра Тереза вполне удовлетворяла его, но в последние минуты Спиллетто стал беспокоить отец Тассоне, чья вера рождена была страхом. В последний день он проявил нерешительность, что заставило Спиллетто задуматься. Тассоне был энергичным, но энергия его направлялась на себя самого, он делал все на грани отчаяния. Тассоне забыл о важности их миссии и вместо этого полностью отдался своей роли. Такое самосознание вело к возбуждению, и Спиллетто хотел вывести Тассоне из игры. Если один из них не выдержит, то отвечать придется всем троим. Но самое главное, это отложится еще на тысячу лет.

В конце концов Тассоне оправдал себя, преданно и усердно выполняя работу, и даже справился со случайностью, которую никто не мог предвидеть. Когда корзину грузили в машину, ребенок не был мертв и издавал звуки. Быстро сняв корзину, Тассоне вернулся с ней в подвал госпиталя и постарался, чтобы ребенок больше никогда не произнес ни звука. Содеянное сильно потрясло его. Но он сделал это, а остальное было неважно.

В ту ночь все вокруг казалось обычным: доктора и сестры выполняли свои ежедневные обязанности, ничуть не подозревая о том, что произошло совсем рядом. Все было сделано с тщательной осторожностью, и никто, в особенности Торн, не смог бы ничего узнать.

Он сидел во внутреннем дворике и смотрел в ночь. Вдруг Торн осознал, что Пирфордский лес больше не вызывает у него дурных предчувствий. Теперь лес казался мирным, а сверчки и лягушки создавали обычный шум, успокаивающий и наводящий на размышление о том, что жизнь везде шла своим естественным путем. Джереми перевел взгляд на дом, на комнату Дэмьена. Там горел ночник, и Торн представил себе лицо спящего мальчика. Сейчас, на исходе этого страшного дня, стоило посмотреть на Дэмьена. Джереми поднялся, погасил лампу и направился в спящий дом.

Внутри было совсем темно, тишина звенела в ушах. Торн на ощупь отыскал лестницу и поднялся наверх. Он тчательно попытался нащупать выключатель и прошел дальше. Все вокруг него навело сон, и Джереми медленно продвигался вдоль стены, повернул за угол коридора. Впереди находилась комната Дэмьена, слабый отсвет ночника выползал из-под двери. Торн остановился как вкопанный: ему показалось, что

он услышал звук. Этот звук походил на вибрацию или глухой рокот, который сразу же прекратился, прежде чем Торн успел в нем разобраться. Снова воцарилась полная тишина. Торн собрался шагнуть вперед, но звук повторился, на этот раз громче, отчего сердце Джереми чуть не взорвалось от собственного стука. Он глянул вниз и увидел глаза. Дыхание перехватило, и Торн, окаменев, прижался к стене; рычание усилилось, и из тьмы возникла собака, как страж, бросившаяся к двери ребенка. Глаза сверкали, уставившись на него, рычание не прекращалось.

— Ну... ну,— выговорил Торн срывающимся голосом, и от звука его зверь сжался, готовясь к прыжку.

— Спокойно,— сказала миссис Бэйлок, выходя из своей комнаты.— Это хозяин дома.

Собака сразу успокоилась, напряжение рассеялось. Миссис Бэйлок дотронулась до выключателя, и коридор тут же наполнился светом. Торн, уставившись на собаку, затаил дыхание.

— Что... это? — выдавил он.

— Сэр? — спокойно спросила миссис Бэйлок.

— Это собака.

— По-моему, овчарка. Красивая? Мы нашли ее в лесу. Собака, неожиданно присмирив, легла у ее ног.

— Кто дал вам разрешение...

— Я подумала, что нам может пригодиться сторожевая собака, и мальчик очень любит ее.

Торна, стоявшего в напряжении у стены, еще трясло, и миссис Бэйлок не смогла сдержать своего любопытства.

— Она вас испугала?

— Да.

— Видите, какая она хорошая. В смысле, как сторож. Поверьте, вы будете мне благодарны за нее, когда уедете.

— Куда я уеду? — спросил Торн.

— Разве вы не собираетесь в Саудовскую Аравию?

— Откуда вам известно про Саудовскую Аравию?

Она пожала плечами.

— Я не знала, что это такая тайна.

— Я никому не говорил о поездке.

— Миссис Гортон мне рассказала.

Торн кивнул и снова посмотрел на собаку.

— Она не будет никого беспокоить,— заверила его женщина.— Мы будем кормить ее объедками...

- Я не хочу, чтобы она оставалась, — отрезал Торн.
- Миссис Бэйлок посмотрела на него с удивлением.
- Вы не любите собак?
- Когда я захочу иметь собаку, я сам ее выберу.
- Но мальчику она очень нравится, сэр, она ему нужна.
- Я сам решу, какая собака ему нужна.
- Дети считают животных своими защитниками, сэр.

Остальное их не интересует.

Она посмотрела на него так, будто собиралась сообщить какую-то очень важную вещь.

- Вы... хотите еще что-то сообщить?

- Я не осмеливаюсь, сэр.

Но ее вид обеспокоил Торна.

— Если вы что-то хотите сказать, миссис Бэйлок, я с удовольствием вас выслушаю.

- Нет, сэр. У вас и так много дел...

- Я сказал, что выслушаю вас.

- Мне кажется, что ребенок чувствует себя одиноким.

- Почему он должен быть одиноким?

- Его мать не очень благожелательно относится к нему.

Торн застыл при этом замечании.

— Вот видите? — сказала она. — Мне не надо было говорить.

- Не очень благожелательно?

- Мне кажется, она не любит его. И он это чувствует.

Торн промолчал. Он не знал, что сказать.

— Мне иногда кажется, что у Дэмьена никого нет, кроме меня, — добавила женщина.

- Я думаю, что вы ошибаетесь.

— А теперь у него есть собака. Она ему нравится. Ради ребенка не выгоняйте ее.

Торн посмотрел вниз на огромного зверя и покачал головой:

- Мне не нравится эта собака. Завтра же выставите ее.

- Выставить — куда? — в изумлении спросила она.

- Отдайте собачникам.

- Но они же УБИВАЮТ их!

- Тогда просто вышвырните. Чтобы завтра ее не было.

Лицо миссис Бэйлок окаменело, и Торн отвернулся. Женщина и собака смотрели ему вслед; в их глазах горела ненависть.

Глава пятая

Торн провел бессонную ночь. Он сидел на террасе спальни и курил, вкус сигарет был ему уже отвратителен. Из комнаты доносились стоны Катерины, и он задумался над тем, с каким демоном борется она во сне. Не вернулся ли это старый демон депрессии, который снова начинает преследовать ее? Или ей снились кошмары пережитого дня?

Чтобы не думать о действительности, Торн начал размышлять и погрузился в свои фантазии, позабыв о реальных заботах и тревогах. В мечтах Торн провел всю ночь напролет.

Когда Катерина проснулась, раненый глаз распух еще сильнее и совсем закрылся. Уходя, Торн посоветовал ей все же обратиться к врачу. Больше они ни о чем не говорили. Катерина молчала, а Торн был занят проблемами нового дня. Оставалось собрать кое-какие мелочи для поездки в Саудовскую Аравию, но предчувствие, что ему не следует уезжать, угнетало Торна. Он боялся. За Катерину, за Дэмьена, за самого себя, и не мог понять почему. В воздухе ощущалось напряжение, казалось, что жизнь висит на волоске. Торн раньше никогда не задумывался о смерти, прежде она витала где-то очень далеко. Но сейчас сознание, что его жизнь каким-то образом находилась в опасности, занимало все его мысли.

В лимузине по дороге в посольство он небрежно заполнил бланки страховых полисов и набросал кое-какие указания, которые необходимо было соблюсти в случае его смерти. Торн делал это автоматически, не замечая, что подобное происходит впервые в его жизни. И только теперь, закончив писать, Торн вдруг ощутил страх; оцепенев, он просидел в напряженной тишине до тех пор, пока автомобиль не подъехал к посольству. Предчувствие чего-то страшного не покидало Джереми.

Лимузин остановился, и Торн вышел из него, дождавшись, пока машина уедет. Он увидел, как к нему стремительно приближаются двое мужчин. Один щелкнул фотоаппаратом, а другой принялся сыпать вопросами. Торн направился к посольству, но они встали у него на дороге.

— Вы читали сегодняшний «Репортер», мистер Торн?

— Нет, не читал...

— Там есть статья о вашей няне, о той, которая спрыгнула...

— Я не видел.

— В ней пишут, что та няня оставила после себя записку.

— Чепуха.

— Посмотрите в эту сторону, пожалуйста.— Это сказал Дженнингс, он быстро передвигался и щелкал фотоаппаратом.

— Дайте мне пройти,— попросил Торн, когда Дженнингс преградил ему дорогу.

— Это правда, что она принимала наркотики? — спросил второй репортер.

— Конечно, нет.

— После вскрытия в крови было обнаружено лекарство.

— Это было лекарство против аллергии,— ответил Торн, стиснув зубы.— У нее была аллергия...

— Говорят, там была передозировка...

— Не двигайтесь секундочку,— попросил Дженнингс.

— Уйдите же с дороги! — зарычал Торн.

— Это наша работа, сэр.

Торн шагнул в сторону, но они продолжали его преследовать и снова преградили путь.

— Она принимала наркотики, мистер Торн?

— Я уже сказал вам.

— А в статье говорится...

— Мне наплевать, что говорится в этой статье!

— Прекрасно! — воскликнул Дженнингс.— Еще секундочку не шевелитесь!

Он слишком быстро придвинул фотоаппарат, Торн резко толкнул его и вышиб из рук Дженнингса. Фотоаппарат с грохотом разбился о тротуар, и на какое-то мгновение все застыли, пораженные резкой вспышкой гнева.

— Неужели у вас нет никакого уважения? — выдавил Торн.

Дженнингс опустился на колени и снизу вверх взглянул на него.

— Извините,— удрученно произнес Торн. Голос у него дрожал.— Пришлите мне счет за убытки.

Дженнингс поднял разбитый аппарат, медленно встал и пожал плечами, глядя в глаза Торну.

— Все в порядке, мистер посол,— сказал он.— Давайте считать... что вы мне «должны».

После неловкого кивка Торн повернулся и пошел к посольству, в то же время на улицу выбежал солдат морской пехоты. Но было слишком поздно, и он увидел лишь последствия столкновения.

— Он разбил мою камеру,— сказал Дженнингс солдату.— Посол разбил мою камеру.

Они постояли немного в замешательстве, а потом разошлись, каждый в свою сторону.

В кабинете Торна царил переполох. Поездка в Саудовскую Аравию была в опасности, потому что Торн отказывался ехать, не давая никаких объяснений. Разработка планов поездки заняла почти две недели, и теперь помощники требовали от него объяснений, считая, что их разыграли и весь труд пропал даром.

— Вы не можете отменить ее,— убеждал один из помощников.— После всей подготовки вы не можете просто так взять и сказать...

— Она не отменяется,— возразил Торн,— она откладывается.

— Они воспримут это как оскорбление.

— Пусть будет так.

— Но почему?

— Я не могу сейчас уезжать,— сказал Торн.— Сейчас неподходящее время.

— Вы понимаете, что поставлено на карту? — спросил другой помощник.

— Дипломатия,— ответил Торн.

— Гораздо больше.

— Я пошлю кого-нибудь другого.

— Президент хотел, чтобы поехали вы.

— Я поговорю с ним. Я все объясню.

— Боже мой, Джереми! Мы планировали две недели!

— Тогда перепланируйте! — закричал Торн.

Такая внезапная вспышка гнева заставила всех умолкнуть. Зазвонил селектор, и Торн протянул к нему руку.

— Да?

— Вас хочет видеть отец Тассоне,— раздался голос секретаря.

— Кто?

— Отец Тассоне из Рима. Он говорит, что у него срочное личное дело.

— Я никогда о нем не слышал,— ответил Торн.

— Он говорит, что займет всего минуту. Что-то насчет госпиталя.

— Наверное, попросит пожертвований,— пробормотал один из помощников Торна.

— Или передачи даров,— добавил второй.

- Хорошо, — вздохнул Торн. — Пустите его.
- Я и не знал, что вас так легко растрогать, — заметил один из помощников.
- Общественные дела, — пробормотал Торн.
- Не принимайте окончательного решения насчет Саудовской Аравии. Хорошо? У вас сегодня плохое настроение. Давайте подождем.
- Решение уже принято, — устало ответил Торн. — Или едет кто-то другой, или мы откладываем поездку.
- Откладываем на какой срок?
- На потом, — ответил Торн. — Когда я почувствую, что смогу ехать.

Двери распахнулись, и в огромном проеме возник маленький человечек. Это был священник. Одежда на нем была в полном беспорядке, и весь вид его говорил о неотложном деле. Помощники обменялись настороженными взглядами, не будучи уверены, могут ли они оставить комнату.

- Можете ли... попросить, — сказал священник с сильным итальянским акцентом, — ...поговорить с вами наедине?
- Это насчет госпиталя? — спросил Торн.
- Sì.

Торн кивнул, и помощники неохотно двинулись к выходу. Когда они вышли, священник закрыл за ними дверь, затем повернулся с выражением боли на лице.

- Да? — с участием спросил Торн.
- У нас мало времени.
- Что?
- Вы должны меня выслушать.
- Священник не двигался, прижавшись спиной к двери.
- И о чем же вы будете говорить? — спросил Торн.
- Вы должны уверовать в Христа, вашего Спасителя. Вы должны уверовать прямо сейчас.

На секунду воцарилось молчание.

- Пожалуйста, синьор...
- Извините меня, — перебил его Торн. — Если я вас правильно понял, у вас ко мне срочное личное дело?
- Вы должны уверовать, — продолжал священник, — выпейте крови Христовой и съешьте его тела, потому что только тогда он будет внутри вас, вы сможете победить сына дьявола.

Атмосфера в кабинете накалялась. Торн протянул руку к селектору.

- Он уже убил один раз, — прошептал священник, —

и убьет еще. Он будет убивать до тех пор, пока все ваше имущество не перейдет к нему.

— Если вы подождете немного в коридоре...

Священник стал приближаться, в голосе его росло волнение.

— Только с помощью Христа вы сможете бороться с ним, — угрожающе произнес он. — Уверуйте в Христа. Выпейте его крови.

Торн нащупал кнопку селектора и нажал ее.

— Я запер дверь, мистер Торн, — сказал священник.

Торн напрягся, его испугал тон священника.

— Да? — раздался в селекторе голос секретаря.

— Пришлите охрану, — ответил Торн.

— Что случилось, сэр?

— Я умоляю вас, синьор, — воскликнул священник, — послушайте, что я вам скажу.

— Сэр? — повторила секретарша.

— Я был в госпитале, мистер Торн, — сказал священник, — в ту ночь, когда родился ваш сын.

Торн застыл. Он не мог отвести взгляда от отца Тассоне.

— Я был... акушером, — сказал священник запинаящимся голосом. — Я... был... свидетелем рождения.

Опять послышался голос секретаря, на этот раз в нем звучало беспокойство.

— Мистер Торн? — спросила она. — Извините, я не слышала вас.

— Ничего, — ответил Торн. — Просто... будьте на месте.

Он отпустил кнопку, с ужасом глядя на священника.

— Я умоляю вас... — произнес Тассоне, едва сдерживая слезы.

— Что вам угодно?

— Спасти вас, мистер Торн. Чтобы Христос простил меня.

— Что вам известно о моем сыне?

— Все.

— Что вам известно? — строго переспросил Торн.

Священник задрожал, в голосе его чувствовалось крайнее волнение.

— Я видел его мать, — ответил он.

— Вы видели мою жену?

— Его МАТЬ, мистер Торн!

Лицо Торна стало жестким.

— Это шантаж? — тихо спросил он.

— Нет, сэр.
— Тогда что вы хотите?
— РАССКАЗАТЬ вам, сэр.
— Что рассказать?
— Его мать, сэр...
— Продолжайте, что там насчет его матери?
— Его матерью, сэр... была с а м к а ш а к а л а! — Священник застонал. — Он родился от ш а к а л а. Я сам это видел!

Послышался треск, и дверь распахнулась. В кабинет ворвался солдат, за ним помощники Торна и секретарь. Торн сидел, не шевелясь, мертвенно-бледный. По лицу священника катились слезы.

— Здесь что-нибудь произошло, сэр? — спросил солдат.
— У вас был странный голос, — добавила секретарь. — А дверь оказалась запертой.

— Я хочу, чтобы этого человека выпроводили отсюда, — сказал Торн. — А если он когда-нибудь снова появится... посадите его в тюрьму.

Никто не шевельнулся. Солдат не знал, что ему делать со священником. Тассоне медленно повернулся и пошел к двери. Здесь он оглянулся на Торна.

— Уверуйте в Христа. Каждый день пейте кровь Христова, — грустно прошептал он и вышел.

— Что он хотел? — спросил один из помощников.

— Не знаю, — тихо ответил Торн, глядя вслед священнику. — Он сумасшедший.

На улице рядом с посольством Габер Дженнингс прислонился к автомобилю и проверил запасной фотоаппарат, отложив разбитый в сторону. Он увидел, как солдат сопровождает священника из посольства, и сделал пару снимков. Солдат заметил Дженнингса и подошел поближе, недовольно глядя на него.

— Вам не достаточно хлопот с этой штукой? — спросил он, указывая на аппарат.

— Хлопот? Их никогда не бывает достаточно, — улыбнулся Дженнингс, еще раз сфотографировав маленького священника, прежде чем тот исчез вдаль...

Поздно вечером Дженнингс сидел в своей темной комнате и разглядывал фотографии. Чтобы убедиться в исправности запасной камеры, он сделал тридцать шесть снимков с разной диафрагмой и выдержкой, и три из них вышли не-

удачными. Это был тот же дефект, что и несколько месяцев назад, когда он снимал няню на дне рождения в поместье Торнов. Теперь нечто похожее было на снимках со священником. Опять создавалось впечатление, что была испорчена эмульсия, но теперь это было не на одном снимке. Брак задевал два негатива, потом шли два хороших кадра, потом опять точно такой же брак. Самым поразительным, однако, было то, что брак, казалось, преследовал определенного человека: странное мутное пятно зависло над головой священника.

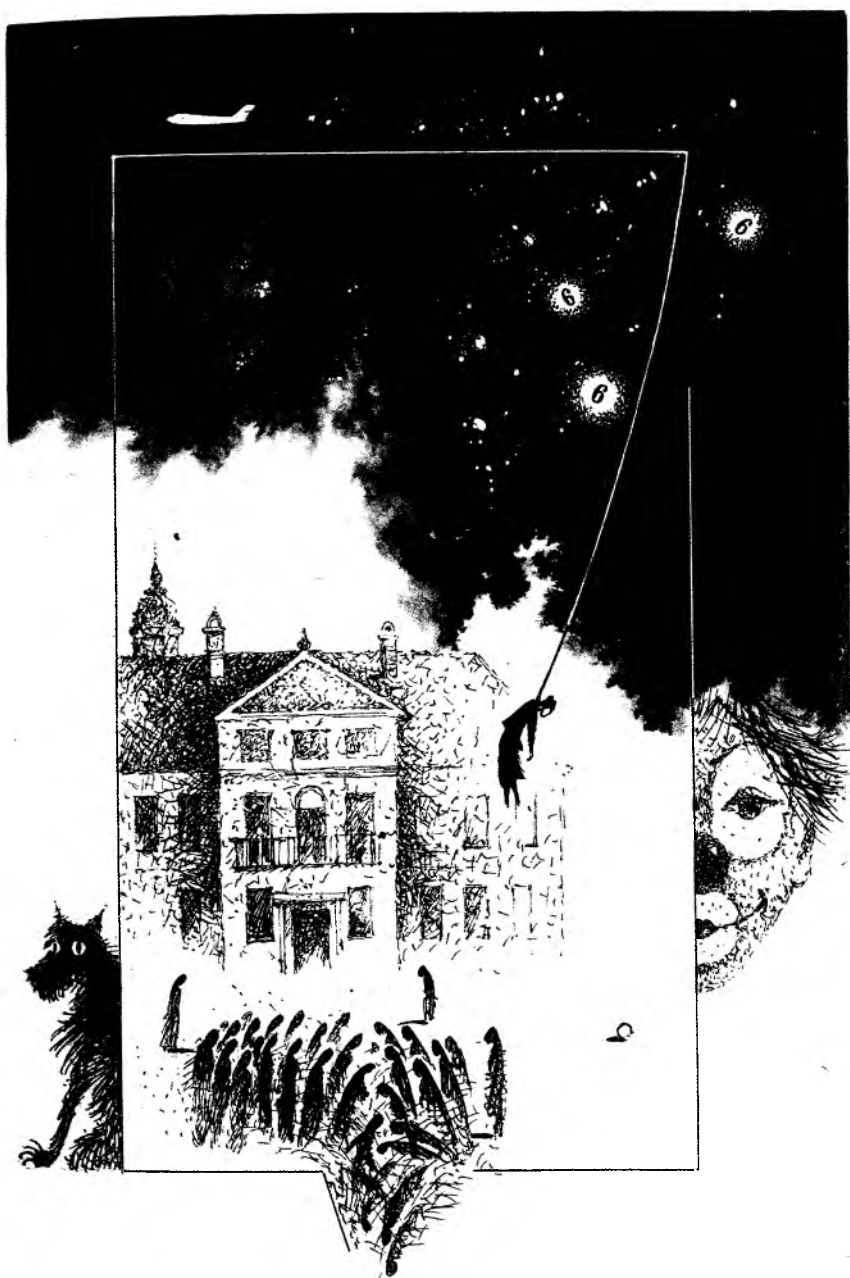
Дженнингс вынул из проявителя пять фотографий и принялся рассматривать их вблизи. Два снимка священника с солдатом, два снимка солдата крупным планом и еще один, с удаляющимся священником. На последнем снимке пятно стало меньше, в соответствии с размерами самого священника. Как и раньше, этот брак напоминал какое-то свечение, но в отличие от пятна на снимке с няней оно было продолговатой формы и зависло над священником. Пятно походило на призрачное копье, готовое вот-вот пригвоздить священника к земле.

Дженнингс достал опиум и погрузился в размышления. В свое время он вычитал, что эмульсия фотопленки очень чувствительна к сильному теплу, так же, как и к свету.

— Возможно, тепло, которое вырабатывается при чрезмерном волнении, прорывается через человеческое тело, и его можно заснять на пленку рядом с человеком, находящимся в состоянии сильного стресса.

Все это взволновало Дженнингса, и он стал рыться в справочниках, отыскивая самый чувствительный в мире образец фотопленки — номер Три-Х-600. Пленку начали выпускать только недавно. Чувствительность ее была настолько высока, что позволяла запечатлеть предметы, освещенные пламенем свечи. Видимо, она была также чувствительна к теплу.

На следующее утро Дженнингс купил двадцать четыре кассеты пленки Три-Х-600 и набор сопутствующих фильтров, чтобы испытать пленку на улице. Фильтры будут закрывать часть света, но пропускать при этом тепло, и он таким образом скорее обнаружит то, что ищет. Ему надо было найти людей в состоянии сильного стресса, поэтому он направился в больницу и скрытой камерой снимал обреченных на смерть больных. Результаты разочаровали его — из десяти использованных пленок ни на одном кадре не появилось пятна. Те-

перь стало ясно: что бы ни означали эти пятна, они не связаны с предчувствием смерти.

Результаты этой съемки несколько разрушили теорию Дженнинга, но он не упал духом, интуитивно чувствуя, что находится на верном пути. Вернувшись в свою темную комнату, он отпечатал еще несколько снимков с няней и священником на разной фотобумаге и исследовал каждое зерно этих отпечатков. При большом увеличении было очевидно, что там на самом деле присутствовало нечто. Это было незаметно невооруженным взглядом, но нитрат среагировал.

Всю последующую неделю мысли и время Дженнинга были заняты этим таинственным явлением. А потом он решил еще раз выйти на Торна.

Торн выступал на территории местного университета, на деловых завтраках, даже на фабриках, и все могли прийти послушать его. Посол был очень красноречив, говорил страстно и неизменно овладевал аудиторией, где бы ни выступал.

— У нас так много разделений! — выкрикивал посол. — Старые и молодые, богатые и бедные... но самое главное деление — на тех, кто имеет возможность, и на тех, у кого ее нет! Демократия — это равные возможности! А без равных возможностей слово «демократия» превращается в ложь!

Торн отвечал на вопросы и контактировал с публикой во время таких выступлений, но самым ценным являлось то, что он мог заставить людей *п о в е р и т ь*.

Эта страстность, на которую так охотно откликались люди, рождалась от отчаяния. Торн убегал от самого себя, пытаясь заполнить свою жизнь общественными делами, ибо растущее предчувствие чего-то ужасного стало преследовать его. Два раза в толпе, которая собиралась на его выступления, он замечал знакомую черную одежду священника. Торн боялся рассказать об этом кому-нибудь, ведь все могло оказаться плодом его пошатнувшегося воображения. На каждом выступлении Торн шарил глазами в толпе, боясь отыскать знакомую фигуру. Он не придавал серьезного значения словам Тассоне: просто человек, религиозный фанатик, преследующий политического деятеля, сошел с ума, а то, что он упомянул ребенка Торна, могло быть простым совпадением. И тем не менее слова священника врезались в его память. Ему пришла мысль, что священник, возможно, потенциальный убийца, но Торн отринул и это предположение. Разве смог бы он куда-нибудь выходить, если бы все время думал,

что в толпе его может ожидать смерть? И все же Тассоне был хищником, а Торн — жертвой. Он чувствовал себя, как полевая мышь, постоянно опаасающаяся ястреба, кружащегося над ней высоко в небе.

В Пирфорде все казалось спокойным. Но за внешним спокойствием скрывалось волнение. Торн и Катерина виделись редко: из-за своих выступлений он был постоянно в разъездах. Когда же они встречались, то говорили лишь о мелочах, избегая тем, которые могли бы их расстроить. Катерина стала уделять Дэмьену больше времени. Но это только подчеркивало их отчуждение: в ее присутствии ребенок был замкнут и молчалив, долгие часы томясь в ожидании возвращения миссис Бэйлок.

С няней Дэмьен играл и смеялся, а Катерина неизменно вызывала в нем оцепенение. Чего только не пробовала Катерина в поисках способа пробить, наконец, его замкнутость! Она покупала детские книжки и альбом для раскрашивания, конструкторы и заводные игрушки, но он принимал все это с неизменным равнодушием. Правда, один раз ребенок проявил интерес к альбому с рисунками зверей, и вот тогда она решила поехать с ним в зоопарк.

Собираясь на прогулку, Катерина вдруг подумала о том, как резко отличается их жизнь от жизни обычных людей. Ее сыну было уже четыре с половиной года, а он ни разу не был в зоопарке. Семье посла все подавалось на блюдецке, и они редко искали развлечений вне дома. Возможно, именно отсутствие путешествий и переживаний лишило Дэмьена способности веселиться. Но сегодня глаза у него были веселые, и когда он сел рядом с ней в машину, Катерина почувствовала, что наконец-то сделала правильный выбор. Он даже заговорил с ней: пытался произнести слово «гиппопотам», и когда оно получилось правильно, рассмеялся. Этой мелочи было достаточно, чтобы Катерина почувствовала себя счастливой. По дороге в город она без умолку болтала, и Дэмьен внимательно слушал ее... Тигры похожи на больших котов, а гориллы — это просто большие мартышки, белки все равно что мыши, а лошади — как ослики. Ребенок был восхищен, старался все запомнить, и Катерина даже придумала что-то вроде стихотворения, повторяя его по дороге. «Тигры — будто бы коты, а лошадки — как ослы. Белки словно мышки, гориллы — как мартышки». Она быстро повторила его, и Дэмьен рассмеялся, потом она пересказала его еще быстрее,

и он рассмеялся громче. Они хохотали всю дорогу до зоопарка.

В тот зимний воскресный день в Лондоне было солнечно, и зоопарк был заполнен посетителями до отказа. Звери тоже наслаждались солнцем, их голоса были слышны повсюду, даже у входных ворот, где Катерина взяла напрокат прогулочную коляску для Дэмьена.

Они остановились около лебедей и наблюдали, как ребята кормят этих красивых птиц. Катерина с Дэмьеном подошли поближе, но в эту минуту лебеди вдруг прекратили есть и, величественно развернувшись, медленно отплыли к середине пруда. Там они остановились и с царской надменностью смотрели на ребятшек, кидающих им хлеб и зовущих вернуться. Но лебеди не трогались с места. Когда Катерина с Дэмьеном отошли, лебеди снова подплыли к детям.

Подходило время обеда, и людей становилось все больше. Катерина пыталась отыскать клетку, у которой стояло бы поменьше зрителей. Справа висел плакат «луговые собаки», и они направились туда. По пути она рассказала Дэмьену все, что знала о луговых собачках. Когда они подошли к вольеру, Катерина увидела, что и здесь народу не меньше.

Неожиданно животные попрятались в свои норы, а толпа разочарованно зашумела и начала расходиться. Когда Дэмьен вытянул шею, чтобы посмотреть на них, он увидел только кучи грязи и разочарованно взглянул на мать.

— Наверное, они тоже пошли обедать, — сказала Катерина, пожимая плечами.

Они пошли дальше, купили сосиски и булочки и съели их на скамейке.

— Мы пойдем смотреть обезьян, — сказала Катерина. — Ты хочешь посмотреть на обезьян?

Путь до вольера с обезьянами сопровождали таблички с названиями животных, и они подошли к целому ряду клеток. Глаза у Дэмьена засветились от нетерпения, когда он увидел первое животное. Это был медведь, уныло передвигающийся взад-вперед по клетке, равнодушный к галдящей толпе. Но стоило Катерине с Дэмьеном подойти поближе, медведь встрепенулся. Он остановился, посмотрел на них и сразу же удалился в свое логово. В соседней клетке сидела большая дикая кошка; она застыла, не сводя с них своих желтых глаз. Дальше жил бабуин, который неожиданно оскалился, выделив их из толпы проходящих мимо людей. Катерина ощутила действие, которое они производили на зверей, и,

проходя мимо клеток, внимательно наблюдала за животными. Они не сводили глаз с Дэмьена. Он тоже почувствовал это.

— Наверное, ты им кажешься вкусным, — улыбнулась Катерина. — По-моему, это верно.

Она подтолкнула коляску на соседнюю дорожку. Из павильона доносились крики, веселый смех, и Катерина поняла, что впереди вольер с обезьянами. Она оставила коляску у входа и взяла Дэмьена на руки.

Внутри было жарко и противно пахло, ребячьи голоса звенели повсюду, и звук этот усиливался, эхом отражаясь от стен. Они стояли у дверей и ничего не видели, но по возгласам посетителей Катерина поняла, что обезьяны играют в самой дальней клетке. Она протолкнулась вперед и увидела наконец, что происходило в клетке. Это были паукообразные обезьяны, находившиеся в прекрасном расположении духа: они раскачивались на шинах, бегали по клетке, развлекая публику акробатическими трюками. Дэмьену это понравилось, и он рассмеялся. Катерина продолжала проталкиваться, ей хотелось встать в первом ряду. Обезьяны не обращали внимания на людей, но, когда Катерина и Дэмьен подошли поближе, настроение их резко изменилось. Игра сразу же закончилась, животные нервно начали выискивать кого-то в толпе. Люди тоже замолчали, удивляясь, почему замерли животные. Все, улыбаясь, ждали, что они так же внезапно разыграются снова. Вдруг внутри клетки раздался вой — сигнал опасности и тревоги. К нему присоединились крики других обезьян. Звери заматались по клетке, пытаясь высочить наружу. Они бросались во все стороны, разламывали проволочную сетку, в безумии царапали друг друга, пуская в ход зубы и когти, на их раненых телах выступила кровь. Толпа в ужасе притихла, а Дэмьен хохотал, указывая на обезьян, и с удовольствием наблюдал за кровавой сценой. Страх внутри клетки разрастался, и одна большая обезьяна кинулась вверх к проволочной сетке на потолке, зацепилась шеей за проволоку, тело ее задергалось, а потом бессильно повисло. Люди в ужасе закричали, многие бросились к двери, но их крики тонули в визге животных. С вытаращенными глазами и оскаленными пастьми обезьяны метались от стены к стене. Одна из них начала биться о бетонный пол и упала, дергаясь в судорогах, остальные прыгали рядом и кричали в страхе. Люди, расталкивая друг друга, рванулись к выходу. Вместо того, чтобы убежать от вольеров, Катерина продолжала стоять,

будто окаменев. Ее ребенок смеялся. Он указывал на истекающих кровью обезьян и заливался смехом. Это именно ЕГО они испугались. Это ОН все сделал. И когда бойня в клетке усилилась, Катерина пронзительно закричала.

Глава шестая

В Пирфорде ее ждал Джереми. Джереми надеялся, что она придет в хорошем настроении, и попросил не подавать обеда до ее приезда. Они сидели за маленьким столиком, Торн смотрел на Катерину, пытавшуюся спокойно есть, но напряжение сковывало ее.

— С тобой все в порядке, Катерина?

— Да.

— Ты все время молчишь.

— Наверное, просто устала.

— Много впечатлений?

— Да.

Она отвечала коротко, будто не хотела расспросов.

— Понравилось?

— Да.

— Ты вроде взволнована.

— Разве?

— Что случилось?

— Что могло случиться?

— Я не знаю. Но ты чем-то расстроена.

— Просто устала. Мне надо поспать.

Она попыталась выдавить из себя улыбку, но у нее не получилось. Торн забеспокоился.

— С Дэмьеном все в порядке?

— Да.

— Ты уверена?

— Да.

Он внимательно посмотрел на Катерину.

— Если что-нибудь было не так... ты бы рассказала мне, правда? Я хочу сказать... насчет Дэмьена.

— Дэмьена? Что может случиться с Дэмьеном, Джереми? Что может случиться с нашим сыном? Мы ведь так счастливы!

Катерина слегка улыбнулась, но выражение ее лица осталось грустным.

— Я хочу сказать, что двери нашего дома открыты только для добра. Темные тучи обходят наш дом стороной.

— Но что же все-таки случилось? — тихо спросил Торн.

Катерина опустила голову.

— Мне кажется... — ответила она, пытаясь совладать с голосом, — ...что мне надо обратиться к врачу. — В глазах ее застыло отчаяние. — У меня... страхи. Причем такие страхи, которых у нормального человека просто не может быть.

— Кэти, — прошептал Торн. — ...Какие страхи?

— Если я тебе расскажу, ты меня запрядешь подальше.

— Нет, — убедительно ответил он. — Нет... я люблю тебя.

— Тогда помоги мне, — взмолилась она. — Найди врача.

По щеке поползла слеза, и Торн взял ее за руки.

— Конечно, — сказал он. — Конечно.

И тут Катерина разрыдалась. То, что произошло днем, осталось камнем лежать на ее сердце.

Психиатра в Англии найти было не так просто, как в Америке, но тем не менее Торну удалось разыскать такого, которому можно было доверять. Он был американец, правда, моложе, чем хотелось бы Торну, но с хорошими рекомендациями и огромным опытом. Его звали Чарльз Гриер. Он учился в Принстоне и работал интерном в Беллеву. Особенно ценно было то, что он некоторое время жил в Джорджтауне и лечил нескольких сенаторских жен.

— Обычная проблема жен политических деятелей — это алкоголизм, — сказал Гриер, когда Торн расположился у него в кабинете. — Я думаю, это происходит от чувства одиночества. Чувства собственной неполноценности. Из-за ощущения, что они не представляют цельной личности.

— Вы, конечно, понимаете, что наш разговор строго конфиденциален, — сказал Торн.

— Разумеется, — улыбнулся психиатр. — Люди доверяют мне, и, честно говоря, больше я им ничего не могу предложить. Они не обсуждают свои проблемы с другими, боясь, как бы их откровение не «аукнулось» им. А со мной можно. Не могу обещать многого, но вот это именно могу.

— Она должна прийти к вам?

— Просто дайте ей мой номер. Не заставляйте ее приходить.

— Да нет, она сама хочет прийти. Она просила меня...

— Хорошо.

Торн поднялся, и молодой врач улыбнулся.

— Вы позвоните после того, как поговорите с ней? — спросил Торн.

— Сомневаюсь. — просто ответил Гриер.

— Я хочу сказать... если вам будет что сказать.

— Все. что мне надо будет сказать, я скажу ЕЙ.

— В смысле, если вы будете БОЯТЬСЯ за нее.

— Она склонная к самоубийству?

— ...Нет.

— Тогда мне нечего за нее бояться. Я уверен, все не так серьезно, как вы предполагаете.

Приободренный, Торн направился к выходу.

— Мистер Торн?

— Да?

— А зачем вы пришли ко мне?

— Чтобы увидеть вас.

— Для чего?

Торн пожал плечами.

— Наверное, посмотреть, как вы выглядите.

— Вы хотели сообщить что-нибудь важное?

Торн почувствовал себя неловко. Немного подумав, он покачал головой.

— Вы хотите сказать, что мне самому нужен психиатр? Я так выгляжу?

— А я? — спросил психиатр.

— Нет.

— А у меня есть свой врач, — улыбнулся Гриер. — При моей работе он просто необходим.

Эта беседа расстроила Торна, и, вернувшись в свою контору, он размышлял над ней весь день. Сидя у Гриера, он почувствовал, что ему надо все рассказать, все, о чем он никогда никому не говорил. Но что хорошего могло из этого получиться? Этот обман стал уже частью его жизни.

День тянулся медленно, и Торн решил подготовить одну важную речь. Ее предстояло произнести на следующий вечер перед группой известных бизнесменов, там будут присутствовать представители нефтяных компаний. Торн стремился, чтобы его выступление послужило в конечном итоге установлению мира на Ближнем Востоке. Из-за длительного арабо-израильского конфликта Арабский блок все дальше отдалялся от США. Торн знал, что арабо-израильская вражда была исторической и корнями уходила в Священное писание. Для этого он решил проштудировать целых три издания Библии, надеясь выяснить для себя кое-что с помощью вековой

мудрости. Кроме того, тут была еще и практическая цель, потому что во всем мире трудно было найти аудиторию, на которую не произвели бы впечатления цитаты из Библии.

В тишине кабинета Торн услышал стон, доносившийся из комнаты наверху. Он повторился дважды и прекратился. Торн вышел из кабинета и тихо прошел наверх, в комнату Катерины. Она спала беспокойно, лицо ее было покрыто потом. Джереми подождал, пока дыхание ее не выровнялось, а потом вышел из комнаты и направился к лестнице. Проходя по темному коридору, он заметил, что дверь миссис Бэйлок была слегка приоткрыта. Огромная женщина, освещенная луной, спала на спине. Торн собрался идти дальше, но вдруг застыл, пораженный ее видом. На лице лежал толстый слой белой пудры, губы были безвкусно намазаны ярко-красной помадой. Ему стало не по себе. Он попытался найти этому объяснение, но ничего не приходило на ум.

Закрыв дверь, Торн вернулся к себе и посмотрел на разложенные книги. Он чувствовал волнение, сосредоточиться никак не удавалось, и глаза его бесцельно блуждали по страницам. Маленькая Библия Якова была открыта на книге Даниила, и он молча уставился на нее.

«...И восстанет на месте его презренный, и не воздадут ему царских почестей, но он придет без шума и лестью овладеет царством. И полчища будут потоплены им и сокрушены... он будет идти обманом и взойдет и одержит верх с малым народом. Он войдет в мирные и плодоносные страны и совершит то, чего не делали отцы его и отцы отцов его. Добычу, награбленное имущество и богатство будет расточать своим и на крепости будет иметь замыслы свои. И будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется, и возвеличится выше всякого божества, и о Боге богов станет говорить хульное, и будет иметь успех, доколе не свершится гнев: ибо что предопределено, то исполнится».

Торн порылся в столе, нашел сигареты, потом налил себе стакан вина, стараясь занять себя рассуждениями и не думать о виденном наверху. Он снова принялся перелистывать книги.

«Горе вам, на земле и на море, ибо дьявол с гневом посылает зверя, ибо знает, что время его мало...

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя. Ибо это число человеческое. Число это шестьсот шестьдесят шесть».

Армагедон. Конец света.

«...и придет Господь... и стоять он будет на горе Олив, что напротив Иерусалима, на восточной стороне его... И Господь Бог придет со всеми своими святыми».

Торн закрыл книги и выключил настольную лампу. Долгое время он просидел в тишине, раздумывая над книгами Библии, над тем, кто их сочинил и зачем вообще они были написаны, затем прилег на кровать и заснул. Ему приснился страшный сон. Он видел себя в женской одежде, хотя знал, что он — мужчина. Он находился на шумной улице. Подойдя к полицейскому, пытался объяснить, что заблудился и ему страшно. Но полицейский не слушал, а продолжал управлять движением. Когда машины приблизились к Торну, он почувствовал ветерок. Ветер усиливался, и машины поехали быстрее. Ему показалось, что он попал в шторм. Ветер стал таким сильным, что он начал задыхаться. Джереми схватился за полицейского, но тот его не замечал.

Джереми закричал, но крик потонул в бушующем ветре. Черная машина неожиданно поехала на него, и Джереми не мог сдвинуться с места. Машина приближалась, и он увидел лицо шофера. Ни одной человеческой черты не было на этом лице, шофер начал хохотать, плоть расступилась в том месте, где должен быть рот, оттуда выплеснулась кровь, и машина наехала на него.

В этот момент Торн проснулся. Он задыхался и был в поту. В доме еще спали. Торн с трудом сдерживался, чтобы не зарыдать.

Глава седьмая

Торн должен был произнести речь перед бизнесменами в отеле «Мэйфер». К семи часам он был забит до отказа. Посол заявил помощникам, что хотел бы довести эту речь до прессы, и газеты поместили заметку о собрании в дневных выпусках. Народу собралось много, явилось немало репорте-

ров и даже просто людей с улицы, которым разрешили стоять в задних рядах.

Проходя к своему месту, Торн заметил среди небольшой группы фоторепортеров того самого, которому он разбил камеру перед посольством. Фотограф улыбнулся и поднял вверх новый аппарат, Торн улыбнулся ему в ответ, обрадованный столь миролюбивым жестом. Потом подождал, пока толпа затихнет, и начал свою речь. Он говорил о мировой экономической структуре и о важности Общего Рынка. В любом обществе, даже в демократическом, рынок играл огромную роль, он был как бы общим знаменателем, подводимым под разные культуры. Когда один хочет продать, а другой купить, появляется основа для мирного сотрудничества. Когда же один хочет купить, а другой от к а з ы в а е т с я продавать, вот тогда мы и делаем первый шаг к войне. Торн говорил о человечестве, о том, что все люди — братья, наследующие богатства земли, которые должны достаться всем.

— Мы живем все вместе, — сказал он, цитируя Генри Бестона, — в сети времени. Все мы пленники великолепия и тяжелого труда на земле.

Речь захватывала, и публика внимательно ловила каждое слово. Потом посол перешел к вопросам политических беспорядков и их последствиям для экономики. Торн заметил в зале группу арабов и обратился непосредственно к ним.

— Легко понять, какое отношение беспорядки имеют к нищете, — сказал он, — но надо еще помнить, что цивилизация может грозить падение и от избытка р о с к о ш и!

Торн говорил страстно, и Дженнингс, стоявший у стены, поймал его в объектив и начал торопливо щелкать аппаратом.

— Есть одна грустная и парадоксальная истина, — продолжал Торн, — уходящая корнями во времена царя Соломона. Те, кто рожден для богатства и знатного положения...

— Уж вы точно должны кое-что об этом знать! — выкрикнул вдруг кто-то из задних рядов. Торн замолчал, вглядываясь в публику. Крикун умолк, и Торн продолжал:

— Еще во времена фараонов в Египте те, кто родился для богатства и знатного положения...

— Ну-ну, расскажите нам об этом! — опять раздался тот же голос, и на этот раз толпа возмущенно зашевелилась. Торн напряг зрение. Реплики бросал какой-то студент, бородатый, в драных джинсах.

— Что вы знаете о бедности, Торн? — продолжал он. — Вам же не пришлось гнуть спину ни одного дня в жизни!

Толпа недовольно зашикала на студента, некоторые начали даже покрикивать, но Торн поднял руки, требуя тишины.

— Молодой человек хочет что-то сказать. Давайте его выслушаем.

Юноша выступил вперед, и Торн приготовился выслушать все.

— Если вы так заботитесь о том, чтобы поделить все богатства, почему не делитесь своим? — громко говорил парень. — Сколько у вас миллионов, вы знаете? А знаете, сколько людей в мире голодает? Вы знаете, что можно сделать на ваши карманные деньги? На ту зарплату, которую вы платите своему шоферу, вы смогли бы кормить в Индии целую семью в течение месяца! А растительностью с вашей сорока-акровой лужайки перед домом можно было накормить половину населения Бангладеш! На деньги, которые вы тратите на устройство вечеринок для своего ребенка, можно было бы основать больницу прямо здесь, на юге Лондона! Если вы призываете людей делиться богатством, покажите пример! Не стойте здесь перед нами в костюме за четыреста долларов и не вещайте о бедности! Действуйте!

Выпад студента понравился публике. Парень явно выигрывал раунд. Раздались даже аплодисменты, и все тут же замерли, ожидая, что ответит Торн.

— Вы закончили? — вежливо спросил он.

— Каково ваше богатство, Торн? — выкрикнул юноша. — Как у Рокфеллера?

— Гораздо меньше.

— Когда Рокфеллера выбрали вице-президентом, газеты сообщили, что его состояние немногим больше трехсот миллионов. Вы знаете, что такое «немногим больше»? Это еще тридцать три миллиона! Это даже и в расчет не берется! Это его карманные деньги, в то время как половина населения земли умирает от голода! В этом нет ничего оскорбительного? Неужели одному человеку может понадобиться столько денег?

— Я не мистер Рокфеллер...

— Это мы видим!

— Вы позволите мне ответить?

— Один ребенок! Один голодающий ребенок! Сделайте что-нибудь хотя бы для одного голодающего ребенка! Тогда

мы вам поверим! Протяните ему руку вместо своих речей, только руку, протяните ее голодающему ребенку!

— Возможно, я уже сделал это,— спокойно ответил Торн.

— Ну, и где же он? — спросил парень. — Где ребенок? Кого вы спасли, Торн? Кого вы пытаетесь спасти?

— Некоторые из нас имеют обязанности, которые выйдут далеко за интересы одного голодающего ребенка.

— Вы не можете спасти мир, Торн, пока не поможете одному-единственному голодающему ребенку.

Публика была явно на стороне студента.

— Я в невыгодном положении,— ровным голосом заявил Торн. — Вы стоите в темноте и произносите свои обвинения оттуда...

— Тогда дайте свет на меня, но я начну говорить громче!

Публика засмеялась, и прожекторы начали поворачиваться. Фотографы поднялись со своих мест. Дженнингс проклинал себя за то, что не взял длиннофокусных объективов, и нацелил аппарат на группу людей, среди которых находился сердитый студент.

Торн вел себя спокойно, но когда прожекторы осветили людей в задних рядах, поведение его сразу же изменилось. Он смотрел не на юношу, а на кого-то рядом с ним. Держа в руках шляпу, там стоял невысокий священник. Это был Тассоне. Торн узнал своего странного посетителя и застыл на месте.

— В чем дело, Торн? — поддразнил его юноша. — Вам нечего сказать?

Весь запал Торна куда-то исчез, волна страха накатила на него, он стоял молча, вглядываясь в темноту. Дженнингс направил камеру туда, куда был устремлен взгляд Торна, и сделал несколько снимков.

— Ну, давайте, Торн! — потребовал студент. — Теперь, когда вы меня видите, что вы можете сказать?

— Я думаю... — начал Торн сбивающимся голосом, — ...вы правы. Мы все должны делиться богатством. Я... я попытаюсь что-нибудь сделать.

Юноша по-детски заулыбался, и напряжение в толпе исчезло. Кто-то попросил, чтобы убрали прожекторы. Торн пытался прийти в себя, но взгляд его то и дело возвращался в темноту, где мелькала знакомая сутана.

Дженнингс вернулся домой поздно вечером и зарядил пленки в бачок для проявки. Посол, как обычно, произвел на него изрядное впечатление и заинтересовал еще больше. Репортер увидел в его глазах страх, он почуял его, как крыса чует сыр. Это не был беспричинный страх. Очевидно, Торн увидел что-то или кого-то в глубине аудитории. Света было очень мало, а угол съемки слишком велик, но Дженнингс надеялся увидеть что-нибудь на проявленной пленке. Ожидая, пока пленка обрабатывается, он почувствовал голод и разорвал пакет с едой, которую купил на обратном пути из отеля. Вытащив небольшого жареного цыпленка и бутылку шипучки, Дженнингс разложил их перед собой и приготовился к пиршеству.

Сработал таймер, и он прошел в темную комнату, вынул щипцами пленки из бачка. Увиденное так сильно обрадовало его, что он даже вскрикнул от радости, затем вставил пленку в увеличитель и при свете стал рассматривать прекрасные кадры перепалки Торна и студента. Далее шла серия снимков, запечатлевших дальнюю часть зала. Ни одного лица или фигуры нельзя было отчетливо различить в темноте, но на каждом кадре виднелся похожий на дым копьеобразный отросток.

На снимках был увековечен какой-то толстяк с сигарой. Отросток вполне мог оказаться простым дымом. Вернувшись к негативам, Дженнингс отобрал лучшие и зарядил их в увеличитель и минут пятнадцать рассматривал пленки с нарастающим вниманием. Нет. Это был не дым. Цвет и текстура были другие, так же как и относительное расстояние до камеры. Если бы это был дым от сигары, то толстяку пришлось бы слишком много курить, чтобы создать такое облако. Это было бы неудобно для стоящих рядом, они же, напротив, не обращали на курящего никакого внимания и невозмутимо смотрели вперед. Призрачный отросток поднимался откуда-то из конца зала. Дженнингс установил добавочное увеличение и начал изучать снимки подробнее. Под дымом он увидел край одежды, которую носят священники. Репортер поднял руки вверх и издал победный клич. Опять тот же маленький священник! И он каким-то образом давно связан с Торном.

— Священник! — выкрикнул Дженнингс. — Снова чертов священник!

Радуюсь, он вернулся к столу, оторвал крылья цыпленку и обглодал их до костей.

— Я найду этого паразита! — расхохотался он. — Я выслежу его!

...На следующее утро репортер взял с собой один из снимков священника, сделанный у посольства. Он показывал его в нескольких церквах, а потом в региональной конторе Лондонского прихода. Но никто не опознал человека на фотографии. Репортера уверили, что если бы священник служил в городе, то его наверняка знали бы. Он был явно из других мест. Дело усложнялось. Дженнингс пошел в Скотланд-Ярд и взял книги с фотографиями преступников, но и там ничего не нашел. Оставалось одно. Впервые он увидел священника, когда тот выходил из здания посольства. Возможно, там о нем знали.

Проникнуть в посольство оказалось сложно. Охранники долго проверяли его документы, но внутрь не пропустили.

— Я бы хотел увидеть посла, — заявил Дженнингс. — Мистер Торн сказал, что возместит мне стоимость фотокамеры, которую он сломал.

Охранники позвонили наверх, а потом, к удивлению Дженнингса, попросили его пройти в вестибюль, сказав, что ему позвонят туда из кабинета. Через несколько секунд Дженнингс разговаривал с секретаршей Торна, которая интересовалась, какую сумму и на какой адрес должен переслать посол.

— Я бы хотел объяснить ему лично, — сказал Дженнингс. — Я бы хотел показать ему, что можно купить на такие деньги.

Она ответила, что это невозможно, так как у посла сейчас важная встреча, и Дженнингс решил идти напролом.

— Говоря по правде, я надеялся, что он сможет помочь мне по личному вопросу. Может быть, и вы сможете. Я разыскиваю одного священника. Это мой родственник. У него было какое-то дело в посольстве, и я подумал, что, может быть, его здесь видели и могли бы мне помочь в поисках.

Это была очень странная просьба, и секретарша промолчала.

— Он невысокого роста, — добавил Дженнингс.

— Итальянец? — спросила она.

— Я думаю, он провел какое-то время в Италии, — уклончиво ответил Дженнингс, ожидая, какое впечатление произведет такое заявление.

— Его имя не Тассоне? — спросила секретарша.

— Видите ли, я не совсем уверен. Я разыскиваю пропавшего родственника. Понимаете, моя мать и ее брат были разлучены еще в детстве, и он поменял фамилию. Моя мать сейчас при смерти и хочет его разыскать. Мы не знаем его фамилии, у нас есть только внешние приметы. Мы знаем, что он очень маленький, как и моя мать, и что он стал священником. Один мой знакомый увидел, как священник выходил из посольства примерно неделю назад. Приятель утверждал, что тот священник был очень похож на мою мать.

— Здесь был один священник, — сказала секретарша. — Он сказал, что приехал из Рима, и его звали, по-моему, Тассоне.

— Вы знаете, где он живет?

— Нет.

— У него было дело к послу?

— Похоже, что так.

— Может быть, посол знает, где он живет?

— Не думаю. Вряд ли.

— Можно будет его спросить?

— Да, я спрошу.

— А когда?

— Попозже.

— Моя мать очень больна. Она сейчас в госпитале, и я боюсь, что дорога каждая минута.

В кабинете Торна зазвенел сигнал селектора. Голос секретарши осведомился, не знает ли он, как найти священника, который приходил к нему две недели назад. Торн похлодел.

— Кто об этом спрашивает?

— Какой-то человек, который утверждает, что вы разбили его фотокамеру. Священник — его родственник, так он считает.

Помолчав секунду, Торн произнес:

— Попросите его зайти ко мне.

Дженнингс сразу же отыскал кабинет Торна. Все вокруг было обставлено в современном стиле. Кабинет находился в конце длинного коридора, по обеим сторонам которого были развешаны портреты всех американских послов в Лондоне. Проходя мимо них, Дженнингс с удивлением узнал, что Джон Квинси Адамс и Джеймс Монро занимали этот пост, прежде чем стали президентами США. Неплохое начало карьеры. Может быть, старина Торн волею судеб тоже станет великим.

— Входите,— улыбнулся Торн, когда репортер открыл дверь в кабинет.— Садитесь.

— Извините, что я врываюсь...

— Ничего.

За все годы работы в амплуа фотоохотника Дженнингс впервые находился так близко от своей жертвы. Попасть сюда оказалось проще, чем он думал. Теперь же его трясло: дрожали колени, учащенно колотилось сердце. Возбуждение было так велико, что почти граничило с сексуальным.

— Мне бы хотелось еще раз принести свои извинения за разбитую камеру,— сказал Торн.

— Она все равно была старая.

— Я хочу возместить вам убытки.

— Нет, нет...

— Мне бы очень хотелось. И вы должны мне в этом помочь.

Дженнингс пожал плечами и кивнул.

— Скажите, какая камера самая лучшая, и вам ее доставят.

— Ну... Вы очень великодушны.

— Просто назовите мне самую лучшую.

— Немецкого производства. «Пентафлекс-300».

— Договорились. Скажите моему секретарю, где вас можно найти.

Торн изучал репортера, рассматривал каждую мелочь, от разных носков на ногах до ниток, свисающих с воротника куртки. Дженнингсу нравилось быть вызывающе одетым. Он знал, что его внешность ставит людей в тупик. В каком-то извращенном смысле это давало ему нужные зацепки в работе.

— Я видел вас на собрании,— сказал Торн.

— Я всегда стараюсь быть в нужном месте и вовремя.

— Вы очень усердны.

— Спасибо.

Торн встал из-за стола, подошел к бару и откупорил бутылку бренди. Дженнингс наблюдал, как он разливает напиток, потом взял предложенный стакан.

— Вы отлично разговаривали с тем парнем вчера вечером,— сказал Дженнингс.

— Вы так считаете?

— Да.

— А я не уверен.

Они тянули время, и оба это чувствовали, ожидая, что собеседник первый приступит к делу.

— Я с ним согласен, — добавил Торн. — Очень скоро газеты назовут меня коммунистом.

— Ну, вы же знаете цену прессе.

— Да.

— Им тоже надо на что-то жить.

— Верно.

Они пили бренди маленькими глотками. Торн подошел к окну, и выглянув в него, спросил:

— Вы ищете родственника?

— Да, сэр.

— Это священник по имени Тассоне?

— Он священник, но я не уверен в точности имени.

Он — брат моей матери. Они были с детства разлучены.

Торн взглянул на Дженнингса, и репортер почувствовал в его взгляде разочарование.

— Итак, вы его, собственно, не знаете? — спросил посол.

— Нет, сэр. Я просто пытаюсь его найти.

Торн нахмурился и опустил на стул.

— Можно мне спросить... — начал Дженнингс. — Если бы я знал, какое у него к вам было дело, я смог бы...

— Это была просьба насчет одного госпиталя. Он просил... пожертвование.

— Какого госпиталя?

— В Риме. Я точно не помню.

— Он не оставил вам свой адрес?

— Нет. Видите ли, я сам немного этим расстроен, так как обещал послать чек и теперь не знаю, куда именно.

Дженнингс кивнул:

— Выходит, мы с вами идем по одному следу.

— Видимо, да, — ответил Торн.

— Он просто пришел и ушел?

— Да.

— И больше вы его не видели?

Лицо Торна напряглось. Дженнингс заметил это и решил, что посол что-то скрывает.

— Больше нет.

— Я подумал... может быть, он бывал на ваших выступлениях?

Взгляды их встретились, и Торн понял, что с ним ведут какую-то игру.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Дженнингс. Габер Дженнингс.

— Мистер Дженнингс...

— Габер.

— Габер.—Торн изучал его лицо, потом отвел глаза и снова глянул в окно.— Мне тоже очень важно найти этого человека. Этого священника, который был здесь. Мне кажется, я был с ним резок, и мне хотелось бы извиниться.

— В каком смысле резок?

— Я довольно грубо его выпроводил, даже не выслушав, что он хотел сказать мне.

— Я уверен, что он привык к этому. Когда приходится просить о пожертвованиях...

— Я хотел бы разыскать его. Для меня это очень важно.

Посмотрев на Торна, можно было легко убедиться, что это действительно так. Дженнингс понял, что он на верном пути, но не знал, куда этот путь его приведет. Все, что он сейчас мог,— это играть в открытую.

— Если я его найду, дам вам знать,— сказал он.

— Будьте так добры.

— Разумеется.

Торн кивнул. Дженнингс поднялся, подошел к Торну и пожал ему руку.

— Вы чем-то взволнованы, мистер посол. Я надеюсь, мир не собирается взорваться?

— О нет,— улыбнувшись, ответил Торн.

— Я ваш поклонник. Поэтому и преследую вас.

— Спасибо.

Дженнингс направился к двери, но Торн остановил его.

— Мистер Дженнингс?

— Да, сэр.

— Я хотел бы знать... вы ведь никогда не видели этого священника?

— Нет.

— Вы сказали, что он мог быть на моих выступлениях. Я подумал, что, возможно...

— Что?

— Да нет... Это не важно.

— Можно, я как-нибудь сделаю ваши фотографии дома?—попросил вдруг Дженнингс.—Так сказать, в кругу семьи?

— Сейчас не самое лучшее время для этого.

— Может быть, я позвоню вам через несколько дней?

— Да, пожалуйста.

— Хорошо, я позвоню.

Репортер вышел, и Торн внимательно посмотрел ему вслед. Этот человек определенно что-то знает, что-то такое, что не хочет разглашать. Но что он может знать о священнике? Было ли простым совпадением, что человек, с которым он познакомился чисто случайно, разыскивает именно того самого священника, который днем и ночью преследует его? Торн долго думал, но так ничего и не решил. Как и многие другие недавние события в его жизни, все это казалось простым совпадением, за которым скрывалось, однако, нечто большее.

Глава восьмая

Для Эдгардо Эмилио Тассоне жизнь на земле была не лучше, чем жизнь в чистилище. Из-за этого он, как и многие другие, присоединился к обществу сатанистов в Риме. Сам Тассоне был португальцем, сыном рыбака, который погиб у берегов Ньюфаундленда, вылавливая треску. От детских воспоминаний остался лишь запах рыбы. Тассоне осиротел в восемь лет и был взят в монастырь. Там монахи избивали его день и ночь, чтобы он признался во всех своих смертных грехах. К десяти годам он был уже спасен и смог прильнуть к Христу, но зато у него начались боли в позвоночнике — как раз там, куда ему вбивали веру.

Из-за страха перед Богом, он посвятил свою жизнь церкви, восемь лет учился в семинарии, день и ночь изучая Библию. Он читал о любви и гневе Бога и в возрасте двадцати пяти лет отправился в свет спасать грешных людей от пламени ада. Он стал миссионером, сначала поехал в Испанию, потом в Марокко, проповедуя там и там слово Божие. Из Марокко он отправился на юго-восток Африки и там обнаружил племена, которые нужно было обратить в веру. Он начал избивать несчастных, как это в свое время делали с ним, и вскоре понял, что их мучения вызывали у него почти физическое наслаждение.

Смерть преследовала его, ходила за ним по пятам, и каждый раз он считал, что станет ее жертвой. В Найроби он познакомился с обходительным священником, отцом Спиллетто, и признался ему в грехах. Спиллетто обещал защитить его и взял с собой в Рим. Именно здесь, на собрании в Риме, он был ознакомлен с догмами поклонников Ада. Сатанисты обеспечивали убежище тем, кто скрывался от гнева Божьего.

Они жили, наслаждаясь телесными удовольствиями, и Тассоне делил свое тело с теми, кто ему нравился. Это была группа изгоев, которые, объединившись, могли противостоять остальным. Дьявола почитали путем оскорбления Бога.

Именно в это время, в расцвете успешных действий сатанистов, библейские символы указывали на приближение момента, когда история земли будет внезапно и бесповоротно изменена. В третий раз за время существования планеты Нечистый сможет послать своего потомка и доверить его воспитание до зрелости своим ученикам на земле. Два раза до этого такие попытки были предприняты, и оба раза неудачно: сторожевые псы Христа обнаруживали Зверя и убивали его, когда он был еще очень мал. На этот раз провала быть не должно. План продуман до мелочей.

Неудивительно, что Спиллетто выбрал Тассоне одним из трех исполнителей плана. Этот маленький ученый священник был по-собачьему предан и выполнял приказы без малейшего раздумья и колебания. Поэтому на его долю выпала самая жестокая часть плана: убийство невинного младенца, который, на свое несчастье, тоже был частью плана. Спиллетто должен был найти приемную семью и позаботиться о том, чтобы заветного ребенка приняли в нее. Сестра Мария-Тереза (которую знали раньше под именем Баалок) должна была наблюдать за беременностью и помогать при родах. Тассоне нужно было проследить, чтобы не осталось никаких улик, и захоронить тела на кладбище.

Тассоне с радостью вступил в заговор, потому что понимал, что он уже больше не новичок в секте. Его будут помнить и почитать: он, который когда-то был сиротой-изгнанником, теперь принадлежит к числу Избранных, он вошел в союз с самим Дьяволом! Однако за несколько дней до события что-то начало происходить с Тассоне. Силы покинули его. Давали о себе знать шрамы на спине. Каждую ночь, лежа в кровати, он тщетно пытался заснуть, боли усиливались. Пять ночей он ворочался в постели, отгоняя прочь беспокойные картины, встающие перед глазами. Тассоне начал принимать настойки из трав, вызывающие сон, но ничего не смог поделать с кошмарами, которые теперь преследовали его и во сне.

Он видел Тобу, африканского мальчика, умолявшего его о помощи. Он видел фигуру человека без кожи, глазные яблоки были устремлены на него, на лице были обнажены все связки и мышцы, безгубый рот кричал, молил о помило-

вании. Тассоне увидел себя мальчиком: он стоит на берегу и ждет, когда вернется отец. Потом он увидел свою мать на смертном одре. Она молила его простить ее за то, что умирает и оставляет его одного таким беззащитным наедине с судьбой. Той ночью он проснулся в слезах, как будто сам был матерью, молящей о прощении. А когда сон снова одолел его, фигура Христа появилась у его кровати. Христос во всей своей чистой красоте, со шрамами на стройном теле, встал на колени у кровати Тассоне и сказал, что путь в царство Божье для него не закрыт, что он может быть прощен. Нужно только покаяться.

Эти кошмары так потрясли Тассоне, что Спиллетто заметил его напряжение. Он вызвал его к себе, надеясь выяснить, что произошло. Но Тассоне зашел уже слишком далеко и знал, что его жизнь может оказаться в опасности, если он покажет, что у него зародились сомнения. Тассоне объяснил, что его очень мучают боли в спине, и Спиллетто дал ему пузырек с таблетками, успокаивающими боль. До самого последнего момента Тассоне пребывал в состоянии наркотического транса, и видения Христа перестали преследовать его.

Наступила ночь на шестое июня. Шестой месяц, шестое число, шестой час. Свершились события, которые будут потом мучить Тассоне до конца его дней. У матери Антихриста начались схватки, и она стала подвывать. Сестра Мария-Тереза успокоила ее эфиром, и гигантский плод прорвался сквозь матку. Тассоне покончил с роженицей камнем, который дал ему Спиллетто. Он размозжил ей голову и таким образом подготовил себя к тому, что ему надо было совершить и с человеческим сыном. Но когда ему принесли новорожденного, он замешкался, потому что ребенок был необычайно красив. Он посмотрел на них: два младенца лежали рядом. Один, покрытый густой шерстью, весь в крови; и рядом с ним нежный, розовый, прекрасный ребенок, смотрящий на Тассоне с безграничным доверием. Тассоне знал, что ему надо было совершить, и он сделал это, но сделал неудачно. Нужно было повторить, и он плакал, открывая корзину. На какое-то мгновение Тассоне почувствовал безудержное желание схватить этого ребенка и бежать с ним, бежать подальше, туда, где они будут в безопасности. Но он увидел, что младенец уже почти безнадежен, и на голову младенца еще раз опустился камень. И еще раз. И еще. Пока плач не прекратился, и тело не застыло в неподвижности.

В темноте той самой ночи никто не видел слез, струящихся по щекам Тассоне: более того, после той ночи никто не видел его больше в секте. На следующее утро он скрылся из Рима и четыре года жил, как во тьме. Он уехал в Бельгию и работал среди бедняков, потом пробрался в клинику, где нашел доступ к наркотикам. Теперь они нужны были ему не только для того, чтобы успокоить боль в спине, но и противостоять воспоминаниям той ночи, преследовавшим его. Силы постепенно оставляли его. Когда же он наконец пошел в больницу, его диагноз быстро подтвердился. Боли в спине были вызваны злокачественной опухолью, но из-за ее расположения в области позвоночника операция была невозможна.

Тассоне умирал и хотел получить прощение от Бога.

Собрав остатки сил, он поехал в Израиль, захватив с собой восемь пузырьков с морфином, чтобы успокаивать пульсирующую боль в спине. Ему нужен был человек по имени Бугенгаген. Это имя связано с Сатаной с самого начала истории Земли. Именно Бугенгаген в 1092 году разыскал первого потомка Сатаны и изобрел средство уничтожить его. И в 1710 году другой Бугенгаген нашел второго потомка и лишил его возможности проявить какую бы то ни было власть на Земле. Это были религиозные фанатики, настоящие сторожевые псы Христа. Их задачей было не допустить власти Дьявола на Земле.

Семь месяцев потребовалось Тассоне, чтобы разыскать последнего потомка Бугенгагенов. Он жил скрытно, укрывшись в крепости под землей. Здесь он, как и Тассоне, ждал своей смерти, мучимый беспорядками века и тем, что не исполнил своей миссии. Он знал, что времени осталось мало, но был беспомощен и не мог воспрепятствовать рождению сына Сатаны на Земле.

Тассоне нашел старика и рассказал ему всю историю, упомянув о своем участии в рождении Зверя. Бугенгаген слушал с отчаянием, но не мог вмешиваться в ход событий, не осмеливаясь выйти из своей подземной тюрьмы. К нему должен был прийти человек, непосредственно связанный с ребенком.

Боясь упустить драгоценное время, Тассоне поехал в Лондон, чтобы разыскать Торна и убедить его посетить Бугенгагена.

Он снял однокомнатную квартиру в Сохо и превратил ее в крепость, такую же надежную, как церковь. Главным его оружием было Священное писание. Он заклеил все стены

и окна страницами Библии. На это у него ушло семьдесят Библий. Повсюду висели кресты, он старался не выходить на улицу, если на кресте, усеянном осколками зеркала, который висел у него на шее, не отражался солнечный свет. Боль в спине усиливалась, встреча в кабинете Торна оказалась неудачной. Теперь Тассоне ходил за послым по пятам, и отчаяние его росло. Сегодня он с утра наблюдал за Торном, который с группой высокопоставленных чиновников передавал в дар обществу будущий жилой дом в бедном районе Челси.

— ...Я счастлив начать осуществление именно этого проекта...— громко говорил Торн, преодолевая шум ветра и обращаясь к толпе человек в сто, наблюдавшей за ним.—...так как это представляет волю самого общества улучшить уровень жизни.

При этих словах он копнул лопатой землю. Ансамбль аккордеонистов заиграл польку, и Торн направился к железному забору пожать руки зрителям, просовывающим их через решетку. Он старался пожать каждую протянутую руку и пару раз даже пригнулся к забору, чтобы его поцеловали тянущиеся губы. Неожиданно Торн застыл: чьи-то руки с необычной силой притянули его за отвороты пиджака к самому забору.

— Завтра,— тяжело задышал Тассоне прямо в лицо перепуганному послу.— В час дня, в Кью Гарденс...

— Отпустите меня! — задохнулся Торн.

— Пять минут, и вы больше никогда меня не увидите.

— Уберите свои руки...

— Ваша жена в опасности. Она умрет, если вы не придете.

Торн отпрянул, и священник так же неожиданно исчез.

Торн долго размышлял, как ему поступить. Он мог бы послать на встречу полицейских, но его беспокоило обвинение, которое он должен будет предъявить. Священника начнут допрашивать, дело станет достоянием общественности. Нет, это не выход. По крайней мере не сейчас. Торн никак не мог понять, о чем хочет рассказать ему священник. Он говорил что-то о рождении ребенка: страшное совпадение заключалось как раз в том, что именно в этом вопросе Торн был вынужден прятать свою тайну. Возможно, вместо полиции можно будет послать на встречу какого-нибудь человека, который либо заплатит священнику хорошенько, либо запу-

гает его так, чтобы тот исчез. Но и в этом случае придется кого-то впутывать.

Он вспомнил о Дженнингсе, фотографе, и почувствовал непреодолимое желание позвонить ему и сообщить, что нашелся человек, которого тот ищет. Но этот вариант тоже не пойдет. Нет ничего более опасного, чем впутывать представителя прессы. И все же ему хотелось, чтобы с ним был еще хоть кто-нибудь, с кем можно было бы поделиться. Он был по-настоящему напуган, боялся того, ЧТО мог рассказать ему священник.

На следующее утро Торн взял свою машину, объявив Гортону, что хочет некоторое время побыть один, и все утро провел за рулем, избегая появляться в офисе. Ему пришло в голову, что он может просто проигнорировать требование священника, и такой отказ, возможно, заставит священника потерять к нему интерес и исчезнуть. Но и это не удовлетворило его, так как Торн сам искал встречи. Он должен встретиться с этим человеком лицом к лицу и выслушать все, что тот скажет. Священник сказал, что Катерина в опасности и умрет, если Торн не придет. Катерина не могла быть в опасности, но Торна очень беспокоило, что и она теперь стала одной из центральных фигур в воспаленном мозгу ненормального человека.

Торн приехал в двенадцать тридцать, припарковал машину за углом и с напряжением принялся ждать.

Ровно в час Торн внутренне собрался и медленно пошел в парк. Он надел плащ и темные очки, чтобы его не узнали, но попытка изменить внешность еще более усиливала его возбуждение. Торн стал взглядом искать фигуру священника. Тассоне в одиночестве сидел на скамейке спиной к нему. Торн легко мог уйти и остаться незамеченным, но вместо этого двинулся вперед и подошел к священнику.

Тассоне вздрогнул от неожиданного появления Торна. Лицо его напряглось и покрылось испариной, как будто он страдал от невыносимой боли. Долгое время они молчали.

— Мне надо было прийти сюда с полицией, — коротко бросил Торн.

— Они вам не помогут.

— Говорите. Что вы хотели мне сообщить?

Тассоне заморгал, руки у него затряслись. Он был весь во власти сильнейшего напряжения, одновременно борясь с болью.

— ...Когда еврей в Сион придет... — прошептал он.

— Что?

— Когда еврей в Сион придет. И небеса пошлют комету. И Рим познает свой восход. Мы больше... не увидим света.

Сердце у Торна оборвалось. Этот человек определенно сумасшедший! Он читал стихи, лицо у него было неподвижным, как в трансе, а голос постепенно повышался.

— Из вечного моря Зверь тот восстанет. И войско придет, чтобы биться до смерти. Убьет брата брат и свой меч не оставит. Пока не умолкнет последнее сердце!

Торн наблюдал за священником, а тот в экстазе с трудом выдавливал слово за словом.

— Книга Откровений предсказала все это! — крикнул он наконец.

— Я здесь не для того, чтобы выслушивать религиозные пововеди, — сухо сказал Торн.

— Только через человека, находящегося полностью в его власти, сможет Сатана повести свое последнее и самое страшное наступление. Евангелие от Даниила, Евангелие от Луки...

— Вы сказали, что моя жена в опасности.

— Езжайте в город Меггидо, — с натугой произнес Тассоне. — В старом городе Джебзиль вы найдете старика Бугенгагена. Только он один может рассказать, как должен умереть ребенок Сатаны

— Видите ли...

— Тот, кого не спасет Агнец, будет разорван Зверем!

— Прекратите!!!

Тассоне замолчал, обмяк и дрожащей рукой стер пот, обильно выступивший у него на лбу.

— Я пришел сюда, — тихо сказал Торн, — потому что вы сказали, что моя жена в опасности.

— У меня было видение, мистер Торн.

— Вы сказали, что моя жена...

— Она беременна!

Торн замолчал и отступил.

— Вы ошибаетесь.

— Нет. Она на самом деле беременна.

— Это не так.

— ОН не даст этому ребенку родиться. ОН убьет его, пока тот спит в утробе.

Священник застонал от боли.

— О чем вы говорите? — спросил Торн. Ему было трудно дышать.

— Ваш сын, мистер Торн! Это СЫН САТАНЫ! Он убьет неродившегося ребенка, а потом убьет и вашу жену! А когда убедится, что все ваше богатство переходит к нему, тогда, мистер Торн, он убьет и ВАС!

— Довольно!

— Обладая вашим богатством и властью, он создаст свое страшное царство здесь, на Земле, получая приказы непосредственно от Сатаны.

— Вы сумасшедший,— прохрипел Торн.

— Он ДОЛЖЕН умереть, мистер Торн!

Священник задохнулся, и слезы покатились из его глаз.

— Пожалуйста, мистер Торн...

— Вы просили пять минут...

— Езжайте в город Меттидо,— умолял Тассоне.— Найдите Бугенгагена, пока не поздно!

Торн покачал головой, указав дрожащим пальцем на священника.

— Я вас выслушал,— сказал он с ноткой предупреждения в голосе,— теперь я хочу, чтобы вы выслушали меня. Если я еще когда-нибудь вас увижу, вы будете арестованы.

Резко повернувшись, Торн зашагал прочь. Тассоне крикнул ему вслед сквозь слезы:

— Встретимся в аду, мистер Торн! Мы там вместе будем отбывать наказание!

Через несколько секунд Торн скрылся, а Тассоне остался один. Все кончено, он проиграл.

Медленно поднявшись, священник оглядел опустевший парк. Вокруг стояла зловещая тишина. И тут Тассоне услышал какой-то звук. Звук неся откуда-то издали, будто рождающийся в его собственном мозгу, и постепенно нарастал, пока не заполнил собой все вокруг. Это был звук «ОХМ!». И когда он стал громким до боли, Тассоне схватился руками за распятие и в страхе оглядел парк. Тучи на небе сгущались, поднялся ветерок, постепенно набирающий силу, и кроны деревьев грозно задвигались.

Зажав крест в обеих руках, Тассоне пошел вперед, отыскивая безопасное местечко на улице. Но ветер неожиданно усилился, бумаги и прочий уличный мусор завертелись у его ног, священник пошатнулся и чуть не задохнулся от порыва ветра, кинувшегося ему в лицо. На другой стороне улицы он заметил церковь, но ветер с ураганной силой набросился на него. Звук «ОХМ!» звенел теперь у него в ушах, смешиваясь со стоном усиливающегося ветра. Тассоне пробирался впе-

ред. Туча пыли не позволяла ему разглядеть дорогу. Он не увидел, как перед ним остановился грузовик, не услышал скрип огромных шин в нескольких дюймах от него. Автомобиль рванулся в сторону автостоянки и резко замер. Раздался звук битого стекла.

Ветер неожиданно стих, и люди, крича, побежали мимо Тассоне к разбитому грузовику. Тело шофера бессильно привалилось к баранке, стекло было забрызгано кровью. Тассоне стоял посередине улицы и плакал от страха. В небе прогремел гром; вспышка молнии осветила церковь, и Тассоне, повернувшись, снова побежал в парк. Рыдая от ужаса, он поскользнулся и упал в грязь. В тот момент, когда Тассоне пытался подняться на ноги, яркая молния сверкнула рядом и превратила ближайшую скамейку в пылающие щепки. Повернувшись, он пробрался через кустарник и вышел на улицу.

Всхлипывая и пошатываясь, маленький священник двинулся вперед, смотря прямо в грозное небо. Дождь пошел сильнее, обжигая его лицо, город впереди расплывался в сплошном потоке прозрачной воды. По всему Лондону люди разбегались в поисках убежища, закрывали окна, и через шесть кварталов впереди учительница никак не могла справиться со старомодным шестом для закрывания фрамуг, а ее маленькие ученики наблюдали за ней. Она никогда не слышала о священнике Тассоне и не знала, что судьба свяжет ее с ним. А в это время по скользким и мокрым улицам Тассоне неотвратно приближался к зданию школы. Задыхаясь, он брел по узеньким переулкам, бежал без определенной цели, чувствуя на себе неотступный гнев. Силы у Тассоне иссякали, сердце отчаянно колотилось. Он обошел угол здания и остановился передохнуть, раскрыв рот и жадно глотая воздух. Маленький священник и не думал бросить взгляд вверх, где в этот миг неожиданно произошло легкое движение. На высоте третьего этажа прямо у него над головой железный шест для закрывания оконных фрамуг выскользнул из рук женщины, тщетно пытавшейся удержать его, и ринулся вниз. Его наконечник рассекал воздух с точностью копья, которое метнули с небес на землю.

Шест пробил голову священника, прошел сквозь все его тело и пригвоздил человека к земле.

И в этот момент дождь неожиданно прекратился. Из окна третьего этажа школы выглянула учительница и закрычала. С другой стороны парка люди несли мертвого шофера

разбитого грузовика, на лбу которого отпечатался кровавый след от руля.

Тучи рассеялись, и солнечные лучи коснулись земли. Стайка детей собралась вокруг священника, висящего на шесте. Капли воды стекали по его шляпе, по лицу, на котором застыло выражение крайнего удивления. Рот у того, кого звали Тассоне, был открыт. Рядом прожужжал слепень и сел на его раскрытые губы.

На следующее утро из ящика у входных ворот в Пирфорде Гортон вынул газеты и принес их в комнату, где в это время завтракали Торн и Катерина. Уходя, Гортон заметил, что лицо у миссис Торн было усталым и напряженным. Она выглядела так уже несколько недель, и он полагал, что это связано с ее посещением врача. Сначала он думал, что у нее какая-то телесная болезнь, но потом в вестибюле больницы на табличке прочел, что ее врач, мистер Гриер, специалист по психиатрии. Сам Гортон никогда не испытывал нужды в психиатре и не знал людей, которые обращались бы к ним. Он всегда считал, что психиатры существуют только для того, чтобы сводить людей с ума. Когда в газетах писалось о людях, совершавших какие-нибудь зверства, обычно тут же сообщалось, что они обращались к психиатру. Причина и следствие вполне очевидны. Теперь, наблюдая за миссис Торн, он видел только подтверждение своей теории. Какой бы жизнерадостной ни казалась Катерина по дороге в Лондон, на обратном пути она всегда молчала и выглядела крайне плохо.

С тех пор, как начались эти визиты, настроение ее ухудшилось, и теперь она пребывала в постоянном напряжении. Отношение ее к слугам выражалось в резких приказах, а в отношениях с ребенком было все, кроме материнских чувств. Самое ужасное заключалось в том, что ребенок теперь сам искал с ней контакта. Долгие недели, когда она пыталась вернуть его любовь, не прошли даром. Но теперь, когда Дэмьен искал мать, ее нигде не было.

Для самой Катерины психотерапия казалась пугающей: под внешними страхами она обнаружила бездонную пропасть волнений и отчаяния. Она не понимала, кто же она такая на самом деле. Она помнила, кем была РАНЫШЕ, помнила свои желания, но теперь все прошло, и она не видела для себя будущего. Каждый пустяк приводил ее в состояние стра-

ха: звонок телефона, звук срабатывающего таймера на плите, свисток чайника... Все вокруг будто требовало внимания. Она находилась в таком состоянии, что общаться с ней стало почти невозможно, а в этот день было особенно трудно, потому что она обнаружила нечто, требующее немедленных действий. Необходим был серьезный разговор с мужем, на который она все не решалась, а теперь помимо всего сюда вмешивался ребенок. Он начал липнуть к ней по утрам, пытаясь привлечь ее внимание. Сегодня Дэмьен с шумом и грохотом катался на педальном автомобильчике по паркету, постоянно натываясь на ее стул и вопя во время игры на манер паровозного гудка.

— Миссис Бэйлок!!! — закричала Катерина.

Торн, сидящий напротив жены и приготовившийся развернуть газету, был поражен яростными нотками в ее голосе.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Это все Дэмьен. Я не выношу такого шума!

— По-моему, не так уж и громко.

— Миссис Бэйлок! — снова крикнула она.

В дверях показалась грузная женщина.

— Мэм?

— Уберите его отсюда, — скомандовала Катерина.

— Но он же только играет, — воспротивился Торн.

— Я сказала, уберите его отсюда!

— Да, мэм, — ответила миссис Бэйлок.

Она взяла Дэмьена за руку и вывела из комнаты. Ребенок посмотрел на мать, в глазах его застыла обида. Торн заметил это и с досадой повернулся к Катерине. Она продолжала есть, избегая его взгляда.

— Почему мы решили иметь ребенка, Катерина?

— Наш образ жизни... — ответила она.

— ...Что?

— А как бы мы могли без ребенка, Джереми? Ты разве слышал, чтобы в прекрасной семье не было прекрасного ребенка?

Торн, пораженный ее словами, не ответил.

— Катерина...

— Это ведь верно, да? Мы просто не думали, что значит воспитывать ребенка. Мы просто вычисляли, как будут выглядеть наши фотографии в газетах.

Торн удивленно смотрел на нее, она спокойно выдержала этот взгляд.

— Ну, верно? — спросила она.

— Об этом с тобой врач говорил?

— Да.

— Тогда и мне надо будет с ним побеседовать.

— Да, он тоже хотел с тобой встретиться.

Она говорила открыто и холодно. И Торн вдруг испугался того, что она может ему сейчас сказать.

— О чем же он мне расскажет? — спросил он.

— У нас есть проблема, Джереми, — сказала она.

— ...Да?

— Я больше не хочу иметь детей. Никогда.

Торн внимательно смотрел на нее.

— Хорошо? — спросила она.

— Если ты этого так хочешь... — ответил он.

— Тогда ты дашь согласие на аборт.

Торн застыл. Он был поражен.

— Я беременна, Джереми. Я узнала об этом вчера утром.

Наступила тишина. У Торна закружилась голова.

— Ты меня слышишь? — спросила Катерина.

— Как это могло случиться? — прошептал Торн.

— Спираль. Она иногда не помогает.

— Ты беременна? — ошеломленно переспросил он.

— Недавно.

Торн побледнел. Он уставился на стол, руки у него задрожали.

— Ты кому-нибудь говорила об этом? — спросил он.

— Только доктору Гриеру.

— Ты уверена?

— В том, что я не хочу больше иметь детей?

— Что ты беременна...

— Да.

Зазвонил телефон, и Торн автоматически снял трубку.

— Да? — Он замолчал, не узнавая голоса. — Да, это я. — Потом удивленно посмотрел на Катерину. — Что? Кто говорит? Алло, алло!

В трубке послышались короткие гудки. Торн не шевелился, глаза его наполнились тревогой.

— Что там? — спросила Катерина.

— Насчет газет...

— И что же насчет газет?

— Кто-то сейчас позвонил... и сказал «прочитайте газеты».

Он посмотрел на сложенную газету, медленно открыл ее и сжался, увидев фотографию на первой странице.

— Что там? — спросила Катерина. — Что случилось? — Она взяла газету у него из рук и обратила внимание на фотографию. Это был снимок священника, пронзенного оконным шестом. Заголовок под ним гласил: «В смерти священника повинен лишь случай».

Катерина посмотрела на мужа и увидела, что он дрожит. Она в смущении взяла его за руку. Рука была ледяная.

— Джерри...

Торн медленно поднялся.

— Ты знал его? — спросила Катерина.

Но он не ответил. Катерина снова взглянула на фотографию и, читая статью о происшествии, услышала, как завелась и отъехала от дома машина Торна. В статье было сказано:

«Для миссис Джеймс Акрюиан, учительницы третьего класса в Бишопс Индастриал Скул, день начался, как обычно. Была пятница, и когда пошел дождь, она готовила класс к чтению вслух. Хотя капли дождя и не попадали в класс, учительница решила закрыть окно, чтобы было не так шумно. Она и раньше жаловалась на старинные окна, потому что не могла дотянуться до верхних фрамуг, и всегда вставала на табуретку, даже имея в руках шест. Не попав на этот раз в металлическое кольцо на окне крючком шеста, она высунула шест наружу, намереваясь достать внешнюю часть фрамуги и подтащить ее к себе. Шест выскользнул у нее из рук и пронзил случайного прохожего, остановившегося у здания, очевидно, в поисках убежища от дождя. Личность погибшего устанавливается в настоящий момент полицией с целью розыска его родственников».

Катерина ничего не могла понять. Она позвонила в контору Торна и попросила, чтобы он перезвонил ей, как только появится. Потом Катерина позвонила доктору Гриеру, но он был так занят, что даже не смог подойти к телефону. После этого она связалась с больницей, чтобы договориться насчет аборта.

Глава девятая

Увидев фотографию священника, Торн сразу же поехал в Лондон, судорожно перебирая в мозгу все, что могло помочь разобраться в этом деле. Катерина БЫЛА беременна, священник оказался прав. И теперь Торн уже не мог игнорировать остальные слова Тассоне. Он попытался припомнить их встречу в парке: имена, места, куда он должен был поехать по настоянию Тассоне. Он попытался успокоиться, вспомнить все недавние события: разговор с Катериной, анонимный телефонный звонок. «Прочитайте газеты», — сказал знакомый голос, но Торн никак не мог припомнить, кто это мог быть. Кто вообще знал, что он был связан со священником? Фотограф! Это был его голос! Габер Дженнингс!

Приехав в офис, Торн заперся в кабинете. Он соединился с секретаршей по селектору и попросил ее позвонить Дженнингсу. Дженнингса не было дома. Она доложила об этом Торну и добавила, что звонила Катерина, но он решил перезвонить ей попозже. Она захочет поговорить об аборте, а он еще не был готов ответить ей со всей определенностью.

«Он убьет его», — вспомнил Торн слова священника. «Он убьет его, пока тот спит в утробе».

Торн быстро отыскал телефон Чарльза Гриера и объяснил ему, что им необходимо срочно увидеться.

...Визит Торна не удивил Гриера. Между беспокойством и отчаянием Катерины теперь почти не было границы, и доктор видел, что несколько раз она уже переступала эту черту. Страхи женщины росли, и он беспокоился, как бы Катерина не решилась на самоубийство.

— Никогда нельзя угадать, как далеко зайдут эти страхи, — сказал врач Торну в кабинете. — Но, честно говоря, я должен сознаться, что она готовит себя к серьезнейшему эмоциональному потрясению.

Торн напряженно сидел на жестком стуле, а молодой психиатр сильно затягивался табачным дымом, стараясь подержать огонь в трубке, и рассказывал по комнате.

— Ей стало хуже? — спросил Торн дрожащим голосом.

— Скажем так — болезнь прогрессирует.

— Вы можете чем-нибудь помочь?

— Я вижу ее два раза в неделю и считаю, что ей нужны более частые консультации.

— Вы хотите сказать, что она сумасшедшая?

— Она живет в мире своих фантазий. Эти фантазии очень страшны, и она реагирует на этот кошмар.

— Что за фантазии? — спросил Торн.

Гриер помолчал, раздумывая, стоит ли все рассказывать или нет. Он тяжело опустился на стул и прямо взглянул в глаза Торна.

— Во-первых, она выдумала, что ее ребенок на самом деле не ее.

Эта фраза поразила Торна как гром среди ясного неба. Он застыл и ничего не мог ответить.

— Честно говоря, я рассматриваю это не как страх, а как желание. Она подсознательно хочет быть бездетной. Так я это трактую. По крайней мере на эмоциональном уровне.

Торн сидел ошеломленный и продолжал молчать.

— Конечно, я не могу даже предположить, что ребенок для нее не имеет значения, — продолжал Гриер. — Наоборот, это единственное и самое важное для нее на свете! Но почему-то она считает, что ребенок — угроза для нее. Я не знаю, откуда именно идет этот страх, от чувства материнства, эмоциональной привязанности или просто мыслей, что она неполноценна. Что ей не справиться.

— Но она сама хотела ребенка, — выдавил наконец Торн.

— Ради вас.

— Нет...

— Подсознательно. Она старалась доказать, что достойна вас. А как это еще лучше доказать, чем родить вам ребенка?

Торн смотрел прямо перед собой, в глазах его горело отчаяние.

— А теперь обнаруживается, что она не справляется с реальной жизнью, — продолжал Гриер. — И она пытается отыскать причину, чтобы не считать себя неполноценной. Она выдумывает, что ребенок не ее, что ребенок — зло...

— ...Что?

— Что она не может полюбить его, — объяснил Гриер. — Потому и ищет причину, отчего он недостоин ее любви.

— Катерина считает, что ребенок — зло?

Торн был потрясен, на лице его отражался страх.

— Сейчас ей необходимо это чувствовать, — объяснил Гриер. — Но дело и в том, что другой ребенок был бы для нее гибелью.

— Все же в каком смысле ребенок — зло?

— Это только ее фантазия. Так же, как и то, что этот ребенок не ее.

Торну стало трудно дышать, к горлу подступил комок.

— Не стоит отчаиваться, — ободрил его Гриер.

— Доктор...

— Да?

Торн не мог продолжать. Они оба сидели в тишине, смотря друг на друга через стол.

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Гриер.

На лице доктора появилась озабоченность. Человек, сидевший перед ним, просто-напросто боялся говорить.

— Мистер Торн, с вами все в порядке?

— Мне страшно, — прошептал Торн.

— Конечно, вам страшно.

— Я хотел сказать... я боюсь.

— Это естественно.

— Что-то... ужасное происходит.

— Да. Но вы оба это переживете.

— Вы не понимаете...

— Понимаю.

— Нет.

— Поверьте мне, я все понимаю.

Почти плача, Торн схватился за голову руками.

— У вас тоже сильное переутомление, мистер Торн.

Очевидно, более сильное, чем вы предполагаете.

— Я не знаю, что мне делать, — простонал Торн.

— Во-первых, вы должны согласиться на аборт.

Торн поднял глаза на Гриера.

— Нет, — сказал он.

— Если это исходит из ваших религиозных принципов...

— Нет.

— Но вы легко должны понять необходимость...

— Я не дам согласия, — твердо сказал Торн.

— Вы должны.

— Нет!

Гриер откинулся на стуле и с ужасом посмотрел на посла.

— Я бы хотел знать причины, — тихо произнес он.

Торн смотрел на него и не шевелился.

— Мне предсказали, что эта беременность прервется.

Я хочу доказать, что этого не произойдет.

Доктор уставился на него в крайнем изумлении.

— Я знаю, что это звучит нелепо. Возможно, я... с о ш е л
с у м а.

— Почему вы это говорите?

Торн тяжело посмотрел на него и заговорил, с трудом выдавливая слова.

— Потому что эта беременность должна продолжаться, чтобы я сам не начал верить...

— Верить?..

— Как и моя жена. Что ребенок — это...

Слова застряли у него в горле, он поднялся и почувствовал беспокойство. Дурное предчувствие охватило его. Торн ощутил, что сейчас должно что-то случиться.

— Мистер Торн?

— Извините меня...

— Пожалуйста, садитесь.

Резко тряхнув головой, Торн вышел из кабинета и торопливо пошел к лестнице, ведущей на улицу. Очутившись на улице, он кинулся к машине, на ходу вынимая ключи. Чувство панического страха усиливалось. Ему надо скорее вернуться домой. Включив мотор, Торн развернулся так резко, что завизжали шины, и рванул по направлению к шоссе. До Пирфорда было полчаса езды, и он почему-то боялся, что не успеет вовремя. Улицы Лондона были переполнены транспортом, он постоянно сигнализировал машинам, обгоняя их, проезжал на красный свет, и чувство беспокойства все сильнее охватывало его...

Катерина тоже почувствовала гнетущее беспокойство и решила заняться домашними делами, чтобы подавить страх. Она стояла на лестничной клетке третьего этажа с кувшином в руке и раздумывала, как ей полить цветы, подвешенные над перилами. Ей не хотелось расплескать воду на кафельный пол. В детской за ее спиной Дэмьен катался на своей машине, пыхтя как паровоз, и звук этот становился все громче по мере того, как он набирал скорость. Незаметно для Катерины миссис Бэйлок встала в дальнем углу комнаты и закрыла глаза, как бы молясь про себя...

По шоссе с предельной скоростью несясь Торн. Он уже выбрался на магистраль М-40, ведущую прямо к дому. Лицо его было напряжено, он изо всех сил сжимал руль, каждая клеточка тела словно старалась подогнать машину, заставить ее ехать еще быстрее. Автомобиль мчался по шоссе, Торн сигнализировал машинам, и все пропускали его вперед. Он подумал о полиции и взглянул в зеркальце дальнего вида. Увиденное его потрясло: по пятам следовал громадный черный автомо-

биль — катафалк. Катафалк приближался к машине, и лицо Торна окаменело...

В Пирфорде Дэмьен все сильнее разгонял свою игрушечную машину, подпрыгивая на ней, как на скаковой лошади. В коридоре Катерина встала на табуретку. В комнате Дэмьена миссис Бэйлок пристально смотрела на ребенка, направляя его действия усилием воли и заставляя его ездить все быстрее и быстрее. Мальчик разогнался, глаза и лицо отражали безумие.

В автомобиле Торн застонал от напряжения. Стрелка спидометра показывала девяносто миль, потом сто десять, но катафалк не отставал, настойчиво преследуя его. Торн уже не мог остановить себя, не мог допустить, чтобы его обогнали. Двигатель машины ревел на пределе, но катафалк приближался и наконец поравнялся с бежевым автомобилем Торна.

— Нет... — простонал Торн. — Нет!

Некоторое время они ехали рядом, потом катафалк начал медленно уходить вперед. Торн налег на руль, приказывая машине ехать быстрее, но катафалк продолжал удаляться. Гроб, установленный в нем, медленно раскачивался...

В доме Торнов Дэмьен разогнался еще сильнее, его машина наклонялась, когда он бешено носился по комнате, а в коридоре Катерина пошатнулась и протянула руки вперед, стараясь удержаться на табуретке.

На шоссе катафалк неожиданно резко поддал газу и рванулся вперед. Торн испустил страшный крик. В этот момент Дэмьен пулей вылетел из своей комнаты и столкнулся с Катериной. Она упала с табуретки, судорожно пытаясь ухватиться за что-нибудь, сбила рукой круглый аквариум с золотыми рыбками, который полетел вслед за ней. Послышался глухой удар. Через мгновение аквариум упал и разлетелся на маленькие кусочки.

Катерина лежала, не шевелясь. Рядом с ней на кафельном полу билась золотая рыбка.

Когда Торн приехал в больницу, там уже успели собратся репортеры. Они засыпали его вопросами и слепили вспышками фотокамер, а он отчаянно пытался пройти сквозь их строй к двери с табличкой «Интенсивная терапия». Приехав домой, он нашел миссис Бэйлок в состоянии истерики: она только и успела сказать ему, что Катерина упала и «Скорая» отвезла ее в городскую больницу.

— Скажите что-нибудь о состоянии жены, мистер Торн! — закричал один из репортеров.

— Убирайтесь отсюда!

— Говорят, что она упала.

— С ней все в порядке?

Газетчики пытались остановить Торна, но он прошел через двойные двери и побежал по коридорам, оставляя репортеров позади.

Навстречу ему быстро шел врач.

— Меня зовут Бекер, — сказал он.

— С ней все в порядке? — в отчаянии спросил Торн.

— Она поправится. У нее сотрясение мозга, перелом ключицы и небольшое внутреннее кровоизлияние.

— Она беременна.

— Боюсь, что уже нет.

— Был выкидыш? — задохнулся он.

— Прямо на полу, когда она упала. Я хотел сделать исследование, но ваша служанка все убрала к нашему приезду.

Торн вздрогнул и обмяк, прислонившись к стене.

— Естественно, — продолжал врач, — подробности мы сообщать не будем. Чем меньше людей об этом узнает, тем лучше.

Торн уставился на него, и врач понял, что он ничего не знает.

— Вы же ЗНАЕТЕ, что она сама бросилась вниз, — сказал он.

— ...Бросилась?

— С третьего этажа. На глазах у ребенка и его няни.

Торн тупо смотрел на него, потом повернулся к стене. У него затряслись плечи, и врач понял, что Торн плачет.

— При подобном падении, — добавил врач, — обычно больше всего страдает голова. В каком-то смысле можно считать, что вам повезло.

Торн кивнул, пытаясь сдержать рыдания.

— Вообще вам во многом повезло, — сказал врач. — Она жива и при правильном лечении никогда этого больше не повторит. Жена моего брата тоже была склонна к самоубийству. Однажды она залезла в ванну и взяла с собой то-стер. Решила включить его и убить себя электричеством.

Торн повернулся к врачу.

— Дело в том, что ей удалось выжить, и она больше ничего подобного не делала. Прошло уже четыре года, и с ней все в порядке.

- Где она? — спросил Торн.
- Живет в Швейцарии.
- Моя жена!
- Палата 44. Она скоро придет в себя.

В палате Катерины было тихо и темно. В углу с журналом в руках сидела сестра. Торн вошел и остановился, потрясенный виденным. Вид Катерины был страшен: бледное, распухшее лицо, капельница с плазмой. Рука была загипсована и причудливо вывернута. Застывшее лицо не подавало признаков жизни.

— Она спит, — сказала сестра. Торн медленно подошел к кровати. Словно почувствовав его присутствие, Катерина застонала и медленно повернула голову.

— Ей больно? — дрожащим голосом спросил Торн.

— Она сейчас на седьмом небе, — ответила сестра. — Пен-тотал натрился.

Торн сел рядом, уткнулся лбом в спинку кровати и заплакал. Через некоторое время он почувствовал, что рука Катерины коснулась его головы.

— Джерри... — прошептала она.

Он посмотрел на нее. Катерина с трудом открыла глаза.

— Кэти... — выдавил он сквозь слезы.

— Не дай ему убить меня.

Потом она закрыла глаза и забылась сном.

Торн приехал домой после полуночи и долго стоял в темноте фойе, смотря на то место кафельного пола, куда упала Катерина. Он устал, напряжение не спадало, и Торн очень хотел заснуть, чтобы хоть на некоторое время забыть о происшедшей трагедии.

Торн не стал включать лампы и некоторое время посто-ял в темноте, смотря вверх, на площадку третьего этажа. Он попробовал представить Катерину, стоящую наверху и обдумывающую свой прыжок. Почему же она, серьезно решив покончить с жизнью, не прыгнула с крыши? В доме было много таблеток, бритвенных лезвий, десятки других вещей, помогающих покончить самоубийством. Почему именно так? И почему на глазах у Дэмьена и миссис Бэйлок?

Он снова вспомнил о священнике и его предостереже-нии. «Он убьет неродившегося ребенка, пока тот спит в утро-бе. Потом он убьет вашу жену. Потом, когда он убедится, что унаследует все, что принадлежит вам...» — Торн закрыл глаза,

пытаясь вычеркнуть эти слова из памяти. Он подумал о Тассоне, пронзенном шестом, о телефонном звонке Дженнингса, о безумной панике, охватившей его во время гонок с катафалком. Психиатр был прав. Он переутомился, и такое поведение только подтверждает это. Страхи Катерины начали распространяться и на него, ее фантазии в какой-то степени оказались заразными. Но больше он не допустит этого! Теперь, как никогда, ему надо быть в полном разуме и ясности.

Чувствуя физическую слабость, он пошел наверх по лестнице, нащупывая в темноте ступени. Он выпится и утром проснется свежим, полным энергии и способным действовать.

Подходя к своей двери, Торн остановился, глядя в сторону спальни Дэмьена. Бледный свет ночника пробивался из-под двери. Торн представил себе невинное лицо ребенка, мирно спящего в своей комнате. Поддавшись желанию посмотреть на мальчика, он медленно подошел к комнате Дэмьена, убеждая себя, что здесь ему нечего бояться. Но, открыв комнату, он увидел нечто такое, что заставило его содрогнуться. Ребенок спал, но он был не один. По одну сторону кровати сидела миссис Бэйлок, сложив руки и уставившись в пространство перед собой, по другую были видны очертания огромного пса. Это был тот самый пес, от которого он просил избавиться. Теперь собака сидела здесь, охраняя сон его сына. Затаив дыхание, Торн тихо прикрыл дверь, вернулся в коридор и пошел в свою комнату. Здесь он попытался успокоить дыхание и понял, что его трясет. Неожиданно тишина взорвалась телефонным звонком, и Торн бегом кинулся к трубке.

— Алло!

— Это Дженнингс, — раздался голос. — Помните, тот самый, у которого вы разбили фотокамеру.

— Да.

— Я живу на углу Гросверном и Пятой в Челси, и я думаю, что вам лучше всего приехать прямо сейчас.

— Что вы хотите.

— Что-то происходит, мистер Торн. Происходит нечто такое, о чем вы должны знать.

Квартира Дженнингса находилась в дешевом, запутанном районе, и Торн долго разыскивал ее. Шел дождь, видимость

была плохой, и он почти совсем отчаялся, прежде чем заметил красный свет в башенке наверху. В окне он увидел Дженнингса, тот помахал ему, а потом вернулся в комнату, решив, что ради такого выдающегося гостя можно было бы немного прибраться. Он кое-как запихнул одежду в шкаф и стал дожидаться Торна. Вскоре появился посол, задыхающийся после пешего похода по пяти лестничным пролетам.

— У меня есть бренди, — предложил Дженнингс.

— Если можно.

— Конечно, не такой, к какому вы привыкли.

Дженнингс закрыл входную дверь и исчез в алькове, пока Торн мельком рассматривал его темную комнату. Она была залита красноватым светом, струящимся из подсобной комнаты, все стены были увешаны фотографиями.

— Вот и я, — сказал Дженнингс, возвращаясь с бутылкой и стаканами. — Выпейте немного, и перейдем к делу.

Торн принял у него стакан, и Дженнингс разлил бренди. Потом Дженнингс сел на кровать и указал на кипу подушек на полу, но Торн продолжал стоять.

— Не хотите ли закурить? — спросил Дженнингс.

Торн покачал головой, его уже начал раздражать беспечный домашний тон хозяина.

— Вы говорили, будто что-то происходит.

— Это так.

— Я бы хотел узнать, что вы имели в виду.

Дженнингс пристально посмотрел на Торна.

— Вы еще не поняли?

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

— Потому, что вы не захотели давать объяснений по телефону.

Дженнингс кивнул и поставил стакан.

— Я не мог объяснить потому, что вам надо кое-что увидеть.

— И что же это?

— Фотографии. — Он встал и прошел в темную комнату, жестом пригласив Торна следовать за ним. — Я думал, вы захотите сначала поближе познакомиться.

— Я очень устал.

— Ладно, сейчас у вас появятся силы.

Он включил небольшую лампу, осветившую серию фотографий. Торн вошел и сел на табуретку рядом с Дженнингсом.

— Узнаете?

Это были снимки того дня рождения, когда Дэмьену исполнилось четыре года. Детишки на каруселях, Катерина, наблюдающая за ними.

— Да, — ответил Торн.

— Теперь посмотрите сюда.

Дженнингс убрал верхние фотографии и показал снимок Чессы, первой няни Дэмьена. Она стояла одна в клоунском костюме на фоне дома.

— Вы видите что-нибудь необычное? — спросил Дженнингс.

— Нет.

Дженнингс коснулся фотографии, обводя пальцем едва заметный туман, зависший над ее головой и шеей.

— Сначала я подумал, что это дефект пленки, — сказал Дженнингс. — Но теперь смотрите дальше.

Он достал фотографию Чессы, висящей на канате.

— Не понимаю, — сказал Торн.

— Следите за ходом мысли.

Дженнингс отодвинул пачку фотографий в сторону и достал другую. Сверху лежала фотография маленького священника Тассоне, уходившего из посольства.

— А как насчет этой?

Торн с ужасом посмотрел на него.

— Где вы ее достали?

— Сам сделал.

— Я считал, что вы разыскиваете этого человека. Вы говорили, что он ваш родственник.

— Я сказал неправду. Посмотрите на снимок.

Дженнингс снова коснулся фотографии, указывая на туманный штрих, видневшийся над головой священника.

— Вот эта тень над его головой? — спросил Торн.

— Да. А теперь посмотрите сюда. Этот снимок сделан на десять дней позже первого.

Он достал другую фотографию и положил ее к свету. Это был крупный план группы людей, стоящих в задних рядах аудитории. Лица Тассоне не было видно, только контуры одежды, но как раз над тем местом, где должна быть голова, нависал тот же продолговатый туманный штрих.

— Мне кажется, что тот же самый человек. Лица не видно, зато хорошо видно то, что над ним висит.

Торн изучал фотографию, глаза его выражали недоумение.

— На этот раз он висит ниже,— продолжал Дженнингс.— Если вы мысленно очертите его лицо, станет очевидным, что туманный предмет почти касается его головы. Что бы это ни было, оно опустилось.

Торн молча уставился на фотографию. Дженнингс убрал ее и положил на стол вырезку из газеты, где был запечатлен священник, пронзенный копьеобразным шестом.

— Начинаете улавливать связь? — спросил Дженнингс.

Сзади зажужжал таймер, и Дженнингс включил еще одну лампочку. Он встретил взволнованный взгляд Торна.

— Я тоже не мог этого объяснить,— сказал Дженнингс.— Поэтому и начал копать.

Взяв пинцет, он повернулся к ванночкам, вынул увеличенный снимок, стряхнул с него капли фиксажа, прежде чем поднести к свету.

— У меня есть знакомые в полиции. Они дали мне несколько негативов, с которых я сделал фотографии. По заключению патологоанатома, у Тассоне был рак. Он почти все время употреблял морфин, делая себе уколы по два-три раза в день.

Торн взглянул на фотографии. Перед ним предстало мертвое обнаженное тело священника в разных позах.

— Внешне его тело совершенно здорово и нет ничего странного,— продолжал Дженнингс,— кроме одного маленького значка на внутренней стороне левой ноги.

Он передал Торну увеличительное стекло и подвел его руку к последнему снимку. Торн внимательно пригляделся и увидел знак, похожий на татуировку.

— Что это? — спросил Торн.

— Три шестерки. Шестьсот шестьдесят шесть.

— Концлагерь?

— Я тоже так думал, но биопсия показала, что знак буквально вгравирован в него. В концлагере этого не делали. Я полагаю, что это он сделал сам.

Торн и Дженнингс переглянулись.

— Смотрите дальше,— сказал Дженнингс и поднес к свету еще одну фотографию.— Вот комната, где он жил. В Сохо, квартира без горячей воды. Она была полна крыс, когда мы вошли внутрь. Он оставил на столе недоеденный кусок соленого мяса.

Торн начал рассматривать фотографию. Маленькая каморка, внутри которой были лишь стол, шкафчик и кровать.

Стены были покрыты какими-то бумагами, повсюду висели большие распятия.

— Вот так все и было. Листочки на стенах — это страницы из Библии Тысячи страниц. Каждый дюйм на стенах был ими заклеен, даже окна. Как будто он охранял себя от чего-то.

Торн сидел пораженный, уставившись на странную фотографию.

— И кресты тоже. На одной только входной двери он прикрепил их сорок семь штук.

— Он был... сумасшедший? — прошептал Торн. Дженнингс посмотрел ему прямо в глаза.

— Вам видней.

Повернувшись на стуле, Дженнингс открыл ящик стола и вынул оттуда потрепанную папку.

— Полиция посчитала его помешанным, — сказал он. — Поэтому они разрешили порыться в его вещах и забрать все, что может оказаться нужным. Вот так я достал это.

Дженнингс встал и прошел в жилую комнату. Торн последовал за ним. Здесь фотограф раскрыл папку и вытряхнул ее содержимое на стол.

— Во-первых, здесь есть дневник, — сказал он, вынимая из кипы бумаг обветшалую книжечку. — Но в нем говорится не о священнике, а о ВАС, о ВАШИХ передвижениях: когда вы ушли из конторы, в каких ресторанах вы питаетесь, где вы выступали...

— Можно мне взглянуть?

— Конечно.

Торн дрожащими руками взял дневник и перелистал его.

— В последней записи говорится, что вы должны встретиться с ним, — продолжал Дженнингс, — в¹ Кью Гарденс. В тот же день он погиб.

Торн поднял глаза и встретил взгляд Дженнингса.

— Он был сумасшедшим, — сказал Торн.

— Неужели?

В тоне Дженнингса прозвучала скрытая угроза, и Торн замер под его взглядом.

— Что вам угодно?

— Вы с ним встретились?

— Нет...

— У меня есть еще кое-что, мистер посол, но я ничего не скажу, если вы будете говорить мне неправду.

— Какое вам дело до всего этого? — хрипло спросил Торн.

— Я ваш друг и хочу вам помочь, — ответил Дженнингс. Торн продолжал напряженно смотреть на него.

— Самое главное вот здесь, — продолжал Дженнингс, указывая на стол. — Так вы будете говорить или уйдете?

Торн стиснул зубы.

— Что вы хотите узнать?

— Вы виделись с ним в парке?

— Да.

— Что он вам сказал?

— Он предупредил меня.

— О чем?

— Он говорил, что моя жизнь в опасности.

— В какой опасности?

— Я не совсем понял.

— Не дурачьте меня.

— Я говорю серьезно. Он непонятно выражался.

Дженнингс отодвинулся и посмотрел на Торна с недоверием.

— Это было что-то из Библии, — добавил Торн. — Какие-то стихи. Я не помню их. Я подумал, что он ненормальный! Я не помню стихи и не мог их понять!

Дженнингс скептически посмотрел на него, и Торн начал нервничать.

— Думаю, вам стоит довериться мне, — сказал Дженнингс.

— Вы говорили, что у вас есть еще кое-что.

— Но я еще не все от вас услышал.

— Мне больше нечего сказать.

Дженнингс кивнул, показав, что и этого хватит, и вернулся к бумагам на столе. Включив лампочку без плафона, подвешенную над столом, он нашел газетную вырезку и протянул ее Торну.

— Это из журнала «Астрололжерс Монтли». Заметка астролога о необычном явлении. Комета, которая превратилась в сияющую звезду. Как звезда Бетельгейзера две тысячи лет тому назад.

Вытирая пот со лба, Торн изучал заметку.

— Только ЭТО произошло над ДРУГИМ полушарием, — продолжал Дженнингс. — В Европе. Четыре с небольшим года тому назад. Точнее, шестого июня. Это число вам что-нибудь говорит?

— Да,— прохрипел Торн.

— Тогда вы узнаете вторую вырезку,— ответил Дженнингс, поднимая еще одну бумажку со стола,— с последней страницы римской газеты.

Торн взял заметку и сразу же вспомнил ее. Точно такая же хранилась у Катерины в записной книжке.

— Это сообщение о рождении вашего сына. Это ТОЖЕ произошло шестого июня, четыре года назад. Я бы сказал, что это совпадение. А вы?

У Торна тряслись руки, бумажка дрожала так, что он с трудом мог прочитать ее.

— Ваш сын родился в шесть часов утра?

Торн повернулся к нему, в его глазах светилась невыносимая боль.

— Я хочу выяснить, что это за знак на ноге у священника. Три шестерки. Я думаю, он как-то связан с вашим сыном. Шестой месяц, шестой день...

— МОЙ сын УМЕР!— выпалил Торн.— МОЙ сын УМЕР. Я не знаю, кого я воспитываю.

Он закрыл лицо руками, отвернулся в темноту и тяжело задышал. Дженнингс не сводил с него глаз.

— Если вы не против,— тихо произнес он,— я мог бы помочь выяснить это.

— Нет,— простонал Торн.— Это мое дело.

— Здесь вы ошибаетесь, сэр. Теперь это и МОЕ дело.

Торн повернулся к нему, и их глаза встретились. Дженнингс медленно прошел в темную комнату и вернулся оттуда с фотографией. Он протянул ее Торну.

— В углу каморки у священника было небольшое зеркало,— с трудом выговорил Дженнингс.— Случайно в нем отразился я сам, когда делал фотографии. Довольно необычный эффект, вы не находите.

Он придвинул лампочку поближе, чтобы было виднее. На фотографии Торн увидел небольшое зеркало в дальнем углу комнаты, где жил Тассоне. В зеркале отражался Дженнингс с поднятым к лицу фотоаппаратом. Ничего необычного в том, что фотограф поймал свое изображение, не было. Но на этом снимке явно чего-то не хватало.

У Дженнингса не было шеи.

Его голова была отделена от туловища темным пятном, похожим на дымку...

Глава десятая

После того как стало известно о несчастье с Катериной, Торну легко было объяснить свое отсутствие в офисе в течение нескольких дней. Он сказал, что поедет в Рим за травмотологом, хотя на самом деле цель поездки была иной. Дженнингс убедил его, что начинать надо с самого начала, то есть поехать в тот самый госпиталь, где родился Дэмьен. И там они начнут по крохам восстанавливать истину.

Все было устроено быстро и без лишнего шума. Торн нанял частный самолет, чтобы выехать из Лондона, не привлекая внимания публики. За несколько часов до отлета Дженнингс подобрал кое-какой материал для исследования: несколько вариантов Библии, три книги по оккультным наукам. Торн вернулся в Пирфорд, чтобы собрать вещи и захватить большую шляпу, которая делала его неузнаваемым.

В Пирфорде было необычайно тихо, машины стояли в гараже в таком виде, будто на них больше никто не собирался ездить. Гортоны отсутствовали.

— Они оба уехали, — пояснила миссис Бэйлок, когда он зашел на кухню.

Женщина стояла у раковины и резала овощи, точно так же, как это раньше делала миссис Гортон.

— Как уехали? — спросил Торн.

— Совсем. Собрались и уехали. Они оставили адрес, чтобы вы могли переслать туда зарплату за последний месяц. Торн был поражен.

— Они не объяснили причину? — спросил он.

— Это не важно, сэр. Я сама справлюсь...

— Они должны были объяснить...

— Мне, во всяком случае, они ничего не сказали. Хотя они вообще со мной мало разговаривали. Мистер Гортон настаивал на отъезде. Мне показалось, что миссис Гортон хотела остаться.

Торн обеспокоенно посмотрел на миссис Бэйлок. Ему было страшно оставлять ее с Дэмьеном. Но другого выхода не было. Он должен был срочно уехать.

— Вы здесь справитесь одна, если я уеду на несколько дней?

— Думаю, что да, сэр. Продуктов нам хватит на несколько недель, а мальчику не помешает тишина в доме.

Торн кивнул и хотел выйти, но вдруг остановился:

— Миссис Бэйлок...

- Сэр?
- Та собака.
- Да, я знаю. К концу дня ее уже не будет.
- Почему она до сих пор здесь?

— Мы отвели ее в лес и там отпустили, но она сама нашла дорогу обратно. Она сидела на улице вчера после... после несчастья, а мальчик был так потрясен и попросил, чтобы собака осталась с ним в комнате. Я сказала Дэмьену, что вам это не понравится, но при таких обстоятельствах, я подумала...

- Я хочу, чтобы ее здесь не было.
- Я сегодня же позвоню, сэр, чтобы ее забрали.

Торн повернулся к выходу.

- Мистер Торн?

- Да?
- Как ваша жена?

- Поправляется.

- Пока вас не будет, можно с мальчиком навестить ее?

Торн задумался, наблюдая за женщиной, вытиравшей руки кухонным полотенцем. Она была настоящим олицетворением домохозяйки, и он удивился, отчего так не любил ее.

- Лучше не стоит. Я сам с ним схожу, когда вернусь.
- Хорошо, сэр.

Они попрощались, и Торн поехал в больницу. Там он проконсультировался с доктором Бекером, сообщившим ему, что Катерина не спит и чувствует себя лучше. Доктор спросил, можно ли пригласить к ней психиатра, и Торн дал ему номер Чарльза Гриера. Потом он прошел к Катерине. Увидев его, она слабо улыбнулась.

- Привет,— сказал он.
- Привет,— прошептала она.
- Тебе лучше?
- Немного.
- Говорят, что ты скоро поправишься.
- Я знаю.

Торн пододвинул стул к кровати и сел. Он был удивлен тем, насколько она казалась красивой даже в таком состоянии. Солнечный свет проникал в окно, нежно освещая ее волосы.

- Ты хорошо выглядишь,— сказала она.
- Я думал о тебе,— ответил он.
- Представляю, как я выгляжу,— натянуто улыбнулась она.

Торн взял ее руку, и они молча смотрели друг на друга.

— Странные времена, — тихо сказала она.

— Да.

— Неужели когда-нибудь все наладится?

— Думаю, что да.

Она грустно улыбнулась, и он протянул руку, поправляя прядь волос, упавших ей на глаза.

— Мы ведь хорошие люди, правда, Джерми?

— Думаю, что да.

— Почему тогда все против нас?

Он покачал головой, не в состоянии ответить.

— Если бы мы были злыми, — тихо сказала Катерина, — я считала бы, что все в порядке. Может быть, это то, что мы заслужили. Но что мы сделали неправильного? Что мы когда-нибудь сделали не так?

— Я не знаю, — с трудом ответил он.

Она казалась такой несчастной, что чувства переполняли его.

— Ты здесь в безопасности, — прошептал Торн. — А я уезжаю на несколько дней.

Она не ответила. Она даже не спросила, куда он едет.

— Дела. Это неотложно.

— Надолго?

— На три дня. Я буду звонить тебе каждый день.

Катерина кивнула, он медленно поднялся, потом нагнулся и нежно поцеловал ее поцарапанную бледную щеку.

— Джерри?

— Да?

— Они сказали мне, что я сама спрыгнула. — Она взглянула на него по-детски удивленно и невинно. — И ТЕБЕ они так же сказали?

— Да.

— Зачем мне надо было это делать?

— Я не знаю, — прошептал Торн. — Но мы выясним.

— Я сошла с ума? — просто спросила она.

Торн посмотрел на нее и медленно покачал головой.

— Может быть, мы все сошли с ума, — ответил он.

Она приподнялась, и он снова наклонился, прижимаясь лицом к ее лицу.

— Я не прыгала, — шепнула она. — Меня... столкнул Дэ-мьен.

Наступило долгое молчание, и Торн медленно вышел из палаты.

Шестиместный самолет «Лир» вез только Торна и Дженнингса. Он несся по направлению к Риму сквозь ночь, и внутри него было тихо и напряженно. Дженнингс разложил вокруг себя книги и заставлял Торна вспомнить все, что говорил ему Тассоне.

— Я не могу,— мучительно произнес Торн.— У меня все как в тумане.

— Начните заново. Расскажите мне все, что помните.

Торн повторил рассказ о своем первом свидании со священником, о дальнейшем преследовании, наконец о встрече в парке. Во время этой встречи священник читал стихи.

— Что-то насчет... восхождения из моря...— бормотал Торн, пытаясь припомнить.— О смерти... и армии... и Риме...

— Надо постараться вспомнить получше.

— Я был очень расстроен и подумал, что он сумасшедший! Я в общем-то и не слушал его.

— Но вы все слышали. Значит, вы можете вспомнить. Давайте же!

— Я не могу!

— Попробуй еще!

Лицо Торна выражало отчаяние. Он закрыл глаза и пытался заставить себя вспомнить то, что ему никак не удавалось.

— Я помню... он умолял меня принять веру. «Пей кровь Христа». Так он сказал. «Пей кровь Христову»...

— Для чего?

— Чтобы побороть сына дьявола. Он сказал — пей кровь Христову, чтобы побороть сына дьявола.

— Что еще? — не унимался Дженнингс.

— Старик. Что-то насчет старика...

— Какого старика?

— Он сказал, что мне надо увидеться со стариком.

— Продолжайте...

— Я не могу вспомнить!..

— Он называл имя?

— М... Магдо. Магдо. Меггидо. Нет, это название города.

— Какого города? — не отступал Дженнингс.

— Города, куда мне, по его словам, надо было поехать. МЕГГИДО. Я уверен в этом. Мне надо поехать в Меггидо.

Дженнингс возбужденно начал рыться в своем портфеле, отыскивая карту.

— Меггидо...— бормотал он.— Меггидо...

— Вы слышали о нем? — спросил Торн.

— Могу поспорить, что это в Италии.

Но его не было ни в одной европейской стране. Дженнингс рассматривал карту добрых полчаса, а потом закрыл ее, покачивая в отчаянии головой. Он посмотрел на посла, увидел, что тот заснул, не стал будить его, а принялся за свои книги по оккультизму. Маленький самолет ревел в ночном небе, а Дженнингс погрузился в предсказания о втором пришествии Христа. Оно было связано с пришествием Антихриста, сына Нечистого, Зверя, Дикого Мессии.

«...и придет на землю дикий Мессия, потомок Сатаны в обличье человеческом. Родительницей его будет изнасилованное четвероногое животное. Как юный Христос нес по свету любовь и доброту, так Антихрист понесет ненависть и страх... получая приказы прямо из Ада...»

Самолет приземлился, сильно ударившись о полосу. Дженнингс кинулся собирать книги, рассыпавшиеся во все стороны.

В Риме шел дождь. Быстро пройдя через пустой аэропорт, они вышли к стоянке такси. Пока машина везла их на другой конец города, Дженнингс слегка прикорнул, а Торн, глядя на освещенные статуи на Виа Венто, вспомнил, как он и Катерина, еще молодые и полные надежд, бродили по этим улицам, держась за руки. Они были невинны и любили друг друга. Он вспомнил запах ее духов, ее обворожительный смех. Влюбленные открывали для себя Рим, как Колумб когда-то открывал Америку. Они считали город своей собственностью. Здесь они впервые отдались друг другу. Вглядываясь в ночь, Торн подумал, будут ли они вообще когда-нибудь заниматься любовью...

— Госпиталь Женераль,— сказал водитель такси и резко затормозил.

Дженнингс проснулся. Торн выглянул в окно, но ничего не мог понять.

— Это не то,— сказал Торн.

— Sì. Госпиталь Женераль.

— Нет, тот был старый. Кирпичный. Я же помню.

— У вас правильный адрес?— спросил Дженнингс.

— Госпиталь Женераль,— повторил шофер.

— E differente*,— настаивал на своем Торн.

— Fuoco**,— ответил шофер.— Tre anni più o meno***.

* Это другое место (ит.).

** Пожар (ит.).

*** Примерно три года назад (ит.).

— Что он говорит? — спросил Дженнингс.
— Пожар, — ответил Торн. — «Фуоко» значит «пожар».
— Sì, — добавил водитель. — Tre anni.
— Что там насчет пожара? — спросил Дженнингс.
— Очевидно, старый госпиталь сгорел. А теперь его перестроили.

— Tre anni più omeno. Multo morte.

Торн посмотрел на Дженнингса.

— Три года назад. Многие умерли.

Они заплатили таксисту и попросили его подождать. Тот начал отказываться, но разглядев, сколько ему дали, охотно согласился. На ломаном итальянском Торн объяснил ему, что они хотели бы пользоваться его услугами, пока не уедут из Рима.

В госпитале их ждало разочарование. Было поздно, начальство отсутствовало. Дженнингс решил разыскать хоть кого-нибудь, а Торн в это время встретил монашку, говорившую по-английски, которая подтвердила, что пожар три года назад разрушил госпиталь до основания.

— Но он же не мог уничтожить все, — настаивал Торн. — Записи... Они должны были сохраниться...

— Меня в то время здесь не было, — объяснила она на ломаном английском. — Но люди говорят, что огонь спалил все.

— Но, возможно, какие-то бумаги хранились в другом месте?

— Я не знаю.

Торн был в отчаянии, а монашка пожала плечами, показав, что ей больше нечего сообщить.

— Послушайте, — сказал Торн. — Для меня это очень важно. Я здесь усыновил ребенка, и мне нужны сведения о его рождении.

— Здесь не было усыновлений.

— ОДНО здесь было. То есть это было не совсем усыновление...

— Вы ошибаетесь. У нас все усыновления проходят в Агентстве по делам освобождения от ответственности и оказания помощи.

— У вас сохранились записи о рождении? Вы храните документы о детях, которые здесь рождаются?

— Да, конечно.

— Может быть, если я назову число...

— Бесполезно, — прервал его Дженнингс. Он подошел

к Торну, и тот увидел на его лице выражение крайнего разочарования.

— Пожар начался именно в зале документации. В подвале, где лежали все бумаги. Потом огонь распространился вверх по лестнице и третий этаж превратился в ад.

— Третий этаж?..

— Родильное отделение, — кивнул Дженнингс. — Остался один пепел.

Торн поник и прислонился к стене.

— Извините меня... — сказала монашка.

— Подождите, — попросил ее Торн. — А служащие? Наверняка ведь КТО-ТО выжил.

— Да. Немногие.

— Здесь был один высокий мужчина. Священник. Настоящий великан.

— Его звали Спиллетто?

— Да, — возбужденно ответил Торн. — Спиллетто.

— Он был здесь главным.

— Да, главным. Он...

— Он выжил.

В сердце Торна вспыхнула надежда.

— Он здесь?

— Нет.

— А где же?

— В монастыре в Субьяко. Многих пострадавших отправили туда. Многие умерли там, но он выжил. Я помню, говорили, что это просто чудо, ведь во время пожара он был на третьем этаже.

— Субьяко? — переспросил Дженнингс.

Монашка кивнула:

— Монастырь Сан Бенедетто.

Кинувшись к машине, они сразу же начали рыться в картах. Городок Субьяко находился на южной границе Италии, и чтобы попасть туда, пришлось бы ехать на машине всю ночь. Таксисту нарисовали маршрут на карте красным карандашом, чтобы он мог спокойно ехать, пока они будут спать.

Монастырь Сан Бенедетто был наполовину разрушен, но огромная крепость сохранила свою мощь и величие. Она веками стояла здесь, на юге Италии, и выдержала не одну осаду. Во время второй мировой войны немцы, занявшие монастырь под штаб, казнили в нем всех монахов. В 1946 году

сами итальянцы обстреляли его из минометов, как бы в отместку за зло, происходившее в его стенах.

Несмотря на все испытания, Сан Бенедетто оставался священным местом, величественно возвышаясь на холме, и эхо молитв в течение веков пропитало его стены.

Маленькое, забрызганное грязью такси подъехало к стенам монастыря. Шоферу пришлось расталкивать уснувших пассажиров.

— Синьоры?

Торн зашевелился. Дженнингс опустил стекло и вдохнул утренний воздух, озираясь по сторонам.

— Сан Бенедетто, — пробурчал усталый шофер.

Торн протер глаза и увидел величественный силуэт монастыря на фоне красноватого утреннего неба.

— Посмотрите-ка туда... — прошептал Дженнингс в благоговейном страхе.

— Поближе нельзя ли подъехать? — спросил Торн.

Шофер отрицательно мотнул головой.

Предложив ему выспаться, Торн и Дженнингс побрели дальше пешком и скоро оказались по пояс в траве, вымочившей их до нитки. Идти стало трудно, одежда не соответствовала такой прогулке: она постоянно липла к телу, пока они пробивались вперед через поле. Тяжело дыша, Дженнингс на секунду остановился, взял камеру и отснял полпленки кадров.

— Невероятно, — прошептал он. — Невероятно, черт возьми.

Торн нетерпеливо оглянулся, и Дженнингс поспешно догнал его, они пошли вместе, прислушиваясь к собственному дыханию и к далеким звукам пения, как стон, доносящимся изнутри монастыря.

— Как много здесь грусти, — сказал Дженнингс, когда они подошли к входу. — Прислушайся.

Звук внушал трепет, монотонное пение исходило, казалось, от самих стен, в каменных коридорах и арках. Они медленно продвигались вперед, оглядывая окружающее пространство и пытаясь обнаружить источник звука.

— Я думаю, сюда, — сказал Дженнингс, указывая в сторону длинного коридора. — Посмотри, какая грязь.

Впереди виднелась коричневая тропинка. Люди, ходившие здесь многие столетия подряд, ногами протерли в камне ложбинку, и во время ливней сюда стекала вода. Тропинка вела к огромной каменной ротонде с закрытой деревянной

дверью. Они подошли поближе, и пение стало громче. Приоткрыв дверь, Торн и Дженнингс с благоговением уставились на происходящее внутри ротонды. Казалось, они неожиданно перенеслись в средневековье, так сильно ощущалось присутствие Бога и духовной святости. Они увидели просторный древний зал. Каменные ступени вели к алтарю, на котором возвышался деревянный крест с фигурой распятого Христа, высеченной из камня. Сама ротонда была сложена из каменных блоков, которые были украшены виноградными лозами и сходились в центре купола. Теперь с вершины купола пробивался солнечный свет и освещал фигуру Христа.

— Священное место, — прошептал Дженнингс.

Торн кивнул и продолжал осматривать помещение. Взгляд его упал на группу монахов в капюшонах, стоящих на коленях и произносящих молитву. Пение их было очень эмоциональным, оно то затихало, то усиливалось. Дженнингс достал экспонометр и в полутьме попытался разобрать его показания.

— Убери, — прошептал Торн.

— Надо было захватить вспышку.

— Я сказал, убери это.

Дженнингс взглянул на Торна с удивлением, но повиновался. Торн выглядел чрезвычайно расстроенным, у него дрожали колени, будто тело приказывало опуститься на них и принять участие в молитве.

— С тобой все в порядке? — шепнул Дженнингс.

— ...Я католик, — тихо ответил Торн.

Вдруг взгляд его застыл, уставившись куда-то в темноту. Дженнингс увидел инвалидное кресло-коляску и сидящего в нем неуклюжего человека. В отличие от остальных, стоящих на коленях с опущенными головами, этот в коляске сидел прямо, голова его словно окаменела, руки были выгнуты, как у парализованного.

— Это он? — шепнул Дженнингс.

Торн кивнул, глаза его широко раскрылись, как от дурного предчувствия. Они подошли ближе, и Дженнингс поморщился, когда увидел лицо инвалида. Половина его была как будто расплавлена, мутные глаза слепо смотрели вверх. Вместо правой руки из широкого рукава торчала изуродованная культя.

— Мы не знаем, может ли он видеть и слышать, — сказал монах, стоящий рядом со Спиллетто во внутреннем дворе монастыря. — После пожара он не произнес ни слова.

Они находились в заросшем саду, который был завален осколками статуй. После окончания службы монах вывез коляску Спиллетто из ротонды, и оба путешественника последовали за ними.

— Братья за ним ухаживают, — продолжал монах, — и мы будем молиться за его выздоровление, когда кончится епитимья.

— Епитимья? — спросил Торн.

Монах кивнул.

— «Горе пастуху, который покидает своих овец. Пускай же правая рука его иссохнет, а правый глаз его ослепнет».

— Он согрешил? — спросил Торн.

— Да.

— Можно спросить, как именно?

— Он покинул Христа.

Торн и Дженнингс удивленно переглянулись.

— Откуда вам известно, что он покинул Христа? — спросил Торн у монаха.

— Исповедь.

— Но он не разговаривает.

— Это была письменная исповедь. Он может шевелить левой рукой.

— И что это было за признание? — не отступал Торн.

— Можно мне узнать причину ваших расспросов?

— Это жизненно важно, — искренне признался Торн. — Я умоляю вас о помощи. На карту поставлена жизнь.

Монах внимательно посмотрел на Торна и кивнул.

— Пойдемте со мной.

Келья Спиллетто была совсем пуста: только соломенный матрас и каменный стол. От вчерашнего ливня на полу осталась лужа воды. Торн заметил, что и матрас был влажным. Неужели, подумал он, все они терпят подобные лишения, или же это было частью епитимьи Спиллетто?

— Рисунок на столе, — сказал монах, когда они прошли внутрь. — Он нарисовал его углем.

Коляска скрипела, передвигаясь по неровным камням. Они окружили небольшой столик, рассматривая странный символ, начертанный священником.

— Он сделал это, когда впервые оказался здесь, — про-

должал монах, — мы оставили уголек на столе, но больше он ничего не рисовал.

На столе была коряво нацарапана неуклюжая фигурка. Она была согнута и искажена, голова обведена кругом. Внимание Дженнингса сразу же привлекли три цифры, начертанные над головой согнувшейся фигуры. Это были шестерки. Их было три. Как отметка на ноге Тассоне.

— Видите эту линию над головой? — сказал монах. — Она означает капюшон монаха.

— Это автопортрет? — спросил Дженнингс.

— Мы так считаем.

— А что это за шестерки?

— Шесть -- это знак дьявола, — ответил монах. — Семь — идеальное число, число Христа. А шесть — число Сатаны.

— А почему их три? — спросил Дженнингс.

— Мы считаем, что это означает дьявольскую Троицу. Дьявол, Антихрист и Лжепророк.

— Отец, Сын и Святой дух, — заметил Торн.

Монах кивнул.

— Для всего святого есть свое нечистое. В этом сущность искушения.

— Но почему вы считаете, что это исповедь? — спросил Дженнингс.

— Вы назвали рисунок автопортретом, или что-то в этом роде. Он символически окружен Троицей ада.

— Но ведь вы не знаете конкретно, что он хотел сказать?

— Детали не так важны, — сказал монах. — Самое главное, что он раскаивается.

Дженнингс и Торн пристально взглянули друг на друга. Торном овладело отчаяние.

— Можно мне поговорить с ним? — спросил он.

— Это вам не поможет.

Торн посмотрел на Спиллетто и содрогнулся при виде его застывшего, обезображенного лица.

— Отец Спиллетто, — твердо сказал он. — Меня зовут Торн.

Священник смотрел вверх. Он не шевелился и не слышал Джереми.

— Бесполезно, — сказал монах.

Но остановить Торна было уже невозможно.

— Отец Спиллетто,— повторил Торн.— Помните того РЕБЕНКА? Я хочу знать, откуда он.

— Я прошу вас, синьор,— предупредительно произнес монах.

— Вы сознались ИМ,— закричал Торн,— теперь сознайтесь МНЕ! Я хочу знать, откуда тот ребенок!

— Мне придется попросить вас...

Монах хотел взяться за кресло Спиллетто, но Дженнингс преградил ему путь.

— Отец Спиллетто! — заорал Торн в немое, неподвижное лицо.— Я умоляю вас! ГДЕ ОНА? КТО она?! Пожалуйста! Отвечайте же!

Вдруг все загудело. В церкви начали звонить колокола. Звук был невыносимый, Торн и Дженнингс содрогнулись при страшном звоне, отражающемся от каменных монастырских стен. Торн взглянул вниз и увидел, как рука священника начала подниматься.

— Уголь! — закричал Торн.— Дайте ему уголь!

Дженнингс моментально кинулся вперед, схватил кусок угля со стола и сунул его в трясущуюся руку. Колокола продолжали звонить, рука священника, дергаясь, чертила на столе корявые буквы, каждый раз вздрагивая при звуке колокола.

— Это какое-то слово,— возбужденно вскричал Дженнингс.— Ч... Е... Р...

Священник затрясся всем телом, пытаясь чертить дальше, боль и напряжение переполняли его, он раскрыл рот, и оттуда послышался какой-то звериный стон.

— Продолжайте же! — настаивал Торн.

— В... — читал Дженнингс.— Е... Т...

Неожиданно колокольный звон оборвался. Священник выронил уголь из судорожно сжатых пальцев, и голова его упала на спинку кресла. Измученные глаза уставились в небо, лицо было покрыто потом.

Все стояли в тишине, вглядываясь в слово, нацарапанное на столе.

— Червет?.. — спросил Торн.

— Червет,— отозвался Дженнингс.

— Это по-итальянски?

Они обернулись к монаху, который тоже смотрел на слово, а потом к Спиллетто.

— Вам это слово о чем-нибудь говорит? — спросил Торн.

— Черветери, — ответил монах. — Я думаю, что это Черветери.

— Что это? — спросил Дженнингс.

— Это старое кладбище. Этрасское. Кладбище ди Сантанджело.

Тело священника снова задрожало, он застонал, пытаясь что-то сказать, но потом внезапно затих.

Торн и Дженнингс посмотрели на монаха, тот покачал головой и произнес с отвращением:

— Черветери — это сплошные развалины. Остатки гробницы Течалка.

— Течалка? — переспросил Дженнингс.

— Этрасский дьяволобог. Они сами были почитателями дьявола. Место его захоронения считалось священным.

— Почему он написал его? — спросил Торн.

— Я не знаю.

— Где оно находится? — спросил Дженнингс.

— Там ничего нет, синьор, кроме могил и... одичавших собак.

— Где оно? — нетерпеливо переспросил Дженнингс.

— Ваш шофер должен знать. Километров пятьдесят к северу от Рима.

Гроза из Рима перенеслась за город, сильный дождь замедлял их движение, особенно после того, как они свернули с главного шоссе на более старую дорогу, грязную и всю в рытвинах. Один раз машина застряла, въехав задним левым колесом в канаву, им всем пришлось выходить и толкать ее.

Приближалось утро, небо светлело. Дженнингс заморгал, пытаясь разглядеть, куда же они заехали. Постепенно до него дошло, что это уже Черветери. Перед ним возвышался железный забор, а за ним на фоне светлеющего неба виднелись силуэты надгробий.

Дженнингс вернулся к машине, подошел к передней двери, вынул ключ из зажигания, открыл багажник, отыскал свой аппарат и зарядил новую пленку. Взгляд его упал на железный ломик, валявшийся в углу багажника среди промасленных тряпок. Дженнингс достал его, оглядел и заткнул за пояс, потом осторожно закрыл багажник и пошел в сторону ржавого железного забора. Земля была сырая, Дженнингс замерз и дрожал, двигаясь вдоль забора в поисках ворот. Но их не было. Проверив еще раз фотоаппарат, он влез с помощью

дерева на забор, на секунду потерял равновесие и порвал пальто, неудачно приземлившись с другой стороны. Поправив камеру и поднявшись, Дженнингс направился в глубь кладбища. Небо становилось все светлей, и теперь он мог разглядеть вокруг могилы и разбитые статуи. Они были сделаны довольно искусно, хотя и подверглись сильному разрушению. Изуродованные каменные лица холодно и отрешенно взирали на спящих внизу грызунов.

Несмотря на заморозки, Дженнингс почувствовал, что вспотел. Он нервно оглядывался, продолжая идти дальше, Дженнингса не покидало ощущение, что за ним наблюдают. Пустые глаза статуй, казалось, следили за ним, когда он проходил мимо. Дженнингс остановился, чтобы успокоиться, и посмотрел вверх. Прямо перед ним высилась огромная фигура идола, уставившегося на Дженнингса сверху вниз, лицо истукана застыло в гневе. У Дженнингса перехватило дыхание, выпученные глаза идола как будто требовали, чтобы он убирался отсюда. Заросший волосами лоб, мясистый нос, яростно открытый рот с толстыми губами. Дженнингс поборол в себе чувство страха, поднял аппарат и сделал три снимка со вспышкой, молнией осветившей каменное лицо идола...

Торн открыл глаза и обнаружил, что Дженнингс исчез. Он вышел из машины и разглядел перед собой кладбище, разбитые статуи были освещены первыми лучами солнца.

— Дженнингс?!

Ответа не последовало. Торн подошел к забору и снова позвал Дженнингса. Вдали послышался звук. Торн схватился за скользкие прутья и с трудом перелез через забор.

— Дженнингс?..

Звуки затихли. Торн искал Дженнингса в лабиринте полуразрушенных статуй. Он медленно брел вперед. Ботинки хлюпали в грязи. Полуразрушенная скульптура горгульи вдруг выросла перед Торном, и ему стало не по себе. Кладбищенская тишина давила. Все вокруг, казалось, внезапно застыло. То же ощущение Торн испытывал и раньше. Тогда, в Пирфорде, он заметил два сверкающих глаза, следящих за домом. Торн остановился, решив, что и на этот раз за ним могут следить. Он осмотрел статую и заметил рядом большой крест, врытый в землю. Джереми замер. Откуда-то из-за куста послышался шум. Звук шагов быстро приближался. Торн бросился бежать, но ноги не слушались, и он остановился, как вкопанный, с расширившимися от ужаса глазами.

— Торн!

Это был Дженнингс. Задыхаясь, с диким взглядом, он прорвался сквозь кусты и быстро подошел к Торну, сжимая в руках железный ломик.

— Я нашел! — выпалил он. — Я нашел!

— Что нашел?

— Пошли! Пошли со мной!

Они двинулись вперед. Дженнингс легко прыгал через надгробья, Торн из последних сил пытался не отставать от него.

— Вот! Посмотри сюда! Это те самые! — воскликнул Дженнингс и остановился на пустой площадке около двух могил, вырытых рядом. В отличие от всех остальных эти могилы были выкопаны сравнительно недавно, одна из них была обычных размеров, другая — маленькая. Надгробья выглядели скромно: на них упоминались только даты и имена.

— Видите число? — возбужденно спросил Дженнингс. — Шестое июня. Шестое июня! Четыре года назад. Мать и ребенок...

Торн медленно подошел к могилам и встал, глядя на холмики.

— Эти — единственно свежие на всем кладбище, — гордо заявил Дженнингс. — Другие настолько древние, что даже надписи не разберешь.

Торн не отвечал. Он встал на колени и стряхнул с камней присохшую грязь, чтобы прочитать надписи.

— ...Мария Аведичи Сантроа... Младенец Сантойя... Ин Морте э ин Нате Амплексаранур Генерационес.

— Что это значит?

— Латынь.

— Что там написано?

— ...В смерти... и рождении... поколения объединяются.

— Вот так находка!

Дженнингс опустился на колени рядом с Торном и удивленно обнаружил, что его товарищ плачет. Торн, склонивши голову, рыдал. Дженнингс подождал, пока тот успокоится.

— Вот он, — простонал Торн. — Теперь я знаю. Здесь похоронен мой ребенок.

— И возможно, женщина, родившая ребенка, которого вы сейчас воспитываете.

Торн посмотрел на Дженнингса.

— Мария Сантойя, — сказал Дженнингс, указывая на надгробья. — Здесь мать и ребенок.

Торн покачал головой, пытаясь вникнуть в смысл слов.

— Послушай, — сказал Дженнингс. — Мы ведь требовали, чтобы Спиллетто рассказал, где мать. Вот мать. А это, возможно, ваш ребенок.

— Но почему здесь? Почему в таком месте?

— Я не знаю.

— Почему в этом ужасном месте?!

Дженнингс посмотрел на Торна. Он сам ничего не понимал.

— Есть только один способ узнать. Главное, мы нашли их, теперь можно разузнать и остальное.

Он поднял лом и воткнул его глубоко в землю. Лом вошел по рукоятку и с глухим звуком остановился.

— Это не так сложно. Они всего где-то на фут под землей.

Он разрыхлил ломиком землю, а потом взялся разгребать ее руками.

— Ты не хочешь мне помочь? — спросил он Торна, и тот без особого желания принялся помогать онемевшими от холода пальцами.

Через полчаса, грязные, мокрые от пота, они очищали последний слой земли с бетонных плит. Закончив разгребать, Торн и Дженнингс устали на гробовые плиты.

— Чувствуете запах? — спросил Дженнингс.

— Да.

— Наверное, все делалось в спешке, правила не соблюдались.

Торн не ответил, переживая страшные мучения.

— Какую сначала? — спросил Дженнингс.

— Может быть, не надо этого делать?

— Надо.

— Но это как-то не по-человечески.

— Если хотите, я позову шофера.

Торн стиснул зубы и покачал головой.

— Тогда начнем, — сказал Дженнингс. — Сначала большую.

Дженнингс подsunул домкрат под плиту. Потом, исполь-

зуя его в качестве рычага, отодвинул крышку гроба ровно настолько, чтобы под нее можно было просунуть пальцы.

— Ну, давай, черт возьми! — закричал он, и Торн пришел на помощь. Руки его тряслись от напряжения, когда он вместе с Дженнингсом поднимал тяжелую крышку.

— Весит не меньше тонны!.. — промычал Дженнингс. Навалившись на плиту всем телом, им удалось приподнять ее и удерживать, пока глаза изучали темную яму.

— Боже мой! — вырвалось у Дженнингса.

В гробу лежал труп шакала.

Личинки и насекомые облепили его со всех сторон, ползая по останкам плоти и шкуры, каким-то образом еще сохранившейся на скелете.

Торн вздрогнул и отпрянул назад. Плита выскользнула из рук и с грохотом упала в склеп, разбившись на куски. Туча мух взмыла вверх. Дженнингс в ужасе кинулся к Торну, поскользнулся в грязи и, схватив его, попытался увести подальше от склепа.

— Нет!!! — заорал Торн.

— Пошли!

— Нет! — продолжал орать Торн. — ВТОРЮЮ!

— Для чего? Мы видели все, что нам было нужно.

— Нет, другую, — в отчаянии простонал Торн. — Может, там тоже зверь!

— Ну и что?

— Тогда, может быть, мой ребенок где-нибудь живет!

Дженнингс остановился под обезумевшим взглядом Торна. Подняв лом, он просунул его под маленькую крышку. Торн подошел к нему, просунул пальцы под плиту. Через секунду она слетела, и лицо Торна исказилось от горя. В маленьком склепе лежали останки ребенка, его крошечный череп был разбит на кусочки.

— Голова... — всхлипывал Торн.

— ...Боже...

— Они убили его!

— Пошли отсюда.

— Они убили моего сына! — закричал Торн изо всех сил. Крышка упала, и оба посмотрели на нее в диком ужасе.

— Они убили его! — рыдал Торн. — Они убили моего сына!

Дженнингс поднял Торна на ноги и силой потащил его прочь. Но неожиданно он остановился, вздрогнув от страха.

— Торн, смотри.

Торн глянул туда, куда указывал Дженнингс и увидел впереди голову черной немецкой овчарки. У нее были близко посаженные светящиеся глаза, из полуоткрытой пасти текла слюна. Где-то рядом послышался злобный рык. Торн и Дженнингс не двигались, зверь медленно вышел из-за кустов и наконец стал виден полностью. Он был тощий, весь в шрамах, на боку виднелась свежая рана. Соседние кусты зашевелились, и показалась еще одна собачья морда, серая и изуродованная. Потом появилась еще, и еще одна, все кладбище пришло в движение. Отовсюду возникали темные силуэты, теперь их было не меньше десятка — бешеных голодных псов. С морд стекала слюна.

Дженнингс и Торн замерли на месте, боясь даже взглянуть друг на друга. Воющая стая держалась пока на расстоянии.

— Они чувт... трупы... — прошептал Дженнингс. — Надо идти... назад.

Сдерживая дыхание, они начали медленно отступать, в тот же момент собаки двинулись на них, низко пригнув головы и как бы выслеживая добычу. Торн споткнулся и невольно вскрикнул, Дженнингс тут же вцепился в него и, пытаясь сохранить спокойствие, прошептал:

— Не бежать... им нужны... только трупы...

Но, миновав вскрытые могилы, собаки не останавливались, следя глазами только за живыми людьми. Расстояние между людьми и собаками сокращалось, звери подходили все ближе. Торн остуился и ухватился за Дженнингса, обоих колотила дрожь. Они продолжали отступать, спины их уперлись во что-то твердое. Вздрогнув, Торн оглянулся. Они стояли у подножия каменного идола, это была западня. Собаки окружили людей, перекрыв все доступы к побегу. На какое-то мгновение и хищники, и их жертвы, стоящие в кругу оскаленных пастей, застыли. Солнце уже вошло и красноватым отблеском освещало надгробья. Собаки замерли, ожидая сигнала броситься вперед. Шли секунды, люди теснее и теснее прижимались друг к другу, собаки пригнулись, готовясь к прыжку.

Испустив боевой клич, Дженнингс замахнулся ломиком на вожака стаи, и собаки тут же кинулись на них. Дженнингс сбили с ног, звери подбирались к его шее. Репортер катался по земле, ремни фотоаппарата крепко-крепко прилегали к его шее, а звери сновали рядом, пытаясь добраться до его плоти. Беспомощно отбиваясь от них, Дженнингс почувствовал у подбородка камеру. Захрустели линзы в собачьих зубах, звери рвали ее, пытаясь отодрать от Дженнингса.

Торну удалось отбежать к забору, в этот момент огромная собака бросилась на него, и челюсти ее сомкнулись на его спине. Джереми упал на колени, и тут другие собаки кинулись на него. Щелкали челюсти, брызгала слюна. Торн отбивался, пытаясь подползти поближе к забору. Он сжался в комок, чувствуя на себе яростные, жалящие укусы. На какую-то долю секунды ему удалось разглядеть Дженнингса, который катался по земле, и собак, пытавшихся в бешенстве добраться до его шеи. Торн не чувствовал боли, в нем кипело одно лишь страстное желание — убежать! Джереми встал на четвереньки — собачьи клыки впивались ему в спину — и так продолжал подбираться к забору. Рука его нащупала что-то холодное. Это был ломик, брошенный Дженнингсом. Он сжал его и ткнул назад, туда, где были звери. Раздался страшный визг, и он понял, что попал. Кровь хлынула ему на плечи, и, обернувшись, Торн увидел, что у одного пса выбит глаз. Это придало ему храбрости, он начал бить ломом направо и налево, и вскоре смог подняться на ноги.

Дженнингс откатился к дереву. Собаки разъяренно продолжали насккивать на него, разрывая зубами ремни фотоаппарата. Во время схватки внезапно сработала вспышка, и звери в ужасе отскочили. Торн был уже на ногах и яростно размахивал ломом, отступая к заграждению. Дженнингс, пытаясь, пробирался к забору, выставив перед собой вспышку, и всякий раз, когда собаки оказывались слишком близко, нажимал на кнопку. В конце концов ему удалось добраться до забора.

Он быстро пошел к Торну, вспышкой сдерживая собак. Торн влез на забор и там, неудачно повернувшись, напоролся подмышкой на один из ржавых прутьев. Вскрикнув от боли, он дернулся, подался вперед и рухнул на землю с другой стороны забора. Дженнингс последовал за ним, время от времени нажимая на спуск вспышки, а потом, спрыгивая с забора,

швырнул камеру в собак. Торн шатался. Дженнингс с трудом дотащил его до машины. Шофер, оцепенев от ужаса, смотрел на них. Он попытался завести автомобиль, но ключей на месте не оказалось. Тогда он выскочил из машины, помог Дженнингсу усадить Торна на заднее сиденье. Дженнингс подбежал к багажнику, чтобы достать ключ зажигания, и тут его взгляд опять упал на собак. Они кидались на забор и выли от злобы, одна из них пыталась перескочить заграждение и почти преодолела его, но один из прутьев проткнул ей горло, кровь из раны хлынула фонтаном. Остальные собаки, почуввав кровь, бросились на нее и заживо разорвали на части.

Машина рванула вперед. Захлопала незакрытая дверь, шофер со страхом смотрел в зеркальце на своих пассажиров. Их тела составляли в этот момент единое месиво из крови и лохмотьев. Тесно прижавшись друг к другу, Торн и Дженнингс рыдали, как дети.

Глава одиннадцатая

Шофер такси подвез их к отделению неотложной помощи, вытащил из машины их багаж и уехал. Торн был настолько потрясен случившимся, что на все вопросы отвечал Дженнингс. Он назвал выдуманные имена и изложил историю, которая вполне удовлетворила больничные власти. Он рассказал, что они изрядно выпили и забрались в частные владения, где висели предупредительные таблички об охране территории сторожевыми собаками. Это было в пригороде, но где именно, он не помнил, там был высокий железный забор, с которого свалился его приятель. Им обработали раны, сделали уколы против столбняка и велели вернуться через неделю на анализ крови, чтобы проверить, подействовало ли лекарство. Они переоделись и ушли, потом отыскиали небольшую гостиницу и подписались вымышленными именами. Консьерж потребовал, чтобы они заплатили деньги вперед, и после этого выдал им ключ от комнаты.

Торн принялся тут же звонить по телефону и, пока Дженнингс метался по комнате, безуспешно пытался соединиться с Катериной.

— Они могли бы убить тебя, но не убили, — испуганно говорил Дженнингс. — Они преследовали МЕНЯ, пытались добраться до моей шеи.

Торн поднял руку, умоляя Дженнингса замолчать, сквозь рубашку просвечивало темное кровавое пятно.

— Ты слышишь, что я тебе говорю, Торн?! Им нужна была моя шея!

— Это больница? Да, она в палате 4 А.

— Боже мой, если бы не моя камера...— продолжал Дженнингс.

— Подожди, пожалуйста, у меня срочный звонок.

— Мы должны что-то делать, Торн. Слышишь?

Торн обернулся к Дженнингсу и взгляделся в раны на его шее.

— Найди мне город Меггидо,— тихо сказал он.

— Как, черт возьми, я его найду?

— Не знаю. Сходи в библиотеку.

— В библиотеку? Иисусе Христе!

— Алло?— сказал Торн в трубку.— Катерина?

Катерина, чувствуя озабоченность в голосе мужа, приподнялась и села на больничной кровати. Она держала трубку здоровой рукой, другая, загипсованная, лежала неподвижно.

— С тобой все в порядке?— спросил Торн в отчаянии.

— Да. А с тобой?

— Да. Я просто хотел убедиться...

— Где ты?

— Я в Риме. В гостинице «Императоре».

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты не болен?

— Нет, я боялся..

— Возвращайся, Джерри.

— Я не могу сейчас вернуться.

— Мне страшно.

— Тебе нечего бояться.

— Я звонила домой, но там никто не подходит.

Торн посмотрел на Дженнингса. Тот переодевал рубашку и собирался уходить.

— Джерри,— сказала Катерина.— Я думаю, мне лучше пойти домой.

— Оставайся на месте,— попросил Торн.

— Я волнуюсь за Дэмьена.

— И близко к дому не подходи, Катерина!

— Мне НАДО...

- Послушай меня, Катерина. Не подходи к дому!
- Катерина замолчала, встревоженная его тоном.
- Если ты боишься за меня,— сказала она,— то не стоит. Я разговаривала с психиатром и начала кое-что понимать. Это не из-за Дэмьена, это все из-за меня самой.
- Катерина...
- Послушай меня. Я сейчас принимаю литиум. Это против депрессии. И мне помогает. Я хочу домой. Я хочу, чтобы ты вернулся.— Она замолчала, голос ее вдруг охрип.— И я хочу, чтобы все было хорошо.
- Кто дал тебе это лекарство?— спросил Торн.
- Доктор Гриер.
- Оставайся в больнице, Катерина. Не уходи, пока я не вернусь.
- Я хочу домой, Джерри.
- Ради Бога...
- Я чувствую себя хорошо!
- Нет, не хорошо!
- Не беспокойся.
- Катерина.
- Я пойду домой, Джерри.
- Нет! Я вернусь.
- Когда?
- Утром.
- А вдруг дома что-то случилось? Я туда звонила...
- Да, дома ЧТО-ТО случилось, Катерина.
- Она снова замолчала, от этих слов ее затрясло.
- Джерри?— спросила она тихо.— Что случилось?
- Не по телефону,— умоляюще произнес Торн.
- Что случилось? Что произошло у нас дома?
- Жди меня на месте. Не уходи из больницы. Я буду дома утром и все тебе объясню.
- Пожалуйста, не надо...
- Это не из-за ТЕБЯ, Катерина. С тобой все в порядке.
- Что ты говоришь?
- Дженнингс взглянул на Торна и мрачно покачал головой.
- Джерри?
- Это не наш ребенок, Катерина. Дэмьен принадлежит не нам.
- Что?
- Не ходи домой,— предупредил Торн.— Жди меня.

Он повесил трубку, потрясенная Катерина сидела, не шевелясь в тишине. Вдруг она почувствовала, что панический ужас отпускает ее. Лекарство действовало, и голова у нее была ясная. Катерина сняла трубку и набрала домашний номер. Ответа не было. Тогда она повернулась к селектору над кроватью и с усилием нажала кнопку.

— Да, мэм? — раздался голос.

— Мне нужно уйти из больницы. Я должна с кем-нибудь переговорить по этому поводу?

— Вы должны получить разрешение от врача.

— Найдите мне его, пожалуйста.

— Попробую.

Голос замолчал, и Катерина снова очутилась в полной тишине. Няня принесла обед, но у нее не было аппетита. На подносе стояло маленькое блюдечко с желе. Катерина случайно дотронулась до него, оно показалось ей прохладным и подействовало успокаивающе, она медленно растерла его между пальцев.

За сотни миль от больницы, на кладбище Черветери все было спокойно, небо хмурилось, безмолвие прерывалось лишь тихим звуком, будто кто-то копал землю. У разрытых могил две собаки скребли землю, механически работая лапами и заваливая открытые склепы. Земля мягко падала на останки шакала и ребенка. Позади, на железном заборе, безжизненно висело изуродованное тело. Один из псов запрокинул морду и издал низкий скорбный вой. Этот собачий стон зазвучал по всему кладбищу, постепенно набирая силу, и другие звери присоединились к нему, пока все вокруг не наполнилось их нестройным завывающим хором.

В палате Катерина снова протянула руку к селектору, в ее голосе звучало нетерпение.

— Кто-нибудь есть? — спросила она.

— Вас слушают, — ответил голос.

— Я просила найти мне врача.

— Боюсь, что это невозможно. Он в операционной.

На лице Катерины отразилось раздражение.

— Вы не могли бы прийти сюда и помочь мне?

— Я пошлю кого-нибудь.

— побыстрее, пожалуйста.

— Постараюсь.

Катерина с трудом встала с постели и подошла к шкафу, где сразу же отыскала свою одежду. Платье было с запахом и легко надевалось, но ночная рубашка была застегнута у шеи, и, взглянув на себя в зеркало, Катерина подумала, что с записанной рукой ей вряд ли удастся снять рубашку, сшитую из пурпурной газовой материи. Она потянула за пуговицы, они расстегнулись сами собой, и Катерина, пытаясь снять рубашку через голову, совершенно запуталась в этой пурпурной ловушке. Она сражалась с газовой материей, все туже закручивая ее вокруг шеи, и чувствовала, как паника охватывает ее. Внезапно открылась дверь, и женщина вздохнула с облегчением — наконец-то подоспела помощь.

— Эй, — произнесла Катерина, пытаясь разглядеть через тонкий пурпур, кто к ней вошел.

Но ответа не последовало.

— Здесь есть кто-нибудь?

И тут она застыла.

Перед ней стояла миссис Бэйлок. Ее лицо было сильно напудрено, на губах алой помадой была нарисована страшная улыбка. Катерина молча наблюдала, как миссис Бэйлок медленно прошла мимо нее, распахнула окно и посмотрела вниз на улицу.

— Вы не могли бы помочь мне... — прошептала Катерина. — По-моему... я немного запуталась.

Миссис Бэйлок только ухмыльнулась, от этой усмешки Катерина похолодела.

— Прекрасный день, Катерина, — сказала женщина. — Хороший денек для полета.

Она шагнула вперед, крепко схватив Катерину за ночную рубашку.

— Прошу вас, — взмолилась Катерина.

Их глаза встретились в последний раз.

— Вы такая красивая, — сказала миссис Бэйлок. — Пошли-те же нам воздушный поцелуй.

Она навалилась на Катерину и, придавив ее к подоконнику, мощными руками выпихнула в окно.

К приемному отделению подъехала машина скорой помощи с вращающейся красной лампочкой и гудящей сиреной. В этот момент из окна седьмого этажа выпала женщина, лицо ее было закутано в пурпурный газ. Она падала очень долго, но никто не успел заметить ее, пока она не ударилась

об крышу скорой помощи. Потом тело ее еще раз дернулось и успокоилось навсегда.

В ту же минуту на Черветерском кладбище наступила тишина. Могилы были засыпаны, и собаки убрались в кусты.

Торн ужасно устал и сразу же заснул. Его разбудил телефонный звонок. Было темно, Дженнингс еще не вернулся.

— Да? — сонным голосом ответил Торн.

Звонил доктор Беккер, тревожный голос выдавал его состояние.

— Я рад, что застал вас, — сказал он. — Название гостиницы было записано на ночном столике у Катерины, но я с трудом разыскал...

— Что случилось?

— Катерина выбросилась из окна больницы.

— ...Что? — еле выговорил Торн.

— Она умерла, мистер Торн. Мы сделали все возможное.

Комок застрял в горле у Торна, он не мог говорить.

— Мы не знаем точно, что произошло. Она хотела уйти из больницы, а потом мы нашли ее на улице.

— Она умерла?.. — с трудом произнес Торн.

— Сразу же. У нее был разбит череп.

Торн застонал и прижал трубку к груди.

— Мистер Торн...

Но Торн уже повесил трубку, он плакал.

В полночь вернулся Дженнингс, его неуклюжая фигура была согнута от усталости. Он взглянул на Торна, лежащего на кровати.

— Торн?

— Да, — прошептал Торн.

— Я ходил в библиотеки, потом в автоклуб, а потом справился в Королевском Географическом Обществе.

Торн не ответил, и Дженнингс тяжело опустился на кровать. Он увидел, что кровавое пятно на рубашке Торна увеличилось.

— Я выяснил насчет города Меггидо. Название взято от слова «Армаггедон». «Конец света».

— Где он? — безучастно спросил Торн.

— Боюсь, что это порядка пятидесяти футов под землей.

В пригороде Иерусалима. Там сейчас идут раскопки. По-моему, от какого-то американского университета.

Ответа не последовало, Дженнингс лег и расслабился. Он выглядел очень усталым.

— Я хочу поехать туда,— шепотом сказал Торн.

Дженнингс кивнул и протяжно вздохнул.

— Если бы вспомнить имя старика...

— Бугенгаген.

— Бугенгаген?

— Да. И стихи я тоже вспомнил.

Дженнингс недоуменно взглянул на Торна.

— Имя человека, с которым вы должны были встретиться, Бугенгаген?

— Да.

— Бугенгаген — это человек, изгоняющий из людей дьявола, он жил в семнадцатом веке и упоминался в одной из наших книг.

— Именно это имя,— безучастно ответил Торн.— Я вспомнил все. Все, что он говорил.

— Аллилуйя! — выдохнул Дженнингс.

— «Когда еврей в Сион придет... — почти шепотом начал Торн.— И небеса пошлют комету... И Рим познает свой восход... Мы больше не увидим света».

Дженнингс напряженно слушал его в темноте. Потом, завороченный безжизненным тоном Торна, он понял, что в нем что-то резко и бесповоротно изменилось.

— «Из Вечного Моря зверь тот восстанет... — продолжал Торн.— И войско придет, чтобы биться до смерти... Убьет брата брат и свой меч не оставит... Пока не умолкнет последнее сердце».

Он замолчал. Дженнингс переждал, пока стихнет сирена полицейской машины, проезжающей внизу, и подошел к окну.

— Что случилось? — спросил он.

— Катерина погибла,— безразлично ответил Торн.— И я хочу, чтобы ребенок тоже умер.

Они прислушивались к звукам на улице, так и не уснув до самого рассвета. В восемь часов Торн позвонил по номеру EI-AI и заказал билеты на дневной рейс в Израиль.

Торн часто путешествовал, но в Израиле никогда не был. Все его знания об этой стране сводились к новостям из газет, а также к его недавним поискам цитат из Библии. Он удивился, что Израиль оказался современным государством. Страна, существовавшая еще во времена фараонов, но родившаяся вновь только сейчас, в век асфальта и бетона, была похожа на огромный кусок штукатурки, брошенный посреди сухой пустыни. Это небо было когда-то свидетелем бегства евреев из Египта; теперь же его сплошь и рядом протыкали высотные здания и гостиницы.

Отовсюду доносился шум строек. Огромные краны наступали, словно механические слоны, перенося грузы в своих «хоботах». Город как будто стремился побыстрее разрастись во всех направлениях. Асфальт во многих местах был разбит, и дороги, выстроенные совсем недавно, но уже устаревшие, теперь заново перестраивались. Повсюду висели объявления, зазывающие на экскурсии по Священной Земле. У полиции тоже хватало работы: они проверяли чемоданы и сумки, выискивая потенциальных диверсантов.

Торна и Дженнингса задержали в аэропорту, их ссадины и синяки вызвали подозрение. Торн предъявил свой гражданский паспорт, чтобы скрыть принадлежность к американской администрации.

На такси они добрались до гостиницы «Хилтон», потом в магазине мужской одежды купили себе легкие костюмы. Жара усиливалась. Пот проникал в рану Торна и вызывал сильную боль. Рана до сих пор кровоточила, и Дженнингс, заметив это, предложил Торну обратиться к врачу. Но Торн горел единственным желанием — найти старика Бугенгагена.

Торн и Дженнингс направились в сторону рынка, спрашивая всех подряд, слышал ли кто имя «Бугенгаген». Это имя никому ничего не говорило, и они продолжали поиски. Торн был на краю отчаяния; он еле передвигал ноги. Дженнингс, напротив, был бодр и носился по городу, забегая в магазины, на фабрики, проверяя телефонные справочники, и даже один раз побывал в полиции.

— Возможно, он сменил фамилию, — со вздохом сказал Дженнингс на следующее утро, когда они с Торном уселись на лавочке в парке. — Может быть, теперь он Джордж Буген. Или Джим Гаген. Или Иззи Гагенберг.

Через день они переехали в Иерусалим и сняли там комнату в небольшой гостинице. Снова и снова продирались они сквозь толпы людей в поисках того, кто хотя бы раз слышал это странное имя. Но все было тщетно.

— Похоже, пора сдаваться, — сказал Дженнингс, выглядывая из окна гостиничной веранды.

В комнате было жарко, Торн, обливаясь потом, лежал на кровати.

— Если здесь всего один-единственный Бугенгаген, то у нас нет ни малейшего шанса его отыскать. А пока мы стоим перед фактом, что его вообще не существует.

Он прошел в комнату и стал искать сигареты.

— Черт побери, этот маленький священник все время кололся морфием, а мы все его слова принимаем на веру. Слава Богу, он не посоветовал тебе отправиться на Луну, иначе бы мы уже отморозили себе задницы.

Он тяжело опустился на кровать и посмотрел на Торна.

— Я не понимаю, Торн. Еще несколько дней назад я был уверен в необходимости наших поисков, а теперь все это кажется мне безумием.

Торн кивнул и, сморщившись от боли, сел на кровати. Он снял бинт, и Дженнингс скривился, увидев открытую рану.

— Эта штукавина мне не нравится.

— Все нормально.

— Похоже, начинается заражение.

— Все нормально, — повторил Торн.

— Почему ты не хочешь, чтобы я нашел врача?

— Найди лучше старика, — огрызнулся Торн. — Он единственный, кого я хочу найти.

Дженнингс собрался ответить Торну, но его остановил тихий стук в дверь. Распахнув ее, он увидел нищего. Это был невысокий пожилой араб, голый до пояса. Араб улыбнулся, обнажив при этом золотой зуб, и чересчур вежливо раскланялся.

— Что вы хотите? — спросил Дженнингс.

— Это вы ищете старика?

Дженнингс и Торн быстро переглянулись.

— Какого старика? — осторожно спросил Дженнингс.

— Мне сказали на рынке, что вы ищете старика.

— Да, мы ищем одного человека.

— Я вас поведу к нему.

Торн с трудом поднялся и многозначительно посмотрел на Дженнингса.

— Быстрей-быстрей,— подгонял их араб.— Он говорит, что вы пришли как раз вовремя.

Они отправились пешком по переулкам Иерусалима. Шли быстро и молча. Маленький араб указывал им путь. Он был удивительно проворен для своего возраста. Торн и Дженнингс пытались не упустить его из виду, а он ловко нырял в кривые закоулки и подворотни. Араб улыбался, как Чеширский кот, когда Торн с Дженнингсом, задыхаясь, наконец-то догнали его. Очевидно, здесь был конец их путешествию, но перед ними высилась кирпичная стена. Дженнингс и Торн внезапно пришли к мысли, что их просто надули.

— Вниз,— сказал араб, приподнял решетку и жестом указал, куда им лезть.

— Это еще что за чертовщина? — возмутился Дженнингс.

— Живо-живо.— И араб снова ухмыльнулся.

Торн и Дженнингс переглянулись и молча повиновались. Араб спустился вслед за ними. Внизу было темно, и араб зажег факел. Он торопливо семенил впереди, увлекая их все глубже и глубже в подземелье. При слабом свете путешественники успели разглядеть скользкую лестницу из грубого камня. Рядом проходила канализационная система, и все вокруг было покрыто скользкими коричневатыми растениями, которые отвратительно пахли и мешали идти. Они спускались медленно и осторожно, но когда ступени кончились, араб снова трусцой припустился вперед. Торн с Дженнингсом попытались бежать, но не могли при этом удержаться на скользких камнях. Араб удалялся, и его факел стал похож на крошечную светящуюся точку. Спутников окружал полумрак, туннель впереди сужался, и они с трудом умещались в узком проходе. Этот туннель походил на часть ирригационной системы, и Дженнингс вдруг подумал, что они, возможно, как раз путешествуют по тем самым «сложным и запутанным системам каналов», о которых говорили археологи в пустыне. Они пробирались наугад, окруженные темнотой и камнями. Шаги гулко отдавались в напряженной тишине. Светящаяся точка факела исчезла окончательно и, замедлив шаг, они вдруг осознали свое одиночество, ощущая взаимное присутствие лишь по тяжелому дыханию.

— Дженнингс,— задыхаясь, произнес Торн.

- Я здесь.
- Я не вижу...
- Этот негодяй...
- Подожди меня.
- Нет смысла, — отрезал Дженнингс. — Мы уперлись

в стену.

Торн двинулся вперед, дотронулся до Дженнингса и коснулся стены. Тупик. Араб исчез.

— Он не мог уйти другим путем, — пробормотал Дженнингс. — Я уверен.

Он зажег спичку, и она осветила небольшое пространство вокруг них, похожее на склеп: каменный свод почти придавил их, влажные трещины кишели тараканами.

— Это что — сточная труба? — спросил Торн.

— Здесь сыро, — заметил Дженнингс. — Какого черта здесь сыро?

Спичка потухла, и они снова очутились в темноте.

— Это сухая пустыня. Откуда, черт побери, здесь вода?

— Наверное, где-то должен быть подземный источник... — размышлял Торн.

— Или резервуары. Я не удивлюсь, если узнаю, что мы находимся рядом с водопроводом.

Торн не отвечал, он не мог справиться со своим дыханием.

— Пойдем, — выговорил он.

— Через стену?

— Назад. Давай выбираться отсюда.

Они возвращались на ощупь, скользя ладонями по влажным каменным стенам. Путешественники еле передвигались в темноте, и каждый дюйм выматывал похлестче целой мили. Внезапно рука Дженнингса повисла в воздухе: он ощутил пустое пространство.

— Торн?

Дженнингс взял Торна за руку и притянул поближе к себе. Рядом с ними под прямым углом к туннелю обнаружился проход. Очевидно, они не заметили его в темноте и проскочили.

— Там внизу свет, — прошептал Торн.

— Наверное, это наш остроумный проводник.

Торн и Дженнингс медленно плелись по проходу. Через некоторое время он влился в пещеру, пол здесь был выло-

жен булыжником, стены не доходили до потолка, а были похожи скорей на зазубрины. Они разглядели, что пространство впереди освещалось не одним факелом. Это был светлый каменный зал, в центре которого стояли два человека, наблюдавшие за ними и, очевидно, ожидавшие их появления. Один из них был тот самый нищий араб. Его затушенный факел валялся поодаль. Вторым был пожилой человек, одетый в шорты цвета хаки и рубашку с короткими рукавами. Он был серьезен, лицо его выглядело изможденным, рубашка, пропитанная потом, прилипала к телу. Позади старика Торн и Дженнингс разглядели деревянный стол, на котором валялись кипы бумаг и свитков.

Дженнингс и Торн вошли внутрь пещеры. Они стояли молча, щурясь от неожиданно яркого света. Зал освещался десятками висящих светильников, на стенах обозначились тусклые контуры зданий, лестниц, впаивных, казалось, прямо в скалы. Под ногами была простая земля, но в некоторых местах явно проглядывались фрагменты булыжной мостовой, свидетельствующие, что в древности здесь пролегалa улица.

— Двести драхм,— сказал араб и протянул руку.

— Вы можете заплатить ему? — спросил человек в шортах и пожал плечами, как бы извиняясь.

— Вы... — Дженнингс запнулся, потому что старик утвердительно кивнул. — Вы... Бугенгаген?

— Да.

Дженнингс подозрительно взглянул на него.

— Бугенгаген — это человек, изгонявший дьявола и живший в семнадцатом веке.

— Это было девять поколений назад.

— Но вы...

— Я последний,— снова перебил старик,— и самый из них неудачливый.

Он прошел за свой стол и с трудом сел за него. Свет от лампы озарил его лицо: оно было настолько бледным, что казалось прозрачным, сквозь кожу просвечивали вены.

— Что это за место? — спросил Торн.

— Джебзиль, город Меггидо,— безучастно ответил тот. — Моя крепость, моя тюрьма. Здесь начиналось Христианство.

— Ваша тюрьма?.. — спросил Торн.

— С точки зрения географии это и есть сердце Христианства. Поэтому, покуда я нахожусь здесь, ничто не может причинить мне вреда.

Он замолчал, ожидая, видимо, их реакции. На лицах Торна и Дженнингса отразилось крайнее удивление.

— Вы могли бы заплатить моему гонцу? — спросил старик.

Торн сунул руку в карман и вынул оттуда несколько банкнот. Араб взял деньги и тут же исчез, оставив их втроем. В комнате было холодно и сыро, Торн и Дженнингс, оглядываясь вокруг, дрожали.

— По этой деревенской площади, — продолжал Бугенгаген, — когда-то маршировали Римские войска, а старики, сидя на каменных скамейках, судачили о рождении Христа. То, что они говорили, было записано здесь, — указал он рукой на стены, — в этом здании, очень тщательно, и собрано в книги, которые известны нам под названием Библии.

Дженнингс уставился на темную пещеру позади них, и Бугенгаген перехватил его взгляд.

— Здесь находится весь город. Тридцать пять километров с севера на юг. Большая часть пока проходима. Там, наверху, идут раскопки, и от этого случаются обвалы. Когда они сюда докопаются, здесь останутся одни обломки. Но это так похоже на человека, считающего, что все видимое должно быть на поверхности.

Торн и Дженнингс стояли молча, пытаясь понять все увиденное и услышанное здесь.

— А тот маленький священник, — спросил Бугенгаген. — Он уже умер?

Торн повернулся к нему, с ужасом вспомнив о Тассоне.

— Да, — ответил он.

— Тогда садитесь, мистер Торн. Нам лучше сразу приступить к делу.

Торн не шевелился, старик перевел взгляд на Дженнингса.

— Вы извините нас. Но это должен знать только мистер Торн.

— В этом деле мы с ним ВМЕСТЕ, — ответил Дженнингс.

— Боюсь, что нет.

— Это я привез его сюда.

— Я уверен, что он благодарен вам за это.

— Торн?..

— Делай, как он говорит,— отрезал Торн.

Мышцы на лице Дженнинга напряглись от обиды.

— И где же, черт побери, мне его ждать?

— Возьмите одну лампу,— сказал Бугенгаген.

Дженнингу пришлось повиноваться. Бросив злобный взгляд на Торна, он взял с полки лампу и направился в темноту.

Последовала неловкая пауза, старик поднялся из-за стола и подождал, пока стихнут удаляющиеся шаги Дженнинга.

— Вы доверяете ему?— спросил Бугенгаген.

— Да.

— Не доверяйте никому.

Он повернулся и стал рыться в шкафу, вырубленном в скале, потом достал оттуда матерчатый сверток.

— А должен ли я доверять вам?— спросил Торн.

Старик вернулся к столу и развернул сверток. Там лежало семь стилетов, холодно блеснувших на свету. Они были очень узкими, рукоятки были вырезаны из слоновой кости, каждая из них являла собой фигуру распятого Христа.

— Доверяйте вот им,— сказал он.— Только они могут спасти вас.

В пещерах стояла гробовая тишина. Дженнингс, пригнувшись, пробирался вперед. Прямо над ним нависал неровный скалистый потолок. Дженнингс со страхом вглядывался в пространство, освещенное лампой, которую он нес в руках. Он видел стены зданий, заключенные в камни, замурованные в скалы скелеты, казалось, они вот-вот выступят из сточных каменных канав, которые когда-то окаймляли древнюю улицу. Дженнингс брел дальше, и коридор впереди начал сужаться...

Огни в квадратной зале уже померкли, Торн с ужасом глядел на стол. Семь стилетов были разложены в форме креста.

— Это надо сделать на священной земле,— шептал старик.— На церковной земле. А его кровью надо оросить Божий алтарь.

Слова отчетливо слышались в тишине, но старик внимательно наблюдал за Торном, чтобы убедиться, правильно ли тот его понимает.

— Каждый нож нужно вонзать по рукоять. До ног Христа на каждой ручке ножа... и так, чтобы они составили фигуру креста.

Узловатая рука протянулась вперед и с трудом выдернула нож, стоящий в середине.

— Первый кинжал — самый важный. Он отнимает физическую жизнь и образует центр креста. Следующие ножи отнимают духовную жизнь, и втыкать их надо в таком порядке...

Он замолчал и опять взглянул на Торна.

— Вы должны быть безжалостны, — объяснил он. — Это не сын человека.

Торн попытался заговорить. Когда голос вернулся к нему, он был каким-то чужим, грубым и срывался, выдавая состояние Джереми.

— А вдруг вы ошибаетесь? — спросил он. — А вдруг он не...

— Ошибки быть не может.

— Должно быть какое-то доказательство...

— У него есть родимое пятно. Три шестерки.

У Торна перехватило дыхание.

— Нет, — прошептал он.

— Так сказано в Библии, этим знаком отмечены все апостолы Сатаны.

— Но у него нет знака.

— Псалом Двенадцатый, стих шестой. «Имеющий разум число сосчитает Презренного Зверя, несущего смерть. Число с человеком всегда совпадает. Шесть сотен оно, шесть десятков и шесть».

— Я говорю вам, у него нет этого знака.

— Знак ДОЛЖЕН быть.

— Я КУПАЛ его. Я знаю каждый сантиметр его кожи.

— Его не видно на теле. Вы найдете знак под волосами. Ведь мальчик родился с пышными волосами, не так ли?

Торн вспомнил тот момент, когда впервые увидел ребенка. Он вспомнил свое удивление при виде густых и длинных волос.

— Сбрейте волосы, — посоветовал Бугенгаген. — И вы увидите под ними этот знак.

Торн закрыл глаза и уронил голову на руки.

— С самого начала вы должны исключить малейшее колебание. Вы сомневаетесь в моих словах?

— Я не знаю,— вздохнув, ответил Торн.

Старик откинулся назад и посмотрел на него.

— Неродившийся ребенок был убит, как предсказано. Ваша жена погибла.

— Это ребенок!

— Вам нужны еще доказательства?

— Да.

— Тогда ждите их,— сказал Бугенгаген.— Но знайте, что вам необходима вера. Иначе вы не справитесь. Если вы будете сомневаться, они одолеют вас.

— Они?

— Вы говорили, что в доме есть еще женщина. Служанка, которая ухаживает за ребенком...

— Миссис Бэйлок...

Старик кивнул головой, будто вспомнив что-то.

— Ее настоящее имя Баалок. Это регент дьявола. Она костями ляжет, чтобы не дать вам совершить необходимое.

Они замолчали. В пещере послышались шаги. Из темноты медленно появился Дженнингс, на лице у него было написано крайнее удивление.

— ...Тысячи скелетов...— прошептал он.

— Семь тысяч,— уточнил Бугенгаген.

— Что здесь случилось?

— Меггидо — место Армагедона. Конец света.

Дженнингс шагнул вперед, его до сих пор трясло от увиденного.

— Вы хотите сказать... Армагедон уже был?

— О да,— ответил старик.— И будет еще много раз.

С этими словами он передал сверток с ножами Торну.

Торн попытался отказаться, но Бугенгаген буквально всучил ему пакет, и когда Торн вставал, их глаза встретились.

— Я жил очень долго,— сказал Бугенгаген срывающимся голосом.— И я молюсь, чтобы жизнь моя не оказалась напрасной.

Торн последовал вслед за Дженнингсом в темноту, туда, откуда они пришли. Он лишь раз оглянулся, но комната уже исчезла. Огней не было видно, и все растаяло в темноте.

По Иерусалиму они шли молча. Торн крепко сжимал в руке сверток. Настроение у него было подавленное, он шел

как автомат, не обращая ни на что внимания, глядя прямо перед собой. Дженнингс задал ему несколько вопросов, но Торн не ответил. Они вошли в узкий переулок, где шло строительство, и фотограф подошел к Торну вплотную, пытаясь перекрыть шум работающих кранов.

— Послушай! Я только хочу узнать, что сказал старик. У меня ведь тоже есть на это право, так или нет?

Но Торн упрямо шел вперед, все ускоряя шаг, словно пытаясь отделаться от попутчика.

— Торн! Я хочу знать, что он сказал?

Дженнингс кинулся вперед и схватил Торна за рукав.

— Эй! Я не посторонний наблюдатель! Ведь это Я НАШЕЛ его!

Торн остановился и взглянул Дженнингсу прямо в глаза.

— Да. Верно. Это ты нашел ВСЕХ НАС.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты уверяешь, что все это правда. Ты вбивал мне этот бред в голову!..

— Подожди минутку...

— Ты снимал все эти фотографии!

— погоди...

— Ты привез меня сюда!

— Что с тобой?

— А я даже не знаю, кто ТЫ на самом деле!

Торн вырвался из рук Дженнингса, но Дженнингс снова привлек его к себе.

— А теперь подожди минутку и выслушай, что я скажу.

— Я уже достаточно слушал.

— Я пытаюсь помочь!

— Хватит!

Они смотрели в упор друг на друга. Торна трясло от ярости.

— Подумать только, что я мог на самом деле поверить в это! ПОВЕРИТЬ!

— Торн...

— Этот твой старик всего-навсего очередной факир, торгующий дешевыми ножами!

— О чем ты говоришь?

Торн взмахнул свертком.

— Вот здесь НОЖИ! ОРУЖИЕ! Он хочет, чтобы я заколол его! Он считает, что должен я убить этого ребенка!

— Это не ребенок!

— Это ребенок!

— Ради Бога, какое еще доказательство...

— За кого ты меня принимаешь?

— Успокойся...

— Нет! — закричал Торн. — Я не буду этого делать! Я больше в этом не участвую! Убить ребенка? За КОГО же вы меня все принимаете?!

Торн в ярости размахнулся и далеко зашвырнул сверток. Тот ударился о стену дома и исчез. Дженнингс замолчал и повернулся, чтобы уйти, но Торн остановил его.

— Дженнингс...

— Сэр?

— Я не хочу больше вас видеть. Я больше в этом не участвую.

Стиснув зубы, Дженнингс быстро перешел улицу, пытаясь отыскать у стены ножи. Земля была усеяна мусором. В воздухе раздавался рев работающих кранов и машин. Дженнингс ногами разбрасывал мусор в надежде отыскать маленький сверток. Он заметил его возле грязного ведра и наклонился, чтобы взять сверток в руки, не обратив внимания на стрелу крана, двигавшуюся прямо над его головой. Она словно споткнулась на долю секунды, и от толчка из огромной оконной рамы вылетело стекло.

Стекло сработало с точностью гильотины.

Оно отсекло голову Дженнингса как раз по воротнику и разлетелось на миллион осколков.

Торн услышал звон, потом крики, увидел людей, бросившихся на ту улицу, где скрылся Дженнингс. Он пошел за ними и протолкался сквозь толпу.

На земле лежало обезглавленное тело, кровь толчками вытекала из горла, как будто сердце еще продолжало работать. Женщина, стоящая на балконе прямо над ними, истерически хохотала и указывала вниз. В мусорном ведре лежала отрубленная голова и смотрела в небо невидящими глазами.

Пересилив себя, Торн прошел вперед и поднял сверток с ножами, который лежал около безжизненной руки Дженнингса. Не видя ничего перед собой, он выбрался из переулка и побрел по направлению к гостинице.

Глава двенадцатая

Обратный перелет в Лондон занял восемь часов. Торн сидел и тупо молчал — мозг его отказывался работать. Не было больше ни страха, ни горя, ни колебаний — только бездумное осознание того, что необходимо совершить.

В Лондонском аэропорту стюардесса вернула ему пакет с ножами, который был изъят у него при посадке в целях безопасности. Она заметила, что они очень красивые, и спросила Торна, где ему удалось приобрести ножи. Он пробормотал что-то несвязное, запихнул их в карман пиджака и прошел мимо. Было уже за полночь, аэропорт закрывался — это был последний рейс, разрешенный по стандартам допустимой видимости. Город погрузился в густой туман, и даже таксисты отказывались везти его в Пирфорд.

Торн почувствовал, что его обволакивает тоскливое одиночество.

Наконец он сел в такси, машина, казалось, зависла в тумане. Это почему-то помогало Торну не думать о том, что ждет его впереди. Прошлое ушло навсегда, а предсказать будущее было невозможно. Был только настоящий момент, сиюминутность, которая длилась целую вечность. Машина въехала в Пирфорд. Торн вылез из такси и остановился, в оцепенении глядя на дом, где еще совсем недавно они так счастливо и безмятежно жили, и Торна начали одолевать видения прошлых событий. Он видел в саду Катерину, играющую с Дэмьеном, смеющуюся Чессу, множество гостей на веранде. Внезапно видения оставили Джереми, и он почувствовал, как колотится его собственное сердце и пульсирует в жилах кровь.

Собрав все свое мужество, Торн двинулся к входной двери и ледяными руками вставил ключ в замочную скважину. Сзади донесся какой-то звук. Ему показалось, что кто-то выскочил из Пирфордского леса. У Джереми перехватило дыхание; войдя в дом, он захлопнул дверь и немного постоял в темноте, прислушиваясь к звукам в доме. Миновав гостиную, Торн добрался до кухни, открыл дверь в гараж, подошел к «мерседесу» и вставил ключ в замок зажигания. Бак был заполнен на четверть, этого бензина было вполне достаточно, чтобы добраться до Лондона. Затем он вернулся назад в кухню, закрыл дверь и прислушался.

На кухне все было как прежде, будто хозяин вернулся домой после рабочего дня. На плите в термостате стоял горшочек с кашей на утро. Это потрясло Торна.

Подойдя к стойке, Джереми достал сверток и выложил содержимое перед собой. Все семь ножей были на месте. Разглядывая их сверху, Торн увидел в отточенных клинках свои глаза — холодные и решительные. Джереми снова завернул ножи и дрожащими руками засунул сверток в карман пальто.

Он вошел в кладовую и направился вверх по узкой деревянной лестнице.

Торн дошел до площадки, ведущей на второй этаж, и вступил в темный коридор. Смятение, овладевшее им перед смертью Дженнингса, опять проникло в душу. Он молился о том, чтобы Дэмьена не оказалось в детской, чтобы миссис Бэйлок успела увезти его из этого дома. Но Джереми уже слышал их дыхание, и его сердце сильно забилося от отчаяния. Храп женщины заглушал легкое дыхание ребенка. Раньше у Торна часто возникало ощущение, что в этих комнатах во время сна их жизни как бы объединялись. Он прижался к стене и прислушался, затем быстро пошел в свою комнату и зажег свет.

Постель была разобрана, как будто его ждали. Он подошел к кровати и тяжело опустился на нее. Взгляд его упал на фотографию, стоящую в рамке на ночном столике. Какими молодыми и счастливыми выглядели Джереми и Катерина. Торн лег и почувствовал, что глаза его полны слез.

Внизу часы пробили два раза, Торн поднялся, прошел в ванную, включил свет и в ужасе отшатнулся. Тумбочка Катерины была перевернута, вся ее косметика была разбросана вокруг, как будто здесь происходила дикая оргия. Баночки с кремами и пудрой были раздавлены на полу, стены исцарапаны губной помадой, унитаз забит расческами и бигуди. Вся картина говорила о страшном гневе, и хотя Торн ничего не мог понять, он ясно видел, что гнев этот был направлен против Катерины. Устроить этот вертеп мог только взрослый человек: баночки раздавлены страшной силой, а следы губной помады слишком высоко. Здесь орудовал сумасшедший. Но сумасшедший, переполненный чувством ненависти. Торн оцепенел и взглянул на свое отражение в разбитом зеркале. Черты лица заострились еще сильнее, стали жестче, Джере-

ми нагнулся и открыл шкафчик. Он рылся в нем до тех пор, пока не отыскал электрическую бритву. Торн нажал на выключатель, и бритва зажужжала в его руке. Когда он ее выключил, ему вдруг опять показалось, что он услышал шум. Скрип половиц над головой. Торн замер и, затаив дыхание, прислушался. Звук больше не повторился.

На верхней губе Торна выступили капельки пота, он смахнул их дрожащей рукой, потом вышел из ванной и, скрипя половицами, направился в темный коридор. Спальня ребенка находилась за комнатой миссис Бэйлок, и, проходя мимо ее двери, Торн остановился. Дверь была приоткрыта, и Джереми увидел женщину. Она лежала на спине, одна рука свесилась вниз, ногти были намазаны ярко-красным лаком, лицо миссис Бэйлок было снова размазовано, как у шлюхи. Она храпела, и ее громадный живот то поднимался, то опускался.

Дрожащими пальцами Торн прикрыл дверь и заставил себя идти дальше к спальне приемного сына. Дэмьен спал, лицо его было спокойным и невинным, и Торн отвел глаза, напугавшись, глубоко вздохнул и двинулся вперед, крепко сжимая бритву в руке; бритва зажужжала, и звук разлился по комнате. Ребенок спал. Торн нагнулся, и руки у него задрожали. Он поднял жужжащую бритву, щелчком выдвинул из корпуса приспособление для стрижки и коснулся шевелюры ребенка. Прядь волос упала рядом, и Торна передернуло: белый скальп был похож на отвратительный шрам в гуще темных волос. Он снова прижал бритву, и она пробежала по голове еще раз, оставляя за собой обнаженную кожу. Волосы мягко падали на подушку. Ребенок застонал во сне и зашевелился. Задышавшись от страха и отчаяния, Торн заработал бритвой еще быстрее; еще несколько прядей упало с головы, веки ребенка затрепетали, он начал двигать головой, инстинктивно пытаясь увернуться. Дэмьен просыпался. Торн почувствовал прилив панического страха и начал прижимать его голову к подушке. Испуганный ребенок попробовал высвободиться, но Торн прижал его еще сильнее и застонал от напряжения, продолжая орудовать бритвой и состригая все больше и больше волос. Теперь Дэмьен вертелся и бился у него в руках, его приглушенный крик становился все отчаянней. Но Торн продолжал удерживать его. Почти весь череп мальчика был обнажен. Торн задышался, пытаясь удерж-

жать ребенка, тельце которого дергалось и изгибалось, — мальчику тоже не хватало воздуха. И вдруг у Торна широко открылись глаза — он провел бритвой по затылку Дэмьена. Вот оно. Родимое пятно. Похоже на бугорок. Бритва врезалась в него, оно кровоточило, но тем не менее родинка отчетливо виднелась на фоне белой кожи. Шестерки! Три шестерки, расположенные в форме листка клевера, хвостиками соединялись в центре.

Торн отшатнулся. Мальчик плакал и задыхался, в ужасе глядя на отца. Его руки ощупывали бритую голову. Увидев свои ладони в крови, Дэмьен закричал. Он бросился к отцу и разрыдался. Торн оцепенел, заметив беспомощный страх в его глазах. Он расплакался сам, видя, как окровавленные ручки ребенка тянутся к нему, моля о помощи.

— Дэмьен!

В этот момент дверь позади него распахнулась, и в комнату ворвалась миссис Бэйлок. Ее красные губы были широко растянуты в яростном крике. Торн хотел схватить ребенка, но женщина отпихнула его, и он рухнул у двери. Дэмьен взвизгнул от страха и спрыгнул с кровати. Женщина навалилась на Торна, а он пытался схватить ее за руки, которыми она старалась вцепиться ему в глаза и горло. Вес женщины был слишком велик для него, ее мясистые руки уже нащупали его шею и начали сжиматься на горле так, что глаза полезли у него из орбит. Торн в исступлении вывернулся, но миссис Бэйлок успела вцепиться зубами в его руку. Совсем рядом с ними со столика упала лампа, Торн дотянулся до нее и изо всех сил ударил миссис Бэйлок по голове. Основание лампы раскололось, и женщина бессильно упала на бок. Торн ударил ее еще раз. Череп треснул, и кровь потекла по напудренным белым щекам. Торн вскочил на ноги, подошел шатаясь к стене, у которой стоял ребенок, с ужасом наблюдавший за происходящим, схватил его, вытолкнул из комнаты, протащил по коридору к черному ходу и захлопнул за собой дверь. Дэмьен ухватился за дверную ручку, и Торн с силой вывернул ему руки. Тогда ребенок вцепился ногтями ему в лицо, и они чуть не скатились с лестницы вниз. Пытаясь сохранить равновесие, мальчик схватил электропровод. Торн изо всех сил пытался разжать его руки, и тут их ударило током...

Очнувшись на полу в кладовой, Торн встал на четвереньки и огляделся. Ребенок лежал рядом без чувств. Торн попробовал поднять его, но это ему не удалось. Он зашатался, свалился на бок и вдруг услышал скрип открываемой кухонной двери. Торн с трудом повернул голову. Перед ним стояла миссис Бэйлок. С ее головы струилась кровь. Она ухватила Торна за пальто и повалила. В отчаянии он попытался удержаться за ящики шкафа, но они вывалились, их содержимое рассыпалось по полу. Женщина навалилась на него и тянула окровавленные руки к его горлу. Лицо миссис Бэйлок было покрыто розовой кашей из пудры и крови. Рот был приоткрыт, она рычала от напряжения.

Торн задыхался. Он видел безумные глаза миссис Бэйлок и приближающееся страшное лицо; ее губы вот-вот должны были коснуться его губ. Вокруг на полу валялась кухонная утварь. Торн беспомощно шарил руками по полу. Вдруг он нащупал две вилки, зажал их в руках и с силой вонзил их миссис Бэйлок в виски. Она взвизгнула и отпрянула. Торн с трудом поднялся на ноги. Женщина с воем металась по комнате, тщетно пытаясь вытащить вилки, торчащие у нее из головы.

Торн кинулся в кладовую, поднял ребенка, который еще не пришел в себя, и рванулся через дверь кухни к гаражу. Дверца машины была открыта, но неожиданно рядом с собой он услышал грозное рычание. Черная фигура мелькнула в воздухе и сбила его с ног ударом в плечо. Торн повалился прямо в машину. Громадный пес яростно рвал его клыками за руку, стараясь вытащить из машины. Ребенок лежал рядом — на сиденье. Свободной рукой Торн изо всех сил ударил собаку в морду. Закапала кровь, пес взвыл от боли, выпустил руку. Дверца захлопнулась.

Торн судорожно искал ключи, а снаружи бесился пес. Он прыгал на капот и с огромной силой бился о ветровое стекло. Стекло тревожно дребезжало. Дрожащей рукой Торн нащупал, наконец, ключи. Ребенок пошевелился и застонал, а пес все продолжал кидаться на стекло, которое уже дало трещину. Торн глянул вперед и застыл в ужасе. Он увидел миссис Бэйлок. Она была жива и, собрав остатки сил, ковыляла к машине, волоча огромную кувалду. Торн включил зажигание, и в тот момент, когда машина тронулась, миссис Бэйлок швырнула кувалду, пробившую в ветровом стекле поря-

дочную дыру. Тут же в отверстии показалась собачья голова. Пес щелкал зубами, из пасти текла слюна. Торн откинулся на спинку сиденья и сжался, а собачьи зубы клацали в нескольких дюймах от него. Одной рукой он достал из кармана пальто стилет и изо всей силы вонзил его в собачью голову между близко посаженными глазами. Стилет ушел по самую рукоятку. Пасть раскрылась, собака издала рык скорее львиный, чем собачий, рванулась назад, сползла с капота и заплясала на задних лапах. Предсмертный вой огласил гараж. Торн переключил заднюю скорость и рванул машину. Миссис Бэйлок, шатаясь, стояла у окна и в ужасе размазывала по лицу кровавую кашу.

— Моя крошка...— всхлипывала она.— Моя крошка...

Машина тронулась с места, женщина выскочила на дорогу и в отчаянии пыталась преградить ей путь. Торн мог обехать женщину, но не сделал этого. Стиснув зубы, он дал полный газ, на мгновение разглядев в свете фар ее отчаянное лицо. Машина врезалась в миссис Бэйлок, и она подлетела вверх. Джереми взглянул в зеркальце заднего обзора. Он увидел тело женщины — безжизненную громадную массу, застывшую на асфальте, — на лужайке в бледном свете луны лежал пес, дергаясь в предсмертных конвульсиях.

Торн снова дал полный ход и выехал на дорогу; обогнув каменный угол дома, машина понеслась в сторону шоссе. Рядом лежал ребенок, все еще находившийся без сознания. Торн выскочил на шоссе, ведущее в Лондон. Приближался рассвет, туман начал рассеиваться. Машина Торна неслась по пустому шоссе, и мотор гудел от нарастающей скорости.

Мальчик начал приходить в себя, пошевелился и застонал от боли. Торн переключил все внимание на дорогу, пытаясь не думать, что ребенок находится с ним рядом.

— Это не человеческий ребенок! — шептал он сквозь стиснутые зубы. — Это не человеческий ребенок!

Машина мчалась вперед, а мальчик, так и не очнувшийся окончательно, продолжал стонать.

Поворот на дорогу оказался слишком крутым, Торну не удалось справиться с машиной, его занесло, и Дэмьен свалился на пол. Теперь они направлялись к Церкви Всех Святых. Торн уже видел впереди ее возвышающиеся шпили, но от резкого торможения мальчик пришел в себя и смотрел на Джереми испуганными глазами.

- Не смотри на меня...— прорычал Торн.
- Я ушибся...— заплакал ребенок.
- Не смотри на меня!

Ребенок послушно устоял в пол. Шины закричали; они уже подъезжали к церкви, когда Торн, взглянув вверх, поразился, как неожиданно потемнело над ними небо. Мрак стусился, казалось, ночь возвратилась на землю. Почерневший небосвод стремительно спускался, и вот уже его прорезали молнии, вонзившиеся в землю.

- Папа...— хныкал Дэмьен.
- Замолчи!
- Меня тошнит.

Ребенка начало вать. Торн громко закричал, чтобы не слышать Дэмьена. Разразился жуткий ливень, ветер швырял уличный мусор прямо в лобовое стекло. Торн затормозил у церкви и распахнул дверцу. Вцепившись Дэмьену в воротник пижамы, он протаскил его через сиденье. Мальчик начал кричать и пинаться, сильно ударя Торна ногами в живот, пока не отбросил его от автомобиля. Торн снова кинулся к машине, схватил ребенка за ногу и вытащил его наружу. Дэмьен вывернулся и бросился бежать. Торн кинулся за ним, ухватил за пижаму и швырнул на асфальт. В небе прогремел гром, молния полоснула совсем рядом с машиной, а Дэмьен завертелся на земле, пытаясь выползти из рук Торна. Джереми навалился на ребенка, зажал его и крепко обхватил за грудь. Дэмьен продолжал пинаться и вопить, пока Торн волок его к церкви.

На противоположной стороне улицы распахнулось окно, и какой-то мужчина громко окликнул Торна, но Джереми пробирался сквозь сплошную дождевую завесу, ни на кого не обращая внимания. Лицо его было похоже на страшную маску. Ветер бил Торна в лицо, валил с ног, и он еле-еле продирался вперед. Ребенок извивался в его руках, вцепился зубами в шею, Торн кричал от боли, но продолжал идти. Сквозь гром слышался вой полицейской сирены, а высунувшийся мужчина отчаянно кричал Торну, чтобы тот отпустил ребенка. Но Джереми ничего не слышал, он приближался к порогу церкви. Ветер взревел, и Дэмьен вцепился руками Торну в лицо. Один палец попал в глаз, Джереми упал на колени и почти вслепую потащил ребенка к высоким ступенькам. Молния рванулась вниз и ударила совсем рядом, но Торн был

уже на пороге и собирал последние силы, втаскивая ребенка по ступеням.

Дэмыен продолжал остервенело царапать ногтями лицо и молотить Торна ногами в живот. Нечеловеческим усилием удалось Джереми повалить ребенка, он сунул руку в карман и стал искать ножи. Дэмыен дико заорал и выбил пакет у него из рук. Стилеты рассыпались по ступенькам. Торн схватил один из них, пытаясь другой рукой удержать Дэмыена. Еще раз взвыла полицейская сирена и замолчала. Торн взмахнул стилетом.

— Стой! — С улицы донесся голос, и из дождя вынырнули двое полицейских. Один из них на ходу вытаскивал револьвер из кобуры. Торн глянул на них, потом на ребенка и, закричав от ярости, стремительно опустил вниз руку со стилетом. Вскрик ребенка и пистолетный выстрел раздались одновременно.

Наступила тишина — полицейские словно окаменели. Торн застыл на ступеньках, тело ребенка распростерлось перед ним. Потом распахнулись двери церкви, и оттуда вышел священник сквозь завесу дождя. Он в ужасе уставился на страшную неподвижную картину.

Глава тринадцатая

Сообщение о трагедии разнеслось по всему Лондону. Рассказ принимал причудливые формы, подробности противоречили одна другой, и сорок восемь часов репортеры осаждали приемную в городской больнице, пытаясь разузнать у врачей, что же все-таки произошло. На следующее утро в одной из комнат собрались врачи, и, прежде чем они сделали заявление, телекамеры уже назойливо жужжали. Специальный хирург Грут Шуур, прилетевший из южноафриканской больницы, выступил с заключительным сообщением.

— Я хочу объяснить... что смерть наступила в восемь часов тридцать минут утра. Мы сделали все, чтобы спасти его жизнь, но ранение не оставляло надежды на выздоровление.

Горестные вздохи пронеслись по толпе репортеров, и врач дождался, пока они стихнут.

— Больше сообщений не будет. Служба пройдет в Церкви Всех Святых. Затем тело будет перевезено в Соединенные Штаты для захоронения.

...В Нью-Йорке на катафалке, за которым выстроилась длинная очередь лимузинов, стояли рядом два гроба. Впереди на мотоцикле ехал полицейский. Когда похоронная процессия добралась до кладбища, там уже собралось много народу. Охрана из отдела безопасности сдерживала любопытных, а официальная группа подошла к свежевырытым могилам. Священник в длинной белой рясе стоял у колонны с американским флагом. Зазвучала музыка, и гробы поставили перед священником. Рабочий проверял механизмы, с помощью которых гробы должны были опустить в могилы.

— Мы скорбим сегодня, — нараспев начал священник, — о безвременной кончине двоих из нас. В путешествие навстречу вечности они взяли с собой и частицу наших душ. Давайте же скорбить не о них, нашедших свой покой, а о нас самих. Какой бы короткой ни была их жизнь, эта жизнь закончена, и мы должны быть им благодарны за то короткое время, которое они разделили с нами.

Мы говорим сегодня «прощай» сыну большого человека... который был рожден в богатстве и благополучии... имевшему все земные радости, о которых только может мечтать человек. Но на его примере мы видим, что одних земных благ недостаточно.

Снаружи, у ворот кладбища, толпились репортеры и щелкали фотоаппаратами. Небольшая группа людей стояла поодаль и обсуждала происшедшие события.

— Как все это дико, а?

— Ничего дикого. В первый раз, что ли, людей убивают на улице?

— А как тот парень, который видел их на лестнице? Тот самый, что вызвал полицию?

— Он был пьян. У него брали кровь на анализ и выяснили, что он изрядно принял.

— Не знаю, — отозвался третий. — Странно как-то... Что они могли делать у церкви в такой час?

— У посла умерла жена, возможно, они приходили молиться.

— Какой идиот будет совершать преступление на ступеньках церкви?

— Да полно таких. Поверь мне.

— Не понимаю, — вмешался третий. — Похоже, что от нас многое скрывают.

— Это не в первый раз.

— И не в последний.

Два гроба медленно опускались в могилы, и священник простер к небу руки. Среди скорбящих выделялась стоящая в стороне пара. Она была окружена телохранителями и переодетыми полицейскими, которые тайком осматривали толпу. Статный мужчина имел величественный вид, рядом с ним стояла женщина в черном и держала за руку четырехлетнего мальчика. Его вторая рука была забинтована и висела у груди.

— Провожая Джереми и Катерину Торн в мир вечного покоя, — продолжал священник, — мы обращаем свой взор к их ребенку, Дэмьену, последнему из живых в этой великой семье. Ребенок сейчас переходит в другую семью. Пусть он процветает в любви, которую получит от своих новых родителей, пусть он примет наследство отца и станет вождем всего человечества.

Дэмьен стоял рядом и наблюдал, как опускают гробы. Он вцепился в руку женщины.

— И наконец, пусть тебе, Дэмьен Торн, — выразительно простирая к небу руки, говорил священник, — Бог дарует свое благословение и милость... пусть дарует Христос тебе свою вечную любовь.

Из глубин безоблачного неба послышался отдаленный рокот грома, и толпа начала понемногу расходиться. Новые родители Дэмьена терпеливо ждали, пока все разойдутся, потом подошли к могилам, и ребенок склонился над ними, шепча молитву. Люди оглянулись и застыли на месте. Многие из них разрыдались. Наконец, ребенок поднялся и медленно отошел со своими приемными родителями от могил. Телохранители окружили их со всех сторон и проводили до президентского лимузина.

Четверо полицейских на мотоциклах сопровождали автомобиль сквозь толпу репортеров, снимавших ребенка. Дэмьен сидел на заднем сиденье лимузина и пристально глядел на них сквозь заднее стекло. Однако все фотографии оказались испорченными. На них явно выделялось пятно, видимо, эмульсионный брак на пленке. Пятно своими размытыми контурами напоминало дымку.

Эта дымка неумолимо зависала над президентским лимузином.

ЖОЗЕФ ХОВАРД

Дэмен

ПРОЛОГ

Семь лет назад

Карл Бугенгаген, всемирно известный археолог, нервничал. Он, как крот, ход за ходом буравил сейчас землю. Но волновался Бугенгаген совсем не потому, что забрался так глубоко. Напротив, ему нравилось здесь. Прохлада и сумрак будоражили приятные воспоминания. Стояла гробовая тишина.

Внезапно археолог услышал какие-то шорохи. Бугенгаген был не из пугливых. Ему давно уже перевалило за пятьдесят, но Карл по-прежнему оставался в форме: рослый и крепкий, литая шея и мускулистые плечи были точь-в-точь как у древнегреческих атлетов. Поседевшие волосы и борода вкупе с пронзительным и загадочным взглядом придавали ученому сходство с каким-то ветхозаветным пророком. Отчасти это внешнее сходство являлось истинным. Ибо Бугенгаген искал здесь, в недрах израильской земли, доказательства существования Дьявола.

Услышав шорох, Бугенгаген вздрогнул. Каждой клеточкой он ощутил угрозу со стороны своего могущественного противника. Археолог уже давно предчувствовал, что станет очередной жертвой в кровавом списке несчастных, пытавшихся предупредить мир о страшной опасности. Более того, у Дьявола была и особая причина избавиться от Бугенгагена, ведь ученый уже пытался убить ЕГО.

Сам археолог не нуждался ни в каких доказательствах. Все его подозрения оказались сущей правдой. Жуткой правдой. Но ему необходимо было убедить в ней своего помощника Майкла Моргана — только так можно было сохранить эти страшные сведения. Бугенгаген слишком ясно отдавал себе отчет в том, что, покусившись на жизнь Антихриста, он не сможет избежать мести Дьявола.

Накануне они с Морганом сидели в уютном прибрежном кафе и наблюдали, как под их ногами на прохладном плиточном полу удлиняются тени.

Поначалу Морган не поверил Бугенгагену. Карл прекрасно понимал, что здесь необходимы только факты. И сейчас, в этом калейдоскопе ярчайших средиземноморских красок, когда солнце, заваливающееся за синюю водную гладь, дробило ее на огненно-рыжие осколки, а белоснежные каменные стены древнего израильского города Эйкра, отражая, струили мягкий закатный свет, Бугенгагену пришла вдруг мысль, не сошел ли он просто с ума.

Но следом за этой внезапно мелькнувшей мыслью он услышал в своем мозгу голос, убедивший археолога в том, что, находясь в здравом уме, он осенен свыше знанием, и ответственность за это знание камнем лежала на его плечах.

Бугенгаген лез из кожи вон, пытаясь убедить скептически настроенного Моргана в правдивости своего рассказа. Но если Майкл всего-навсего сомневался, то уж его очаровательная подружка всем своим видом показывала, что не верит ни одному слову археолога. Бугенгагена вообще раздражало ее присутствие, но он несколько не удивился, заметив рядом со своим помощником женщину; он просто разозлился.

Ее звали Джоан Харт. Броская особа с сияющими глазами и каштановыми волосами. Если бы Бугенгаген был помоложе, такая фемина вполне могла бы сразить его наповал. Но во времена его молодости женщин, похожих на Джоан Харт, просто не существовало. Джоан была фоторепортером, о чем при первой же возможности сообщала каждому встречному. Мимолетное знакомство скреплялось в довершение всего крепким рукопожатием и профессиональной улыбкой. Незгладимое впечатление на собеседника производила и манера Джоан одеваться. Ее костюм от лондонского портного, сшитый, вероятно, по сногшибательной цене, напоминал о временах Хемингуэя. Бижутерию она предпочитала огромных размеров; кроме нее, на шее у Джоан всегда болталась пара фотоаппаратов «Никон». Она беспрестанно курила и ни на минуту не закрывала рта.

Нельзя сказать, что в Эйкру журналистку привела ее профессиональная неумность. Нет, Джоан находилась в этом городе потому, что здесь был Майкл Морган. Он являлся сейчас для Джоан средоточием всей ее жизни. Хотя, если честно признаться, все, чем жила и дышала эта молодая прелестная женщина, было Майклу глубоко безразлично.

Джоан, только что прилетевшая из Лондона, уже встречала где-то заголовок газеты, которую Бугенгаген сейчас так упорно совал Моргану: «Похороны американского посла и его жены». Майкл тоже не впервые видел эту газетную строку, заголовок совершенно не привлекал его внимания.

— Да, — произнес он с хорошо сыгранной, вежливой заинтересованностью в голосе, свойственной только представителям высшего света Англии, — весьма любопытно.

Бугенгаген, ни на йоту не задетый этим тоном, показал Майклу еще одну газету — на этот раз американскую — с заголовком: «Президент и его жена успокаивают осиротевшего сына посла».

Бугенгаген ткнул толстым пальцем в фотографию шестилетнего мальчика с черной повязкой на рукаве. Лицо мальчика было прекрасно и лучезарно, подобно ликам херувимов с полотен эпохи Возрождения или фресок на потолках высоких церковных куполов.

— Вы его узнаете? — спросил Бугенгаген.

Морган снова взглянул на фотографию, на этот раз более пристально.

— Нет, — твердо заявил он.

На Бугенгагена — единственного живого свидетеля разыгравшейся трагедии — мало-помалу обрушивалась страшная усталость.

— Вы что, еще не видели стену Игаэля? — резко вскинулся он.

— Ее ведь обнаружили только на прошлой неделе, Карл, — пытался было оправдаться Морган, но Бугенгаген тут же перебил его.

Археолог понимал, что единственным выходом из создавшегося положения было бы раз и навсегда объясниться с Морганом, как бы дико сейчас ни звучали доводы ученого. ВРЕМЕНИ ОСТАВАЛОСЬ В ОБРЕЗ. Бугенгаген снова ткнул пальцем в фотографию и отчетливо произнес: «На стене Игаэля я уже видел его лицо! Этот мальчик, этот «Дэмень Торн» — Антихрист!»

Морган приподнял брови в знак протеста.

— Карл, — начал он, но ученый снова перебил его.

— Ты должен верить мне!

Морган вдруг перестал улыбаться. Напряжение, сковавшее лицо Бугенгагена, по-настоящему встревожило Майкла. Ведь перед ним сидел не выживший из ума старик, человек с

застывшим от волнения лицом был его учителем; всем, что знал и умел Морган, он был обязан Бугенгагену.

— Карл, — мягко произнес Майкл, — я ведь не религиозный фанатик. Я — археолог.

Бугенгаген никак не отреагировал на это. «И где бы вы ни УСЛЫШАЛИ, что он идет...» Дальше Карл никак не мог вспомнить. Он не спал уже несколько ночей подряд и чудовищно устал. К тому же память начала подводить ученого.

Морган покачал головой и обратился к Бугенгагену:

— А где факты, Карл?

— Неделю назад, — произнес Бугенгаген, — отец Дэмьена пытался убить мальчика. На алтаре лондонской церкви Всех Святых. Посол стремился вонзить кинжал в сердце ребенка.

Джоан в ужасе содрогнулась. Морган, потянувшись за своим стаканом, еще раз пробежал глазами газетные заголовки.

— Похоже, репортерам не все удалось пронюхать, — продолжал Бугенгаген. Он глубоко вздохнул, затем произнес: — Эти кинжалы послу вручил я. Мой друг, отец Джеймс, находился тогда в церкви, он видел все собственными глазами. Святой отец позвонил мне и рассказал о происшедшей трагедии. Он узнал древние кинжалы и убедил полицейских, чтобы они их мне вернули.

За столиком воцарилось молчание. Морган замер со стаканом в руке и уставился на своего друга. Джоан также не сводила с Бугенгагена широко раскрытых глаз. Не давая им опомниться, ученый яростно, почти скороговоркой, продолжил:

— Американского посла звали Роберт Торн. Его новорожденный сын погиб в римском госпитале. И Торн, уступив мольбам какого-то священника, усыновил другого младенца. На самом деле этот священник оказался Апостолом Зверя. Торн убедил свою жену, что тайно усыновленный им малыш их собственный ребенок. Торны всем сердцем полюбили ребенка, он рос и воспитывался в Лондоне, а супруги даже не подозревали, что рожден мальчик самкой шакала! Вскоре ребенок начал убирать со своей дороги всех, кто каким-то образом догадывался о его подлинной сути. Вот тогда Торн пришел ко мне за помощью. С первых же слов его рассказа я понял, что говорит он чистую правду, ведь мне давно являлись знамения, будто я скоро вообще останусь в одиночестве: один на один с этим Зверем. Я отдал тогда Торну семь древних кинжалов, это единственное оружие против

Дьявола, ими надо пронзить Его тело. К тому времени жена Торна была уже мертва, впрочем, как и двое других несчастных, узнавших правду! — Бугенгаген покачал головой. — Полицейские застрелили Торна до того, как он успел вонзить кинжалы в тело сына Дьявола. Они решили, что посол сошел с ума после смерти жены! — Бугенгаген снова замолчал и кивком указал на газетную фотографию. Все, чего он хотел от Моргана, заключалось в том, чтобы тот поверил ему, осознал страшную опасность и начал, наконец, действовать. — Ребенок все еще жив!

Последовало долгое молчание, затем Морган спросил:

— Где он теперь?

— В Америке. Живет со своим дядей — братом покойного Торна. И как написано: «Там его власть распространится, он будет разрушать и будет процветать, орудием в его руках будут и святые, и сильные мира сего».

— О, Майкл, немедленно отправляемся в Америку! — воскликнула Джоан Харт, репортер до мозга костей.

— Да замолчи ты! — оборвал ее Майкл. То, что сообщил Бугенгаген, выходило за рамки сенсационной новости.

Бугенгаген тем временем наклонился к своей ноге и вытащил из ботинка чудесно сшитый кожаный мешочек с парой кармашков и Бог весть каким количеством всяких ремешков и кнопок. Когда археолог положил его на стол, что-то внутри мешочка звякнуло.

— Ты должен передать это новым родителям мальчика, — заявил Бугенгаген. — Тут — кинжалы и письмо, которое им все объяснит.

Морган никак не мог понять, чего добивается от него Бугенгаген. Одно дело — услышать эту фантастическую историю, пусть даже поверить в нее, и совсем другое — принять участие во всей этой заварухе.

— Извини, Карл, — засомневался Майкл, покачивая головой. — Ты же не можешь ожидать от меня просто...

— Их необходимо предупредить! — резко перебил его Бугенгаген.

Посетители за соседними столиками стали на них оглядываться. Археолог перешел на хриплый шепот.

— Я уже стар и слишком болен. Я не могу сделать этого сам. И поскольку я — единственный, кто знает правду, я должен... — Очевидно, ужас от осознания этой мысли настолько сковал Бугенгагена, что он не в силах был закончить фразу вслух.

— Должен что? — пытал его Морган.

Ученый уставился на стакан:

— ...оставаться в безопасности.

Морган грустно покачал головой.

— Мой дорогой друг, у меня ведь определенная репутация.

Бугенгаген ожесточенно прервал его:

— Именно поэтому это и должен сделать ты! Тебе они поверят!

Майклу подобное заявление совершенно не льстило. Его по-настоящему начинало беспокоить лихорадочное состояние Бугенгагена. К тому же он просто не рассматривал просьбу учителя всерьез.

— Но, Карл, меня же в определенном смысле сочтут за соучастника...

Бугенгаген поднялся из-за стола. Лучи заходящего солнца пронизывали белоснежную библейскую бороду ученого, строгость и отрешенность черт делали его лицо похожим на лик святого.

— Пошли к стене Игаэля, — скомандовал Бугенгаген.

Это был приказ, и Морган почувствовал, что не смеет ослушаться. Соппротивление на сей раз было невозможно.

— Ну и что дальше? — произнес он, хотя знал, что все уже решено.

— Пошли, — повторил Бугенгаген и, повернувшись, зашагал в сторону своего джи́па.

— Можно, я пойду с вами? — спросила Джоан, пытаясь пустить в ход свою самую обольстительную улыбку.

Морган отрицательно покачал головой:

— Почему бы тебе не подождать в отеле? Это не займет много времени. — Он наклонился к Джоан и поцеловал ее. Затем поднялся.

— Ладно, — улыбнулась женщина, притворно вздыхая. — Но предупреждаю — долго ждать я не собираюсь.

Майкл засмеялся и, послав ей на прощание воздушный поцелуй, исчез за углом. Это было их последнее свидание. Джоан Харт потребовалась вечность, чтобы примириться с этим, и еще целая уйма времени для того, чтобы осознать истинную причину.

Древний замок Бельвуар, окруженный стеной, расположился на самой границе Сибуланской долины, недалеко от города Эйкры. Он стоял здесь с двенадцатого века, с тех самых пор, когда крестоносцы явились сюда из Европы, дабы

отвоевать Святую Землю у мусульман. Они построили замок в память о Христе. И именно в подземельях замка Бельвуар Бугенгаген нашел необходимое доказательство — Антихрист обитает среди людей СЕЙЧАС.

Отдаленный рокот мотора заставил длинношерстных овец, пасшихся у древних стен замка, приподнять головы. Занимался рассвет, красное солнце живым шаром зависло над долиной, разбрасывая вокруг длинные разноцветные тени. Когда джип неожиданно вынырнул из-за ближайшего холма и начал спускаться в их сторону, овцы, заметавшись, спешно разбежались; вразнобой зазвенели колокольчики, будто призывая непрощенных гостей к молитве.

Джип, приблизившись к стене замка, остановился. Из машины выбрались Бугенгаген и Морган. Раннее утро было прохладным, но это, похоже, заметил только Майкл. Бугенгаген судорожно рылся в багажнике, выискивая среди автомобильного хлама еще одну шахтерскую каску. Там, куда они направлялись, им ОБОИМ нужны были каски. Внизу было так темно, что света одной лампы не доставало, а опасность обвала была слишком велика.

Ни Бугенгаген, ни Морган не заметили в суете детали. На стене, в самой ее высокой точке, сидел огромный ворон и наблюдал за ними. В его глазах застыла ненависть.

Мужчины пересекли просторный и сумрачный банкетный зал, окруженный шестью пятидесятифутовыми колоннами. С потолка, головами вниз, свисали спящие летучие мыши. Старик прижал кожаный мешочек к своей груди, будто боялся хоть на секунду расстаться с ним. Мужчины включили фонари на касках и начали осторожно спускаться по истершимся ступеням в подземные переходы.

Совсем недавно здесь уже побывали археологи. Плиты были сложены там, где производились самые последние раскопки, кругом было грязно, на каждом шагу встречались ямы. Все было свалено в одну кучу: и современное оборудование, и древние раскопки — все это было накрыто пластиковой пленкой и лежало вдоль стены.

Вдруг Морган увидел нечто, заставившее его похолодеть. Сердце его судорожно забилося, готовое выпрыгнуть из груди. Майкл чуть не задохнулся, разглядев на каменной стене гравюру, и отвратительную, и прекрасную одновременно. На ней была изображена женщина, восседающая на багряном Звере. Семь отвратительных и уродливых голов было у Зверя и десять ужасных рогов; весь он был испещрен словами на

древних языках, таких древних, что не говорили на них, наверное, целую вечность.

— «Вавилонская блудница», — прочел вслух замороженный Морган.

Ужасное имя эхом отозвалось в подземелье. Майкл отвел глаза от гравюры и заметил, что Бугенгаген, вскарабкавшись наверх, скрылся в стенном проеме. Морган невольно вздрогнул и последовал за своим учителем. Перспектива остаться в темноте один на один с «Вавилонской блудницей» ужаснула Майкла. И он очутился в следующем зале.

Она была там. Стена Игаэля. Свет от фонаря на каске Бугенгагена выхватил из мрака гениальную картину художника, сошедшего в дальнейшем с ума. На них смотрело жуткое, зыбкое и вечно изменчивое лицо Сатаны.

Самый крупный фрагмент картины вызвал ужас: Сатана в пору своей зрелости. Он был уже почти сброшен в Хаос. Дьявол цеплялся за край пропасти, мускулистые руки и ноги напряглись в последнем усилии, а огромная летучая мышь распростерла над ним свои крылья, пытаясь защитить своего господина. Лицо Сатаны было повернуто в сторону и неясно очерчено.

На втором фрагменте была изображена голова. Вместо волос из скальпа выползали извивающиеся змеи с острыми языками. Голова эта также не имела четкого рисунка лица.

Но был здесь еще один портрет, самый незначительный по размеру — Сатана в детстве. Лицо выписано с потрясающей четкостью. Оно было прекрасно, подобно ликам херувимов эпохи Возрождения.

Это было лицо Дэмьена Торна.

— Ну что, убедит тебя этот портрет? — проговорил Бугенгаген.

Но Моргану уже не нужны были никакие доказательства. Зачарованный, он медленно двинулся к стене, притягиваемый все ближе и ближе портретом. И вдруг в туннеле раздался звук, напоминающий щелканье кнута. Сразу вслед за ним послышался грохот. Морган споткнулся и шагнул в сторону Бугенгагена. Оба застыли на месте. Секунды растягивались до бесконечности.

Внезапно потолок туннеля перед ними подался и стал рушиться, поднимая столбы пыли. Пыль клубилась, и Морган стал задыхаться. Бугенгаген оставался спокойным. Откашлявшись, Майкл обратился к археологу:

— Здесь есть еще выход?

Бугенгаген отрицательно покачал головой и тотчас почувствовал, как его охватывает дикий страх. Ученый осознал причину происходящего и в тот же момент понял, что они уже ничего не смогут сделать.

Снова раздался грохот и скрежет. Потолок позади них рухнул. Проход в туннеле составлял теперь не более пяти футов шириной, туннель становился их могилой.

Морган в ужасе взглянул на Бугенгагена. Старик закрыл глаза, смирившись со своей участью. Он был готов к смерти.

И вдруг послышался новый звук. Поначалу Морган не понял, откуда он доносился, но потом заметил тоненькую струйку песка, просачивающегося из крохотного отверстия в потолке. Тут же образовалось второе отверстие. Через мгновение их было уже четыре. Потом двенадцать. Вскоре пошел настоящий песочный дождь. Песок попадал в глаза, забивался в рот; песочная куча у ног археологов росла и росла.

Тут и Морган ясно осознал приближение смерти. Он окинул взглядом туннель: внизу, под его ногами, покоилась «Вавилонская блудница». Ее уже почти засыпало песком. В диком и бессмысленном порыве Майкл принялся разгребать песок, разбрасывая его в разные стороны. Через несколько минут пальцы начали кровоточить, и Морган заплакал.

— Антихрист здесь! — прокричал Бугенгаген сквозь шум струящегося песка. — Вручи свою душу Господу!

В ответ снаружи раздался грохот, стены и колонны зашатались и стали оседать. Глубоко под ними послышался могучий гул. Морган, всхлипывая, продолжал расшвыривать песок, пытался освободить от него стену, чтобы докопаться до лаза. Но уровень песка поднялся уже до его пояса и продолжал стремительно расти.

Глаза Бугенгагена были закрыты. Он молился: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. — Старик замолчал, затем снова заговорил: — Благослови нас, Иисус Христос, и прости нам...»

Песок достиг их подбородков. Морган что-то невнятно бормотал. Бугенгаген же продолжал: «...и покажется, что силы зла одолеют нас и возьмут верх, но ДОБРО победит. Ибо сказано в Апокалипсисе: ...и не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, ...а ночи там не будет... ибо слава Божия осветила его и светильник его — Ангел...»

Песок поднялся до губ, вот он уже засыпал нос, глаза, а когда накрыл их каски, свет от фонарей мгновенно погас. Тьма поглотила пространство. И пришла смерть.

Последний, исполинской силы толчок, подняв к небу огромное облако пыли и щебня, превратил замок в руины.

Лишь две вещи остались нетронутыми. Стена Игаэля и лежащий у ее основания кожаный мешочек Бугенгагена. Как будто в последний момент какая-то другая сила, могучая и равная по мощности первой, вырвала у нее из рук единственное доказательство.

Внезапно из-под клубящихся пылью обломков стремительно вылетел черный ворон. Он кружил над развалинами, издавая пронзительные и наводящие ужас крики, затем взмыл в небо к поднимающемуся солнцу и растаял в раннем утреннем тумане.

Глава первая

Неровное, потрескивающее пламя костра освещало не по-детски серьезное лицо двенадцатилетнего мальчика. Напряженно застыв, он уставился на мечущиеся огненные языки. Мальчик пытался что-то вспомнить. Он чувствовал в крови толчки зыбких первобытных ощущений, где-то в глубинах его мозга таилась древняя мудрость, связывающая подростка с временами, давно минувшими...

— Дэмьен?

Мальчик не шелохнулся. Садовники продолжали сгребать вокруг опавшие листья.

Будто окаменев, стоял мальчик перед большим костром посреди широкой аллеи, ведущей к огромному старому особняку. Этот дом, напоминающий скорее дворец, находился в Северной части Чикаго и принадлежал его приемным родителям.

Мысли подростка находились далеко отсюда, в ином времени и пространстве. Мальчик видел себя в окружении бесконечных ярких пылающих огней, стоны и непрекращающиеся вопли неслись со всех сторон — это стонали те, кто безмерно страдал, и боль их была оттого отчаянней и тяжелей, что конца ей не предвиделось.

— Дэмьен!

Видение исчезло. Дэмьен Торн тряхнул головой и обернулся на голос. Он прищурился, глядя на солнце, медленно

скатывающееся за позолоченную крышу дома. На балконе третьего этажа стоял его двоюродный брат Марк и изо всех сил махал ему руками.

Дэмьену нравился Марк. Всегда добродушный и щедрый, Марк искренне полюбил сводного брата, семь лет назад попавшего в их семью. Между братьями установилась такая близость, какая редко возникает даже между родственниками. Оба носили тщательнейшим образом отутюженную форму военной академии, где они учились. Мальчики приезжали домой, чтобы отметить День Благодарения в семье. А теперь пришло время возвращаться в школу. День Благодарения вообще был самым грустным праздником в году — ведь именно после него Торны закрывали свой летний дом и переезжали на зиму в город. И так до следующего июня.

Дэмьен помахал в ответ рукой.

— Иду! — крикнул он и, обернувшись, бросил садовнику: — До следующего лета, Джим. — Старик едва кивнул в ответ.

Пружина четкий и ладный шаг, Дэмьен помчался к дому, стрелой пронесся по лужайке и влетел в массивные двери особняка.

Марк тем временем вытащил свой любимый рожок и протрубил что-то печальное.

Дэмьен уже поднимался по лестнице.

Ему вот-вот должно было стукнуть тринадцать. Необыкновенный возраст, когда, согласно историческим данным многих культур, мальчик в полную силу должен ощутить свое мужское начало.

Дедушка Дэмьена — Реджинальд Торн завладел этим угощем в 20-е годы. Это был обширный кусок земли на озере Мичиган в Северной части Чикаго. Часть заработанных во время первой мировой войны денег он использовал на постройку пышного особняка. Злые языки утверждали, что он просто свихнулся на этой почве. Над ним посмеивались, но всем чудачествам пришел конец, когда сюда проложили прекрасную автомобильную дорогу. И теперь все, у кого имелся в запасе хоть какой-нибудь капиталец, начали спешно застраивать северное побережье озера. Но ни у кого из вновь прибывших не было такого роскошного дома.

Торн часто повторял, что возвел эти чертоги для своих сыновей Роберта и Ричарда. Он обожал сыновей и, видя в них продолжение рода, делал для мальчиков все возможное. Когда их не приняли в престижную Дэвидсоновскую Воен-

ную Академию по причине того, что их отец занимается «торговлей», Торн выложил кругленькую сумму на постройку новой гимназии. Мальчиков туда, естественно, приняли, школе было присвоено имя их отца, а Ричард и Роберт закончили ее с отличием.

Роберт, старший сын, занимался дипломатией. А Ричард с головой ушел в семейный бизнес. Торн был доволен обоими. Все шло по его плану. Незадолго до своей смерти Реджинальд вложил деньги в постройку огромного музея в самом сердце Чикаго. В этом музее должны были демонстрироваться древние христианские реликвии и произведения искусств.

Он не дожил до того дня, когда был достроен музей. Как не дотянул и до времени расцвета «Торн Индастриз». И, к счастью, его уже не было в живых, когда его сын Роберт Торн — посол при английском дворе — был застрелен на церковном алтаре, где он вскоре после трагического и необъяснимого самоубийства горячо любимой жены пытался, очевидно, зарезать собственного сына.

Никто не знал, что помнил Дэмьен из событий того страшного дня, семь лет тому назад, когда отец волочил его к алтарю, чтобы вонзить в его маленькое, бешено колотящееся сердце кинжал, как замертво упал он, сраженный пулей британского констебля.

Скорее всего, Дэмьен ничего не помнил об этом трагическом дне, но психика его, по-видимому, была травмирована, и Ричард Торн запретил обсуждать события семилетней давности. Его вторая жена Анна — детский психолог — была убеждена, что вся эта драма погребена в глубинах подсознания Дэмьена, что может наступить час, когда мальчик все вспомнит, и совершенно непредсказуемо, в каких формах поведения проявится это воспоминание. Анна высказала Ричарду свои опасения. Но муж не дослушал ее. В конце концов разве Дэмьену чего-нибудь не хватало?

Марк ничего не знал об этой трагедии, ему лишь сказали, что родители Дэмьена погибли при ужасных обстоятельствах и любое упоминание об их гибели может оказаться слишком болезненным для его сводного брата.

Единственным человеком, кто был твердо убежден, что Дэмьен помнил все отчетливо и ясно, была Мэрион Торн.

Тетя Мэрион, как ее здесь все звали, являлась прямой родственницей Реджинальда Торна. Это была редкая штучка, упрямая и своенравная. Никто не любил тетю Мэрион, ибо она вечно совала нос не в свои дела. Она никогда не была за-

мужем и весь свой нерастроченный пыл посвятила племянникам и их семьям. Однако Мэрион всегда предпочитала Роберта, потому что он выбрал свой путь, порвав с семейным бизнесом. Известие о его неожиданной и трагической смерти потрясло тетюшку до глубины души, с тех пор она испытывала к Дэмьену неприязнь. Тетя Мэрион чувствовала, что мальчик каким-то образом причастен к гибели Роберта, хотя и не сознавала истинного смысла происшедшей трагедии.

Тетя Мэрион прекрасно понимала, что ее не очень-то любят, но ее это не трогало. Она и раньше не испытывала к себе щедрого внимания. Ее редко звали на обеды, даже родственники не удостаивали ее приглашением на семейные праздники.

На этот раз тетя Мэрион была вынуждена одолеть свою гордыню. Она без приглашения приехала к Торнам на День Благодарения. Ибо тетя Мэрион собиралась неожиданно сообщить всем что-то очень важное.

В этот субботний вечер она наблюдала, как мальчики прощались со всеми в холле; дверь была широко распахнута, чтобы Мюррей, шофер, спокойно сносил вещи мальчиков в машину. Из года в год повторялось одно и то же: приезжали они сюда с парой чемоданов, уезжали с шестью. Холодный ветер внезапно ворвался в холл, и Ричард Торн, красивый черноволосый мужчина лет шестидесяти, поеживаясь от пронизывающего сквозняка, отошел в сторону. Он давал Анне возможность не торопясь проститься с мальчиками.

Анна стояла в дверях и обнимала обоих мальчиков, покусывая свои губы, чтобы не разрыдаться. Целуя детей, она просила их не забывать писать письма и вести себя хорошо. Ричард, наблюдавший эту сцену, наполнился вдруг какой-то новой любовью к этой замечательной женщине, вошедшей в его жизнь в трудное и полное отчаяния время.

Марк обернулся и бросился к отцу, чтобы еще раз обнять его.

— Ну что, встретимся на нашем дне рождения, да, па?

— Спрашиваешь. Дэмьен! Подойди сюда. Обними, что ли, своего старика.

Дэмьен подбежал к Ричарду и прижался к нему, правда, не так пылко, как Марк. В дверях появился Мюррей и деликатно кашлянул.

Анна улыбнулась.

— Мы поняли намек, — проговорила она, направившись к Ричарду и подросткам. — Ну, мальчики, пора.

Обнявшись на прощание с мачехой, мальчики плюхнулись на заднее сиденье роскошного черного лимузина. Дверцы захлопнулись, мальчишеские носы и губы расплющились о холодные стекла в прощальном поцелуе, и машина плавно покатилась, шурша по дорожному гравию.

Ричард с Анной стояли на ступенях особняка и махали до тех пор, пока автомобиль не скрылся из виду. Когда они повернулись, чтобы войти в дом, Анна рассмотрела в окне третьего этажа тетюшку Мэрион, наблюдавшую за отъездом. Старушка тут же отскочила от окна, резко задернув занавески...

Дэмьен вольготно раскинулся на заднем сиденье.

— Ну и дела! — воскликнул он и присвистнул.

— И не говори, — согласился Марк. — Что за уик-энд! Мне уже показалось, что я начну орать.

— А давай сейчас поорем, — предложил Дэмьен. И они так пронзительно завопили, что чуть было не оглушили Мюррея.

— Мюррей, — позвал Дэмьен, когда им надоело кричать, — а ну-ка, выдай нам по сигаретке.

Мюррей отрицательно покачал головой и взглянул в зеркальце.

— Ты знаешь мое отношение к этому, Дэмьен.

Дэмьен, вздрогнув, пожал плечами.

— Пока не спросишь, никогда не узнаешь. — Внезапно он развернулся на сиденье, приставил большой палец к носу, и, пошевелив другими пальцами, заgrimасничал. — Тетя Мэрион! Это тебе наш прощальный приветик! — выкрикнул Дэмьен. Марк протрубил в свой охотничий рожок.

— Боже, — произнес он, оборачиваясь, — до чего она противна. И чего они вообще разрешили ей приехать?

— Да все для того, чтобы она тыкала в нас пальцем и своей сварливостью портила праздник. Вот почему, — объяснил Дэмьен.

— По крайней мере нам не пришлось еще и сегодня с ней обедать. — Когда Марк сильно волновался, он начинал излишне четко выговаривать отдельные слова. — Ей, должно быть, уже лет СТО, — продолжал он. — А чем это несет от нее постоянно?

— Дурак, это лаванда, — пояснил Дэмьен. — Все старые леди ею поливаются.

— Мальчики, — прервал их Мюррей, — только потому, что леди — старушка...

— Старушка действует нам на нервы, — смеясь, перебил его Марк.

Дэмень вдруг изменился в лице.

— Мюррей прав, — заявил он.

Марк уставился на брата, пытаясь уловить в его голосе шутку. Но Дэмень не шутил.

— Время бедняжки кончилось, — продолжал он, сам себе удивляясь. — И не следует нам над ней подтрунивать!

Дэмень говорил такие странные вещи, что Марк, замолчав, разинул рот. Мюррей попытался изменить тему разговора.

— Вы уже встречались с новым командиром взвода?

Оба подростка отрицательно покачали головами.

— Я все надеялся, что они не смогут найти замену, — сказал Марк.

Дэмень опять вздрогнул: «Пока не спросишь, не узнаешь».

— Вам когда-нибудь говорили, что случилось с сержантом Гудричем? — поинтересовался Мюррей.

— Нет, а... — протянул Дэмень, пихнув Марка локтем под ребра. Он снова, похоже, включился в игру.

— Говорят, он покончил самоубийством. — Мюррей бросил взгляд в зеркальце. Но никакой реакции на эти слова не последовало. Самоубийство бывшего взводного, видимо, совершенно не волновало мальчиков.

— Эка невидаль — сержант взвода, — воскликнул Дэмень. — Да все они одним миром мазаны. — И он, войдя в раж, начал выкрикивать команды: — Внимание! Глаза на лоб! Уши торчком! Пузо вперед! Целься!

Мальчики просто зашлись от хохота. Марк с обожанием взглянул на брата.

— Ты все-таки рехнутый, ты это знаешь?

Дэмень кивнул, а затем, склонившись, таинственно прошептал:

— Я практикуюсь.

Марк хмыкнул.

— Еще один приветик тете Мэрион! — закричал Дэмень.

Марк, всегда готовый доставить своему странному, чудному и обожаемому брату удовольствие, громко протрубил в свой любимый охотничий рожок. Звук получился какой-то

хрустальный и завораживающий. Он долго еще звенел в холодном ночном воздухе уже после того, как машина скрылась в темных окрестностях Иллинойса.

Обеденного стола вполне хватало для того, чтобы свободно разместить двенадцать человек, но сегодня за ним восседало всего лишь четверо. Ричард Торн занимал место во главе стола, слева сидела Анна. По правую сторону расположилась тетушка Мэрион, а рядом с ней примостился взъерошенный мужчина средних лет, звали его доктор Чарльз Уоррен. Будучи одним из самых выдающихся знатоков христианских артефактов, он являлся куратором Музея Древностей, основанного Реджинальдом Торном.

Тетушка Мэрион собиралась произнести речь, и окружающим ничего не оставалось, как выслушать ее. Ричарду, правда, очень не хотелось, чтобы при этом присутствовали посторонние.

— Уже поздно, и я устала,— начала тетушка Мэрион, окидывая присутствующих взглядом и убеждаясь, что все трое внимательно слушают ее. — Перейду сразу к делу. Я старею и скоро умру. — Она в упор взглянула на Анну. — А вздохите свои поберегите на потом. — Анна пыталась что-то возразить, но тетушка продолжала: — Я владею тридцатью семью процентами «Торн Индастриз» и, кажется, имею право распорядиться своей долей, как сочту нужным.

— Да, конечно,— подхватил Ричард, как он это всегда делал, когда речь заходила на подобную тему.

— Вы знаете так же,— продолжала Мэрион,— что в настоящий момент я все оставляю тебе, Ричард.

Племянник кивнул.

— И что?

— Так вот, я сегодня здесь для того, чтобы объявить: пока вы не выполните мою просьбу... — Торн отшвырнул салфетку. Он на дух не переносил ничего такого, что хоть отдаленно напоминало вымогательство.

— Мэрион, не шантажируйте меня,— предупредил Ричард, чувствуя, как у него вскипает кровь. — Меня не волнует...

— Тебя не может не волновать сумма порядка трех миллиардов.

Доктор Уоррен смущенно привстал.

— Извините, но я не думаю, что здесь необходимо мое

присутствие. — Он сделал движение, чтобы уйти, но Мэрион остановила его:

— Вы, доктор Уоррен, потому здесь, что являетесь куратором торновского музея! Двадцать семь процентов и этой собственности принадлежит мне!

Уоррен сел.

Тетушка Мэрион торжествовала. Она ощущала на себе пронзительный взгляд Анны, чувствовала, как та ее ненавидит. Но это ровным счетом не беспокоило тетушку Мэрион. Ей никогда не нравилась Анна. Более того, старушка предполагала, что время, когда Анна решила ворваться в жизнь Ричарда, было как-то слишком удачным. Здесь как будто присутствовала охота за приданым, и настойчивость, с которой молодая женщина обхаживала ее племянника, напоминала скорее кружение мух над свежим трупом.

Однако тетушка Мэрион припасла на сегодня еще кое-что. Слегка наклонившись вперед, она произнесла медленно и отчетливо:

— Я хочу, чтобы вы забрали мальчиков из военной академии и поместили их в разные школы.

Последовало долгое молчание. Наконец, Анна, вложив в слова всю свою ненависть, произнесла:

— Меня совершенно не волнует ваше отношение к мальчикам. В конце концов это не ваши сыновья, а наши.

Именно этого и ждала Мэрион.

— Позвольте вам напомнить, — возразила она, ядовито улыбаясь, — что никто из них не является вашим собственным сыном. Марк — сын Ричарда от первой жены, Дэмьен — сын Роберта.

Анна задрожала от гнева. Пытаясь изо всех сил сдержать слезы, она резко поднялась.

— Ну, спасибо. Большое спасибо!

Ричард нежно тронул жену за руку и заставил ее сесть. Потом обратился к Мэрион:

— Ради Бога, что вам нужно?

— Изолируйте Дэмьена, — проговорила старушка, и взгляд ее был тверд. — Его влияние ужасно, неужели вы этого не видите? Вы что, хотите погубить Марка, уничтожить его?

Ричард вскочил.

— Ну, хватит, — оборвал он тетушку. — Я провожу вас в вашу комнату, Мэрион.

Старушка поднялась ему навстречу.

— Ты ослеп, Ричард.— Она схватила его за обе руки.— Ты же знаешь, что брат твой пытался убить Дэмьена.

Доктор Уоррен находился в состоянии шока. Анна вскочила и воскликнула:

— Уведи ее отсюда, Ричард! Уведи!

Мэрион вдруг осознала, что если она не скажет всего сейчас, то не скажет этого никогда. И старушка продолжала:

— Почему он пытался убить Дэмьена? Ну ответь мне! Скажи правду!

Ричард еле сдерживал свою ярость.

— Роберт был болен,— отчеканил он,— психически.

— Ну все, хватит,— завершала Анна,— не смей разговаривать с ней!

Доктор Уоррен не знал, что и делать. Он был ошеломлен. Не смея произнести ни звука, доктор комкал в руках салфетку.

Мэрион глубоко вздохнула и предприняла последнюю попытку шантажа. На этот раз в ее голосе прозвучала мольба.

— Если вы не разъедините мальчиков, я весь свой капитал оставляю на благотворительные фонды, на благотворительные...

— Да делайте с ним, что хотите!— взорвался Ричард.— Сожгите деньги, выбросьте их к черту, только не пытайтесь...

— Ричард, ну, пожалуйста,— умоляла его Мэрион.— Послушай меня! Да, я стара, но я не выжила из ума. Твой брат пытался покончить с Дэмьеном. ПОЧЕМУ?

— Убирайтесь отсюда!— взвизгнула Анна. Она обежала вокруг стола и решительно устремила к старушке, будто собиралась ударить ее. Ричард попытался удержать жену, но она тут же вырвалась и, ткнув в сторону тетушки Мэрион дрожащим пальцем, произнесла:

— Вели ей уйти!

— Я и так ужою!— ледяным тоном произнесла старушка, вложив в него все свое достоинство. Она кивнула на прощание доктору Уоррену и покинула комнату. Ричард последовал за ней. Когда их шаги затихли, Анна, глубоко вздохнув, обратилась к доктору:

— Извините, Чарльз, мне и в голову не приходило...

— Ничего, ничего, все в порядке,— успокоил ее Уоррен.— Я все понимаю.— Он поднялся и кивком указал в сторону маленькой комнаты.— Почему бы нам не поглядеть слайды?— предложил он.— У меня есть здесь замечательные

штуки, которые я бы хотел продемонстрировать вам и Ричарду.

В действительности же ему хотелось поскорее покинуть этот дом.

На площадке третьего этажа тетя Мэрион высвободила, наконец, свой локоть из руки Ричарда.

— Я и сама могу идти! — с достоинством бросила она.

Молча миновали они длинный, покрытый ковром коридор, и лишь у двери спальни старушка снова повернулась к племяннику:

— Твой брат пытался убить Дэмьена...

— Ну мы же с этим покончили, тетя Мэрион.

— Должна была быть причина.

— Я же вам уже говорил. Я не могу больше об этом. Особенно в присутствии посторонних. Иисус Христос...

— Но зачем он пытался убить собственного сына?

— Он был болен, тетя Мэрион, психически болен.

— А Дэмьен? Думаешь, он не болен?

— Что Дэмьен? С ним ничего особенного не происходит! — Торн опять начал выходить из себя. Одновременно он злился и на себя, понимая, как легко смогла Мэрион довести его до такого состояния. Может, она и прекратила бы свои нападки, если бы Ричард так остро не реагировал на них. Он пытался успокоиться. — Ваша ненависть лишена всяких оснований...

— Будь поосторожнее, — перебила его тетушка Мэрион.

«Наконец-то она приходит в себя», — подумал Торн и обратился к тетушке: — Ложитесь спать. Пожалуйста. Вы себя сейчас не контролируете.

Тетя Мэрион подняла брови. Она знала, куда нанести удар побольнее.

— Дэмьен не унаследует от меня ничего. Завтра я займусь этим. — Старушка потянулась к дверной ручке.

— Делайте, как знаете, часть акций компании — ваша! — Ричард понимал всю отчаянность положения. Ему была необходима эта доля, чтобы обеспечить интересы обоих сыновей. — Но уж если вы в моем доме...

— То я твоя гостья, — закончила Мэрион. — Я знаю. Но это моя комната, и я вынуждена просить тебя уйти. Сейчас же.

Торн вздохнул, наклонился и чмокнул старуху в макушку.

— Мюррей будет ждать вас завтра утром в машине.

Тетя Мэрион некоторое время подождала, пока он скроется в тени коридора, а потом, торжествующе улыбнувшись, прошагала в комнату и захлопнула за собой дверь.

Когда Ричард заглянул в маленькую комнату, Анна с доктором Уорреном уже установили проектор и экран. Чарльз хотел дать им возможность предварительно взглянуть на экспонаты новой выставки, которую он подготовил для Чикагского Музея древностей.

Ричард унаследовал от своего отца любовь к археологии и всячески поддерживал любое начинание в этой области. Одним из таких предприятий были рискованные раскопки близ города Эйкра, где обнаружили самые потрясающие за последние двадцать лет находки. И хотя инициатором этих раскопок являлся Реджинальд Торн, именно Ричарду предстояло пожинать плоды этого предприятия.

Чарльз Уоррен включил проектор, и Ричард приглушил свет.

— Большинство этих экспонатов уже упаковано и находится сейчас в дороге. Вскоре первая партия прибудет сюда.

Первые слайды демонстрировали вазы и миниатюрные статуэтки. Разглядывая их, Торн, казалось, забыл о тетушке Мэрион. Анна улыбалась, поглядывая на мужа. Вдруг она перевела взор на экран, и у нее внезапно перехватило дыхание. На слайде была запечатлена довольно больших размеров фигура женщины, яркой и уродливой, облаченная в багровые и пурпурно-золотые одежды со множеством украшений. Восседала блудница на Звере о семи головах. Каждая голова покоилась на длинной чешуйчатой шее, из лбов торчали рога, а из пастей — клыки и языки. Голова женщины была откинута назад, длинные волосы беспорядочно спутались, а сама она казалась пьяной от содержимого золотой чаши, которую сжимала в своей руке.

— О господи, — пробормотала Анна.

— Да, — поддержал ее Чарльз, — вид у нее весьма утешающий.

— Вавилонская блудница? — поинтересовался Ричард.

Чарльз кивнул. Анна вопросительно взглянула на мужа.

— Ты ее знаешь? — удивилась она, и все рассмеялись. Чарльз взял карандаш и подошел к экрану.

— Она символизирует Рим. А эти десять острых, как бритва, рогов на Звере — десять царей, у которых пока нет царств. Но Сатаной им была обещана временная власть до тех пор, пока не явится он в своем полном величии.

— А зачем она взгромодилась на Зверя? — спросила Анна.

— Не знаю. Но, очевидно, она не останется на нем долгое время. Ибо сказано в «Откровении Иоанна Богослова», что десять царей «возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне».

— Потрясающе, — вздрагивая, произнесла Анна. — И вы во все это верите?

— Ну, я полагаю, вся Библия целиком состоит из удивительных и чудесных метафор. Нам еще предстоит найти разгадки ко многим из них.

— Например? — заинтересовалась Анна.

Чарльз был не из тех людей, кто при любой возможности пытается обратить в свою веру первого встречного. Но он решил не уваливать от ответа и четко объяснить все Анне.

— Ну, имеется, например, масса свидетельств, что конец света уже близок.

— Что? — не поняла Анна. Она решила, что ученый шутит.

— Многие события, происшедшие за последнее десятилетие, были предсказаны в «Откровении Иоанна Богослова». Землетрясения, наводнения, голод, небо, потемневшее от смога, отравленные воды, меняющийся климат...

— Но такие вещи происходили всегда, — запротестовала Анна.

— Имеются и более любопытные свидетельства. Например, существует предсказание, что конец света наступит вскоре после того, как Библия будет переведена на все письменные языки. В начале 60-х годов это и было сделано. Предполагают, что последний Холокаст начнется на Среднем Востоке.

— Но... — начала Анна, но тут вмешался Ричард:

— Вы не возражаете, если мы вернемся к слайдам? Если конец настолько близок, мне совершенно не терпится узнать, за что я выложил кучу денег, пока все это не превратилось в прах?

Напряжение рассеялось. Даже Чарльз рассмеялся. Он нажал кнопку дистанционного управления. На следующем слайде была также запечатлена Блудница, но сфотографированная издали. Рядом с изображением стояла молодая женщина, так что, сравнивая ее рост и габариты картины, можно было судить о размерах фигуры Блудницы.

— Что это за девушка? — полюбопытствовал Ричард.

— Фи, а я-то подумала, что ты и ее знаешь, — съязвила Анна.

— Это моя приятельница. Репортер. Ее зовут Джоан Харт. Вы что-нибудь о ней слышали? Харт пишет биографию археолога Бугенгагена.

Следующий слайд демонстрировал Джоан Харт с близкого расстояния. Это была потрясающая рыжеволосая женщина с сияющими глазами.

— Похоже, ты у нее на крючке, а, Чарльз? — бросила Анна.

Чарльз отрицательно покачал головой и рассмеялся.

— Да нет, никаких планов на этот счет. Просто она здорово делает свою работу. Кстати, она собирается в Чикаго. Думаю, скоро явится сюда. Хочет взять у тебя интервью, Ричард.

— У меня? — удивился Ричард. — По какому, интересно, поводу?

— Раскопки, выставка, ну и все такое.

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу всякие интервью, Чарльз.

— Да, знаю. Но я подумал...

— Так вот, передай ей это.

— Ладно, ладно. — Чарльз удрученно покачал головой, хотя был в курсе, насколько дорожил Ричард покоем своей семьи.

Несколько позже собравшиеся попрощались в холле.

— Я завтра буду в городе, — заговорил Ричард, помогая Чарльзу надеть пальто. — А Анне придется остаться здесь и проследить, чтобы все было закрыто.

Чарльз кивнул.

— А чудное было лето, — вымолвил он и обернулся, чтобы поцеловать на прощание Анну.

— Увидимся послезавтра, — пообещала она, распахивая дверь.

Ричард проводил Чарльза до машины.

— Да, по поводу тети Мэрион... — начал он.

— Все, все, я уже все забыл, — улыбнулся Чарльз.

Ричард захлопнул автомобильную дверцу и помахал Уоррену на прощание, покуда тот не скрылся во мраке холодной ноябрьской ночи. Затем Торн вдохнул глоток морозного воздуха и вернулся в дом.

Тетушка Мэрион слышала каждое слово, сказанное при расставании, в том числе и сбивчивое извинение Ричарда за ее сегодняшнее поведение. Как обычно, перед сном старушка открыла окно, что дало ей возможность подслушать разговор Ричарда с Уорреном.

— Неблагодарный слепец, — пробормотала Мэрион и вновь обратилась к старенькой Библии, которую она листала каждый вечер. Сегодня она открыла ее на тексте Бытия: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле».

«Ну вот, — вслух размышляла тетушка Мэрион, — разве это не знак уж и не знаю чего!» Она толковала только что прочтенный отрывок, имея в виду компанию «Торн Индастриз». Ей виделось, что компании предназначено достичь таких вершин, которые вообразить невозможно. И еще крепче уверилась старушка, что доля ее ни в коем случае не должна попасть в руки Дэмьена, этого средоточия зла. Она решила завтра же, как только возвратится домой, изменить свое завещание. Конечно же, она завещает свою долю очень благонамеренной религиозной общине. Она проучит этих неблагодарных родственников! Мэрион до такой степени размечталась о мести, что даже не заметила огромного черного ворона, неожиданно возникшего на подоконнике ее спальни. В глазах замершей птицы застыла холодная ненависть.

Ричард читал в кровати, а вокруг возвышались кипы деловых бумаг. Он часто работал по ночам, так как необходимо было постоянно держаться в курсе событий. И все равно он не успевал охватить всего того, что происходило в его компании. Все данные, которые постоянно менялись, надо было удерживать в голове.

Сегодня Ричард никак не мог сосредоточиться. Лавина воспоминаний, с таким тщанием закапываемая в самые недра сознания, вдруг обрушилась на него. Кто знает, кем мог стать его брат? Может быть, даже президентом. Но в расцвете сил быть подстреленным, как собака...

— Ричард! — Анна, сидевшая перед туалетным столиком, замерла с расческой в руке. Он понял, что жена давно пытается привлечь его внимание. Ричард сдвинул на лоб очки

и взглянул на нее.— Ты же обещал мне...— продолжала жена.

— Обещал что, солнышко?

Анна вздохнула. Было совершенно ясно, что он ни слова не слышал из всего сказанного.

— Что никогда больше тетя Мэрион не переступит порог этого дома. Никогда.

— О Анна...

— Обещай мне!

— Ну ради Бога, старушке ведь уже восемьдесят четыре года!

— Мне наплевать на это. И ноги ее не должно быть здесь. Она злющая, ее надо опасаться, и...

— Да у нее же старческий маразм, Анна!

— Она отравляет даже воздух вокруг себя. Она действует мне на нервы и пугает мальчиков...

— Ерунда, они-то ее всерьез вообще не воспринимают.

— Да, конечно. Они насмеются над ней, но, заметь, избегают находиться с ней в одной комнате. Особенно Дэмьен.

Ричард снял очки и положил их на ночной столик возле кровати. Сегодня он не в состоянии был прочесть ни строчки. Торн собрал документы и сложил их на полу.

— Ну,— попытался он снять напряжение,— по крайней мере рот она раскрывает всего лишь раз в несколько лет, прямо как какой-нибудь депутат во время предвыборной кампании.

— Не смешно,— оборвала мужа Анна. Она отложила расческу и выключила над туалетным столиком лампу. Потом встала, потянулась и подошла к постели. Ричард не переставал изумляться, как красива была Анна и как ему повезло, что он ее встретил. Ричард был уверен, что после ужасной и противоестественной гибели Мэри он уже не в состоянии влюбиться. И вдруг, как Божий дар, появилась Анна. Они мельком виделись в Вашингтоне. Ричард находился там по делам компании, она же переехала в этот город в надежде начать жизнь сначала. Сперва Анна принялась неистово флиртовать с ним, пока Ричард не рассказал ей о смерти Мэри и о своем нежелании вступать в какие-либо серьезные отношения. Анна резко изменилась и начала искренне ему сочувствовать. Наверное, из всего этого так ничего бы и не вышло, если бы, возвращаясь в Чикаго, Ричард не обнаружил свою будущую супругу сидящей рядом с ним. Анна утверждала, что это чистое совпадение, и Торн, польщенный и заин-

тригованный, великодушно принял эту ложь. Объявление об их помолвке стало настоящим сюрпризом для всех. Но Ричард не привык считаться ни с какими условностями, к тому же он был бешено влюблен в Анну.

И вот Анна спустя семь лет их супружеской жизни здесь, в его руках, а он по-прежнему сходит по ней с ума. Ричард, конечно, должен был признать, что секс тут играл немало-важную роль. Анна вывела его на вершину наслаждения, этот пик уже мог показаться и греховным. Мэри была в постели робкой и стеснительной, Анна же соблазняла и одурманивала. Ричард даже и не подозревал, насколько сам он был сексуален, пока в его жизни не появилась Анна и не пробудила в нем истинного наслаждения.

— О чем ты задумался? — прервала мысли Ричарда жена.

— О тебе. О том времени, когда мы встретились. И о том, как жутко я тебя люблю.

— Ах, об этом...

Ричард засмеялся. Да, Анна умела заставить его смеяться так, как он никогда не смеялся с Мэри. Но Ричард не мог сравнивать этих женщин. Он начинал чувствовать комплекс вины перед Мэри.

— Опять испытываешь чувство вины? — спросила Анна. Она умела читать и его мысли.

— Нет, — солгал Ричард. Он слишком устал от откровений.

Анна клубочком устроилась рядом.

— Что ты ей сказал? — промурлыкала она ему в ухо.

— М-м-м?

— Что ты сказал тете Мэрион, когда провожал ее?

— Я ей велел хорошо себя вести.

— И все?

— Ну я, конечно, был несколько жестче, подтверже, что ли...

— Может быть, выйди Мэрион замуж, она не была бы такой стервой. — Анна вновь прильнула к Ричарду.

— Интересно, чего только не сделает настоящий мужчина! — возбужденно проговорил Ричард, привлекая к себе жену. Она на секунду отстранилась и прошептала, глядя на него глазами невинной девочки:

— Обещаешь?

Ричард понял, что не может дальше сопротивляться.

— Обещаю, — прошептал он, выключая свет, — больше тети Мэрион здесь не будет.

Два огонька погасли в один и тот же момент. Освещение в спальне тети Мэрион и свет в ее глазах.

Старушка была мертва, Библия выскользнула из ее рук.

Никто не знал, что же здесь произошло, кроме исполинского черного ворона, вылетевшего из ее окна. Огромная черная птица стремительно взмыла в ночь.

Глава вторая

На следующий день в Дэвидсоновской Военной Академии состоялся торжественный парад. Курсанты высыпали на плац и под грохот школьного духового оркестра принялись маршировать в ослепительном блеске всех своих регалий.

Большинство ребят, прокручивая в голове ежедневные утренние занятия, пытались при этом демонстрировать даже что-то вроде бравой военной выправки.

Полковник стоял на широкой каменной лестнице, ведущей к главному зданию Академии, и сиял от гордости, глядя на стройные ряды молодых курсантов. Для военного он был тучноват, но, зная прекрасно, что родная страна не призвет его под знамена на свою защиту, полковник позволял себе это удовольствие — сытно и вкусно поесть.

Рядом с ним стоял строгий, красивый, несколько настороженный молодой человек. Его тугие мышцы прямо-таки играли под тщательно отутюженной формой. Внешний вид молодого человека походил на вызов обрюзгшему полковнику.

Полковник произнес приветственную речь по случаю возвращения курсантов в Академию после Дня Благодарения. Затем был сделан ряд объявлений о школьном расписании на следующие недели.

Стоя на плацу, Марк незаметно шепнул Дэмьену:

— Это, кажется, он. — Его слова относились к молодому, атлетически сложенному офицеру, застывшему рядом с полковником.

— Вроде ничего выглядит, — в ответ прошептал Дэмьен.

— Ну, если гориллы в твоём вкусе...

Как раз в этот момент полковник скомандовал:

— Взвод Брэдли — оставаться на месте. Всем остальным — в столовую. Правое плечо вперед... Шагом марш!

Мальчики сгрудились вокруг двух офицеров. Полковник кивнул в сторону молодого человека.

— Это сержант Дэниэль Нефф. Он здесь вместо сержанта Гудрича.

Данное сообщение явилось первым упоминанием о сержанте Гудриче. Как бы парадоксально это ни выглядело в военной школе, но с курсантами старались по возможности не заводить разговоров на тему о смерти, а уж разговоры о самоубийстве вообще не допускались, ибо подобный акт считался позорным для мужчины. Поэтому упоминание о несчастном Гудриче явилось первым и последним.

— Сержант Нефф — опытный солдат, — продолжал полковник, — и я наперед уверен, что вы станете лучшим взводом Академии. — Полковник подбадривающе улыбнулся. Потом повернулся к Неффу: — Ну, а дальше вы уж сами знайтесь, сержант.

Нефф лихо отсалютовал, а затем, продолжая стоять по стойке «смирно», проводил взглядом удаляющегося полковника.

В заднем ряду взвода стоял огромный парень, на голову возвышавшийся над всеми курсантами. Он был грузен и толст, его шея и кулаки неуклюже торчали из воротничка и рукавов рубашки, слишком для него тесной. Верзилу звали Тедди. Пытаясь как бы скомпенсировать свою более чем непривлекательную внешность, он измывался над всеми остальными ребятами.

В этот момент Тедди решил, что неплохо бы с ходу произвести на нового сержанта впечатление.

— Господин сержант, — подобострастно заулыбался он, нарочито разглядывая ряд ослепительно сверкающих медалей на груди Неффа. — За что вы получили ваши награды?

— Откроете свой рот только тогда, когда я с вами заговорю, — рявкнул Нефф. — Вы будете слушаться каждого моего слова! Я намерен довести вашу подготовку до самого блестящего состояния. А посему буду полировать вас до тех пор, пока блеск ваших достижений не ослепит всю Академию.

Нефф замолчал и окинул взглядом всех курсантов.

— Ясно?

Поблудневшие мальчики кивнули. Тедди опустил голову и сглотнул ком обиды, застрявший в горле. Он не выносил, когда его в чьем-то присутствии осекали.

— Я еще поговорю с каждым из вас отдельно. После завтрака в моем кабинете, — продолжал Нефф. — А пока что назовите ваши имена.

Расхаживая взад-вперед, он остановился перед Марком.

— Марк Торн, — робко произнес мальчик, изнемогая под жестким взглядом офицера.

— У меня, Торн, имеется воинское звание, и оно меня пока что устраивает.

— Марк Торн, господин сержант.

— Торн, а? — заулыбался Нефф. — Вашу семью ведь многое связывает с этой Академией, не так ли?

Марк, выросший в богатстве и роскоши, был идеально воспитан и чувствовал, что напоминать о своих славных предках значило бы допустить ужасную бестактность по отношению к остальным ребятам. Поэтому он, обливаясь краской стыда, молча стоял, не зная, что и ответить.

— Что, разве не так? — настойчивее повторил свой вопрос Нефф.

Марк деликатно ответил:

— Мои отец и дед были здесь курсантами.

— Хорошо, — произнес Нефф, приятно удивленный тактичностью мальчика. — Но учти, что это не дает тебе никаких преимуществ, мы все здесь в равном положении.

— Да, господин сержант, — с готовностью кивнул Марк, сгорая от нетерпения, когда же, наконец, офицер от него отстанет.

Тедди не смог удержаться от соблазна вознаградить себя за унижение:

— Мы все это слышали и раньше, — прошипел он. Курсанты вокруг замерли на месте.

Нефф круто повернулся к Тедди и злобно бросил:

— Но не от меня, ясно?

Да, этого «новенького» так просто не одолеешь. Тедди не выдержал тяжелого взгляда Неффа и опустил голову.

Нефф двинулся дальше.

— Имя?

— Дэмьен Торн, господин сержант.

Нефф стрелкнул взглядом в сторону Марка, потом опять уставился на Дэмьена.

— Вы не похожи.

— Мы — двоюродные братья, господин сержант, — пояснил подросток и рискнул улыбнуться. Что-то неуловимое мелькнуло в глазах Неффа, но тут же исчезло.

— Хорошо. Но и к тебе относится то же самое. Никаких привилегий.

Дэмьен кивнул и провожал взглядом командира, пока тот подходил к следующему курсанту. Что-то в этом Неффе

взбудоражило Дэмьена, взволновало его до мозга костей. Но что это было, он не понимал. Пока.

В шестидесяти милях от Академии, в самом сердце Чикаго, Ричард Торн шагал по затейливо обставленному вестибюлю огромного здания — главного офиса «Торн Индастриз». Рядом с ним находился и президент компании Билл Ахертон. В холле присутствовали еще несколько человек: либо самые рьяные служащие, так как было слишком рано, либо те, кто возвращался с ночной смены.

Ахертон, добрейший и внешне непримечательный, мог бы стать, вероятно, первоклассным шпионом. Ему стукнуло шестьдесят четыре года, и по жизни он скользил медленно, но уверенно, без всяких усилий продвигаясь к намеченной цели.

После окончания колледжа Ахертон пришел работать в компанию «Торн Индастриз», в отдел развития и планирования. Он сделал блестящую карьеру и числился теперь вторым человеком после Ричарда Торна, являвшегося председателем правления директоров.

Ахертон по-прежнему жил в доме, который он купил после женитьбы на своей однокурснице. Он горячо любил свою жену, она была его первой и единственной женщиной. Жизнь не припасла никаких особых сюрпризов для Билла Ахертонa, и он с удивленным смущением наблюдал взлеты и крушения судеб своих друзей, чье существование было значительно неустойчивей, чем его собственное.

Ахертон, возможно, был слишком мягок, но далеко не глуп. Да и кто, будучи недалеким человеком, мог бы стать президентом «Торн Индастриз»? Одна мысль сегодня не давала президенту покоя, мысль, зародившаяся в нем уже давно. И она была связана с Полем Бухером — директором отдела Специального Проектирования и его, Ахертонa, непосредственным подчиненным.

Бухер — молодой мужчина, почти на тридцать лет моложе Ахертонa, не делал секрета из того, что метил на место президента компании. Но не это беспокоило Ахертонa. У него с давних пор выработался иммунитет ко всякого рода интригам. Президент прочно занимал свое место, ибо прекрасно разбирался в своей работе и понимал, что Ричард Торн, один из его старейших и лучших друзей, никогда не поддастся ни на какие маккиавелиевские уловки. А волновало Ахер-

тона то, что чем ближе узнавал он Бухера, тем явственней обнаруживал в нем жестокость и беспринципность. Проводимые его заместителем деловые операции рано или поздно могли отрицательно сказаться на репутации компании и, что еще опаснее, могли навлечь на «Торн Индастриз» серьезные неприятности, особенно если учесть, что в перспективе Бухера ожидали более обширные полномочия, чем в настоящее время.

Все это разом пронеслось в сознании Ахертонa, пока они вместе с Ричардом Торном пересекали вестибюль, направляясь к вращающимся дверям. Они должны были встретиться с Бухером, предложившим компании «Торн Индастриз» приобрести сельскохозяйственный завод, и осмотреть предприятие.

Ахертон решил сегодня пораньше прийти на работу, чтобы поделиться своими опасениями с Торном прежде, чем они попадут на завод. Он понимал, что там у него уже не будет возможности выговориться.

Торн, как обычно, оставался дипломатом.

— Я первый, кто признает, что с Полем сработаться трудно,— высказал он свое мнение,— но ведь нам потребовалось целых три года, чтобы найти человека подобной квалификации.

— Но я не ставлю под вопрос его профессиональные качества,— возразил Ахертон,— я говорю о...

— О его стиле,— закончил за него Торн как раз в тот момент, когда они выходили к автомобилю, поджидавшему их.

Ахертон отрицательно покачал головой.

— Я легко мог бы смириться с его стилем. Каждый день я встречаюсь с разными людьми. Не в этом дело. Мне просто не нравится, что он предлагает. У меня это стоит поперек горла, и я не собираюсь скрывать свое отношение ко всем его затеям.

— Ты беспокоишься, как бы у нас не возникли неприятности в департаменте юстиции,— заключил Торн.

— Но он ввязался в очень щепетильные делишки...

Они подошли к лимузину, Мюррей открыл дверцу.

— Давай-ка выслушаем его самого,— предложил Торн, когда они удобно расположились на заднем сиденье автомобиля.— Я прошу тебя высказывать свои соображения несколько более... деликатно... чем обычно.

Мюррей захлопнул автомобильную дверцу под одобрительное хмыканье Ахертонa.

Один за другим курсанты взвода Брэдли входили в кабинет своего нового командира. Они робко и нетерпеливо ожидали своей очереди в коридоре рядом с его кабинетом. Тедди с видом неимоверной скуки опирался о стену. Он пытался придать своему лицу такое бесстрастное выражение, чтобы никому и в голову не пришло, будто Тедди хоть на миг испугался Неффа, дважды унижившего его в глазах курсантов.

На самом же деле Тедди порядком струхнул. И теперь пытался прояснить для себя, как изменить тактику своего поведения в отношении нового сержанта.

Как обычно, возле Тедди околачивалась пара-другая подхалимов, на лицах у них было написано такое же нарочитое безразличие. Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, Тедди решился на маленькое представление. Он подошел к противоположной стене, где аккуратными рядами были вывешены примерно сорок фотографий. На них в хронологическом порядке были запечатлены все футбольные команды Академии. Увлекательная это была затея. Рассматривая фотографии, можно было узнать не только о том, как развивалась с годами игра в футбол, но и о том, кто учился здесь в разное время, сопоставив их с сегодняшними курсантами. Любопытный вывод напрашивался в результате этого сравнения: если и существовало в старое доброе время нечто, называемое честью мундира, то теперь ее место заняла озлобленность — именно на этом очень часто строились сейчас отношения между курсантами.

Тедди нашел, наконец, то, что искал.

— Мой старик играл за эту команду. Вот он, — пояснил он, тыча жирным пальцем в одну из фотографий. Несколько слоняющихся в ожидании своей очереди подростков подошли к верзиле, чтобы взглянуть на фотографию. — Он играл на переднем крае, — помедлив, продолжал Тедди, а затем оглянулся на Дэмьена.

— Роберт Торн играл правым защитником. — В голосе Тедди прозвучало неприкрытое презрение. — Мне кажется, уж ты-то в состоянии купить себе все, что угодно?

Дэмьен оттолкнулся от стены, на которую опирался.

— Тедди, — угрожающе произнес он.

Верзила оглянулся на приблизившихся курсантов, с нетерпением ожидающих развития событий, и откровенно полез на рожон.

— Ты не прикупил еще право на правого защитника?

Кругом слышались сдавленные смешки Дэмьен двинулся на Тедди, но в этот момент дверь в кабинет Неффа распахнулась, и оттуда вышел Марк. Он сразу же почувствовал сгустившуюся, напряженную вражду, возникшую между его кузеном и Тедди. Марк прокашлялся и спокойно произнес:

— Дэмьен, ты следующий.

Дэмьен взглянул на брата, затем снова впился глазами в Тедди.

— Не смей никогда больше упоминать имени моего отца. Н и к о г д а, — проговорил он, сам удивляясь той угрозе, которая прозвучала в голосе. Дэмьен резко повернулся и исчез за дверью, тихо закрыв ее за собой.

Тедди глянул на Марка и фыркнул.

— Твой братец, очевидно, думает, будто представляет из себя что-то стоящее, да? — Верзила повернулся к собравшимся. — Мой предок мне тут как-то поведал, что Торны сами себе мастерят шляпы, ведь ни в одном магазине не найти чего-нибудь подходящего на их умные и большие головы! — Тедди гнусно захихикал, и большинство курсантов, побаиваясь верзилу, последовали его примеру.

Марк шагнул к Тедди и отчетливо, с ледяным спокойствием спросил его:

— Ты филателист?

Тедди не мог распознать подвоха, но прекрасно понял, что здесь спрятана какая-то уловка. Хотя совершенно не ожидал от Марка, что тот способен хоть на малейшее сопротивление. Вот Дэмьен — это, конечно, да, это — крепкий орешек. Ну, а Марк...

— Кто, кто? — переспросил Тедди, потягиваясь и еще сильнее возвышаясь над Марком.

— Что ж, попробую тогда объяснить, — с холодной иронией продолжал Марк. — Ты марки собираешь?

— Нет, — ответил верзила, все еще не понимая, куда клонит этот Торн.

— Ну так, — ухмыльнулся Марк, — скоро начнешь. Прямо сейчас! — И с этими словами он изо всех сил пнул по левой ноге Тедди.

Верзила на мгновение застыл. Он был поражен не столько тем, что этот сосунок отдал ему ногу — хотя боль была презиренная и Тедди запрыгал на одной ноге, — его удивило, как Марк посмел сделать это. Никто в школе так вызывающе

не вел себя с ним, и Тедди пребывал в страшной растерянности.

Не отличаясь сообразительностью, верзила медленно раскидывал мозгами, что же ему предпринять. Р это время Марк, грустно покачивая головой и еле заметно усмехаясь, ударил каблуком по другой ноге Тедди. Ошеломленный Тедди не смог устоять на месте.

Курсанты еле сдерживали смех, до того нелепо выглядел их мучитель, прыгая с ноги на ногу. Но тем не менее они хорошо понимали, что основная битва еще впереди, и знали, кто ее выиграет. Поэтому, поставив на Тедди, они прикинули в уме возможные последствия смеха и сочли за благо смолчать. Расступившись, они оставили Марка один на один с Тедди.

Дэмьен стоял перед массивным письменным столом, за которым восседал Нефф, перелистывая дело Торна. Наконец, он обнаружил то, что искал. Его палец побежал по списку оценок мальчика.

— Математика, — начал он, — «хорошо». Логика.. «очень хорошо». Военная история... прилично. — Брови его поднялись. — Здесь можно постараться как следует.

— Да, господин сержант. — Дэмьен почти не слушал командира. Он едва заметно покачивался взад-вперед на носках и вслед за Неффом поглядывал в окно, мельком наблюдая, как самый младший взвод высыпал на утреннюю переменку.

— Физические упражнения, — продолжал Нефф, — «отлично». — Он отложил папку и, сцепив пальцы, наклонился вперед. — Я слышал, ты хороший футболист. — Торн вздрогнул. Он знал, что играл неплохо, но не любил говорить об этом. В конце концов, слова ведь ничего не значили. Только действие имело силу.

— Гордись своими достижениями! — рявкнул Нефф, отчего Дэмьен тут же вытянулся по стойке «смирно». — Гордиться — это нормально, правда, когда есть, чем гордиться! — Нефф для верности треснул кулаком по столу.

— Да, господин сержант.

— Я буду присутствовать на сегодняшней игре, — откинулся на спинку стула Нефф. Слова прозвучали скорее как вызов. Дэмьен кивнул. Едва ощутимое, какое-то глубинное волнение опять начинало подниматься в нем. Нефф странным образом действовал на мальчика.

Воцарилось неловкое молчание. Сержант как будто собирался с мыслями. Наконец он прикрыл глаза и проникновенно начал:

— Я здесь для того, чтобы обучать тебя. Но не только. Мне необходимо и... защищать тебя.— Нефф подбирал каждое слово.— Если у тебя возникнет какая-нибудь проблема — приходи ко мне. Не бойся...

«Не бойся?» — мелькнуло вдруг в голове Дэмьена. Он начал внимательно прислушиваться.

— И днем, и ночью, нужен какой совет... приходи ко мне.— Нефф открыл глаза.— Понимаешь?

Дэмьен ничего не понимал, но согласно кивнул.

— Да, господин сержант.

— Скоро мы познакомимся с тобой поближе,— продолжал Нефф. Затем взглянул на папку и ткнул пальцем в соответствующий пункт.— Я вижу, ты сирота.

Мальчик опять кивнул.

Нефф подбадривающе улыбнулся.

— Я тоже,— сообщил он.— Видишь, между нами есть кое-что общее.

Дэмьен удивленно взглянул на сержанта. Он совершенно запутался и не мог объяснить, что происходит. Внезапно улыбка исчезла с лица Неффа, он встал, отвернулся и взглянул в окно. Голос его снова приобрел сухие, казенные интонации. Он вытер лоб и произнес:

— Пришлите Фостера.

Дэмьен бесшумно выскользнул за дверь.

Услышав, что дверь за мальчиком затворилась, Нефф уронил на грудь голову и глубоко вздохнул. Часть сложнейшего дела была сделана.

Дэмьен вышел в коридор как раз в тот момент, когда Тедди нанес сокрушительный удар по Марку. Марк, скорчившись, лежал на полу и прикрывал разбитое лицо руками. Ни секунды не раздумывая, Дэмьен крикнул:

— Тедди!

Странно прозвучал его голос, совсем не похож он был на его прежний мальчишеский, к которому все привыкли. В этом окрике воплотилась пугающая глубина и сила, в нем прозвучала вся резкость команды, которой невозможно не повиноваться.

Верзила обернулся. На губах у него застыла торжествующая ухмылка. Но, заглянув в ледяные, пронзительные глаза Дэмьена, он в тот же момент перестал гримасничать.

Сгрудившиеся вокруг них курсанты замерли в ожидании.

И вдруг послышался какой-то странный звук, похожий на клацанье, как будто хлопали друг о друга тонкие металлические пластинки. Тедди завертел головой в поисках источника шума. Но, казалось, никто, кроме верзилы, и не слышал его. Ребята с удивлением уставились на Тедди. Клацанье становилось все громче, пока не стало ясно, что исходило оно от огромных, сильных крыльев, бьющихся в воздухе прямо над головой верзилы! Тот закружился на месте и истошно завопил:

— Прекрати это!

Он размахивал руками, пытаясь ухватить нечто невидимое, что, похоже, стремительно атаковало его голову. Собравшиеся застыли с открытыми ртами. Дэмьен, казалось, находился в трансе. Марк вскочил на ноги и уставился на Тедди.

И тут внезапно, как будто мощный воздушный поток подхватил верзилу, его приподняло над полом — все выше и выше — и яростно швырнуло о стену!

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге показался Нефф. Неожданное появление командира вывело Дэмьена из транса. Он тряхнул головой и заморгал. Тедди скорчился у стены. Клацанье затихло. Курсанты, не шелохнувшись, стояли как пригвожденные к полу.

— Что это ты делаешь на полу? — поинтересовался Нефф у Тедди.

Тедди не мог говорить. Всклипывая и потирая челюсть, он сделал попытку привстать.

— Кто тебя ударил? — настаивал сержант.

Тедди наконец поднялся.

— Никто, сэр.

— О'кей, — согласился Нефф. — Фостер следующий.

Сержант повернулся и направился в кабинет. Курсант по имени Фостер последовал за ним, тихо притворив за собой дверь.

Установившаяся тишина невыносимо давила. Наконец Дэмьен, протолкнувшись сквозь ряды учащихся, устремился

к выходу. Марк бросился за ним. На полпути Марк схватил брата за руку.

— Что ты с ним сделал? — взволнованно спросил он.

— Я не знаю, — ответил Дэмьен, не понимая, что же произошло на самом деле. Может, он начинает сходить с ума, как и его отец?

— Меня пригласили играть в оркестре, — сообщил Марк.

Дэмьен улыбнулся, искренне радуясь, что предмет разговора наконец переменился.

— Это отлично. — Дэмьен повеселел, мгновенно превратившись в прежнего раскованного и веселого мальчишку. Он захлопал ресницами и легонько ткнул Марка локтем. — Побежали на поле, я тебя сейчас обставлю!

И они помчались, хохоча и улюлюкая, расплескивая вокруг себя веселье и мальчишескую энергию.

Как и все обыкновенные дети.

Особняк Торнов готовился к зиме. Слуги вытрясали пыль из широких белоснежных покрывал и набрасывали их на мебель, отчего дом скоро превратился в некое подобие музея или усыпальницы.

Анна вышла из столовой и по широкой мраморной лестнице взбежала на второй этаж. Эта ежегодная домашняя рутина всегда угнетала ее, хотелось закончить все побыстрее.

Проходя мимо спален, она заметила служанок, собирающих в комнатах грязное белье, и подошла к одной из девушек:

— Мисс Мэрион встала уже, Дженни?

Служанка отрицательно покачала головой.

— Мне кажется, она еще не проснулась, миссис Торн. Я стучала, стучала, но она не отвечает.

— Спасибо, — бросила Анна и заспешила в сторону спальни тетушки Мэрион. Подойдя к дверям, Анна настойчиво постучала.

Ни звука в ответ.

Она приложила ухо к двери, но ничего не услышала.

— Тетя Мэрион, вы хотите опоздать на самолет?

И опять ни звука не донеслось из спальни.

Анна дернула ручку двери и вошла в спальню. Постель была пустой. Несмятые простыня и одеяло свидетельствовали о бессонной ночи тетушки. Анна бросилась в ванную и, не

добежав до нее, обнаружила наконец тетушку Мэрион. Старушка, вытянувшись, лежала на коврике возле кровати.

Тело ее застыло в такой неестественной позе, что было сразу ясно: Мэрион мертва. Старенькая Библия лежала здесь же, в нескольких дюймах от вытянутой руки.

Анна зажала рот рукой, чтобы не закричать, и зажмурила глаза, пытаясь отогнать от себя страшную реальность. И постыдный скандал накануне вечером, и глупые обвинения показались ей в один миг такими бессмысленными и жестокими.

Когда Анна вновь открыла глаза, взгляд ее упал на распахнутое окно. Утренний ветер колебал бледные кружевные занавески.

К югу от Чикаго территория приобретала вид плоской равнины, как в Канзасе. Здесь в основном находились сельскохозяйственные угодья. Новый завод, так приглянувшийся Бухеру, располагался именно в этой местности. Стекланные стены завода простирались, казалось, в бесконечность — не здание, а прямо какая-то научная фантастика, и все это на фоне пейзажа XIX века.

Фантомами из будущего казались и опускавшийся прямо на поле вертолет компании «Торн Индастриз», и небольшой электрокар, поджидающий их. Выглядел электрокар весьма занятно — нечто вроде супертележки для гольфа с вмонтированной внутрь радиосистемой и телевизором.

Управлял электрокаром Дэвид Пасариан, шеф отдела сельскохозяйственных исследований компании Торнов. Это был человек Бухера.

Пасариан был смуглым индейцем небольшого роста. Еще во времена своей юности он испытал на себе, что такое голод, и уж кому, как не ему, было заниматься сельским хозяйством. Отдел Пасариана выискивал все возможные способы накормить ту часть земного шара, которая, к великому негодованию индейца, называлась Третьим миром. Как не понять, возмущался он, что мир-то един, неделим, и либо все будут сыты, либо все будут голодать.

Пасариан вспомнил Бангладеш, где на улицах он видел ребятишек, сбившихся, как дикие собаки, в стайки. Эти высохшие, сморщенные дети со вздутыми от голода животами

готовы были убить за крошку хлеба. Сепаратизм, заложенный в самом словосочетании «Третий мир», бесил Пасариана так же, как и отношение к этим странам его начальника Поля Бухера.

Бухеру было равным счетом наплевать и на детей, и на Третий мир, вместе взятых. Он не замечал вокруг себя ничего, кроме процентов с прибыли или иных голых и холодных цифр. Пасариан ненавидел холодный расчет своего начальника, но успокаивал себя мыслью, что расчет расчетом — Бог с ним, в конце концов, — главное все же заключалось в том, чтобы накормить голодных.

Индеец согласился в конечном итоге на уговоры Бухера встретить Торна. Пасариан сидел сейчас в этой не то тележке, не то напичканном всяким радиооборудованием контейнере.

Вертолет приземлился. Поздоровавшись, мужчины расселись в электрокаре и отправились в поле. Пасариан управлял тележкой, Торн сидел рядом, двое других находились сзади. Бухер с ходу начал высказывать свою позицию, подтвердив все опасения Ахертонна.

— Билл здесь просто ошибается, — склонившись вперед, к самому уху Торна, прокричал Бухер. — В моем докладе подчеркивался неоспоримый факт, что главный интерес для «Торн Индастриз» представляет в текущий момент область энергии и электроники. Я пытаюсь доказать, что, идя на поводу у дурацких предрассудков, мы игнорируем то, что происходит, например, на этом заводе. Сами-то мы при этом рискуем. Ведь наше приносящее доходы будущее — оставим пока в стороне энергию, — Бухер набрал в легкие побольше воздуха, — наше будущее заключается только в одном: в г о л о д е!

Ахертон даже фыркнул от негодования:

— Вот весь ты в этом, Поль, — возмутился он, потряхнув головой. — Это же бессердечно и...

— П р а в д о п о д о б н о! — закончил Бухер. — Нет, это не бессердечие. Это действительность.

Ахертон, наклонившись вперед, к Торну, громко и отчетливо произнес:

— К 1980 году нефть будет обходиться странам Среднего Востока в двадцать миллиардов долларов ежегодно. До процветания, мягко говоря, далековато, здесь не спасет и цена: 1 доллар за галлон. Мы взвалили на свои плечи ответствен-

ность за энергию и перед нацией, и перед всем миром, так давайте же тратить наше время и деньги на ее развитие, на совершенствование ее форм. Как насчет программ, которые мы уже начали разрабатывать в солнечной, ядерной и гравитационной энергетике? Что ж нам — все достижения, имеющиеся у нас в этих областях, списать на мусор? Что, все это зря делалось, зря время, что ли, тратилось?

— Кстати, о времени, Билл, — вмешался Бухер, взглянув на часы. — Пока ты тут взывал к нашим славным достижениям в области энергетике, восемь человек померли с голоду. Вообще каждые шесть тире восемь секунд один человек где-нибудь на земле обязательно отдает Богу душу. От голода. Стало быть, семь человек в минуту. За час — четыреста двадцать. Итого — десять тысяч за день.

Ахертон не скрывал своего презрения.

— К чему ты клонишь, Поль?

— Да все к тому, Билл, — вскипая, нетерпеливо пояснил Бухер, — что не имеет смысла создавать новые источники энергии, если не останется никого в живых, кто бы мог ими пользоваться.

Торн решил, что самое время вмешаться.

— Поль, не мрачноват ли твой прогноз? — засомневался он.

— Страшный день приближается, Ричард, — убежденно заверил Торна Бухер. — И быстрее, чем тебе кажется.

— Ну и дальше что? — спросил Торн.

Бухер испустил какой-то театральный вздох облегчения.

— А я было подумал, что ты не собираешься даже выслушать меня.

Ахертон бессильно откинулся на спинку сиденья и, помрачнев, скрестил руки. Пасариан натянуто улыбнулся. Если всего несколько дней назад эти заявления и походили на искренние, то теперь все это напоминало какое-то представление. Но любой способ, выбранный Бухером для решения очередной задачи, всегда приводил его к намеченной цели.

И пока электрокар катился к теплице, никто из четырех погруженных в спор мужчин не заметил служащего, из всех сил махавшего им. Этот человек пытался привлечь внимание Ричарда Торна. Дело в том, что за несколько минут до настоящего момента раздался телефонный звонок. Ричарда Торна спрашивали по чрезвычайно важному и безотлагательному делу.

В теплице четверо мужчин продвигались по длинному проходу среди безбрежного океана зелени. Они молча шли, потрясенные окружающим многообразием. Наряду с овощами каких-то невероятно огромных размеров здесь приютились миниатюрные растения в тепличных ящичках. Бухер краем глаза заметил, что даже Ахертон восхищен. Но, несмотря на внутреннее волнение, Бухер напустил на себя строгий и сдержанный вид и продолжал бубнить голосом, похожим на молитву:

— Жил однажды человек, — монотонно рассказывал он, — который спросил: «Можете ли вы вспахать море?» Люди решились, что он свихнулся. Но человек этот не был сумасшедшим, он всего-навсего опередил свое время. Ибо сегодня на этот вопрос мы можем ответить утвердительно и не просто «можем ответить», а и обязаны это сделать. Начало положит гидропоника. — Они двигались вдоль овощей, значительно более ярких, чем обычно. Наконец мужчины очутились в помещении, где были выставлены кое-какие технические экспонаты. Стенды пестрели картами и графиками.

— Вот здесь, — указал Бухер на тщательно выполненный макет, — вы видите современного фермера таким, каким он будет. Вот он сидит за контрольным щитом в центральной башне. Монитор компьютера выдает ему информацию о состоянии полей. Миниатюрный воздушный аппарат с дистанционным управлением посылает на землю ультразвуковые волны, которые вместо самого фермера прекрасно управляют со вспашкой. Его автоматы могут собирать, сортировать и раскладывать по ящикам сельскохозяйственные продукты. И все это с помощью механических пальцев, так же управляемых компьютером.

Ахертон обрел наконец дар речи.

— А что со всего этого будет иметь, к примеру, голодающий китаец?

— Да, это не накормит их, — взбесившись, выкрикнул Бухер. — Китайцы, видите ли, гордятся, что в состоянии сидеть на одной чашке риса в день, но чем же здесь гордиться? И нам придется накормить этих людей! — В этот момент Бухер, бесспорно, оседлал своего любимого конька. — Чтобы добиться этого, надо вспахать океаны, разработать новые виды быстрорастущего риса, произвести горы искусственного мяса. И мы — «Торн Индастриз» — обязаны возглавить все

это. Мы будем владеть землей или брать ее в аренду. Мы будем контролировать урожай и прирост животных. Мы произведем такие удобрения, что заставят пищу расти, как на дрожжах, мы спроектируем и построим машины, которые превратят бесплодные земли и отравленные моря в цветущие сады.

— А вы-то какое место во всей этой утопии займете? — презрительно бросил Ахертон. — Царское, что ли?

Бухер ни на грамм не обиделся. Произнеся весь этот монолог, он оглянулся на зеленый океан и, опять погрузившись в себя, заговорил:

— Вы знаете... однажды жило одно весьма примитивное племя высоко в горах Мексики. Жили туземцы на очень плодородной земле, но они не умели ее обрабатывать. Где-то рядом находилась американская строительная компания, прокладывающая в тех местах дороги. Закончив свои работы, компания подарила этому племени трактор. Туземцам подробно объяснили, как управлять машиной. И вот, когда они научились вспахивать свои поля, что они сделали с трактором?

— Они его съели, — заявил Пасариан, впервые за это утро нарушив молчание. Было непонятно, осознал ли Бухер сарказм в словах индейца, во всяком случае он проигнорировал это заявление.

— Туземцы вознесли трактор на алтарь и обожествили его. Они всем племенем валились перед ним на колени и молились.

Ахертон вдруг весь похолодел.

В этот момент к ним подбежал техник в белом халате.

— Извините, мистер Торн, — вмешался он в разговор, — вас просят к телефону. Срочно.

Поблагодарив техника, Ричард извинился перед всеми и направился к телефону. Жаркий спор тем временем продолжался.

— Нефтяные страны, не колеблясь ни секунды, приставили к нашему горлу нож, разве не так? — неистовствовал Бухер. — Почему же в отношении еды мы должны поступать по-другому?

— Если мы собираемся превратить всех голодных в наемных фермеров, — с трудом сдерживая захлестнувшую

ярость, проговорил Ахертон,— почему бы нам заодно не превратить их в рабов?

— Потребителей, а не рабов,— раздраженно поправил Ахертон Бухер.— Дело ведь в том, что мы накормим их!

И как бы Пасариану не нравились мотивы, двигавшие его начальником, главной заботой индейца всегда оставалась возможность прокормить всех голодающих.

— Я вынужден согласиться с Полем,— заявил Пасариан.— Думаю, нам надо разработать это направление.

Тут они заметили Ричарда. Он был бледен.

— Мэрион скончалась вчера ночью,— произнес он.— Сердечная недостаточность.

Ахертон был в шоке.

— Господи, Ричард. Искренне сочувствую.

Торн рассеянно кивнул: мысли его уже были заняты предстоящими похоронами.

— Видимо, мне придется покинуть вас,— обратился он к Ахертону.— Ты не подбросишь меня к вертолету?

— Конечно,— согласился тот.

— Поль,— продолжал Торн,— пожалуйста, доберись до телефона и предупреди директорат. И еще проследи, чтобы во все зарубежные представительства были разосланы телеграммы по поводу статуса управляющего заводом.

— Сделаю, сделаю,— заверил его Бухер.

— Собрание через десять дней. А похороны — через три дня. Надо еще сделать взносы в Кардиоционный Фонд. О банках и Уолл-Стрит я сам позабочусь.— Ричард распрощался со всеми и направился с Ахертонem к выходу.

Бухер поймал его за рукав.

— Ричард,— начал он,— может быть, позавтракаем завтра вместе и закончим наконец обсуждение этого проекта?

Ахертон негодующе отшатнулся, Ричард же спокойно отнеся к этому предложению.

— Да, конечно,— согласился он,— приходи завтра ко мне домой часам к восьми.

Пасариан покачал головой. Да, этот не теряет времени даром. Старушка умерла. «Ну, так что из этого,— сказал бы Бухер,— другие-то продолжают жить». Конечно, Поль добьет Торна, и решающим мнением в компании будет мнение Поля Бухера.

Бухер прервал ход мыслей Пасариана.

— Значит, Торны уже переехали в город? — поинтересовался он.

— Сегодня, — кивнул индеец.

— Опять зима, — подытожил Бухер. И отправился на поиски телефона, чтобы выполнить инструкции Торна.

Даже своей смертью Мэрион Торн причиняла всем массу неудобств.

В этот самый момент неподалеку от Гибралтарского пролива на высоте тридцать тысяч футов над Атлантическим океаном летел реактивный самолет. Поднявшись из аэропорта в Тель-Авиве, он направлялся на Запад.

На борту в туристском салоне сидела очень привлекательная рыжеволосая англичанка с сияющими глазами. Это была Джоан Харт. Как и сообщал доктор Уоррен, она предприняла это путешествие, чтобы взять интервью у Ричарда Торна. Но не голое любопытство — как предположил Торн — вынудило Джоан сорваться с насиженного места.

С момента исчезновения ее друга Майкла Моргана прошло уже семь лет. За это время Джоан сама провела кое-какие расследования: она подробно изучила Библию и ту серию необъяснимых фактов, которые были связаны с рядом странных смертей. И все это каким-то непостижимым образом вертелось вокруг одного маленького мальчика — Дэмьена Торна.

Джоан уверовала наконец, что Бог выбрал ее своей посланницей. И хотя Бугенгаген пытался сделать когда-то своим духовным последователем Майкла, выбору его не дано было осуществиться. Но тогда, на той встрече, присутствовала Джоан — она слышала все и поняла, что это не было простым совпадением. И та Сила, что привела ее в тот жаркий полдень семь лет назад в кафе, заставляла теперь сделать так, чтобы новый Антихрист не дожил до своего тринадцатилетия. Ибо в этот день Антихрист узнает, кто он, и тогда уничтожить его будет практически невозможно.

Джоан выпала участь Кассандры: ей никто не верил. Все, кто ее раньше знал, подшучивали над ней и утверждали, что пророчества Джоан — это очередная блажь, которая скоро пройдет. Люди незнакомые шарахались от нее, как от безумной.

До некоторого времени и сама Джоан не вполне была уверена в здравости своего рассудка. Еще неделю назад ее мучили сомнения. И тут ей поручили сделать репортаж о раскопках в замке Бельвуар. Она давно ждала этого момента. Бродя среди раскопок, Джоан обнаружила останки двух мужчин, живших, без сомнения, в XX веке. Она легко опознала их. Очень внимательно рассмотрела Джоан и стену Игаэля.

Вот тогда-то она все осознала и решила лететь в Штаты, чтобы рассказать Ричарду Торну правду. Надо было предупредить о страшной угрозе всех тех, кто находился уже в непосредственной опасности, ибо Сын Дьявола пребывал среди них.

Трудная и опасная была эта миссия, но Джоан стремилась выполнить ее с тем экзальтированным восторгом, который свойствен только истинным верующим.

Глава третья

Столовая в чикагском доме Торнов, отделанная темными деревянными панелями, выглядела элегантно, мебель была изготовлена из хромированного металла в сочетании со стеклом и мягкой коричневой кожей. Обычно Торн завтракал в светлой и просторной комнате рядом с кухней. Но сегодня это был не совсем обычный завтрак, и Ричард решил перекусить в более строгой обстановке. Для встречи с Бухером он выбрал столовую.

Они уже доедали грейпфрут, но ни один из мужчин так и не мог решиться заговорить о деле, ради которого, собственно, и была назначена сегодняшняя встреча.

— И когда же вы планируете открыть эту выставку? — спросил Бухер, проявляя нарочитый интерес к археологическому хобби Торна.

— Это зависит от того, когда из-за границы придут последние контейнеры, — пояснил Торн. — Ориентировочно мы планируем ее к Пасхе. А твой доклад, Поль, был просто великолепен. Я никак не могу понять, как ты умудрился подготовиться к нему всего за месяц.

— Но... — протянул Бухер, соображая, как бы поскорее коснуться в разговоре необходимой темы. — Но... я не уверен,

что осуществление этого проекта надо начинать с ходу, без полной поддержки всей нашей верхушки.

— М-да, к тому же, насколько я понял, Билл Ахертон против проекта.

— Да, и я ему доверяю. Тебе тоже следует доверять Биллу. Он, конечно, не из этих скороспелых всезнаек, но дело свое знает.— Торн отхлебнул глоточек кофе.— Я бы советовал тебе наладить отношения с Биллом. Это подстегнуло бы твоё продвижение в компании.

Бухер понимал, что его следующее заявление связано с определенным риском, но все же решился:

— Ричард, если Билл Ахертон не прекратит травить меня и моя карьера будет зависеть от каких-то реверансов в его сторону, то, может быть, лучше мне уволиться из компании?

— Чепуха,— возмутился Торн. Затем с улыбкой добавил: — Твое время еще придет.

Бухер, торжествуя в душе, удовлетворенно кивнул.

— Ладно,— согласился он,— отброшу пока эти мысли, а про себя подумал: «Пока, до того момента, когда действительно придет мое время».

Закончив завтрак, мужчины спустились к автомобилю. Торн, несмотря на смерть тетушки Мэрион, вынужден был лететь в Вашингтон, где у него была назначена важная встреча. Водитель лимузина поджидал его, чтобы отвезти в аэропорт. Прощаясь, Торн обратился к Бухеру:

— Ты придешь на день рождения мальчиков в этот уик-энд? В домик на озере?

— Ни за что не упущу такую возможность,— подыграл Поль Торну в попытке загладить их отношения. Он с удовольствием принял необходимое условие этой джентльменской игры.— А озеро уже замерзло?

— Спрашиваешь! — Торн положил руку на плечо Бухера.— Захвати с собой коньки.

Поль, улыбнувшись, помахал Ричарду рукой и заспешил на угол ловить такси. Внутренне он покатывался со смеху, представляя себе Билла Ахертон на коньках в накинутах поверх тройки пальто и шарфе, спотыкающегося на льду озера. Вот будет потеха.

Взявшись за ручку автомобильной дверцы, распахнутой Мюрреем, Торн услышал за спиной женский голос, принадлежащий, очевидно, англичанке:

— Мистер Торн? О, мистер Торн!

Он оглянулся и увидел необычайно привлекательную женщину, которая неистово махала ему, бросившись наперерез. На ней было ярко-красное шерстяное пальто с пушистым меховым воротником такого же цвета, красные перчатки, черные кожаные сапоги на высоких каблуках. На плече висела большая кожаная черная сумка. Улыбка у незнакомки была совершенно обворожительная, но какая-то неуловимая натянутость скользила в ней.

На секунду-другую Торн опешил. Что-то знакомое почувствовалось ему в облике этой сногшибательной женщины, но он наверняка знал, что не встречал ее раньше. И тут Ричард наконец вспомнил, где он видел эту женщину: на одном из слайдов Уоррена она стояла подле фигуры Вавилонской блудницы.

Это была Джоан Харт, репортер. Приятное впечатление, вызванное видом этой красивой женщины, ищущей с ним встречи, тут же рассеялось. Она была всего-навсего репортером. И, как сообщал доктор Уоррен, намеревалась выцуганить у него интервью. Но Джоан Харт уже стояла рядом с ним.

— Извините, что пришлось кричать, но я никак не могла упустить вас...

— Ничего,— холодно перебил ее Ричард. Он понимал, зачем она здесь, и не собирался отвечать на ее наверняка бестактные вопросы.

— Меня зовут Джоан Харт. Полагаю, Чарльз Уоррен рассказывал вам обо мне.

— Да, рассказывал. И я просил его передать вам...

— Он говорил, говорил,— нетерпеливо прервала Ричарда Джоан. Затем, сменив вдруг тему, почти жалобно продолжила: — Здесь жуткий холод. Не лучше ли нам посидеть в вашем автомобиле, пока вы мне объясните, почему отказались от интервью?

Торн нехотя улыбнулся.

— Из вас могла бы получиться настоящая леди.— Он указал Джоан на просторное заднее сиденье автомобиля.

Как только они уселись, Джоан залезла в свою сумку и принялась там копошиться. «В этой огромной сумке,— подумалось вдруг Ричарду,— могло бы уместиться обширное досье на Бугенгагена от рождения и до смерти старика». Вне-

запно Джоан вытащила из своей сумки дорогой шелковый платок, который любая другая женщина с удовольствием носила бы на шее, и высморкалась в него.

— В холодную погоду я становлюсь жуткой развалиной.

— Мисс Харт, — начал Торн.

— Знаю, знаю. Вы на дух не переносите репортеров.

— И, кроме того, я очень спешу в аэропорт, — добавил он.

— Только несколько минут. Это все, о чем я вас прошу.

— Но я не могу опоздать на самолет. Может быть, мы встретимся в другое время?

— Мне всегда казалось, что самолет может подождать Ричарда Торна.

— Только не этот.

— Ну что ж, тогда я буду сопровождать вас в аэропорт. — Джоан неотразимо улыбнулась. — А куда вы летите?

Торн нажал кнопку переговорного устройства, позволявшего ему общаться с Мюрреем через толстое стекло, разделявшее их.

— Трогайте, Мюррей.

Затем, отключив связь, повернулся к Джоан:

— В Вашингтон.

Джоан опять улыбнулась.

— Никого не ждущий самолет номер один. А чем вы занимаетесь? Советуете Президенту, как управлять страной?

— Нет, — ответил Торн, находя занимательным ее юмор. — Только госсекретарю. Ну а чем я вам могу быть полезен?

Джоан Харт снова потянулась к своей сумке и вытащила маленькую записную книжку в кожаном переплете и золотой карандашик. Женщина тут же преобразилась, будто попавшие к ней в руки записная книжка и карандашик наделили ее особой силой. Она превратилась в бесстрастного профессионального репортера; подобно Бугенгагену, извлекающему из-под земли свои реликвии, Джоан факт за фактом вытягивала сведения из своей очередной жертвы.

На полпути в аэропорт Торну порядком надоела эта игра в интервью.

— Мисс Харт, вы уже задали мне семь вопросов, и все они почему-то связаны с деньгами, — заявил он.

— Деньги заставляют крутиться весь мир, не так ли?

— Да, и не только мир,— вставил Торн.

Джоан заметила, что Ричарда начинает охватывать раздражение, но она никак не могла сказать ему самого главного. Еще не время. Чуть-чуть позже.

— М-м-м, ваш отец построил музей,— она взглянула в записную книжку,— в 1940 году. Во что это ему обошлось?

— Порядка десяти миллионов или что-то около этого.

— Ну да, миллионом больше, миллионом меньше,— засмеялась Джоан.— Когда ваш отец впервые приехал в Чикаго, он устроился на биржу?

— Правильно.

— Скажите, а не заставлял ли он вас и вашего брата Роберта лезть в холодную ванну или спать на досках, дабы испытать на своей шкуре, что значит быть бедным?

Торн расхохотался.

— Кто же вам такое наплел о нас?

В этот момент лимузин резко затормозил. Они подъехали к разводному мосту около Мичиган Авеню. Сигнальные звонки и сверкающие красные огоньки на шлагбауме предупреждали: мост вот-вот разведут, чтобы пропустить судно. Ричард выглянул в окно и узнал танкер, принадлежащий «Торн Индастриз». Дорогу Торну пересекало его собственное судно.

Джоан Харт воспользовалась этой задержкой и внезапно повела атаку:

— Вы когда-нибудь встречались с Бугенгагеном?

— Нет,— ответил Торн, почувствовав, как резко сменила Джоан тактику.

— А вы знаете, что он был не только археологом? Бугенгаген был прежде всего экзорсистом — изгоняющим Дьявола.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к...

— Его скелет нашли при раскопках замка Бельвюар,— не обращая внимания на реплику Ричарда, продолжала Джоан.— Вы об этом не знали?

— Чей-то скелет, мисс Харт. По-моему, официально его пока не идентифицировали.

В голосе женщины звучала твердая уверенность.

— Там нашли два скелета, мистер Торн. Один — Бугенгагена, а второй — молодого археолога по имени Майкл Морган. Майкл был моим женихом. Я встречалась с ними в день их исчезновения.

Как раз в эту минуту шлагбаум был поднят, и Мюррей завел мотор. Торн в бешенстве нажал кнопку переговорного устройства.

— Мюррей, подождите. Мисс Харт выходит.

Джоан скороговоркой выпалила:

— За неделю до своей гибели ваш брат прилетел в Израиль для встречи с Бугенгагеном. А через несколько дней после его смерти Бугенгаген и Майкл Морган были заживо похоронены. Вас не настораживает все это, мистер Торн?

«Ну вот, этого еще не хватало, — решил Ричард. — Сейчас она мне выдаст, кто убил Кеннеди». Ледяным голосом он отчетливо произнес:

— Не заставляйте меня вышвырнуть вас, мисс Харт. Мы задерживаем движение.

— А вы знаете, почему полиция застрелила вашего брата? — В дико сверкавших глазах Джоан появилось какое-то безумие. — Вам известно что-нибудь о кинжалах?

Мюррей вышел из машины и распахнул заднюю дверцу.

— Мне одно известно: вы напрасно тратите свое и мое время.

— Пожалуйста, выслушайте меня! — умоляла женщина. — Я долгие годы потратила на изучение всего этого! Все сходится... и теперь...

Ричард застонал. Только не это. Он было решил, что призрачная мистическая пелена вокруг гибели брата навсегда рассеялась. Не тут-то было.

Мюррей грубо схватил Джоан за рукав. Цепляясь за сиденье, она воскликнула:

— Вы в смертельной опасности!

— Убирайтесь отсюда! И чтобы я вас никогда больше не видел! Ясно?

— Обратитесь к Христу! — воскликнула Джоан.

— Мюррей, ради Бога!

— Поверьте в Христа! — рыдала она.

Мюррей вытащил ее из машины и захлопнул дверцу. На улице Джоан продолжала кричать:

— Ради Б о г а! Только он может защитить вас! Взгляните же на стену Игазля, мистер Торн! Вглядитесь в лицо Сатаны и скажите наконец, чье это лицо!

— Мюррей, черт подери, да поехали же поскорее от этой ненормальной! — заорал Торн.

Мюррей вскочил в машину и завел мотор.

Машина набрала скорость. Джоан застыла посреди дороги, слезы отчаяния струились по ее лицу, а холодный ветер пытался сорвать ярко-красное пальто с ее дрожащих плеч.

Когда Реджинальд Торн вздумал воздвигнуть себе монумент, идея создать музей пришла к нему как нельзя более по душе. Он отправился к своему старинному приятелю — помощнику главного чикагского архитектора, чтобы обсудить с ним эту мысль.

Торн предпочел неоклассицизм. Ему хотелось, чтобы здание через десятки лет не выглядело рухлядью. Долго и тщательно присматривался старик к архитекторам, пока не остановил свой выбор на уверенном в себе и полном сил молодом человеке, которого порекомендовал Торну его друг.

Приятель не подвел его. Он познакомил Торна с Фрэнком Ллойдом Райтом, и план создания музея немедленно начал претворяться в жизнь.

Сегодня, почти сорок лет спустя, музей Торна выглядел по-прежнему современно и восхитительно, как будто был построен неделю-другую назад. Музей расположился на берегу озера Мичиган и фасадом был обращен к наиболее роскошным кварталам Мичигана. Ни одно соседнее сооружение не превосходило красотой и элегантностью здание музея.

Когда такси с сидевшей в нем Джоан Харт затормозило перед музеем, в глаза ей бросились афиши, сообщающие о выставке полотен Эдварда Мюнха. На афишах была изображена наиболее известная и шокирующая картина художника под названием «Крик». Вдруг Джоан как вкопанная застыла перед картиной. Она сочла ее за знак свыше и, вновь обретя утраченное вдохновение, вошла в музей.

Очутившись в огромном зале с устремленными к небу потолками, Джоан на мгновение почувствовала себя крошечной и незащищенной. Но она твердо знала, зачем пришла сюда, и собралась с духом. Гид направил Джоан в галерею на втором этаже, где Чарльз Уоррен готовил выставку реликвий, найденных несчастным Бугенгагеном при раскопках в Бельвуаре.

Уоррен, окруженный бесчисленными планами и фотографиями, объяснял Анне Торн, как он предполагает расположить будущую выставку. Анна давно сделала для себя выбор,

остановившись на музее, и частенько интересовалась его делами. Но никогда еще Уоррен не наблюдал в ней такого любопытства, какое проявила Анна к находкам из Бельвуара.

— Мы собираемся реконструировать катакомбы вон там, в конце. — Уоррен указал на план. — По этому маршруту посетители будут переходить из галереи в галерею, и даже издалека какая-то часть катакомб будет всегда видна. Заканчивая маршрут, посетители пройдут по ним.

— Заманчиво, — похвалила Анна.

Уоррен благодарно заулыбался.

— Да, мне тут сообщили, что после моего отъезда раскопали кое-что, называемое стеной Игаэля. После реставрации ее пришлют сюда. — Он указал на еще одно помещение в плане. — Эту галерею я держу про запас, так, на всякий случай.

После упоминания о стене Игаэля любопытство Анны достигло апогея.

— А кто такой был этот Игаэль? — поинтересовалась она.

— Весьма загадочная фигура, — начал объяснять Уоррен, — монах и изгоняющий Дьявола. Предполагается, что он жил в XIII веке. Как повествует легенда, однажды ему явился Сатана, и бедный монах сошел с ума

Уоррен ожидал, что Анна, подобно большинству людей, рассмеется, но, к его удивлению, она даже не улыбнулась. И он продолжал:

— Затем Игаэль заперся от всего мира. Лицо Сатаны преследовало его, видимо, так неотступно, что монах решил нарисовать Антихриста, каким он его видел — от рождения и до падения, видя в этом единственный выход избавиться от наваждения. Самого Игаэля никто никогда не видел. Только его стену.

— Я просто сгораю от нетерпения взглянуть на нее, — взволнованно произнесла Анна. Ученый как будто околдовал ее своим рассказом.

— А теперь, — сказал Уоррен, снова указывая на план, — относительно вашего любимого экспоната — Вавилонской блудницы! Ее мы установим здесь, посреди галереи номер 4. Таким образом, никто из посетителей не пропустит ее.

В галерею неожиданно вошла Джоан Харт.

— Джоан, — удивленно и радостно воскликнул Уоррен. — Отлично! Когда вы прилетели?

— Прошлым вечером, — натянуто улыбнулась Джоан, пытаясь держать себя в руках, так рвалось наружу все то, ради чего она сюда пришла.

— Анна, — обратился к жене Торна ученый, — это Джоан Харт, молодая женщина...

— С вашего слайда, — закончила Анна. Когда дело касалось красивых женщин, у нее срабатывала фотографическая память.

Уоррен кивнул.

— Да, стоящая рядом с Вавилонской блудницей.

Анна хотела тут же съязвить на этот счет, но прикусила язык.

— Я — Анна Торн. А вы, видимо, пытались взять интервью у моего мужа.

— Я уже взяла его.

Уоррен взбесился.

— Я же ясно сказал вам... — начал он.

Но Джоан оборвала его:

— Вы себе не представляете, насколько это было важно. И ваше «нет» не могло остановить меня.

— Вы, должно быть, умеете убеждать, — проговорила Анна уже менее дружелюбно. — А как вам вообще удалось к нему попасть?

Джоан при желании могла вести себя вызывающе, и ей вдруг захотелось подразнить Анну:

— Я бросилась ему на шею! — воскликнула она. — Прямо в его огромной сверкающей машине.

— Да-а? — протянула Анна. — Я уверена, он был в восторге.

— Ну, сначала не очень-то, — принялась напропалую врать Джоан, испытывая к Анне неосознанную неприязнь. — Ваш муж, конечно, не очень высокого мнения о репортерах, не так ли?

— Он считает, что они существуют за счет несчастий других людей, — заявила Анна, голосом давая понять, что это также и ее мнение.

Джоан расплылась в улыбке.

— Как шакалы? — спросила она, пытаясь выведать, насколько хорошо осведомлена жена Торна.

— Отличное сравнение, — парировала Анна. Лицо ее оставалось бесстрастным.

Уоррен не знал, как выпутаться из этой ситуации, и сделал попытку сгладить разгоравшийся конфликт:

— Джоан пишет в основном на тему археологии, — робко пояснил он.

— Неужели? — ядовито улыбнулась Анна.

В этот момент визгливо засигналил карманный биппер. Уоррен, как правило, негодовал на это маленькое пискливое устройство, но сейчас обрадовался возможности выйти из конфликтной ситуации при помощи этого миниатюрного аппарата.

— Через минуту вернусь, — заверил он женщин.

— А знаете, — как бы между прочим заявила Джоан, — ваш муж несправедлив к прессе. Репортеры деликатно относились к его брату.

— Что вы имеете в виду? — вскинулась Анна, не понимая, к чему клонит Джоан.

— Отчет о гибели Роберта Торна был выдержан в очень уважительном тоне. Хотя, строго говоря, обстоятельства его смерти были весьма необычными.

— Разве? — спокойно заметила Анна. — Я, к сожалению, ни разу не встречалась с братом Ричарда.

Джоан изобразила на лице удивление.

— Конечно, конечно! Что же это я все время забываю! Вы же вторая жена Ричарда!

— Мисс Харт, — начала терять терпение Анна.

— А теперь позвольте мне быть с вами откровенной, — не обращая внимания на попытку Анны вмешаться, продолжала Джоан. — Марк — сын Ричарда от первой жены, а Дэмьен — сын его брата. Получается, что вы не являетесь матерью ни одному из мальчиков!

— Вы, должно быть, пишете для какого-нибудь женского журнала! — взорвалась Анна.

— А Дэмьен, — настаивала Джоан. — Что вы можете сказать о нем? Что это за мальчик? Нравится ли ему Военная Академия?

Анна не успела ответить, так как в галерею ворвался Чарльз Уоррен.

— Анна, — закричал он, — ни слова больше этой женщине! — Ученый грубо схватил Джоан за плечи и подтолкнул к дверям. — Вы превратили меня в посмешище, — с болью говорил он. — Ричард в бешенстве!

Терять Джоан было нечего.

— Вы в опасности! — отчаянно воскликнула она хриплым голосом. — Все вы!

— Да что же это такое в вас вселилось? — Уоррен выталивал Джоан из галереи, подальше от Анны.

— Я видела стену Игаэля! — вскричала она, будто это могло что-то объяснить.

На Уоррена это не произвело никакого впечатления.

— Мне все равно, что вы там видели!

— Но вы обязаны быть начеку! — Джоан вырвалась наконец из тисков и повернулась к Анне. — Дэмьен...

— Что Дэмьен? — резко спросила Анна.

— Он... он... — залепетала Джоан и, внезапно замолчав, стремительно бросилась вон из галереи. — Я не знаю! — крикнула она на ходу.

Анна медленно повернулась к ученому.

— Черт подери, что все это значит?

Уоррен грустно покачал головой.

— Понятия не имею. Христос любит нас всех. Но только очень немногие — весьма необычные люди — по-настоящему любят Его!

Он был серьезен, но Анне его замечание показалось невероятно забавным. Улыбнувшись, она крепко обняла ученого, и оба вернулись к обсуждению будущей выставки, забыв о странной Джоан Харт, будто ее и не было вовсе.

Однако, несмотря на то, что и Уоррен, и Анна заподозрили Джоан в безумии, она никогда еще не действовала так четко и целенаправленно.

Преследуемая демонами и, как ей казалось, сама бросившаяся по следу одного из них, Джоан точно знала, что ей делать.

Выскочив из музея, она напрямик направилась в бюро проката автомобилей, над дверями которого красовался лозунг: «Мы изо всех сил стараемся». Арендовав машину, Джоан тут же помчалась на север Чикаго. Через некоторое время она уже тормозила у Военной Академии, где учились Дэмьен и Марк. Шла тренировочная футбольная игра.

Будь игроки на футбольном поле несколько старше, неожиданное появление Джоан могло бы стать причиной всеобщего смятения. Она безусловно являлась самой красивой

из всех женщин, побывавших здесь за последнее время, а напряжение, отразившееся, на чудесном лице, добавило ей еще больше привлекательности.

Однако сегодня здесь не было никого, кто бы мог заметить Джоан: единственными зрителями на футбольном поле были несколько родителей, которые подбадривали своих драгоценных чад. Расположившись отдельными группками, они целиком сосредоточились на игре.

Заметить Джоан мог бы, конечно, Нефф, но он с таким напряжением следил за ходом игры, будто ребята сражались за суперкубок.

Рядом с Джоан Харт стоял паренек, который, судя по форме, был курсантом. Профессиональным взглядом Джоан моментально оценила ситуацию: мальчишка был какой-то хлипкий, прыщавый, на нос ему сползали очки с толстенными линзами. Все его внимание было поглощено футбольным полем. Скорее всего этот паренек испытывал юношеское, сексуальное влечение к стройным мальчикам. Было совершенно очевидно, что один из игроков — его кумир. В иной ситуации Джоан Харт с удовольствием побилась бы об заклад, чтобы угадать, кто же этот кумир. Но сейчас ей хотелось только одного: знать, играет ли Торн и который из мальчиков Дэмьен. Под тяжелыми шлемами было совершенно невозможно разглядеть лица мальчиков. Джоан уже собралась спросить прыщавого мальчишку, но в это время Нефф объявил перерыв в игре. Джоан не расслышала слов сержанта. Она легонько похлопала подростка по плечу и, прервав его оцепенение, громко спросила:

— Дэмьен Торн играет?

Один из игроков неожиданно повернулся и впился глазами в спину Джоан Харт. Женщина всем телом ощутила этот пронзительный взгляд и резко обернулась. Ей почудилось, что она уже видела эти злобные желтые кошачьи глаза.

Внезапно игрок сбросил шлем, и Джоан в ужасе отпрянула. У него было такое же резко очерченное лицо, что и на картине в Эйкре.

— Вон Дэмьен Торн, — указал хлипкий курсант, но Джоан и сама уже знала это. Она безоговорочно верила в существование Дьявола, но, неожиданно узрев его в человеческом обличье, запаниковала и отступила.

Джоан повернулась и, еле передвигая ноги, поплелась прочь с игрового поля, изо всех сил пытаясь выглядеть естественно. Но, не успев пройти и десятка шагов, она ощутила вдруг такой ужас, что побежала; все быстрее и быстрее несли ее ноги. Так, не разбирая дороги, она долетела, наконец, до автомобиля.

Ее обдало жарким потом; под лопатками, как раз в месте, куда уставились жуткие желтые глаза Дэмьена Торна, горело. Плюхнувшись на сиденье автомобиля, Джоан услышала резкий окрик Неффа:

— Торн, что уставился, как баран на новые ворота?

Лопатки перестали гореть. Джоан с трудом откопала в своей сумке ключи зажигания, ткнула ими в замок — не заводится, еще раз — опять не получилось. Наконец двигатель заработал. Зашуршали по гравию шины, и машина покатила прочь от Дэвидсоновской Академии.

Джоан направлялась на север. По идее ей нужно было бы развернуться и ехать напрямик в Чикаго, но она понимала, что там ей не на кого рассчитывать.

К кому обратиться за содействием? Чьей помощью Джоан могла заручиться в борьбе против мощной, хитрой и всепроникающей Силы?

Она чисто механически продолжала крутить руль, полностью уйдя в себя. Подальше, подальше от этой страшной Академии.

Некоторое время спустя Джоан поняла, что заблудилась. Сосредоточившись, она огляделась и решила, что заехала далеко в глубь штата. Кругом раскинулись бывшие фермерские угодья. Местность была плоская, и Джоан тут же вспомнились крошечные, гладкие облатки, что выдавали в церкви по воскресеньям.

Горизонт простирался до бесконечности. На триста шестьдесят градусов вокруг Джоан лежала замерзшая, унылая равнина. Дорога, по которой катил автомобиль, похоже, была единственной. Она пересекала местность, и Джоан подумала: «Как кинжал Бугенгагена».

Внезапно налетел ураганный ветер. Несколько деревьев надломились. Женщину опять пронзило леденящее чувство страха. Она попыталась сообразить, как ей вернуться в Чикаго или хотя бы найти какое-нибудь пристанище на ночь.

В этот момент движок в автомобиле забарахлил и спустя какое-то время заглох.

Так же внезапно затих и ветер. Некоторое время автомобиль еще катился по инерции, затем застыл посреди дороги.

Воцарилась абсолютная тишина. Вокруг не было ни одной живой души.

Джоан еще раз нажала на педаль газа, подергала ключ зажигания.

Ни звука в ответ. Она взглянула на бензинный индикатор. Бак был наполовину заполнен.

Выходит, причина не в этом.

Внезапно она вспомнила, как погибли Бугенгаген и Майкл Морган, и почувствовала озноб. Но Джоан не смирилась. Крайнее возбуждение охватило ее: бешено билось сердце, кровь стучала в висках. Джоан с неистовой спешностью прокручивала в мозгу все возможности и лихорадочно искала выход, понимая, что находится перед лицом смертельной опасности.

Судорожно вздыхая, она начала бормотать какие-то слова: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да и придет Царствие Твое...» Молитва оборвалась. Джоан взглянула на дорогу. Никаких признаков жизни.

И вдруг она заметила придорожный знак, хотя могла бы поклясться, что еще мгновение назад его тут не было. Старый и обшарпанный, он выглядел так, будто торчал здесь со времен менестрелей. Надпись на нем гласила: «Местечко Нэнси. Вкусно и по сходной цене». И затем более существенная информация: «3 мили».

Если бы Джоан чуть-чуть получше знала эту местность, она бы сообразила, что бесплодность этого района напроочь исключает какое-либо «Местечко Нэнси». Но она предпочла поверить в то, что где-то здесь поблизости находится уютный ресторанчик, где люди могут спокойно поесть, поболтать и вволю повеселиться.

Ей нестерпимо захотелось туда, к людям.

Джоан открыла дверцу и выбралась из автомобиля. Сильно похолодало. Она наклонилась, чтобы вытащить свое пальто, и вдруг услышала отрывистые хлопающие звуки. Затем с крыши автомобиля донеслось странное царапанье.

Джоан резко выпрямилась и замерла в ужасе. На крыше, не более чем в двух дюймах от ее лица, сидел, нахохлив-

шись, огромный черный ворон. Он с ненавистью уставился на женщину.

Джоан завизжала и, споткнувшись, еле удержалась на ногах. Ворон пристально следил за ней — таким же пронизывающим был и взгляд Дэмьена там, в Академии. Женщина замахнулась на ворона своим пальто, но огромная птица даже не шелохнулась.

Джоан захлопнула дверцу и начала натягивать пальто, не отрывая взгляда от ворона. Ворон сидел неподвижно, казалось, он пребывал в полной уверенности, что одним взмахом крыльев достанет женщину. Джоан пятилась все дальше и дальше в сторону от «Местечка Нэнси». Вот уже от ворона ее отделяло добрых сорок ярдов. Она опустила голову и, сцепив руки, пробормотала еще один отрывок из молитвы. Как заклинание звучали слова Иисуса Христа из Евангелия от Луки: «Я даю вам власть наступать на змей, и скорпионов, и на всю силу вражью; и ничто не повредит вам». Затем Джоан еле слышно прошептала: «Слава Тебе, Господи», — и взглянула вверх. Ворон у л е т е л.

Джоан вскрикнула от радости. Значит, то, во что она верила, — правда! Иисус о б л а д а л силой, он смог изгнать зло!

Но неожиданно ворон атаковал Джоан сзади и с отвратительным карканьем вцепился ей в волосы, глубоко вонзив свои когти.

Джоан истошно закричала. Она молотила по птице руками и пыталась оторвать ее от своей головы, но ворон в кровь искилел ей руки.

Сверкая глазами, в которых все ярче и ярче разгоралось адское пламя, ворон вцепился своим желтым клювом в залитое слезами лицо Джоан и терзал его до тех пор, пока лицо не превратилось в страшное кровавое месиво.

Собрав остатки сил, Джоан со стоном подняла голову, обратившись к небу, но она не могла его больше видеть: на месте глаз зияли изодранные в кровь пустые глазницы. Женщина умоляла избавить ее от страшной, нечеловеческой боли.

Внезапно ворон, расправив крылья, взмыл высоко в небо. Ключья волос и кожи Джоан все еще свисали с его когтей.

Еле живая, Джоан споткнулась и соскользнула с дороги в наполненную грязью яму. Силы оставили ее, и она затихла.

Вдруг откуда-то послышался звук, похожий на шум мотора. Вниз вдоль реки двигался грузовик; он быстро приближался.

Джоан подняла голову. Возможно ли это? Она с трудом поднялась на ноги и попыталась выбраться на дорогу. Огромный восемнадцатиколесный грузовик был совсем близко. Джоан крикнула из последних сил, моля о пощаде.

Человеческий слух устроен весьма своеобразно. Если звук резко обрушивается на вас, то практически невозможно определить, откуда он доносится: спереди или сзади.

У Джоан Харт не было больше глаз. Когда грузовик внезапно вынырнул из-за поворота, водитель успел заметить жуткую, перепачканную кровью и грязью женщину. Она стояла посреди дороги, обратившись лицом в противоположную от грузовика сторону.

Водитель не успел затормозить.

Грузовик врезался в Джоан Харт, взметнув ее в воздух. Женщина умерла раньше, чем ее тело упало на асфальт.

Грузовик, проскрежетав тормозами, остановился в сотне ярдов от тела.

Наступившую тишину нарушали лишь глухой рокот мотора и пронзительное карканье ворона. Круг за кругом он поднимался все выше до тех пор, пока не растаял вдали, в темнеющем синем небе.

Глава четвертая

Едва ли на всей территории Соединенных Штатов отыщется второй такой уголок, подобный краю Озер в штате Висконсин; многие знатоки при этом небезосновательно полагают, что жемчужиной этого края является озеро Женева. Расположено оно на редкость удачно и достаточно близко к Чикаго, чтобы стать для его богатых жителей центром зимних развлечений, и в то же время на определенном расстоянии, которое отпугивало в праздничные и выходные дни основную массу населения этого города.

Зимний дом Торнов, или, как его еще называли, «озерный уголок», был построен из дерева. Дом был внешне стилизован под охотничью избу. Но внутри его имелись такие удобства, которые были по карману лишь очень обеспеченным людям. Например, внутренняя телевизионная система слежения. Как и многие богатые люди, Ричард Торн имел все основания остерегаться кражи детей. В довершение всего рядом с домом была оборудована вертолетная площадка.

«Озерный уголок» был снабжен также одной из самых сложных частных телефонных систем, имеющихся в США. Конечно, Торн запросто мог отказаться от всех звонков, за исключением телефонного вызова от Президента или госсекретаря. Но как человек, облеченный властью, он предпочитал оставаться в пределах досягаемости.

На этот раз в доме на озере Женева собралась неизменная компания: сами Торны, их друзья и деловые знакомые. Предстояло отпраздновать тринадцатилетие мальчиков. Торнам нравилось устраивать вечеринки, особенно же они любили отмечать семейные торжества.

Хотя настоящий день рождения Дэмьена был шестого июня, с тех пор как он вошел в семью своего дяди, дни рождения мальчиков праздновались в один и тот же день. Многие знакомые Торнов решили, что подобное совмещение двух праздников задумано просто удобства ради. И лишь Ричард помнил, что безумный поступок его брата Роберта каким-то образом связан с днем рождения Дэмьена.

Накануне торжества, вечером, Марк и Дэмьен устроились в гостиной. Они играли. Обычно Дэмьен всегда выигрывал. Но в этот раз Марк, похоже, обскакал брата. Марк совершенно спокойно относился к своим проигрышам, если в сражении участвовал только Дэмьен. Однако стоило кому-то из других сверстников вырвать победу у него или у Дэмьена, Марк моментально заводился. Когда же дело касалось только братьев, проигрыш, по сути, не имел для Марка ни малейшего значения. Возможно, это объяснялось тем, что Марк всегда подсознательно помнил о трагическом прошлом брата. Он всегда был невероятно деликатен, даже в младенчестве, теперь же, по-своему заботясь о Дэмьене, Марк самозабвенно отдавал брату все самое лучшее.

Мальчики расположились перед пылающим кирпичным камином огромных размеров и бросали игровой кубик. Тишину в зале нарушали только потрескивание поленьев и стук фишек на игральном столе. Высоко над камином висело чучело оленьей головы. Ричард застрелил этого оленя как раз в тот год, когда был построен этот дом. Еще была жива его первая жена Мэри, и теперь даже мимолетный взгляд на чучело вызывал в Ричарде грусть. Мэри, ненавидевшую любое убийство, охватило в ту ночь страшное смятение при виде туши убитого оленя, которую Ричард тащил от ручья

в Лэнд Роувер. Убийство животного и твердое намерение Ричарда иметь чучело головы оленя над камином привело к их единственной серьезной ссоре. Мэри была настолько не в себе, что нарушила неписаное правило: ограничиваться предметом спора. Она пошла дальше и припомнила мужу чуть ли не все его прегрешения. Всю неделю потом Ричард побаивался, как бы Мэри не ушла от него, но через свое упрямство так и не смог переступить: он-таки смастерил чучело и взгромоздил его над камином.

Когда Анна, впервые заметив голову оленя, спросила о ней мужа, Ричард ограничился рассказом об охоте, где застрелил этого самца. О ссоре со своей первой женой Ричард никогда бы не решился заговорить с Анной. Хотя порой сам себе удивлялся: ведь его вторая жена при всей ее женственности испытывала почти мужскую страсть к любому кровавому виду спорта. Совершенно очевидно, что Анна разделила бы увлечение Ричарда, заняв в том давнишнем, беспокоящем его инциденте позицию мужа.

Мальчики так увлеклись игрой, что не заметили, как Анна вошла в гостиную. Некоторое время она молча наблюдала за ними. «Какие они замечательные», — подумалось ей. Наконец она нарушила молчание:

— Эй, вы, двое, уже поздно. Завтра такой день...

Марк, которому впервые за этот вечер пришлось везение, поднял глаза и попросил:

— Мама, мы почти закончили. Еще пару минут, хорошо? Ну, пожалуйста! — Он обратился к брату за поддержкой. Лукаво прищурившись, Дэмьен возразил:

— Пошли, Марк. Раз мама говорит, что пора спать, значит, так оно и есть.

Анна улыбнулась. Улыбнулся и Марк.

— У меня идея, — начал он. — Почему бы нам на ночь не оставить доску здесь, прямо так — не убирая?

Все засмеялись. Поцеловав мальчиков, Анна выключила свет и ушла. А братья отправились наверх по деревянной лестнице в свои спальни.

— Дэмьен, — заговорил Марк, — я хотел у тебя кое-что спросить.

— Это очень важно? — акцентируя в голосе томную усталость, обронил Дэмьен. В этот момент он точно спародиро-

вал занудливого и брюзжащего бизнесмена. Марк смеялся.

— Конечно, нет.

— Ладно, валий, — милостиво разрешил Дэмьен.

— Что за дела у вас с Неффом?

Чего угодно ожидал Дэмьен, но только не этого вопроса. Он внимательно взглянул на брата и холодно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, — протянул Марк, остановившись наверху у лестницы, — мне кажется, он все время за тобой наблюдает. Это как-то странно.

— Да, пожалуй, — согласился Дэмьен. Он прошел по темному коридору к своей комнате и открыл дверь. Потом повернулся к Марку, наблюдавшему за ним: — Нефф — сержант. А сержанты все странные. Ты что, не знаешь? — Он драматически поклонился и вдруг улыбнулся, давая понять, что шутит. Затем театрально произнес: — Спокойной ночи! — и исчез в своей спальне.

Гости прибыли вечером на следующий день. Здесь были и Бухер, и Пасариан с Ахертоном, и доктор Уоррен. Даже из Академии несколько ребят умудрились добраться сюда на торжество.

Посреди просторной и ярко освещенной столовой в окружении друзей и гостей стояли Марк и Дэмьен. Они зажали глаза ладонями. Приглушили свет. В столовую доносились изысканнейшие ароматы из великолепной буфетной залы, где был накрыт длинный узкий стол. Этот стол XVI века долгое время принадлежал ордену фламандских монахов. Как-то во время визита в монастырь Святого Симона Ричард Турн обратил внимание на антикварный стол и мимоходом заметил своему близкому другу из семейства Херстов, что этот старинный предмет ему очень понравился. Спустя несколько недель стол был доставлен в Чикаго вместе с запиской следующего содержания: «Как-нибудь угостишь меня за этим столом». Поначалу Ричард пребывал в некотором замешательстве от подобной щедрости друга. Но подарок тем не менее принял и через некоторое время переправил его в Лейксайд.

Теперь же, стоя посреди зала, стол выдерживал немалую тяжесть: здесь были и копченая индейка, и деревенский окорок, и потрясающий ростбиф, и куча всяких салатов — сло-

вом, все то, что так необходимо двум крепким юным паренькам, дабы набраться сил и превратиться в мужчин.

Не хватало только десерта, и его вот-вот должны были подать.

— А можно уже посмотреть? — проговорил Марк, все еще зажимая ладонями глаза.

— Пока нет, — ласково ответила Анна.

Из соседней комнаты донеслись поющие мужские голоса:

— С днем рождения! С днем рождения!

— А теперь? — не унимался Марк.

— С днем рождения, Марк и Дэмьен! — пропели мужчины.

— Можно! — волнуясь, воскликнула Анна, и оба малыша тут же отняли руки от лица.

Они увидели торт таких размеров, что им одним можно было, наверное, накормить досыта всю Дэвидсоновскую Академию. Торт был трехъярусным, а его верхушка походила на озеро Женева, если на него взглянуть из окна столовой. По поверхности озера из сахарной ваты катались на коньках букочки-человечки в длинных пальто и шарфах: женщины в хороших шляпках, мужчины в цилиндрах. Все эти конькобежцы конца прошлого века застыли на месте, освещенные, будто фонарями вокруг катка, тринадцатью свечами. Создатель этого торта обычно оформлял к рождеству витрины самых фешенебельных чикагских магазинов. Но тут его убедили применить свое искусство в новой области. И он создал нечто, что несомненно явилось самым восхитительным и, возможно, наиболее дорогим тортом ко дню рождения из всех когда-либо существовавших.

Марк восторженно захлопал в ладоши, Дэмьен заулыбался. Грянули аплодисменты.

— Фантастика! — воскликнул Марк.

— С днем рождения, мои дорогие мальчики! — Анна обняла Марка и Дэмьена и расцеловала их.

Марк не мог больше сдерживать свое любопытство, он вырвался из объятий Анны и бросился к торту, который как раз в это время водрузили на стол. Следом за ним кинулся к столу и Дэмьен.

В зал вошел Бухер, пропустивший церемонию поздравлений. Его одолела мучительная мигрень, и он пытался избавиться от нее, отлежавшись в одной из комнат.

Анна первая заметила Бухера и сочувственно улыбнулась.

— Ну как, получше, Поль? — поинтересовалась она.

— Да, намного, спасибо, — ответил Бухер. Но сведенное болью лицо выдавало его состояние. — Последние дни я был страшно занят, — признался он и поглядел в другой угол на Ахертона, стоящего рядом с мальчиками. Марк восхищенно разглядывал маленькие фигурки на торте, а Дэмьен тем временем успел засунуть в сахарный лед палец и весь вымазался.

— Мам! Мистер Бухер! Подите сюда, посмотрите же! — крикнул Марк, с трудом отрывая взгляд от этого произведения искусства.

Анна улыбнулась и подошла к Марку, а Бухер направился в сторону Дэмьена, который стоял, прислонившись плечом к стене. Мальчик заметил приближение Бухера, улыбнулся и вежливо кивнул, надеясь, что тот пройдет мимо. Дэмьена не устраивала перспектива заниматься болтовней со взрослыми, ведь поблизости находился такой роскошный торт!

— Как к вам относятся в Академии, Дэмьен? — спросил Бухер.

Дэмьен вздрогнул.

— Хорошо, мистер Бухер.

— А сержант Нефф? Он как? — продолжал спрашивать Бухер. Дэмьен заинтересовался.

— Вы его знаете? — удивился мальчик. Растерянность была написана на его лице.

Бухер рассмеялся и положил свою руку на плечо Дэмьену.

— Я спросил о нем только потому, что наблюдал за вами, — улыбаясь, пояснил Бухер. Дэмьен не знал, что и ответить. Он смутился и снова уставился на торт. От Бухера, похоже, было трудно отделаться. — Скажите, пожалуйста, Дэмьен, — опять начал тот, — а знаете ли вы, чем я занимаюсь в «Торн Индастриз»?

Дэмьен взглянул на него и отрицательно покачал головой:

— Не совсем, сэр. — Мальчику казалось, что его глаза достаточно красноречиво выражают скуку, но деликатность не позволяла резко оборвать разговор. Между тем Бухер продолжал:

— А вам следует знать о «Торн Индастриз» абсолютно все. В конце концов ведь однажды компания станет вашей.

— И Марка, — поправил его Дэмьен.

— «Вашей» — я имел в виду вас обоих, — уточнил Бухер. «Этот мальчик не дурак». — А почему бы вам не зайти как-нибудь на завод? Поглядеть на все это своими глазами.

Предложение показалось Дэмьену заманчивым.

— А можно я приду с друзьями? — спросил он. И тут же представил себе, как они под видом экскурсии на целый день отделаются от занятий в Академии.

— Конечно, конечно, — тут же согласился Бухер, делая при этом широкий жест политика, только что удачно завершившего дело чрезвычайной важности.

В это время Ричард Торн постучал серебряной ложечкой по хрустальному бокалу; этот звук заставил всех разом замолчать. Гости расселись за столом, и Ричард поднял свой бокал:

— Именно в такие моменты мне хочется поднять бокал за нашу удачу и поблагодарить судьбу за все, что мы имеем. Потому что мы действительно имеем очень многое. Торны — особая семья. И очень важно, что мы используем свое привилегированное положение, как мне кажется, правильно и мудро. Мы ни на минуту не должны забывать: так было всегда, но все это может оборваться, если мы не будем много и упорно трудиться, дабы быть достойными того, что нам оставлено. Это все, что я хотел сказать. Марк, ты, конечно, рад будешь услышать, что я не собираюсь тут выступать с речью.

— Но ведь ты как раз только что с ней выступил, папа, — возразил Марк, и все рассмеялись. Ричард жестом призвал гостей к молчанию.

— Хотя мне действительно надо сказать еще кое о чем... — За столом раздались дружные и нарочитые стоны. — Помогите! — театрально воскликнул Ричард. — Я чувствую себя, как победивший адмирал Нельсон!

На этот раз все покатались со смеху. Счастливые слезы выступили на глазах Ахертонa, а Чарльз Уоррен ухмылялся, как Чеширский кот.

Ричард как ни в чем ни бывало продолжал:

— Я все-таки скажу, как бы вы ни пытались меня остановить. — Он на мгновение замолчал и для пущего эффекта затаил дыхание. А затем, заскользив по паркету, закричал: — Все к окну!

Несколько озадаченные гости бросились за ним. Однако первым подскочил к отцу Марк, обожавший сюрпризы и надеявшийся на очередную забаву.

— Пожалуйста, выключите свет,— попросил Ричард, когда вся компания собралась у широкого окна. Комната погрузилась во мрак.

Деньги творят чудеса! Снаружи в темном ночном небе, как по мановению волшебной палочки, вспыхнул фейерверк. Это был один из самых ярких и красочных фейерверков, когда-либо виденных присутствующими. Зеленые, голубые, желтые и красные радужные брызги рассыпались по небу, превращая ночь в неоновый день. Взлетали ракеты, оставляя за собой хвосты огненных брызг; шипя, они взрывались где-то в полутора сотнях футов над озером. И вдруг вся эта полыхающая феерия каким-то образом распалась на огромные красочные буквы: С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАРК И ДЭМЬЕН!

Все ошеломленно замерли и тут же принялись неистово хлопать в ладоши, обниматься и целоваться.

— В это невозможно поверить, папа! — воскликнул Марк, бросившись к отцу, чтобы обнять его.

Дэмиен улыбался. Он, пожалуй, был так же взволнован, как и Марк, но не считал нужным выражать свои чувства подобным образом. Его эмоции были глубоко запрятаны и всегда строго контролировались.

Единственным человеком, кто остался ко всему этому пиротехническому зрелищу совершенно безразличным, был Бухер. Он стоял позади Дэмиена и пытался опять поговорить с ним. Склонившись над мальчиком, он зашептал ему в ухо:

— Тринадцатилетие юноши многие расценивают, как начало половой зрелости. Мужского начала. Евреи, например, называют его «бар митцвах». В переводе с иврита это означает «Сын Долга», или «Человек Долга».

Дэмиен никак не мог понять, что имеет в виду Бухер. Но мальчику ничего не оставалось, как продолжать играть в вежливость.

— Неужели? — спросил он, все еще не отрывая взгляда от фейерверка.

— Ты также будешь отмечен,— произнес Бухер. Дэмиен обернулся и поглядел на него. Глаза их встретились. Бухер мягко заговорил, он почти завораживал своим голосом: — Из-

вини, мне придется процитировать из Библии: в «Первом послании к коринфянам» говорится: «Когда я был младенцем, то по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое». Время придет, и ты оставишь младенческое и столкнешься с тем, «кто ты».

— А кто я?

Бухер кивнул.

— Великий момент, Дэмьен. Ты, должно быть, уже чувствуешь его.

Дэмьена охватило волнение. Поначалу он решил, что Бухер добивается его расположения, чтобы как-то польстить Ричарду. Но именно Бухер только что выразил словами то глубокое беспокойство, которое испытывал Дэмьен последние несколько месяцев.

— Думаю, что да,— медленно произнес Дэмьен,— я чувствую... не уверен, но я ощущаю, ...что-то происходит со мной... с о б и р а е т с я произойти...

— Предчувствие судьбы, не так ли? — улыбнулся Бухер. — Оно у всех у нас есть. И у твоего отца, и у Билла Ахертон... и у меня. — Он помедлил, а затем с какой-то нарочитой драматичностью в голосе произнес: — Я тоже сирота, ты этого не знал?

Дэмьен отрицательно покачал головой.

— Поэтому я мог бы помочь тебе преодолеть возможные будущие препятствия. Кстати, ты ведь начал предчувствовать свою судьбу с прошлого июня, не так ли? Когда наступил твой н а с т о я щ и й день рождения...

Дэмьен был ошеломлен, но не успел он открыть рот, как их позвал Ахертон:

— Эй вы, двое! Присоединяйтесь к нам!

Церемония по разрезанию торта была в самом разгаре.

— Дэмьен, иди же сюда! — нетерпеливо окликнул брата Марк. Он уже готовился задувать свечи.

— И не забудьте загадать желание! — напомнила мальчишам Анна.

Дэмьен бросился к Марку, испытывая облегчение от того, что отделался наконец от Бухера. Слишком тягостным казалось мальчику общение с этим человеком.

Марк и Дэмьен набрали в легкие воздух и, стремительно выдохнув его, задули все тринадцать свечей, расставленных на торте.

— Молодцы, мальчики, — воскликнула Анна. — Разрезайте теперь торт. А то мы все жутко проголодались!

— Да, пока мы не начали есть, — заметил Дэмьен, — у меня тут кое-что есть для Марка. — Он полез в карман.

— Ба-а, — хитро протянул Марк, — и я кое-что забыл отдать тебе. — С трудом сохраняя подобие серьезности, он тоже засунул руку в свой карман.

Размерами и очертаниями подарки мальчиков походили друг на друга как две капли воды. Даже оберточная бумага была одинаковой. Марк начал смеяться:

— Если ты приготовил для меня...

— То же самое, что я приготовил для тебя, — перебил его Дэмьен. Оба они взглянули на Анну и воскликнули:

— Мам!

Счастливо улыбаясь, Анна наблюдала за мальчиками, которые нетерпеливо распаковывали подарки. Наконец они вытащили наборы красивых армейских ножичков. На сверкающих клинках была выполнена гравировка. Раздались одобрителльные возгласы.

— Я как раз такие хотел! — воскликнул Марк и легонько подтолкнул брата локтем.

— Я тоже! — заявил Дэмьен.

Мальчики решили обновить свое сокровище и разрезать праздничный торт. Но прежде чем они приступили к этому, Дэмьен своим ножичком неожиданно срезал с верхушки торта одного конькобежца. Затем вдвоем с Марком они вонзили ножи глубоко в торт под одобрителльные возгласы окружающих.

На следующее утро лучи яркого солнца, отражаясь и дробясь в ледяном панцире озера Женева, заливали все вокруг сверкающим, радужным сиянием. На свои собственные средства природа устроила восхитительное дневное шоу, перещеголяв вчерашний вечерний фейерверк.

Из озера вытекала речка, изгибаясь, она убегала далеко в лес. Именно здесь проходила сегодня хоккейная битва.

К полудню игра была в разгаре. Хоккейные команды составились в основном из служащих «Торн Индастриз».

На первый взгляд казалось, что хоккей на свежем воздухе — это всего-навсего чудесное развлечение. Но и Ахертон с его потрясающим внутренним чутьем, и Бухер, бесконечно

чуткий к любому изменению эмоциональной температуры, прекрасно сознавали, что происходит в действительности.

По ряду причин хоккей в компании «Торн Индастриз» воспринимался как средство продвижения по служебной лестнице. Ричард Торн, человек глубоко порядочный, без сомнения, был бы невероятно поражен, если бы узнал, что в нижних эшелонах власти его компании классный хоккейный игрок считается очень важным лицом, что его молодые и ретивые служащие время от времени проводят свои субботные дни на озере дю Лак, тренируясь под руководством стареющего канадского экс-чемпиона.

Сегодня день выдался на редкость удачным. Все были полны сил, даже пожилые служащие вышли на площадку, пытаясь укротить холод.

Здесь же присутствовали и жены, разодетые в пестрые шерстяные шапочки, шарфики и варежки, теплые мягкие сапожки; каждая стремилась сегодня походить на девушку из мечты, которой когда-нибудь да грезил любой из присутствующих мужчин и которая почудилась ему либо на катке Рокфеллеровского центра, либо на льду одного из местных озер.

Дэмыен и Марк были капитанами. Они бросили жребий, кому первому предстоит набирать команду. Жребий пал на Дэмыена. Он, конечно, тут же воспользовался случаем и первым выбрал своего приемного отца. Ричард забавно раскланялся, выказывая нарочитую гордость тем, что его отметили первым, а затем присоединился к Дэмыену.

Марк начал с Ахертон. Строго говоря, игроком тот был неважным, но недостатки с лихвой восполнялись энтузиазмом Билла. Ахертон благодарно улыбнулся и заскользил в сторону Марка. Следующим Дэмыен выбрал Бухера. Возможно, это был своего рода ответный шаг после вчерашнего, такого необычного разговора. Или Дэмыен вдруг осознал, что Бухер был из породы тех, с кем надо играть в одной команде, а не против. Бухер стремительно бросился к Дэмыену и Ричарду, обдав их веером ледяных осколков.

Следующий свой выбор Марк остановил на Пасариане. Ему нравился индеец, хотя, по большому счету, от Пасариана был такой же толк, что на скачках — от задумчивой кобылы. Но дух индейца компенсировал ему неумение играть. На льду он творил чудеса. Пасариан так умел подбадривать игроков, что команда неизменно одерживала победу.

Наконец команды были сформированы, очерчены края площадки, и игра началась.

Бухер был умелым игроком, всегда уверенным в себе и идущим напролом. Видимо, он много и упорно тренировался. Ричард держался в тени, не выказывая желания играть виртуозно и попасть в центр внимания. Он наблюдал за Бухером и вдруг понял: у Поля начисто отсутствует понимание, что все это — просто игра. Охотничий азарт Бухера насторожил и испугал его. Он исподтишка принялся наблюдать за своим приемным сыном.

Даже в этой любительской игре Дэмьен выказывал поразительное, особенно для мальчика его лет, мастерство. Мелькая то здесь, то там, он наслаждался борьбой, сверкал лезвиями коньков, выписывая на льду замысловатые фигуры. Все восхищенно наблюдали за ним; Дэмьен, ловко и умело орудуя клюшкой, большую часть времени не выпускал шайбу и, несмотря на все усилия соперников, именно он определил ход игры.

Чарльз Уоррен предпочел сегодня не играть. Вместо этого, спотыкаясь, он проковылял на своих коньках к краю реки; окончательно притомившись, стряхнул снег — следы последнего падения — и неуклюже заскользил туда, где Анна Торн возилась у большой передвижной жаровни. Все слуги были отпущены, поэтому здесь царила на редкость непринужденная атмосфера. Анна состряпала уже целую гору гамбургеров, булочек с сосисками и жареного на углях мяса — и все это так быстро и толково, будто родилась настоящей кухаркой.

Заметив Уоррена, жена Ричарда крикнула:

— Что вы хотите?

— Булочку с сосиской, — запыхавшись, бросил Уоррен. Анна протянула ему одну.

— Все?

— Для начала все, — заявил Уоррен. — Я так проголодался, что, наверное, съел бы все ваши сосиски.

Он проглотил за один прием полбулочки и водрузил на оставшуюся часть целую горку лука с соусом.

— Я читала о вашей приятельнице в газетах, — заговорила Анна. — Конечно, бесполезно сейчас об этом говорить, но я очень сожалею.

Уоррен кивнул:

— Я никак не пойму, что могло там произойти...

Но Анна уже отвернулась, продолжая наблюдать за игрой.

Уоррен дожевывал остатки булочки с сосиской и воровато потянулся за следующей.

Никто из присутствующих не заметил гигантского черного ворона. Он уселся всего в двадцати футах от них на ветвях высокого темного дерева. Ворон разглядывал людей холодными, проницательными глазами.

Ричард тем временем передал точный пас Дэмьену, тот аккуратно перехватил его своей клюшкой. Ахертон, неуклюжий в хоккейной форме, играл защитником. Он двинулся вперед, пытаясь остановить мальчика.

Дэмьен, наслаждаясь игрой и скоростью, прорвался вперед. Ни на секунду не сомневаясь, что обыграет старика, он устремился прямо на Ахертон. Тот поскользнулся и, с трудом удержав равновесие, весь съежился и закрыл глаза, ожидая столкновения.

Дэмьен, однако, в самое последнее мгновение проделал восхитительный пируэт вокруг Ахертон и с огромной скоростью помчался вперед, к воротам. Когда он выполнял свой эффектный трюк, лед слегка треснул.

Ахертон открыл глаза и попытался уяснить, что же произошло. Дэмьен будто испарился. Ахертон обернулся и увидел рвущегося к воротам мальчика. То и дело спотыкаясь, старик пересек площадку и заковылял вслед за Дэмьеном. Незаметная поначалу трещина позади Ахертон стремительно расширялась.

Вот она уже опередила старика и догнала Дэмьена. Лед под ним захрустел.

Бухер первый заметил это и рванулся к обоим игрокам.

Внезапно раздался зловеющий хруст, трещина вокруг Ахертон превратилась в широкую полынью. Игроки в ужасе застыли на своих местах. Зрители с берега что-то кричали.

Наконец Бухер добрался до Дэмьена, обхватил его за пояс, приподнял и швырнул в безопасное место. Сам он при этом находился всего в нескольких дюймах от трещины.

Ахертон испугался. Он понимал: происходит нечто ужасное, но был бессилён что-либо предпринять. Старик не успел вовремя переступить через трещину на лёду.

— Билл! Держись! — крикнул Торн и бросился к Ахертону.

В застывшем воздухе опять раздался треск. Он походил на хруст костей. Лед вокруг Ахертонa разломился на отдельные кусочки. Старик на крошечном ледяном островке посреди холодной и темной реки оказался отрезанным от берега.

Трещина тем временем расползалась и расползалась. На противоположной от трещины стороне сбились в кучу игроки. Они протягивали Ахертону хоккейные клюшки, предлагая ему уцепиться за них. Но все было напрасно. Крошечный ледяной островок накренился под весом старика, и Ахертон начал соскальзывать к его краю прямо в темный водоворот.

Анна зажала рот, чтобы не закричать. Она поняла, что вот-вот произойдет страшная, непоправимая беда. Дэмьен рвался из объятий Бухера. Полный отчаяния, он стремился помочь старику, но Бухер крепко держал мальчика.

— Прыгай! — крикнул Пасариан.

Но было уже слишком поздно. Плавающая льдина под Ахертонoм, накренившись, выскользнула из-под него и вместе со стариком ушла в булькающую темную поверхность.

Несколько секунд Ахертонa не было видно. Внезапно он вынырнул, судорожно хватая ртом воздух. Мужчины цепочкой легли на лед. Торн протягивал свои руки, пытаясь дотянуться до пальцев Ахертонa.

Голова старика едва-едва поднималась над водой. Глаза были полны ужаса. Ахертон судорожно цеплялся за лед, пытаясь выкарабкаться. Кровь струилась из расцарапанных ладоней. Он издал душераздирающий крик, и тут же поток подхватил его и утянул вниз. Старик исчез под водой.

Люди на льду словно окаменели. Они не верили собственным глазам.

И вдруг прямо под Торном появилось лицо, плотно прижатое к внутренней поверхности льда. Это был Ахертон. В его широко открытых глазах застыла мольба. Окровавленными кулаками он пытался снизу пробить лед. Послышался странный звук, отдаленно напоминающий крик, и Ахертонa, из последних сил цепляющегося за ледяной панцирь, опять утянуло стремительным потоком.

Какое-то время присутствующие еще могли по розовому кровавому следу подо льдом проследить страшный путь старика. В отчаянии люди бегали по льду, следуя за замерза-

ющим и тонущим Ахертоном. Пытаясь проломить лед, они колотили своими клюшками по застывшей поверхности реки, чтобы пробиться к погибающему человеку.

Дэмыен вырвался наконец из объятий Бухера и помчался ко всем остальным. Торн лезвиями коньков пытался разбить лед.

Ахертон начал задыхаться. Сквозь призму толстого льда он смутно распознавал очертания людей, суетящихся на поверхности, до него доносились какие-то глухие обрывки их криков. Но старик не мог пробиться к ним. Легкие его разрывались. Вдруг впереди сверху забрезжил свет. Яркий круг на фоне мрачной воды. Это было дерево, растущее на берегу, но часть его оказалась под водой и образовала в ледяном панцире промоину. Собрав последние силы, Ахертон стал молиться.

Его чудом вынесло в полыню.

— Вон он! — закричал Дэмыен. Все бросились к дереву, но остановились на некотором расстоянии от него, так как лед был слишком тонок. Голова Ахертона отчетливо виднелась над поверхностью промоины, лицо его было искажено, как загарпуненная рыба, он судорожно ловил открытым ртом воздух.

— Мы идем к тебе! — заорал Ричард, и они с Дэмыеном дюйм за дюймом стали приближаться к Ахертону по тонкой корке льда.

Еще какое-то мгновение голова старика была видна. А потом будто чья-то гигантская рука схватила его за лодыжки и потянула под воду. Темная фигура Ахертона все глубже и глубже опускалась на дно, пока совсем не пропала.

— Всем растянуться! — в отчаянии закричал Торн. — Мы потеряли его.

Но все уже было напрасно. Ахертон исчез. И пока люди на льду выстраивались в цепочку, огромный черный ворон сорвался с ветки и взмыл в небо, уже затянутое облаками.

Глава пятая

Почти месяц миновал с тех пор, как погиб Ахертон, а Бухер все никак не мог закончить переустройство своего нового кабинета. Стены, ранее оклеенные обоями, он отделал деревянными панелями, на смену старым кожаным креслам из

мужского клуба Ахертон появилась современная мебель, обтянутая черной кожей и сверкающая хромировкой. Бухеру льстило, что его нынешний кабинет имел сходство со столовой Торнов в их чикагском доме. В конце концов ведь именно там все и началось.

Бухеру нравилось также иметь собственный портрет в красивом багете. Он висел в зале перед кабинетом, где сидели его секретарь и администратор, там, где ему и полагалось висеть... на месте бывшего портрета Ахертон.

Но больше всего в это январское утро Бухера порадовал его помощник Байрон. Это был послушный и бесконечно сообразительный молодой человек. Как только лимузин Бухера затормозил перед главным зданием «Торн Индастриз», от его дверей отделился Байрон с журналом в руках.

Это был последний номер журнала «Форчун», на обложке его красовалась копия портрета, висевшего перед кабинетом Бухера. Поль специально вылетал в Нью-Йорк, чтобы заказать эту фотографию. Надпись на журнальной обложке гласила: ПОЛЬ БУХЕР, НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ «ТОРН ИНДАСТРИЗ».

Байрон, не шелохнувшись, стоял у дверей в ожидании распоряжений босса.

Бухер слегка кивнул и, на ходу бросив помощнику: «Спасибо, Байрон», — прошел мимо.

— О, так вы уже видели журнал, — разочарованно протянул Байрон.

Бухер взглянул на своего помощника с нескрываемым презрением.

— А вы думали, что подобные вещи происходят случайно? — Иногда наивность помощника казалась ему наигранной. Десять лет назад сам он не был таким. Во всяком случае, так ему казалось. Ибо чем старше становился Бухер, тем более тщательно срабатывала его память.

Байрон оборвал ход мыслей босса.

— Мне кажется, снимок получился удачным, — заявил он, кивая на обложку.

Бухер не соизволил даже ответить.

Стоя в холле, они ожидали лифта.

— От Пасариана есть какие-нибудь известия? — поинтересовался Бухер.

— Нет, сэр,— заговорил Байрон.— Похоже, он совсем исчез.

Плавное разошлись двери лифта, и мужчины вошли в него. Бухер нажал нужную кнопку. Когда лифт миновал три этажа, Байрон вдруг обрушил на Бухера новость: «Ричард хочет видеть вас прямо сейчас».

Поль на мгновение растерялся, но лишь на мгновение. Он узнал эту игру. Сам он сотни раз играл в нее, карабкаясь по служебной лестнице. Суть этой игры сводилась в данном случае к следующему: Ричард рано вернулся из отпуска. Я это знаю, а ты — нет. Он хочет тебя видеть. Сейчас. Это означает, что у тебя, возможно, неприятности. Я назвал его Ричардом. Раньше я никогда не называл его иначе как мистер Торн. Это означает, что у нас с ним теперь, возможно, другой уровень отношений. И был он достигнут за твоей спиной, пока ты занимался своим кабинетом и фотографировался на всякие там обложки. Может быть, я даже знаю по чему у Ричарду — как я его теперь называю — не терпится увидеть тебя.

Но Байрон не учел того, что Бухер являлся опытным и прожженным игроком. Затеять против него какую-то комбинацию было все равно, что применить защиту Капабланки против самого Капабланки.

— О! — спокойно протянул Бухер.— Он уже у себя?

Байрон был сражен.

— Да,— хмурясь, ответил помощник. Он судорожно пытался придумать, что можно еще добавить. Наконец, Байрон произнес: — И он здорово загорел.

Оба прекрасно понимали, что ответ оказался неудачным.

За столом, где совершенно свободно могла бы разместиться целая делегация ООН, сидел Торн и пил кофе. Не успел Бухер открыть для приветствия рот, как Ричард выпалил:

— Какого черта Пасариан ошивается в Индии?

Бухер, поставив на стол свой «дипломат», сел. «Надо дать ему возможность выговориться. Попробую угадать, что все это значит. И какой странный вид у Торна,— размышлял Бухер.— Воротничок с монограммой на рубашке расстегнут. Отсутствует галстук. Небрит. Конечно, Ричард имел на все

это право, но он никогда не позволил бы себе появиться здесь в таком виде, не имея на то определенных причин».

Это была уже не игра, Ричард действительно был взбешен.

— Мне необходимо еще одно компетентное мнение по поводу закупки земли в тех краях, — начал Бухер. — Кто лучше...

— А мы уже покупаем эти земли? — испуганно спросил Торн.

— Вы согласились с тем, что я полностью реализую выводы своего доклада, — продолжал Бухер, оправдываясь и испытывая при этом унижение. — Это явилось условием моего согласия стать президентом компании.

Торн потер обеими руками лицо и вздохнул:

— Но это не означает, что вы можете исключить меня из управления моей собственной компанией. Прежде чем что-то реализовывать, вам вначале следовало бы спросить меня.

— Но вы же были в отпуске, — запротестовал Бухер. — Я решил вас не беспокоить лишний раз. — Произнося эти слова, Поль понимал, насколько фальшиво звучит его объяснение.

— Меня в любой момент можно было найти по телефону, — парировал Торн. Затем он устало опустил голову на грудь и грустно добавил: — Билл никогда бы не принял подобного решения, не поставив меня в известность.

— Я не Билл, — возразил Бухер.

— А я и не жду от вас, чтобы вы им были, — вскинулся Ричард. — Но я очень рассчитываю, что вы будете соблюдать правила поведения в компании!

Наступило долгое молчание. Торн решил смягчить удар.

— Поль, — начал он, — вы блестящий специалист. И вы, конечно же, заслуживаете, чтобы быть на самом верху. Но, пожалуйста, никогда не забывайте, чья это компания.

— Это больше никогда не повторится. — Похоже, Бухер искренне раскаивался. Он попробовал сменить тему разговора: — Вы искали Пасариана. Зачем?

— Там какие-то неполадки с его установкой П-84, — сообщил Торн. — Уолкер начал по этому поводу психовать. Я, конечно, понимаю, что Уолкер всегда чего-нибудь боится: то катастроф, то других неприятностей, но на этот раз он и меня заставил беспокоиться.

— Я позабочусь об этом,— заверил Ричарда Бухер, поднимаясь. Он понял, что беседа закончилась.

— Надеюсь, что так.— Торн дождался, пока Бухер вышел из кабинета, потом встал и подошел к большому окну, выходящему на красивую старую водонапорную башню. Вид из окна, как правило, успокаивал его, но только не сегодняшним утром. Торн был слишком огорчен.

Что-то терзало его с момента трагической смерти Ахертон, но Ричард не мог объяснить, что конкретно его беспокоило.

Глава шестая

Курс лекций назывался «Военная история: теория и практика». И хотя название заинтриговывало, на самом же деле эти лекции представляли собой несколько расширенный обзор наиболее знаменитых сражений. Предполагалось, что они должны вселить в курсантов уважение к воинским доблестям. Это иногда срабатывало, но в большинстве случаев подростки оставались совершенно равнодушными к боевым заслугам предков. Курс был обязательным, и каждому мальчику надлежало пройти его.

На сегодняшнем уроке истории присутствовали почти все курсанты из взвода сержанта Неффа. Школьный священник рассказывал ребятам о знаменитом гунне Аттиле. Священник Будмэн был высок, худощав, его черные волосы разделял прямой пробор. Он носил церковный воротник и твидовый пиджак. Читая повествования о жизни и подвигах Аттилы, Будмэн проникал за пределы холодных и бесстрастных страниц, заглядывал в душу воинственного гунна. Священник чувствовал, что Аттила был глубоко несчастным человеком, страдалцем, что по-настоящему он никем не был понят. И это роднило его, Будмэна, с великим гунном.

— Этого беднягу,— любил повторять священник,— история интерпретирует, конечно же, неправильно. Вам необходимо уяснить, что Аттила считался среди своих соотечественников справедливым правителем...

Единственным подростком в классе, кто внимательно слушал лектора, был Дэмьен, что явилось неожиданностью даже для него самого, ибо Дэмьен не очень-то жаловал историю. Напротив, он чувствовал какое-то внутреннее сопротив-

ление к этому предмету. Однако за последние несколько месяцев Дэмьен вдруг начал испытывать странное и смутное очарование при мысли о тех, кто жил и умер много-много лет назад.

— Меньше всего Аттила стремился к разрушениям,— продолжал священник,— во всяком случае, по сравнению с другими завоевателями до и после него...

Марк и Тедди, который пристроился с некоторых пор к Торнам, затеяли возню. Марк что-то накарябал на обрывке бумаги, и Тедди еле сдерживался, чтобы не захихикать.

— В самом деле,— рассказывал Будмэн,— ведь Аттила так стремился получить всестороннее образование, что пригласил к своему двору многих ученых римлян...

В этот момент Марк сунул клочок бумаги Дэмьену. Тот глянул на обрывок и, захваченный врасплох, не сумел сдержать смех.

Священник замер на полуслове.

— Кто смеялся?— спросил он.

Дэмьен тотчас вскочил:

— Я, господин священник.

— Подойди сюда и захвати с собой этот листок.— Дэмьен немедленно исполнил приказание.

Марк беспокойно заерзал на стуле, Тедди слегка пихнул его в бок.

— Ну и дела,— прошептал он.

Курсанты с любопытством наблюдали за происходящим.

Будмэн взял в руки клочок бумаги. На нем был нарисован он сам: в высоком церковном воротнике и верхом на коне. Над собой священник держал несколько вражьих голов.

Будмэн похолодел. Получалось, что насмеялись даже не над ним, а над его обожаемым Аттилой. И делал это один из самых толковых ребят.

Будмэн скомкал рисунок и выбросил его в мусорную корзину.

— Итак,— произнес он после драматической и, как ему казалось, наводящей страх паузы,— у нас в классе объявился художник. Торн, я, похоже, навожу на вас скуку? Вы, конечно, все знаете о подвигах Аттилы?

Глубоко вздохнув, Дэмьен ответил:

— Кое-что, сэр.— И сам удивился своему ответу.

— Кое-что, да? — повторил священник с тем же сарказмом. — Вот если бы Аттила так же знал всего-навсего «кое-что» о военном деле, мы бы сегодня и имени его не вспомнили. — Он прищурил глаза. — Торн, а вы что-нибудь, кроме своего имени, знаете? Что-нибудь об Аттиле или римлянах?

Дэмьен еще раз глубоко вздохнул:

— Думаю, что да, сэр. — Но он же ничего не знал! Что за чертовщину он вдруг понес?!

В классе зашушукались, обсуждая, что за штуку затеял Дэмьен. Всем было известно, что прямая конфронтация была не в его духе.

— Значит, «думаете, что знаете», — передразнил мальчика священник. — Ну что ж, сейчас мы это выясним, не возражаете? Ответьте мне, Торн, какова была численность войска Аттилы, когда тот завоевал Галлию?

— Примерно полмиллиона человек, сэр, — заявил Дэмьен, даже не успев удивиться, откуда в его голове появился ответ. И тут же как будто со стороны услышал сам себя: — Но он был разбит Аэцием в битве при Шалоне в 451 году. Он вернулся назад, завоевал Северную Италию, но не дошел до Рима.

Будмэн опешил. Он не ожидал этого. Но класс ждал, и не в его правилах было сдаваться. Придется доводить опрос до конца. В любом случае ответ мальчика напоминал скорее цитату из энциклопедии. Возможно, Торн принадлежал к такому типу учащихся, которые знали все наизусть, — такие всегда отвечали, что Америку в 1492 году открыл Колумб, но они не имели представления о том, что искал-то путешественник Индию.

Будмэн решил задать вопрос на сообразительность.

— А почему Аттила не дошел до Рима?

И снова Дэмьен ни на секунду не задумался.

— Считается, что это заслуга папы Льва I, его дипломатии. Но настоящая причина крылась в отсутствии провизии... — Здесь Дэмьен на мгновение заколебался, Будмэну показалось, что мальчик сбился. В сознании Дэмьена тем временем всплыло жуткое видение венерического заболевания, и мальчик пытался подобрать слова, чтобы объяснить это. Наконец он произнес: — И, кроме того, армия была подкошена... чумой.

Несколько курсантов уловили суть заминки и захихикали. Дэмьен покраснел.

Священник был взбешен.

— Тихо! — заорал он на курсантов. Затем, опять повернувшись к Дэмьену, решил подловить мальчика на каких-нибудь малоизвестных фактах и покончить наконец с этим тягостным инцидентом.

— Когда родился Аттила?

— Это неизвестно, сэр.

— Дата правления?

— С 434 по 453 год нашей эры, сэр. Умер от носового кровотечения во время... м-м-м... празднования своей последней свадьбы.

На этот раз взорвался уже весь класс.

— Замолчать! — взвизгнул священник, и его уверенность пошатнулась. Он вплотную подошел к Дэмьену и проговорил прямо в лицо мальчику, будто испытывая его:

— Как звали его брата?

— Бледа. — И снова Дэмьен не ограничился этим простым ответом. Мальчик, вдруг наполнившись каким-то могучим и всеильным знанием, начал его излучать. Глаза Дэмьена заблестели. Казалось, что пульсация этого знания распространяется по всему классу. Она словно обрела материальность. Дэмьен вдруг узнал все о гунне Аттиле, но он не мог понять, от куда пришло это озарение. Он как будто растворился в мозге Аттилы. Дэмьен читал его мысли и фантазии, как будто они были его собственными. Ему внезапно показалось, что он знал Аттилу в одной из своих прошлых жизней.

А может, он им и был когда-то?

— Аттила и его брат Бледа унаследовали империю гуннов в 434 году нашей эры, — продолжал Дэмьен. — Она протянулась от Альп и Балтики до Каспийского моря. — Дэмьен императорским жестом широко распростер свои руки. — Два брата были неразлучны, — тут Дэмьен уставился на брата. Марк вздрогнул и оцепенел под этим тяжелым и всепроникающим взглядом. — Между 435 и 439 годами, хотя никаких письменных упоминаний об этом нет, принято считать, что Аттила подчинил себе варваров в северном и восточном концах империи... — Внезапно Дэмьен остановился и взглянул на Будмэна. — Мне продолжать?

Священник прекрасно понимал, что теперь остановить Дэмьена невозможно. Он был ошеломлен, непонятный ужас начал овладевать Будмэном, но он чувствовал, что необходимо довести эту игру до конца. Священник кивнул в ответ.

Дэмьен заговорил снова.

— В 441 году Римская империя отказалась платить Аттиле дань, и он атаковал Дунайскую границу. Аттила был великолепным воином, и невозможно было устоять против него. Годом позже римляне попросили перемирия.

Подростки заворуженно слушали Дэмьена.

— Аттила был также мудрым политиком,— продолжал тот.— Он умел обратить предрассудки своего народа себе на пользу и заставил людей обожествлять, например, обнаженный меч. Однажды в пустыне пастух, разыскивая пропавшего теленка, наткнулся на меч, торчащий в песке, будто его сбросили в небес. Пастух принес его Аттиле. Тот тут же явился перед своей армией и, высоко взметнув над собой этот меч, объявил, что обладает духом «Смерть-в-Бою».

Класс ловил каждое слово Дэмьена. Марк же внезапно ощутил смутное чувство страха.

И тут Дэмьен выдал такое, что даже священник слышал впервые.

— Возможно,— произнес мальчик,— Аттила потому высоко над собой вознес меч, что он напомнил ему детство. Ведь его мать точно так же поднимала малыша над собой, считая, что если она подобным образом подержит его в течение часа каждый день, то он проникнется силой солнца. Говорят, это изменило даже цвет его кожи, он стал смуглым.— Дэмьен на секунду остановился передохнуть. Сердце его бешено колотилось.— Это происходило, когда Аттиле было три года.

Священник, открыв рот, уставился на мальчика.

Но Дэмьен знал гораздо больше. Неведомая сила как будто выжимала из него факты.

— Внешне Аттила мало походил на своего брата,— продолжал мальчик,— уж не говоря о цвете кожи. Но его мать прославилась тем, что развлекала не одного мужчину. Причем совершенно открыто. Когда Аттила затеял свое первое сражение, он был моим ровесником...— Дэмьен остановился и через мгновение поправился: — Нашим ровесником. Есть даже картина, где он в этом возрасте изображен с мечом,

пронзившим одновременно трех взрослых мужчин. Конечно, возможно, это преувеличение. Он был очень красив в эти годы, и многие женщины желали его. Примерно в этом же возрасте Аттила начинает участвовать и в черных мессах...

Этого Будмэн уже не мог вынести.

— Возмутительно! — воскликнул он. — Откуда вы взяли эти сведения? Назовите ваш источник! — Это было любимое выражение Будмэна.

Впервые Дэмьен растерянно запнулся.

— Я... я не знаю, сэр. — Ошеломленный и потрясенный, он внезапно смешался, будто нарушил какую-то заповедную границу.

Священник тут же воспользовался замешательством мальчика.

— А что, его брат, я полагаю, он тоже участвовал в черных мессах?

— О нет, сэр, — возразил Дэмьен, уверенно покачав головой. — К этому времени Аттила уже убил его.

Марк задохнулся.

А Дэмьен уже не понимал того, что произносили его губы. Слова как будто сами выплескивались из него.

— Ему пришлось пойти на это, чтобы править в одиночестве. А потом, — внезапно мальчик понизил голос, будто пытаясь поделиться каким-то очень важным секретом, — он начал называть себя такими именами, как Великий Нимрод, Бич Божий и ... А н т и х р и с т!

В классе воцарилось мертвое молчание. В этот момент дверь резко распахнулась, и в класс вошел Нефф. Он подошел к священнику. Будмэн дрожал всем телом, на лице его выступила испарина. Он находился в состоянии полнейшей растерянности. Нефф прошептал ему что-то. Священник кивнул в ответ.

Сержант обратился к Дэмьену:

— Следуйте за мной, Торн.

Дэмьен молча пошел за Неффом.

— Спишите то, что на доске, — выпалил Будмэн и поспешил вслед за Дэмьеном и Неффом, оставляя застывших в абсолютной тишине ребят. Через мгновение класс взорвался жарким и ожесточенным спором.

Нефф уводил Дэмьена в такое место, где их не смогли бы услышать. Семенивший за ними священник проскользнул

в туалет. Ему необходим был глоток воды. Как только дверь за Будмэном захлопнулась, Нефф обернулся и сердито произнес:

— Что это вы там пытались проделать, Дэмьен? — Впервые сержант обращался к Торну по имени.

Дэмьен, до сих пор находящийся в состоянии прострации, медленно произнес:

— Я отвечал на вопросы, господин сержант.

Нефф отрицательно покачал головой.

— Вы просто выпендривались, — коротко бросил он.

Дэмьен даже не удивился, откуда Неффу все известно. Он был переполнен происшедшим, той внутренней колоссальной силой, которая вдруг открылась ему. — Но я знал все ответы! — твердил он Неффу. — Я их просто знал!

Сержант был неумолим.

— Вы не должны привлекать к себе внимание.

— Но я и не старался... — пытался оправдаться Дэмьен. — Я просто чувствовал это...

Нефф перебил мальчика.

— Наступит день, когда все узнают, что вы, — отчеканил он. — Но этот день еще не пришел.

То же самое говорил Дэмьену и Бухер.

Опешив, Дэмьен пролепетал:

— Кто же я? — Подсознательно он начал испытывать страх. Мальчик не понимал происходящего, не ведая своего предназначения в этой жизни, он только заметил, что все эти люди как-то особо выделяли его. Дэмьену показалось, что он начинает сходить с ума.

— Почитай свою Библию, — посоветовал Нефф. — В Новом Завете есть «Откровение Святого Иоанна Богослова». Это как раз для тебя, Дэмьен... «Откровение»... для тебя... о тебе...

Дэмьен уставился на Неффа.

— Прочти его, — как-то слишком поспешно бросил сержант. — Прочти, выучи и осознай.

Слезы навернулись на глаза Дэмьену. От ужаса и усталости он заплакал.

— Что мне полагается осознать? — Мальчик с мольбой протянул к сержанту руки. — Пожалуйста, объясните мне.

Нефф долго и пристально разглядывал мальчика, прежде чем ответить. А затем тихо и с нескрываемым подострастием в голосе произнес:

— Кто ты есть.

Дэмьену показалось, что перед уходом Нефф слегка поклонился ему.

Мальчик остался один в темном гулком коридоре, слезы струились по его лицу. Он пытался сосредоточиться и понять то, что наговорили ему все эти люди. Наконец Дэмьен решил заглянуть в «Откровение Иоанна Богослова».

И узнать, было ли там действительно что-нибудь о нем самом.

Глава седьмая

В Дэвидсоновской Академии имелся вполне приличный оркестр, который принимал участие во всех праздниках. Марк был здесь ведущим горнистом. Хотя нотные возможности горна несколько ограничены, Марк удивительным образом приспособился вкладывать в звучание этого музыкального инструмента всю свою экспрессию. Кроме того, Марк получил и особое задание — выдувать на горне различного рода сигналы. Он горнил подъем по школьному громкоговорителю. Ребятам очень нравилось, как мальчик интерпретировал на свой лад обеденный призыв. Даже в постный день, когда повар, кашеваривший, по слухам, еще во времена гражданской войны под началом генерала Ли, стряпал для ребят осточертевшую вермишель с сыром или какого-нибудь резинового тунца, Марк непостижимым образом мог поднять подросткам настроение. В таких случаях он трубил к обеду дополнительное «у-у-у-у», будто импровизировал для солистки стриптиза.

День сегодня выдался пасмурный, и оркестр решил репетировать для парада. Второй этаж общежития делился на маленькие комнатки, напоминавшие клетушки. Окнами они выходили на плац. На первом этаже прямо под спальнями располагались классные комнаты. В центре находился просторный и свободный зал. Именно здесь репетировались различные парадные оркестровки.

Сейчас оркестр исполнял марш, который нравился Марку. Музыка обволакивала мальчика, а барабан стучал в такт

с его собственным пульсом. Прекрасные акустические параметры зала превращали обычную репетицию оркестра в праздник.

Была еще только середина дня, но на улице уже потемнело. Курсанты коротали свободное время либо в своих комнатах, либо в гимнастическом зале.

Никто не обращал внимания на Дэмьена. Мальчик только что стащил у Будмэна Библию. В спальнях курсантов не было Библии. Школа обеспечила своих учеников книгами по футболу и другим видам спорта, но не Словом Божьим. Первым делом Дэмьен отправился искать эту книгу в библиотеку, но не обнаружил здесь ни одного экземпляра. Возможно, он искал не на тех полках. Дэмьен был слишком осторожен, чтобы попросить у кого-нибудь помощи. Он тут же сообразил, что найдет Библию у священника. Нужно будет поискать у него в кабинете.

Дэмьен дождался дневного перерыва. Это было время, когда большинство курсантов и учителей разбредались по своим комнатам. Начиная греметь оркестр. Мальчик прокрался в кабинет священника. Кабинет, как всегда, был не заперт: в Дэвидсоновской Академии все полагались на кодекс чести.

На письменном столе и на полке лежало несколько томов Библии. Дэмьен выбрал книгу в самой тусклой и неприметной обложке, надеясь, что ее хватятся в самую последнюю очередь. Он рассчитывал, что уже сегодня прочитает нужный текст и к вечеру вернет томик на место.

Когда Дэмьен по балкону возвращался к себе в комнату, кровь вдруг запульсировала в висках. Он отодвинул занавеску, которая заменяла курсантам дверь, и присел, чтобы собраться с мыслями. Он едва не терял сознание от головокружения и возбуждения.

Вот-вот прояснится, кто же он такой. Перспектива была, конечно, жуткой. Да и скольким людям достанет мужества открыть указанную страницу, если там сказано об их судьбе?

Дэмьен сорвал одеяло и простыни с кровати и подоткнул их под дверную занавеску. Мальчик пытался загородить свет, чтобы никто не догадался, что он в комнате. Дэмьен вытянул из-под рубашки украденную Библию и, растянувшись на животе, положил книгу на пол так, чтобы на нее падал свет от единственной лампочки возле кровати. Расположившись

на голом матрасе, мальчик принялся листать Библию и, найдя «Откровение Иоанна Богослова», углубился в чтение:

«...и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»

Дэмьен оторвался от книги и попытался понять, что все это может означать. Мальчик вспомнил Марка, который обожал его с самых первых дней, вспомнил и Тедди, который теперь так же в нем души не чаял. Дэмьен подумал о Бухере, о Неффе — они странным образом выделяли мальчика и заставляли думать о его особой значимости. Дэмьен вдруг осознал, что никто из курсантов не может превзойти его по физическим данным, что никто из них не в состоянии ни в чем опередить его.

Волнуясь, мальчик продолжал читать:

«И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с сидящим на коне и воинством Его...»

Внезапно Дэмьен вспомнил, как ясно и отчетливо представил он себе Аттилу, насколько пугающе вжился он в этот образ: ведь мальчик видел себя там, на поле боя, верхом на коне, его окружала воинственная орда, готовая к любым его приказам.

Дэмьен судорожно сглотнул. Что-то росло в нем, и это что-то готово было вот-вот взорваться. Мальчик вскочил с постели и заходил по комнате. Ему необходимо было двигаться. И хотя по мере чтения Дэмьен чувствовал, как его заполняет ужас, мальчик понял, что должен дочитать текст. Он наклонился и схватил книгу, впиваясь в нее горящими глазами:

«Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть».

Дэмьен сообразил, что это всего-навсего метафоры, так же описывали и Аттилу. Когда его воины возвращались с поля битвы, они рассказывали, как свиреп был их вождь и на кого он был похож во время сражения. Мальчик прикинул в уме, как эти повествования обрастали со временем подробностями, пока не стали легендами, а Аттила в них превратился в страшного зверя, против которого не мог устоять ни один человек.

Дэмьен подумал, что, возможно, когда-нибудь о нем самом будут рассказывать подобные истории.

Однако, как только Дэмьен осознал свою власть, в его мозгу тут же мелькнула мысль: «Я не могу! Я же всего-навсего ребенок!»

Мальчик чувствовал, что надо читать дальше, хотя буквы расплывались перед его глазами, полными слез:

«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их. И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет сие начертание, или имя зверя, или число имени его. И дано было ему вести войну со святыми, и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем!»

Сердце Дэмьена готово было выскочить из груди. Он испытывал огромное желание схватить книгу, выбросить ее, затоптать, сжечь и все-все разом забыть.

Мальчик зашвырнул Библию в дальний угол. Она стукнулась о противоположную стену и упала на пол. Тут же в стену постучали, требуя не шуметь.

Дэмьен застыл, уставившись на книгу. Она манила его, как пламя бабочку. И хотя мальчик уже понимал, что Библия сожжет его дотла, он не мог сопротивляться. Разгадка была совсем близко, и ему предстояло узнать ее даже ценой собственной души.

Как в бреду, Дэмьен поднял книгу. Страницы в месте удара измялись и сморщились. Лихорадочная дрожь охватила мальчика. Его руки тряслись. Он с трудом нашел то место в тексте, где остановился, и с огромным усилием продолжил чтение:

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть».

Дэмьен захлопнул книгу. Итак, вот оно, доказательство! Если у него нет этого знака, он в безопасности! Он свободен!

С отвращением прижав к груди Библию, готовый в любой момент разорвать ее в клочья, Дэмьен выскочил из комнаты, распиная по дороге баррикаду из постельного белья. Мальчика уже не беспокоило, видит ли его кто-нибудь. Он мчался по коридору в ванную комнату.

Здесь никого не было. В свете люминесцентной лампы ярко сверкала кафельная плитка, а сумерки за окном сгустились. Ветер шумел в вершинах деревьев. Темные облака стремительно неслись по угасающему небу.

Дэмьен дрожащими руками положил украденную Библию в раковину и встал перед зеркалом, забрызганным зубной пастой. У него почти не оставалось никаких сомнений. Ребром ладони мальчик протер зеркало и взгляделся в свое отражение. Он знал, что на его правой руке не было никакого знака, иначе он давно бы его заметил. И тем не менее Дэмьен еще раз осмотрел в свете люминесцентной лампы свою руку со всех сторон. Ничего. Никаких меток. Рука как рука.

Тогда Дэмьен, глядя на свое отражение, раздвинул над лбом волосы.

Никакого знака.

Он раздвинул волосы в другом месте и снова взглянул на свое отражение.

Опять ничего. Дэмьену внезапно показалось, что он сходит с ума. Что с ним происходит? Зачем он позволил себе вообразить весь этот ужас? Как легко пошел он на поводу у взрослых, внушивших ему подобные мысли. Ему же тринадцать лет, он становится взрослым мужчиной. Он просто начинает ощущать первые сексуальные позывы. Возможно, именно так они и начинают проявляться. И они, наверное, не одного его сводили с ума.

Если бы на месте Дэмьена был кто-то другой, он вполне ограничился бы этой догадкой. Но только не Дэмьен. В конце концов он же причислял себя к клану Торнов, а уж они-то всегда доводили начатое дело до конца.

Дэмьен раздвинул волосы на своем темени.

И тут он увидел нечто ужасное.

Конечно, этой метки никто никогда не видел. Это были три крошечные шестерки, едва различимые даже в свете люминесцентной лампы.

666.

Дэмьен чуть не задохнулся. Он привалился к стене, еле удерживаясь на ногах. Мальчика ошеломило это открытие. Он никак не мог оправиться от потрясения. Значит, все это было правдой. Все, чего Дэмьен страшился, о чем ему толковал Нефф, на что намекал Бухер. Все, все было п р а в д о й.

Слезы брызнули у него из глаз. Он выскочил из ванной комнаты, по-прежнему прижимая к груди Библию. Дэмьен не знал, что ему делать, куда идти. Единственное, что ему хотелось,— это остаться на какое-то время одному.

Дэмьен рванулся к лестнице. Оркестр все еще гремел внизу. Дэмьен протолкался сквозь встречную толпу курсантов и понесся мимо классных комнат. В этот момент его заметил Марк и крикнул:

— Дэмьен!

Но Дэмьен даже не обернулся. Возле кабинета священника мальчик остановился, чтобы вернуть Библию на место. Дверь в кабинет была открыта, и это означало, что священник находился внутри. Тогда Дэмьен швырнул Библию на пол рядом с дверью и помчался обратно. Выскочив из общежития, он пересек стадион, миновал входные ворота в Академию и устремился вниз по дороге.

Так, ничего не соображая, пытаясь скрыться от всех, Дэмьен неслся и неслся вперед, в неизвестность. Он бежал до тех пор, пока его легкие не начали пылать, а ноги одеревенели и перестали ему повиноваться. Дэмьену показалось, что он умрет, если сделает еще хоть один шаг. Споткнувшись, он остановился возле одиноко растущего дерева, упал на колени и зарыдал.

Долго сидел Дэмьен, оцепенев и уставившись в одну точку, затем поднял глаза и взглянул вверх, на потемневшее небо. Прямо над головой собирались дождевые тучи, а откуда-то издали доносились раскаты грома. В отчаянном и безнадежном протесте Дэмьен протянул к небу руки. Что это было — мольба? Или он уже сдался в эти минуты?

Высоко над ним на самую верхушку дерева спланировал огромный черный ворон. Он устоял на охваченного отчаянием и болью мальчика. Глаза птицы как будто источали торжество.

Дэмьен был бы еще сильнее потрясен, окажись он сегодня свидетелем двух невероятных событий.

Первое событие имело место в спальне Поля Бухера. Тот готовился ко сну. Бухер снял с безымянного пальца правой руки кольцо, которое носил с момента «посвящения», и вдруг обнаружил на этом пальце отметку. Знак, с нетерпением ожидаемый им все это время. Отметка была крошечной, ед-

ва различной. Бухера охватил восторг. Три цифры — 666. Наконец-то его приняли.

Второе событие произошло в ванной комнате в небольших апартаментах Дэниэля Неффа. Умывшись и почистив зубы, Нефф, как всегда с момента «посвящения», откинул со лба волосы и наклонился к зеркалу. Вглядевшись сегодня в свое отражение, он заметил ее — эту метку. Наконец-то. Три цифры — 666.

Теперь уже ничто не стояло у них на пути.

Было далеко за десять часов вечера. Марк беспокойно ворочался в кровати.

После репетиции он сразу же вернулся в комнату, где жил вместе с братом. Здесь, на полу, он обнаружил смятую постель. Заправив кровать Дэмьена, он лежал на своей койке и пытался расслабиться. Марк с нетерпением ждал брата. Он никак не мог понять, что же произошло. Сегодня на уроке Марк заметил какое-то неистовое состояние Дэмьена, затем это его поспешное бегство из общежития. Они не успели поговорить, а Дэмьен до сих пор не вернулся. Марк был не на шутку встревожен и не мог заснуть.

Наконец он услышал легкие шаги Дэмьена. Марк повернулся и увидел в дверях своего брата. Тот пристально смотрел на него.

— Где ты был? — с беспокойством спросил Марк. — Я так боялся за тебя!

Дэмьен ни слова не проронил в ответ. Он молча двинулся к своей койке и как-то отрешенно рухнул на нее. Дэмьен устоял в потолок, даже не заметив, что Марк заправил ему постель.

— Дэмьен! — нетерпеливо прошептал Марк, но опять не получил ответа. Он проследил за взглядом своего приемного брата и снова позвал, на этот раз громче: — Дэмьен, с тобой все в порядке?

Долгое время Дэмьен молчал. Наконец он произнес:

— Теперь все в порядке. Выключи свет. А то у нас с тобой возникнут неприятности.

Марк погасил свет. Комната погрузилась во мрак. Когда глаза привыкли к темноте, Марк разглядел неподвижно лежащего брата — он по-прежнему смотрел в потолок невидящими глазами — и тихо спросил:

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?
— Спи, — приказал Дэмьен непривычно резким и твердым голосом. И отвернулся к стенке.

Но прошло еще много времени, прежде чем Марк уснул.

Глава восьмая

Пасариан, измученный сменой часовых поясов, с раздувшимся портфелем спешил по крытому гудроном шоссе. Позади него остывал самый большой самолет компании, только что проделавший беспосадочный перелет из Индии.

Пасариан направился к ближайшему телефонному автомату. Несмотря на поздний воскресный вечер, отложить этот звонок он не мог. Торну необходимо рассказать, что произошло. И немедленно.

В кармане индеец обнаружил кредитную телефонную карточку и горсть индийских монет. Он нервно постукивал по стеклу телефонной будки, ожидая, пока наконец соединится с дачей Торнов на озерах. Поднявший трубку лакей доложил, что Торн будет сегодня только поздно вечером, и пообещал передать своему хозяину послание индейца.

Пасариан расстроился, он никак не мог сообразить, что же ему делать. Некоторое время он размышлял, затем опять снял трубку и, не придумав ничего подходящего, набрал номер Бухера.

Квартира Бухера выглядела такой же безликой и холодной, как и его кабинет. Единственное, что тут по-настоящему привлекало взгляд, захватывающая дух панорама Чикаго.

Бухер читал, когда раздался звонок. Он протянул руку и снял трубку.

— Бухер, — представился Поль.

Последовала пауза, легкая заминка, потом в трубке раздался голос Пасариана:

— Поль, это я, Дэвид. Мне надо кое-что сообщить тебе.

— Где ты? — Голос Бухера напрягся.

— В аэропорту. Здесь, в Чикаго. Мне надо уехать. Неприятности.

Бухер оборвал его:

— Немедленно приезжай сюда.

В это время Ричард и Анна наслаждались одиночеством. Мальчики вернулись в Академию; гости, которых непременно надо было развлекать, разъехались по домам. Да и ни на какие встречи не надо было мчаться сломя голову. Телефон молчал. Торны пребывали в каком-то романтическом настроении и решили вечером прокатиться по снегу на санях.

Это были настоящие сани: огромные и тяжелые. Справиться с ними могла только одна лошадь — Клайдсдэйл. Пару таких лошадей Ричард прикупил на прошлое Рождество у своего приятеля. Анна тогда перекрасила сани, прикрепила к ним колокольчики. И теперь их залиvistый звон задолго предупреждал о приближении упряжки.

Заскрипели полозья, раздался конский топот — это возвращались с прогулки Ричард и Анна. Тесно прижавшись друг к другу под одним теплым одеялом, счастливые и радостные, они только удивлялись за что им такая благодать...

Войдя в дом, Ричард тут же обнаружил послание Пасариана. Он сразу попытался дозвониться до него, но индейца не оказалось на месте. Ричард пожал плечами и повесил трубку.

— Нет дома, — обратился он к Анне и привлек ее к себе. — Завтра утром увижу его. В конце концов не так уж это и важно.

Анна, порозовевшая на морозе, со сверкающими в волосах снежинками, была очаровательна. Она потянулась, чтобы поцеловать мужа.

— Ничего не может быть более важным, чем то, что я для тебя припасла... — вымолвила Анна.

Ричард ответил ей долгим и страстным поцелуем. Тогда Анна взяла его за руку и повела наверх, в их спальню.

Пасариан сидел на черной кожаной кушетке в строгой и элегантной гостиной Бухера и медленно потягивал кофе. Мысли его разбегались. Он чувствовал себя выжатым как лимон. Когда Бухер предложил индейцу выпить что-нибудь крепкое, тот отказался, зная, что моментально уснет от спиртного.

Бухер пытался осмыслить все то, что сейчас рассказал ему Пасариан.

— Итак, ты думаешь, — начал Бухер, — что этот человек не захотел продавать нам землю и потому был убит? Да еще одним из наших людей?

Пасариан устало кивнул.

— Я почти уверен в этом.

— Но это невозможно! — воскликнул Бухер и направился к бару, чтобы плеснуть в бокал спиртного.

— Я объездил восемь провинций, прицениваясь и проверяя землю, и в трех из них...

— Трех?

— Три убийства. — Пасариан отхлебнул глоток кофе и поставил чашку.

— Но кто это мог быть?

— Понятия не имею.

— Да, — глубоко вздохнул Бухер. — Пожалуй, будет лучше, если во всем этом разберусь я сам.

Индеец поднялся.

— Доложить об этом Ричарду? — Он потянулся за пальто.

— Да уж, придется! — ожесточенно произнес Бухер. — Я звякну ему утром. — Он помог Пасариану надеть пальто. — Кстати, — как бы между прочим проговорил Бухер, — Торн хочет тебя видеть.

— Ричард? Зачем?

Бухер проводил Пасариана до дверей.

— Очевидно, что-то с твоей П-84. У тебя на письменном столе должна быть докладная, Ричард обеспокоен. Надо срочно проверить утром. — Он пожал индейцу руку и добавил: — Я не хочу покрывать это, Дэвид.

Пасариан кивнул.

— Ладно, я проверю, — бросил он и открыл дверь.

Бухер устремил взгляд в окно, рассматривая очертания Чикаго.

— Надеюсь, эти люди на полях не слишком энергичны? — тихо произнес он. Потом обернулся к индейцу и улыбнулся: — Спасибо, что заглянул, Дэвид. Я действительно ценю твое доверие.

Пасариан кивнул, попрощался с Бухером и вышел, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке. Он размышлял, правильно ли только что поступил.

Плохие новости, привезенные внезапно возвратившимся Пасарианом, начисто выбили из колеи Бухера. Надо было доложить обо всем Торну. Кроме всего прочего, предстояла эта мышиная возня с установкой П-84. Голова у Бухера шла кругом от всех этих забот. Поэтому неудивительно, что он начисто забыл, какой сегодня день. А ведь именно сегодня должны были приехать курсанты из Академии, чтобы осмотреть недавно приобретенный сельскохозяйственный завод.

Когда Бухер выглянул из окна и увидел внизу автобус Дэвидсоновской Военной Академии, он весьма удивился, немедленно вызвал секретаршу и велел на время отменить все телефонные разговоры. Необходимо было заняться мальчиками.

«Едва ли можно было выбрать более неудачный день», — подумал Бухер.

Тем временем подростки оживленно обменивались впечатлениями. До сего момента они имели лишь отдаленное представление, насколько богаты Торны. Но сегодня, увидев все эти кирпичные громады, занимающие по площади целый город — в таких небольших городках жили некоторые из курсантов, — мальчики были просто ошеломлены. Кто-то даже присвистнул.

Тедди решил разрядить возникшую напряженность.

— А входит ли в экскурсию обед? — Он похлопал себя по животу и облизнул губы наподобие некоего гротескового персонажа из мультфильма.

— Конечно, — вежливо заверил его Дэмьен.

Марк решил продолжить начатую Тедди игру.

— Мы проверим на тебе действие нового пестицида, — заявил он, и все рассмеялись.

Курсанты вошли в главное здание компании, где их уже ждал Бухер.

Дэмьен вдруг почувствовал, что несколько смущается в его присутствии. У мальчика не было времени, чтобы усвоить даже самую часть того, что он узнал о себе. И хотя Дэмьен ощущал себя сильнее и увереннее, он прекрасно понимал, что время действий еще не наступило. Мальчик, мельком глянув на Бухера, прочитал надпись на стеклянной стене, мимо которой они проходили: «Сектор пестицидов. Вход воспрещен. Только для сотрудников».

Бросив взгляд сквозь стекло, Дэмьен успел рассмотреть просторное помещение размером с добрую баскетбольную площадку. Мальчик заметил Пасариана. Зал был битком набит разноцветными, замысловато переплетенными трубами и шлангами и походил на внутренности очень большого и сложного робота.

Эта лаборатория, созданная Пасарианом, была его детищем. Именно здесь собирались совершенствовать и другое приобретение индейца — установку П-84.

Пасариан стоял у большого компьютерного пульта, наблюдая, как на монитор поступает нужная информация.

Представив мальчиков одному из своих сотрудников, Бухер отрядил его сопровождать ребят. Сам же поспешил назад, в свой кабинет. Здесь предстояла очень важная конференция. Эту встречу готовили в течение нескольких недель.

Бухер предпочитал иметь дела с людьми, в чьих жилах бурлила молодая кровь, кто был до краев наполнен энергией и силой. Он безгранично мог сеять свои идеи в таких пытливых и одержимых жаждой деятельности умах. Только эти молодые люди могли стать достойными и исполнительными союзниками в борьбе за осуществление его проектов.

Бухера не переставало удивлять, какими же юными выглядели эти люди: одинаково причесанные и все как один в костюмах-тройках. Ему вдруг показалось, что он обращается со вступительным словом к выпускникам Гарвардской школы бизнеса.

— Если проект приобретения земель, какой мы сейчас пытаемся осуществить в Индии, станет реальностью, — разглагольствовал Бухер, — нам придется опасаться местного населения, которое вдруг решило, что мы начнем его эксплуатировать. Ерунда, мы не собираемся этого делать! Мы находимся там, чтобы помогать! У этих людей, конечно не по их вине, отсутствуют и культура, и образование. Мы принимаем все это как само собой разумеющееся. Мы нерадиво будем исполнять свои обязанности как сотрудники «Торн Индастриз» и как американцы, — Бухер удовлетворенно отметил про себя, что в должном порядке расставил эти слова, — если не поделимся нашим изобилием с теми, кто несчастлив и голоден. И еще запомните: обеспечивая пищу Индию и Ближний Восток, мы предотвратим продвижение в эти регионы

русских. Таким образом, мы приобретем не только благодарность, но и ресурсы.

В кабинет вошла секретарша.

— Мистер Пасариан приступил к испытанию П-84, — сообщила она, залившись краской при виде столь многочисленного племени молодых мужчин. — Вы просили доложить об этом.

— Спасибо, — поблагодарил Бухер. Он повернулся к аудитории и улыбнулся. — Джентльмены, — обратился он к молодым людям, — отдохните полчасика. — И вышел, прикрыв за собой дверь.

Эти могли и подождать. Никаких отлагательств не терпело лишь дело с Пасарианом.

Сотрудник, сопровождавший мальчиков по заводу, был благовоспитанным молодым человеком. Он принадлежал к низшим эшелонам власти и работал в отделе связей с общественностью. И действительно, молодой человек в это утро всего себя посвятил ребятам, надеясь, что его ретивость произведет на юных сыновей Торна благоприятное впечатление и они со временем о нем вспомнят.

Молодой сотрудник только что привел ребят в сектор пестицидов.

— Чтобы урожай был как можно богаче и для ускорения его созревания, — объяснял он, — требуются более эффективные и улучшенные удобрения, а также вновь изобретенные пестициды.

Группа остановилась перед запертыми дверями. Это и был отдел по производству пестицидов, где Пасариан проводил испытание своей установки П-84. Гид показал охраннику свои документы и незаметно сунул двадцатидолларовую бумажку. Это помещение никогда не включалось в обычную экскурсию, но молодому сотруднику так хотелось сделать для юных Торнов и их друзей что-то особенное.

Распахнулись массивные двери, и курсанты вошли внутрь помещения. Двери за ними немедленно захлопнулись. На полную мощность гудели машины, и сопровождающему ребят сотруднику пришлось повысить голос, чтобы его услышали.

— Сложная работа, — он почти кричал, — целиком выполняется всего лишь тремя сотрудниками вон там, у компью-

терных пультов.— Гид указал в направлении застекленной площадки прямо посреди зала.— Вот почему вы здесь никого не видите.

Большинство ребят были несколько ошарашены масштабом происходящего. Но только не Тедди. Мысли его опять застопорились на привычной теме.

— А существуют ли в природе пестициды, повышающие сексуальную активность? — поинтересовался Тедди.

— О господи, Тедди, — накинулся на него один из курсантов.— Ты опять об этом!

Но молодой сотрудник как ни в чем ни бывало продолжал свое объяснение.

— Тедди совершенно прав, — возразил он, — сексуальные стимуляторы — феромоны — извлекают из насекомых и прячут в ловушку, чтобы привлечь особей противоположного пола, в этом-то капкане и гибнут насекомые. А истребив достаточное количество представителей одного пола, вы, по существу, уничтожите и сам вид, так как не остается никого, кто бы мог его воспроизводить.

Однако вся эта информация бледнела по сравнению с грандиозностью происходящего. Гид провел ребят по металлической лестнице прямо под потолком. Они находились теперь высоко над лабиринтом разноцветных труб.

— Это устройство для сортировки, — на ходу продолжал объяснять молодой сотрудник, то и дело срываясь на крик.— Оно, как и все остальное тут, компьютеризировано. Установка запрограммирована таким образом, чтобы поставлять на главный завод точные порции смесей вещества и растворов из складских цистерн.

Теперь все могли видеть Пасариана, расположившегося внизу, рядом со сложнейшей измерительной системой. Она фиксировала необходимое давление и крепилась в связке желтых труб.

Пасариан взглянул вверх и узнал своих юных друзей.

— Марк! Дэмьен! — позвал он.— Что вы здесь делаете? — Индеец был встревожен их присутствием. С испытанием установки что-то никак не клеилось.

Мальчики улыбнулись ему.

— У нас грандиозная экскурсия! — прокричал Дэмьен. Потом они вместе с Марком помахали Пасариану рукой и двинулись дальше. Индеец почувствовал замешательство.

Как раз в этот момент, где-то в дальнем углу зала, внезапно лопнула труба, и из нее с шипением повалил густой зеленоватый пар. Он стремительно наполнял зал.

— Утечка! — закричал кто-то.

Пасариан поднял глаза и увидел, как лицо его помощника исказилось от вдыхания ядовитого газа. Помощник еще раз судорожно вздохнул, потерял сознание и опрокинулся через поручень. Он упал на пол, разможив себе голову.

Пасариан не верил собственным глазам. Он бросился к компьютерному пульту и заорал:

— Всем выйти! Заберите отсюда детей!

Его приказ долетел до экскурсантов. Их гид испуганно оглянулся. Газ уже почти поднялся до их уровня.

Пасариан впился глазами в показания измерительных приборов. Давление стремительно падало по мере того, как из развороченной трубы мощной струей уходил газ.

На пульте имелась кнопка тревоги. Пасариан изо всей силы надавил на нее. Сквозь стекло он глянул в прилегающий компьютерный зал и увидел, что два техника в белых халатах оживленно болтают друг с другом. Аварийная кнопка, похоже, не срабатывала. Откуда мог знать индеец, что эту кнопку сегодня утром установил его начальник — Бухер?

Пасариан снова нажал кнопку, но оба техника как ни в чем не бывало продолжали свою беседу. Очевидно, они ничего не замечали.

И тут индеец услышал крики курсантов. Ребята задыхались и кашляли, они, спотыкаясь, наталкивались друг на друга в отчаянной попытке выбраться отсюда. Охваченные ужасом, курсанты жадно хватали ртом воздух. Слезы струились у них из глаз. У некоторых ребят на лицах и руках высыпали крошечные волдыри.

Сопровождающий курсантов сотрудник бросился к грузовому лифту и принялся неистово нажимать все кнопки подряд.

Но безуспешно. Лифт не работал.

Сотрудник тыкал в кнопку за кнопкой. Он не знал, что ему делать. Меньше всего в этой ситуации молодой человек боялся за свою собственную жизнь. Но допустить, чтобы с кем-нибудь из юных Торнов случилась беда, — этого он не мог. Чего будет стоить тогда его собственная жизнь?

Единственным человеком, кого, казалось, совершенно не коснулась всеобщая паника, был Дэмьен. Газ не действовал на него. Он оглянулся на своих друзей, уже начинающих терять сознание. И тут впервые Дэмьен ощутил свою особую силу.

Понял мальчик и другое. У него появилась свобода выбора. Он может сейчас уйти и остаться в живых. Он будет единственным уцелевшим в этой аварии. Но есть еще одна возможность. Дэмьен поможет всем остальным выпутаться из этой ситуации и, конечно, тут же попадет в герои.

Странно, но все это начинало обретать для него некий смысл.

Дэмьен решил помочь ребятам. Ему пришлось по вкусу мысль прослыть героем. Мальчик быстро оглядел потолок и заметил металлический трап, закрепленный на стене и ведущий к люку, который выходил, очевидно, на крышу.

— Туда! — крикнул Дэмьен и устремился к трапу. Он ловко и грациозно вскарабкался по нему, дотянулся до портика и, наконец, распахнул люк, впустив потоки солнечного света и свежего воздуха.

Остальные ребята брели, еле передвигая ноги, вдоль узкого прохода. Они опирались друг на друга. Мальчики на ощупь взобрались по трапу на крышу, где тут же рухнули, распластав руки и глубоко вдыхая воздух тяжелыми, жадными глотками.

Внезапно Дэмьен вспомнил про Пасариана. Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, все ли на месте, потом повернулся и снова скользнул вниз. Мальчик двигался быстро и осторожно по верхнему коридору. Потом он молниеносно сбежал по какой-то металлической лестнице уровнем ниже.

Никого. Пасариана и след простыл. Лишь зеленый ядовитый газ, клубясь, наполнял зал. Сработал наконец аварийный сигнал, и кругом замелькали красные огни.

Дэмьен перебежал на другую сторону и спустился по лестничному пролету на следующий уровень.

И здесь он увидел Пасариана. Но индеец уже ни на что не реагировал. Скорчившись, он лежал рядом с развороченной трубой. Рука индейца была вытянута вперед, по-видимому, это была его последняя попытка заделать отверстие. Вздувшееся и покрытое волдырями лицо было практически неузнаваемо.

Дэмьен с отвращением отвернулся и со всех ног кинулся к лестнице.

Вновь очутившись на крыше, мальчик обнаружил, что остальные ребята все еще находятся в состоянии панического смятения. Они катались по крыше, задыхались, жадно хватая ртом воздух. Дыхание с присвистом вырывалось из легких. От боли слезы струились из глаз.

Дэмьен пробирался между корчившимися телами к Марку. Ему необходимо было узнать, в каком состоянии находится его брат.

И пока Дэмьен разыскивал Марка, он внезапно осознал, что вот такой — нынешний — он начинает себе нравиться. И плевать на то, кто он есть на самом деле.

Глава девятая

Узнав о случившемся, Ричард Торн и Анна покинули Озерный уголок и помчались в Детский госпиталь, куда после аварии отвезли курсантов.

Торн стоял бледный и небритый. Его трясло от гнева. Он разговаривал с Бухером по больничному телефону рядом с палатой мальчиков.

— Кажется, с ними обошлось, — говорил Ричард, — но я пока был не в состоянии переговорить с врачом. Мне нужен полный отчет о том, что произошло, и этот отчет должен лежать сегодня на моем письменном столе!

Ричард бросил трубку и, вконец измученный, тяжело привалился к стене.

Краешком глаза он заметил высокого и красивого чернокожего врача, входящего в палату мальчиков. Торн бросился за ним. Он с нетерпением ждал результатов предварительных анализов.

Анна сидела на стуле меж двух кроватей. Марк был бледен и слаб. Однако Дэмьен, похоже, чувствовал себя вполне прилично.

Врач подошел к Анне. Он назвался доктором Кейном. Торн стоял позади него.

— С мальчиками все будет в порядке, — обнадежил доктор Кейн. — Мы проверили, не повреждены ли у кого из ребят легкие. Никаких признаков. Какое-то время их еще будет подташнивать, но постоянных...

— Я хочу, чтобы за всеми ухаживали самым лучшим образом,— прервал его Торн.

Доктор Кейн утвердительно кивнул.

— Конечно,— согласился он, отводя Торна в сторону.— А нельзя ли мне переговорить с вами лично? Всего минуточку?— прошептал врач.

— Да, да, конечно.— Торн последовал за доктором в коридор.

Дэмыен, лежа в кровати, пристально наблюдал, как они выходили.

Выйдя в коридор, доктор Кейн подождал, пока пройдет медсестра, и, когда уже никто не мог их услышать, тихо заговорил.

— Мы провели все возможные анализы крови и поврежденных тканей. Каждый мальчик в той или иной степени подвергся воздействию газа. Каждый, за исключением вашего сына Дэмыена.

Мускулы на лице Торна дрогнули.

— Что вы имеете в виду?— спросил Ричард.— Он что...

Доктор Кейн перебил его.

— Нет, нет, мистер Торн. Это совсем не то, что вы думаете.— Врач изо всех сил старался объяснить все как можно деликатней. Дэмыен вообще не подвергся никакому воздействию... совсем.

В палате Дэмыен обратился к Анне.

— Как ты думаешь, что происходит?— Его глаза начали затуманиваться темным и холодным гневом.

— О, скорее всего ничего,— рассеянно произнесла Анна.— Доктора ведь так любят всякие секреты.

Когда мужчины вернулись в палату, Ричард выглядел очень расстроенным.

— Доктор просил оставить Дэмыена здесь еще на пару дней,— произнес он, пытаясь говорить непринужденно.— Ему необходимо провести еще кое-какие анализы.

Дэмыен сел на кровати.

— Но со мной же все в порядке,— запротестовал он.— Почему мне надо остаться, если...

— Вы хотите провести повторные анализы?— прервала мальчика Анна, обращаясь к доктору Кейну.

Торн выразительно взглянул на них: не в присутствии ребят.

Дэмьен снова заговорил:

— Я не хочу оставаться здесь!

Анна подошла к мальчику и взяла его руки в свои.

Марк тоже поспешил на помощь брату:

— Если он останется, то и я с ним.

Анна устремила взгляд на врача.

— Почему мы не можем сейчас же забрать их домой? Мы приведем сюда Дэмьена на следующей неделе. Ведь так ужасно все, что с ними произошло.

— Может быть, так и сделаем? — робко спросил Ричард.

Похоже, доктору Кейну не очень нравился этот вариант, но врач прекрасно понимал, что он окончательный.

— Хорошо, — согласился доктор Кейн.

Анна, торжествуя, улыбнулась и еще раз обняла Дэмьена.

— Замечательно, мальчики, — обратилась она к ним. — Почему бы вам теперь не отдохнуть, а попозже мы заедем за вами и отвезем на озеро, договорились? Свежий воздух будет вам полезен.

Мальчики радостно закивали, расцеловались с родителями и проследили взглядом, как за ними и доктором Кейном закрылась дверь.

В тот же день поздно вечером доктор Кейн сидел в лабораторной лаборатории, склонившись над микроскопом. Он пытался усвоить значение только что увиденного и в сотый раз уставился на стеклянную пластинку с мазком крови. Затем заглянул в справочник, лежащий подле него: это была толстая голубая книга с мелким шрифтом и до мельчайших деталей подробными фотографиями, потом снова уставился на слайд. Ошибки быть не могло.

Кровь Дэмьена Торна содержала хромосомный набор шакала.

Это походило на какую-то абракадабру, что-то вроде дурацкой шутки, и тем не менее доказательство было налицо. Вот с ним-то рассудительный ум Кейна и вел сейчас борьбу.

По необъяснимой причине Кейну не хотелось заниматься всем этим в одиночестве. Врач поднял трубку и набрал внутренний добавочный номер. Совершенно случайно его друг и коллега оказался на работе.

— Да,— буркнул знакомый голос.

— Бен! — крикнул Кейн. — Слава Богу, ты еще на месте! Можно я спущусь к тебе на минутку? Надо перекинуться парой слов.

— Вообще-то,— раздался хриловатый голос,— я уже уходил.

— Пожалуйста, это срочно,— попросил Кейн.

— Ладно, спускайся,— согласился наконец коллега.

— Спасибо, Бен. Через минуту буду.— Кейн повесил трубку, аккуратно поставил слайд в контейнер и, засунув справочник под мышку, направился к лифту.

В Озерном уголке все крепко спали. И лишь Дэмьен бодрствовал. Он неподвижно лежал в постели. Его широко раскрытые глаза были устремлены в одну точку. Казалось, они глядели на что-то невидимое, находящееся в ином, далеком измерении. Мальчик чувствовал, что ему необходимо сосредоточиться на этом. Он изо всех сил сконцентрировался. Пот выступил на его лбу, и все тело охватила дрожь.

Доктор Кейн вошел в лифт и нажал кнопку. Ему надо было спуститься на шестнадцатый этаж. Дверцы плавно захлопнулись, и лифт двинулся.

Но почему-то не вниз, а вверх.

Врач глянул на светящееся табло. 21...22...23... Он снова нажал на кнопку «16». Лифт остановился, и дверцы разошлись.

Доктор Кейн в третий раз надавил ту же кнопку.

Дверцы лифта сомкнулись, и он наконец поехал вниз: 19...18...17...

Лифт миновал шестнадцатый этаж и, набирая скорость, продолжал спускаться.

Кейн испугался и ощутил замешательство. Он уронил справочник и слайды. Врач судорожно тыкал пальцем во все кнопки подряд. Все они вдруг разом загорелись и начали мигать. Лифт набирал скорость. Он стал вибрировать и трястись.

10...9...8...

— Господи, Боже мой! — закричал Кейн, колотя по панели и нажимая все кнопки и выключатели.

5...4...3...

Внезапно лифт, дернувшись, застопорился. Кейна швырнуло на пол. В мертвой тишине на полу лифта неподвижно лежал врач, боясь шевельнуться или вздохнуть.

Потом медленно и осторожно он перевернулся. Все. Кейн не мог в это поверить. Ощупав всего себя, он убедился, что ничего не сломал. Кажется, все обошлось. Он был ошеломлен, но не ранен. Кейн заметил, что слайды разбились, но сейчас ему было на это наплевать. Он радовался, что остался жив.

А высоко над ним, в шахте, от внезапной остановки лифта, оборвался один трос. В эти мгновения он падал с молниеносной скоростью как огромный, смертоносный кнут.

И тут Кейн услышал звук: высокий, пронзительный, металлический визг. Врач огляделся, но так и не понял, откуда исходит этот шум. Он поднял глаза и успел заметить, как трос надвое перерезал крышу лифта, скользнул вниз и то же самое проделал с полом, заодно расчленив пополам и самого Кейна.

Дэмыен наконец расслабился; глаза его закрылись, и он уснул, так мирно и безмятежно, как не спал уже целую вечность с тех самых пор, когда почувствовал это странное внутреннее волнение. На шестой день июня.

Глава десятая

Ричард с Анной валялись в постели, просматривая доставленные вместе с завтраком утренние газеты. Ричард уткнулся в свою любимую «Уолл Стрит Джорнэл», Анна же предпочитала «Чикаго Трибюн».

Сейчас, раскрыв газету, Анна чуть не задохнулась.

— Ричард! Посмотри! — вскрикнула она, протягивая мужу газету.

Там помещалась жуткая фотография погибшего доктора Кейна. Внизу была напечатана сопровождающая статья о трагедии в лифте накануне вечером. Там же рядом коротко излагалось и об утечке газа на «Торн Индастриз».

Ричарда не особенно взволновала гибель доктора Кейна. Он тут же пробежал глазами заметку об аварии в компании,

интересуясь, в каком свете выставили журналисты эту историю.

— Только вчера еще мы разговаривали с ним, — задумчиво произнесла Анна, накручивая на палец прядь волос. — Тебе не кажется, что во всем этом присутствует нечто сверхъестественное?

— Гм-м-м...

Анна отхлебнула глоток кофе и в упор посмотрела на мужа.

— В любом случае, интересно, что за анализы собирался провести доктор Кейн?

— Я не уверен, — пробормотал Ричард, — я не думаю, что даже он... — Торн вдруг умолк. — А где мальчики? — внезапно спросил он.

— Спят, я полагаю. А что?

Ричард отложил газеты и повернулся к Анне.

— Я просто не хочу, чтобы они об этом узнали.

— Но почему? — Анна забеспокоилась. — Что тебе сказал врач?

— Похоже, на Дэмьена газ никак не подействовал.

— Ну а что же в этом плохого-то? Нам следует благодарить судьбу...

— Но именно это обстоятельство взволновало врача, — возразил Ричард. — Так произошло потому, что у Дэмьена, как утверждал доктор Кейн, иная хромосомная структура.

— Иная? — воскликнула его жена. — Да это просто какой-то абсурд!

— Именно так я ему и ответил, — согласился Ричард. — Но, похоже, доктор Кейн был по-настоящему обеспокоен.

Анна некоторое время сидела молча, потом спросила:

— И что же ты намерен предпринять?

— Да ничего. — Ричард снова потянулся за своей газетой. — Я не покупаюсь на эти генетические штучки. Дэмьен в полном порядке.

Доктор Чарльз Уоррен только что вернулся из Эйкры, где возглавлял утомительную отправку последних экспонатов, найденных во время раскопок в замке Бельвуар. Экспонаты было намечено выставить в музее Торна.

Уоррену так и не удалось увидеть стену Игаэля. Бесценный экземпляр был упакован и отправлен до того, как прибыл ученый. Уоррен очень расстроился по этому поводу. С тех самых пор, как его погибшая приятельница журналистка Джоан Харт устроила из-за стены такой скандал, его словно магнитом потянуло к этому экспонату. А теперь он вынужден дожидаться, когда стена Игаэля прибудет наконец в Чикаго, или же мчаться в Нью-Йорк и отлавливать ее там, карауля приход судна.

Уоррен испытал нечто похожее на счастье, когда ступил на порог своего кабинета. Ученый полагал, что его кабинет является лучшим рабочим местом во всем здании музея. Кабинет находился на уровне подвала, он примыкал к котельной и тем самым обеспечивал тишину и уединение, необходимые для работы. Особенно в такие вот вечера, как сегодняшний, когда музей уже закрыт и все разбрелись по домам.

Кабинет Уоррена был оборудован по последнему слову техники, все это оснащение помогало ученому сохранять и реставрировать древние находки. Здесь имелись специальные кондиционеры, инфракрасное с ультрафиолетовым освещением, переносные обогреватели, напичканные термостатами, уйма каких-то химикатов в бутылках, многочисленные кисти, а также масса различных ножей и ножичков.

Имея в своем распоряжении эту любопытную комбинацию из древних памятников и современной технологии, ученый добивался того, что фреска вековой давности выглядела как новенькая. При этом оригинальный замысел художника оставался неповрежденным. Для реставрации Уоррен использовал только те материалы, что были доступны древним художникам.

Доктор Уоррен рассматривал сейчас некоторые вещицы, полученные накануне из Эйкры. Отодвинув в сторону несколько бронзовых ножей и пару глиняных плошек, он вытащил очень древней кожаный сундучок. Это был один из экспонатов, которые Уоррен привез сюда на самолете лично. Предполагая их ценность, он только и ждал подходящего момента, чтобы в одиночестве внимательно осмотреть эти находки.

Доктор Уоррен развязал кожаные ремешки и открыл сундучок. Заглянул в него, понюхал. На поверку оказалось,

что сундучок был не таким уж древним, хотя, конечно же, далеко не современным.

Ученый сунул внутрь руку и вытащил несколько туго перевязанных пергаментных свитков. Он отложил их в сторону. Потом снова полез в сундучок и извлек оттуда миниатюрное распятие с фигуркой Спасителя. Христос, казалось, мучился в страшной агонии. Ученый уставился на предмет. Затем отложил его и снова запустил руку внутрь сундучка, доставая оттуда вполне современный конверт. Доктор Уоррен был крайне заинтригован, но и этот конверт последовал за уже извлеченным содержимым.

В сундучке кое-что еще оставалось.

Уоррен поднял со дна довольно увесистый сверток, обернутый в ветхую, разодранную тряпку: когда ученый вытаскивал этот сверток, что-то внутри него звякнуло. Он развернул ткань и обнаружил семь тонких, очень острых и, похоже, невероятно древних кинжалов. Рукоятки их — каждая в виде распятого на кресте Христа — были вырезаны из слоновой кости.

Любопытство Уоррена достигло предела. Он схватил конверт и разорвал его. Оттуда вывалилась кипа каких-то бумаг. Ученый изумленно уставился на нее. Он узнал почерк Карла Бугенгагена.

Уоррен начал читать бумаги.

Сегодня был один из тех редких чудесных вечеров, когда семья Торнов собралась в собственном кинозале и смотрела захватывающий вестерн. Полсеместра мальчики уже отзанимались и теперь приехали на отдых.

На экране высокий мужчина шагал по улице какого то заштатного городка. Руки его находились на бедрах, в нескольких дюймах от рукояток револьверов.

Мужчина, конечно же, не заметил короткое дуло винчестера, нацеленное на него из окна третьего этажа, как не заметил и колебания занавесей в окне второго этажа, где находился, по мысли режиссера, пустой продуктовый склад.

И вот грянул выстрел, мужчина упал.

Внезапно изображение начало множиться, стало каким-то размытым, а затем перескочило с экрана на стену.

— Пристрелить киномеханика! — завопил Дэмьен.

И тут же из отверстия в стене высунулась голова Марка. Мальчик крикнул в ответ:

— Упал замертво! — Он нетерпеливо повернулся к проектору, исправляя неполадки.

Как правило, у проектора стоял один из лакеев, но Марк упросил Ричарда научить его пользоваться аппаратом. Сегодня мальчик впервые выступал в роли киномеханика и, как нарочно, застопорил фильм на самом интересном месте.

К счастью, Марк быстро справился с забарахлившим проектором и снова запустил фильм. Все это время Дэмьен сочувственно подбадривал брата.

И вот герой вскакивает на ноги и устраивает восхитительную пальбу. Правой рукой он выхватывает пистолет и наповал укладывает человека с винчестером, а левой вытаскивает еще один пистолет и отправляет на тот свет кого-то за колеблющейся занавеской. Этот кто-то вынужден рухнуть прямоком на крышу склада, а потом, прокатившись по ней, свалиться оттуда на стоящую внизу лошадь. Сам герой тут же прыгает на другую лошадь и скачет навстречу заходящему солнцу под общие громкие аплодисменты.

— Ну! Хотя конец счастливый! — произнесла Анна, пока Дэмьен включал свет.

— Так, средненький фильм, — резюмировал Дэмьен.

Анна улыбнулась и покачала головой.

— А не слишком ли ты молод для подобной циничности? — Она встала и потянулась. — Кто желает сэндвич?

— Первый! — Ричард поднял руку.

— Второй! — Присоединился к нему Дэмьен.

— По-моему, Марк тоже не против, — сказала Анна и пошла на кухню.

Тем временем Марк в будке осторожно сматывал фильм, стараясь не поцарапать киноленту. Дэмьен свертывал экран, а Ричард складывал настольную игру.

Внезапно раздался звонок в дверь. Ричард с Дэмьеном в один голос воскликнули:

— Кто бы это мог быть?

Дэмьен пожал плечами:

— Пойду открою, — бросил он и направился к входной двери.

На пороге стоял Чарльз Уоррен. Он насквозь продрог и весь был запорошен снегом. В руках он сжимал конверт с бумагами Бугенгагена. Ученый дрожал, но не от холода. Только что он прочел нечто такое, что до смерти напугало его.

Когда дверь открылась и Уоррен увидел перед собой Дэмьена, он чуть не задохнулся от неожиданности. Чарльз попытался улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная, и Дэмьен мгновенно уловил эту перемену. Он моментально насторожился.

— Хэллоу, доктор Уоррен,— чеканя слова, произнес мальчик.

— Привет, Дэмьен,— Чарльз попытался говорить как можно естественней.— Ты не передашь папе, что мне необходимо повидать его?

— А он вас ждет?— вопрос Дэмьена прозвучал сухо и официально. Мальчик даже не пригласил ученого в дом.

— Пожалуйста, передай ему, что я здесь,— произнес Уоррен, и в его голосе зазвенели стальные нотки.

Дэмьен на секунду заколебался, потом проговорил:

— Входите.

Уоррен шагнул в холл, и мальчик прикрыл за ним дверь.

— Я передам ему, что вы здесь,— сказал он и направился в комнату.

Уоррен стряхнул с куртки снег.

— Там доктор Уоррен,— сообщил отцу Дэмьен.— Он хочет видеть тебя.

— Чарльз?— Ричард обрадовался, но удивился.— Отлично! Так веди же его!

Но Уоррен, не вытерпев, уже сам входил следом за мальчиком.

— Попроси маму слепить еще один сэндвич для доктора Уоррена,— велел Ричард Дэмьену, который молча вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, Дэмьен дал волю своему бешенству. Ему не требовалось никакого объяснения, зачем здесь Уоррен и какова причина столь странного взгляда, каким ученый окинул в дверях мальчика. Но он ничего не мог сделать—пока. Дэмьен поспешил на кухню заказать еще один бутерброд, как ему было велено.

Пока Ричард наполнял коньяком два бокала, Уоррен размышлял, с чего ему начать.

Торн совершенно забыл о Марке, который все еще продолжал перематывать пленку. Мальчик находился в будке, откуда было слышно каждое слово беседы доктора Уоррена с отцом.

Чарльз взял предложенный Ричардом бокал с коньяком и отхлебнул такой большой глоток, что хозяин удивленно взглянул на него.

Алкоголь придал Уоррену храбрости, и он решил спросить Торна напрямик.

— Ричард, — начал он, — можно я спрошу тебя об одном очень деликатном деле?

— Чарльз, мы же друзья, — подбодрил приятеля Торн. — Продолжай.

Уоррен глубоко вздохнул и поинтересовался:

— Ты не мог бы мне сказать, что на самом деле произошло в Лондоне с твоим братом?

Голос и поведение Ричарда резко изменились, в них появилась та холодная твердость, которая пресекала все разговоры на подобную тему.

— Почему ты задал этот вопрос? — наконец выдавил из себя Ричард.

— Накануне я распечатал прелюбопытнейший сундучок, который нашел в Эйкре. Принадлежал он Бугенгагену. В этом сундучке содержались личные вещи археолога. А нашли его рядом со скелетом Бугенгагена.

— Ну и что? — выпалил Торн. В его голосе начинало звучать нетерпение.

— Знал ли ты, что именно Бугенгаген вручил твоему брату кинжалы? Те самые, которыми Роберт пытался заколоть Дэмьена?

Торн резко оборвал друга:

— Что ты такое несешь, черт подери?

В проекционной будке Марк, холодея, вслушивался в разговор.

— Семь лет назад Бугенгаген написал тебе письмо, — продолжал Уоррен.

— Письмо? Мне? — Торн принялся взад-вперед ходить по комнате. — Я не получал никакого письма.

— Он не успел его отослать. Письмо находилось в сундуке.

— И ты его прочел? — произнес Торн обвиняющим тоном.

Уоррен как-то весь сжался.

— Ричард, — умоляюще вымолвил он. — Ты же знаешь меня. Я человек рациональный. Но то, что я хочу тебе сейчас сказать, прозвучит наверняка совсем по-иному.

— Ну давай же, Уоррен, выкладывай все поскорее, ради Бога!

— Бугенгаген утверждает, что Дэмьен... — Уоррен судорожно сглотнул, — что Дэмьен... орудие Дьявола. Антихрист!

Торн уставился на Уоррена так, будто тот сошел с ума.

А в проекционной будке у Марка перехватило дыхание.

Уоррен тем временем продолжал:

— Он не человек, Ричард. Я понимаю, все это выглядит сумасшествием, но Бугенгаген утверждает, что Дэмьен — порождение шакала!

Торн рассмеялся.

— И ты не преминул тут же выложить мне все это? — Он мотнул головой и собрался уйти.

Уоррен осушил бокал и поставил его на стол.

— Твой брат все понял, — заговорил он, следуя за Торном. — Он приехал к Бугенгагену в отчаянии, не зная, что ему делать. Старик поведал Роберту, как покончить с мальчиком.

Торн с грохотом опустил на столик стакан и повернулся к Уоррену.

— Мой брат был болен, — ледяным тоном произнес он. — Болен психически. Смерть его жены...

— ...вызвал Дэмьен! — закончил за Ричарда Чарльз. — И все остальные смерти... пять необъяснимых случаев. Кажется, это лишь часть тех предначертаний, что записаны в «Откровении Иоанна Богослова». — Уоррен понимал, что вступил на опасный путь, но продолжал, не обращая внимания на раздражение Торна. — Бугенгаген...

— Который, очевидно, свихнулся, — перебил Чарльз хозяин.

Уоррен в изнеможении покачал головой. Страх вновь овладел ученым.

— Я знаю, все это звучит безумно... — признался он.

— Но ты этому веришь, — возразил Ричард.

Уоррен вытащил из кармана письмо Бугенгагена и швырнул его на стол.

— Вот это письмо. Прочти его сам.

— Нет.

— Если Бугенгаген прав, — настаивал Чарльз, — то все мы в опасности. Ты, Анна, Марк — все мы. Вспомни-ка, что случилось с Джоан Харт — она знала.

Торн оставался несокрушим.

— Я не намерен читать бредни старого маразматика! — произнес он.

— Ричард, — умолял Уоррен, — я знал Бугенгагена. Он не был старым маразматиком. Неужели ты не испытываешь ни малейшего подозрения? Неужели ничего странного...

— Нет! — заорал Торн.

Уоррену вдруг показалось, что Ричард его сейчас ударит, но он настойчиво продолжал:

— Ты не замечал ничего такого, что показалось бы тебе странным? Ни в словах, ни в поведении мальчика?

— Я хочу, чтобы ты сейчас же ушел, Чарльз...

— Смерть уже не раз посетила нас...

— Убирайся! — Торна затрясло от ярости.

Но Уоррен уже не мог остановиться.

— Знаки слишком очевидны, Ричард. Да и совпадения что-то уж больно участились. Куда уж дальше! Почитай Библию — «Откровение Иоанна Богослова», — там все сказано! Нам придется испить чашу до дна!

— До какого дна?

— Стена Игаэля, — выдохнул Уоррен тяжело дыша. — В письме Бугенгаген сообщает, что эта стена явилась последним доказательством, убедившим его. Сейчас стена Игаэля на пути в Нью-Йорк. И будет там со дня на день.

— Ты уже закопался в прошлом, — язвительно произнес Торн, — и превратился в религиозного маньяка, как и твоя приятельница Джоан Харт. Нет уж, я в этом не участвую. Сам поезжай и смотри, на что хочешь!

— Я поеду, — мягко промолвил Чарльз и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ричард, подавленный и оглушенный, опустил на стул. Он ощущал в словах Уоррена долю правды, но Торна обескураживало, что Чарльз вообще обладал этими сведениями.

Что касается всего остального... Ричард удрученно покачал головой. Он чувствовал, что потерял близкого друга, а почему — Ричард не понял.

В проекционной будке Марк дрожал, как осиновый лист. Он дотянулся до заслонки отверстия и осторожно задвинул ее.

Тем временем на кухне Дэмьен помогал Анне лепить сэндвичи. Услышав, как хлопнула входная дверь, затем завелся мотор и по дороге закрипели шины, они взглянули друг на друга, а потом на вновь слепленные бутерброды.

— Ну, ладно, так уж и быть, — бойко затараторил Дэмьен. — Придется, как видно, съесть их мне.

Глава одиннадцатая

Сон Дэмьена был таким безмятежным, каким и полагалось быть сну тринадцатилетнего мальчика.

Анна тоже мирно спала.

Но Ричард Торн не смыкал глаз, точно так же бодрствовал и Марк.

Занимался рассвет.

Торн, усталый и изможденный, сидел за письменным столом в своем кабинете. Обхватив голову руками, он пытался сообразить, что же ему делать. Перед Ричардом лежало письмо Бугенгагена, адресованное ему. Ричард несколько раз перечитал его. Намеки были слишком очевидны и невероятны, так что Торну требовалось некоторое время, чтобы все это переварить.

Ричард собрал странички письма и запер их в столе. Потом встал и потянулся. Подошел к окну. Солнце едва-едва вытягивало свои лучи за далекими, покрытыми снегом холмами.

«Все это не может быть правдой, — прошептал себе Торн. — Такая штука, как Дьявол, существует лишь в людском воображении».

Он повернулся и зашагал наверх, в спальню, надеясь прилечь и уснуть хотя бы на пару часов.

Ричард не мог предположить, что сегодня не спал и Марк. Мальчик сделал вид, что спит, а когда все в доме стихло, выскользнул из постели и пробрался вниз, в библио-

теку. Там он снял с полки большую семейную Библию и принялся читать «Откровение Иоанна Богослова».

Сумеречный утренний свет проникал в окно библиотеки, когда Марк наконец оторвался от книги. Он чувствовал себя смертельно уставшим. Но самым страшным было то ужасающее знание, которое он только что почерпнул из Библии.

Ибо Марк, не задумываясь, сразу уверовал, что Дэмьен плоть от плоти Дьявола.

Он поднялся и поставил Библию на место. Потом тихонько, на цыпочках, выбрался в холл, стащил с вешалки свое тяжелое зимнее пальто, облачился в него и незаметно выскользнул на улицу. Ему необходимо было уйти отсюда и подумать, что делать...

— Кто-кто? Кто — Дэмьен? — воскликнула Анна, отрываясь от плиты, где она жарила яичницу. — И ты этому веришь, Ричард...

— Я не говорил, что верю этому, Анна, — возразил муж, стоящий в дверях кухни с письмом Бугенгагена в руках. — Я тебе просто пересказываю то, что наболтал тут Чарльз и что написано в этом послании.

— Но ты же собираешься лететь в Нью-Йорк, Бог твой! — Анна отшвырнула ложку и направилась к шкафу взять тарелки. Разговор показался ей каким-то бредом. — Уж не означает ли это...

— Нет! — рявкнул Ричард. — Все это чушь, и я, конечно, не верю в это. Но Роберт был убит в церкви, когда пытался заколоть Дэмьена, а...

— Да-а, Уоррен все-таки добрался до тебя, — Анна подошла к столу и поставила тарелки. — Теперь и ты заразился этим безумием. Она приблизилась к мужу, перехватила из его рук письмо Бугенгагена и положила на стол. Затем взяла Ричарда за руки. — Я не позволю этому безумию овладеть тобой. Ты устал и не соображаешь, что делаешь. Ты никуда не едешь. И забудь обо всей этой ерунде...

— Анна...

— Нет-нет, покончим с этим. Ты слышал глупую, дурацкую историю — теперь забудь ее, — Анна расплакалась. — О, Ричард, что с нами происходит? Или мы все посходили с ума?

Ричард прижал ее к себе.

— Не плачь,— пытался он успокоить жену.— Ты права. Я устал и заработался. Прости меня, пожалуйста, прости...

— О Господи, конечно же,— пробормотала Анна, уткнувшись ему в плечо.

— Ну, успокойся, все в порядке. Я никуда не еду.

— А Дэмьен?.. Ты будешь по-прежнему к нему относиться?..

— Ну конечно, конечно.

— Обещай мне.

— Обещаю.

Обнимая жену и слегка покачивая ее в своих объятиях, Ричард стоял и глядел в окно. Вдруг он заметил на улице Дэмьена, пересекающего аллею позади дома. Мальчик направлялся в лес.

Эта картина пробудила в Ричарде смутное волнение.

— А где Марк? — спросил он, стараясь скрыть охватившую его тревогу.

— Он уже давно куда-то ушел,— ответила Анна, отстраняясь от мужа и вытирая глаза.— Когда я утром выходила за газетами, то заметила, что на вешалке нет его пальто.

— А почему бы и нам не погулять, а? — предложил Ричард.

— Но яичница... — Анна бросилась к плите, где уже начали пригорать яйца.

— Я бы предпочел свежий воздух.

Анна устала на мужа. Что-то невероятное происходило в их семье, то, чего она никак не могла понять. В свое время, выходя замуж за Ричарда, она вполне отдавала себе отчет, насколько сложной будет их совместная жизнь. Но Анна так любила Ричарда и его мальчиков, что ей казалось, будто она преодолает любые семейные кризисы. Однако сейчас уверенность Анны в собственных силах несколько пошатнулась.

Женщина пожала плечами и поставила сковородку в раковину.

— Хорошо,— с легкостью согласилась она,— идем на прогулку.

Марк сидел под деревом далеко от дома. Он был бледен. В глазах мальчика застыл недетский ужас. Он судорожно вцепился в свои колени, но не от холода, а от пронзительно-го страха, ибо никогда в жизни Марк так не боялся.

Мальчик не знал, у кого ему просить помощи. Ведь раньше все свои тревоги и страхи он выкладывал Дэмьену, а теперь?

Теперь он остался один на один со всем этим кошмаром. И вдруг совсем рядом Марк услышал шаги.

— Марк? Эй, Марк!

Это был Дэмьен. Вездесущий Дэмьен.

Марк вскочил на ноги и, крадучись, стал отступать в глубь леса.

Дэмьен шел по пятам.

Марк бросился бежать.

— Эй, Марк!

Марк продолжал убегать. Хотя в глубине души понимал, что не уйдет далеко. Мальчик не спал всю ночь напролет, он был измучен, ужас сковывал движения. Марк поравнялся с огромным деревом и нырнул за его ствол, спрятавшись и пытаясь хоть чуть-чуть отдышаться.

Прошло всего несколько минут, и он снова услышал рядом с собой голос Дэмьена.

— Я знаю, что ты здесь,— произнес Дэмьен.

Марк задрожал всем телом.

— Оставь меня одного,— еле слышно проговорил он.

Дэмьен обошел дерево и остановился в шести футах от Марка.

— Почему ты убегаешь от меня?— с горечью в голосе спросил Дэмьен.

Воцарилась длительная пауза. Наконец Марк хрипло вымолвил:

— Я знаю... кто ты.

Дэмьен улыбнулся:

— Знаешь?

Марк кивнул.

— Я слышал, что рассказал доктор Уоррен папе.

Дэмьен нахмурился.

— Так что же он сказал?— Это был уже скорее приказ, нежели вопрос.

— Он сказал...— Марк с трудом подыскивал слова,— он сказал, что Дьявол может создать свой образ на земле.

— Продолжай.

Марк отвернулся. Слеза скатилась по его щеке.

— Ну скажи это, Марк,— почти прошептал Дэмьен. Марк судорожно сглотнул.

— Он сказал... что ты — сын Дьявола.

Дэмьен тяжелым взглядом уставился на брата.

— Продолжай,— скомандовал он.

И тут Марка словно прорвало.

— Я видел, что ты тогда сделал с Тедди,— громко воскликнул он.— Я видел, что случилось и с Ахертоном, и с Парсарианом. Твой отец пытался убить тебя! — кричал Марк.— Считают, что он сошел с ума, но если это и так, то только потому, что он з н а л,— Марк, весь дрожа с головы до ног, рухнул на колени.

Дэмьена охватило волнение. Он не собирался причинять брату боль.

— Марк,— начал он.

— У-у-у-у,— всхлипывал Марк.

— Ты мой брат, и я люблю тебя...

— Не называй меня своим братом! — вскинулся Марк.— У Антихриста не может быть брата!

Дэмьен тряхнул Марка за плечи.

— Послушай меня! — закричал он.

Марк отрицательно покачал головой.

— Признай же,— выпалил он,— признай, что ты убил свою собственную мать!

Это была последняя капля. Связующая мальчиков нить оборвалась.

— Она не была м о е й матерью,— яростно возразил Дэмьен.— Моей матерью...

— ... была самка шакала.

— Да! — с гордостью вскричал Дэмьен, и голос его еще долго отдавался эхом в лесу. Теперь мальчик полностью осознал всю свою силу. В глазах Дэмьена разгоралось пламя, а от его лица исходило какое-то нечеловеческое сияние.— Я рожден по образу и подобию величайшей силы,— заявил он, и голос его напрягся.— Отвергнутый ангел! Лишенный своего величия и сброшенный в бездну! Но он восстал во мне! Он смотрит моими глазами, и у него мое тело!

Марк с отчаянием огляделся по сторонам. Страх уже прошел. Мальчик чувствовал чудовищную опустошенность. Происходящее походило на бесконечный кошмарный сон, и убежать из него не было никакой возможности.

— Пойдем со мной,— предложил Дэмьен.— Я могу взять тебя с собой.

Марк поднял на него глаза. Он перестал дрожать, долгим взглядом уставился на кузена, наконец медленно покачал головой:

— Нет.

Дэмьен попытался еще раз:

— Не заставляй упрашивать тебя...

Марк твердо стоял на своем:

— Нет!

И этот отказ как будто вдохнул в него силы. Марк вскочил с земли и бросился бежать так быстро, как только позволяли его ослабевшие ноги.

— Марк! — позвал его Дэмьен.

Но мальчик продолжал мчаться по лесу.

— Отстань от меня,— бросил он Дэмьену.

— Марк! — крикнул вслед Марку Дэмьен. Это был голос, только однажды слышанный Марком. Тогда, в коридоре, когда Дэмьен расправился с Тедди.— Посмотри на меня! — приказал он.

Марк остановился. Он был не в состоянии сделать ни шагу.

— Пожалуйста, уходи,— умолял мальчик.

Голос Дэмьена пригвоздил его к месту.

— Я еще раз прошу тебя,— спокойно промолвил Дэмьен,— пожалуйста, пойдем со мной.

Марк обернулся и посмотрел прямо в глаза Дэмьену.

— Нет,— решительно ответил он и внезапно ощутил потрясающее спокойствие.— Ты, Дэмьен, не можешь избежать своей судьбы. А я — убежать от своей.— Марку вдруг показалось, что какая-то другая сила заставляет его произносить эти слова.— Ты обязан делать то, что тебе на роду написано.

Марк, покорившись своей судьбе, молча ожидал развязки.

Гнев охватил Дэмьена, гнев, порожденный отверженностью. Он рос и рос в мальчишке, глаза которого разгорались все ярче, все пламенней. Внезапно слезы навернулись на них, и Дэмьен, взглянув на небо, весь задрожал...

Ричард и Анна заметили следы ног обоих мальчиков и поспешили на поиски. Шагая рядом с мужем и постоянно

касясь его, Анна казалась спокойной. А Ричард то и дело поглядывал на небо. Будто ощущал в воздухе какое-то предзнаменование.

И вдруг до Марка донесся шум, тот самый шум, какой услышал Тедди тогда в коридоре, рядом с кабинетом сержанта Неффа. Кладанье — будто бились друг о друга тонкие металлические пластинки.

Звук хлопающих крыльев ворона.

Защищаясь от невидимого, стремительно атаковавшего противника, Марк вытянул руки и принялся отбиваться. Он кричал и визжал, пытаясь вырваться и убежать, но страшный клюв и когти безжалостной птицы рвали его плоть. Он упал на колени и застонал от боли. Кровь застилала ему глаза; единственным, кого он перед собой видел, был Дэмьен — воплощение зла: выпрямившийся в полный рост, безжалостный и холодный.

Клюв птицы разбил череп Марка. Лицо мальчика побелело, глаза закатились. Он упал лицом в снег.

Шум крыльев затих. Дэмьен взглянул вниз, на мертвое тело Марка, и закричал. Его крик походил скорее на вой, в нем сквозили одиночество и тоска.

Снег вокруг Марка постепенно краснел от сочившейся крови.

Дэмьен подбежал к Марку, упал на колени и попытался поднять хрупкое и безжизненное тело. Он стремился вернуть брата к жизни.

Жуткий вопль Дэмьена донесся до Анны и Ричарда. Подбежав, они увидели Дэмьена, склонившегося над безжизненным телом брата. Он всхлипывал:

— Марк, о Марк...

Услышав крик Анны, Дэмьен поднял глаза и мгновенно пришел в себя. Он отскочил от Марка.

— Мы просто гуляли... — воскликнул Дэмьен, — ...и он упал! Он только...

— Возвращайся в дом! — завопил Ричард. Он подбежал к Анне, стоящей на коленях возле тела Марка.

Дэмьен пытался возразить:

— Но я ничего не сделал!

— Возвращайся домой, черт тебя побери! — Ричард уже дрожал от гнева.

Дэмьен повернулся и бросился к дому. Слезы струились по его лицу.

— Он упал! — бросил мальчик через плечо. — Я ему ничего не сделал!

Ричард отвернулся от убегающего Дэмьена и склонился над женой. Обхватив ее за плечи, он приподнял Анну. Удостоверившись, что она может стоять на ногах, Ричард наклонился и подхватил на руки тело своего мертвого сына.

Потом распрямился и в упор взглянул на Анну. Глаза его обвиняли.

Анна нервно дернула головой и, запинаясь, произнесла:

— Нет-нет, это не Дэмьен. Он не...

Но она так и не закончила фразу. Ричард отвернулся от жены и, прижимаясь щекой к окровавленному лицу своего погибшего сына, побрел прочь.

Глава двенадцатая

Фамильный склеп Торнов располагался на Северном берегу, неподалеку от поместья. Тут вместе со своей женой спал вечным сном Реджинальд Торн; первая жена Ричарда, Мэри, была похоронена здесь же; да и тетя Мэрион обрела последний приют вблизи своего брата.

Марка похоронили рядом с матерью.

«Однажды, — подумал вдруг Ричард Торн, обводя невидящим взором собравшихся этим морозным и тоскливым днем вокруг небольшой могилы, — однажды я тоже окажусь здесь».

Анна с Ричардом были облачены в черное. Дэмьен, стоящий рядом с Анной, был одет просто — в свою синюю курсантскую форму с черной повязкой на рукаве.

Поль Бухер представлял на похоронах компанию «Торн Индастриз». Здесь же находился и сержант Нефф, прибывший из Академии с небольшим почетным караулом. Когда гроб опускали в могилу, курсанты взяли под козырек, а один из них выступил вперед и протрубил на горне сигнал, которым обычно Марк провожал всех ко сну.

Услышав звуки горна, Анна разрыдалась, Торну же, как ни странно, этот сигнал напомнил вдруг старую ковбойскую песенку. Давным-давно, когда он и его брат Роберт были еще детьми и учились в Академии, они собирались с другими курсантами вокруг костра и весело горланили эту песенку. Сле-

зы выступили у Ричарда от этого воспоминания, и он заплакал. Первые после гибели сына.

Когда священник приступил к проповеди, Ричард отвернулся. Что мог сказать о Марке совершенно незнакомый человек? Священники вынуждены говорить штампами, а Ричарду меньше всего хотелось слышать сейчас какие-либо банальности о Марке.

Взгляд Ричарда упал на Дэмьена, и то, что он вдруг уловил, привлекло его внимание. Мальчик уставился на Неффа, который, в свою очередь, пристально смотрел на Бухера. Взгляд же Бухера был сосредоточен на Дэмьене. Четкий, маленький треугольник.

Торн почувствовал, что его дернули за рукав. Он обернулся и увидел Анну. Ее лицо было залито слезами, а глаза молили не отвлекаться от церемонии.

Ричард погладил руку жены и снова взглянул на могилу, заставив себя вслушиваться в проповедь и отыскивая в ее словах хоть какой-нибудь смысл. Но вскоре опять мысленно перескочил к событиям последних дней.

Память возвратила его к разговору, состоявшемуся после вскрытия в кабинете доктора Фидлера.

— Как это могло произойти? — спросил Ричард врача. — Ведь вы наблюдали его с момента рождения. Неужели же не было ни единого признака?

Семейный врач грустно покачал головой.

— К сожалению. Мне уже как-то приходилось сталкиваться с подобным, — начал он. — Совершенно здоровый мальчик или мужчина, но эта штука уже сидит в организме, выжидая своего часа, какого-то непредвиденного напряжения... У него была очень тонкая артериальная стенка. Она-то и лопнула... — Врач широко развел руками — жест неизбежности и сострадания.

Анна перебила его:

— Значит, он был обречен с рождения?

Доктор Фидлер кивнул:

— Более чем вероятно, — мягко заверил он. — Я очень сожалею, очень.

Похоронная церемония закончилась, и траурная процессия двинулась прочь от могилы. Начинался сильный ливень, и с последними словами утешения все начали разбредаться по своим машинам.

Ричард принял от собравшихся соболезнования, ограничившиеся скупыми грустными улыбками и легкими прикосновениями рук, а затем рухнул на заднее сиденье автомобиля рядом с Анной и Дэмьеном. Он подал знак Мюррею, и лимузин медленно тронулся.

В один из поздних вечеров на следующей неделе в доме Торна раздался звонок. Звонил священник из Нью-Йорка и просил Ричарда немедленно приехать. Он сообщал также, что доктор Чарльз Уоррен находится в плохом состоянии и не перестает звать Ричарда Торна.

Несколько минут понадобилось Ричарду на сборы, он побросал в чемодан кое-какие вещи. Анна пыталась убедить мужа остаться хотя бы до утра, но он и слышать не хотел об этом. Он должен был ехать немедленно.

— Я не хочу ехать,— кричал он жене,— но я вынужден!

Анна опустила на кровать и потянулась за сигаретой. Ее руки дрожали.

— Почему ты не можешь поговорить с Чарльзом по телефону?— спросила она.— Зачем тебе ехать в Нью-Йорк? Чарльз, в конце концов, не самый твой близкий друг, чтобы сломя голову мчаться к нему на ночь глядя.

— Мне передали, что он в смертельной опасности и нуждается во мне,— перебил жену Ричард. Он окинул взглядом комнату, соображая, не забыл ли чего.

— Здесь ты нам тоже нужен,— тихо проговорила Анна. Ричард повернулся и посмотрел на нее.

— Я вернусь как можно быстрее.— Он наклонился и, чмокнув ее в щеку, направился к двери.

— Что я завтра утром скажу Дэмьену?— спросила Анна.

Стоя в дверях, Ричард на мгновение заколебался. Он не подумал об этом.

— Скажи ему,— произнес Ричард, все еще соображая,— скажи, что мне надо помочь Чарльзу утрясти кое-какие таможенные дела в Нью-Йорке. Придумай что-нибудь. Только не

говори ему правду! — И он поспешил из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Пока Ричард на цыпочках спускался по лестнице к ожидающему его в лимузине шоферу, он, конечно же, не заметил, как приоткрылась дверь спальни Дэмьена. И взгляд желтых, как у кошки, глаз пронизал тьму.

Сразу после того, как шасси самолета отделились от взлетной полосы, Ричард включил над головой свет и вытащил из «дипломата» письмо Бугенгагена. Колоссальный объем информации, а времени — в обрез. Торн глянул на часы. Половина пятого утра. В Нью-Йорке он будет в семь тридцать или самое позднее — в восемь. Город в это время только начинает пробуждаться.

Ричард снова посмотрел на странички и уже в четвертый или пятый раз принялся читать:

«И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

Торн вздрогнул. За последние несколько месяцев произошло столько смертей — слишком много для банального совпадения. Отдельные части начинали наконец складываться в единое целое.

Первой в этой страшной цепочке оказалась тетушка Мэрион. Ее голос вдруг зазвучал в мозгу Торна.

«Дэмьен оказывает ужасное влияние, ты разве не замечаешь? — спрашивала тетушка Мэрион. — Ты хочешь, чтобы Марк был уничтожен, чтобы его погубили?»

Потом эта журналистка Джоан Харт. Жуткая, жуткая гибель. Судя по той короткой газетной заметке, эта смерть была мучительной. И кому она только понадобилась?

«Все вы в смертельной опасности! — предупреждала Джоан. — Уверуйте в Христа!»

И Ахертон. Еще одна невероятная, страшная потеря. А он кому мешал? Торн не мог этого понять. Смерть Пасариана тоже, казалось, не имела смысла.

Ричард подумал о своей компании — одной из крупнейших трансконтинентальных корпораций мира. О том, как однажды ее унаследует Дэмьен. И тут все встало на свои места. Ахертон стоял на пути Бухера, и Ахертон исчез с лица земли. Бухер стал президентом компании, и его план уже на-

чал осуществляться. Но не так гладко, как тому хотелось. Возникли кое-какие проблемы, и первым их обнаружил Пасариан. И... погиб.

Когда-нибудь, если, конечно, все будет развиваться в соответствии с планом Бухера, Дэмьен унаследует корпорацию, контролирующую питание всего земного населения.

Торн вспомнил похороны Марка и ту странную треугольную связь между Дэмьеном, Бухером и Неффом. Но Нефф-то тут при чем? Ричард опять вернулся к страничкам письма, чтобы попытаться найти ключ к разгадке:

«... и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним?»

Дракон.

Может, Нефф как раз и являлся этим драконом? Военный стратег, чтобы обучить и выпестовать...

«И дано было ему вести войну со святыми, и победить их: и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем...

И восстанет он против Царя Царей...»

Торн не мог читать дальше. У него заболели глаза, а мысли начали путаться. Он уже был не в состоянии о чем-нибудь думать. Ричарду как воздух были необходимы несколько часов сна.

Его преследовала фраза Уоррена, брошенная Чарльзом в тот вечер, когда ученый демонстрировал им слайды из мест раскопок: Имеется много свидетельств о близком конце света.

Анна рассмеялась тогда, но Уоррен продолжал как ни в чем не бывало читать выдержки из библейских пророчеств. И что же? Все они осуществились и — все сразу. Наводнения, голод, тьма, войны...

Торн подумал вдруг о некоторых тревожных событиях в мире, происшедших совсем недавно. Ситуация на Ближнем Востоке все еще грозила вылиться во всеобщую войну, в нее, возможно, будут вовлечены и все другие страны. И будет она называться Третья мировая война. Конечно, если останется в живых хоть один человек, кто будет ее так называть.

Ядерное вооружение распространяется устрашающими темпами. Почти каждая нация имеет уже доступ к атомной

бомбе. И все, что требуется, — это где-нибудь, пусть даже случайно, по самой дурацкой причине, рвануть хоть одну бомбу. Тут-то и произойдет неизбежная и необратимая цепная реакция; каждая нация будет стремиться стереть с лица земли другую, пока та, другая, не уничтожила ее саму.

Нью-Йорк не являлся исключением из числа городов, перенесших в этом году те или иные потрясения. Лондон, Париж, Москва, Токио — все эти столицы претерпевали мощные мистические крушения. Конечно, здесь можно было подозревать и саботаж, но не было найдено ни одного свидетельства, подтверждающего эту версию. Везде грабежи, разбой, насилие и убийства, все более жестокие и изощренные. И не оставалось уже на мировой карте города, где бы не происходили какие-нибудь катаклизмы.

Похоже, человеческие существа постепенно превращались в роботов, орудующих без чувств и сострадания. В этой суматошной жизни у них не оставалось ни минуты, чтобы остановиться и задуматься. Стольким разочарованиям и такому частому бессмысленному насилию подвергались люди, что рано или поздно замыкались в себе, изолируя свой дом-крепость от окружающего мира.

Да и в природе происходили весьма странные и необъяснимые явления. Снег сыпал там, где раньше его и в помине не было, засуха обрушивалась на области, прежде подверженные ливням, а засушливые земли затапливались водой. Ураганы, торнадо и землетрясения все чаще опустошали и разоряли планету. Трудно сказать, на самом ли деле участились подобные проявления стихии, или же мир просто получал большее количество информации об этих случаях. Но результат оставался тем же. Казалось, будто этих катастроф стало больше.

Торн был уже не в состоянии бороться с дремотой. Веки его слипались от усталости и вскоре закрылись. Он забылся неглубоким и беспокойным сном.

Глава тринадцатая

Было уже светло, когда самый маленький самолет компании коснулся посадочной полосы в аэропорту Ла Гардиа.

Торн потянулся и, зевнув, взглянул на часы. Семь сорок пять утра.

Вдруг Ричард почувствовал себя одураченным. То, что он пролетел тысячу миль — и все из-за какого-то ночного звонка от священника, сообщавшего ему о состоянии Уоррена, — внезапно показалось Торну чем-то нереальным. К тому же последняя встреча Ричарда с Чарльзом вылилась в их ссору, и Уоррен уехал. Торн был уверен, что им уже не доведется обрести былые дружеские отношения.

Но сведения, которыми Уоррен пытался поделиться с Ричардом в тот вечер, как дамоклов меч зависли над самим Торном. Теперь и Ричард ощущал жгучую потребность увидеть стену Игаэля собственными глазами и понять все до конца.

Он был уверен, что Уоррен уже был у стены.

Ричарда серьезно беспокоил тот факт, что звонил священник, а не сам Чарльз. Возможно, таким образом Уоррен пытался заманить Торна в Нью-Йорк. Откуда Ричард мог знать, что там происходило?

Торн пересек здание аэропорта, взял такси и назвал адрес, следуя указаниям священника, полученным накануне ночью. Таксист, удивленно взглянув на Торна, пожал плечами, и машина тронулась.

Сидя в такси, Торн задавал себе вопрос по поводу происходящих событий: кому это может быть выгодно? Вдруг Ричард понял, что все эти ужасные события были выгодны Дэмиэну Торну.

Только два человека отделяли сейчас Дэмиэна от возможности контролировать могущественнейшую компанию: Ричард Торн и его жена.

Торн знал наверняка, зачем Уоррен ищет с ним встречи. Чарльз будет просить его убить Дэмиэна.

Это уже было. Бугенгаген и Роберт Торн. Они намеревались сделать это семь лет назад, однако попытки эти привели их к гибели.

«Опять меня понесло не туда, — подумал Торн. — Я обязан сохранять спокойствие. И ясный ум. Слишком много поставлено нынче на карту».

— Вы предпочитаете заплатить сейчас? Мне подождать вас здесь? — таксист прервал размышления Торна.

Ричард пробормотал какие-то извинения и полез в карман за бумажником. Проезд влетал ему уже в тридцать долларов. Торн сунул таксисту еще пару банкнот сверху, чтобы

тот дождался его, вышел из машины и огляделся по сторонам. Он находился у старой, разрушенной церкви, стоящей рядом с железнодорожными путями. Рельсы тянулись сюда издали — с Центрального вокзала.

Церковь выглядела заброшенной. Ричард подошел к ней и толкнул дверь. Она легко распахнулась. Торн оглянулся на такси. Машина стояла на месте, у обочины тротуара, тихо работал мотор. Таксист сдвинул на глаза кепку, похоже, он уже задремал. Торн повернулся и вошел в здание.

Внутри церковь была такая же пыльная и обшарпанная, как и снаружи. Деревянные скамьи были сработаны из рук вон плохо, они, похоже, вот-вот развалятся. Окна были грязными, казалось, что стекла в них никогда не мылись, кое-где они были выбиты. И лишь почти неуловимый запах ладана говорил о том, что здесь время от времени проходят службы.

Ричард направился к алтарю. Как только он подошел к поручню, дверь слева внезапно отворилась, и оттуда вышел невысокий горбатый священник.

— Мистер Торн?

Торн кивнул.

Хромая, священник подошел к Ричарду и протянул для приветствия руку.

— Я отец Уэстон. Спасибо, что пришли. — Он пожал протянутую Торном руку. — Доктор Уоррен ждет вас. — Священник жестом указал на боковую дверь справа от алтаря и направился к ней.

Ричард последовал за ним.

— Спасибо, что позвонили, — прошептал он. — Что случилось с доктором Уорреном?

Священник покачал головой.

— Он не хочет говорить со мной, я только уверен, что этот человек обуреваем жутким страхом.

Они подошли к небольшой боковой дверце, и священник легонько стукнул в нее один раз. Изнутри донесся хриплый голос: «Кто это?» Голос был какой-то чужой и совсем не походил на голос Уоррена.

— Здесь мистер Торн, — объявил священник.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Уоррен. Выглядел он чудовищно. Казалось, его подкосила какая-то внезапная и ужасная болезнь. Глаза Чарльза покраснели, щеки впали, а кожа под трехдневной щетиной имела неестественный

бледно-желтый цвет. Уоррен трясущимися руками сжимал распятие.

— Ричард? — воскликнул он голосом, в котором сквозил ужас.

— Это я, Чарльз.

Уоррен ринулся вперед. Он схватил Торна за воротник плаща и втащил в комнату. Захлопнув за собой дверь, он запер ее на засов.

Торн украдкой взглянул на Уоррена, почти уверенный, что тот сошел с ума.

— Чарльз, — осторожно начал Ричард ласковым голосом, — я вот сразу же приехал, как только...

Казалось, Уоррен не слышал его. Дикий взгляд ученого был устремлен сквозь Торна куда-то вдаль.

— Зверь с нами, — прошептал он. — Это все правда, сущая правда! Я видел стену...

— Чарльз, пожалуйста, выслушай меня...

— Я видел ее! Она кошмарна! — Уоррен вздрогнул и в ужасе зажмурился. — Она свела с ума и Джоан Харт, и Бугенгагена...

Торн подскочил к Уоррену и схватил его за плечи.

— Возьми же наконец себя в руки! — Ричард не верил своим глазам. Неужели перед ним стоял тот человек, что так прекрасно на протяжении многих лет управлял его музеем и который долгие годы был его лучшим и верным другом? Если во всем этом и присутствовал Бог, то какое же нелегкое существование уготовил Он всем тем, кто в Него верил!

Внезапно Уоррен перестал дрожать. Он уставился на Торна, будто пытался прочесть на его лице разгадку.

— Теперь ты веришь мне, Ричард, — спросил он, — или до сих пор считаешь, что я свихнулся?

Ричард все еще держал Чарльза за плечи. Он пока не хотел говорить, что поверил Уоррену. Кто-то из них должен по крайней мере оставаться спокойным и рассудительным. Но кое-что надо было сделать. Торн должен был увидеть стену Игаэля собственными глазами.

— Где она? — наконец проговорил он. — Где стена Игаэля?

Вслед за Уорреном, указывающим дорогу, Торн шагал по железнодорожным путям вдоль длинной линии товарных вагонов. Уоррен шел, вцепившись в распятие; он казался еще более возбужденным, чем прежде. Время от времени Чарльз останавливался и поднимал глаза к небу.

— Что ты там высматриваешь? — поинтересовался Торн.

Но возбуждение Уоррена переходило уже все возможные границы. Он едва мог говорить. И лишь невнятное бормотание слетало с его губ: ... еще не здесь... ничего... скоро...

Наконец они подошли к месту, где на рельсах в тупике одиноко стоял вагон с контейнерами «Торн Индастриз». Уоррен, повозившись некоторое время с замком, позвал Ричарда. Торн удивленно взглянул на Чарльза.

— Разве ты не полезешь со мной? — обратился он к Уоррену.

Уоррен отрицательно замотал головой и снова посмотрел на небо. Внезапно он застыл на месте, скованный жутким страхом.

Торн проследил за его взглядом. Не более чем в двадцати футах от них в небе медленно кружил огромный черный ворон.

Ричард снова посмотрел на Уоррена, боязливо жавшегося к вагону и вцепившегося в распятие.

— Пойдем, Чарльз, — он попытался успокоить Уоррена. — Это же просто птица.

Уоррен затряс головой, не спуская с ворона глаз.

Торн глубоко вздохнул и взобрался в вагон.

Вагон был уставлен ящиками разных размеров, все они были тщательно заколочены. Все, за исключением одного, взломанного кем-то, очевидно, в большой спешке. Торн подошел к развороченному ящику.

А в это время издали вдруг начал откатываться назад длинный эшелон. Тяжелые вагоны, с грохотом наталкиваясь друг на друга, двигались в направлении отдельно стоящего вагона с контейнерами «Торн Индастриз».

Стоящий у вагона Уоррен закрыл глаза и начал молиться.

Внезапно по соседнему пути на огромной скорости прогрохотал поезд. Он так оглушительно засвистел, что заставил Уоррена броситься на землю. Когда поезд умчался, Чарльз поднялся на ноги и поплелся к носовой части вагона. Там он остановился и приготовился ожидать неизбежного.

Внутри вагона Торн сорвал с ящика доски и обнаружил фрагмент стены. Выступающий край был, похоже, вытесан из камня. Он казался очень древним. Краски на нем совсем поблекли. Торн продолжал отдирать доски. Глаза Ричарда внезапно остановились на рисунке. Это было изображение маленького ребенка. Но лицо было каким-то расплывчатым.

Снаружи тяжелый эшелон стремительно набирал скорость. Головной вагон его был весь покрыт ржавыми штырями. Они угрожающе выпирали. Эшелон достиг стрелки. Она сработала и перевела пути. Состав, грохоча, направился в сторону вагона с контейнерами «Торн Индастриз».

Уоррен снова зажмурил глаза и принялся неистово бормотать молитву. А над ним в небе ворон описывал все более и более сужающиеся круги.

Торн добрался до очередной секции ящика и обнажил ту часть стены, где Сатана уже в зрелом возрасте был изображен цепляющимся за край пропасти. Но и здесь лицо Сатаны было как-то размыто.

«Я что, тоже сошел с ума? — подумал Торн. — Здесь нет никаких доказательств».

Ричард сорвал последние доски.

И тут наконец он увидел лицо. Казалось, его нарисовали всего несколько лет назад, так четко и ясно было оно изображено.

Лицо Дэмьена Торна.

Имелись, конечно, и некоторые отличия. Вместо волос художник изобразил извивающихся злобных змей с острыми языками, а глаза на рисунке были не человеческие, а кошачьи — желтые и пронзительные. Но в целом это было лицо Дэмьена.

В этот момент длинный состав, грохоча, приблизился к вагону Торна. Уоррен, погруженный в молитву, широко раскрыл глаза, но было уже слишком поздно, чтобы отскочить от выпирающих штырей вагона, стремительно надвигающегося на ученого. Штыри молниеносно пронзили Уоррена, пришили его тело к передней стенке вагона «Торн Индастриз». Уоррен еще успел крикнуть от ужаса и мучительной, нечеловеческой боли, а затем повис на острых концах, как заживо пришипленная бабочка.

От столкновения Ричард растянулся на полу вагона. Стена Игаэля позади него начала медленно крениться. Ричард заметил, что она вот-вот упадет на него, и едва успел увернуться. Стена рухнула как раз на то место, где он стоял минуту назад. Она разлетелась на миллион крошечных кусочков.

Доказательства, ради которого Торн отмахал столько миль, больше не существовало.

Но Торну некогда было думать об этой потере. Он выпрыгнул из вагона и с колотящимся сердцем огляделся по сторонам в поисках Уоррена. Непостижимо, но Уоррен был все еще жив. Кровь струйкой вытекала из его рта, а в местах, где ржавые штыри распороли грудь, рубашка пропиталась кровью, уже слегка запекшейся.

— Боже! Чарльз! — Торн, охваченный ужасом, кинулся к умирающему другу.

Уоррен с трудом протянул руку с распятием.

— Возьми, — еле слышно хриплым голосом прошептал он. — И возьми... кинжалы, — Чарльз силился вздохнуть, — мальчик... должен... быть... убит.

— Кинжалы? — вскричал Торн. — Они у тебя?

— Уходи, — выдохнул Уоррен, — пока не поздно!

Торн поднял глаза. На крыше вагона сидел ворон, уставившись на них цепким, пронизывающим взглядом. Торн снова посмотрел на Уоррена.

— Где кинжалы? — Он внезапно осознал, что и сам находится в смертельной опасности.

Но Уоррен уже ничего не слышал. Глаза его закатились, и распятие выпало из безжизненной руки.

Торн в ужасе отскочил назад.

В эту секунду ворон издал хриплый отвратительный звук и стремительно ринулся вниз с крыши вагона прямо на Торна.

Ричард бросился к распятию. Он схватил его и выставил крест над собой за мгновение до того, как на него обрушился ворон. Птица злобно закаркала и отлетела, выжидая кружась над Ричардом.

Торн бросился бежать, высоко над собой взметнув распятие. И тогда ворон улетел.

А Ричард все бежал и бежал.

Глава четырнадцатая

В Дэвидсоновской Военной Академии проходил вечер, посвященный ежегодному вручению личного оружия.

Церемония проводилась на внутреннем плацу. А родители и остальные курсанты собирались на балконе и наблюдали, как особо отличившимся мальчикам вручают сверкающие символы их достижений.

В этом году подобной чести удостоились шесть курсантов. Среди них был и Дэмьен. Марк также должен был получить парадный клинок, и пять курсантов растянулись таким образом, чтобы было ясно: одного человека в их ряду не хватает.

Дэмьен, подтянутый и гордый, застыл, ожидая своей очереди. Он до сих пор носил черную повязку, туго стягивающую его левое плечо.

Анна стояла на балконе рядом с Бухером. Казалось, она вот-вот расплчется. Бухер заметил это и предложил женщине свой носовой платок. Анна, признательно улыбнувшись, взяла его.

Внизу, на некотором расстоянии от курсантов, одиноко стоял трубач. Он трубил каждый раз, стоило только очередному мальчику выступить вперед, чтобы получить клинок.

На противоположной стороне балкона собралась стайка хорошеньких девушек. Все они оделись в одинаковые нарядные платица. Среди девушек выделялась одна юная особа. И не только своей ошеломляющей красотой и свежестью. Прямо позади нее стояли два здоровенных мужчины в темных костюмах. Глядя на них, любому становилось ясно, что это телохранители. Хотя саму девочку вряд ли кто-нибудь смог бы узнать, поскольку отец ее, губернатор штата Иллинойс, всячески пытался оградить своего единственного ребенка от любопытных взоров общественности.

Во время торжественной церемонии девочка не сводила глаз с Дэмьена.

Когда объявили его имя, Дэмьен, как на марше, выступил вперед. Эффектно щелкнув каблуками, он застыл на расстоянии шага от вручающего награду.

На балконе Анна нервно вцепилась в руку Бухера. Он погладил ее руку и ободряюще улыбнулся.

После того как Дэмьен получил личное оружие, награждающий протянул ему второй клинок.

— Возьмите его, — заявил он, вручая оружие. — Это клинок вашего брата Марка, которого уже нет среди нас. Но он заслужил эту награду.

Толпа разразилась неожиданными аплодисментами. Анна вытерла глаза. Энергичнее всех хлопала дочка губернатора на противоположной стороне балкона.

Дэмьен элегантно поклонился и отступил назад, на свое место в строю.

Позади Анны возникла фигура шофера Мюррея. Он что-то прошептал ей на ухо. Анна кивнула и обратилась к Бухеру:

— Мне придется уехать, Поль. Ричард только что позвонил с самолета. Через несколько минут он прилетает. Я хочу встретить его в аэропорту...

Бухер кивнул.

— Вы приедете на котильон? — поинтересовался он.

Анна пожала плечами.

— Постараемся, — бросила она и поспешила вслед за Мюрреем.

Бухер проследил за ее уходом, потом посмотрел вниз и поймал взгляд Неффа. Оба одновременно кивнули и отвернулись.

Анна уселась на заднее сиденье автомобиля. Она с нетерпением ожидала возвращения Ричарда.

Самолет подрулил почти вплотную к автомобилю и остановился. Моторы наконец заглохли, и сбоку был спущен трап. Дверь распахнулась, и Ричард, заметив Анну с шофером, торопливо начал спускаться.

Не поздоровавшись с Анной, Ричард обратился к Мюррею:

— Где Дэмьен? — Его голос дрожал от возбуждения.

— В Академии, сэр, — опешив от такого странного поведения, пробормотал Мюррей.

— Мы возьмем такси до музея. Я хочу, чтобы вы сейчас же привезли туда Дэмьена. — Открыв заднюю дверцу, Ричард подождал, пока его жена выйдет из машины. — Пойдем, — скомандовал он, — ты едешь со мной.

Оба поспешили к зданию аэровокзала. Анна силилась не отстать от мужа. Она никак не могла понять, что происходит. Мюррей посмотрел им вслед, и в его глазах вдруг загорелась ненависть.

Котильон был в полном разгаре. Казалось, что эти мальчики и девочки явились сюда из старых добрых времен. Курсанта были одеты в парадные мундиры, а большинство девочек облачилось в корсажи и длинные — до пола — платья.

У стены возле стола с пуншем стояли подростки, которые по каким-либо причинам не желали танцевать: кто стеснялся, а кому и просто было скучно. Девочки сбились в стайку по одну сторону стола, мальчики находились по другую. И хотя они обменивались друг с другом взглядами и хихикали, никто так и не решился предложить пойти потанцевать.

У противоположной стены стояли Дэмьен и сержант Нефф, оба внимательно наблюдали за танцующими. Наискосок через зал Нефф вдруг заметил девочку с двумя телохранителями, пристально разглядывающую Дэмьена.

— Наберись-ка смелости и пригласи ее потанцевать, — посоветовал Дэмьену сержант.

— Дочку губернатора? — любопытствовал Дэмьен. Он прекрасно понимал, чего хотел от него Нефф.

Нефф кивнул.

Дэмьен улыбнулся.

— Вы забываете, что я знаком с этой семьей, — на ходу кинул он сержанту и направился через зал к противоположной стене.

Нефф наблюдал за ним. На лице сержанта было написано удовлетворение.

Ричард мчался к лестнице, ведущей на нижний этаж музея. За ним по пятам бежала Анна.

— Ты не убедишь меня в этом! — запыхавшись и пытаясь догнать мужа, выкрикнула она.

— Тебе придется поверить! — возразил Ричард. — Он убил Марка. Он убил Ахертон и Пасариана.

— Прекрати! — взмолилась Анна, догнав его и схватив за руку.

Ричард оглянулся.

— Убийства будут продолжаться. Он убьет любого, кто встанет на его пути. — Ричард вырвался из тисков жены и бросился вниз по широкой мраморной лестнице.

Внутри Анны все кипело.

— Как? — воскликнула она. — И как же он их убил? Он что, заставил треснуть лед?..

— Нет, — прервал ее муж, — он не сам...

— Или он разворотил трубу, по которой шел газ?..

Ричард как вкопанный замер на полдороге и взглянул на жену.

— Есть другие, — произнес он. — Те, кто его окружают.

— Ричард, — начала Анна, пытаясь казаться спокойной, — ты только послушай, что ты несешь! Это же бред сумасшедшего! Какие такие «другие»? Еще дьяволы? Тайная организация дьяволов? Ричард, ну пожалуйста.

Ричард схватил ее за руки.

— Анна, — проговорил он умоляющим голосом, — я видел, как погиб Чарльз...

Анна задохнулась. Она впервые услышала о смерти Уоррена.

— И я видел на стене Игаэля лицо Дэмьена!

Наступила долгая тревожная пауза.

Ричард и Анна застыли друг перед другом: два противника в этой страшной борьбе. Ричард страстно желал сейчас только одного: чтобы Анна поверила ему. Анна же больше всего на свете хотела обратить все в шутку. Пусть в ужасную, но шутку. Ее вдруг охватил ужас при мысли, что еще может произойти.

— Что ты собираешься делать? — спросила она тихо.

Дэмьен танцевал с дочкой губернатора. Казалось, что для девочки котильон с Дэмьеном являлся самым счастливым событием в ее жизни. Мальчики благоговейно наблюдали за этой парой, а большинство девочек были переполнены ревностью. Ибо эти двое составляли потрясающе красивую молодую пару.

Развернувшись в танце, Дэмьен заметил в дальнем конце зала Неффа и Мюррея. Они о чем-то оживленно беседовали. Шофер поймал взгляд Дэмьена.

— Прошу прощения, — обратился Дэмьен к своей даме, — я скоро вернусь. — Он проводил губернаторскую дочку до ожидавших ее верзил и направился в сторону Мюррея и Неффа. Когда Дэмьен приблизился к ним, Нефф шагнул ему навстречу и очень четко произнес:

— Будьте осторожны!

Дэмыен окатил его ледяным презрением и надменно отчеканил:

— Вы забыли, кто я.

Нефф, словно извиняясь, склонил голову.

Дэмыен повернулся на каблуках и вышел из зала, следуя за Мюрреем. Они направились к автомобилю.

Ричард нашел наконец ключ и открыл дверь в кабинет Уоррена. Он бросился в комнату, включил свет и начал суматошно что-то искать: выдвигал и задвигал многочисленные ящики, забирался под столы и другую мебель.

— Что ты делаешь? — воскликнула Анна, стоя в дверях.

Ричард поднял глаза и очень отчетливо произнес:

— Кинжалы здесь. Они должны быть здесь.

Анна ворвалась в кабинет.

— Ричард, нет! — закричала она. — Не делай этого! Я не позволю тебе... — Ричард оттолкнул ее.

— Уйди! — приказал он. — Я знаю, что они где-то здесь.

Анну охватил ужас.

— Ты собираешься у б и т ь его?

Ричард продолжал рыться в шкафу.

— Он должен быть...

— Нет!

— Анна, этот мальчик не человек! — Торн наткнулся наконец на запертый ящик и с ожесточением дернул за ручку.

— Но он же сын твоего брата! — Анна зарыдала. — Ты целых семь лет любил его, как собственного сына.

Но Ричард больше не слушал ее. Ему надо было вскрыть ящик. Он в отчаянии огляделся по сторонам, ища какой-нибудь подходящий инструмент. И тут заметил поднос, доверху заполненный разным археологическим хламом. Тут же лежало долото. Торн схватил его и опять повернулся к ящику.

На улице перед музеем затормозил автомобиль. Из него вышел Дэмыен. Он что-то быстро проговорил Мюррею, а затем, перескакивая через две ступеньки, помчался по лестнице вверх.

Глава пятнадцатая

— Подожди, Ричард! — умоляла Анна. — Пожалуйста, ради меня, подожди!

Но с таким же успехом она могла обращаться к глухому. Ибо Ричард уже не слышал жену. Он взломал ящик и с каким-то странным удовлетворением смотрел на семь кинжалов, сверкавших в холодном свете.

А тем временем Дэмьен сбегал вниз по широкой мраморной лестнице, ведущей из вестибюля на нижний этаж. Откуда-то изда- лека до мальчика доносились приглушен- ные голоса, Анна о чем-то умоляла, а Ричард сопротивлялся. На лице Дэмьена, однако, ничего не отразилось. Он продолжал спу- скаться.

Анна бросилась к ящику, отпихнув мужа от страшных кинжалов.

— Я не позволю тебе... — завизжала она.

Ричард пристально посмотрел на Анну.

— Дай мне кинжалы, Анна.

Она замотала головой, слезы заструились по ее щекам.

— Анна, — Ричард говорил очень внятно, подчеркивая каждое слово. — Дай — их — мне.

Они немигающим взглядом уставились друг на друга. Ка- залось, минула целая вечность.

Наконец Анна первая отвела глаза и растерянно посмотре- лась. Неземная тоска целиком овладела сердцем женщины. Медленно-медленно выдвинула она ящик.

Дэмьен стоял прямо за дверью кабинета Уоррена. Он напряженно прислушивался. Взгляд его был сосредоточен. Казалось, мальчик находится в состоянии транса. Дэ- мьен закрыл глаза. Дрожь охватила его с го- ловы до ног.

Анна колебалась. Движения ее устрашали своей целена- правленностью. Но тем не менее в поведении женщины ощущалось и странное противоборство, будто она силилась

сама себя остановить, отстранить от той неведомой и страшной участи, уготованной ей кем-то жестоким и могущественным. Голос ли звучал внутри Анны, гораздо более мощный, чем ее собственная слабая воля?

Анна извлекла из ящика кинжалы. Потом повернулась лицом к мужу.

Ричард протянул руки за кинжалами.

Внезапно Анна, охваченная странной, демонической силой, рванулась вперед. Лицо ее исказилось, стало похожим на страшную и злую маску. Взгляд блуждал, как у безумной. Она приблизилась к мужу и прошептала ему на ухо:

— Вот, Ричард, вот твои кинжалы! — И вонзила в его тело все семь ножей.

От ужаса и боли Ричард широко раскрыл глаза.

— Анна! — только и успел выдохнуть он, упал ничком, и острия кинжалов еще глубже вонзились в его тело.

Анна гордо откинула назад голову, глаза ее победно заблестели, на губах заиграла торжествующая улыбка. И тут женщина выкрикнула:

— ДЭМЬЕН!

Дэмьен перестал дрожать и открыл глаза. Он потянулся к дверной ручке, потом заколебался, будто что-то заставило его переменить решение. Дэмьен, не двигаясь, постоял некоторое время в глубокой задумчивости. А потом решительно повернулся и пошел назад, к лестнице.

В котельной, непосредственно примыкающей к кабинету Уоррена, один из самых больших котлов начал зловеще вибрировать...

Анна стояла в кабинете, спокойная и безмятежная.

Дэмьен прибавил шаг.

В этот момент котел взорвался. Струи горящего топлива пробились сквозь вентиляционную решетку в кабинет Уоррена. Огненная лава обрушилась на Анну, застывшую в samozабвенном исступлении. Женщина вскрикнула и... превратилась в пылающий факел.

Миссия Дэмьена на этот раз подходила к концу. Он быстро пересек холл. Везде оглу-

шительно завывала система аварийной сигнализации, сработавшая от пожара внизу.

И тогда наконец включилась система тушения пожара. Тело Анны окуталось облаками пара.

Слишком поздно.

Торжествуя в своем страшном исступлении, подобная демонической Жанне д'Арк, Анна подняла глаза и прокричала:

— Дэмьен! Дэмьен!! ДЭМБЕН!!!

У выхода из музея Дэмьен помедлил и оглянулся назад. Какое-то подобие грусти мелькнуло в его глазах. Затем он распахнул дверь и шагнул в ночь.

Перед ним, распростершись во всем своем великолепии, лежал Чикаго, ярко сверкавший на фоне ясного ночного неба.

Вдруг издалека раздались завывающие звуки сирен. Это спешили к зданию музея пожарные машины.

Внизу у входа ждал длинный черный лимузин. Мюррей, вытянувшись, как всегда, стоял справа возле открытой дверцы.

Дэмьен быстро сбежал по широким ступеням и нырнул на заднее сиденье автомобиля.

Там, удобно раскинувшись в темноте, сидели Поль Бухер и сержант Нефф. Оба удовлетворенно улыбались.

Дэмьен нажал на кнопку, и Мюррей завел мотор. Когда лимузин бесшумно заскользил в ночь, Дэмьен еще раз оглянулся на окна музея, уже почти целиком охваченного пламенем. Огненные сполохи отражались в автомобильных стеклах, они же мелькали на лице Дэмьена. В глазах его застыл восторг.

Дэмьен улыбался.

«Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. Инеудивительно; потому что сам сатана принимает вид ангела света». (Второе послание к коринфянам, 11:13.)

Содержание

Уильям Питер Блэтти

ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА

*Перевод с английского
А Ячменева, М Павловой, М Яковлевой*

5

Дэвид Зельцер

ЗНАМЕНИЕ

*Перевод с английского
А Ячменева и М Павловой*

259

Жозеф Ховард

ДЭМЬЕН

*Перевод с английского
М Яковлевой и В Волостниковой
под ред А Ячменева*

401

Блэтти У. П., Зельцер Д., Ховард Ж.

Б 71 Изгоняющий дьявола. Знамение. Дэмьен: Пер. с англ. / Сост. Т. В. Чичина; Ил. О. Мачаловой. — М.: Компания «Ключ-С», 1991. — 544 с., ил.

Тема бесовской одержимости, вмешательства дьявола в жизнь людей, всемогущей власти «князя мира» объединяет вошедшие в сборник повести.

То, что однажды начало происходить в доме киноактрисы Кристины Макнейл, не укладывалось в рамки здравого смысла. Тяжелая болезнь, поразившая ее единственную дочь Регану, убеждает мать, что произошло невероятное: в девочку вселился дьявол. Такова сюжетная фабула повести У. П. Блэтти «Изгоняющий дьявола».

Имевшие на Западе более чем шумный успех две другие повести Д. Зельцера «Знамение» и Ж. Ховарда «Дэмьен» объединены общими героями. Фантастическая мистика повестей перекликается с реальной опасностью зла, которое может захлестнуть мир.

За динамичными, захватывающими сюжетами произведений, предлагаемых в книге, стоит мысль о необходимости вселенской борьбы со злом во всех его проявлениях.

Б 4703040100 — без объявл.
080(02) — 91 без объявл.

84. 7 США

Литературно-художественное издание

Блэtti Уильям Питер
ИЗГОНЯЮЩИЙ ДЬЯВОЛА

Зельцер Дэвид
ЗНАМЕНИЕ

Ховард Жозеф
ДЭМЬЕН

Составитель
Чичина Тамара Васильевна

Редакторы
Т. В. Чичина, Н. В. Анашина

Оформление художника
Л. В. Брылева

Художественный редактор
Т. Н. Костерина

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 16.07.91. Подписано к печати 04.09.91. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56
Усл. кр.-отт. 28,98. Уч.-изд л. 31,14. Тираж 500 000 экз.
(5-й завод: 375 001-500 000). Заказ №5428 Цена договорная

Набор и фотоформы изготовлены в типографии издательства «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Самарский дом печати». 443086,
Самара, проспект Карла Маркса, 201.

